

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Том X

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению

ПЕТЕРБУРГ • 1919

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ И ПИСЕМЪ.

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ X

1859—1860 гг.

(№№ 1222—1530)

*Литературно-Издательскій Отдѣлъ
Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію*

Петроградъ. 1919.

От Комиссариата Народного Просвещения

Все сочинения А. И. Герцена монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Оглавленіе.

1859.

№№	СТР.
1222. Война	1
1223. Very dangerous!!!	11
**1224. ¹⁾ „Семь-Могиль“, злодѣй-помѣщикъ и губернаторъ-палачъ въ Кременчугскомъ уѣздѣ	23
**1225. Прощайте, Арсеній Андреевичъ!	—
*1226. Письмо къ М. Мейзенбугъ	24
1227. Предисловіе къ „Кто виноватъ?“	26
*1228. Письмо къ Е. Я. Колбасину	—
*1229. Письмо къ сыну	27
*1230. Письмо къ Е. Я. Колбасину	29
*1231. Письмо къ М. К. Рейхель	30
**1232. Старыя письма. (Дополненіе къ «Былому и думамъ»)	31
1233. Разговоръ съ дѣтьми	—
1235. I. Пустые страхи. Вымысли	32
**1234. [Отъ редакціи]	39
1235. На углу	—
1235 bis. Письмо къ И. С. Аксакову	42
**1236. [Смерть И. И. Пущина]	43
**1237. Еще о возведеніи пьянства въ православную и государственную обязанность	—
*1238. Письмо къ сыну	44
*1239. Письмо къ М. К. Рейхель	46
**1240. Печенѣги или не печенѣги?	48
**1241. [Старанія Тимашева]	49
*1242. Письмо къ сыну	50
*1243. Приписка къ сыну	52
**1244. Письмо къ А. А. Чумикову	—

¹⁾ *—означаетъ печатающееся здѣсь впервые; **—напечатанное гдѣ-нибудь раньше, но не вошедшее ни въ Женевское, ни въ С.-Петербургское (1906 г.) изданія; только ничѣмъ не отмѣченное вошло въ то и другое или въ одно изъ этихъ изданій.

№№		СТР.
*1245.	Письмо къ сыну	54
**1246.	1814—1859. Второе занятіе Парижа русскими	55
1247.	Выговоръ по службѣ	56
*1248.	Приписка къ М. К. Рейхель	60
**1249.	Надпись на альбомѣ Н. П. Огарева	
**1250.	[Къ „Very dangerous!!!“]	61
**1251.	„Подъ Судъ!“	—
*1252.	Письмо къ М. К. Рейхель	62
*1253.	Письмо къ Н. А. и Н. П. Огаревымъ	64
1254.	Миръ. (Вторая статья о войнѣ)	65
**1255.	Во Христѣ саперъ Игнатій	69
**1256.	Злодѣйства помѣщиковъ продолжаются	78
**1257.	[О вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ]	79
**1258.	[О кн. Леонѣ Радзивиллѣ]	—
**1259.	Письмо къ Н. П. Огареву	—
**1260.	Письмо къ М. А. Марковичъ	84
*1261.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
**1262.	[О гр. В. Н. Панинѣ]	85
**1263.	[Ссылка П. Н. Рыбникова]	—
**1264.	Письмо къ М. А. Марковичъ	—
*1265.	Письмо къ М. К. Рейхель	86
**1266.	Смерть или косушку!	—
1267.	Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе	
	Отрывокъ первый. Правительствующіе нѣмцы	87
	Отрывокъ второй. Доктринерствующіе нѣмцы	93
	Отрывокъ третій. Варіаціи	99
	Отрывокъ четвертый	107
	Отрывокъ пятый	114
**1268.	[Кн. А. Трубецкой]	126
**1269.	Письмо къ Н. П. Огареву	127
*1270.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
**1271.	Письмо къ М. А. Марковичъ	128
**1272.	Письмо къ Н. П. Огареву	129
**1273.	Письмо къ Н. П. и Н. А. Огаревымъ	131
*1274.	Письмо къ сыну	132
**1275.	Приписка къ Т. П. Пассекъ	—
**1276.	[Вниманію переводчиковъ]	133
**1277.	[О московскихъ профессорахъ]	—
*1278.	Письмо къ М. Мейзенбургъ	—
*1279.	Письмо къ сыну	134
**1280.	Синхедрионъ московскихъ университетскихъ фари- сеевъ	135
**1281.	[Адмиралы Мѣтлинъ и Бутаковъ]	142
**1282.	Опять и опять „pas de rêveries!“	—
*1283.	Письмо къ сыну	143

№№		СТР.
*1284.	Письмо къ М. К. Рейхель	144
*1285.	Письмо къ Ж. Мишле	146
**1286.	Письмо къ М. А. Марковичъ	147
*1287.	Письмо къ Ж. Мишле	148
**1288.	Графъ Строгановъ и Старицкій	149
**1289.	Черты изъ жизнеописанія одесскаго градоначальника барона Местмахера	—
**1290.	Тотъ же графъ Строгановъ, плачущій на гробъ съченаго Кандыбы	150
**1291.	[Виленское учебное начальство]	151
**1292.	[Пожертвованія]	—
*1293.	Письмо къ сыну	—
**1294.	Письмо къ Н. Н. Мазуренку	152
*1295.	Письмо къ Н. П. Огареву	153
*1296.	То же	154
*1297.	То же	157
**1298.	Письмо къ М. А. Марковичъ	158
*1299.	Письмо къ сыну	159
*1300.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
*1301.	Письмо къ сыну	161
**1302.	„Pas de rêveries!“ вѣдущее къ faux pas!	162
**1303.	[Приемъ въ университеты]	164
**1304.	Отъ Искандера	165
**1305.	Графъ Строгановъ, шпицрутены и штабсъ-капитанша Баранова	169
*1306.	Письмо къ сыну	170
**1307.	Правила для студентовъ московскаго университета	171
**1308.	О полковникѣ Таубе	179
**1309.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
**1310.	Письмо къ М. А. Марковичъ	180
*1311.	Письмо къ сыну	183
**1312.	Изъ письма къ Т. П. Пассекъ	—
1860.		
**1313.	1860	184
**1314.	Ай да Корфъ!	195
**1315.	Академія художествъ въ осадномъ и иконописномъ положеніи	—
*1316.	Письмо къ сыну	196
**1317.	Das Livländische Athen	197
**1318.	Вопросъ и отвѣтъ	198
**1319.	Чрезвычайное прибавленіе къ 61 листу „Колокола“	199
**1320.	Письмо къ М. А. Марковичъ	200
**1321.	Изъ письма къ Т. П. Пассекъ	—

№№	стр.
*1322. Письмо къ М. К. Рейхель	—
**1323. Письмо къ М. А. Марковичъ	201
**1324. Письмо къ И. С. Аксакову	202
**1325. „Изобличитель“	203
**1326. (Убитый помѣщикъ)	205
**1327. Изъ Москвы	206
**1328. В. Безобразовъ	—
**1329. Отъ редакціи	207
*1330. Письмо къ Н. Н. Мазуренку	—
*1331. Письмо къ М. К. Рейхель	208
*1332. Письмо къ сыну	209
*1333. То же	211
**1334. For gentlemen only	—
**1335. Ученыя извѣстія	—
**1336. Академикъ Басинъ	212
**1337. „Агрономическая Газета“	—
**1338. (Переходное положеніе)	—
**1339. [Къ управленію государственными имуществомъ]	213
**1340. („Przegląd Rzeczy Polskich“)	—
**1341. Письмо къ М. А. Марковичъ	214
*1342. Письмо къ Р. Гриффину и К ^о	—
*1343. Письмо къ сыну	217
**1344. Ростовцовъ и Строгановъ	218
**1345. Отъ редакціи	—
**1346. Опять розги	229
**1347. Россія защищаетъ линію Минчіо	—
**1348. Чрезвычайное прибавленіе	230
*1349. Письмо къ сыну	—
*1350. То же	231
*1351. Письмо къ г-жѣ Фогтъ	233
**1352. (В. Панинъ)	236
1353. Россія и Польша	—
Первое письмо	237
Второе письмо	250
**1354. (Лужинъ дерется)	261
**1355. Топильскій въ ненужномъ мѣстѣ	262
**1356. Еще о ретроградномъ архимандритѣ и не прогрессивномъ Озеровѣ, посланникѣ авинскомъ	—
**1357. Отъ издателей	263
*1358. Письмо къ сыну	264
*1359. Надпись для неизвѣстнаго	265
*1360. Письмо къ П.-Ж. Прудону	—
*1361. Письмо къ сыну	270
**1362. Набѣгъ нѣмецкихъ татаръ въ Тамбовскую губернію	—
**1363. Начало новыхъ гоненій въ Россіи	272

№№	СТР.
*1364. (Каченовскій)	272
**1365. (Дуэль въ Иркутскѣ)	—
*1366. Письмо къ сыну	273
*1367. Письмо къ М. К. Рейхель	274
*1368. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	275
**1369. Слово графа Виктора Панина къ депутатамъ	288
*1370. Письма изъ Россіи	289
**1371. Почта въ Россіи	293
**1372. (Лѣинскій архимандритъ)	294
*1373. Письмо къ М. К. Рейхель	—
*1374. Письмо къ Эмилиі Ривъ	295
*1375. Письмо къ сыну	296
**1376. Поправки, возраженія, оправданія	298
**1377. „La vérité sur la Russie“	300
**1378. Тайное явно	301
**1379. [Отъ редакціи]	302
*1380. Письмо къ Г. П. Данилевскому	—
*1381. Письмо къ сыну	—
*1382. То же	304
*1383. То же	—
*1384. Письмо къ Т. П. Пасекъ	306
*1384 bis. Письмо къ М. К. Рейхель	—
1385. „Библіотека“—дочь Сенковскаго	307
**1386. Новости изъ Россіи	313
**1387. Переходное состояніе	314
**1388. Тайный совѣтникъ въ квадратѣ	315
**1389. Лѣинскій архимандритъ, Работы и іеродіаконъ	—
**1390. (Revue Прудона)	316
**1391. Введеніе	—
*1392. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	320
*1393. Письмо къ И. С. Тургеневу	321
*1394. Письмо къ сыну	322
**1395. Письмо къ И. С. Тургеневу	323
*1396. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	—
*1397. То же	324
**1398. Письмо къ Н. М. Сатину	—
*1399. Письмо къ М. Мейзенбургъ	325
*1401. Письмо къ сыну	327
*1402. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	329
*1403. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*1404. Мухановъ, что не на Вислѣ	330
*1405. [„С.-Петербургскія Вѣдомости“]	—
**1406. (Тимашевъ и Дубельтъ)	—
*1407. Письмо къ М. К. Рейхель	331
*1408. Письмо къ Н. А. Герценъ	332
*1409. Письмо къ сыну	—

№№	СТР.
*1410. Письмо къ Н. М. Сатину	334
*1411. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*1412. Письмо къ М. К. Рейхель	336
*1413. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	—
**1414. Письмо къ И. С. Тургеневу	337
**1415. Августѣйшая благодарность за государственный разбой	338
**1416. [Отъ издателя]	339
**1417. Еврейскіе выборы въ Вильнѣ	340
**1418. Религіозное значеніе „Спб. Вѣдомостей“	—
**1419. Отъ издателя	342
**1420. Еще тайная полиція	343
**1421. Князь А. Ѳ. Голицынъ	—
**1422. (Русскіе матросы въ Виллафранкѣ)	344
**1423. [О Лужинѣ]	—
**1424. (Отъ издателей)	—
*1425. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*1426. [Изъ дневника]	346
*1427. Письмо къ сыну	350
*1428. Письмо къ М. К. Рейхель	351
*1429. Письмо къ Н. А. Огаревой	352
**1430. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
*1431. Письмо къ Н. А. Герценъ	353
*1432. То же	354
1433. Розги долой!	355
**1434. Побѣда, одержанная храбрымъ генераломъ Муха- новымъ, что на Вислѣ	357
**1435. [Отъ редакціи]	358
**1436. [Отъ редакціи]	360
*1437. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
**1438. Письмо къ М. А. Марковичъ	362
*1439. Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*1440. Письмо къ М. К. Рейхель	363
**1441. [Отъ редакціи]	364
**1442. Русская музыка въ Лондонѣ	365
**1443. Самодержавный либерализмъ	366
**1444. А. С. Хомяковъ и Австрія	—
**1445. (Увѣдомленіе)	367
*1446. Письмо къ Н. А. Герценъ	368
*1447. То же	—
**1448. Письмо къ И. С. Тургеневу	369
*1449. Письмо къ дѣтямъ	370
*1450. Письмо къ М. К. Рейхель	370
**1451. Письмо къ М. А. Марковичъ	371
**1452. Грязь и Лужинъ	372

№№	СТР.	
**1453.	Законоучитель Полисадовъ и его мѣры распро- страненія „Колокола“	372
**1454.	Письмо къ генераль-адъютанту Зиновьеву	373
**1455.	Офицерское ёрничество на Тверскомъ бульварѣ	374
**1456.	Отъ издателей	375
1457.	«Записки» И. В. Лопухина	376
*1458.	Письмо къ М. К. Рейхель	380
*1459.	Письмо къ сыну и старшей дочери	381
*1460.	Письмо къ М. К. Рейхель	382
*1461.	Письмо къ Н. А. Герценъ	—
*1462.	Письмо къ С. Тхоржевскому	383
*1463.	Письмо къ сыну и старшей дочери	—
**1464.	Письмо къ А. П. Туманской	384
**1465.	Письмо къ М. А. Марковичъ	—
**1466.	[Отъ редакціи]	385
**1467.	[Отъ редакціи]	—
**1468.	Rapiniana	386
*1469.	Письмо къ М. К. Рейхель	—
*1470.	То же	387
*1471.	То же	—
**1472.	Генераль-кулачный боецъ и дѣтскій кисель	388
**1473.	Пальто Меншикова и рубаха Муравьева-Вѣша- теля	—
**1474.	Пугачевъ и Сухозанеть	389
**1475.	Неприкосновенность великокняжескихъ камерди- неровъ	—
**1476.	Шалунъ Мухановъ	390
**1477.	Просьба отъ издателей	—
**1478.	Отчетъ	—
**1479.	Отвѣтъ	391
**1480.	Графъ Закревскій и герцогъ саксенъ-веймарскій	—
**1481.	Письмо къ М. А. Марковичъ	—
**1482.	Послѣдній ударъ!	392
**1483.	Бого-мокрицы и бого-саранча	394
**1484.	Crab and Lobster	400
**1485.	Эй ты, фельетонистъ!	—
**1486.	(Тихоцкій)	401
**1487.	(Замятнинъ)	—
**1488.	Тиранство сибирскаго Муравьева	—
*1489.	Письмо къ М. К. Рейхель	411
*1490.	Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	412
1491.	Лишніе люди и желчевики	413
**1492.	Вольное русское книгопечатаніе за границей	428

№№	СТР.
**1493. Александръ Второй Наполеону Третьему—четыре лошади!	429
*1494. Письмо къ сыну	—
*1495. То же	430
**1496. Письмо къ И. С. Тургеневу	432
**1497. Сербы и черногорцы	434
**1498. [О Лужинѣ]	438
**1499. Полицейскіе маскарады Игнатьева	439
**1500. Домъ, примчавшійся къ Минѣ Ивановнѣ на почтовыхъ	440
**1501. Самодержавная демонстрація	441
**1502. А. С. Хомяковъ	—
**1503. Письмо къ И. С. Тургеневу	442
*1504. Письмо къ сыну	—
*1505. То же	443
**1506. Письмо къ И. С. Тургеневу	—
*1507. Письмо къ сыну	445
**1508. Письмо къ И. С. Тургеневу	451
**1509. (Es reiten drei Reiter)	452
**1510. Потоцкій, Закревскій, Ильинскій	456
**1511. Полтава и Стокгольмъ	—
**1512. (Радъ стараться!)	—
**1513. Русскіе генералы Герштенцвейгъ и Сиверсъ и русскій помѣщикъ Гутцейтъ	457
**1514. (Паспорта)	—
*1515. Письмо къ сыну и Н. А. Огаревой	—
**1516. Письмо къ И. С. Тургеневу	470
*1517. Письмо къ М. К. Рейхель	472
*1518. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	473
**1519. Письмо къ М. А. Марковичъ	—
**1520. Почтовые, почтенные и иные шпіоны	474
**1521. Игнатьевскія маски	—
**1522. Константинъ Николаевичъ за линьки	—
**1523. Терроръ въ Польшѣ	475
**1524. (Ковалевскій)	—
**1525. Г. Глушковъ	476
*1526. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову	—
**1527. Письмо къ И. С. Тургеневу	477
*1528. Письмо къ сыну	478
*1529. Письмо къ С. Тхоржевскому	479
1530. [Предисловіе]	482
Библиографическій комментарий	484
Опечатки	496

1222. Война.

(Статья первая).

...Je suis outré de l'appui que prête l'Allemagne à cette honteuse Autriche, à cette «Capua der Geister», *concordee*. Je prêche l'exclusion de toute province non-allemande; l'union plus étroite nationale, l'abandon de l'Autriche — pour rendre la main libre, non seulement à l'Italie, mais aussi à la Hongrie et aux provinces slaves. Cher ami, vous avez dit avec raison, que le bonapartisme c'est la mort; mais souvenez vous que l'Autriche c'est *la damnation éternelle*, et que ce n'est qu'en détruisant cette dernière que vous enlevez à la mort sa terreur en la réduisant au rang d'un simple accident ¹⁾.

Charles Vogt.

(Письмо къ издателю «Колокола», 3 апрѣля 1859 г.) †

...Австрія — не народъ, Австрія — полицейская мѣра, сводная администрація, она ни къ чему живому не примыкаетъ, не покоится на себя; безъ частей ея нѣтъ, это — величайшій историческій призракъ, который когда-либо существовалъ. Тутъ все ложь Римская имперія — въ Германіи. Германская имперія — состоящая преимущественно изъ славянъ, итальянцевъ, мадьяръ. Избирательное правительство, переходящее по наследству. Связь нѣсколькихъ народностей, основанная на пере-

¹⁾ ...Меня возмущаетъ опора, которую Германія даетъ этой постыдной *конкордированной* Австріи, «этой Капуѣ умовъ». Я проповѣдую исключение всякой не-нѣмецкой области изъ нѣмецкой конфедераціи, болѣе тѣсное національное соединеніе и предоставленіе Австріи своимъ судьбамъ, чтобы не только Италія, но и Венгрія и славянскія провинціи могли освободиться. Любезный другъ, вы справедливо сказали, что *бонапартизмъ — смерть*... но вспомните, что Австрія — *вѣчная мука*... и что только, уничтожая ее, вы отнимите у смерти ея ужасъ и сведете ее на степень простаго случая».

А. И. Г.

крестномъ отвращеніи другъ отъ друга. Тутъ нѣтъ ничего органическаго: отнимите Ломбардію справа и придайте слѣва Молдо-Валахію—и такъ хорошо Отнимите Галицію и прибавьте Сербію—и это не дурно, die Staats Kanzley пойдетъ своимъ порядкомъ. Имперія австрійская не имѣетъ никакой будущности; когда ее *отмянутъ*, тогда только люди настоящимъ образомъ удивятся, какъ могла существовать такая нелѣпость, сшита изъ лоскутковъ конгрессамъ и упроченная глубокими дипломатическими соображеніями. Имперія, необходимая для равновѣсія *нѣкогда*, чтобъ перетягивать папу, *теперь*, чтобъ папу не перетянули. Оплоть Европы противъ исламизма, спасающей Турцію отъ Россіи. Мнимая представительница германскаго единства, ненавидимая всей Германіей и защищающая Рейнь «на По и на Адигѣ» славянской и венгерской кровью противъ Италіи. Это какой-то сонъ больного горячкой!

«Колоколь», листъ 34.

I.

Мы не рады войнѣ, намъ противны всякаго рода убійства — оптомъ и въ разбивку; тѣ, за которыя вѣшаютъ, и тѣ, за которыя даютъ кресты; намъ жаль всякую кровь, потому что крови веселѣе течь въ жилахъ, чѣмъ по травѣ и по песку; намъ всего больше жаль австрійскую кровь, которая будетъ литься за неправое дѣло, и, сверхъ того, изъ - подъ палки. Дикие еще образованные народы и недалеко ушли отъ временъ Нимврода и Сезостриса, если не могутъ иначе рѣшать дѣла, какъ дубиной и пращюю.

Сверхъ того, мы не рады войнѣ, какъ русскіе: война остановитъ внутреннюю работу, усилитъ снова управленіе шпорами и снова истощитъ силы бѣднаго народа, не давъ ему взамѣнъ ничего, кромѣ множества калѣкъ и нѣсколькихъ лубочныхъ картинъ, представляющихъ генераловъ, лошадей, трупъ и дымъ.

Но вѣрные нашему реализму. *мы принимаемъ войну за фактъ* и нисколько не намѣрены терять время, чувствительно и бесполезно разглагольствуя о всеобщемъ мирѣ, тоскуя о вселенскомъ братствѣ въ виду двухъ арій, которыя, быть можетъ, теперь рѣжутся.

Еще меньше будемъ мы отыскивать справедливы ли причины войны, достаточны онѣ или нѣтъ, кто виноватъ и кто правъ. Вѣроятно, никто не смѣшиваетъ *предлош* войны, les à propos, съ ея настоящими причинами. Развѣ кто-нибудь вѣрилъ, что Крымская война дѣлалась въ пользу Турціи, или развѣ есть люди, настолько нишіе пониманіемъ, что и взаправду думаютъ, что Наполеонъ ночи не спитъ, а все кручинится о томъ, что Италія не свободна?

Кто юридически правъ въ этой войнѣ, можетъ, и можно бы доискаться по Гроцію.¹⁾ и по другимъ, но это очень неинтересно и совершенно бесполезно.

Теперешняя война, послѣ десятилѣтняго натянутого состоянія, въ продолженіе котораго зло входило внутрь и подтачивало организмъ европейскій, имѣетъ ту же причину, по которой когда-то Везувій затопилъ расплавленнымъ камнемъ цѣлые города, т. е. излишнее накопленіе горючихъ веществъ, праздныхъ силъ. Наполеонъ—случайная искра, она должна или потухнуть, или сжечь что-нибудь; сколько загорится и сколько сгоритъ, онъ не отвѣчаетъ; въ Крымскую войну пожаръ былъ невеликъ, искра стала тухнуть, но вотъ она подожгла Италію...

Для того, чтобъ предвидѣть, что выгоритъ и что останется, надобно знать, *насколько* грудь здорова, насколько кровь жива у европейскихъ народовъ. «Здоровому все здорово!» говорятъ русскіе; дѣйствительно, въ хорошей крови многое перерабатается, въ дурной—оно разовьется въ ракъ, въ туберкулы...

Крымская война имѣла цѣлью повредить Россіи, но только ей и принесла пользу. Веревки, которыми мы были связаны по рукамъ и по ногамъ, ослабли, перетерлись во время войны, испуганный тюремщикъ самъ померъ. Осадой Севастополя началось освобожденіе крестьянъ, призывъ къ оружію былъ призывомъ къ мысли, и Россія съ тѣхъ поръ идетъ мощно впередъ по широкой дорогѣ, несмотря на всѣ черепки и битыя бутылки въ родѣ Панина, Орлова, Муравьева, оставленные у ней подъ ногами упрямствомъ и небрежностью шоссейнаго зрителя, несмотря на дворянскія комитетскія лужи и бакалдины, ни на ложные маяки доктринеровъ.

Если война завяжется, то мы можемъ смѣло сказать: Европа не возвратится на ту *мель*, съ которой война ее стащитъ и на которой она застряла съ 1849 года. Это уже само по себѣ чрезвычайно важно, и вотъ гдѣ причина, по которой Англія, единственная страна рациональнаго консерватизма, готова сдѣлать все, чтобы отвратить эту войну. Ей, какъ она сложилась, всякое быстрое движеніе вредно.

Но куда пойдутъ эти міры, снятые съ якоря? Мы думаемъ, что романскій міръ одолѣетъ сводную, разношерстную Австрію... Что же будетъ съ побѣжденнымъ, что будетъ съ побѣдителемъ?

Во-первыхъ, для побѣдителя будутъ предстоять тѣ же два пути на другой день послѣ побѣды, какъ наканунѣ войны.

Побѣдоносный и обнищавый, покрытый славою и солдатами, романскій міръ можетъ послѣ войны замереть подъ сѣнью всепогло-

¹⁾ Гуго, знаменитый голланд. юристъ, авторъ книги «О правѣ войны и мира».

щающаго самодержавія, личность человѣческая и ея права пропадутъ окончательно, государство сдѣлается цѣлью всего; римское, античное начало это, вооруженное телеграфами, желѣзными дорогами, опертое на страшныя средства бюрократіи, полиціи и безчисленнаго постояннаго войска, сосредоточить всю жизнь, всю энергію въ правительствѣ, въ цезарѣ, и однообразное существованіе галлороманской державы съ своими сестрами и родными обезпечится на вѣка и вѣка.

Можетъ случиться и другое, можетъ, франкское начало, разбуженное войною, также подниметь голову; можетъ, Италія, ненавидящая централизацию, однообразность формъ, гуртовой гнетъ, иначе пойметъ свое освобожденіе. Она теперь, при самомъ началѣ, перевела *войну* на революцію. Гарибальди начальствуетъ легіонерами, тосканскій герцогъ въ бѣгахъ, Уллоа¹⁾ чуть не на его мѣстѣ. Если Италія увлечетъ Францію, если Франція послѣ войны, хоть о инъ годъ, будетъ въ состояніи вытерпѣть свободныя учрежденія, не дѣлая генерала Макъ-Магона или генерала Бурбаки²⁾ императоромъ, тогда, можетъ быть, начнется на древней почвѣ великихъ воспоминаній, между Средиземнымъ моремъ и Атлантикой, третья эпоха событій, и исторія не сдѣлаетъ географической измѣны.

То ли будетъ, или другое, намъ кажется, что не въ этомъ ближайшая задача теперешняго положенія дѣлъ, и не въ этомъ главный результатъ войны.

Первую роль, поневолѣ, надо уступить Австріи. Весь вопросъ состоитъ въ томъ: вгонится-ли, наконецъ, эта *германская* имперія въ границы *нѣмецкаго* государства, или нѣтъ? Растворятся ли, наконецъ, двери этой полуразсѣвшей и покачнувшейся *бастиліи народовъ*, готовыхъ ринуться впередъ, или старая дипломатія оставитъ подшибленнаго коршуна, изгнаннаго изъ Ломбардіи, заѣдать чудныя земли отъ Адриатики до Дуная?

Если послѣднее будетъ, кровь лилась напрасно, и Европа снова, какъ въ 1848 году, дастъ доказательство своей неспособности, исполнѣ совершить что-нибудь.

Если же Австрія уничтожится, какъ *сводное* государство, то тогда какія бы судьбы романскаго міра ни были, *мы встѣми парусами входимъ въ новую эпоху*. И если, въ самомъ дѣлѣ, міръ великаго прошедшаго, послѣ двухъ-тысячелѣтнихъ дѣятельностей, усталъ, то чѣмъ можетъ онъ доблестнѣе завершить свою длинную жизнь, какъ не открывая для исторіи новыя, непочатыя пажити, оттертыя отъ свѣта и всякаго развитія игомъ бесплоднымъ и иноплѣменнымъ.

¹⁾ (Ulloa) Жироламо, итальянскій генераль.

²⁾ Шарль-Дени, франц. маршаль.

II.

Нѣмецкіе публицисты выдумали для австрійской имперіи всемірно-историческое призваніе: оно, видите, именно состоитъ въ образованіи полу-дикаю юю востока Европы. Но какое значеніе имѣетъ австрійская цивилизація, и что она сдѣлала, кромѣ того, что ввела ту же полицію и тѣ же наказанія во всѣ страны? Ну, если не въ политическомъ, то въ торговомъ, въ экономическомъ отношеніи?... Королевско-имперская цивилизація состоитъ въ постоянномъ гнетѣ всего народнаго и въ *онгъмечиваніи*. Но ни итальянцы, ни мадьяры, ни славяне не хотятъ вовсе образоваться въ нѣмцевъ. Между ними и нѣмцами лежитъ та *incompatibilité d'humour* ¹⁾, по которой разводять мужа съ женою. Мы знаемъ, что значить насильно образовывать, это—одна изъ гибельнѣйшихъ идей, въ силу которой бездушная дрессировкѣ и фельдфебельской выправкѣ дается видъ благодѣянія: Маленькихъ дѣтей не гоняютъ больше въ школу розгой.

Замѣчательная вещь, что вообще германскій міръ, школьный и ученый по преимуществу,—очень плохой образователь подавленныхъ имъ народовъ. Стоитъ взглянуть на эстовъ и леттовъ ²⁾ въ остзейскихъ провинціяхъ, чтобъ убѣдиться въ этомъ; особенно, если ихъ сравнить съ финнами, бывшими въ соприкосновеніи не съ нѣмцами, а со шведами.

Какъ Австрія спеціально образовывала, мы знаемъ по Богеміи. Она употребила два столѣтія на систематическое забиваніе всего независимаго и національнаго въ этомъ народѣ; она соверщала тамъ злодѣйства, передъ которыми блѣднѣютъ дѣла протестантской Англіи въ Ирландіи,—казни, конфискаціи, гоненія продолжались поколѣнія подъ руководствомъ іезуитовъ и бюрократовъ, въ распоряженіи которыхъ состояла развратная, наемная, скотски-свирѣпая солдатеска, хранившая въ памяти преданіе валленштейновскихъ временъ и тридцатилѣтняго разбоя. Вѣшали, стѣкли, морили въ тюрьмѣ, жгли людей, жгли книги, грабили, выселяли и дошли до того, что аристократическая помѣсь и часть мѣщанъ сдѣлались нѣмцами, а народъ остался чешскимъ; и въ первую минуту, какъ потерявшійся палачъ приподнялъ свою руку и далъ жѣртвѣ немного вздохнуть, въ началѣ нашего вѣка, явилась цѣлая чешская литература.

¹⁾ Несходство характеровъ.

²⁾ Letten—латыши.

Про Италію говорить нечего. Сами нѣмцы согласны, что Ломбардія образованнѣе нѣмецкой Австріи. Нѣкоторые изъ нихъ признають даже, что Ломбардія имѣеть право отказаться отъ отеческаго воспитанія Австріи. Они все нашего брата варяра-славянина, мадьяра норовять Австріей выдѣлать въ вѣнцевъ.

Но что же приняли, на примѣръ, отъ австрійцевъ мадьяры? Я въ мірѣ не знаю ничего противоположнѣе нѣмцамъ, какъ мадьяры съ ихъ полудикой разметистой волей, къ которой такъ идетъ ихъ отвага, съ этой жизнію въ лѣсахъ, съ ихъ бурными и независимыми комитетами. Это какое-то кованое племя, до того упругое, что самъ Меттернихъ не могъ никогда его сломить. И когда Венгрія возстала, Австрія дышала на ладонь и совѣмъ перестала бы дышать, если-бъ не *преступная* рука Николая. Николай, помогая Австріи, измѣнилъ столько же Россіи, сколько Гергей, помогая ему, измѣнялъ Венгріи.

Или не въ Галиціи-ли, можетъ, въ Иллиріи, въ Далмаціи особенно успѣшно привился германизмъ?..

Ничего подобнаго, напротивъ,—международныя распри, на примѣръ, между мадьярами и славянами, стали съ 1848 года стираться передъ ненавистью къ *общему отечеству*. Пока Австрія льстила ограниченнымъ сторонамъ народностей и раздувала ихъ непріязнь, ссоры оставались; но когда она принялась послѣ революціи подводить всѣхъ подъ одинъ знаменатель, убѣдившись, что иной разъ не сладишь съ національностями и что не всегда народное пробужденіе ограничится филологическими изслѣдованіями, тогда народы поняли, гдѣ ихъ настоящій врагъ.

Печальная судьба пала на долю Австріи: она послѣ Гогенштауфеновъ не имѣла ни красныхъ дней, ни благородныхъ воспоминаній, а при Гогенштауфенахъ она не была тѣмъ, чѣмъ теперь. Зловѣщая династія Габсбурговъ является какой-то карой людямъ за ихъ стремленіе къ независимости; она постоянно противодѣйствуетъ всему человѣческому—старымъ вольностямъ и новой свободѣ, постоянно усмиряетъ, подавляетъ, моритъ. Въ имперскомъ устройствѣ ея соединяется все мрачно инквизиторское, ядовитое и злое испанскаго католицизма со скупой алчностью, съ кастратскимъ безстрастіемъ клерикальнаго управленія, съ наглою дерзостью нѣмецкаго риттера и съ холоднымъ капральствомъ казарменной дисциплины. Умственное движеніе никогда не было настолько сильно въ этой странѣ, чтобъ получить себѣ права; у ней нѣтъ литературы. Вѣна только извѣстна своей кухней и обжорствомъ, нѣсколько знаменитыхъ ученыхъ—или славяне или иностранцы, во всемъ чисто австрійскомъ что-то бездарное, лишенное поэзи.

Гдѣ свѣтлыя воспоминанія этого края? Годы его пущей силы—годы плача и стenanій для народовъ, какъ въ царствованіе Карла V, этого бревна, брошеннаго на дорогѣ чelовѣчества, отъ котораго срутъ живые остатки прежней Европы и блекнутъ новые всходы.

Или эти свѣтлые дни были при Юсифѣ II? Но онъ былъ окруженъ одной ненавистью разбуженныхъ имъ галокъ и летучихъ мышей. Или въ дни *побѣды* надъ Наполеономъ, когда, избитая и окровавленная съ обѣихъ сторонъ, Австрія входила, въ видѣ длинной фигуры своего Франца, въ Парижъ, и на другой день послѣ побѣды принялась за полицейскія слѣдствія, которыми и занималась тихо до 1848 года и отъ 1848? Военные суды, тайные суды, палки, цѣпи, двадцать лѣтъ, пятнадцать лѣтъ, десять лѣтъ *carcere duro*¹⁾. И они находятъ, что это цивилизація?

Быть можетъ, въ тѣ отдаленныя времена, когда турки были опасны, когда весь юго-востокъ Европы бродилъ въ неустроенномъ состояніи, открытый нападениамъ и не имѣлъ опоры, можетъ, тогда и была какая-нибудь польза отъ этого желѣзнаго обруча, набитаго на нѣсколько народовъ; хотя и тутъ надобно замѣтить, что Польша и Венгрія спасли Вѣну отъ турокъ, а не *Вѣна ихъ*. Но время это *прошло*, а въ исторіи самое *смертное* преступленіе—быть несовременнымъ. Главная вина Австріи не въ вѣковыхъ злодѣянїяхъ ея,—мало-ли что было въ прошедшей жизни каждаго народа,—главная вина ея въ томъ, что *она мѣшаетъ*. Уголовный судъ исторіи не совпадаетъ съ нашимъ, это не морально справедливый судъ, а *физиологически вѣрный*. Скорлупа, насильственно удерживающая части отъ распаденія, становится *ненужной*, потомъ вредной, она можетъ задушить зародышъ, а потому ее слѣдуетъ разбить клювомъ изнутри или ударомъ снаружи.

Австрія заживаетъ чужой вѣкъ, за это въ исторіи смерть, если то, чему она мѣшаетъ, достойно жить и имѣетъ силы.

Исторія не убиваетъ, какъ нѣкогда камчадалы, за одну старость, она оставляетъ и Китай, и Японію. Но если-бъ внутри небесной имперіи бились живыя силы, которымъ бы было тѣсно и которыя сами по себѣ были бы здоровы и мощны, онѣ давнымъ давно подорвали бы мандаринскую табель о рангахъ, несмотря на то, что китайское устройство гораздо умнѣе и сообразнѣе нравамъ своей страны, чѣмъ австрійское *иностранцамъ*, составляющимъ это *отечество поневолю!*

Неспособность мадяръ и славянъ онѣмечиться, ихъ неспособность къ извѣстнымъ государственнымъ формамъ, къ извѣст-

¹⁾ Жестокаго тюремнаго заключенія.

ному канцелярскому порядку вовсе не доказываетъ ни ихъ дикость, ни дѣйствительную неспособность ихъ. Это—одна изъ старческихъ ошибокъ западныхъ народовъ; они думаютъ, что имѣютъ монополію историческаго бытія и единоспасающую форму образованія. Все самобытное и независимое кажется имъ варварскимъ или крамольнымъ, все новое обижаетъ ихъ, какъ нелѣпость; къ тому же они до такой степени привыкли думать и разсуждать по своимъ шаблонамъ, что они не понимаютъ ничего не подходящаго подъ нихъ. Въ той *неспособности* славянъ, въ которой нѣмцы видятъ низшую, неразвившуюся *до нихъ* натуру, мы видимъ залогъ нашего *будущаго развитія!*

Ни славяне, ни мадьяры не составляютъ ни сателлитовъ, ни даже попутчиковъ германскому міру. Славяне, это—*идущая* часть человечества, вступающая въ исторію. Мадьяры составляютъ какую-то самобытную случайность, они имѣютъ столько же правъ на независимость, сколько Швейцарія, сколько Греція, сколько Молдо-Валахія.

Разноплеменность въ вольномъ союзѣ, въ конфедераціи ничего не значитъ; тессинецъ, гризонъ считаютъ себя гражданами единой и кантональной республики, точно такъ, какъ житель Апенцеля или Лозанны.

Стоитъ взглянуть на карту, чтобъ понять, что отъ Балканъ до Адриатики готовъ звенья обширной конфедераціи съ славными берегами, съ естественными границами и съ плодороднѣйшей почвой. Австрійскій кордонъ стоитъ плотной между ними и Европой, не давъ имъ *ринуться* впередъ, ни свѣту проникать къ нимъ.

III.

...Но ринувшись изъ старой Бастилии, какъ бы народы ни попались въ *новый острогъ*. Въ Европѣ не одинъ двуглавый орелъ, а два, и перемѣна австрійскаго одуряющаго самовластья на прусско-монгольской царизмъ—не находка.

Объ этомъ-то мы и хотимъ поговорить.

Россія находится теперь въ одномъ изъ тѣхъ кризисовъ развитія, изъ котораго организмъ выходитъ разомъ сложившись или доказавъ свою неспособность. Я наше время для Россіи считаю столько же важнымъ, какъ эпоху Петра I. Если слѣпые и глупые не хотятъ понять, что за вопросъ поднять теперь въ Россіи, и смѣшиваютъ признаніе *права человека на землю* съ личнымъ освобожденіемъ отъ помѣщичьей власти,— пусть остаются при своей темной водѣ въ глазахъ.

Съ того дня, какъ Александръ II призналъ основой освобожденія крестьянъ ихъ право на землю, онъ еще разъ переломилъ исторію и пошелъ новымъ путемъ. Если онъ и Россія пойдутъ имъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, ей будетъ принадлежать первое мѣсто въ союзѣ славянскихъ народовъ. Но для того, чтобъ занять это мѣсто, ей окончательно надобно понять себя *русской* не въ противоположность общечеловѣческому, а въ различіе съ старо-европейскимъ.

У Россіи *своя* Австрія и тѣмъ больше опасная, что она внутри. Пока правительство останется при своемъ иностранномъ взглядѣ, до тѣхъ поръ и мы останемся въ томъ положеніи, въ которомъ крестьянскіе мальчишки остаются у нѣмцевъ-мастеровъ въ ученіи, т.-е. будемъ носить ушаты, не смѣть отвѣчать хозяину и пр. Да вотъ бѣда: мы какъ-то выросли и хозяина въ грошъ не ставимъ. Это — *неблагодарность!*

Нѣтъ, это ростъ. Когда-то и мнѣ былъ полезенъ нѣмецъ-дядька, однако, теперь онъ мнѣ не много бы помогъ.

Отказаться отъ привычной традиціи правительству не легко. Это — тотъ переходъ изъ состоянія двороваго челоуѣка въ крестьянство, который такъ страшно оскорбляетъ камердинеровъ и горничныхъ. А сдѣлать его надобно. До тѣхъ поръ не къ чему и звать сосѣдей.

Если Россія, продолжая свою иностранную политику, вздумаетъ воспользоваться паденіемъ Австріи и *приобрѣсть* себѣ какіе-нибудь новые улусы, она усугубитъ ненависть другихъ странъ новымъ землекрадствомъ, и народы ничего не выиграютъ, перемѣнивъ ошейникъ. Конечно, не отъ насъ они услышатъ приглашеніе; намъ не легче будетъ, если отъ тупости Панина и сквернаго управленія вѣшающаго Муравьева будутъ страдать другіе.

Но мы имѣемъ залогъ, что правительство *чуветъ* необходимость переродиться; подождемъ, чѣмъ кончатся его начинанія.

Первый актъ возмущенія противъ западно-историческаго ига сдѣланъ *образомъ постановленія* вопроса объ освобожденіи крестьянъ; тутъ правительство сорвалось съ битой западной колѣи, взявъ въ основу *нелѣпость* общиннаго владѣнія и *предразсудокъ* освобожденія *съ землей*. Надобно, чтобъ правительство нашло мужество независимости передъ порицаніемъ *мудрыхъ міра сею*, такъ, какъ его имѣлъ апостоль Павелъ, сознаваясь, что его *истина* — сумасбродство для эллиновъ.

Пусть же Александръ II найдетъ въ себѣ силы невозвратнымъ актомъ разорваться съ петровскимъ преданіемъ, такъ, какъ Петръ — съ московскимъ, и заявитъ передъ всѣмъ свѣтомъ, что Россія кон-

чила свою военную службу, что она не хочетъ быть *завоевывающей* имперіей съ нѣмецкимъ устройствомъ, а славянскимъ государствомъ и *мирной главой* новаго союза.

Для этого надобно перешагнуть черезъ многіе и многіе предрасудки, надобно умѣть принести на жертву будущему настоящую выгоду и общую пользу славянскаго міра поставить выше интереса прусскихъ сродниковъ.

Судьба, совѣсть указываютъ, что надобно сдѣлать: надобно *возстановить Польшу!* Это было бы разомъ актомъ великаго покаянія и актомъ великой государственной мудрости. Съ той минуты, когда изъ варшанской цитадели, осѣненной польскимъ знаменемъ, выйдетъ послѣдній русскій солдатъ, Галиція и Познань будутъ съ ней, и кровавое преступленіе двухъ нѣмцевъ и одной нѣмки сотрется съ имени русскаго.

У исторіи своя месть. Терзая Польшу, отнимая у ней то ключья земли, то торжественно данные законы, то языкъ, то дѣтей, то взрослыхъ, вырастивъ на польскихъ жертвахъ и слезахъ цѣлое поколѣніе злодѣевъ и доносчиковъ, правительство спутало руки и ноги не ей, а себѣ, приковавъ себя преступной солидарностью къ Австріи и Пруссіи.

Пусть же Россія покается! Пусть возстановитъ Польшу съ ея законами, съ ея войскомъ, съ тѣмъ управленіемъ, которое она хочетъ.

«Да какъ же это сдѣлать? какъ же вдругъ освободить цѣлую страну, за покореніе которой пролиты рѣки крови?»

По старому государственному кодексу, невозможно, — мы съ этимъ согласны. Да, вѣдь, руководствуясь имъ, нельзя было вызвать безъ крайности вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного состоянія, за упроченіе котораго тысячи были убиты гуртомъ и тысячи засѣчены по мелочи помѣщиками!

...Разумъ не *одинъ*, ихъ *два*. Разумъ міра *садящаяся*, *вечерняя* не совпадаетъ съ разумомъ міра *восходящая*, *утренняя!*

◆◆ 1. Кáрль Фортъ выпустилъ брошюру «*Studien zur gegenwärtigen Lage Europa's*» ¹⁾, въ которой высказалъ свой взглядъ на итальянскій вопросъ и при томъ такъ, что Н. Г. Чернышевскій находилъ, что «этотъ нѣмецъ смотритъ на дѣло съ такимъ безпристрастнымъ благородствомъ, лучше котораго ничего нельзя представить благоудному челоуѣку ни въ Россіи, ни во Франціи, ни въ самой Италіи. Его горячность къ дѣлу освобожденія Италіи

¹⁾ «Этюдъ о современномъ положеніи Европы».

простирается до того, что онъ даже осуждаетъ ту итальянскую партію, принципы которой ближе всего подходятъ къ его собственному. Она не вѣрить союзникамъ; онъ, убѣждая своихъ соотечественниковъ не помогать противникамъ союзниковъ, выставляетъ ее въ дурномъ свѣтѣ, лишь бы усилить въ своихъ читателяхъ впечатлѣніе, что они не должны мѣшать изгнанію австрійцевъ изъ Италіи сардинцами и ихъ союзниками» («Современникъ» 1859, VI, стр. 440). Противъ Фогта Карлъ Марксъ выпустилъ памфлетъ «Господинъ Фогтъ», находя, что авторъ заслуживалъ такого же порицанія, какъ и всѣ тѣ, кто держался мало- или велико-германской политики. Поднялась полемика. Ф. Мерингъ категорически утверждаетъ, что Фогтъ былъ подкупленъ французскимъ золотомъ, «какъ это доказали расписки, найденныя впослѣдствіи въ Тюльери» («Исторія германской социаль-демократіи», II, 300, изд. Гранатъ). Во всякомъ случаѣ ни Герценъ, ни Чернышевскій объ этихъ распискахъ не знали.

1223. Very dangerous!!! ¹⁾

Въ послѣднее время въ нашемъ журнализмѣ стало повѣвать какой-то тлетворной струей, какимъ-то *развратомъ* мысли; мы ихъ вовсе не принимаемъ за выраженіе общественнаго мнѣнія, а за наитіе *направительнаго* и *назидательнаго* цензурнаго триумвирата ²⁾.

Чистымъ литераторамъ, людямъ звуковъ и формъ, надоѣло гражданское направленіе нашей литературы, ихъ стало оскорблять, что такъ много пишутъ о взяткахъ и гласности и такъ мало «*Обломовыхъ*» и антологическихъ стихотвореній. Если-бъ только единственный «Обломовъ» не былъ такъ непроходимо скучонъ, то еще это мнѣніе можно бы было имъ отпустить. Люди не виноваты, когда не имѣютъ сочувствія къ жизни, которая возлѣ нихъ ломится, рвется впередъ и, сознавая свое страшное положеніе, начинаетъ, положимъ, нескладно, говорить объ немъ, но, все-таки, говорить. Мы видѣли въ Германіи всякихъ Жанъ-Полей, которые въ виду революцій и реакцій исходили млѣніемъ, составляли лексиконы или сочиняли фантастическія повѣсти.

Но вотъ шагъ дальше.

Журналы, сдѣлавшіе себѣ пьедесталь изъ благородныхъ негодованій и чуть не ремесло изъ мрачныхъ сочувствій со страждущими, катаются со смѣху надъ *обличительной* литературой, надъ

¹⁾ Очень опасно.

²⁾ Рѣчь идетъ о «Bureau de la presse», о которомъ сказано въ IX томѣ.

неудачными опытами *гласности*. И это не то, чтобъ случайно, но при большемъ театрѣ ¹⁾ ставятъ особые балаганчики ²⁾ для освистыванія первыхъ опытовъ свободнаго слова литературы, у которой еще не заросли волосы на полголовѣ, такъ она недавно сидѣла въ острогѣ.

Когда товарищи Поэріо ³⁾, встрѣченные тысячами и тысячами англичанъ при вѣздѣ въ Лондонъ, не знали, что имъ сказать; и, наконецъ, просили простить ихъ нескладную благодарность, говоря, что они отвыкли вообще отъ человѣческой рѣчи въ десятилѣтнихъ оковахъ, народъ не хохоталъ имъ въ отвѣтъ, и «Пушъ», смѣющийся надо всѣмъ на свѣтѣ, надъ королевой и парламентомъ, не сдѣлалъ каррикатуры.

Смѣхъ есть вещь судорожная, и на первую минуту челоуѣкъ смѣется всему смѣшному, но бываетъ вторая минута, въ которой онъ краснѣетъ и презираетъ и свой смѣхъ, и того, кто его вызвалъ. Всего генія Гейне чуть хватило, чтобъ покрыть двѣ-три отвратительныя шутки надъ умершимъ Бёрне, надъ Платеномъ и надъ одной живой дамой. На время публика отшарахнулась отъ него, и онъ помирился съ нею только своимъ необычайнымъ талантомъ.

Безъ сомнѣнія, смѣхъ—одно изъ самыхъ мощныхъ орудіи разрушенія; смѣхъ Вольтера билъ и жегъ, какъ моянія. Отъ смѣха падаютъ идолы, падаютъ вѣнки и оклады, и чудотворная икона дѣлается почернѣлой и дурно нарисованной картинкой. Съ этой революцiонной, нивелирующей силой, смѣхъ страшно популяренъ и прилипчивъ; начавшись въ скромномъ кабинетѣ, онъ идетъ расширяющимися кругами до предѣловъ грамотности. Употреблять такое орудіе не противъ нелѣпой цензурной троицы, въ которой Тимашевъ представляетъ Св Духъ, а ея трезубцемъ—значить участвовать съ ней въ отравленіи мысли.

Мы сами очень хорошо видѣли промахи и ошибки обличительной литературы, неловкость первой гласности; но что же тутъ удивительнаго, что люди, которыхъ всю жизнь грабили кварталные, судьи, губернаторы, слишкомъ много говорятъ объ этомъ теперь? Они еще больше молчали объ этомъ!

Давно ли у насъ вкусъ такъ избаловался, утончился? Мы безропотно выносили десять лѣтъ болтовню о всѣхъ петербургскихъ камеліяхъ и аспазіяхъ, которыя, во-первыхъ, во всемъ мірѣ

¹⁾ «Современникъ».

²⁾ Отдѣлъ «Свистокъ».

³⁾ Шарль, баронъ, неаполитанскій политическій дѣятель.

похожи другъ на друга, какъ родныя сестры, а, во-вторыхъ, имѣютъ то общее свойство съ котлетами, что ими можно иногда наслаждаться, но говорить объ нихъ совершенно нечего.

«Да зачѣмъ же обличительные литераторы дурно рассказываютъ? зачѣмъ ихъ повѣсти похожи на дѣло?» Это можетъ относиться къ лицамъ, а не къ направленію. Тотъ, кто дурно и скучно передаетъ слезы крестьянина, неистовство помѣщика и воровство полиціи, тотъ, будьте увѣрены, еще хуже расскажетъ, какъ златокудрая дѣва, зачерпнувши воды въ бассейнъ, облилась, а черноокой юноша, видя быстротекущую влагу, жалѣлъ, что она не течетъ по его сердцу.

Въ «обличительной литературѣ» были превосходныя вещи. Вы воображаете, что всѣ рассказы Щедрина и нѣкоторые другіе такъ и можно теперь гуломъ бросить съ «Обломовымъ» на шею въ воду? Слишкомъ роскошничаете, господа!

Вамъ оттого не жаль этихъ статей, что міръ, о которомъ онѣ пишутъ, чуждъ вамъ; онъ васъ интересовалъ только потому, что объ немъ запрещали писать. Столичныя растенія, вы вытянулись между Грязной и Мойкой, за городской чертой для васъ начинаются чужіе края. Суровая картина какого-нибудь «Перевоза»¹⁾ съ телѣгами въ грязи, съ разоренными мужиками, смотрящими съ отчаяніемъ на паромъ и ждущими день и другой, и третій, — васъ не можетъ столько занять, какъ длинная Одиссея какой-нибудь полвзаглухой, ледящейся натуры, которая тянется, соловѣетъ, рассыпается въ однѣ бессмысленныя подробности. Вы готовы сидѣть за микроскопомъ и разбирать этотъ гной (лишь бы не съ патологической цѣлью, — это противно чистотѣ искусства, искусство должно быть бесполезно, иногда можетъ быть немного вредно, но подлая утилитарность его убиваетъ), — это возбуждаетъ вамъ нервы. Мы, совсѣмъ напротивъ, безъ зѣвоты и отвращенія не можемъ слѣдить за фізіологическими описаніями какихъ-то невскихъ мокрицъ, пережившихъ тотъ героическій періодъ свой, въ которомъ ихъ предки — чего нѣтъ — были Онѣгины и Печорины.

И, сверхъ того, Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражая дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней руской жизни. Печальный рокъ лишняго, потеряннаго человека только потому, что онъ развился въ *человѣка*, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостиныхъ, въ деревняхъ и городахъ. Наши литературные фланкеры послѣдняго набора шпыняютъ теперь надъ этими слабыми мечтате-

¹⁾ «У перевоза», рассказъ Н. И. Наумова въ «Военномъ Сборникѣ».

лями, сломавшимися безъ боя, надъ этими праздными людьми, не умѣвшими найтись въ той средѣ, въ которой жили. Жаль, что они не договариваются, — я самъ думаю, если-бъ Онѣгинъ и Печоринъ могли, какъ многіе, приладиться къ николаевской эпохѣ, Онѣгинъ былъ бы Викторъ Никитичъ Панинъ, а Печоринъ не пропалъ бы по пути въ Персію, а самъ управлялъ бы, какъ Клейнмихель, путями сообщенія и мѣшалъ бы строить желѣзныя дороги.

Но время Онѣгиныхъ и Печоринныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь, напротивъ, къ этимъ огромнымъ запашкамъ рукъ недостаетъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тѣтъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человекъ, свищъ или лѣнтяй. И оттого, очень естественно, Онѣгины и Печорины дѣлаются Обломовыми.

Общественное мнѣніе, баловавшее Онѣгиныхъ и Печоринныхъ, потому что чуяло въ нихъ *свои страданія*, отвернется отъ Обломовыхъ.

Это сушій вздоръ, что у насъ нѣтъ общественнаго мнѣнія, какъ говорилъ недавно одинъ ученый публицистъ, *доказывая, что у насъ гласность не нужна*, потому что нѣтъ общественнаго мнѣнія, а общественнаго мнѣнія нѣтъ, потому что нѣтъ *буржуазіи!*

У насъ общественное мнѣніе показало и свой тактъ, и свои симпатіи, и свою неумолимую строгость даже во времена общественнаго молчанія. Откуда этотъ шумъ о чаадаевскомъ письмѣ, отчего этотъ фуроръ отъ «Ревизора» и «Мертвыхъ душъ», отъ рассказовъ *Охотника*, отъ статей Бѣлинскаго, отъ лекцій Грановскаго? И, съ другой стороны, какъ оно зло опрокидывалось на свои идолы за гражданскія измѣны или шаткости. Гоголь умеръ отъ его приговора. Самъ Пушкинъ испыталъ, что значитъ взять аккордъ въ похвалу Николаю. Литераторы наши скорѣе прощали дионирамбы безчеловѣчному казарменному деспоту, чѣмъ публика; у нихъ совѣсть притупилась отъ изошренія эстетическаго нѣба!

Примѣръ Сенковскаго еще поразительнѣе. Что онъ взялъ со всѣмъ своимъ остроуміемъ, семитическими языками, семью литературами, бойкой памятью, рѣзкимъ изложеніемъ?... Сначала — ракеты, искры, трескъ, бенгальскіи огонь, свистки, шумъ, веселый тонъ, развязный смѣхъ привлекли всѣхъ къ его журналу, — посмотрѣли, посмотрѣли, поохотали и разошлись мало-по-малу по домамъ. Сенковскій былъ забытъ, какъ бываетъ забытъ на Оминой недѣлѣ какой-нибудь покрытый блестящими акробатъ, занимавшій на Святой отъ мала до велика весь городъ, въ балаганѣ котораго не было мѣста, у дверей котораго была давка...

Чего ему не доставало? А вотъ того, что было въ такомъ изыткѣ у Бѣлинскаго, у Грановскаго, — того вѣчно тревожащаго

демона любви и негодованія, котораго видно въ слезахъ и смѣхѣ. Ему не доставало такого убѣжденія, которое было бы *дьяломъ* его жизни, *картой*, на которой все поставлено, — страсть, болью. Въ словахъ, идущихъ отъ такого убѣжденія, остается доля магнетическаго демонизма, подъ которымъ работаль говорящей, оттого рѣчи его беспокоятъ, тревожатъ, будятъ.., становятся силой, мощью и двигаютъ иногда цѣлыми поколѣніями...

Но мы далеки отъ того, чтобъ и Сенковскаго осуждать условно, онъ оправдывается той свинцовой эпохой, въ которой онъ жилъ. Онъ могъ сдѣлаться холоднымъ скептикомъ, равнодушнымъ *blasé*, смѣющимся добру и злу и ничему не вѣрующимъ, точно такъ, какъ другіе выбрали себѣ темя, сдѣлались иезуитскими попами и повѣрили всему на свѣтѣ... Это было все бѣгство отъ Николая, — какъ же тогда было не бѣжать? Мы не прощаемъ только тѣхъ, которые бѣжали въ III Отдѣленіе.

Что же похожего на то время, когда балагурничаль Сенковский подъ именемъ Брамбеуса, съ нашимъ временемъ? Тогда *нельзя* было ничего дѣлать; имѣй себѣ геній Пестеля и умъ Муравьева, — веревки, на которыхъ Николай вѣшалъ, были крѣпче. Возможность мучениковъ, какъ Канарскій, какъ Воловичъ, была, и только. Теперь все вездѣ зоветъ живого человѣка, все въ починѣ, въ возникновеніи, и если ничего не сдѣлается, въ этомъ никто не виноватъ: ни Александръ II, ни его цензурный терцетъ, ни кварталный вашего квартала, ни другіе сильные міра сего, — виной будетъ ваша слабость, пеняйте на себя, на ложное направленіе и имѣйте самоотверженіе сознать себя выморочнымъ поколѣніемъ, переходнымъ, тѣмъ самымъ, которое воспѣлъ Лермонтовъ съ такой страшной истиной!..

Вотъ потому-то въ такое время пустое балагурство скучно, неумѣстно; но оно дѣлается отвратительно и гадко, когда при-вѣшиваетъ свои ослиные бубенчики не къ той тройкѣ изъ царскихъ конюшенъ, которая называется: Адлербергъ, Тимашевъ и Мухановъ, а къ той, которая, въ поту и выбиваясь изъ силъ, вытаскивается — можетъ, иной разъ, оступаясь — нашу телѣгу изъ грязи!

Не лучше ли въ сто разъ, господа, вмѣсто освистываній, неловкихъ опытовъ, вывести на торную дорогу, самимъ на дѣлѣ помочь и показать, какъ надо пользоваться гласностью?

Мало ли на что вамъ есть точить желчь, — отъ цензурной тройцы до покровительства кабаковъ, отъ плантаторскихъ комитетовъ до полицейскихъ побоевъ. Истощая свой смѣхъ на обличительную литературу, милые паяцы наши забываютъ, что по этой скользкой дорогѣ можно *досвистаться* не только до Булгарина и Греча, но (чего, боже, сохрани) и до *Станислава на шею!*

Можетъ, они объ этомъ и не думали,—пусть подумаютъ теперя!

◆ 1. Чтобы понять значеніе этой статьи, надо помнить, что въ 1859 году, до ея написанія, Герценъ подолгу бесѣдовалъ съ М. И. Михайловымъ и Н. В. Шелгуновымъ, а во внутреннюю жизнь и организацію новаго «Современника» былъ достаточно хорошо введенъ А. Н. Пыпинымъ, родственникомъ Чернышевскаго, и др. Ясно, слѣдовательно, что не незнаніе, не непониманіе программы нарождавшагся политическаго радикализма было причиной появленія этой статьи. Наоборотъ, Герценъ былъ вполне въ курсѣ этого новаго русскаго теченія, которое раздѣляли первые двое изъ названныхъ выше его гостей. Прочтя «Свистокъ» № 2 (въ апрѣльской книжкѣ «Современника»), написанный Добролюбовымъ, и его же статью «Что такое обломовщина?» въ майской книжкѣ, онъ не могъ не понять ихъ истинный смыслъ. Нѣкоторые полагаютъ, что Герценъ не зналъ, какой скрытый смыслъ заключался въ этихъ сочиненіяхъ Добролюбова; что онъ былъ введенъ въ заблужденіе не сочувствовавшими «Современнику» Тургеневымъ (ср. Головачева-Панаева) и Кавелинымъ (Г. Плехановъ, «Н. Г. Чернышевскій», 57), но это совершенно невѣрно: Тургеневъ пріѣхалъ въ Лондонъ спустя нѣсколько дней послѣ выхода № 44 «Колокола», а Кавелинъ—цѣлыхъ два мѣсяца. Такимъ образомъ приходится думать, что въ глазахъ Герцена его собственная статья была отнюдь не ошибкой и безтактностью, не выпадомъ по непонятымъ «своимъ», а обдуман-нымъ—по «чужимъ».

Но я далекъ, однако, отъ мысли, что она была продиктована исключительно безнадежностью взгляда Добролюбова на поколѣніе, лучшимъ представителемъ котораго былъ именно Герценъ. Послѣдній не былъ мелочно самолюбивъ, а какъ писатель, умѣлъ сдерживать свои обиды, когда считалъ это нужнымъ. Для меня ясно, что прозорливецъ общественной и политической конъюктуры, Герценъ, именно благодаря бесѣдамъ съ Михайловымъ и Шелгуновымъ, понималъ, что «Современникъ», въ мѣру предоставленной ему свободы слова, вступалъ на путь радикализма, съ которымъ путь Герцена не совпадалъ.

Впечатлѣніе, произведенное статьей на Добролюбова, можно видѣть въ записи его дневника, найденной мною въ сенатскомъ архивѣ, въ дѣлѣ о Чернышевскомъ.

Привожу ее полностью:

«5 го іюня. Сегодня, въ три часа утра Некрасовъ, воротясь изъ клуба, сообщилъ мнѣ, что Искандеръ въ «Колоколъ» напечаталъ

статью противъ «Совр.» за то, что въ немъ предается поруганію священное имя гласности. Въ статьѣ есть будто бы намекъ на то, что «Совр.» подкупленъ триумвирнымъ бюро. Если это правда, то Герценъ—человѣкъ—вовсе не серьезный: такъ легкомысленно судить о людяхъ въ печати ужасно дико. Но чѣмъ болѣе думаю я объ этомъ извѣстїи, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что Некрасову только такъ показалось и что въ сущности намекъ этого нѣтъ. Нужно поскорѣй достать «Кол.» и прочесть статью, а затѣмъ рѣшиться, что дѣлать. Во всякомъ случаѣ нужно писать къ Герцену письмо съ объясненіемъ дѣла. Меня сегодня цѣлый день преслѣдовала мысль объ этомъ и мнѣ все было какъ-то неловко: какъ будто у меня въ карманѣ нашлись чужія деньги, Богъ знаетъ, какъ туда попали... Однако, хороши наши передовые люди! Успѣли ужъ пришибить въ себѣ чутье, которымъ прежде чуяли призывъ къ революціи, гдѣ бы онъ ни слышался и въ какихъ бы формахъ ни являлся. Теперь ужъ у нихъ на умѣ мирный прогрессъ при инициативѣ сверху, подъ покровомъ законности!. Я лично не очень убить неблаговоленіемъ Герцена, съ которымъ могу помѣряться, если на то пойдетъ; но Некрасовъ обезпокоенъ, говоря, что это обстоятельство свяжетъ намъ руки, такъ какъ значеніе Герцена для лучшей части нашего общества очень сильно. Въ особенности намекъ на бюро оскорбляетъ его, такъ что онъ чуть не рѣшается ѣхать въ Лондонъ для объясненій, говоря, что этакое дѣло можетъ кончиться и дуэлью. Ничего этого я не понимаю и не одобряю, но необходимость объясненія самъ чувствую и для этого готовъ былъ бы самъ ѣхать. Дѣйствительно, если намекъ есть, чтобы Герценъ печатно же отъ него отказался и взялъ назадъ свои слова. Но мнѣ все кажется, что вся эта исторія—чистѣйшій вздоръ, какое-нибудь недоразумѣніе. Сегодня сказалъ И. М.—у (Сорокинъ, докторъ, прїятель Чернышевскаго и Добролюбова—*М. Л.*) объ этой исторїи: смѣется и отзывается неуважительно о всемъ «Колоколѣ», попрекая имъ Герцена. Увѣряетъ, что молодые люди понимаютъ тенденціи Герцена и имъ сочувствуютъ. Я самъ тоже думаю, да только много-ли проку отъ этого? С. Н. Ѳ. (Ѳедоровъ, сотрудникъ «Современника»—*М. Л.*) получилъ письмо съ водянистыми выраженїями сочувствїя, да отъ Бордюгова довольно горячее письмо,—вотъ и все пока. А здѣсь настоящее сочувствїе только и нашелъ въ Чернышевскомъ, О. (вѣроятно или І. Огрызко, или Н. Н. Обручевъ, потомъ извѣстный генераль—*М. Л.*) да С. (Сорокинъ, вѣроятно—*М. Л.*) Есть, правда, еще Н. (?), Ст. (?), Д. (вѣроятно, офицеръ генеральнаго штаба Добровольскій—*М. Л.*),—да кто ихъ знаетъ, что они за люди... Во всякомъ случаѣ мало насъ; если и семеро,—то составляемъ одну

милліонную часть русскаго народонаселенія. Но я убѣжденъ, что насъ скоро прибѣдетъ».

М. А. Антоновичъ говорилъ мнѣ, что «еслибы сильный и неожиданный ударъ грома разразился надъ головою Добролюбова, то онъ такъ не поразилъ бы и не потрясъ его, какъ статья «Колокола».

Богучарскій утверждалъ, что Добролюбовъ написалъ Герцену отвѣтъ, по содержанію своему имѣющей очень большое общественное значеніе («Изъ прошлаго русскаго общества», 253). Такое письмо до сихъ поръ никому неизвѣстно, не зналъ о немъ ничего болѣе точнаго и самъ Богучарскій, нѣтъ его и въ архивѣ семьи Герцена. Фактъ отправки письма утверждаетъ и А. А. Серно-Соловьевичъ: «позвольте посовѣтовать вамъ прочесть письмо Добролюбова къ вамъ по этому поводу; оно лучше, чѣмъ что-нибудь, должно освѣжить въ вашей памяти давно забытыя воспоминанія и показать вамъ, какъ уже тогда, когда многое еще не выяснилось, когда вы были во всей силѣ своихъ словоизверженій, относились къ вамъ эти люди» («Наши домашнія дѣла», 1867, стр. 29). Иначе представляется дѣло по указанію г. Батуринаго. «По нѣкоторымъ свѣдѣніямъ,—говоритъ онъ,—Герценъ видался и съ Добролюбовымъ и былъ съ нимъ въ перепискѣ, во время пребыванія Добролюбова въ Италіи» (стр. 103).

Ни оспаривать, ни подтверждать это,—особенно переписку—у меня нѣтъ основаній. Остается надѣяться на будущее, которое можетъ неожиданно подарить литературу документами за или противъ сказаннаго тремя процитированными мною лицами.

Но категорически извѣстно, что въ Лондонѣ ѣздилъ Чернышевскій. Объ этой статьѣ редакція «Современника» узнала только 5-го іюня ст. ст., что ясно изъ записи Добролюбова. 9-го, во вторникъ Некрасовъ писалъ В. И. Панаеву о выдачѣ денегъ Чернышевскому на поѣздку за границу, куда онъ отправлялся «завтра», т. е. 10-го іюня. Въ конторскихъ книгахъ «Современника» остался слѣдъ отъ выдачи Чернышевскому денегъ на поѣздку (всѣ эти документы получены мною отъ біографа Некрасова—г. Евгеньева). Точное содержаніе бесѣды Чернышевскаго съ Герценомъ и пр., остается недостаточно выясненнымъ.

Такъ, Н. А. Огарева рассказываетъ дѣло слѣдующимъ образомъ:

«До посѣщенія Чернышевскаго кто-то (не помню, именно кто) пріѣзжалъ отъ него изъ Россіи съ запросомъ къ Герцену; вотъ въ чемъ состоялъ этотъ запросъ: если изданіе «Современника» будетъ запрещено въ Россіи, чего ожидали тогда, согласенъ ли будетъ Герценъ печатать «Современникъ» въ Вольной русской

типографіи въ Лондонѣ? На это предложеніе Герценъ былъ безусловно согласенъ. Тогда Чернышевскій рѣшился ѣхать самъ въ Лондонъ для личныхъ переговоровъ съ Александромъ Ивановичемъ.

«Какъ теперь вижу этого человѣка. Я шла въ садъ черезъ залъ, неся на рукахъ свою маленькую дочь, которой было немного болѣе года; Чернышевскій ходилъ по залъ съ А. И.; послѣдній остановилъ меня и познакомилъ съ своимъ собесѣдникомъ. Чернышевскій былъ средняго роста, лицо его было некрасиво, черты неправильны, но выраженіе лица, эта особенная красота некрасивыхъ, было замѣчательно, исполнено кроткой задумчивости, въ которой свѣтились самоотверженіе и покорность судьбѣ. Онъ погладилъ ребенка по головѣ и проговорилъ тихо: «У меня тоже есть такіе, но я почти никогда ихъ не вижу».

«Кажется, Герценъ и Чернышевскій видѣлись не болѣе двухъ разъ. Герцену думалось, что въ Чернышевскомъ недостаетъ откровенности, что онъ не высказывается вполне; эта мысль помѣшала ихъ сближенію, хотя они понимали обоюдную силу, обоюдное вліяніе на русское общество... Вѣсти, привезенныя Чернышевскимъ, были не утѣшительны, исполнены печальныхъ ожиданій. Насчетъ изданія «Современника» они столковались въ нѣсколько словъ: Чернышевскій обѣщалъ, если нужно будетъ, высылать рукописи и деньги, нужныя на бумагу и печать; корректуру должны были держать Герценъ и Огаревъ» (стр. 163—164).

Вотъ все, что могла сказать о такомъ важномъ посѣщеніи Огарева... Анализируя ея разсказъ, прежде всего приходится замѣтить, что въ іюль 1859 г., когда Ч. былъ у Герцена, Лизѣ не было еще и году; во-вторыхъ, врядъ ли они могли говорить объ изданіи «Современника» послѣ статьи Герцена. Огарева спутала; этотъ вопросъ, какъ увидимъ дальше, поднимался позже, въ 1862 г., но и тогда Чернышевскій велъ его не лично, а черезъ Н. А. Серно-Соловьевича. Если къ этому добавить разсказъ, напечатанный при жизни Огаревой и ею не опровергнутый, о томъ, какъ, передавая о пребываніи Чернышевскаго у Герцена, она сказала, что онъ «прискакалъ въ Лондонъ, узнавъ, что Г. недоволенъ одной статьей» и «при свиданіи поцѣловалъ его въ плечо, что произвело на послѣдняго неприятное впечатлѣніе» («Наблюдатель» 1901, IX, 266), — то вообще станетъ ясно, что во всемъ ея свидѣльствѣ достоверно только утверженіе голаго факта приѣзда Чернышевскаго.

Впечатлѣніе, произведенное Чернышевскимъ на Герцена, видно изъ передачи Ге: «онъ его не полюбилъ; ему показался онъ неискреннимъ, себѣ на умѣ, какъ онъ выразился» («Сѣв. Вѣстникъ» 1894, III, 240).

Самъ Чернышевскій, какъ и Герценъ, не оставилъ намъ никакихъ слѣдовъ собственнаго впечатлѣнія, и наиболѣе полную передачу его разсказа сдѣлалъ С. Стахевичъ. Онъ твердо помнитъ, что, по разсказамъ самого Николая Гавриловича, сущность разговора двухъ писателей свелась къ тому, что Чернышевскій напалъ на Герцена за чисто обличительный характеръ «Колокола», повторяя такимъ образомъ то же, что постоянно говорилъ и Добролюбовъ о русской журналистикѣ: «Еслибы наше правительство,—говорилъ Герцену представитель нарождавшейся радикальной Россіи,—было чуточку поумнѣе, оно благодарило бы васъ за ваши обличенія; эти обличенія даютъ ему возможность держать своихъ агентовъ въ уздѣ, въ нѣсколько приличномъ видѣ, оставляя въ то же время государственный строй неприкосновеннымъ. А суть-то дѣла именно въ строѣ, а не въ агентахъ. Вамъ слѣдовало бы выставить опредѣленную политическую программу, скажемъ—конституціонную или республиканскую, или социалистическую,—и затѣмъ всякое обличеніе являлось бы подтвержденіемъ основныхъ требованій вашей программы; вы неустанно повторяли бы свое «Ceterum censeo, Carthaginem esse delendam»¹⁾ («Закаспійское Обозрѣніе» 1905, № 143).

А. А. Серно-Соловьевичъ говоритъ въ уже цитированной брошюрѣ: «Вспомните также, сколько разъ вы говорили и писали моему брату, чтобы онъ постарался помирить васъ съ Черн. во имя такъ называемаго общаго дѣла» (стр. 29). Если это такъ, то несомнѣнно, что поѣздка кончилась далеко не къ сглаженію въ отношеніяхъ представителей двухъ разныхъ группъ русскаго общества.

Впоследствии я еще буду имѣть случаи указывать на эти отношенія.

Почти въ то же время, какъ Герценъ писалъ эту свою статью, Огаревъ писалъ «Памяти художника» для V кн. «Полярной Звѣзды», въ которой показалъ себя совершенно солидарнымъ въ этомъ вопросе съ своимъ другомъ. Вотъ что онъ говоритъ въ ней:

«Русскіе литераторы сердятся на обличительныя сочиненія и находятъ, что послѣ ихъ *удушливаго наплыва* и *зловонныхъ паровъ* литература посвѣжѣла посредствомъ повѣстей, лишенныхъ общественнаго содержанія²⁾. Вотъ видите ли: обличительныя сочиненія могли быть не довольно талантливы, но сердиться на нихъ нельзя: у нихъ былъ свой благородный источникъ и своя благородная цѣль.

¹⁾ «А я, все-таки, думаю, что Карагенъ долженъ быть разрушенъ».

²⁾ Мы не знаемъ, почему комедія Островскаго причислена сюда же критикомъ,—въ ней живое общественное содержаніе.—Н. П. О.

Они могли быть дѣтскими попытками общественныхъ стремлений выразиться въ изящной литературѣ, какъ джоттовское религиозное воззрѣніе пыталось выразиться въ живописи; въ нихъ могли быть ошибки и промахи, неумѣнье найти сродную форму для содержанія,—но судить ихъ нельзя по абстрактной теоріи «искусства ради искусства», ихъ можно судить только съ точки зрѣнія живой общественной дѣятельности, и тогда въ нихъ найдется не *удушившій наплывъ зловонныхъ паровъ*, а благородная попытка вырваться изъ гнилого болота съ зловонными парами, въ которомъ такъ долго купалась русская жизнь и въ которомъ еще теперь подъ исходъ топчется русская критика, съ уваженіемъ глядя, какъ авторъ—не негодуя, а любясь—выводитъ тряпичныхъ героевъ съ ихъ тряпичными страданьями. Но какъ бы ни ошибались люди обличительной литературы, умѣйте же уважить въ нихъ голосъ, который послѣ долгаго молчанія заговорилъ о нашихъ страданьяхъ, и не зловонныхъ паровъ ищите въ немъ, а перваго лепета возникающей гласности. Показывайте имъ ихъ промахи, незрѣлость мысли, нестройность формы, но рукоплещите ихъ начинанію, если у васъ въ жилахъ человѣческая кровь, но не проповѣдуйте реакціи. Провозглашать *блѣютворную реакцію, совершающуюся дружно, послѣдовательно и энергично*,—реакцію, которая хочетъ выбросить изъ изящной литературы общественное страданіе и общественный интересъ, ярко пробивающійся въ современной жизни, провозглашать такую реакцію—значить проповѣдовать вообще реакцію; въ прошлое царствованіе за это дали бы владимирскій крестъ. И вы проповѣдуете реакцію, потому что вы схоластики, потому что живые интересы для васъ недоступны, потому что въ васъ нѣтъ гражданскаго чутья, а слѣдовательно, и общечеловѣческаго. Вы—во время возникновенія гражданской жизни—хотите уединиться на картонный пьедесталь вашей маленькой премудрости или затвориться въ монастырь мнимой художественности, чтобы спасти вашу крошечную, эгоистическую душу отъ дѣятельности міра сего, и думаете, что вы плаваете въ сферѣ изящнаго? Но не забудьте, что изящное по натурѣ своей благородно, а благородство и состоитъ въ сочувствіи лица къ общей жизни. Ну, да богъ съ вами!

«Къ юношамъ обращаюсь я, которымъ теперь предстоитъ взойти на поприще литературы. Пусть они не вѣрятъ золотушному равнодушію, пусть смѣло вносятъ въ искусство и общественныя страданія и всѣ элементы живой общественной жизни,—и долой съ русскаго слова *пыльный шквалъ* нѣмецкой схоластики, долой крохотное самонаслажденіе за угломъ—въ общественной жизни» (стр. 247—249).

Читателю будетъ небезынтересна небольшая справка о томъ, каковы же были отношенія молодыхъ вождей русскаго политическаго радикализма къ Герцену до появленія «Very dangerous».

Въ 1855 г. Добролюбовъ читаетъ изданіе Герцена и раздѣляетъ съ товарищами отношеніе къ нему, какъ къ человѣку выдающемуся. Въ 1856 г. онъ увлеченъ имъ и настолько, что Чернышевскій, не желая огорчать молодого друга, не высказывается вполнѣ о своей несолидарности съ лондонскимъ писателемъ, но считаетъ, однако, возможнымъ, не будучи не искреннимъ, сказать, что «высоко цѣнить его блестящій талантъ, что собственно по блеску таланта въ Европѣ нѣтъ публициста, равнаго Герцену» (Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова», 231, 319). Въ январѣ 1857 г., читая книжку «Полярной Звѣзды», Добролюбовъ просидѣлъ за нею съ вечера до утра, не оторвавшись, несмотря на оживленную вокругъ бесѣду товарищей. «Закрывъ книгу, не скоро еще заснулъ я... Много тяжелыхъ, грустныхъ, но гордыхъ мыслей бродило въ головѣ... Въ половинѣ 10-го я проснулся совершенно свѣжимъ и бодрымъ и, напившись чаю, поговоривши, полюбовавшись еще разъ на портретъ Искандера, сѣлъ за работу» («Юбилейный сборникъ Литерат. Фонда», 308). Въ сентябрѣ 1858 г. Добролюбовъ называетъ Герцена одному изъ товарищей «нашимъ общимъ любимцемъ изъ Вятки» (Матеріалы etc., 464).

Въ декабрѣ 1858 г. Добролюбовъ, говоря о предыдущемъ поколѣннн, на которое онъ вообще не возлагалъ никакихъ надеждъ, обращая ихъ всѣ на молодежь, однако, замѣтилъ: «Разумѣтся, были и есть въ этомъ поколѣннн люди, которые вовсе не подходятъ подъ общую норму, нами указанную. Таковъ былъ Бѣлинскій; таковы были еще пять-шесть человѣкъ, умѣвшихъ довести въ себѣ отвлеченный философскій принципъ до реальной жизненности и истинной, глубокой страстности. Это — люди высшаго разбора, предъ которыми съ изумленіемъ преклонится всякое поколѣннн. Кромѣ ихъ, были и другіе сильные люди, умѣвшіе на всю жизнь сократить «святое недовольство» и рѣшившіеся продолжать свою борьбу съ обстоятельствами до истощенія послѣднихъ силъ. Эти люди почерпнули жизненный опытъ въ своей непрерывной борьбѣ и умѣли его переработать силою своей мысли; поэтому они всегда стояли въ уровень съ событіями, и какъ только явилась имъ опять возможность дѣйствовать, они радушно и вполнѣ сознательно подали руку молодому поколѣннн. Они доселѣ сохранили свѣжесть и молодость силъ, доселѣ остались людьми будущаго и даже гораздо больше, нежели многіе изъ дѣйствительно молодыхъ людей нашего времени («Первое полное собраніе сочиненій», II, 827—828). Ясно, что здѣсь говорится о Герценѣ и Огаревѣ.

Послѣ этого, уже въ 1859 г. Добролюбовъ сталъ отходить въ сторону радикальной политической платформы.

Принципіальное расхожденіе съ Герценомъ на политической почвѣ у Чернышевскаго было немного раньше, въ срединѣ 1858 года.

1224. „Семь-Могиль“, злодѣй-помѣщикъ и губернаторъ-палачъ въ Кременчугскомъ уѣздѣ.

Мы получили письмо, сообщающее намъ слѣдующее отвратительное преступленіе отеческаго управленія помѣщиковъ и злоупотребленія власти губернскаго начальства. И неужели все это остается безнаказаннымъ — и *Вреде*, который засѣкалъ крестьянъ по воскресеньямъ солеными розгами (*Колоколъ, листъ 6*) и эротическій помѣщикъ Орловской губерніи *Гутцейтъ* (*Колоколъ, листъ 38*), насилловавшій двѣнадцатилѣтнихъ дѣтей, и пр.?

Да хоть бы Ростовцовъ, наконецъ, вступился въ это — когда у другихъ вымерло всякое человѣческое чувство.

И какъ же теперь, совершая радикальную перемѣну, не оградить закономъ крестьянъ отъ послѣднихъ отчаянныхъ посягательствъ на грабежъ и притѣсненія со стороны *благороднаго* дворянства, которое *большинствомъ* своимъ дало мѣру своего *благодства*? ¹⁾

1225. Прощайте, Арсеній Андреевичъ!

Die ganze Kraft dem Volke weihend,
Am Ende doch hinausgeworfen seyend!*)

Всего забавнѣе, что Закревскій палъ, какъ говорятъ, за свое частное, семейное дѣло, не имѣющее высокой государственной важности, но, все-таки, хорошо, что онъ палъ ²⁾... Графъ С. Г. Строгановъ имѣетъ много хорошихъ качествъ, и его попечительство до 1848 года не забудется въ московскомъ университетѣ. Теперь легче быть человѣкомъ и генераль-губернаторомъ, чѣмъ было въ прошлое царствованіе... Пусть же Строгановъ беретъ себѣ въ примѣръ М. С. Воронцова, даже князя Дм. Вл. Голицына, но только не своего новороссійскаго брата. Крутить и ципать усы, хмурить

¹⁾ Дальше идетъ письмо, рассказывающее о происшедшемъ въ селѣ „Семь-Могиль“.

²⁾ Эпиграмма короля Людвига Баварскаго: «Къ портрету Меттерниха», (см. стр. 233 т. VIII).

³⁾ Съ его вѣдома, дочь его гр. Нессельроде при жизни мужа вышла замужъ за кн. Друцкого.

брови, представлять изъ себя бенгальскаго тигра въ генераль-адъютантскихъ эполетахъ, давать отрывистые отвѣты, дѣлать грубыя замѣчанія,—все это *suprême mauvais genre* ¹⁾ и, если можно себѣ позволить это въ Херсонесѣ Таврическомъ; *то рѣшительно* невозможно на Тверской въ Москвѣ

Мы никогда не могли понять, отчего у насъ люди, получившіе воспитаніе, становятся отвратительно грубы на службѣ? Кажется, чего ужъ аристократичѣе англійской аристократіи,—она и неприступна, и застряла въ своихъ предрасудкахъ, и считаетъ королеву *первой изъ равныхъ*, а ея мужа—не совсѣмъ равнымъ себѣ,—и при всемъ этомъ англійская аристократія въ служебныхъ отношеніяхъ необыкновенно учтива. Положимъ, что нашъ въ генераль-губернаторствѣ почившій Закревскій, вѣчно служившій въ военной службѣ, въ мелкихъ чинахъ, могъ привыкнуть ходить на просителя, какъ бульдогъ на крысу. Но есть фамиліи, у которыхъ образованіе въ семейной традиціи; къ нимъ принадлежатъ Строгановы. У Строгановыхъ въ домѣ нѣкогда жилъ гувернеромъ членъ конвента Роммъ ²⁾, знаменитый своей децимальной системой, античный герой, лишившій себя жизни въ конвентѣ, когда реакція восторжествовала. Отецъ этихъ Строгановыхъ былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и любезнѣйшихъ дипломатовъ,—ну, какъ же это дѣлается, что одесскій генераль-губернаторъ ³⁾ грубитъ женщинѣ, вдовѣ офицера, павшаго подъ Севастополемъ, которая приходитъ, умирая съ голода, можетъ, и не по формѣ, просить пенсію?! Это—психическая загадка!

Но пусть же сначала намъ будетъ позволено думать, что графъ С. Г. Строгановъ пойдетъ иной дорогой. Быть теперѣ генераль-губернаторомъ въ Москвѣ значитъ одной ногой стоять въ продолженіи исторіи Карамзина... А съ нынѣшней гласностью *шила въ мѣшкѣ не утаишь!*

Въ заключеніе обращаемся снова къ вамъ, *продолжительный въ странствѣ и во времени* министръ юстиціи! Дайте намъ право забыть васъ, какъ съ нынѣшняго дня мы забываемъ Закревскаго. Чего же ждете? Гумбольдтъ умеръ, Закревскій уволенъ,—рѣшайте поскорѣе на то или на другое. Вы, вредный человѣкъ, вспомните, что и вы обязаны для Россіи что-нибудь сдѣлать!

1226. Письмо къ М. Мойзенбугъ!

2 Juin (1859).

Park House, Fulham.

Je pense que j'ai fait une grande bêtise; mais je tâcherai d'y remédier. J'avais laissé à Harrison 4 pages de ma traduction, il m'a demandé si je pouvais lui permettre de les imprimer—par distraction je dis que certainement. Je le demanderai aujourd'hui s'il voudrait me les céder. Mais cela n'empêche en rien votre traduction. On pourrait commencer par *page 102* et aller à la fin de la *p. 114*. Et encore 165—172 sur Kossuth.

¹⁾ Въ высшей степени дурной тонъ.

²⁾ Жильберъ.

³⁾ Гр. Александръ Григорьевичъ Строгановъ.

La biographie de Garibaldi (de Turin) est à vos ordres. Je pense que c'est facile de trouver où la placer. Demandez pour la correspondance si le Monsieur pourrait la placer dans un journal hebdomadaire? Vous obligerez par cela nos amis italiens. Le prix ordinaire suffirait («La Presse» de Paris payait 20 cent. pr. ligne).

Votre lettre l'avant dernière était très triste—et vous vous défendez toujours d'être idéaliste, mais comment cela se fait donc que chaque année et plus d'une fois—vous trouvez que vous vous êtes trompée dans l'appréciation des individus?

Ce n'est pas un défaut mais c'est du romantisme.

Vous êtes une personne extrêmement bonne et très pure—mais cela ne vous donne aucun droit de prononcer chacun d'être aussi bon.

Je vous régalerai par quelque chose de bon après votre retour. C'est le roman de G. Sand «Elle et lui» et la réponse de Paul de Musset «Lui et elle». Vous n'avez jamais encore vu quelque chose de plus cynique que ces révélations. Que voulez-vous? le monde s'encanaille.

Et par bêtise je vous ai euvoyé zwei Pfund, Augsburg, 43, Michael Platz. Adieu. Tout le monde se porte bien et vous salue, il y a derechef une douzaine de russes.

Savez-vous que la «Gaz. d'Augsbourg» fait des compliments à Mazzini—je suis vengé.

Adieu.

NB. Avis important. Je vous envoie «la Cloche», essayez de traduire mon article sur la guerre.

Переводъ.

2 Юня.

Я думаю, что сдѣлалъ большую глупость, но постараюсь исправить ее. Я оставилъ Гаррисону 4 страницы моего перевода; онъ спросилъ меня, позволю ли я ему напечатать ихъ; по разсѣянности, я ему отвѣтилъ: «разумѣется». Сегодня я спрошу его, не уступить ли онъ ихъ мнѣ обратно. Но все это нисколько не мѣшаетъ вашему переводу. Можно бы начать со страницы 102 и дойти до конца стр. 114 и еще стр. 165—172 о Кошутѣ ¹⁾).

Біографія Гарибальди (туринская) къ вашимъ услугамъ. Думаю, что легко найти, куда бы ее помѣстить. Относительно корреспонденціи спросите того господина, не можетъ ли онъ помѣстить ее въ еженедѣльномъ журналѣ? Этимъ вы обяжете нашихъ

¹⁾ Указанія на «Былое и думы» по V кн. «Поляр. Звѣзды».

итальянскихъ друзей. Достаточеньъ обычный гонораръ (парижская «Пресса» платила 20 сантимовъ за строчку).

Ваше предпослѣднее письмо было очень грустное,—а вы всегда отрицаете, что вы—идеалистка. Но какъ же такъ случается, что ежегодно, а иногда и по нѣсколько разъ въ годъ, вы признаетесь, что ошиблись въ оцѣнкѣ личностей? Это не недостатокъ, но романтизмъ. Вы—человѣкъ чрезвычайно добрый и съ очень чистою душою, но это не даетъ вамъ права объявлять каждаго такимъ же хорошимъ. Когда вы вернетесь, я угощу васъ хорошенькой вещью. Это—романъ Жоржъ Сандъ «Она и онъ», и отвѣтъ Поля де Мюссе «Онъ и она» ¹⁾). Ничего болѣе циничнаго, чѣмъ эти разоблаченія, вы еще не читали. Ничего не подѣлаешь: люди все больше и больше становятся подлецами.

А я, по глупости, послалъ вамъ два фунта по адресу: Augsburg, 43, Michael Platz. Прощайте. Всѣ здоровы и кланяются вамъ. Опять у насъ около дюжины русскихъ. А знаете, что «Аугсбургская Газета» расточаетъ комплименты по адресу Маццини? Я отмишень. Прощайте.

NB. *Важное сообщеніе.* Посылаю вамъ «Колоколь»: попробуйте перевести мою статью о войнѣ.

1227.

Предисловіе къ «Кто виновать?», 8 іюня 1859 г. (см. при романѣ).

1228. Письмо къ Е. Я. Колбасину.

9 іюня 1859.

Park House, Fulham.

Милостивый Государь,

Около мѣсяца тому назадъ меня спрашивалъ одинъ изъ нашихъ соотечественниковъ о переводѣ «Du dévelop. des idées...» Я ему сказалъ, что вообще предоставляю полное право, кому захочетъ, переводить, перепечатывать. Начали они или нѣтъ, я не знаю, но постараюсь узнать.

Книжка эта, впрочемъ, была писана для иностранцевъ, при совсѣмъ иныхъ обстоятельствахъ. Я не могу не прибавить нѣсколько замѣчаній къ переводу, слѣдовало бы сдѣлать измѣненія.

¹⁾ Поль де Мюссе—братъ знаменитаго франц. поэта Альфреда. Разоблаченія касались близкихъ отношеній поэта къ Жоржъ Сандъ.

Что касается до печати, Трюбнеръ возьмется навѣрное, но нѣтъ резона ему давать даромъ. Съ него можно смѣло вамъ взять отъ 2 liv. 10 sh. до 3 liv. съ печатнаго листа.

Но надобно начать съ того, чтобы узнать отъ того господина.

Благодарю васъ за всѣ добрыя вещи, сказанныя въ письмѣ вашемъ. Если вы будете въ Лондонѣ, заѣзжайте ко мнѣ. Я почти всегда бываю дома въ 4 часа. Утромъ мы заняты.

Преданный Вамъ

А. Герцена.

P. S. Можно бы издать на русскомъ, напр., «Les commencements du monde» par P. Jouvencel, 1858, Paris, Garnier ¹⁾),—для юношества здоровая и полезная книга.

1229. Письмо къ сыну.

12 июня (1859).

Park House, Fulham.

Нельзя сказать, любезный Саша, чтобы ты особенно насъ баловалъ письмами. Это нѣсколько отнимаетъ и у меня охоту писать къ тебѣ. Ты въ послѣднемъ письмѣ говоришь, что тебѣ нечего писать, но, вѣдь, я отъ тебя не новости жду, а жду того обмѣна и той всегдашней исповѣди, которые оживляютъ связь; съ Наташей тѣмъ паче слѣдовало бы чаще переписываться. Впрочемъ, я думаю, объ этомъ мы при свиданіи легче поговоримъ.

Когда ты поѣдешь къ Мар. Кас., купи ей что-нибудь швейцарское и очень хорошее, на мой счетъ, и игрушку.

Статью объ войнѣ ты, вѣроятно, читалъ теперь, а также и приложенный проектъ освобожденія; онъ не мой и не Огар., но яснѣе и короче вопроса нельзя поставить.¹

На прошлой недѣлѣ у Трюбнера былъ слѣланъ заказъ на 4,800 № «Колокола» (разныхъ №),—у насъ не было больше 4,300. Это—неслыханное дѣло!

Былъ здѣсь Тургеневъ, который посѣдѣлъ еще, но все такъ же умень и ужасно тѣшилъ насъ разсказами.²

Огар. переписку съ Брунновымъ увидишь въ 46 листѣ; это забавно и поучительно. Ожидая письма отъ тебя, прощаюсь съ тобой.

◆◆ 1. Въ № 44 «Колокола» напечатано заявленіе отъ редакціи: «Поразительная ясность прилагаемаго *проекта освобожденія*

¹⁾ «Ученіе о началѣ міра», П. Жувансель, 1868, Парижъ, Гарнье.

полтыщичьихъ крестьянъ, его краткость и дѣльность навели насъ на мысль разослать его при нынѣшнемъ листѣ «Колокола»; думаемъ въ слѣдующемъ листѣ поговорить объ немъ». Проектъ помѣщенъ на 3¹⁷/₂ страницахъ формата журнала и принадлежитъ В. А. Панаеву; это—собственно, конспектъ проекта того же автора въ «Голосахъ изъ Россіи». Онъ посланъ былъ Панаевымъ государю съ особымъ письмомъ, и Александръ II считалъ авторомъ проекта Герцена (Н. Семеновъ «Освобожденіе крестьянъ» etc. I, 280), передалъ его въ Редакціонную Комиссію, гдѣ онъ и былъ доложенъ Ростовцовымъ.

Въ 1859 г. Панаевъ вторично пріѣхалъ въ Лондонъ и провелъ тамъ около двухъ мѣсяцевъ, часто бывая у Герцена, котораго привлекъ своей дѣловитостью и умомъ. Съ нимъ же пріѣхали товарищъ его Кусаковъ, ихъ жены и дочери. Кусаковъ былъ пѣвцомъ, музыкантомъ и очень оживленнымъ въ обществѣ чело-вѣкомъ. «Когда онъ запѣлъ русскія пѣсни, то Герценъ, Огаревъ и жена его пришли въ неописанный восторгъ. Вспоминались имъ русская удаль, все родное, русскій добродушный мужичокъ, и слезы появились на ихъ глазахъ. Герценъ смотрѣлъ на русскаго мужичка, какъ на своего родного брата, и находилъ, что типъ, напримѣръ, ярославскаго или сосѣднихъ губерній мужичка есть самый красивый типъ изъ всѣхъ европейскихъ народностей, что онъ и высказалъ въ одномъ изъ своихъ произведеній. И вотъ, всякій разъ, какъ пріѣзжалъ Кусаковъ, вся компанія собиралась около рояля, и образовывался хоръ, и такъ какъ я пѣлъ тоже русскія пѣсни, имѣя довольно сильный голосъ, то исполнялъ въ этомъ случаѣ роль запѣвалы. Когда же затягивали плясовую, то моя дочь принималась плясать русскую. Словомъ сказать, эти дни проводились всѣми весело и оживленно»... «У Герцена по воскресеньямъ собирались разныя интересныя личности изъ иностранцевъ, а также нѣкоторые русскіе, пріѣзжавшіе изъ Россіи. Всякій разъ завязывались споры, которые возбуждалъ самъ Герценъ, любя не только вступать въ споры, но и быть свидѣтелемъ спора другихъ, подобно тому, какъ многіе люди любятъ всякій спортъ. Въ философскихъ и политическихъ спорахъ Герценъ отличался мѣткостью замѣчаній, находчивостью, необыкновеннымъ остроуміемъ, особеннымъ жаромъ при защитѣ своего тезиса и большою начитанностью. Не рѣдко, смотря по характеру присутствовавшей аудиторіи, затрагивались и вопросы экономическіе и финансовыя, но Герценъ самъ признавалъ себя не совсѣмъ компетентнымъ въ этихъ вопросахъ и живого участія въ нихъ не принималъ... Передъ отъѣздомъ изъ Лондона я возбудилъ съ Герценомъ разговоръ по поводу моей статьи, посланной ему изъ Брюсселя «Отвѣтъ на статью «Реформа сверху

или реформа снизу». Мой отвѣтъ ставилъ вопросъ, если можно такъ выразиться, на философскую точку зрѣнія, гдѣ я проводилъ мысль, діаметрально противоположную идеямъ Герцена, а именно, старался выяснитъ несостоятельность общепризнаннаго въ политикѣ принципа о господствѣ большинства. Я доказывалъ, что республиканская или парламентская форма правленія обезпечиваетъ лишь въ извѣстной степени свободу партій, а не общую свободу гражданъ; что при этихъ формахъ правленія одни дышатъ свободно, а другіе непременно задавлены. Что истинная свобода можетъ осуществляться при монархической формѣ, не ограниченной ни палатами, ни законами, т.-е., что самодержецъ есть представитель совѣта и является выразителемъ господства духа надъ матеріей. Разсматривая Герцена, какъ человѣка съ широкимъ философскимъ умомъ, не раболѣпствующимъ передъ тѣми и другими доктринарами, и съ которымъ можно дебатировать вопросы, взгляды на которые не сходились бы съ его взглядами, — я, весьма натурально, пожелалъ знать, будетъ ли Герценъ печатать означенную статью?

«Послѣ продолжительной нашей бесѣды Герценъ заключилъ ее слѣдующими словами:

«--Вы созидатель или строитель, а не разрушитель. «Колоколъ» же является органомъ протеста противъ существующихъ порядковъ, т. е. носить въ себѣ характеръ разрушительный, и потому я не напечатаю вашей статьи въ «Колоколъ» («Рус. Старина» 1902, V, 323. 325—327).

О посѣщеніи Панаева и Кусакова Н. А. Огарева говоритъ на стр. 159—160 своихъ «Воспоминаній».

2. 21 іюня Тургеневъ писалъ М. А. Марковичъ: «Я ѣздилъ въ Лондонъ, пробылъ тамъ недолго и каждый день видѣлъ Герцена. Онъ бодръ и крѣпокъ — внутренняя грусть меньше его точитъ, чѣмъ прежде, — теперь у него есть дѣятельность. Натура могучая, шумная и славная; я возилъ къ нему одного хохленка, Ковбасина (Колбасина—*М. Л.*), — тотъ чуть не сошелъ съ ума отъ восторга» («Мин. Годы» 1908, VIII, 75).

1230. Письмо къ Е. Я. Калбасину.

14 іюня (1859).
Park House, Fulham.

Милостивый Государь, я на дняхъ писалъ вамъ отвѣтъ на ваше первое письмо; не знаю, получили ли вы его. Г. Ходзько ¹⁾

¹⁾ Леонардъ Борейко, польскій историкъ.

врядъ найдетъ ли въ Лондонѣ издателя,—француз. книги здѣсь не идутъ (я знаю одно исключеніе, это—«Записки» Екатер.), печать гораздо дороже: фун. *пять* листъ въ 1,000 экз.

Свентославскій печатать готовъ, но за плату и при томъ во время печати.

Трюбнеръ не печатаетъ вовсе французскихъ книгъ. Впрочемъ, въ Брюсселѣ это сдѣлать можно легче.

Усердно кланяющійся вамъ А. Герценъ.

1231. Письмо къ М. Н. Рейхель.

14 іюня (1859).

Park House, Fulham.

Я ужъ не знаю: я или вы, кто писалъ послѣдній? Съ тѣхъ поръ получены и бумаги, посланныя вами, и Тург. былъ, а М. Вовчка не было. Разказы эти превосходны; я автора жду съ нетерпѣніемъ ¹⁾).

Ну что Рейхель, не ополчился еще? Получили ли вы мою статью о войнѣ въ «Кол.»? Переведите ее Р. ²⁾. Англичане почти всѣ за Австрію; впрочемъ, сегодня свѣжее министерство; ненависть къ французамъ распространена и на насъ, русскихъ. Фогта дѣлають нѣмцы агентомъ Бонапарта, меня—дѣятелемъ франко-русской интриги. У насъ по воскресеньямъ травля: Девиль работаетъ съ Мюллеромъ, Бокэ помогаетъ, крикъ, шумъ и всякое такое; такой Макъ-Магонъ ³⁾ поднимають, что ужаси.

Къ вамъ скоро собирается Саша, а затѣмъ на сегодня и довольно.

Посылаю черновое письмо Наташи, потому что некогда переписывать и какъ доказательство успѣха.

Прощайте.

Вторникъ. Часъ п/н.

¹⁾ Маркъ Вовчокъ—псевдонимъ Маріи Александровны Марковичъ; Тургеневъ привезъ Герцену свой переводъ ея малороссійскихъ сочиненій «Украинскіе народныя разказы», Спб., 1859.

²⁾ Рейхелю.

³⁾ Мари-Эдмъ, франц. маршалъ, командовалъ корпусомъ въ итальянской войнѣ 1859 г.

1232. Старыя письма.

(Дополненіе къ «Былому и думамъ»).

Oh, combien de marins, combien de
 capitaines,
 Qui sont partis joyeux pour des courses
 lointaines
 Dans ce noir horizon, se sont éva-
 nous...
 Combien ont disparu... ¹⁾

V. Hugo.

Я всегда съ какимъ-то трепетомъ, съ какимъ-то болѣзненнымъ наслажденіемъ, нервнымъ, грустнымъ и, можетъ, близкимъ къ страху, смотрѣлъ на письма людей, которыхъ видалъ въ молодости, которыхъ любилъ не зная, по рассказамъ, по ихъ сочиненіямъ и которыхъ больше нѣтъ.

Недавно я испыталъ это еще разъ, читая письма Карамзина въ «Атенеѣ» и Пушкина въ «Библиографическихъ Запискахъ». Дни цѣлые они были у меня передъ глазами и не только они, но тогдашнее время, вся ихъ обстановка, какъ я ее помнилъ, какъ я ее читалъ, воскресла съ ними вмѣстѣ съ 1812 г. и 1825, императоръ Александръ, книги, костюмы...

Какъ сухіе листья, перезимовавшіе подъ снѣгомъ, письма напоминаютъ *другое* лѣто, его зной, его теплыя ночи и то, что оно ушло на вѣки вѣковъ; по нимъ догадываешься о вѣтвистомъ дубѣ, съ котораго ихъ сорвалъ вѣтеръ, но онъ не шумитъ надъ головой и не давитъ всей своей силой, какъ давитъ въ *книгѣ*. Случайное содержаніе писемъ, ихъ легкая непринужденность, ихъ будничныя заботы сближаютъ насъ съ писавшимъ.

Жаль, что не много писемъ уцѣлѣло у меня. Моя жизнь прибывала меня къ разнымъ берегамъ, къ разнымъ слоямъ, я со многими входилъ въ сношенія, но три полицейскихъ нашествія—одно въ Москвѣ и два въ Парижѣ,—отучили меня отъ храненія всякаго рода писемъ. Уѣзжая въ 1852 изъ Италіи и думая пробраться черезъ *смирительную* имперію, я сжегъ много дорогого мнѣ и,

¹⁾ О, сколько моряковъ, сколько капитановъ,
 Весело пускавшихся въ отдаленный путь
 По направленію къ этому черному горизонту, сколько ихъ растаяло,
 Сколько ихъ исчезло...

какъ бы въ вознагражденіе, получилъ въ Лондонѣ нѣсколько па-чекъ писемъ, оставленныхъ мною въ Москвѣ.

Съ 1825 года *событія* несущейся исторіи начинаютъ зацѣплять больше и больше и, наконецъ, совсѣмъ увлекаютъ въ широкій потокъ общихъ интересовъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ прозелитизмъ, страстная дружба вызываетъ на переписку; она растетъ и дѣлается какой-то движущейся, раскрытой исповѣдью: все закрѣплено, все помѣчено въ письмахъ, и притомъ наскоро, т. е. безъ румянъ и прикрасъ, и все остается, осѣдаетъ и сохраняется, какъ моллюскъ, залитый кремнемъ, какъ бы для того, чтобъ когда-нибудь свидѣтельствовать на страшномъ судѣ или упрекнуть своимъ несправедливымъ. *Такимъ ли былъ я расцвѣтатъ?* какъ будто чело-вѣкъ виноватъ въ томъ, что старѣеть.

Но не изъ этой юной и лирической эпохи жизни хочу я на первый разъ передать нѣсколько писемъ. Тѣ—когда-нибудь послѣ. Теперь, на первый случай, подѣлюсь десяткомъ писемъ отъ лицъ, большей частью извѣстныхъ и любимыхъ у насъ или уважаемыхъ.

1233. Разговоръ съ дѣтьми.

I.

Пустые страхи.—Вымыслы.

Желаніе узнать причины, какъ, что дѣлается возлѣ насъ, совершенно естественно чело-вѣку въ каждый возрастъ. Это всякій испыталъ на себѣ. Кому не приходило въ голову въ ребячествѣ, отчего дождь идетъ, отчего трава растетъ, отчего иногда мѣсяцъ бываетъ полный, а иногда видна одна закраинка его, отчего рыба въ водѣ можетъ жить, а кошка не можетъ?.. Людямъ такъ свойственно добираться до причины всего, что дѣлается около нихъ, что они лучше любятъ выдумывать вздорную причину, когда настоящей не знаютъ, чѣмъ оставить ее въ покоѣ и не заниматься ею.

Такого любопытства *знать*, что и какъ дѣлается, звѣри не имѣютъ. Звѣрь бѣгаетъ по полю, ѣстъ, коли что попадется по вкусу, но никогда не подумаетъ, почему онъ бѣгаетъ и отчего онъ можетъ бѣгать, откуда взялся съѣстной припасъ, который онъ ѣстъ. А люди всѣмъ этимъ заботятся.

Посмотрите, что изъ этого выходитъ. Чѣмъ больше вещей чело-вѣкъ знаетъ и чѣмъ короче, подробнѣе онъ ихъ знаетъ, тѣмъ

больше у него власти надъ ними. Звѣри съ ихъ умомъ несовершеннымъ и маленькіе дѣти съ ихъ незнаніемъ,—всего слабѣе и безпомощнѣе. Не думайте, что дѣти только потому слабы, что они малы: слонъ при всемъ своемъ ростѣ сдѣлаетъ не больше ребенка во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нельзя взять ни массой, ни мышцами.

Когда человѣкъ хочетъ что-нибудь сдѣлать, онъ прежде долженъ знать свойство вещей, изъ которыхъ ему приходится что-нибудь сдѣлать. Вещи сами по себѣ очень послушны, но слушаются онѣ человѣка и настолько исполняютъ его волю, насколько онъ умѣетъ приказывать имъ, то есть насколько онъ ихъ *знаетъ*.

Вещи не *въ самомъ дѣлѣ* слушаются человѣка или противодействуютъ ему. Это такъ говорится для краткости; вещамъ до человѣка дѣла нѣтъ, онѣ очень равнодушны къ своей судьбѣ и продолжаютъ существовать рудою, слиткомъ, червонцемъ, кольцомъ на пальцѣ, какъ случится, у нихъ нѣтъ ни цѣли, ни намѣренія, ни воли. Рѣка течетъ,—течетъ потому, что земля пбката, а не потому, что ей хочется течь. Человѣкъ ставитъ плотину,—такъ какъ водѣ все равно, то она перестаетъ течь и накапливается. Насколько человѣкъ знаетъ силу воды, силу плотины, высоту береговъ и другія условія, настолько онъ можетъ заставлять воду, дѣлая *свое дѣло*,—исполнять *ею волю*: вертѣтъ колеса, пилить бревна, орошать луга, подымать барки. Изъ этого вы ужъ видите, что мы настолько умѣемъ управлять природой или вещами, насъ окружающими, *насколько ихъ знаемъ*, направляя однѣ противъ другихъ или соединяя ихъ по ихъ свойствамъ.

Вы хотите отрѣзать сучекъ отъ дерева и сдѣлать изъ него трость. Вы берете ножъ, т. е. кусокъ желѣза; такимъ образомъ сплавленный, выкованный, отточенный, что одна сторона его остра, и начинаете отрѣзывать, зная, что растительныя волокна не могутъ удержаться противъ желѣза.

Такимъ точно образомъ человѣкъ поступаетъ и въ самыхъ сложныхъ своихъ дѣлахъ, въ хлѣбопашествѣ и другихъ работахъ.

Совсѣмъ напротивъ, чего мы не знаемъ, то не только не въ нашей волѣ, но скорѣе мы въ его волѣ, *оно насъ тѣснитъ*. Люди по большей части боятся того, чего не знаютъ, потому что отъ него трудно защищаться.

Вотъ тутъ-то и случается, что люди лучше выдумываютъ ложную, мнимую причину, чѣмъ остаются въ безоружномъ невѣдѣніи. Принимая ложную причину за знаніе, за пониманіе, вѣря ей, они обманываютъ себя и думаютъ, что овладѣли страшнымъ явленіемъ.

Возьмите для примѣра грозу и посмотримъ, въ какомъ отношеніи къ грозѣ находились люди въ младенческомъ состояніи и въ какое перешли въ болѣе образованномъ.

Люди были поражены блескомъ молніи, раскатомъ грома, они видѣли зажженные деревья, убитый скотъ, убитыхъ людей и потомъ снова прежнюю тишину, тучи проходили, небо разяснялось. Въмѣсто того, чтобъ добираться до причины, сличать, обдумывать, они вотъ какъ разсуждали: «Мы слышали трескъ и громъ, стало-быть, *кто-нибудь гремитъ*», и они стали искать (тутъ-то вся ошибка) не *что* гремитъ, а виноватаго. Гремитъ наверху, молнія падаетъ сверху, стало-быть, *громовержець* живетъ наверху. Черныя тучи, мрачное небо показываютъ, что онъ сердитя; на кого? Конечно, всего больше на тѣхъ, кого убиваетъ.

Что же дѣлать и какъ умилостивить этого свирѣпаго громовержца? Униженіемъ, бросаясь на колѣни, моля о пощадѣ. Такъ люди дѣлали тысячелѣтія, и имъ въ голову не приходило, что громовержець бьетъ бессмысленно скалы и деревья, которыя не могутъ быть виноватыми, барановъ и воловъ, мирно пасущихся, и изъ людей убиваетъ не худшихъ, а такъ, — кто попадется; это объясняли тѣмъ, что громовержець дѣлаетъ это для острастки, чтобъ виновные трепетали, а прочіе знали бы его мощь. И эдакого-то бессмысленнаго и безжалостнаго чудака хотятъ умоливать красными словами, поклонами, взятками. А все это дѣлается только для того, чтобъ заглушить страхъ передъ неизвѣстной опасностью.

Помните вы греческое вѣроисповѣданіе,—у нихъ на все былъ свой бука или своя баба-яга, для моря и огня, для неба и земли. И серьезные, взрослые люди, полководцы, купцы, отправляясь въ море, ходили перетолковать объ этомъ съ мѣдной куклой, дѣлали ей обѣщаніе принести въ жертву куръ и телятъ, повѣсить въ ея храмѣ свое платье, если кукла пошлетъ хорошую погоду во время плаванія.

Мы смѣемся надъ ихъ морскимъ богомъ, раздѣвжающимъ въ раковинѣ на четверкѣ дельфиновъ, съ трезубцемъ въ рукѣ, такъ, какъ вы смѣетесь надъ куклами, съ которыми вы, бывало, разговаривали, какъ съ живыми, укладывали ихъ спать, давали имъ лѣкарства,—вѣдь вамъ и тогда чувствовалось, что онѣ не живыя, да хотѣлось вѣрить, вы и вѣрили. Но мало-по-малу вашъ умъ крѣпнулъ, и по мѣрѣ того, какъ онъ сталъ брать верхъ надъ дѣтскимъ воображеніемъ, вамъ меньше и меньше казалось вѣроятнымъ, что кукла больна или спитъ. Такъ жили цѣлые народы до тѣхъ поръ, пока *знаніе* природы не побѣдило ихъ *мечтаніе* объ ней.

Когда люди приобрѣли больше опытности и свѣдѣній о природѣ, они пошли и въ дѣлѣ *грома* и *молніи* инымъ путемъ; вмѣсто того, чтобъ спрашивать, *кто* гремитъ, стали наблюдать, *что* гремитъ, и мало-по-малу, сличая разныя явленія, доискались до причины; а найдя ее, стали обороняться отъ нея уже не молитвами и колѣнопреклоненіемъ, не курами и свѣчами, принесенными на жертву, а снарядами, называемыми *громоотводами*.

Точно такъ дѣйствуетъ знаніе во всѣхъ другихъ вещахъ и предметахъ: вездѣ освобождаетъ оно насъ отъ страха, а гдѣ не можетъ освободиться отъ зависимости, тамъ учитъ насъ избѣгать вредныхъ дѣйствій.

Прежде, чѣмъ мы пойдемъ дальше, я вамъ расскажу, какъ въ дѣтствѣ я самъ освободилъ себя отъ одного изъ *пустыхъ страховъ*. У меня, по правдѣ сказать, ихъ было немного, однакожъ, не былъ и я совсѣмъ свободенъ отъ нихъ. Нянюшки натолковали и мнѣ о всякихъ чудесахъ, о томъ, какъ домовой приходитъ по ночамъ въ конюшню и ѣздитъ верхомъ на лошадахъ, и какъ кучеръ противъ этого въ стойлѣ держитъ козла. Лѣтъ двѣнадцати я сталъ съ ними спорить и, разумѣется, разубѣдить ихъ не могъ.

Бѣдные люди эти обречены на темную жизнь невѣдѣнія и тяжкую работу, имъ недосугъ учиться, недосугъ думать, ихъ досугомъ пользуемся мы; и если свѣтъ до нихъ не доходитъ, то мы не должны забывать, что *мы* имъ застимъ его. А осуждать ихъ—большое преступленіе; къ тому же гораздо удивительнѣе, что люди ученые и образованные разсуждаютъ иной разъ не лучше ихъ, и что большая часть ихъ вѣритъ въ такого или другого домового и имѣетъ въ конюшнѣ или дома своего *козла* противъ него.

Мнѣ было лѣтъ двѣнадцать; жили мы лѣтомъ въ деревнѣ. За нашимъ домомъ былъ оврагъ, заросшій соснякомъ и ельникомъ; оврагъ этотъ шелъ, огибая поля, къ двумъ-тремъ курганамъ, тоже покрытымъ большимъ сосновымъ лѣсомъ. Курганы эти, вѣроятно, были насыпаны надъ могилами падшихъ воиновъ въ древнія времена.

Тамъ раза два отрывали совсѣмъ перержавѣвшіе доспѣхи; въ преданіяхъ у крестьянъ осталось темное воспоминаніе какого-то сраженія. Курганы эти они звали «проклятыми». Неохотно ходили туда ночью мужики; про женщинъ и говорить нечего: ни одна ни за что на свѣтѣ не пошла бы туда послѣ сумерокъ—не оттого, чтобъ онѣ боялись волковъ, это было бы естественно, а оттого, что боялись какихъ-то *духовъ*.

Дворовые люди наши, разумѣется, не меньше ихъ вѣрили въ эти чудеса. Я спорилъ съ ними, смѣялся надъ ихъ трусостью.

— Да вы, вмѣсто того, чтобъ говорить,—сказалъ мнѣ одинъ изъ нихъ,—сами бы ночью сходили.

— Я охотно пойду.

— Когда?

— Сегодня, когда у насъ всѣ улягутся...

— А какъ же знать, до которыхъ мѣствъ вы дойдете?

— У большой сосны возлѣ перваго кургана лежитъ лошадиный черепъ.

— Помню.

— Ну, такъ я принесу его.

Пространство, которое мнѣ приходилось пройти, врядъ было ли всего больше полутора или двухъ верствъ, изъ которыхъ половина шла полевъ. Пока было видно освѣщенное окно нашего дома, и я не покидалъ тропинки, я шелъ себѣ спокойно, попявая пѣсни для большей храбрости, но когда взошелъ въ лѣсъ, мнѣ тоже стало очень страшно. Чего мнѣ было страшно, не знаю, но сердце билось, и ноги такъ невѣрно ступали, когда я цѣплялся за сучья, что въ ту же пору хоть бы и воротиться. Но я переломилъ свой страхъ, дошелъ до черепа, взявъ его на палку и побѣжалъ домой.

Человѣкъ нашъ, хотя и похвалилъ меня, но все же не убѣдился, а говорилъ мнѣ, что «иногда и ничего не бываетъ, а иногда и бываетъ».

На другую, на третью ночь я уже ходилъ туда безъ всякаго посторонняго повода,—и сердце билось меньше и меньше, и я уже не пугался, зацѣпляясь за хвойныя вѣтви. Вотъ какъ проходятъ пустые страхи.

Но чего же, собственно, наши люди и крестьяне боялись на курганахъ? Того, чего люди обыкновенно боятся въ присутствіи мертваго тѣла, на кладбищѣ. Они боятся, что покойникъ *не въ самомъ дѣлѣ умеръ*, а что онъ *раздвоился какъ-то*—тѣло само по себѣ, а жизнь этого тѣла *сама по себѣ*. Этому-то люди и боятся, по инстинкту понимая, что въ этомъ есть что-то *нелѣпое*. А то чего же бы боятся? Люди сами хотятъ жить послѣ смерти, скорбятъ и оплакиваютъ, когда кто-нибудь умретъ, стало-быть, слѣдовало бы радоваться, что души усопшихъ уцѣлѣли и являються къ намъ!

Духъ безъ тѣла страшенъ невообразимой нелѣпостью своей; до того страшенъ, что человѣкъ обыкновенно придумываетъ ему или чудовищное *тѣло*, или неестественно красивое.

Вы, вѣрно, видали изображеніе длинныхъ, исхудалыхъ, завернутыхъ въ бѣлые саваны мертвецовъ, съ дырами вмѣсто глазъ.

Видали вы, вѣрно, также и маленькія кудрявыя головки, нарисованныя безъ туловища съ двумя-четырьмя крылышками, прикрѣпленными къ задней сторонѣ нижней челюсти или къ первому шейному позвонку. Само собою разумѣется, что ни скелетъ въ холстинѣ, ни голова безъ груди, необходимой для дыханія, и безъ живота, необходимаго для пищеваренія, не только не могутъ понимать и говорить, но просто не могутъ жить. Несмотря на то, людямъ легче воображать эти нелѣпости, чѣмъ живой *духа*, т. е. живой *воздуха*, газообразную личность, безъ всякихъ жидкихъ и густыхъ частей. Это до такой степени нелѣпо, что чело-вѣкъ отпрядываетъ отъ безтѣлеснаго духа къ уродливымъ вышесламъ.

На это, пожалуй, вамъ скажутъ, что *духи* могутъ имѣть воздушное или эфирное тѣло, незримое нашими глазами, тонкое легкое и прозрачное.

На земной планетѣ такихъ нѣтъ, а если-бъ они гдѣ-нибудь и были, то съ умершими людьми они ничего общаго не имѣютъ. Къ тому же не думайте, что въ самомъ дѣлѣ *прозрачность* и воздушность—что-нибудь высшее. Если-бъ чело-вѣкъ могъ сдѣлаться жиже, еще жиже и, наконецъ, совсѣмъ прозрачнымъ, онъ отъ этого сталъ бы только хуже. Хорошая кровь густа и хорошей мозгъ густъ, хорошіе мускулы упруги, воздушные мускулы не могли бы служить; газовымъ мозгомъ нельзя было бы думать.

Невидимыхъ для простого глаза животныхъ бездна, всѣ наливчатая животныя; но они, хоть и малы, не состоятъ же изъ одного воздуха или изъ одной жидкости; у нихъ есть свои оболочки, очень тонкія, но которыя оставляютъ послѣ себя известку или мѣлъ. Ихъ прозрачность сопряжена съ самой бѣдной степенью жизни; для того, чтобъ жизнь мухи или осы была возможна, тѣлу животному надобно было очень много погустѣть, потерять своей прозрачности и мѣстами окрѣпнуть, какъ крылья жука или ноги кузнечика.

Тѣло всякаго животнаго — червя, слона, чело-вѣка — дѣлается изъ окружающихъ припасовъ ѣдой и дыханіемъ. На это ему нужны части твердыя, жидкія и воздухообразныя. Пока онѣ вмѣстѣ работаютъ, и ни одна не беретъ верха — *жизнь* продолжается. Если у животнаго отнять твердыя оболочки его, то кровь и всякая жидкость, обращающаяся въ его сосудахъ, пролетится, газы, въ ней заключающіеся, испарятся, разбѣются, твердыя части вывѣтрятся, засохнутъ, сдѣлаются черноземомъ, известковой землей.

Общее дѣло (жизнь) твердыхъ, жидкихъ и воздухообразныхъ веществъ, пока они продолжаютъ пищевареніе, нельзя отдѣлить отъ

этихъ частей (т. е. отъ тѣла) такъ, какъ нельзя линію — границу двухъ площадей—отдѣлить отъ площадей, не на чертежѣ, а въ самомъ дѣлѣ.

Объяснить это *общее дѣло*, задерживающее въ извѣстномъ видѣ и въ извѣстной дѣятельности части тѣла,—задача трудная; но путь къ ея разрѣшенію очевиденъ—*физиологія и химія*.

Неполное знаніе не даетъ права на произвольныя предположенія. Мы сейчасъ видѣли, до какихъ нелѣпостей люди доходили въ своемъ объясненіи грома; повторять такія ошибки непростительно.

Вымыслы не только отдаляютъ пониманіе, но забиваютъ самую возможность правильно поставить вопросъ; въ манерѣ спрашивать видно, что сдѣланный вопросъ впередъ рѣшенъ.

Такъ, вопросъ: *можетъ ли душа существовать безъ тѣла?* заключаетъ въ себѣ цѣлое нелѣпое разсужденіе, предшествовавшее ему и основанное на томъ, что душа и тѣло — двѣ разныя вещи. Что сказали бы вы человѣку, который бы васъ спросилъ: можетъ ли черная кошка выйти изъ комнаты, а черный цвѣтъ остаться? Вы его сочили бы за сумасшедшаго, — а оба вопроса совершенно одинакіе. Само собою разумѣется, тотъ, кто можетъ себѣ представить черный цвѣтъ, оставленный кошкой, или ласточку, которая летаетъ безъ крыльевъ и легкихъ, тому легко предстать себѣ *душу* безъ тѣла, такое *цѣлое*, котораго части *уничтожены*... А затѣмъ, почему ему и не бояться на кладбищѣ или на курганѣ встрѣчи съ давно умершими, ходящими безъ мускуловъ, однѣми костями, говорящими безъ языка.

Есть люди, которые безъ малѣйшаго основанія говорятъ, что души умершихъ отправляются на *другія планеты*; это понять не легче.

Какъ же это онѣ подымаются въ океанѣ кислорода и селитро-рода, не окислившись въ немъ или не соединяясь съ водородомъ, углеродомъ? Но душа не имѣетъ *химическихъ* свойствъ. Какія же? *Физическія?*—нѣтъ. *А движается?*

Предметъ, не имѣющій ни физическихъ, ни химическихъ свойствъ, безъ формъ, безъ качества и количества, мы называемъ несуществующимъ, т. е. *ничѣмъ*.

Тутъ прибѣгаютъ обыкновенно къ сравненію съ электрической искрой; но электрическая искра очень богата физическими и химическими свойствами; несмотря на то, въ ней нельзя предположить сознанія, а, вѣдь, это—*главное*, чего хотятъ въ душѣ, отрѣшенной отъ тѣла. Чтобъ сознавать себя, нельзя быть ни твердымъ, какъ камень, ни жидкимъ, какъ вода, ни изрѣженнымъ, какъ воздухъ,—надобно быть *студнемъ или кашей, какъ мозігъ*.

На первый случай, я думаю, есть о чемъ вамъ подумать и поговорить съ вашими товарищами и учителями, если только они не боятся *домового* и не держатъ *козла*.

1234. [Отъ редакціи]. ¹⁾

Итакъ, вы думаете, что *мы можемъ спасти*, когда Строгановъ возлѣ, Катакази ²⁾ возлѣ скрываютъ, замазываютъ? *Нѣтъ*, мы можемъ только предать позору имя этого Кандыбы, мы можемъ издали подать руку мученикамъ, которыхъ покончатъ однокорытники Катакази, и прибавить, что мы перестаемъ вѣрить, что государь хочетъ знать подобныя вещи и хочетъ завести иной судъ и иную расправу.

1235. На углу.

— Пойдите, пойдите,—очень радъ, что васъ встрѣтилъ, неужели и вы за Францію?

— Нѣтъ.

— Стало, вы за Англію,—я такъ и думалъ, а то мнѣ говорили, что вы...

— Нѣтъ, нѣтъ, я не за Англію въ этомъ случаѣ.

— Такъ за кого же вы?

— Я *противъ* Австріи.

— Позвольте, стало быть, вы, все-таки, за Францію? Помилуйте! Бонапартизмъ!

— Нисколько.

— Ну, такъ вы противъ всѣхъ?

— Отчасти.

— Это невозможно... Если вы противъ Австріи, вы должны быть за Францію.

— Вы забыли вашу математику и аналитическую геометрію. Я здѣсь стою по ту сторону координатъ, у меня все отрицательныя величины, я могу быть *противъ* одному, чѣмъ другому,—вотъ и все. Какъ вы думаете, можно, не въ примѣръ будущимъ случаямъ, употребить слово *противъ*?

— Развѣ *in usum et abusum Austriae* ³⁾.

¹⁾ Относится къ статьѣ «Дѣло о высѣченномъ генералѣ Кандыбѣ и его женѣ», сообщающей, что виновные крѣпостные сидятъ въ тюрьмѣ и увѣрены въ ссылкѣ въ Сибирь.

²⁾ Чиновникъ особыхъ порученій при А. Г. Строгановѣ.

³⁾ Для употребленія и злоупотребленія Австріи.

— Иногда грамматическія ошибки очень важны. Въ Вяткѣ былъ у меня одинъ пріятель, имѣвшій слабость пить заоемъ и притомъ тайкомъ отъ жены (ему было лѣтъ 50). Такъ какъ у него отбирали ключи, вино и деньги, то онъ обыкновенно приходилъ ко мнѣ освѣжиться тенерифомъ и бранить своего свекра. Разъ онъ мнѣ сказалъ: «Если-бъ вы знали, что эта за шельма... Нѣтъ,—онъ остановился въ раздумьи и потомъ прибавилъ:—нѣтъ, онъ не шельма, шельмой можетъ быть всякій, а онъ... онъ не *шельма*, онъ *щельма!*» Этимъ ненужнымъ хвостикомъ къ *ш* онъ мнѣ совершенно объяснилъ свою мысль.

— Вы все смѣтаете, это никуда не годится, особенно когда идетъ рѣчь о такихъ важныхъ предметахъ, о предметахъ, такъ сказать, всемірно-историческаго значенія.

— Извольте, я постараюсь то же сказать, но очень скучно. Если-бъ вы были первый адресовавшійся ко мнѣ съ этимъ вопросомъ, я съ самаго начала сталъ бы съ вами скучно говорить. Но, наконецъ, надоѣло, мочи нѣтъ. Дамы въ застарѣлой итальянской болѣзни, нѣмцы въ складной патриотической, англичане въ неизлѣчимой англійской и французы въ хронической военной, постоянно спрашиваютъ то же самое,—проходу нѣтъ; я обхожу переулками Режентъ-Стритъ; на нихъ можно задохнуться и заразиться, да никто не спрашиваетъ.

— Отчего же не спрашивать? этотъ вопросъ теперь такъ естественно приходитъ каждому въ голову.

— Мало чего нѣтъ. А я вопроса-то вовсе не понимаю... Отчего-же это быть *противв* Австріи значить быть *противв* Англии? Развѣ союзы дѣлаются по азбучному порядку?.. тогда придется прибавить Абиссинію, Аркадію и Аравію.

— А, вѣдь, обѣщались не острить.

— Извините, повѣрьте, я буду невѣроятно тупъ, но разсудите сами. Въ мірѣ нѣтъ ничего противоположнѣе Англии и Австріи. Страна ультра-протестантская, съ одной стороны, страна краснаго католицизма—съ другой. Въ Австріи одна военно судная расправа, и законъ—рабъ произвола; въ Англии всѣ люди, не исключая королевы,—рабы закона. Тутъ вся сила, все могущество—въ торговлѣ, въ богатствѣ, въ корабляхъ, тамъ—въ фальшивыхъ ассигнаціяхъ, штыкахъ и пѣхотѣ. Въ Англии запрещаютъ жестоко обращаться съ кошками и собаками; въ Австріи дерутъ розгами женщинъ и платятъ 20 цванцигеровъ дамамъ, которыя принимаютъ на себя государственную обязанность сѣчь ихъ.

— Да, вѣдь, вамъ никто не говоритъ, что Англія *сочувствуетв* Австріи; она, оберегая свои собственные интересы, хочетъ ее поддерживать.

— Ненавидя ее?

— Можетъ быть, но для *сохраненія* равновѣсія...

— Ученый другъ мой, придите въ мои объятія! На самомъ этомъ основаніи, я желаю побѣды французскому войску, — Англія готова зарѣзать Италію и на вѣкъ еще отбросить въ варварство весь югъ Европы, поддерживая ненавистный ей порядокъ—для *сохраненія* *мнимаю* равновѣсія; я желаю побѣды противоположному стану для *разрушенія* слишкомъ дѣйствительнаго¹⁾ самовластья въ Европѣ. Тутъ вся разница въ томъ, что я желаю *дѣла*, а Англія *вадора*... Если только Англія этого желаетъ?

— Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; читали ли вы сегодня leading article¹⁾ въ «Теймсѣ»?

— Я знаю очень хорошо, что думаютъ «Теймсѣ», банкиры, мѣнялы, биржевые клерки и другіе патріоты. Но такъ ли думаетъ Англія, не знаю. Большая часть ея совѣтъ не заявляя своего голоса. Подождемте осуждать до суда. Помните Conspiracy Bill²⁾ и Бернардовъ процессъ? Пальмерстонъ и Дерби, Кларендонъ и Дизраэли, ни въ чемъ несогласные, были братски, душа въ душу согласны въ желаніи прислужить сосѣднему барину и повѣсить Бернара; все было сдѣлано для этого: Наполеонъ присягалъ обоимъ свидѣтелямъ, женщинъ, дѣтей, преклонныхъ старцевъ, свинченныхъ и развинченныхъ гранатъ, легионъ шпионовъ со всевозможнѣйшими усами, отъ красно-эльзаскихъ, до смоль-пиренейскихъ, съ тяжелыми золотыми цѣпочками и поддѣльными брильянтовыми булавками; 30.000 фунтовъ стерл. стоилъ этотъ процессъ; за эту сумму какъ, кажется, не повѣсить всякаго человѣка,—а небогатый портной изъ Сити, отъ имени двѣнадцати плебеевъ, положилъ свое veto—и Кемпбель въ шубѣ и оперномъ парикѣ, и Фицрой-Келли...

— Вотъ опять,—а уговоръ?

— Я хотѣлъ сказать: и Фицрой-Келли безъ шубы въ парикѣ—согласитесь, что это было бы очень глупо.

— Да, не особенно умно.

— Очень радъ, что успѣлъ угодить... Однакоже, прощайте, а то опять скажешь что-нибудь...

— Что же заключеніе? стало, вы думаете?..

— Подождите же, что скажетъ *портной изъ Сити*.

¹⁾ Передовая статья.

²⁾ Законъ о заговорахъ.

1235 bis. Письмо къ И. С. Аксакову.

17 юня 1859 г.

Есть случай сказать вамъ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, нѣсколько словъ, и я, разумѣется, пользуюсь имъ. Доходитъ до насъ мало-по-малу все, что у васъ дѣлается—и гадкаго и смѣшнаго бездна, но безнадежнаго ничего. Я съ той же вѣрой гляжу на Русь, какъ два года тому назадъ; мнѣ кажется, что я такъ и чувствую тамъ, поглубже руду, ту руду, которой здѣсь нѣтъ. Ну, а что ей придется пробиваться сквозь нѣмецкую слякоть и шляхетно-военную дресву,—что же дѣлать! Eine Mistkuhr! ¹⁾

Да и въ чемъ отчаиваться, когда изъ энтузіаста-доносчика сдѣбался энтузіастъ-освободитель ²⁾,—хитеръ русскій человекъ!

Ну какъ же это Самаринъ сошелся, сидитъ съ Черкасскъ?

(А зачѣмъ онъ дошалился до дѣтскихъ розогъ и зачѣмъ было его защищать?)

У насъ идетъ съ нимъ (съ Ростов.) полемика; какой-то Г. защищаетъ его, говоритъ о его *искренности* раскаяніи и пр. Доходитъ ли до васъ «Колоколъ»? Идетъ онъ удивительно: въ прошлую недѣлю Трюб. получилъ заказъ (разныхъ №№) 4800; у насъ не было ихъ, и мы послали 4300. 18 первыхъ перепечатаны. Но я боюсь, что все это идетъ на туристовъ

«Русской Бесѣды» и «Сельск. Благоустр.» ³⁾ такъ и не получилъ, несмотря на то, что просилъ, чтобы мнѣ послали къ Трюб. и вмѣстѣ съ тѣмъ счетъ. Не понимаю, отчего это.

«Паруса» ⁴⁾ въ глаза не видѣлъ; съ кѣмъ вы посылали и когда?

Прощайте,—обнимаю васъ. Вы понимаете, что не отъ невниманія я ничего не пишу о вашей потерѣ ⁵⁾, но отъ того, что въ этихъ случаяхъ молчаніе умнѣе фразъ.

Если будете писать опять, я васъ попрошу сказать мнѣ и, разумѣется, откровенно, какъ вы и какъ публика приняли ту часть въ «Быломъ и думяхъ», которая была въ V «Поляр. Звѣздъ». Она смѣла по вводу за кулисы революціонныхъ движеній и поэтому мнѣ оцень хочется знать ея дѣйствіе.

¹⁾ Лѣченіе г...мъ.

²⁾ I. И. Ростовцовъ.

³⁾ Журналъ А. И. Кошелева.

⁴⁾ Газета И. С. Аксакова, тогда уже запрещенная.

⁵⁾ Смерть С. Т. Аксакова.

Помнить ли меня Конст. Серг.? Ему за то надобно меня помнить, что всѣ нѣмецкіе борзописцы снова меня ругаютъ за славянизмъ и неуваженіе къ Западу.

Весь Вашъ А. Г.

Будьте такъ добры и доставьте Ас. ¹⁾ на Дѣвичьемъ полѣ писемцо и книжку (если Каншинъ ²⁾ самъ не свезетъ).

Р. С. Замѣтьте переписку Огар. съ Брунновымъ въ «Колоколѣ» № 46.

1236. [Смерть И. И. Пущина].

Мы только теперь получили извѣстіе о кончинѣ въ подмосковской деревнѣ ³⁾ въ апрѣля *Ивана Ивановича Пущина*. Мы упрекаемъ нашихъ корреспондентовъ, что они такъ поздно извѣстили насъ. Все, касающееся до великой, передовой фаланги нашихъ вождей, нашихъ героическихъ старцевъ, должно быть отмѣчено у насъ.

1237. Еще о возведеніи пьянства въ православную и государственную обязанность.

Передъ нами два циркуляра, которымъ бы позавидовали даже австрійскіе іезуиты. Одинъ, отъ 22 марта 1859, разосланъ изъ департамента полиціи исполнительной по *временному* (очень рады, что эти глупости не вѣчны) *отдѣленію* и подписанъ (къ крайнему сожалѣнію) м. в. д. Ланскимъ. Забылъ онъ, видно, псалтирь, въ которомъ царь Давидъ «благословляетъ мужа не сидящаго на совѣтѣхъ Муравьевыхъ и не ходящаго по дорогѣхъ Паниныхъ»!.. Второй циркуляръ отъ 19 марта, за № 670, посланъ изъ перваго департамента министерства государственныхъ имуществъ и подписанъ *не повѣшаннымъ, но въшавшимъ* Муравьевымъ. Тема одна, только варіаціи Ланского *мольня*, а Муравьева — *дурня*. Оба циркуляра говорятъ о пользѣ воздержанія отъ сивухи, о *правѣ* крестьянъ не нарѣзываться, и на этомъ основаніи оба мѣшаютъ имъ брать свои домашнія мѣры надзора за исполненіемъ обѣта не пить. Муравьевъ до того расходился, что вдругъ является *Молгшотомъ* или *Гуфеландомъ* и *въшаетъ* такимъ образомъ гигиену. «Къ искорененію пьянства надлежитъ стремиться наблюденіемъ и внушеніями, подвергая наказанію указаннымъ въ законѣ порядкомъ за неумѣренное

¹⁾ Астраковы.

²⁾ Видный московскій купецъ.

пьянство, а не преслѣдовать тѣхъ, которые употребляютъ вино *умѣренно и нерядко* даже нуждаются въ томъ для поддержанія силъ и здоровья, и отнюдь не постановлять обязательныхъ по сему предмету приговоровъ, какъ совершенно противныхъ закону». Но букетъ циркуляра въ концѣ: онъ предписываетъ, въ случаѣ произвольныхъ сходокъ, которыми слѣлаются *постановленія, выходящія изъ круга ихъ вѣдѣнія*, — «сейчасъ *взыскать (что? какъ?)* съ виновныхъ, особенно съ сельскихъ начальниковъ». Вѣроятно, это взысканіе состоитъ изъ отодраніи розгами, и потому никто не ожидаетъ сюрприза, который имъ готовитъ послѣ наказанія Михаилъ Николаевичъ. «При чемъ (*при стѣченіи вѣроятнѣе?*) разяснить крестьянамъ, что правительство признаетъ весьма похвальнымъ благонамѣренное стремленіе къ воздержанію отъ пьянства, лишь бы не сопровождалось оно *мѣроположеніями* неразрѣшенными правительствомъ».

Je t'aimais inconstant — qu'aurai-je fait fidel? ¹⁾

Если за похвальныя и благонамѣренныя стремленія будутъ *стычь, что же* за стремленія, достойныя порицанія и злонамѣренныя?.. Что за галиматья!

1238. Письмо къ сыну.

22 юня 1859 г.
Park House, Fulham.

Вѣроятно, любезный Саша, ты получишь это письмо въ самый день твоего рожденія. Двадцать лѣтъ! И первое рожденіе внѣ дома! Мнѣ это странно, чѣмъ тебѣ. И будто ужъ есть 20 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Прасковья Андреевна ²⁾ принесла тебя на подушкѣ... Вспомнишь ли ты, что въ «Поляр. Звѣздѣ» есть статья о твоёмъ рожденіи?

Треть или почти треть жизни прошла для тебя; черезъ годъ—гражданское совершеннолѣтіе. Еще года два,—и настанетъ время дѣятельности... а для нея надобно быть сильно вооруженнымъ или впередъ звать, что останешься въ заднихъ рядахъ. Я не считаю, чтобъ раннее развитіе было особенно необходимо; человекъ можетъ много приобрѣсти послѣ школьнаго ученія, но основанія и занятій и всего умственного быта складываются въ юности.

¹⁾ Я любилъ тебя, будучи непостояннымъ, — какъ же любилъ бы я тебя, если бы былъ вѣренъ?

²⁾ Эрнъ.

Изъ твоихъ писемъ я никакъ не вижу, чтобъ ты, сверхъ занятій по части физиологій и пр., особенно читаль что-нибудь дѣльное. Отъ допс¹⁾ безъ чтенія нѣтъ настоящаго образованія, нѣтъ и не можетъ быть ни вкуса, ни слога, ни многосторонней шири пониманія; Гёте и Шекспиръ равняются цѣлому университету. Чтеніемъ человѣкъ переживаетъ вѣка, не такъ, какъ въ наукѣ, гдѣ онъ берегетъ послѣдній очищенный трудъ, а какъ попутчикъ, вмѣстѣ шагая и сбиваясь съ дороги.

Чтеніе газетъ и журналовъ очень хорошо, но я говорю о книгахъ, о нѣсколькихъ книгахъ, безъ которыхъ человѣкъ не есть полный человѣкъ.

Тебѣ дѣти и мы готовили разные подарки, но оставили ихъ до твоего пріѣзда, а пока, если нужно, ты можешь взять не въ счетъ жалованья 100 фр. (изъ присланныхъ Фогтамъ).

Насчетъ твоего вопроса о дѣтяхъ я потому ничего не писалъ, что еще нечего. Ты въ «Колоколъ» прочтешь всю переписку Огаръ съ Брунновымъ. Сатина не пустила и Натали сама не знаетъ, поѣдетъ ли она и когда. Если война приметъ хорошій оборотъ, то, можетъ, и я побываю въ Швейцаріи. Впрочемъ, ты не думай, чтобъ нѣмецкій студентскій кругъ былъ столько же полезенъ для Наташи, какъ для тебя. Ей пятнадцатый годъ, и я, наконецъ, здѣсь долженъ былъ возстать противъ нѣмецкой фамиллярности Мюллера и С-піе. Благодари М-me Vogt и скажи, что когда ты пріѣдешь, мы переговоримъ.

Посылаю тебѣ изъ «Daily Telegraph» статью о томъ, какъ Алекс. II не велѣлъ меня проклинать. Это до того смѣшно, что, показавши своимъ, ты отошли Фогту. ¹ — Скажи ему, что здѣсь, въ Лондонѣ, нѣмцы объ немъ иначе не говорятъ, какъ со скрежетомъ зубовъ. Вообще, эта война показала, что это за дикія бестіи, даже Мюллеръ

Ты очень хорошо сдѣлалъ, что не принялъ тостъ за Австрію; да какая же это шельма предложила?

Читаль ли ты статейку «На углу»? Это все можно было бы имъ перевести.

Обнимаю тебя и желаю очень, чтобы ты этотъ день провелъ весело, однако, вспоминая насъ да вспоминая и мамашу... Чѣмъ больше я думаю и живу, тѣмъ яснѣе я вижу, что за огромное несчастье вамъ всѣмъ ея смерть.

Прощай.

Ты, вѣроятно, знаешь, что Мильнеръ-Гибсонъ ²⁾—министромъ.

¹⁾ А между тѣмъ.

²⁾ Томасъ, мужъ пріятельницы Герцена.

◆◆ 1. Въ № „Allgemeine Zeitung“ отъ 19 юня 1859 г. напечатано: «Петербургскій митрополитъ недавно внесъ предложеніе объ отлученіи отъ церкви эмигранта Александра Герцена,—того самаго, который извѣстенъ, какъ издатель многихъ красно-демократическихъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Всѣ члены синода голосовали за это предложеніе, но государь отказалъ въ утвержденіи такого постановленія и одобрилъ московскаго митрополита Филарета, который одинъ выступилъ противъ».

Это извѣстіе и было воспроизведено въ „Daily Telegraph“.

1239. Письмо къ М. К. Рейхель.

29 юня (1859).
Park House, Fulham.

Сейчасъ получилъ ваше письмо. Я зналъ, что Кав. ¹⁾ долженъ быть, и жду его съ нетерпѣніемъ, а пока посылаю на ваше имя тотъ же «Колок.»... Если знаете, гдѣ онъ, перешлите ему. ¹

Въ Парижѣ гоненіе, и притомъ ожесточенное, на «Поляр. Звѣзду» и «Кол.», и все это происками Тимашева, который въ Парижѣ и на дняхъ будетъ здѣсь... Я жъ его! ²⁾

На Isle of Wight я не собирался, но для Кав. готовъ туда ѣхать; вы говорите объ Isle of W., какъ объ путешествіи — да, вѣдь, это 4 часа Express-train, ^{1/2} часа моремъ и часъ въ каретѣ; со всѣми потерями до южнаго берега отъ Ватерлоо 8 часовъ. Итакъ, пріѣхать, уѣхать ничего не значить.

Марка Вовчка жажду видѣть; ея книга—такая безподобная вещь, что я не только себѣ, но вслухъ читалъ Татѣ и даже совѣтовалъ переводить по-англійски.

Фотографію я сдѣлаю, если возможно, сдѣлаю стереоскопъ; но о какомъ дагерот. вы говорите: о томъ, въ которомъ Гран. представленъ покойникомъ, или о другомъ? пишите тотчасъ объ этомъ. Помните ли вы, что всѣ другіе дурны? Какъ бюстъ сладить по фотографіи, я не знаю. Мой бюстъ изъ мрамора, сдѣланный для Триюфнера, превосходенъ. Я вамъ пришлю съ него бюстикъ, если выйдетъ такъ же хорошъ, какъ оригиналь; первый опытъ дуренъ.

Тата, которая всегда имѣла порядочный талантъ къ рисованію, стала дѣлать портреты (пока профили) очень хорошо.

¹⁾ Константинъ Дмитріевичъ Кавелинъ.

²⁾ № 1241.

Скажите Кав., если имѣете съ нимъ сношенія: 1-хъ, чтобъ онъ мнѣ прислалъ свой адресъ; 2-хъ, назначилъ бы день своего прїѣзда; если онъ не будетъ чуфариться, то пусть просто съ чемоданомъ и остаткомъ минеральныхъ водъ въ желудкѣ ѣдетъ ко мнѣ. Если онъ не выросъ съ 1847 года, мѣста будетъ довольно про него.

Помнить ли онъ, какъ за неимѣніемъ водки, я у него выпилъ цитмановъ декоктъ ¹⁾?)

Что вы толкуете о Фогтѣ? развѣ вы не видѣли, что та же «Аугсб. Газета» и меня выдала за наполеоновскаго агента? Чортъ съ ними! Исключая Рейхеля, я вамъ серьезно совѣтую ненавидѣть всѣхъ нѣмцевъ.

Рейхеля потому исключаю, что *самъ* Стасовъ ²⁾ его хвалить, и Прудонъ его называлъ «*âme d'archange*» ³⁾, а вы называете мужемъ. Кланяйтесь Станк. ⁴⁾. Ну, что бы написать или вѣсточекъ или такъ...

Насчетъ лѣтъ Зонненб. и Вѣры Артам. сомнѣваюсь. Мнѣ 47; когда Вѣра Ар. стала за мной ходить, ей было не болѣе 30—35, а потому ей *tout au plus* ⁵⁾ около 80 и того нѣтъ, а Зонненб., навѣрное, десять лѣтъ моложе, только дурно пахнетъ!

Когда Ег. Ив. будете писать, скажите, что деньги, если получить отъ Сат., послать Аксинѣ Иван.

P. S. Не можетъ ли Станк. какъ-нибудь помочь Мельгунъ? Я дошелъ до-нелзя, а онъ умираетъ съ голода; я возьмусь доставить.

А что вы не сказали ни слова о моей статьѣ «*Very dangerous*»?

◆◆ 1. Въ юнѣ 1859 г., попавъ опять за предѣлы Россіи, Кавелинъ писалъ Герцену: «Увидать тебя, обнять, проститься, можетъ быть, навсегда—было моей мечтой, моимъ долгомъ; не исполнивъ его, я бы не умеръ спокойно. Два года тому назадъ, волна, бѣжавшая отъ тебя, разбивалась у моихъ ногъ (въ Остенде, 1857 г.—*М. Л.*), и я чуть-чуть не со слезами помышлялъ о томъ, что, все-таки, не могу тебя увидѣть... Разошедшись на короткое время не въ мысляхъ, а въ образѣ дѣйствій, я опять и давно сошелся съ тобсю. Къ любви прибавилось благоговѣніе. Не сердись за это выраженіе, въ немъ нѣтъ ничего раболѣпнаго. Я вижу въ тебѣ не только близкаго и друга, но и перваго человѣка въ цѣлой Европѣ. Никто лучше тебя не сказалъ того, что я думалъ и чувствовалъ. Въ мысляхъ твоихъ я не видалъ ни одной уступки, ни одной фаль-

¹⁾ Наболѣе распространенный препаратъ (отваръ), приготовляемый изъ сарсапарильнаго корня и примѣняемый при хроническомъ ревматизмѣ.

²⁾ Владиміръ Васильевичъ.

³⁾ Ангелъской душою. -

⁴⁾ Александръ Владиміровичъ Станкевичъ.

⁵⁾ Самое большее.

шивой ноты. Радостно билось сердце, когда свою мысль я читалъ у тебя, выраженную такъ блистательно и такъ мѣтко. Но, кромѣ этой связи, была и есть другая, это—глубокая, ничѣмъ невозмутимая вѣра въ будущность Россіи; и я понимаю ее такъ же, какъ ты, можетъ быть, съ незначительными оттѣнками, о которыхъ необходимо переговорить серьезно. Твои пророчества о Россіи и Европѣ скоро станутъ истинами, хотя теперь не многіе еще это понимаютъ... Въ письмѣ твоемъ есть одна жестокая фраза, есть упрекъ. Отчасти мы его заслужили, отчасти ты осудилъ насъ, не выслушавъ оправданій. Какъ бы то ни было, я заранѣе прошу тебя забыть мои вольныя и невольныя вины передъ тобою!... Ты былъ для меня тѣмъ же, чѣмъ Бѣл. и Гран., и одинъ ты мнѣ остался» («Письма», 9—10).

Къ великому сожалѣнію, писемъ Герцена къ Кавелину нѣтъ, и они не отыщутся и впослѣдствіи: въ серединѣ 1862 г. ихъ сожгла жена Кавелина, Антонина Ѳедоровна, боясь преслѣдованій въ смутное время начавшейся реакціи («Письма», 11).

1240. Печенѣги или не печенѣги?

Много разъ повторяли мы, что всегда готовы помѣщать всякаго рода поправки нашимъ статьямъ. У насъ нѣтъ средствъ дѣлать повѣрки и мы, нисколько не обидясь, помѣстили цицероновское оправданіе Сечинскаго, доктора Штейна и др. На этомъ основаніи помѣщаемъ мы письмо, написанное въ оправданіе «Печенѣжскаго набѣга» черниговскаго губернатора на раскольничій монастырь (10 листъ «Колокола»). Дѣло читателей судить; съ нашей стороны мы находимъ, что становится за ширмы высочайшаго повелѣнія—можетъ снять судебную отвѣтственность, но нисколько не снижаетъ отвѣтственности передъ общественнымъ мнѣніемъ.

Гнать раскольниковъ глупо и невѣжественно, кручиниться, что они добровольно тратятъ деньги на свои религіозные капризы—слишкомъ слабо-нервно въ странѣ, гдѣ дворянство и чиновники насильственно обираютъ крестьянъ до послѣдней нитки. Ломать замки, рыться въ вещахъ старухъ,—все это, дѣйствительно, поступки печенѣжскіе и татарскіе.

Разсказъ нашего корреспондента и разсказъ защитника черниговскаго губернатора не сходны; они намъ напоминаютъ французскія и австрійскія реляціи объ одномъ и томъ же сраженіи, *которое все же было* ¹⁾.

*) Это совсѣмъ другое дѣло. Мы, пожалуй, могли бы молчать на то, что помѣщикамъ предоставлено право сѣчь въ частномъ домѣ крѣпостныхъ

¹⁾ Дальше идетъ пространное письмо въ защиту черниговскаго губернатора.

*) Примѣчаніе, сдѣланное къ словамъ автора письма: «По моему, слѣдовало бы не только раскольничьи, но всѣ *православные* монастыри уничтожить».

людей, еслибъ и крѣпостнымъ людямъ было предоставлено право по общему приговору посылать въ часть своихъ господъ.

*) Мы еще пламеннѣе желаемъ *распространенія* «Колокола». Мы готовы посылать даромъ, лишь бы онъ доходилъ!

1241. [Старанія Тимашева].

Тимашевъ, генераль отъ III Отдѣленія, посѣтилъ Парижъ, гдѣ былъ принятъ съ подобающимъ почетомъ, *только не русскими путешественниками*, а французскими блюстителями порядка и молчанія, у которыхъ онъ успѣшно хлопоталъ о запрещеніи нашихъ изданій. Говорятъ, что свою ученую прогулку генераль отъ III Отдѣленія продолжитъ до Лондона. Ну здѣсь-то къ кому онъ обратится? Страна безобразная: ни цензуры, ни корпуса жандармовъ, ни казематовъ, ни Адлерберга съ Мулановымъ, чтобъ остановить *колокольный звонъ* по случаю вождельннаго пріѣзда его превосходительства.

Онъ обратится къ Михаловскому!

Все это усердіе—отъ нашей статьи о томъ, какъ братья Тимашевы *освобождали* своихъ крестьянъ *безъ земли*, помѣщенной въ 38 листъ.¹

◆♦ 1. Въ апрѣлѣ въ III Отдѣленіе поступила анонимная записка: «Сочиненія Искандера читаются въ губерніяхъ Нижегородской, Ярославской и Костромской повсемѣстно. Почти всѣ помѣщики имѣютъ «Колоколъ» и «Полярную Звѣзду» и раздають для чтенія всѣмъ лицамъ, принадлежащимъ къ среднему классу». Немедленно приказано было штабъ-офицерамъ навести обо всемъ точныя справки. Отвѣты поступили быстро. Ярославскій и Костромской сообщили, что читаются, но сочувствія не возбуждаютъ; нижегородскій—не открыть никакъ, кто получаетъ, читаютъ же военный губернаторъ и служащіе въ пароходныхъ обществахъ. Въ октябрѣ стало извѣстно, что на нижегородской ярмаркѣ идетъ широкая торговля изданіями Герцена. Дали нахъобучку жандармскому полковнику, а онъ отвѣтилъ: «если и привезли, такъ евреи, а развѣ за ними можно въ чемъ усмотрѣть».

9 декабря управлявшій департаментомъ внутренней торговли сообщилъ III Отдѣленію, что привезенный 13 октября на пароходѣ «Владиміръ» чемоданъ со знакомъ «Т 226» и съ надписью «Thom-

¹) Замѣчено послѣ пожеланія автора письма, чтобы «Колоколъ» былъ распространяемъ съ большею широтою и систематичностью.

massiu», за неявкою владѣльца, осмотрѣнъ 4 декабря; въ немъ оказалось 36 экз. «Колокола», отправленныхъ въ цензурный комитетъ, а списокъ пассажировъ прилагался для III Отдѣленія. Тимашевъ вернулъ списокъ, а впредь просилъ конфискуемое посылать тоже и въ III Отдѣленіе.

12 февраля 1859 г. III Отдѣленіе предписало полтавскому жандармскому штабъ-офицеру собрать свѣдѣнія объ учителѣ А. И. Стронинѣ, находящемся въ сношеніяхъ съ Герценомъ. Получился отвѣтъ, что и самъ мѣстный жандармъ и полтавскій губернаторъ уже имѣли въ виду Стронина, теперь надзоръ усиленъ, но еще ничего не обнаружено (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1834 г., I экз., дѣло № 239, ч. 10).

1242. Письмо къ сыну.

1 іюля (1859).

Park House, Fulham.

Ты знаешь, что монополія описывать именины принадлежитъ Татъ, а потому она расскажетъ тебѣ, какъ мы провели 25 число ¹⁾. Я тебя спрашивалъ, когда у васъ начинаются вакаціи и когда ты пріѣдешь, а ты ничего не отвѣчаешь.

Война поселила такое раздраженіе, что Мюллеръ-Стр. постоянно всякое воскресенье ругался со всѣми: съ Девилемъ, Бокэ и пр., защищая нѣмцевъ. Наконецъ, 26 онъ сталъ спорить со мной о прусскихъ офицерахъ, находя, что они—дѣбрые люди. Меня это взорвало, и Мюллеръ вдругъ вскочилъ изъ-за стола, грозно объявилъ: «Въ этомъ домѣ нельзя больше говорить!» и, не прощаясь, вышелъ, не допивъ 15 стакановъ пива и 5 рюмокъ вина. Всѣ съ молчаніемъ репробаціи смотрѣли на этотъ воинственный поступокъ, а Бокэ насупилъ брови и подумалъ, что и это—побѣда Франціи. А въ милой Франціи такой деспотизмъ, что «Колокола» ни *sous bande*, никакъ нельзя послать. Тамъ теперь Тимашевъ, начальникъ тайной полиціи въ Петерб., и онъ упросилъ взять эти мѣры.

Если Фогтъ пріѣхалъ, ему не дурно бы хорошенько обругать своихъ обвинителей. Я кричалъ, шумѣлъ за него, но нѣмчурки—всѣ Блинды ²⁾, даже Бухеру ³⁾ не даютъ слово сказать (кому онъ

¹⁾ День рожденія А. А. Герцена.

²⁾ Карлъ, горячій нѣмецкій патріотъ.

³⁾ Лотаръ, нѣм. политич. дѣятель, эмигрантъ, талантливый публицистъ.

предложилъ въ Вюртембергѣ издавать журналъ?). «Аугсб. Газета» усердно перепечатываетъ.

2 іюля.

Ожидаю Пульскаго, который писалъ, что пріѣдетъ толковать о какомъ-то дѣлѣ. Ты, вѣроятно, знаешь, что Кошутъ въ Піемонтѣ. Французы-рефюжье и его выдаютъ за подкупленнаго...

Кажется, Natalie хочетъ ѣхать къ морю одна съ Лизой, на мѣсяцъ; полагаю, въ Гастингсъ. ¹

Прощай и будь здоровъ.

Трюб. пишетъ, что ему возвратили все, посланное въ Швейцарію черезъ Францію; потому я дѣлаю опытъ: «Кол.» посылаю черезъ Бельгію, а «Кто винов.» черезъ Францію.

◆◆ 1. Тогда же Огарева думала ѣхать въ Германію на нѣсколько мѣсяцевъ.

Чтобы судить объ отношеніи Огарева къ Лизѣ, приведу часть посвященнаго имъ ей стихотворенія, написаннаго въ 1859 г.:

Дитя мое, тебя увозятъ вдаль...
 Куда? Зачѣмъ? Что сдѣлалось такое?
 Зачѣмъ еще тяжелую печаль
 Мнѣ вноситъ въ жизнь безуміе людское?
 Я такъ былъ радъ, когда родилась ты!...
 Чуть брезжилъ день... И дѣтскія черты,
 И эта ночь, и это разсвѣтанье —
 Все врѣзалось въ мое воспоминанье.

Вотъ скоро годъ слѣжу я за тобой,—
 Какъ ты растешь, какъ стала улыбаться,
 Какъ ищетъ словъ неясный лепетъ твой,
 И стала мысль неясно пробиваться...
 И есть чутье въ сердечной глубинѣ:
 Ручонками ты тянешься ко мнѣ
 И узнаешь по силѣ сокровенной,
 Что я твой другъ радушный, неизмѣнный.

И страшно мнѣ: ну, будешь ты больна,—
 Не я тебя утѣшу въ часъ недуга...
 Ну, ты умрешь?... Нѣтъ! это призракъ сна,
 Безумный бредъ ненужнаго испуга...

Ты вырастешь! Но нѣжный возрастъ твой,
 Дитя мое, взлелѣется не мной,
 Не я вдохну тебѣ, цѣлуя руки,
 Ни первыхъ словъ, ни первыхъ пѣсень звуки.

1243. Приписка къ сыну.

4 іюля 1859.

А сама знаетъ, что вчера билета достать не могъ и нынче едва общали ¹⁾).

Жду тебя съ нетерпѣніемъ и никакъ не позже 15 числа; мы поѣдемъ, пожалуй, въ Вентноръ.

1244. Письмо къ А. А. Чумикову.

7 іюля (1859).

Park House, Fulham.

Благодарю Васъ за присланное и за письмо. Присланное будетъ употреблено; что касается письма, Вы мнѣ позволите отвѣчать на него по пунктамъ.

1. Я считаю крестьянскій вопросъ несравненно важнѣйшимъ всѣхъ русскіхъ вопросовъ вмѣстѣ, и потому съ самаго освобожденія онъ будетъ на первомъ планѣ. Если у насъ былъ успѣхъ въ чемъ-нибудь, то именно въ этомъ вопросѣ. Александръ Николаевичъ взялъ мысль о *выкупѣ* изъ V кн. «Голосовъ» и изъ «Колокола». Ростовцовъ въ своемъ комитетѣ указалъ на нихъ. ¹ А прогос, въ паденіи Закревскаго никто не участвовалъ, кромѣ его дочери. Итакъ, въ этомъ вопросѣ я съ Вами не могу согласиться.

2. Я совершенно съ Вами согласенъ въ цѣнѣ книгъ, но я связанъ по рукамъ и по ногамъ Трюбнеромъ. Онъ платитъ мнѣ 3 пенса за «Колоколь» и 4 шиллинга — за «Полярную Звѣзду» и продаетъ ихъ по 6 пенс. и 8 шил. Иначе онъ не станетъ хлопотать.

«Записки» Дашковой куплены имъ самимъ у переводчика; всѣ книги печатаются у Свентославскаго въ типографіи, издаются безъ матеріальнаго содѣйствія моего.

¹⁾ Выше Н. А. Герденъ сообщала, что собиралась въ оперу.

Книги въ Англіи дороги, дешевы только тѣ, изданія которыхъ печатають отъ 20 до 40,000 экзепм.

3. Очень жалѣю, что Вашъ знакомый помѣшалъ Вамъ побывать въ Лондонѣ, сказавши Вамъ, что я не принимаю русскихъ. Я не знаю, кто онъ; карточки г-на, которому бы отказали два раза, у меня нѣтъ.

Это случается иногда такъ: является анонимный г. утромъ, въ самое рабочее время (уваженія къ труду, Вы знаете, у насъ мало) и не застаётъ—я до 4 часовъ никого не пускаю къ себѣ, это знаетъ Трюбнеръ. Въ *воскресенье* я отъ 3 часовъ до ночи дома и вечеромъ въ *среду*. Согласитесь, что меньше нельзя сдѣлать, какъ спросить запиской, *когда вы дома и кто желалъ это знать*. Наконецъ, можетъ случиться, что челоувѣкъ прѣдетъ и не застанеть,—мнѣ придется тогда только жалѣть объ этомъ. ²

Усердно кланяюсь вамъ. *Герценъ*.

◆◆ 1. Въ журналѣ общаго присутствія Редакціонныхъ комиссій 23 марта 1859 г. сказано: «*Ростовцовъ*. Я долженъ сообщить вамъ, господа, что изъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, по особому разрѣшенію, будутъ присылать въ комиссію одинъ экземпляръ «Колокола» для того, чтобы мы все знали, что объ насъ будутъ писать за границей; я буду васъ просить, чтобы вы и изъ «Колокола» заимствовали и приняли въ соображеніе все, что только можетъ быть полезно и примѣнено къ исправленію нашихъ трудовъ и усовершенствованію проекта положеній. У *Арапетова* вырвались слова: «Какъ, неужели заимствовать у Герцена?», *Ростовцовъ* отвѣчалъ: «Что намъ за дѣло до личностей? Кто бы ни сказалъ полезное, мы должны воспользоваться» (Н. Семеновъ, «Освобожденіе крестьянъ», etc. I, 114).

2. О томъ, какъ принимались русскіе Герценомъ на дому, находимъ у Н. А. Огаревой. «Герценъ распорядился, чтобы всѣхъ русскихъ прѣзжихъ впускали въ отдѣльную половину гостиной, куда я приходила узнавать, кто именно прѣхалъ, надолго ли въ Лондонѣ и пр. Тѣ, которые прѣзжали только на день или два, нарочно, чтобы передать рукопись, должны были видѣть его немедленно, желая сообщить ему многое на словахъ; тогда А. И. приходилось оставлять свои занятія. Когда бывали изъ Россіи люди, уже извѣстные Герцену лично или по ихъ трудамъ, онъ безконечно радовался имъ и бросалъ для нихъ свои обычные труды; въ такихъ случаяхъ я звала его тотчасъ къ прѣзжимъ; но большею частью говорила ему имена и проч., инымъ сама назначала сво-

бодный часъ Герцена, въ два или три часа пополудни. Тогда, посидѣвъ съ посѣтителемъ, Герценъ предлагалъ ему отправиться вмѣстѣ въ Лондонъ, потому что воздухъ и движеніе были необходимы для А. И. послѣ усидчивой работы. Герценъ старался, чтобы русскіе не бывали у насъ по воскресеньямъ, потому что собиралось иногда такъ много гостей, что трудно было ручаться, чтобы не проникъ шпионъ къ намъ въ этотъ день; но нелегко было уговорить русскихъ быть осмотрительнѣе: они, все-таки, часто бывали и въ воскресенья и часто безъ нужды были очень откровенны со всѣми и называли свои фамиліи, тогда какъ всѣ наши говорили постоянно русскимъ или полякомъ, знакомя ихъ съ пріѣзжими русскими: «нашъ соотечественникъ, имя не помню или не слыхала»; знакомя ихъ съ иностранцами, мы говорили: «нашъ соотечественникъ, фамилія очень трудная, дикая для ушей европейца,—называйте его по имени, Александромъ, или какъ-нибудь иначе» («Воспоминанія, 152—153).

1245. Письмо къ сыну.

10 іюля 1859 г.
Park House, Fulham.

Письмо твое я нашелъ, возвратившись съ Огаревымъ изъ прогулки въ Hastings Eastbourne, гдѣ мы искали домикъ для Natalie съ Лизой. Превосходная погода и чистый морской воздухъ сдѣлалъ то, что мы съ ненавистью въѣхали въ Лондонъ. Если твои вакаціи начнутся съ 5 ав., то что же ты будешь дѣлать до 25? Положимъ, два дня или три позже, — все же къ 10-му ты будешь у Маріи Касп., три дня въ Дрезденѣ, приче́мъ посмотри непременно галерею, и три дня на дорогу; это значитъ, что 20 ты долженъ быть въ Лондонѣ.

Я какъ-то на дняхъ, думая о разныхъ случайностяхъ, началъ писать тебѣ записку на случай моей смерти. Главное, что я желаю отъ вашей жизни, ты знаешь; но я хотѣлъ вмѣнить тебѣ въ обязанность, несмотря ни на какія твои занятія, непременно продолжать русское книгопечатаніе за границей, даже въ случаѣ смерти Огарева, который, какъ ты знаешь, дѣйствительно, вашъ второй отецъ и истинный другъ. Безусловная любовь къ нему — лучшая память, какая возможна обо мнѣ.

Недѣли три тому назадъ расхворался Чернецкій, да, вѣдь, какъ, — у него сдѣлался ревматизмъ въ сочлененіяхъ, которыя

опухли. Когда я прїѣхалъ къ нему, у него былъ видъ старика, совершенно исхудалаго и осунувшагося; онъ не могъ вставать и не могъ ничего поднимать рукою. Теперь ему немного лучше и скоро будетъ выходить.

Оправданіе вашего Стемпфли ¹⁾ насчетъ швейцаровъ, служащихъ въ Неаполѣ и Римѣ, плохо и бѣдно. Неужели К. Фогтъ не пошумитъ объ этомъ? Скажи ему, что мы ждемъ съ нетерпѣніемъ. Да, скажи ему еще, что его брошюра почти цѣликомъ перепечатана въ петерб. «Современникъ» ²⁾.

1814—1859.

1246. Второе занятіе Парижа русскими.

При первомъ въ Парижѣ распоряжался изъ нѣмцевъ *Фабіанъ Вильгельмовичъ Фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ*, при второмъ—изъ жандармовъ *Тимашевъ*.

Пока Наполеонъ добываетъ *несокрушимыя* войска габсбургской имперіи, Парижъ полицейски занятъ русскими, и графъ *Киселевъ* ³⁾, оставленный для формы и почета *янычмъ* посланникомъ, замѣщенъ, въ сущности, *дѣйствительно тайнымъ*—*Тимашевымъ* изъ III Отдѣленія.

Отовсюду приходятъ къ намъ слухи о рѣзкихъ и быстрыхъ военныхъ дѣйствіяхъ генерала Тимашева противъ «Колокола», противъ «Полярной Звѣзды». Французскіе шпіонишки утромъ и вечеромъ бѣгаютъ по книжнымъ лавкамъ въ Парижѣ, ищутъ *les maudits imprimés russes* ⁴⁾, такъ, какъ при Николаѣ русскіе шпіонишки, управляемые тогда *незабвеннымъ* Леонтиемъ Васильевичемъ ⁵⁾, шныряли по французскимъ лавкамъ и искали парижскихъ книжонокъ.

Мы увѣрены, что какъ только Тимашевъ воротится въ Петербургъ, кн. Долгоруковъ представитъ его къ ордену *всеслышащую уха* съ надписью: «за *взятіе «Колокола» въ Парижѣ во время какульныхъ жаровъ 1859 года»*.

Жаль, что къ этому порывистому усердію примѣшивается дичность,—и въ этомъ мы виноваты. Нужно, въ самомъ дѣлѣ, было намъ помѣщать въ «Колоколѣ» о томъ, какъ братья Тимашевы

¹⁾ (Stämpfli) Якобъ, швейцар. госуд. дѣятель.

²⁾ Въ VI кн. 1859 г., приложеніемъ къ статьѣ Чернышевскаго.

³⁾ Павелъ Дмитриевичъ.

⁴⁾ Проклятыя русскія изданія.

⁵⁾ Дубельтъ.

уговорили откупиться 700 душъ въ Оренбургской губерні... *безъ земли*. Во-первыхъ, зачѣмъ *душъ* земля, а потомъ, что же за важность, что братья Тимашевы прогнали мужиковъ и пустили ихъ по міру?—въ Россіи не нехристи живутъ: подадутъ гдѣ-нибудь ломтикъ хлѣбца, и много ли, въ сущности, прибавится къ массѣ крестьянъ, разоренныхъ въ конецъ благороднымъ россійскимъ дворянствомъ, сей вѣрной опорой престола, — отъ 700 душъ да еще оренбургскихъ? О чемъ же тутъ было печатать? Вотъ за то «Колокола»! вотъ за то «Полярной Звѣздѣ»! ¹⁾

1247. Выговоръ по службѣ.

Разсказываютъ, что въ тѣ патріархальныя времена, когда «еще намъ были новы» всѣ канцелярскіе порядки, и нѣмецкая бюрократія чуть-чуть пускала солодковые корешки свои въ едва распханную русскую землю, — въ какую-то дикастерію сошла, или, лучше, наслалась бумага изъ Петербурга, въ которой велѣно было сдѣлать одному чиновнику *строжайшій выговоръ* при отворенныхъ дверяхъ присутствія. Презусъ потеръ лобъ, поморщился да и давай его въ дверяхъ пушить на чемъ свѣтъ стоитъ. «Ахъ, говоритъ, ты такой-сякой, чего не идешь въ отставку, коли службы не знаешь!» Тотъ слушалъ, слушалъ, наконецъ, потерявъ терпѣніе, объявилъ, что онъ будетъ жаловаться вышему начальству *за афронтъ чести*.

Презусъ, видя, что чиновникъ хочетъ итти, велѣлъ его задержать въ канцеляріи, вышелъ изъ присутствія, снялъ мундиръ, надѣлъ скюртку и, протягивая обѣ руки, сказалъ разсерженному чиновнику:

— Другъ ты мой сердечный, вѣдь, мнѣ-то какво было? вѣдь, я тебя люблю душевно, вѣдь, хлѣбъ-соль двадцать лѣтъ водилъ, не каменный я какой. Пожалуйста, прости!

— Съ чего же вы взѣлись на меня?—спросилъ титулярный и обиженный совѣтникъ.

— Служба, служба! вотъ видите предписаніе изъ Петербурга, — написано: «Сдѣлать *строжайшій* выговоръ».

— Такъ это вы изъ-за этого меня и въ хвостъ, и въ гриву?

— Какъ же, батюшка, *строжайше*.

¹⁾ Въ утѣшеніе нашимъ читателямъ мы должны сообщить, что продажа «Колокола» и «Полярной Звѣзды» никогда не шла лучше, какъ теперь!

— Ну, Богъ васъ простить!

Этотъ анекдотъ пришелъ намъ въ голову вслѣдствіе письма, недавно полученнаго нами, *ставящаю намъ на видъ* наши упущенія и недостатки.

Странный ріі принялъ русскій умъ. Наклонность къ насмѣшкѣ, къ ироніи — совершенно національныя и прекрасныя свойства въ нашемъ характерѣ — превратились подъ канцелярскимъ вліяніемъ петровской эпохи въ страсть къ *начальническимъ выговорамъ*.

Мы получали ихъ не одинъ разъ. Вотъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ послѣднему, писанному отъ имени «легіона» нашихъ добροжелателей.

«Не довольно, говоритъ авторъ, въ *прекрасномъ* далеко изготовлять бомбы, надобно ихъ умѣть бросать, и чѣмъ больше и чаще, тѣмъ лучше; никто не требуетъ отъ васъ, чтобы вы были въ одно и то же время писателемъ и книгопродавцемъ. Никто также не требуетъ, чтобы вы разорились на общую пользу, но, объявивъ, что труды ваши въ настоящее время вознаграждаются матеріально, вы *дали публикѣ право контролировать ваши изданія...* ¹⁾

«Если, продолжаетъ авторъ, вашихъ собственныхъ силъ не достаточно, пригласите печатно сотрудниковъ. *Многіе* поѣхали бы даже въ корректора, но, не зная, *какой* ассиеил ²⁾ вы имъ сдѣлаете, не рѣшатся ѣхать на авось. Кстати, корректура въ вашихъ изданіяхъ все хуже и хуже, и есть строки, которыхъ смыслъ совершенно не понятенъ, *непростительная небрежность* — за *огромныя деньги*. Если въ Лондонѣ дорого издавать, то перенесите изданіе, т. е. *печатаніе, въ Германію*. Вѣдь, печатаютъ же Schneider и Frank вещи не менѣе *кричація*.

«Желательно, чтобы «Колоколъ» выходилъ чаще, обратился бы въ газету: всѣ указы, приказы и т. п. должны тотчасъ обсуживаться въ «Колоколѣ». Иные №№ «Колокола», извините, чрезвычайно бѣдны по содержанію. ПОВТОРЯЮ, *если вы не признаете въ себѣ редакторскаго таланта, то вызовите, — стоитъ только кличъ кликнуть*».

Мы увѣрены, что авторъ безъ умысла употребилъ *этотъ тонъ*, который *никогда* не придетъ въ голову ни одному англійскому

¹⁾ Вотъ какъ дѣлается этотъ контроль. Авторъ обвиняетъ г. Трюбнера въ томъ, что въ V книжкѣ «Полярной Звѣзды» много *блудой бумаги*, что есть страницы, на которыхъ только 5 строчекъ, и что стихи можно бы было напечатать на меньшемъ пространствѣ. Объемъ «Полярной Звѣзды» и число строчекъ *совершенно независимы* отъ г. Трюбнера; цѣна «Пол. Зв.» нисколько не измѣнилась бы отъ того, что листомъ было бы больше или меньше, — мы не думали продавать ее ни на вѣсъ, ни на ярды. А. И. Г.

²⁾ Приемъ.

журналисту, потому что въ Англии есть борьбы, нетерпимости, доходящія до грубости, но нѣтъ *внушений*, нѣтъ служебныхъ распеканій, нѣтъ начальническихъ «ПОВТОРЯЮ», — пора отучиться и намъ.

Что касается до разсылки книгъ, это—дѣло г. Трюбнера, и нельзя не отдать ему полной справедливости, что онъ дѣйствовалъ съ большимъ умомъ и съ большимъ успѣхомъ, доказательствомъ этому—расходъ вторыхъ изданій и продажа «Колокола» ¹⁾).

Ненадобно забывать, какія препятствія дѣлають циркуляціи нашихъ книгъ. Когда Норовъ вымолилъ у Мантейфеля и у Бейста запрещеніе «Колокола», цѣлыя посылки его пропадали или отсылались назадъ съ такимъ *порто*, что лучше было отказываться отъ нихъ. Мѣсяцъ тому назадъ Тимашевъ исходатайствовалъ новое гоненіе въ Парижѣ, и 5-я книжка «Полярной Звѣзды» и 3 послѣднихъ листа «Колокола» нашли свою преждевременную кончину въ закормахъ французскихъ таможенъ.

Этими мѣрами полиціи ничего не сдѣлають, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но желающій *контролировать* не долженъ забывать, что періодическія потери эти падаютъ на Трюбнера, въ силу этого онъ назначаетъ цѣны слишкомъ дорогія; мы съ этимъ согласны, и будущія изданія онъ очень понизитъ, по нашему совѣту.

Что касается до цѣнъ, по которымъ продаются русскія книги въ Берлинѣ, Парижѣ и пр., мы совсѣмъ не отвѣчаемъ: *эта надбавка совершенно противозаконна*.

Вы видите, что сдѣлалъ г. Трюбнеръ для распространенія русскихъ книгъ, и что полиція — для уничтоженія ихъ. Но что сдѣлали русскіе для того, чтобъ способствовать циркуляціи? — *Ничего!*

Мы двадцать разъ предлагали посылать куда угодно наши книги и «Колоколъ», за *полцѣны и доставку*, мы не получали заказа *ни на одну тиней*. На что намъ кликать кличь, на что намъ *commis-voageur*? кто мѣшаетъ вамъ съ той стороны протянуть руку, когда съ этой подають книгу?

Открывая русскую типографію въ 1853 году, мы говорили вамъ: «Дверь открыта, хотите вы ей воспользоваться или нѣтъ, — останется на вашей совѣсти».

Считаемъ ли мы себя способными издавать журналъ или нѣтъ, это къ дѣлу не идетъ. Можно себя считать очень способ-

¹⁾ Въ Юнѣ мѣсяцѣ, напр., сверхъ 3 листовъ, вновь напечатанныхъ, г. Трюбнеръ получилъ заказъ на 4,800 разныхъ листовъ «Колокола» и на 25 полныхъ экземпляровъ. Типографія не могла ихъ выставить и отправила только 4,300. А. И. Г.

нымъ и не имѣть никакого таланта. Самый вопросъ показываетъ, что наша способность очень сомнительна, но *кличи* и въ этомъ случаѣ мы не будемъ *кликать*. Неужели почтенный авторъ думаетъ, что въ изданіи, основанномъ на безусловной тайнѣ корреспонденціи, можетъ участвовать каждый *незнакомецъ*, умѣющій писать по-русски и не имѣющій другого занятія? Да намъ на нашъ кличъ Тимашевъ даромъ отправить корректоровъ и батырщиковъ. Если же есть близкіе намъ люди, способные и желающіе работать съ нами, они насъ найдутъ безъ клича, и мы имъ будемъ очень рады.

«Полярная Звѣзда» и «Колоколъ» доказали возможность и своевременность русскихъ изданій за границей. Первые ручки всегда бывають бѣднѣ послѣдующихъ рѣкъ. Міръ не клиномъ сошелся,—развѣ кто-нибудь говоритъ, что внѣ Россіи можетъ быть только одинъ русскій журналъ, да и то въ Лондонѣ? Вы довольны русскими изданіями въ Лейпцигѣ и Берлинѣ, вы вѣрите *возможности* свободного слова въ настоящей Германіи,—издавайте тамъ новый журналъ.

Мы, съ своей стороны, готовы братски помогать всякому свободному органу русской мысли. ¹

◆◆ 1. Эта статья—отвѣтъ на письмо къ Герцену, опубликованное г. Гершензономъ въ V кн. «Голоса Минувшаго» 1913 г. въ качествѣ «письма неизвѣстнаго», но на самомъ дѣлѣ принадлежащаго А. А. Чумикову. Послѣдній сообщилъ, что изданія Герцена доставлялись въ европейскіе города очень неаккуратно. «Я оставилъ Парижъ 4 іюня, у Франка не были получены кн. 5 № «Пол. Зв.», ни VII т. «Голосовъ», ни 44 № «Колокола»; не было у него также V т. «Голосовъ». Всѣхъ этихъ изданій не нашель также во Франкфуртѣ-на-Майнѣ 7-го іюня. Въ Гамбургѣ 25-го іюня съ трудомъ досталъ у Гофмана 5-й № «Пол. Зв.», а VII т. «Голосовъ» не могъ достать; былъ этотъ томъ у другого книгопродавца, но расхваченъ въ одинъ день до послѣдняго экземпляра. И вотъ насъ трое русскихъ отправляются сегодня восвояси, изъ которыхъ каждый имѣетъ огромный кругъ знакомства, и всѣ мы не могли достать этого проклятаго «Панина». Предосадно! Здѣсь, въ Любекѣ, куда приходятъ еженедѣльно пароходы изъ Петербурга, также ничего новаго нельзя было достать. Даже не выставлено на окнѣ у книгопродавцевъ; я спрашивалъ у нихъ—развѣ запрещено? «Нѣтъ, говорятъ, не запрещено, wir vollen es thun» ¹). Вотъ почему необходимъ агентъ, который бы ихъ тормозилъ и понукалъ. Можно не преувеличивая сказать, что въ Любекѣ и Штеттинѣ въ продолженіе навигаціи должно

¹) Мы это устроимъ.

расходиться еженедѣльно по 100 экз. всѣхъ изданій (Шнейдеръ въ Берлинѣ сообщилъ весьма интересный фактъ, что онъ сбываетъ всего болѣе русскихъ книгъ въ Аѳины и Константинополь)».

Въ поясненіе торговыхъ отношеній Герцена и Трюбнера надо сообщить, что почти всѣ первыя изданія Герценъ печаталъ въ своей типографіи и такимъ образомъ былъ хозяиномъ товара, который продавалъ Трюбнеру преимущественно, но не исключительно; довольно много товара проходило черезъ лавку, устроенную на имя С. Тхоржевскаго. Вторыя изданія продавались заранѣе Трюбнеру полностью и печатались имъ уже у Свентославскаго; распространеніе ихъ зависѣло вполнѣ отъ Трюбнера, какъ собственника изданія. Винить Трюбнера въ неумѣломъ и недостаточномъ распространеніи трудно, потому что препятствія, создаваемая русской дипломатіей и жандармеріей, иногда подвергали риску большія партіи товара, посланнаго мало-мальски неосторожно или несвоевременно.

1248. Приписка къ М. Н. Рейхель.

22 іюля (1859).
Park House, Fulham.

Какимъ образомъ это письмо ¹⁾ залежалось, я не понимаю, — и пишу къ вамъ, чтобъ сказать, что сейчасъ ѣду въ Isle of Wight провожать Нат. Ал., оттуда пріѣду назадъ тотчасъ же и буду ждать Кавелина.

Дѣти еще здѣсь; къ нимъ снова будетъ ходить Mlle Meysenbug, но недѣли черезъ двѣ поѣдутъ и они.

Мы съ Огар. останемся на лондонскихъ гниляхъ; но теперъ цѣну такъ сбили, что за 8 шил. можно съѣздить въ Isle of Wight.

Прощайте.

Портретъ Гран. пришелъ ли въ цѣлости? Саша у васъ будетъ послѣ 10-го.

1249. Надпись на альбомѣ Н. П. Огарева.

Николаю Платоновичу для писанія, намъ для читанія.

А. Герценъ.

22 іюля 1859.

¹⁾ Письмо Н. А. Герценъ, къ которому и сдѣлана приписка.

1250. [Къ «Very dangerous!!!»].

Въ 44 листѣ мы предупреждали нашихъ русскихъ собратьевъ, слишкомъ нападавшихъ на изобличительную литературу, что они этимъ путемъ, сознательно или безсознательно, помогутъ *настательному* комитету.

Намъ бы чрезвычайно было больно, если бы иронія, употребленная нами, была принята за оскорбительный намекъ.

Мы увѣряемъ честнымъ словомъ, что этого не было въ умѣ нашемъ; если-бъ оно было, мы иначе бы стали обличать,—въ особой умѣренности и скрытности въ подобныхъ случаяхъ насъ самъ Панинъ не обвинить.

Нельзя же *manière de dire*, образъ выражений, особенно ироническихъ, брать въ прямомъ смыслѣ. Въ прошедшемъ „Колоколѣ“ мы говорили о томъ, что тайный членъ цензурнаго триумвирата—Тимашевъ, заступилъ мѣсто Сакена, бывшаго парижскимъ генераль-губернаторомъ, — развѣ кто-нибудь будетъ доказывать, что это не такъ?

Мы не имѣли въ виду ни одного литератора, мы вовсе не знаемъ, кто писалъ статьи, противъ которыхъ мы сочли себя въ правѣ сказать нѣсколько словъ, искренно желая, чтобы нашъ со-вѣтъ обратилъ на себя вниманіе. ¹

◆◆ 1. Эта замѣтка—единственный видимый слѣдъ пріѣзда Чернышевскаго къ Герцену. Надо ли говорить, что въ такомъ видѣ и при томъ запоздалая, она совершенно не удовлетворила ни Чернышевскаго, ни Добролюбова.

1251. «Подъ суды!»

Получая извѣстія о дѣлахъ слишкомъ частныхъ, чтобы взойти въ составъ „Колокола“, и *за достоверность которыхъ мы не можемъ ручаться*, мы рѣшили издавать, какъ прибавленіе къ „Колоколу“, листокъ подъ заглавіемъ „Подъ Суды!“. Смотри по количеству матеріала, онъ будетъ выходить разъ въ мѣсяць или въ два мѣсяца. Мы будемъ помѣщать въ немъ всѣ дѣла частныя, которыя, однако, не переходятъ въ пустыя личности и неинтересныя

сплетни. Честные люди, видя дѣло, рѣшенное несправедливо, или видя кого-нибудь притѣсненнымъ мѣстною властью, могутъ всегда доводить встрѣчаемые ими случаи до свѣдѣнія публики и правительства посредствомъ новаго органа. Если они ошиблись, то мы всегда примемъ и напечатаемъ *возраженіе другой стороны*, будь оно частное лицо или судебная инстанція, исправникъ или губернаторъ, благочинный или архіерей. Конечно, мы охотно предоставляемъ каждому лицу, постороннему въ дѣлѣ, присылать намъ свое сужденіе о немъ, но мы также предоставляемъ и себѣ право дѣлать свои заключенія, руководствуясь посильнымъ здравымъ смысломъ и существующими узаконеніями. Къ какой бы губерніи, къ какому бы уѣзду, къ какому бы городу или селу случай ни относился, мы предоставимъ всякому свободный голосъ. Не только случайно натываясь на какую-нибудь несправедливость, но даже слѣдя за ходомъ дѣлъ по официальной части губернскихъ вѣдомостей, всякій честный человекъ, проживающій въ губерніи или проѣзжающій по ней, можетъ обратить вниманіе на видимую имъ неправду, прослѣдить и обличить ее.

Мы открываемъ лобное мѣсто для частныхъ лицъ и частныхъ дѣлъ; отъ нашихъ соотечественниковъ зависитъ добросовѣстно и смѣло воспользоваться нашимъ предложеніемъ. Мы желали бы, чтобы „Колоколъ“ былъ голосомъ всѣхъ, а „Подъ Суды“—голосомъ каждаго. ¹

◆ 1. № 1 „Подъ Суды“ съ добавочными надписями; „Supplement to the Bell“ и „Registered for transmission abroad“ ¹⁾ вышелъ 1 октября 1859, № 2—15 ноября 1859, № 3—15 декабря 1859, № 4—15 января 1860, № 5—1 апрѣля, № 6—1 іюля, № 7—15 іюля, № 8—1 сентября, № 9—15 сентября, № 10—1 ноября, № 11—1 августа 1861, № 12—1 октября 1861 и № 13—22 апрѣля 1862 г.

1252. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 авг. (1859).

Park House, Fulham.

Посѣщеніе К. ²⁾—главное событіе послѣ пріѣзда О. ³⁾; такъ какъ оно было въ концѣ іюля, я предложилъ его назвать іюльской революціей. Онъ необыкновенно юнъ, при всей хандрѣ и при всемъ нездоровьи. ¹

¹⁾ Дополненіе къ «Колоколу». Зарегистрировано для передачи за границу.

²⁾ К. Д. Кавелинъ.

³⁾ Н. П. Огаревъ.

Теперь здѣсь Бот. ¹⁾ и Григоровичъ ²⁾; послѣдняго совѣтую лучше читать, чѣмъ смотрѣть и слушать. Гдѣ же Станкевичи?

— Довольны ли вы Сашей? Долѣе 5 дней его не держите и отправьте сюда по-добру, по-здорову. Прощайте, цѣлую Рейхеля, дѣтей и пр.

Р. С. Здѣсь былъ какой-то московскій купчикъ и привозилъ письмо отъ Кет. ³⁾ и Баб. ⁴⁾, — ругаютъ наповаль бѣдный «Колоколь» (который пріобрѣтаетъ силу государственнаго института; адмиралы и самъ Тимашевъ, даже Ростовц. заискиваютъ его милостей). Хорошо имѣть старыхъ друзей: хоть въ годъ разъ услышишь брань, чтобъ не «забывали». Помните, какъ берлин. купецъ называлъ своего сидѣльца «Алешкой», а не Алешей, съ той же цѣлью?

Au reste, Кет. и Коршъ были даже согласны съ Чич.

◆ 1. 21 августа Кавелинъ писалъ Герцену изъ Бланкенберга: «Я уѣхалъ отъ васъ съ разорваннымъ сердцемъ. Такъ было тяжело, что сказать не могу. Подъ видимой веселостью я читалъ скрытую скорбь, въ которой никто не хотѣлъ признаться. Двѣнадцать лѣтъ мы съ тобой не видались, Герценъ; а ты съ Бѣлинскимъ и Грановскимъ играли самую большую роль въ моей жизни; вами я воспитался; мнѣ кажется, я бы могъ ощупать въ себѣ тѣ струны, которыя наложены каждымъ изъ васъ. Теперь ты у меня одинъ остался, и всю любовь, къ какой я только способенъ, я сосредоточилъ на тебѣ,—не ту любовь, которой мы любимъ великихъ и замѣчательныхъ людей, а любовь личную, обнимающую всего человѣка, какъ онъ есть, со всѣми его сторонами. Что къ этой любви примѣшивается и благоговѣніе,—въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Я не могу любить тебя, какъ совершенно равнаго, потому что преклоняюсь предъ тобой и вижу въ тебѣ великаго человѣка. Если это—утѣшеніе въ страданіяхъ, то ты можешь этимъ утѣшаться. Время ложнаго стыда должно пройти, какъ всего ложнаго. Пора называть вещи ихъ именами. Не я одинъ такъ смотрю на тебя, а многіе; можетъ быть, изъ близкихъ тебѣ я одинъ рѣшаюсь это высказать. Тебѣ лавровый вѣнокъ, представителю русской мысли, свободной, чающей свое величіе и свою неизмѣримую будущность. Если она, въ лицѣ твоёмъ, носить вмѣстѣ съ лавровымъ и терновымъ вѣнкомъ, то тѣмъ прекраснѣе она въ моихъ глазахъ... Я ѣхалъ въ Лондонъ не изъ

¹⁾ Василій Петровичъ Боткинъ.

²⁾ Дмитрій Васильевичъ.

³⁾ Н. Х. Кетчеръ.

⁴⁾ И. К. Бабстъ.

любопытства, не изъ тщеславія, не изъ брeтерства. Для меня эта поѣздка была выполненіемъ давнишней мечты, удовлетвореніемъ сердечной жажды, долгомъ, по выполненіи котораго я могу умереть спокойно. Я тебя видѣлъ, обнялъ,—чего же мнѣ больше нужно?

«Одно, что меня мучить теперь, это то, что я замѣтилъ въ васъ обоихъ какое-то уныніе, какую-то усталость. Если это было отраженіе моего собственнаго физическаго и нравственнаго разстройства, то я очень счастливъ» («Письма», 11—12).

Въ другомъ, тоже августовскомъ, письмѣ Кавелинъ говоритъ: «Веди свое дѣло, какъ до сихъ поръ велъ, слушаясь совѣтовъ очень осторожно, развѣ въ мелочахъ. Тебѣ нѣтъ настоящихъ совѣтчиковъ, потому что ты смотришь и видишь страшно далеко» (тамъ же 43).

1253. Письмо къ Н. А. и Н. П. Огаревымъ.

4 августа (1859).

Park House, Fulham.

Пусто и скучно безъ Огарева. Я всталъ сегодня рано, потому что легъ въ двѣнадцатомъ часу. Утромъ принесли твои письма и, другъ мой, признаюсь,—всю душу покрыла черная туча. Когда же, когда же то истинное воскресеніе, то освобожденіе отъ земныхъ силъ?

Прочти это письмо съ Огар. Тебѣ больно, что мы *пирujemy*. Какъ пирujemy? съ кѣмъ? Увидѣвшись черезъ 12 лѣтъ съ послѣднимъ русскимъ другомъ ¹⁾). Какъ?—сидя съ нимъ втроемъ.

Дальше, твое письмо съ *двумя* портретами Татѣ. Я былъ при ихъ открытіи. Ольга бросилась на одинъ—это было такъ натурально, и потомъ она вся покраснѣла, узнавъ, что обойдена,—это намѣренно раздуть въ нихъ завистливое чувство и даже ревность (а ты знаешь, что такое это черное чувство). Стало, семью придется раздѣлить. Гдѣ же обѣты твои, гдѣ стремленія снести все?.. Мнѣ ужасно тяжело, до слезъ. Если-бъ я не желалъ такъ сохранить васъ всѣхъ, я бы, разумѣется, умѣлъ примириться со всѣмъ.

Жду письма отъ Огар. Если есть квартира, дѣти (а, можетъ, и я съ ними) поѣдутъ въ понедѣльникъ, въ 1—45 съ Waterloo bridge.

Лѣкарство я послалъ вчера, въ 8 часовъ вечера. Когда вы его получили? О д-ръ Девиль говоритъ, что онъ его не знаетъ, но думаетъ, что въ Осборнѣ или Каусѣ должны быть хорошіе.

Прощай.

¹⁾ К. Д. Кавелинъ.

Огаревъ, ты не сердись, что я распечаталъ письмо. Потому сдѣлалъ я такъ, что могло быть что-нибудь нужное.

Жду твоего письма,—я въ самомъ скверномъ расположеніи духа. Такъ бы все сдѣлалъ свѣтлымъ, теплымъ, музыкальнымъ... да силъ не хватаетъ.

Боже мой, что это за скотъ Бр. ¹⁾! Съ нимъ ничего не сдѣлаемъ. Пульскіе, Кошутъ,—всѣ въ Вентюрѣ. Прощай.

1254. Миръ.

(Вторая статья о войнѣ).

Какъ-то въ 1851 году, будучи на нѣсколько дней въ Парижѣ, я рано утромъ сидѣлъ и читалъ «Le spectre rouge» Ромье ²⁾. Брошюра эта, нынче забытая и занесенная разными слоями политическихъ памфлетовъ и реакціонныхъ брошюръ, сдѣлала нѣкоторый шумъ при своемъ появленіи. Ее хвалили немногіе, ее ругали почти всѣ,—ея портѣе ³⁾ не поняли ни тѣ, ни другіе. Я ее читалъ съ какимъ-то нервнымъ раздраженіемъ, удивляясь преступной откровенности, безстыдству выраженій и дерзости тѣхъ истинъ, которыя высказывались въ ней съ наивнымъ цинизмомъ.

Кто-то постучался въ дверь.

— Взойдите,—сказалъ я почти съ досадой. Но взошелъ челоуѣкъ, котораго я искренно уважалъ, и я съ радостью протянулъ ему руку.

— Вы меня застаете,—сказалъ я,—подъ магнетическимъ вліяніемъ ядовитой книги; я часа полтора испытываю удовольствіе американскихъ птицъ, когда онѣ находятся подъ чарами гремучей змѣи.

— И эта змѣя?—спросилъ Ж. Мишле.

— Ромье.

— Ромье?—повторилъ Мишле съ удивленіемъ.

— Вы, вѣрно, читали его «Красный призракъ»?

— И да, и нѣтъ... Я имѣлъ эту книжонку въ рукахъ, взглянулъ тамъ, сямъ... Вы знаете очень хорошо, кто такой и что такое Ромье; его статьи о цезаризмѣ, его брошюра, какъ тысячи другихъ, принадлежатъ къ массѣ печатной грязи, которую сегодня пишутъ по заказу, а завтра, по прошествіи надобности, сметаютъ въ канаву.

¹⁾ ?

²⁾ Огюсть, французскій администраторъ.

³⁾ Значительность.

— Я вижу, что вы ее не читали. Мнѣ кажется, что этотъ памфлетъ имѣеть гораздо большее значеніе.

— Главную мысль его я знаю очень хорошо, что же въ ней новаго?

— Какъ, что новаго? Да кто же смѣлъ съ такимъ цинизмомъ распоряжаться будущностью Франціи,—развѣ одинъ Доносо Кортесъ? Книжка Ромье—грозное пророчество.

— Хорошъ Исаія, нечего сказать.

— Что дѣлать, Богъ иногда не брезгаетъ и ослицами; вы лучше подумайте, какова эпоха, въ которой Фальстафы становятся пророками и проповѣдуютъ, вмѣсто Синайской горы и острова Патмоса, у «Провансальскихъ братій» и въ rue Joubert.

Мишле я не убѣдилъ, брошюра забыта, старый гуляка Ромье умеръ, а предсказанія его сбылись до послѣдняго слова.

Лѣтъ черезъ семь, въ другой странѣ, не гуляка, не пустой шутъ, а человѣкъ науки и мысли показалъ своему отечеству, вмѣсто *краснаго призрака, китайскую куклу*, кивающую пальцемъ и головою съ правильностью часовъ и съ ихъ безмозглостью,—куклу безъ личности, безъ особы, безъ отчета въ движеніяхъ, и замѣтилъ, что со всѣми желѣзными дорогами и телеграфами, свободой книгопечатанія и религіозной неволей Англія идетъ въ Китай ¹⁾.

И его книга прошла, не настороживъ никого, не поднявши даже пыли за собой; только литературные сторожа, въ двухъ-трехъ журналахъ, приподняли голову, пробормотали какой-то вздоръ со сна объ книжкѣ Милля, и она канула въ воду, какъ «Красный призракъ».

«Насильно спасать людей нельзя!» замѣтилъ взбѣшенный маршалъ Бюжо, когда Людовикъ-Филиппъ не позволилъ ему то, что законодательное собраніе не только позволило Кавеньяку, но вмѣнило ему въ обязанность—бомбардировать предмѣстье св. Антонія.

При всемъ этомъ нельзя сердиться на западнаго человѣка за его упорное непониманіе. Вѣтхія стѣны общественнаго зданія—*свои* ему, родныя, наслѣдственныя, *его все*, въ нихъ кровная связь, память усилій, страданій, казней, память побѣдъ; оно узко, давитъ, понагнулось, но ему жаль ломать.

Наши добровольные, *нареченные* западники гораздо менѣ понятны для меня. Ихъ жизнь не связана съ падающей храминой; имъ не будетъ лучше, если она поддержится контрфорсами; имъ не будетъ хуже, если она совсѣмъ развалится. У нихъ только

¹⁾ «On Liberty», J. S. Mill (См. «Колоколь», листы 40 и 41). А. И. Г.

архитектурные чертежи и картонныя модели. Иной разъ кажется, что они прикидываются ограниченными для того, чтобъ выдать себя за принадлежащихъ къ столбовой европейской семьѣ.

Такъ или иначе, но намъ періодически приходится повторять *одно и то же* и дѣлать тѣ же анатомико-патологическія объясненія; по счастью, они дѣлаются все легче и легче—*трупа больше!*

Въ печальное время горячечной трусости цезаря ¹⁾, послѣ трагическаго героизма Орсини, когда необузданное раболѣпіе Франціи выступало изъ береговъ, и Пальмерстонъ посягалъ на краеугольныя основы англійской свободы,—мы говорили, глядя на новыя разсѣлины ветхаго зданія, еще больше осунувшагося и покачнувшагося: «Мірѣ сдѣлалъ еще шагъ впередъ: старыя къ могилѣ, юныя къ возмужалости». Умники наши кричали о необузданности рѣчи, о пессимизмѣ, а между тѣмъ и на этотъ разъ все подтвердилось, кромѣ одного—*юныя не возмужали!*

«Наполеонъ III,—писали мы тогда,—представитель смерти. Бонапарты, какъ цезари, не причина, но послѣдствіе, признакъ. Это—туберкулы на легкихъ отходящаго Рима. Это—болѣзнь старости, это—сила судорогъ, безумная энергія горячки.

«Бонапартизмъ идетъ рука въ руку со смертью. Его слава кровавая, она вся изъ труповъ. Въ немъ нѣтъ силы зиждительной, нѣтъ производительной дѣятельности; онъ совершенно безплоденъ, все созданное имъ—обманъ, мечта: *кажется, будто что-то есть*, а въ сущности нѣтъ *ничего*,—все это призраки, тѣни... имперіи, королевства, династіи, герцоги, принцы, маршалы, границы, союзы... подождите четверть часа,—все исчезло, все это не въ самомъ дѣлѣ. Дѣйствительность его—это Испанія, утучненная трупами французовъ, это—египетскіе пески, усыпанные французскими костями, это—снѣга Россіи, обогранные французскою кровью.

«Бонапартизмъ, какъ бредъ, не имѣетъ ни цѣли, ни основанія; это—постоянное противорѣчіе и маскарадъ. Когда онъ поетъ, онъ поетъ бессмыслицу: «*Partant pour la Syrie!*» ²⁾.

«Чего хотѣлъ Наполеонъ? На вопросы наивнаго Ласъ-Казы онъ никогда не могъ дать основательнаго отвѣта. Зачѣмъ было предпринимать египетскую кампанію? Востокъ—это прекрасный пьедесталь, великолѣпный фонъ картины,—жестокая испанская война, потому что имперія—вѣнчанная революція, освобождение народовъ.

¹⁾ Наполеонъ III.

²⁾ Первый стихъ очень популярной тогда пѣсенки: «Отправляясь въ Сирію подъ начальствомъ Наполеона III, солдаты, пойте, сражаясь, въ честь Евгениі... Любовь—самой прекрасной, слава—храбрѣйшему» и т. д.

Les nations reines par nos conquêtes,
Ceignaient de fleurs le front de nos soldats ¹⁾.

«Люди, силящіеся разумно объяснить оргіи убійства, которыя составили славу Франціи во время имперіи, не находятъ ничего лучшаго сказать, какъ то, что Наполеонъ велъ войну, чтобы занять умы во Франціи. Слыхали ли вы что-нибудь болѣе цинически-безнравственное, что-нибудь болѣе уродливое, какъ это объясненіе? Убивать людей съ цѣлью развлечь другихъ; уничтожать поколѣнія для того, чтобы у тѣхъ, которые останутся, замѣнить идеи общественного прогресса какимъ-то бредомъ кровавой славы, апофеозомъ убійства и безконечной любовью къ ордену Почетнаго Легіона? Да, это деспотизмъ конца, онъ только разрушаетъ, убивая вмѣстѣ и революцію, и традицію: революцію церковью, а церковь революціей; убивая, наконецъ, *suffrage universel* ²⁾ самимъ избранникомъ. Онъ все убиваетъ. Онъ чуть не погубилъ Англію своимъ прикосновеніемъ: нѣтъ здоровья, которое бы вынесло каплю гнилой крови» ³⁾.

Но если ему не удалось погубить Англію *дружбой*, то Италію онъ погубилъ *помощью*, утопилъ ее во французской крови, пролитой *за нее*.

Неужели и тутъ кто-нибудь еще не узнаетъ тлетворный характеръ смерти, отъ дыханія которой гибнетъ виноватое и невинное, враждебное и дружеское, — лишь бы попасть на дорогѣ? Неужели ученые друзья не замѣчаютъ, что *все* пало, *все* понизилось — побѣдитель и побѣжденный, Наполеонъ, его противникъ, его союзникъ, Кавуръ и Гарибальди, Кошутъ и Жеромовъ сынъ. Это та разрушающая сила, которая бьетъ всѣ живые всходы, обращая ихъ въ неорганическія кучи, и называется *смертью*.

Изъ затворяющихся дверей Янусова храма бредутъ какіе-то печальные калѣки, состарѣвшіеся, съ бритой головой, исхудалые, не вылѣчившіеся, а только не умершіе. Никого узнать нельзя, ни даже папу — *титულлярнаго* президента Италіи.

Насъ обвиняютъ въ пессимизмѣ. Помилуйте, если насъ въ чемъ-нибудь можно обвинять, такъ это въ оптимизмѣ.

При началѣ войны намъ казалось, что Наполеонъ хочетъ, исполняя программу Ромье, революціонный вопросъ *понизить* въ вопросъ народностей и распустить его въ немъ. Мы думали, что

¹⁾ Націи, ставшія владычицами, благодаря нашимъ побѣдамъ, увѣнчивали цвѣтами головы нашихъ солдатъ.

²⁾ Всеобщее избирательное право.

³⁾ См. № 1042.

онъ выгнать австрійцевъ изъ Италіи и задавить ее потомъ своимъ деспотическимъ покровительствомъ. Такой ударъ — чего нѣтъ другого — оканчивалъ чужедную австрійскую имперію, призывалъ къ жизни славянъ и мадьяръ. Но *смерть* рука въ руку съ «вѣчной карой»¹⁾). Наполеонъ только унижилъ, опозорилъ Австрію, — потомъ спасъ ее!

Нѣмецкія газеты говорятъ, что къ этому союзу приступить и Александръ, — это невозможно, мы *не вѣрлимъ!* Союзъ съ Австріей у просыпающейся Россіи?!.. Нѣтъ!.. нѣтъ!.. Александръ II можетъ ошибаться, быть обманутъ лакеями стараго барина, своимъ собственнымъ хоромъ, но этого онъ не можетъ, — *вѣдь, онъ любитъ Россію!*

1255. Во Христъ саперъ Игнатій.

Мы никогда не имѣли большого довѣрія къ архіереямъ изъ саперъ; намъ всегда казалось, что люди, наводящіе понтоны на временныя рѣки, — скверные *понтифексы*²⁾, когда идетъ дѣло о вѣчныхъ понтонахъ, по которымъ души должны подыматься въ райскія селенія. Вотъ, на примѣръ, изъ саперъ архіерей Игнатій, бывшій архимандритъ Сергіевской лавры и наставитель многихъ московскихъ Магдалинъ, а нынѣ преосвященный владыка Ставрополя, написалъ возмутительный памфлетъ по поводу крестьянскаго вопроса. Цѣль памфлета состоитъ въ христіанскомъ донося на архимандрита казанской духовной академіи Іоанна, помѣстившаго «Слово объ освобожденіи крестьянъ» (въ янв. книжкѣ «Православнаго Собесѣдника»), и въ благочестивомъ рвеніи доказать, что рабство — установленіе божественное, святыми отцами православныхъ церкви поддерживаемое, благовѣрными царями упроченное.

*Ржевусскій въ подрясникѣ*³⁾ уподобляетъ казанскую академію и преимущественно автора «объ освобожденіи крестьянъ» «волкамъ, являющимся въ одеждѣ овчей», возстановляющимъ одно сословіе

¹⁾ См. эпиграфъ статьи «Война» въ № 44 «Колокола». Фогтъ говоритъ: «Le bonapartisme c'est la mort, mais l'Autriche c'est la damnation éternelle»⁴⁾).

²⁾ Жрецъ въ древнемъ Римѣ.

А. И. Г.

³⁾ Генрихъ Ржевусскій, польскій писатель; въ 1841—43 гг. выпустилъ въ Вильнѣ подъ псевдонимомъ Яроша Бейлы собраніе сатирическихъ очерковъ «Mieszaniny obuczajowe», поднявшихъ бурю негодованія въ польскомъ обществѣ; потомъ чиновникъ особыхъ порученій при кн. Паскевичѣ и издатель «Dziennik Warszawski», проводившаго аристократическо-клерикальную тенденцію.

⁴⁾ Бонапартизмъ — смерть; но Австрія — вѣчное проклятiе.

противъ другого, подкапывающимъ престоль, алтарь и пр. Потомъ ангельскаго чина саперъ вступаетъ въ историческія изслѣдованія о происхожденіи крѣпостного состоянія въ Россіи, доказываетъ, что рабство учреждено самимъ богомъ, что христіанинъ долженъ только терпѣть и не смѣть даже думать объ освобожденіи. Здѣсь полемика сосредоточилась на текстѣ апост. Павла (первое посланіе къ Коринѳянамъ гл. 7, стихи 20—23), гдѣ сказано: «если ты рабъ — не смущайся; но если можешь сдѣлаться свободнымъ — *тѣмъ лучше, умѣй воспользоваться*». Въ славянскомъ евангеліи текстъ этотъ, какъ извѣстно, искаженъ, сказано: «аще можеша свободенъ быти — тѣмъ паче *поработи себя*». Но въ русскомъ переводѣ, сдѣланномъ при Александрѣ I Библейскимъ обществомъ и потомъ запрещенномъ, онъ переведенъ такъ, какъ его возстановила теперь казанская академія, т. е. «*тѣмъ лучше, воспользуйся*». Къ этому придрался во Христѣ саперъ Игнатій и обвиняетъ академію въ томъ, что она, *въ уюду народу*, искажила слова апостола. Если-бъ архіерей былъ мало-мальски добросовѣстенъ, то ему стоило только заглянуть, если не въ греческій и латинскій, то во французскій или нѣмецкій текстъ, а онъ, по крайней мѣрѣ, по французски-то знаетъ (этимъ языкомъ онъ увѣщевалъ Магдалинъ), — тамъ именно сказано такъ, какъ сказала академія. Далѣе, архіерей возстаетъ противъ прогресса, глумится надъ тѣмъ, что академія употребляетъ это слово, и оканчиваетъ апологіей рабства, доказывая, что нѣтъ счастливейе состоянія, *какъ крѣпостное право*.

Мы слышали, что на Алеутскихъ островахъ и въ Камчаткѣ есть закоснѣлые грѣшники, не вѣрующіе ни въ святость рабства, ни въ душеспасительство розогъ, ни въ чистоту господскихъ изнасилованій... Что бы хотъ Ростовцову похлопотать о переводѣ туда во Христѣ сапера Игнатія! ¹

◆◆ 1. Статья обратила на себя вниманіе названнаго епископа Игнатія Брянчанинова, написавшаго тогда же пространное объясненіе, напечатанное, однако, только въ 1913 году въ февральской книжкѣ «Богословскаго Вѣстника», откуда я и заимствую этотъ интересный документъ.

Замѣчанія на отзывъ журнала «Колоколъ» къ кавказскому епископу Игнатію.

Издатель «Колокола» въ отзывѣ своемъ кавказскому епископу Игнатію прежде всего произноситъ имя Христа, Спасителя человѣковъ, съ насмѣшкою. Достоинъ глубокаго сожалѣнія тотъ

человѣкъ, который питаетъ въ себѣ такого рода чувство къ своему Искупителю и Богу. Тотъ, кто пріемлетъ наруганіе близъ Искупителя своего и Бога, долженъ считать себя счастливецъ въ духовномъ отношеніи (Матѣ., гл. 5, стихъ 11). Господа современные Ему ругатели называли плотникомъ и сыномъ плотника: отчего же епископу Игнатію не выслушать съ христіанскимъ расположеніемъ духа названіе саперъ? У сапера главное орудіе—топоръ, а занятіе—по пріемушеству занятіе плотника.

Биографическія свѣдѣнія, доставляемыя «Колоколомъ» о епископѣ Игнатіи, вполнѣ ложны. Игнатій не служилъ въ саперахъ. По полученіи образованія въ Инженерномъ училищѣ, онъ только въ теченіе шести мѣсяцевъ находился въ числѣ инженерныхъ офицеровъ при постройкѣ динабургской крѣпости; затѣмъ, уволившись отъ службы, обратился въ монастырь, будучи 20 лѣтъ отъ роду, въ 1827 году. Добровольно вступая въ монастырь, онъ вмѣстѣ съ этимъ добровольно отказался отъ права имѣть крестьянъ по наслѣдству и отъ права пріобрѣтать ихъ. Игнатій никогда не былъ настоятелемъ московской Сергіевской лавры и не былъ знакомъ съ московскими набожными дамами, а въ теченіе 24-хъ лѣтъ былъ настоятелемъ Сергіевой пустыни. Игнатій доставилъ многимъ лицамъ крестьянскаго и мѣщанскаго сословія переходъ въ свободное сословіе,—доставилъ при посредствѣ ходатайства и при посредствѣ своихъ денегъ: значить, тратя деньги и усилія на такой предметъ, Игнатій фактически доказывалъ свое сознаніе, что свобода, правильно понимаемая и употребляемая, есть благо для человѣка. На такія издержки израсходовано нѣсколько тысячъ рублей. Когда Игнатій вступилъ въ управленіе кавказскою епархіею, то однимъ изъ первыхъ его дѣйствій было соглашеніе съ палатою государственныхъ имуществъ о замѣнѣ штатныхъ служителей при кавказскомъ архіерейскомъ домѣ денежнымъ взносомъ. Игнатій согласился принять за каждого служителя половину той годичной цѣны, за которую нанимается рабочій въ Ставрополѣ. Это дѣло было представлено княземъ намѣстникомъ кавказскимъ государю императору и удостоено высочайшаго утвержденія.

Издатель «Колокола» столько же несправедливъ къ статьѣ епископа Игнатія, сколько несправедливъ къ лицу. Статья епископа—не что иное, какъ воззваніе къ кавказскому духовенству,—домашній епархіальный документъ, неизвѣстный публикѣ. Осыпая епископа ругательствами, «Колоколь» осыпаетъ воззваніе клеветами. Неосновательность этихъ клеветъ тотчасъ обнаружилась бы для каждого, если-бъ воззваніе было извѣстно. Такое поведеніе «Колокола»—не новость въ церковной исторіи. Такъ, напримѣръ,

партія папистовъ осыпала клеветами поведеніе и писанія константинопольскаго патріарха Фотія за то, что онъ съ энергіею дѣйствовалъ противъ папистовъ; не забыто, въ числѣ порицаній, что Фотій былъ до патріаршества придворнымъ сановникомъ; почему-жъ представителю якобинскому не осыпать ругательствами и клеветами епископа Игнатія за то, что онъ осмѣлился отверсть уста свои противъ партіи и замысловъ якобинскихъ?

«Колоколь» говоритъ, что *архіерей Инатій возстаетъ противъ прогресса, глумится надъ тѣмъ, что академія употребляетъ это слово, и оканчиваетъ апологіей рабства, доказывая, что нѣтъ счастливыя состоянія, какъ крѣпостное право* ¹⁾. Въ воззваніи епископа слово «прогрессъ» вовсе не упомянуто. Если подъ именемъ прогресса разумѣтся преуспѣяніе человѣчества въ христіанствѣ, въ добродѣтели, въ наукахъ, въ искусствахъ, то Игнатій сочувствуетъ отъ души такому прогрессу. Но онъ врагъ якобинскаго прогресса, который стремится къ преуспѣянію въ безбожій, безнравственности, къ отверженію всѣхъ властей и законовъ, къ гибели человѣчества нравственной и гражданской.—О крѣпостномъ правѣ обстоятельно изложено въ воззваніи, что крѣпостное право несовременно, что уничтоженіе его есть совершенная необходимость. Правда, въ воззваніи выражено желаніе, чтобъ уничтоженіе крѣпостного права совершено было правительствомъ при сохраненіи спокойствія въ государствѣ, а не народнымъ бунтомъ, вслѣдствіе якобинскихъ возгласовъ. Это-то и не нравится партіи, которой представитель заграничный звонитъ въ возмутительный колоколь и призываетъ крестьянъ къ топорамъ.

«Колоколь» называетъ воззваніе епископа доносомъ. Доносъ дѣлается о чемъ-либо неизвѣстномъ. Но воззваніе сдѣлано тогда, когда якобинская статья была перепечатана въ «С.-Петербургскихъ» и «Московскихъ Вѣдомостяхъ», огласилась, слѣдовательно, по всей Россіи. Воззваніе сдѣлано по настоятельной мѣстной потребности и, какъ выше сказано, единственно къ духовенству кавказской епархіи. Епископъ сердечно желаетъ, чтобъ событія доказали, что такое воззваніе было лишнимъ, а якобинскія статьи безвредны. Надо дожидаться, что скажутъ событія ²⁾. Между сѣтвой и жатвой проходитъ извѣстное время. Въ воззваніи имя архимандрита Іоанна

¹⁾ Мысли, изложенныя о крестьянскомъ вопросѣ въ воззваніи за два года до высочайшаго манифеста о уничтоженіи крѣпостного права, разительно сходятся съ мыслями, изложенными въ манифестѣ. *И. Б.*

²⁾ Событія, къ несчастію, доказали, что предостереженія, сдѣланныя епископомъ въ его воззваніи, вполне основательны. Эти событія были предугаданы, предсказаны. *И. Б.*

вовсе не упомянуто: его оглашаетъ издатель «Колокола» и можетъ быть несправедливо, потому что статьи «Собесѣдника» не подписаны сочинителемъ¹⁾. — Статья «Колокола» есть въ полномъ смыслѣ доносъ и ябеда на епископа Игнатія.

«Колоколь», доказавъ рѣшительное невѣжество епископа Игнатія, именно потому что онъ былъ саперомъ, принимаетъ на себя скромную обязанность быть его наставникомъ и научаетъ епископа, какъ ему слѣдовало объяснить 20—23 стихи 7-й главы изъ перваго посланія къ Коринтянамъ святаго апостола Павла. Дивное явленіе! ругатель Христа и врагъ Его принимается объяснять ученіе Христово. Примѣромъ ему, конечно, послужила дерзость того врага божія, который осмѣлился самому вочеловѣчешемуся слову божию объяснять слово божіе (Матѣ. 4, 6). Въ воззваніи показаны различные переводы текста, съ объясненіемъ текста святымъ Іоанномъ Златоустомъ. Изъ этого объясненія видно, что славянскій переводъ со всею точностію выражаетъ мысль апостола. Епископъ Игнатій, признавая совершенною обязанностію своею послѣдовать правилу православной церкви, воспреещающему объяснять писаніе по произволу и повелѣвающему неуклонно держаться объясненія сдѣланнаго писанію святыми отцами²⁾, считаетъ непремѣннымъ долгомъ своимъ послѣдовать объясненію упомянутаго текста Св. Іоанномъ Златоустомъ и потому отказывается отъ вниманія объясненію и наставленію, которыя предлагаетъ «Колоколь». Если-бъ издателю «Колокола» были извѣстны греческій и латинскій языки, то онъ увидѣлъ бы, что при объясненіи приняты въ соображеніе греческій текстъ съ переводомъ латинскимъ, весьма точнымъ (Смотр. *Novum Testamentum Graece et Latine, Parisiensis, MDCCCXLII.*); онъ остановился бы дать совѣтъ о совѣщаніи съ французскимъ переводомъ Новаго Завѣта, такъ какъ французскій языкъ, по своей конструкціи, никакъ не можетъ удовлетво-

¹⁾ Впослѣдствіи сдѣлалось извѣстнымъ, что „статьи“ принадлежать перу г. Шапова, профессора духовной академіи и университета казанскихъ, исключеннаго духовнымъ начальствомъ изъ духовнаго званія за попытку произвести возмущеніе. Въ содѣйствіе г. Шапову увлеклись оба воспитанника казанской семинаріи, поступившіе въ казанскую духовную академію. Послѣдній фактъ служитъ доказательствомъ того, сколько нужно было казаскому духовенству предостереженіе отъ епископа. *И. Б.*

Указаніе на авторство А. П. Шапова совершенно вѣрно. Интересующіеся найдутъ статью въ 1 т. его «Сочиненій», 1906 г., стр. 1—15. *М. Л.*

²⁾ Не лишнимъ будетъ здѣсь вынаружить мнѣніе Искандера о писаніяхъ святыхъ отцовъ. Онъ называетъ эту святыню „бреднями Василія Великаго и другихъ византійскихъ растлителей ума“. Искандеръ-Герценъ» Елагина, стр. 119. *И. Б.*

рить потребности точнѣйшаго перевода, а по необходимости долженъ прибѣгать къ парафразу. Въ нѣмецкомъ переводѣ Новаго Завѣта Лютеромъ въ точности передана мысль греческаго текста ¹⁾. «Колоколь» обвиняетъ Игнатія въ томъ, что онъ признаетъ якобинское ученіе подкапывающимъ престолъ (государя), алтарь (т. е. церковь) и проч. Это вполне справедливо: Игнатій имѣетъ эти убѣждения и останется при нихъ и на Кавказѣ, и въ Камчаткѣ, и на Алеутскихъ островахъ. Крестьянскій вопросъ, въ системѣ якобинцевъ, только стоитъ на первомъ планѣ, служа ширмою, за которою скрываются другіе вопросы. Якобинцы домогаются захватить въ свои руки верховную власть, чего они домогались во Франціи и достигли. На кличъ о свободѣ обольстились многіе добрые люди, многіе аристократы узнали свою ошибку уже на эшафотѣ. На эшафотѣ, сверхъ чаянія своего, должны были вступить и жирондисты. Событія, допущенныя произвольно, влекутъ за собою насильно другія событія, на которыя не рассчитывали, и которыхъ не предвидѣли зачинщики первыхъ событій. Таковъ законъ послѣдовательности фактовъ.

«Колоколь» называетъ воззваніе епископа Игнатія памфлетомъ. Это наименованіе никакъ не можетъ принадлежать воззванію. Воззваніе написано въ самомъ серьезномъ тонѣ, испещрено, такъ сказать, цитатами изъ священнаго писанія и святыхъ отцовъ. Отзывъ «Колокола» къ епископу долженъ неотъемлемо носить имя памфлета, какъ представляющей собою сплошныя ругательство и клевету. «Колоколь» справедливѣе бы поступилъ, если-бы назвалъ ученіе, изложенное въ воззваніи, ученіемъ рѣшительно противорѣчащимъ ученію и цѣлямъ якобинцевъ. А въ этомъ-то и заключается существенная причина колокольнаго гнѣва! Тутъ не саперъ виноватъ! не бесѣды на французскомъ языкѣ съ дамами неприятны для господъ строжайшей нравственности! Тутъ виноватъ обличитель якобинской системы, якобинскихъ намѣреній. Якобинцы особенно не терпятъ обличенія. Они любятъ дѣйствовать втихомолку, подъ личиною и личинами, убаюкивая и усыпляя свои

¹⁾ Издатель «Колокола», стараясь увѣрить, что апостолъ Павелъ въ посланіи къ коринѳянамъ призываетъ рабовъ къ сверженію рабства, сознается, что апостолъ иначе думалъ, пиша къ римлянамъ. Искандеръ относится о святомъ апостолѣ такъ: «Апостолъ Павелъ нанесъ гораздо менѣе вреда ученію Христову, когда онъ, подъ именемъ Саула (Савла), съ лютой яростію преслѣдовалъ христіанъ, чѣмъ когда онъ, ставъ апостоломъ, началъ искажать самую мысль Христа, втѣснивъ въ нее пресловутое ученіе о необходимости повиненія каждой власти. Этими онъ сдѣлалъ Христу больше вреда, чѣмъ самъ Иуда Искаріотъ». «Искандеръ Герценъ» Елагина, стр. 50, 51.

жертвы. При такомъ образѣ дѣйствія они рассчитываютъ на вѣрный успѣхъ, и тотъ—преступникъ, достойный всѣхъ казней, кто замѣтилъ бы и открылъ ихъ дѣйствія.—Издатель «Колокола» говоритъ о себѣ въ множественномъ числѣ, какъ бы невольно изобличая партію: *мы никогда не имѣли большаго довѣрія къ архіереямъ изъ саперъ!* называетъ ихъ *скверными понтифексами*. Всякій можетъ ясно видѣть, что тутъ ложь, а не истина,—не недовѣріе, а изступленная ненависть: въ Россіи не было архіерея изъ саперъ, а были изъ военныхъ людей самые достойные святители: митрополитъ кievскій Петръ-Могила вступилъ въ монашество, оставя военную службу; святой апостолъ славянскій, Меодій-епископъ, провелъ молодость въ военной службѣ; святой Димитрій Ростовскій—сынъ сотника,—дворянинъ. Они съ ревностію противостояли современнымъ враждебнымъ церкви ученіямъ. Не указаль, впрочемъ, «Колоколъ», къ кому изъ современныхъ епископовъ онъ имѣетъ довѣренность.

На столбцахъ громкаго журнала обильно расточаются ругательства на митрополитовъ Филарета, Григорія и другихъ іерарховъ русской церкви. Какая бы тому была причина? они не были саперами! Причина ругательствъ заключается въ томъ, что эти пастыри—глубокіе христіане, произносящіе ученіе вполне противоположное ученію «Колокола»,—ученіе, которое дѣйствуетъ на умы и сердца, оставляя за «Колоколомъ» одно поверхностное дѣйствіе на слухъ. Какъ не приходитъ въ негодованіе звонящему безумолку въ «Колоколъ» и нетерпѣливо ожидающему послѣдствій звона! Христіанское ученіе благонамѣренныхъ пастырей обличаетъ пустоту звона, можетъ сдѣлать тщетнымъ самый звонъ. Звонъ сначала заинтересовалъ новостію своею; но вскорѣ явилось общее сознаніе, что «Колоколъ»—пустѣйшій журналъ. Кто знакомъ съ петербургскими сплетнями якобинскаго кружка, тотъ найдетъ ихъ напечатанными въ «Колоколѣ». Начало журнала, какъ и якобинства, есть ложный образъ мыслей; оружіе его—софизмы, иронія, ругательство; характеръ—изступленная дерзость, отверженіе правды, любви, приличія, благопристойности. Онъ можетъ дѣйствовать увлеченіемъ на слабоумныхъ: силы убѣжденія въ немъ нѣтъ. Напротивъ того, всякій основательный человѣкъ тотчасъ пойметъ, какъ «Колоколъ» понимаетъ свободу и какъ пользуется ею,—пойметъ, что народъ, руководимый такимъ изступленнымъ руководителемъ, непременно долженъ прійти въ смятеніе, взяться за топоры и ножи. «Колоколъ»—открытый врагъ и ругатель Христа и христіанства. Ненависть «Колокола» къ христіанскому пастырю есть величайшая похвала для пастыря; напротивъ того, похвала «Колокола» пастырю

была бы величайшимъ для него безчестіемъ. Христіанскій пастырь не иначе можетъ заслужить одобреніе «Колокола», какъ измѣною христіанству.

«Колоколъ» обвиняетъ Игнатія въ томъ, что онъ уподобляетъ академію, преимущественно же автора слова о освобожденіи крестьянъ, *волкамъ, являющимся въ одежду овецъ*. Игнатіемъ приведены слова Евангелія и объясненіе ихъ святыми отцами въ томъ смыслѣ, какой слова имѣютъ въ Евангеліи, которымъ всякое лжеученіе и всѣ лжеучители, прикрывающіеся личиною истины, именуется волками, одѣянными въ овечью кожу, а не въ томъ характерѣ безумнаго ругательства, направленнаго будто бы на лицо, который даетъ имъ «Колоколъ». О лицѣ нѣтъ ни одного слова въ воззваніи, а указывается единственно на журналъ «Собесѣдникъ», въ который ворвались якобинскаго направленія статьи. Игнатій изложилъ ученіе святыхъ отцовъ православной церкви о различеніи ложныхъ и пагубныхъ мыслей отъ мыслей правильныхъ и добрыхъ. При этомъ изложеніи не упомянуто имъ ни академія, ни авторъ слова, а сказано вообще о лжеученіи, и указано на статьи, написанныя въ направленіи якобинскаго, что онѣ принадлежать къ пагубному лжеученію, и, въ смыслѣ Евангелія, суть волки хищные, одѣянные въ овечью кожу ¹⁾. Игнатій и теперь остается при этомъ убѣжденіи.

«Колоколъ» выставляетъ себя защитникомъ духовной академіи и автора статей, а Игнатія врагомъ ихъ. Справедливо ли то и другое? Можетъ ли «Колоколъ» быть защитникомъ духовной академіи, когда академія старается упрочить и развить христіанство въ отечествѣ, а «Колоколъ» старается уничтожить христіанство? Это—коварная увертка, посредствомъ которой «Колоколъ» усиливается возстановить академію противъ епископа Игнатія. Напротивъ того, епископъ Игнатій ревностно сочувствуетъ преуспѣянію духовнаго образованія и источникамъ его, духовнымъ академіямъ; онъ до шестнадцати-лѣтняго возраста обучался закону божию, русской словесности, латинскому языку у профессоровъ вологодской семинаріи, воспитанниковъ московской академіи. Игнатій, практически знакомый съ состояніемъ христіанства въ Россіи, ревностно желаетъ, чтобъ духовныя академіи преуспѣвали, совершенствовались, процвѣтали болѣе и болѣе: на нихъ основано духовное благосостояніе церкви, на нихъ лежитъ обязанность противостать безчисленнымъ современнымъ лжеученіямъ, обличать ихъ, охранять

¹⁾ Мнѣніе епископа Игнатія впоследствии доказано самымъ фактомъ: сочинитель статей г. Шаповъ выказалъ и доказалъ значеніе написанныхъ имъ статей своими дѣйствіями. *И. В.*

отъ нихъ церковь. Современная ученость міра требуетъ непременно соотвѣтствующей учености въ главномъ духовенствѣ. Этой церковной потребности никакъ не могутъ удовлетворить наши монастыри, въ которыхъ преобладаетъ элементъ подвижничества, почти исключительно въ простѣйшей его формѣ. Игнатій, въ санѣ епископа, оказываетъ особенное вниманіе лицамъ, получившимъ образованіе въ академіи, какъ лицамъ, могущимъ быть особенно полезными для церкви. Онъ и то знаетъ, что якобинская партія желала бы вторгнуться въ духовныя академіи, новостію идей подѣйствовать на молодыхъ и неопытныхъ. Извѣстно, что увлеченные въ якобинство духовныя лица, какъ это видно во Франціи, могутъ очень сильно дѣйствовать въ видахъ партіи. Итакъ, вотъ въ чемъ дѣло: «Колоколу» искренно желалось бы, чтобъ академія, уловленная его удивительною логикою, его неподражаемою добросовѣстностію, повѣрила ему на слово: склонилась на его сторону, сдѣлалась его орудіемъ, сочла Игнатія врагомъ своимъ и ненавистнаго для якобинцевъ Игнатія помогла событи на Алеутскіе острова, согласно предложенію «Колокола» и давнишнему общему желанію якобинцевъ.

«Колоколь» усиливается доказывать, что мнѣнія якобинскихъ статей, вкравшіяся въ журналъ казанской академіи, принадлежатъ академіи. Несправедливо! Появленіе этихъ статей было только слѣдствіемъ случая; едва онѣ явились, какъ и перестали являться. Постоянно въ церкви возникали ложныя ученія, во главѣ которыхъ часто были высшія лица іерархіи, самые патріархи. Ужели по этой причинѣ ложныя ученія сдѣлались неотъемлемою принадлежностію церкви, ея ученіемъ? Церковь, отвергну ихъ, доказала, что онѣ ей чужды, а они, проповѣдая чуждое церкви, доказали о себѣ, что они чужды церкви (Іоанна гл. 2, ст. 19). Такъ и академія, отвергну статьи якобинскаго направленія, доказала, что и статьи и направленіе ихъ ей чужды. Ложныя ученія являлись и будутъ являться: таково свойство падшаго духа человѣческаго. Столкновеніе ложныхъ мнѣній съ истинными должно быть и въ настоящее время. Академіи суть арены столкновенія мнѣній, произвольнаго и невольнаго. По этой причинѣ на нихъ преимущественно обращено вниманіе высшаго духовнаго начальства. Видимъ изъ церковной исторіи, что многіе достопочтенные и ученые люди ошибались, принимали или и изобрѣтали лжеученіе. Когда же они, будучи обличены, отказывались отъ своихъ неправильныхъ мнѣній, то временное уклоненіе ихъ отъ истины не ставилось церковію имъ въ вину. Одно упорство въ ложныхъ мнѣніяхъ влекло за собой отсѣченіе отъ церкви. Но и такое отлученіе продолжалось только до времени раскаянія: нераскаянность дѣлала отлученіе рѣшительнымъ.

Епископъ Игнатій долженъ отдать справедливость единодушю и единомыслию партіи, къ которой принадлежитъ издатель «Колокола». Издатель изъ Англій требуетъ для Игнатія ссылки на Алеутскіе острова, то же самое Игнатій слышалъ въ послѣдніе дни своего пребыванія въ Петербургѣ отъ якобинцевъ и отъ глупцовъ, увлеченныхъ якобинцами. Это желаніе выражали ему въ глаза.— Васъ-бы, сказалъ ему нѣкоторый добрый давнишній знакомый, на Кавказъ или въ Камчатку! (Судьба избрала для Игнатія Кавказъ.) Онъ отвѣчалъ: «Съ большимъ удовольствіемъ поѣхалъ бы въ Камчатку, если-бъ не препятствовало разстроенное здоровье».

Окончимъ эти печальныя замѣчанія искреннимъ сердечнымъ желаніемъ, чтобъ крестьянскій вопросъ рѣшился благополучно къ радости и счастью народа и царя, безъ безпорядковъ, безъ потрясеній государственныхъ, чтобъ звонъ заграничнаго якобинскаго «Колокола» и другіхъ якобинскихъ колоколовъ и колокольчиковъ не возмутилъ спокойствія народнаго, чтобъ свобода помѣщичьихъ крестьянъ была для нихъ и для всей Россіи даромъ царя, а не слѣдствіемъ замысловъ, плановъ, возгласовъ якобинскихъ».

Каждый пойметъ, что епископъ не писалъ бы такія «замѣчанія» и, тѣмъ болѣе, написавъ ихъ въ февралѣ 1860 г., не сталъ бы дополнять ихъ въ 1862 г., еслибы не зналъ о громадномъ вліяніи «Колокола».

Игнатій Брянчаниновъ выведенъ Н. С. Лѣсковымъ въ разсказѣ «Инженеры—безсеребренники».

1256. Злодѣйства помѣщиковъ продолжаются.

Благородные помѣщики пользуются двѣнадцатымъ часомъ своей безобразной власти. Вотъ что намъ пишутъ: «Въ Тираспольскомъ уѣздѣ опять ужасное происшествіе: помѣщица ВЛАСОВА, у которой бѣжала горничная, призвала мать бѣжавшей и сѣкла ее три дня, чтобы та сказала, куда дѣвалась дочь. На третій день женщина повѣсилась. Барыня сама сняла ее съ веревки. Слѣдствіе, конечно, все покроетъ, ибо *слѣдователи* остановились у брата этой госпожи и пировали тамъ дни и ночи».

Саперъ Игнатій! Хорошъ же вашъ богъ, если онъ установилъ жрѣпостное право съ пытками, убійствами и безнаказанностью!

Да неужели ВЛАСОВУ не сошлютъ на поселенье... А, впрочемъ, орловскаго помѣщика Гутцейта оставили насиловать дѣтей, отчего же и ВЛАСОВОЙ въ продолженіе переходной эпохи не позволить по-

тѣшиться надъ старухами. Въ исторіи такого подлаго, татарски-кнутового, грязнаго дворянства не было! Это вовсе не аристократія, а дворянъ, забравшая власть въ руки!

1257. [О вел. кн. Константинѣ Николаевичѣ].

Въ 37 листѣ «Колокола» мы упомянули о «слухѣ», что капитанъ-лейтенантъ парохода «Колхида» получилъ выговоръ отъ великаго князя за какіе-то воротники, выпушки. На дняхъ получили мы письмо отъ лица, которое должно, кажется, имѣть вѣрнѣйшія свѣдѣнія, что этого выговора не было, а что великій князь *шутитъ*. Мы очень рады этому. Ужъ лучше бы имъ и не шутить по части этой слабой струны всего семейства, унаслѣдованной отъ императора Петра Ѳедоровича.

1258. [О кн. Леонѣ Радзивиллѣ].

Мы снова получили письмо о дѣлѣ незаконной отдачи Николаемъ кн. Радзивиллу ¹⁾, женатому на Урусовой, имѣнія. Мы уже печатали объ этомъ въ 34 листѣ «Колокола»; видно, князь крѣпко закусилъ николаевскую *ла-водку*... Тутъ гласностью не поможешь. Не адресоваться ли кредиторамъ въ агенство Адлерберга Sen. ²⁾, Jun. ³⁾ et C-nie.

1259. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 августа (1859), пятница.
Swiss Cottage, Ventnor.

Бѣды въ томъ нѣтъ, что ты написалъ Марку Вовчку такъ, какъ написалъ, но лучше было бы вдвое, если-бъ ты ей сказалъ (благо, она спрашиваетъ), что ты мнѣ напишешь, тогда я могъ бы окончательно пріѣхать съ Nat. и дѣтми дня два послѣ,—въ воскресенье не найдешь train. Въ понедѣльникъ я выѣду съ первой каретой и, вѣроятно, стало, къ 7 вечера буду дома. Ты ее удержи. Она могла бы остановиться у насъ въ домѣ; а всего-то легче было бы ей пріѣхать въ Вентноръ прямо изъ Остенде. Если можно воскр. вечеромъ ѣхать, поѣду.

Ты все ждешь подробнаго письма. Неужели въ два дня можно окончательно что-нибудь сказать? Natalie тебѣ не писала на этоѣ

¹⁾ Леонъ, русскій генераль-адъютантъ, женатый на кн. Софѣ Урусовой.

²⁾ Старшій.

³⁾ Младшій.

разъ единственно отъ тормошенья, перемѣны квартиры и пр. Потомъ она, дѣйствительно, Лизой себя парализовала. Нельзя найти ни времени для разговора, ни для прогулки (не гуляютъ дѣти). Но вотъ что я тебѣ скажу навѣрное: она меня приняла кротко, и всѣ разговоры были мягки; такимъ языкомъ я могу говорить и могу слушать все. Думаю я, что ей очень хотѣлось бы поправить отношеніе къ дѣтямъ, но (какъ я писалъ вчера) тутъ я сомнѣваюсь и въ способности и въ силѣ обузданія,—демоническое начало не умерло, а спитъ. Тутъ снова весь вопросъ, и вопросъ для меня мучительный. Саша предлагаетъ Тату отправить съ нимъ... но, видишь ли, въ чемъ бѣда. Саша очень хорошо и благородно себя ведетъ, я вообще имъ доволенъ, но онъ замѣтно перестаетъ быть русскимъ и, если-бъ не самолюбіе, что онъ—мой сынъ, онъ отвернулся бы отъ всего русскаго. Живая традиція блѣднѣетъ. То же будетъ съ Татой... Но какъ же принять, чтобъ мои дѣти были швейцарскими нѣмцами? Это ужъ значить мою натурализацію принять *au sérieux* ¹⁾.

А потому ты въ письмахъ и разговорахъ гораздо больше обрати вниманіе на это отношеніе, нежели на наши размолвки: ихъ будетъ меньше, и я истинно въ глубинѣ сердца чувствую столько сожалѣнія и желанія отереть каждую слезу и бурящую мысль, что все пойдетъ дружно и симпатично. Но полного покоя и свѣта не будетъ безъ рѣшенія того вопроса; оттого я не такъ весель, какъ Nat. желала бы. Къ тому же здѣсь есть и угрызеніе совѣсти: если-бъ всѣ силы мои не были употреблены на наше дѣло, я самъ могъ бы взять въ руки побольше воспитаніе.

Скажу тебѣ еще одну странную аномалію. То чувство ревности, о которомъ ты часто говорилъ, обращено преимущественно на тебя, но только въ очень благородной формѣ. ¹⁾

Вотъ, другъ Воробьевскихъ и вентнорскихъ горъ, все. Сегодня я всталъ спокойнѣе. Море ясно. Ольга даетъ обѣдъ въ Бокъ-Черчъ. Я расположилъ, чтобъ каждый день кто-нибудь давалъ обѣдъ. Мой былъ первый въ Эспланадѣ удаченъ. Вчера Мейзенб. въ Pelhau House отличилась. Завтра Саша—въ Crab & Lobster (Natalie рассказывала о «Норовѣ», вслѣд. котораго ты не пошелъ въ это удивительное рыбное заведеніе).

Полагаю, что въ Swiss Cottage не слѣдуетъ больше писать, а адресовать въ Melbourne House на имя Nat. или Саши.

Пульскій нашель средство проѣхать такъ скоро, что въ 3 часа будетъ въ Лондонѣ. Сумлеваюсь.

¹⁾ Въ серьезъ.

Погода удивительная.

Прощай.

Лиза такъ и просится на руки ко ...¹⁾ и Сашѣ. Боткинъ въ сннихъ очкахъ.

Если ты найдешь Марка Вовчка, т.-е. книгу,—она въ шкапу у m-me Tassinari, въ числѣ книгъ, оставленныхъ Мейзенб.,—тогда пришли сюда *sous bande*; это стоитъ 4 пенса.

◆◆ 1. 7 августа 1859 г. Огаревъ писалъ Герцену:

«Воскресенье утромъ».

«Сейчасъ 2 письма отъ тебя, отъ 5-го и 6-го августа. Сердце у меня сжалось. Неужели я долженъ сломаться обо все, что мнѣ въ жизни дорого? Станный ты человекъ! Быть не можетъ, чтобъ ты не получилъ моего 2-го письма; но вмѣсто того, чтобъ возбудить въ Натали надежду на жизнь, силу на побѣду надъ самой собой,—ты пишешь письма, продушенные недовѣріемъ и недружелюбіемъ. Развѣ такъ спасаютъ въ самомъ дѣлѣ? Что же значить говорить: «моя рука помощи всегда готова», а когда есть надежда на то, что эта рука помощи въ самомъ дѣлѣ можетъ спасти,—тутъ-то ее и нѣтъ. Ужъ не боишься ли ты внутренно этого спасенія и лучше бы хотѣлось остаться одиноко, не спасши женщины? Тогда лучше просто сказать: «всякая женщина меня слишкомъ беспокоитъ; ахъ, она меня обезпокоила!.. давайте разстанемтесь». Но тебя пугаетъ такая уродливая жестокость,—ну, такъ умѣй же спасать съ любовью! Не умѣешь ты этого, Герценъ. Я поставилъ, было, Натали не совсѣмъ другой діапазонъ; одно теплое слово съ твоей стороны поддержало бы на немъ, одинъ намекъ о надеждѣ, одно показаніе довѣрія—и вся жизнь была бы спасена. Убилъ ты, кажется, мою работу крещенскимъ холодомъ твоихъ писемъ. Буду трудиться еще, авось ли, опять поставлю на путь истинный. Такъ все шло поэтично, хорошо, такъ было близко къ ея совершенному выздоровленію, и мнѣ было такъ легко. А теперь голова трещитъ, сердце бьется, слезы подступаютъ и душатъ, потому что и не плачется, а только чувствуешь горе и горе, и одно горе.

«Подожду до завтра, стану еще работать. Неужели и я не найду въ себѣ силы все возстановить? т.-е. силы любви... а не силы властвованія? Я, все же, деспотизмъ презираю во всѣхъ его проявленіяхъ.

¹⁾ Слово вырвано.

«Вечеромъ.»

«Я, кажется, возстановилъ на хорошій діапазонъ, насколько могъ; можетъ быть, и совершенно возстановлю.

«Чѣмъ больше думаю, тѣмъ больше нахожу, что для счастья человѣческаго рода созданы два субъекта: 1) безпощадная женщина, готовая уколоть или заколоть изъ личности, и 2) безпощадный мужчина, который, если женщина ему опротивѣла физиологически, готовъ столкнуть ее въ неизбежнѣйшую бездну. И это такъ естественно, что это со мной случилось, а я по натурѣ добръ. Но все же тутъ откровенность простого сознанія *противности* и, слѣдственно, удаленіе, самое грубое, лучше и меньше злобно, чѣмъ всякія сложныя отношенія. Помимо этихъ двухъ сторонъ для счастья рода человѣческаго есть равнодушіе; это—буржуазія сердца, гдѣ всѣ уживаются; да есть еще преданность, которая есть страсть, и страсть такъ же физиологическая, какъ и опротивленіе. Она для спокойствія жизни хуже равнодушія, потому что такъ или иначе, но личное звѣрство или общественное равнодушіе покараютъ эту немѣстную страсть любви, то подводя ее подъ кодексъ, то подъ смерть.

«Нечего сказать—красиво!

«¹/₂ 12-ю. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ меньше могу слово измѣнить въ томъ, что писалъ. Вы оба жестоки. Вотъ отъ чего и трудно поставить на высшій діапазонъ. Ее поставлю—ты разобьешь жестокостью. Тебя поставлю—она выйдетъ безпощадна. А между тѣмъ ты, по развитію, лучше бы могъ властвовать человѣческимъ сердцемъ. Но, сознавая свою силу въ общемъ, ты плюешь на людей въ частности. А у ней немогутъ, которая требовала бы материнскаго воспитанія для того, чтобы быть излѣченною. Я все сдѣлаю, что могу. Но если не удастся, если ты, вмѣсто подмоги, внесешь злобу разумно-эгоистическую, такъ, какъ она вноситъ неразумно-эгоистическую,—тогда... тогда я одного прошу: оставить меня вѣрнымъ работникомъ при типографіи, но пустить меня жить въ захолустьѣ,—и для работы надо дышать спокойно, внѣ враждъ, деспотизмовъ и всякихъ тому подобныхъ живую жизнь высасывающихъ уродливостей.

«Можетъ, это и съ моей стороны жестоко, но вы этого заслуживаете.

«Ты пишешь, что, перечитывая твои записки, ты находишь, что ты не тотъ, т.-е. тебѣ горько отъ того, что ты въ личныхъ отношеніяхъ охолодѣлъ, а мнѣ горько отъ того, что я *не* охолодѣлъ.

«Ты правъ вообще, но ты не правъ въ томъ, что ты обѣщанной руки помощи во-время не подаешь, не подаешь и 20 т. разъ не подаешь.

«Внутренно, сердечно я связанъ съ тобою неразрывно, тѣмъ крѣпче, что и умственно неразрывно связанъ; но дышать въ этомъ омутѣ безсознательно затаенныхъ эгоизмовъ я не могу. Ты скажешь, что я вру, что я съ ума сошелъ, а я тебя спрошу: тогда, когда нужно было, очевидно, было нужно вслѣдствіе моего письма, сказать теплое слово, отчего ты его не сказалъ? Ты не вѣрилъ? Отчего же ты не попробовалъ, хотя бы въ послѣдній разъ? Чтожь это,—немогута сердца или изобиліе ячности? Самъ подумай! Нельзя же все видѣть въ себѣ агнца непорочнаго, закланнаго ради спасенія рода человѣческаго, между тѣмъ, какъ мы одной женщины не можемъ спасти во-время сказаннымъ теплымъ словомъ.

«Понедѣльникъ вечеромъ.» Вотъ и день прошелъ. Тебя нѣтъ, письма нѣтъ. Плохо для моихъ сердечно разсчитанныхъ дипломатическихъ дѣйствій! Знаешь, въ чемъ дѣло, Герценъ? Она меня любитъ дружески, нѣжно, отъ этого она на мою жизнь смотритъ тепло и благородно; а тебя она любитъ страстно, отъ этого ревниво, а границу страстной ревности и *sui generis* ¹⁾ ненависти не проведешь: тутъ любовь, страсть и злоба такъ сливаются въ единую уродливость, что надо чутко вслушиваться, чтобъ понять. Эту-то уродливость свести на человѣческую ногу есть задача любви и преданности. Почему же ты думаешь, что мужчина не обязанъ быть преданнымъ? О, Герценъ, тутъ есть *hiatus* ²⁾ въ самомъ тебѣ. Отчего ты не пріѣхалъ? Вѣдь, если бы у нея была холера, ты бы прискакалъ, а почему же ты думаешь, что недугъ сердечный менѣе важенъ? Тамъ человѣкъ умретъ—и все тутъ, а тутъ онъ можетъ обратиться въ тряпку или гадину или ожить для лучшей жизни. О! тутъ у тебя *hiatus*, Герценъ, стоп гуманнаго пониманія вещей! Сбрось съ себя эту границу, ты слишкомъ нравственно хорошь, чтобы остановиться на этой границѣ.

«Она весь день была и больна и грустна. Видно, что-то въ ней борется. Одно твое теплое слово—и цѣлое человѣческое, т. е. женское, существованіе спасено!

«Я былъ весь день лѣнивъ. Спалъ прошлую ночь плохо отъ нравственнаго волненія. День былъ удушливо тепелъ. Я едва бродилъ и едва говорилъ. Такъ и прошло. Грустно мы разстались съ ней вечеромъ и почти молча; какое-то ожиданіе въ насъ таилось и замерло. Плохо, что ты не пріѣхалъ» (Архивъ семьи Герцена).

¹⁾ Въ своемъ родѣ, своеобразный.

²⁾ Зіаніе, стеченіе двухъ или нѣсколькихъ гласныхъ, требующее во время произношенія нѣкотораго перерыва.

1260. Письмо къ М. А. Марковичъ.

24 августа 1859.
Park House, Fulham.

Огаревъ сообщилъ мнѣ въ Вентноръ, что вы будете въ по-недѣльникъ, и прислалъ мнѣ доброе, милое письмо ваше. Я тотчасъ отправился въ Лондонъ и жду васъ второй день. Гдѣ же вы? Здоровы ли? Когда будете, напишите строчки двѣ. Да получили ли вы письмо Огарева?

Искренно, глубоко сочувствующій вамъ и уважающій васъ

Алек. Герценъ.

1261. Письмо къ М. К. Рейхель.

29 августа (1859).
Park House, Fulham.

Посылаю вамъ письмо къ Конст. Дмитр. ¹⁾. Если онъ уѣхалъ, то вы перешлите его, но только по вѣрной оказіи или въ Берлинъ, а не то оставьте до случая у себя.

Съ тѣхъ поръ, какъ я не писалъ къ вамъ, мы пожили снова въ Вентноръ, и Сашу я туда возилъ, и Марко Вовчокъ была у насъ въ Лондонѣ. Я ею очень доволенъ; она займетъ славное мѣсто въ нашей литературѣ; ей надобно расширить рамки и захватить побольше элементовъ. Это и сдѣлано въ «Игрушечкѣ», но характеръ барышни не живъ; такъ и видно, что сдѣланъ на заданную тему.

Мы у нихъ обобрали ваши портреты. Рейхель несказанно похожъ, вы очень дурно сидите—guindé ²⁾. Саша и дикій казакъ ³⁾ тоже не дурны.

Въ Рейдѣ я видѣлъ Конст. Никол. ⁴⁾ въ спину. А завтра Ог. требуютъ опять въ консульство. Чего же еще они хотятъ?

¹⁾ Кавелинъ.

²⁾ Напыщенно.

³⁾ Сынъ М. А. Марковичъ, Богданъ Афанасьевичъ Марковичъ.

⁴⁾ Великій князь.

1262. [О гр. В. Н. Панинѣ].

Спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями новостью, что министр юстиціи Панинъ *сошелъ съ ума* и остается министромъ юстиціи. Въ прошлое царствованіе одного изъ умнѣйшихъ людей въ Россіи, П. Я. Чадаева, считали, по высочайшему повелѣнію, *умалишеннымъ*. Теперь сумасшедшій Панинъ, по высочайшей волѣ, считается *умнымъ*. Дѣйствительно, неограниченное самодержавіе!

1263. [Ссылка П. Н. Рыбникова].

Мы были бы очень благодарны, еслибы намъ сообщили подробности, за что сосланъ въ Петрозаводскъ г. Рыбниковъ ¹⁾. Намъ пишутъ, что онъ сосланъ за то, что, изучая въ Черниговской губерніи промышленность, онъ ходилъ въ *русскомъ*, а не въ *нѣмецкомъ* платьѣ... И это не при Биронѣ, не при Николаѣ!...

1264. Письмо къ М. А. Марновичъ.

7 сент. 1859.
Park House, Fulham.

Благодарю васъ за ваши строки, благодарю за посѣщеніе и даже за намѣреніе. Хотѣлось бы мнѣ вамъ прислать англійскихъ книгъ, если вы не пріѣдете. Если вы знакомы съ книгопродавц. Классеномъ, я могу прислать черезъ него. Для этого надобно знать, когда вы ѣдете.

Вчера я для пробы послалъ «Колоколь» прямо на ваше имя.

Читали ли вы въ „Атенеѣ“ отрывки изъ записокъ И. И. Пушина ²⁾. Что за гиганты были эти люди 14 декаб. и что за талантливья натуры!

Можно думать, что это писалъ юноша, а онъ вспоминаетъ въ 1858 о томъ, что было между 1812—24.

Какой кладъ еще хранится подъ ключомъ, спрятанный отъ полиціи!

¹⁾ Павелъ Николаевичъ, этнографъ; сосланъ административно за сношенія со старообрядцами.

²⁾ Иванъ Ивановичъ, декабристъ.

Я говорилъ съ Девилемъ послѣ вашего отъѣзда; онъ говорить, что вся ваша болѣзнь чисто нервная и потому больше безпокойная, чѣмъ опасная.

Очень будемъ мы рады, если вы еще пріѣдете, и это искренно и дружески. Тат. Петр. Пассекъ передайте поклонъ, но писать мнѣ ей нечего. Вы, можетъ, читали въ «Быломъ и думажъ» о корчевской кузинѣ? Это она и есть.

Нат. Ал. ¹⁾ благодарить за предложеніе; она, кажется, имѣла на дняхъ случай писать.

Кланяйтесь вашему супругу ²⁾ и юному казачку ³⁾. Дѣти также просятъ написать поклонъ.

Будьте здоровы.

А. Герценъ.

Огаревъ жметъ руку.

1265. Письмо къ М. К. Рейхель.

8 сентября 1859.

Еленѣ Константиновнѣ ⁴⁾ скажите, что и на нее я очень сержусь, что она прежде уѣхала. Чего въ Саксоніи не видала?

А вотъ объ Татѣ мы долго, долго будемъ думать... Я вѣрю, что вы хотите, вѣрю, что Тата хочетъ, вѣрю, что я хочу, и вѣрю, что она не поѣдетъ... Видите, что я въ религіозномъ направленіи.

1266. Смерть или косушку!

ПРАВДА ЛИ, что преступленіе *трезвости* дошло до того въ Тамбовской губерніи, что губернаторъ Данзасъ ⁵⁾ выслалъ военную команду для усмиренія *непьющихъ*? Бѣдное войско, бѣдные офицеры! мало было имъ защищать тронъ и алтарь, помѣщичьи розги и чиновничій разбой, — пришлось теперь защищать кабакъ съ его штофной и распивочной продажей. Ужъ не дадутъ ли имъ

¹⁾ Огарева.

²⁾ Афанасій Васильевичъ, украинофилъ и этнографъ.

³⁾ Сынъ ихъ, Б. А. Марковичъ.

⁴⁾ Станкевичъ.

⁵⁾ Карлъ Карловичъ.

потомъ ведерныя кавалеріи черезъ плечо, полуштофныя крестики въ петлицу, а нижнимъ чиномъ—медаль съ изображеніемъ голубя, сходящаго на окупоренный штофъ, и съ надписью: Spiritus sanctus—spirito vinil¹⁾

Пока мы спрашивали о военныхъ дѣйствіяхъ Данзаса, еще сомнѣваясь въ нихъ, дошла до насъ другая вѣсть, о томъ, какъ генераль Яфимовичъ²⁾ въ Пензѣ и Саратовѣ усмирять штыками трезвость. Неужели государь знаетъ это? Неужели во всей семьѣ его нѣтъ человѣка, который настолько бы любилъ его и Россію, чтобъ сказать ему это?

Такимъ образомъ мы еще дойдемъ до того, что Марію Бредау и ея домъ *вольною обращенія* будетъ защищать лейбъ-гвардія.

1267. Русскіе нѣмцы и нѣмецкіе русскіе.

Отрывокъ первый.

Правительствующіе нѣмцы.

Историки дѣлаются, поэты рождаются,—говоритъ латинская сентенція.) Наши правительствующіе нѣмцы имѣютъ ту выгоду противъ историковъ и поэтовъ, что они и *дѣлаются*, и *рождаются*. Рождаются они отъ обрусѣлыхъ нѣмцевъ, дѣлаются изъ онѣмечившихся русскихъ. Плодородіе это, спору нѣтъ,—дѣло хорошее, но чтобъ они не очень гордились этимъ богатствомъ путей народженія, мы имъ напомнимъ, что только низшія животныя разводятся на два, на три манера, а высшія имѣютъ одну методу, зато хорошую.

Изъ всѣхъ правительственныхъ нѣмцевъ, само собою разумѣется, русскіе нѣмцы самые худшіе. Нѣмецкій нѣмецъ въ правительствѣ бываетъ наивень, бываетъ глупъ, снисходитъ иногда къ варварамъ, которыхъ онъ долженъ очеловѣчить. Русскій нѣмецъ ограниченно уменъ и смотритъ съ отвращеніемъ стыдящагося родственника на народъ. И тотъ и другой чувствуютъ свое безконечное превосходство надъ нимъ, и тотъ и другой глубоко презираютъ

¹⁾ Святой духъ—духу вина.

²⁾ Михаилъ Матвѣевичъ, дежурный генераль штаба гвард. корпуса.

все русское, увѣрены, что съ нашимъ братомъ ничего безъ палки не сдѣлаешь. Но нѣмецъ не всегда показываетъ это, хотя и всегда бьетъ; а русскій и бьетъ, и хвастается.

Собственно *нѣмецкая* часть правительствующей у насъ Германіи имѣетъ чрезвычайное единство во всѣхъ семнадцати или восемнадцати степеняхъ нѣмецкой табели о рангахъ. Скромно начинаясь подмастерьями, мастерами, газеллями, аптекарями, нѣмцами *при дѣтяхъ*, она быстро вползаетъ по отлогой для ней лѣстницѣ до нѣмцевъ *при Россіи*, до ручныхъ Нессельродовъ, цѣпныхъ Клейнмихелей, до однопостасныхъ Бенкендорфовъ и двупостасныхъ Адлерберговъ (*fillusque*). Выше этихъ *горъ* и *орловъ* ничего нѣтъ т. е. ничего земного... надъ ними олимпійскій вѣнокъ нѣмецкихъ великихъ княженъ съ ихъ братцами, дядюшками, дѣдушками.

Всѣ они, отъ юнѣйшаго нѣмца подмастерья до старѣйшаго дѣдушки изъ снѣговержцевъ Зимняго Олимпа, отъ рабочей сапожника, гдѣ ученикъ заколачиваетъ смиренно гвозди въ подошву, до экзерциргауза, гдѣ нѣмецъ, корпусный командиръ, заколачиваетъ въ гробъ солдата,—всѣ они имѣютъ одинакіе зоологическіе признаки, такъ что въ нѣмцѣ-сапожникѣ бездна генеральскаго и въ нѣмцѣ-генералѣ пропасть сапожническаго; во всѣхъ нихъ есть что-то ремесленническое, чрезвычайно аккуратное, цеховое, педантское, всѣ они любятъ стяжаніе, но хотятъ достигнуть денегъ честнымъ образомъ, т. е. скупостью и усердіемъ; это даетъ имъ ихъ черствый, холодный, осторожный и безстрастный характеръ. Воруя на службѣ, можно еще быть добродушнымъ плутомъ; наживать честнымъ образомъ—все же будешь плутомъ, но злымъ и беспощаднымъ, напр., исполняя съ точностью безумные приказы самовластья.

Сверхъ этихъ общихъ признаковъ, всѣ правительствующіе нѣмцы относятся одинакимъ образомъ къ Россіи: съ полнымъ презрѣніемъ и таковымъ же непониманіемъ.

Не знаю, каковы были шведскіе нѣмцы, приходившіе за тысячу лѣтъ тому назадъ въ Новгородъ. Но новые нѣмцы, особенно идущіе царить и владѣть нами изъ остзейскихъ провинцій, послѣ того, какъ Шереметевъ «изрядно повоевалъ Лифлянды», похожи другъ на друга, какъ родные братья. Самый полный типъ ихъ, это—конюхъ-регентъ, герцогъ на содержаніи, *Эрнстъ-Іоаннъ Биронъ*.

Въ мою молодость, въ Москвѣ, я имѣлъ случай изучить, по крайней мѣрѣ, человекъ пять Бироновъ, только они не были на содержаніи, а жили на свой счетъ. Отецъ мой охотно отдавалъ дворовыхъ мальчиковъ къ нѣмцамъ *въ науку*. Всѣ хозяева были неумолимые, систематическіе злодѣи и при томъ какіе-то *беззлюб-*

ныя, что еще больше дѣлало невыносимымъ ихъ тиранство. Я помню очень живо щеточника въ Леонтьевскомъ переулкѣ, бѣлобрысаго нѣмца, съ испорченными зубами, лѣтъ 35, чисто одѣвавшася, говорившаго тихо и скромно державшаго себя внѣ мастерской. Дома при немъ постоянно лежалъ ремень, и онъ, какъ американскій плантаторъ или какъ пьяный кучеръ, стегалъ то и дѣло то одного, то другого мальчика, и стегалъ два раза, если тотъ отвѣчалъ. Я даже не думаю, чтобы этотъ человѣкъ былъ особенно свирѣпъ,—онъ съ тупымъ убѣжденіемъ продолжалъ дѣло Петра I и вколачивалъ ремнемъ европейскую цивилизацію. «Es ist ein Vieh—man muss der Bestie den Russen herausschlagen“¹⁾, думалъ онъ съ спокойной совѣстью.

Я увѣренъ, что Биронъ, ужиная en petit comité съ своими Левенвольденами²⁾, Менгденами³⁾, точно также относился ко всей Россіи, и Остерманъ ему поддакивалъ, если не было никого изъ русскихъ, и жаловался на глухоту, если кто-нибудь былъ на лицо. И добрые нѣмцы, какъ добрый щеточникъ, безъ устали употребляли ремни, въ родѣ Ушаковыхъ⁴⁾, Бестужевыхъ⁵⁾, которые подымали Россію на дыбу, ломали руки и ноги и были вдвое мерзѣе своихъ нѣмецкихъ хозяевъ.

Объ нихъ-то именно мы и хотимъ поговорить.

Типъ Бирона здѣсь блѣднѣеть, русскій *на манеръ нѣмца* далеко превзошелъ его; мы имѣемъ въ этомъ отношеніи предѣлъ, Геркулесовъ столбъ, далѣе котораго «отъ жены рожденный» не можетъ итти, это—графъ Алексѣй Андреевичъ Аракчеевъ. Въ немъ совмѣстились всѣ роды бичей, которыми Русь воспитывалась, это былъ раболѣпный татарскій баскакъ, наушникъ дворецкій изъ крѣпостныхъ и прусскій вахмистръ временъ курфюрста Фридриха-Вильгельма. Но что же было въ немъ русскаго? Какое-то національное ensemble, какое-то національное сочетаніе нагайки, розогъ и шпицрутена.

Аракчеевъ—совсѣмъ не нѣмецъ, онъ и по-нѣмецки не зналъ, онъ хвастался своимъ русопетствомъ, онъ былъ, такъ сказать, *по службѣ* нѣмецъ и, не отдавая себѣ никогда отчета, выбивалъ изъ солдата и мужика не только русскаго, но и человѣка.

Такъ, какъ въ Саксоніи есть своя небольшая Швейцарія, такъ у насъ—своя, и притомъ очень большая, Германія. Средо-

¹⁾ Это—животное, нужно выколотить изъ этой скотины русскій духъ.

²⁾ Гр. Карлъ, фаворитъ Анны Ивановны.

³⁾ Графы и бароны, игравшіе видныя роли въ тѣ времена.

⁴⁾ Гр. Андрей Ивановичъ, начальникъ тайной канцеляріи.

⁵⁾ Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ.

точіе ея въ Петербургѣ, но точки окружности вездѣ, гдѣ есть стоячій воротникъ, секретарь и канцелярія, во всѣхъ администраціяхъ: сухопутныхъ, горныхъ, соляныхъ, военно-статскихъ и статски-военныхъ. Настоящіе нѣмцы составляютъ только ядро или закваску, но большинство состоитъ изъ всевозможныхъ русскихъ—православныхъ, столбовыхъ, съ нашимъ жирнымъ носомъ и монгольскими скулами, ученыхъ, невѣждъ, эскадронныхъ командировъ, журналистовъ и начальниковъ отдѣленій. Они-то и занимаютъ всѣ первыя мѣста, когда нѣтъ подъ рукой настоящаго нѣмца, и всѣ вторыя, когда есть, или, вѣрнѣе, всѣ остальные, кромѣ поповскихъ, и это оттого, что нѣмецъ ex officio долженъ ходить по-нѣмецки, т. е. брить бороду, а попъ изъ религіозныхъ причинъ долженъ быть женатъ и съ бородой.

Вступивъ однажды въ нѣмцы, выйти изъ нихъ очень трудно, какъ свидѣтельствуемъ весь петербургскій періодъ; какой-то нервъ портится, какой-то уголь отшибается, и въ силу этого теряется всякая возможность понимать что-нибудь русское, по крайней мѣрѣ, то русское, что составляетъ народную особность.

Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ русскихъ нѣмцевъ, желавшихъ обрусѣть, былъ Николай. Чего онъ ни дѣлалъ, чтобы сдѣлаться русскимъ! И финновъ крестилъ, и уніать сѣкъ, и церкви велѣлъ строить опять въ видѣ суда, и русское судопроизводство ввѣдилъ тамъ, гдѣ никто не понималъ по-русски, и все иностранное гналъ, и паспортовъ не давалъ за границу,—а русскимъ все не сдѣлался, и это до такой степени справедливо, что народность у него являлась на манеръ нѣмецкаго тейчтума, а православіе проповѣдывалось на католическій манеръ; толкуя о народности, онъ даже не могъ черезъ русскую бороду перешагнуть, помня, что скипетръ ему былъ врученъ на томъ условіи, чтобъ онъ «брить бороду и ходилъ по-нѣмецки». Этого мало, Николай при первомъ представившемся случаѣ, когда враждебно встрѣтились интересы Россіи съ нѣмецкими интересами, предалъ Россію такъ, какъ ее предалъ нареченный дѣдъ его Петръ Ѳедоровичъ. Только что они нашли разныхъ нѣмцевъ: Петръ Ѳедоровичъ измѣнилъ Россію въ пользу прусскаго короля, потому что Фридрихъ былъ геній; Николай измѣнилъ всему славянскому міру въ пользу австрійскаго императора, а тотъ былъ идиотъ.

Дѣло-то въ томъ, что жизнь русскую, не установившуюся, задержанную и искаженную, вообще трудно понимать безъ особеннаго сочувствія, но во сто разъ труднѣе въ *нѣмецко-нѣ переводѣ*, а мы ее только въ немъ и читаемъ. Она ускользаетъ отъ чужихъ опредѣленій, а сама не достигла того отстоявшаго пол-

наго сознанія и отчета, которое является у старыхъ народовъ вмѣстѣ съ сѣдиною и печальнымъ припѣвомъ: «Si jeunesse savait, si vieillesse pouvait!»¹⁾).

Вмѣсто статистическихъ, юридическихъ, историческихъ торныхъ дорогъ, по которымъ мы ѣздимъ во всѣ стороны на Западѣ, у насъ вездѣ лѣсъ, проселки, дичь... Стремленія, способности, огромный ростъ, въ ужасъ приводящее молчаніе и какой-то народный бытъ, засыпанный мусоромъ... вотъ и все. Есть признаки, *прижаты*, звуки, симпатіи, по которымъ многое дѣлается понятнымъ для простого ума, т. е. не предупрежденнаго, для простого сердца, для кровной связи; это чутье совершенно притупляется нѣмецкой дрессировкой.

Кто не видалъ въ свою жизнь истаго городского жителя, какъ онъ теряется въ полѣ, въ лѣсу, въ горахъ?... Ни будочника, чтобъ спросить дорогу, ни нумеровъ, ни фонарей; а крестьянскій мальчикъ поѣзжаетъ пѣсни, щелкаетъ орѣхи и преспокойно идетъ домой.

Той ясности, той легкости, къ которой насъ приучаетъ чтеніе духовныхъ завѣщаній, надгробныхъ надписей, оконченныхъ процессовъ, мы не находимъ и, обращаясь къ хаосу русской жизни, ломаемъ и гнемъ непонятные факты въ чужую мѣру.

Это метода Петра, перваго императора и перваго русскаго нѣмца. Петръ былъ совершенно правъ въ стремленіи выйти изъ неловкихъ, тяжелыхъ государственныхъ формъ московскаго царства, но разорвавшійся съ народомъ и равно лишенный гениальнаго чутья и гениальнаго творчества, онъ поступилъ проще. Возлѣ, рядомъ инныя формы прочной нѣмецкой работы, въ нихъ такъ могуче развилась западная жизнь; чего же лучше: «Herr Nachbar, eine kleine Kopie»²⁾. Въ самомъ дѣлѣ, коли эти формы были хороши для такихъ аристократовъ, какъ французы, шведы, нѣмцы, какъ же имъ не быть хорошими для русскихъ мужиковъ? стоитъ сначала приневолить, обрить, посѣчь,—и все пойдетъ, какъ по маслу.

Такъ оно и пошло; ясно, что для вколѣчиванія русскихъ въ нѣмецкія формы слѣдовало взять нѣмцевъ: въ Германіи была бездна празднующающихся пасторскихъ дѣтей, егерей, офицеровъ, берейторовъ, фореиторовъ; имъ открываютъ дворцы, имъ вручаютъ казну, ихъ обвѣшиваютъ крестами; такъ, какъ Кортесъ завоевывалъ Америку испанскому королю, такъ нѣмцы завоевывали шпицрутенами Россію нѣмецкой *идеѣ*.

¹⁾ Еслибы молодость знала, еслибы старость могла.

²⁾ Сосѣдъ, маленькую копию.

Если Биронъ ссылалъ сотнями, сѣкъ тысячами, это значить, что русскіе дурно учились.

Вѣдь, за то-то и Аракчеевъ билъ всю жизнь русскаго чело-вѣка, чтобъ лучше его пригнать въ солдатскую мѣру, а ее Аракчеевъ унаслѣдовалъ изъ чистѣйшаго голштинскаго источника, преданіе котораго хранилось свято и исправно въ Гатчинѣ. Идеаль вахтпа-раднаго солдата, до котораго Аракчеевъ доколачивалъ, былъ хорошъ, а скотина-мужикъ этого не понималъ... 1000 шпицрутенонъ, 2000, 3000,—да чего жалѣть прутьевъ, нашъ край дубравень—10.000!

Нѣмцы изъ настоящихъ и изъ поддѣльныхъ приняли русскаго чело-вѣка за *tabula rasa*, за листъ бѣлой бумаги... и такъ какъ они не знали, что писать, то они положили на немъ свое тавро и сдѣлали изъ простой бумаги гербовый листъ и исписали его потомъ нелѣпыми формами, титулами, а главное—крѣпостными актами, которыми закабалляли больше и больше это *живое тѣсто*, которое они были призваны выцивилизовать.

За работу они принялись усердно: что помѣщикъ—то Петръ I, что нѣмецъ—то Биронъ. Помѣщикъ высѣкалъ изъ крестьянина лакея, Аракчеевъ—солдата. Добросовѣстные изъ нихъ были увѣрены, что они образуютъ ихъ. «Посмотрите, говоритъ помѣщикъ, на Гришку,—три года тому назадъ за сохой ходилъ, а вотъ теперь служить въ англійскомъ клубѣ не хуже всякаго офиціанта; у меня есть секретъ ихъ учить. Тяжело было, нечего дѣлать, не одну березовую припарку вынесъ, зато теперь самъ чувствуетъ мои благодѣянія».

И, дѣйствительно, Гришка чувствовалъ это и Богу молилъ за барина, и отца съ матерью въ деревнѣ презиралъ, какъ сиволапыхъ мужиковъ.

Такъ у насъ шло тихо да келейно, посѣкая да постегивая, и долго бы прошло, да вдругъ русская жизнь натолкнулась на *русскій* вопросъ, а по-нѣмецки его разрѣшить нельзя.

Вопросъ этотъ въ освобожденіи крестьянъ съ землею... и во всякихъ чудесахъ: въ правѣ на землю, въ общинномъ владѣніи ¹⁾.

¹⁾ Статья наша была набрана, когда мы получили прелюбопытное письмо о Дерптѣ. Что это за ученое болото, что за лужа германизма, са-маго узкаго, самага исключительнаго, самага теологическаго! Мы давно знали студентскую исторію, бывшую въ ноябрѣ 1857; не печатали мы ее изъ понятной пощады къ провинціямъ, все же покореннымъ. Но отрывки изъ писемъ непременно передадимъ нашимъ читателямъ. Что бы государю уговорить всѣхъ остзейскихъ нѣмцевъ переселиться *mit Weib und Kind* въ *gesammtes Vaterland* ²⁾, ну хоть въ Пруссію, что ли... а финновъ оставить свободными съ землею.—А. И. Г.

²⁾ Съ женами и дѣтьми на (ихъ) общую родину.

Отрывокъ второй.

Доктринерствующіе нѣмцы.

То, что дѣлалось грубо, хирургически, въ передней и казармѣ, повторялось съ разными утонченными и нервными видоизмѣненіями во всѣхъ другихъ сферахъ.

Разрывъ, которымъ для насъ началась *нѣмецкая наука*, невольно ставилъ все, отторгаемое отъ прежняго единства, во враждебное отношеніе ко всему, оставшемуся по старинѣ. Освобождаясь отъ цѣлаго міра нелѣпыхъ предразсудковъ и тяжелыхъ формъ, *новая* Россія не дѣлалась свободной, на это она еще не имѣла достаточной самостоятельности, а подчинялась другому нелѣпому порядку и принимала его предразсудки второй степени, такъ сказать.

Допетровская жизнь была виновата въ разрывѣ, она обусловила и вызвала его; въ ея сонномъ - прозябаніи нельзя было долѣе оставаться, не покрывшись плѣсенью, не распознаясь, не впадая въ восточную летаргію. А на все на это не доставало азіатской лѣни и старческаго покоя. Совѣмъ напротивъ, въ русской жизни бродила бездна силъ неустоявшихся: съ одной стороны, казачество, расколы, неосѣдность крестьянъ, ихъ бродяжничество, съ другой, — государственная пластичность, сильно обнаруживавшаяся въ стремленіяхъ раздаться, не теряя единства.

Какимъ путемъ эта стихійная жизнь, равнодушная къ развитію своихъ собственныхъ силъ и даже къ сознанію ихъ, должна была выйти къ совершеннѣйшему и измѣниться, это зависѣло отъ разныхъ обстоятельствъ, но *необходимость* выхода вовсе не была случайностью. Оторвавшаяся часть нѣмой и спящей горы представляла именно тотъ революціонный ферментъ, то дѣятельное меньшинство, которое должно было волею или неволею увлечь за собою всю массу; что меньшинство это было само увлечено подражаніемъ чужеземному, это естественно. Русская жизнь, таившая въ себѣ зародыши будущаго развитія, вовсе не подозрѣвая того, держалась за старину по Капризу, не умѣя объяснить почему, а революція, напротивъ, указывала на блестящіе идеалы, на широкую будущность и, какъ нецъ, на существующую Европу съ ея наукой и искусствомъ, съ ея государственнымъ строемъ и общежитіемъ.

Что европейскія гражданскія формы были несравненно выше не только старинныхъ русскихъ, но и теперешнихъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. И вопросъ не въ томъ, догнали ли мы Западъ или

нѣтъ, а въ томъ, слѣдуетъ ли его догонять по длинному шоссе его, когда мы можемъ пуститься въ объѣздъ. Намъ кажется, что, пройдя западной дрессировкой, подкованные ею, мы можемъ стать на свои ноги, и вмѣсто того, чтобъ твердить чужіе зады и прилаживать стоптанные сапоги, намъ слѣдуетъ подумать, нѣтъ ли въ народномъ быту, въ народномъ характерѣ нашемъ, въ нашей мысли, въ нашемъ художествѣ чего-нибудь такого, что можетъ имѣть притязанія на общественное устройство, несравненно высшее западнаго. Хорошіе ученики часто переводятся черезъ классъ.

Представьте себѣ, что какимъ-нибудь колдовствомъ кто-нибудь вдругъ развилъ бы изъ куринаго яйца ящерицу или лягушку. Безъ всякаго сомнѣнія, состояніе ящерицы, было бы для яйца прогрессомъ, но, въ сущности, зародышъ цыпленка могъ имѣть высшія притязанія, именно—сдѣлаться птицей. Если бы мы теперь остановили развитие цыпленка, основываясь на томъ, что ящерица или лягушка, выведенная изъ птичьяго яйца, потому не можетъ еще сдѣлаться птицей, что она не достигла всѣхъ лягушечьихъ совершенствъ, и, основываясь на этомъ, будемъ его заставлятъ прыгать на брюхѣ, подтянувши ноги, въ то время, какъ онъ могъ бы летать, — то мы все-же сдѣлаемъ avortementъ птицы и дѣльше лягушки ее не разовьемъ.

Наука, которую мы прошли, была трудна, помѣчена слезами, кровью и костями. Она пошла въ прокъ, наша здоровая организація все вынесла. Сначала мы были у нѣмца въ ученьи, потомъ у француза въ школѣ,—пора брать дипломъ.

А страшное было воспитаніе!

При Петрѣ I дрессировка началась нѣмецкая, т. е. наиболѣе противоположная славянскому характеру. Военный артикуль и канцелярскій стиль были первыми плодами нѣмецкой науки. Тяжелые и неповоротливые бояре и князья наперерывъ старались походить на капраловъ и берейторовъ, германскій бюрократизмъ обогащался византійскимъ раболѣпіемъ, а татарская нагайка служила превосходнымъ пополненіемъ шпицрутеновъ. На тронѣ были нѣмцы, около трона—нѣмцы, полководцами—нѣмцы, министрами иностранныхъ дѣлъ—нѣмцы, булочниками—нѣмцы, аптекарями—нѣмцы, вездѣ нѣмцы, до противности. Нѣмки занимали почти исключительно мѣста императрицъ и повивальныхъ бабокъ.

На добродушнѣйшемъ изъ всѣхъ нѣмцевъ, на пьяненькомъ Петрѣ III, какъ всегда бываетъ, оборвалось нѣмецкое единодержавіе. Нѣмка, взбунтовавшаяся противъ него, была офранцужена, выдавала себя за русскую и стремилась замѣнить нѣмецкое иго обще-европейскимъ.

Съ тѣхъ поръ въ обществѣ нѣмцы уступаютъ французамъ, но, если французы господствуютъ въ гостиной и на кухнѣ, то передняя и правительство остаются за нѣмцами ¹⁾).

Et par diverses raisons
Gardons les amis de la maison ²⁾).

Они любятъ правительство, правительство ихъ любить, да и какъ не любить людей, которыхъ отечество въ канцелярии и казармѣ, которыхъ совѣсть въ Зимнемъ дворцѣ?

И не только правительство, мы сами такъ привыкли, что нельзя хорошо управлять Россіей безъ нѣмцевъ, что намъ кажется просто страннымъ, какъ быть русскому министерству, русской арміи безъ Нессельроде, Канкринна, Дибича, Бенкендорфа, Адлерберга,—нельзя! Ну, хоть какой-нибудь Балтазаръ Балтазаровичъ фонъ Кампенгаузенъ ³⁾ или Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ ⁴⁾, а все нужно.

Пока нѣмцы владѣли Русью, какъ справедливой наградой за аккуратность и умѣренность, общество продолжало спрягать французскіе глаголы и обогащать русскій языкъ галлицизмами. Кафтаны и танцы, книги и прически,—все шло изъ Франціи, и это былъ большой шагъ впередъ. Въ концѣ XVIII столѣтія Франція, дѣйствительно, была страной великой пропаганды, духъ будущаго носился надъ Парижемъ, и наше молодое поколѣніе незамѣтно переходило отъ французской грамматики къ французскимъ идеямъ... Одно правительство дальше языка не пошло и, щегольски говоря по-французски, руководствовалось чисто-нѣмецкими мѣрами, ограждая себя по-прежнему отъзейскими лейбъ-опричниками отъ французскихъ идей и русскихъ притязаній. Но, несмотря ни на это, ни на Аракчеева, ни на военныя поселенія, ни на винные откупа, александровская эпоха была великимъ временемъ. Это была эпоха

¹⁾ Съ глубокой горестью читали мы, что самый почетный гость на праздникъ 8 сентября былъ нѣмецъ съ *австрійскимъ* крестомъ, полученнымъ за *отличіе* при Сольферино... именно гессенскій принцъ. Рано узнаетъ юноша, призванный когда-нибудь царить надъ Русью, что въ его семьѣ есть рейторы и кондотьеры къ услугамъ каждаго нуждающагося тиранства, вольнонаемные принцы, готовые своей шпагой, оскверненной кровью въ неправомъ дѣлѣ и въ дѣлѣ *чужомъ* для нихъ, расчистить дорогу палачамъ!

А. И. Г.

²⁾ И вслѣдствіе различныхъ причинъ, сохранимъ друзей дома.

³⁾ Государственный контролеръ и управляющій мин. вн. дѣлъ при Александрѣ I.

⁴⁾ Генераль-фельдмаршалъ при Николаѣ I.

Пестеля и Муравьева, университетовъ и лицеевъ, Пушкина и 1812 года, эпоха гражданственнаго сознанія и государственной мощи. Она служить лучшимъ отвѣтомъ слѣпымъ порицателямъ петровскаго разрыва, ею онъ оправданъ и заключенъ. Залпъ на Исаакіевской площади былъ залпомъ на его похоронахъ.

Юныя, гордая силы были уже готовы выступить за гранитные берега, когорыми *образующій* деспотизмъ стремился удержать образование. Грубый отпоръ осадилъ ихъ, тяжелый гидравлическій прессъ налегъ на все, сгущая, сосредоточивая, и все выросло въ молчаніи. Николай имѣлъ въ виду одно стѣсненіе, онъ не виноватъ въ пользѣ имъ сдѣланнаго, но она сдѣлалась. Юношеская, само-надѣянная мысль александровскаго времени смирилась, стала угрюмѣе и съ тѣмъ вмѣстѣ серьезнѣе. Боясь свѣтить ярко, свѣтить вверхъ, она, таясь, жгла внутри и иной разъ свѣтила внизъ. Громкія рѣчи замѣняются тихимъ шопотомъ, подземная работа идетъ въ аудиторіяхъ, идетъ подъ носомъ у Николая въ военныхъ училищахъ, идетъ подъ благословіемъ митрополитовъ въ семинаріяхъ. Живая мысль облекается въ схоластическія одежды, чтобъ ускользнуть отъ наушниковъ, и надѣваетъ рабскую маску, чтобъ дать знакъ глазами, и каждый намекъ, каждое слово про-равшееся—понято, становится силой. Удивительное время наружнаго рабства и внутренняго освобожденія; настоящая исторія этого времени не на Кавказѣ, не въ убитой Варшавѣ, не въ острогѣ Зимняго дворца, она въ двухъ-трехъ бѣдныхъ профессорахъ, въ нѣсколькихъ студентахъ, въ кучкѣ журналистовъ.

Мысль растеть, смѣхъ Пушкина замѣняется смѣхомъ Гоголя. Скептическая потерянности Лермонтова составляетъ лиризмъ этой эпохи.

Печальны, но изящны были люди, вышедшіе тогда на сцену; съ сознаніемъ правоты и безсилія, съ сознаніемъ разрыва съ народомъ и обществомъ, безъ вѣрной почвы подъ ногами, чуждые всему окружающему, не знавшіе будущаго, они не сложили рукъ, они проповѣдовали цѣлую жизнь, какъ Грановскій, какъ Бѣлинскій,—оба сошедшіе въ могилу, рано изношенные въ суровой и безотрадной борьбѣ.

Они по духу, по общему образованію, принадлежали Западу; ихъ идеалы были въ немъ... Русская жизнь ихъ оскорбляла на всякомъ шагу, и между тѣмъ съ какой святой непослѣдовательностью они любили Россію и какъ безумно надѣялись на ея будущее... И если когда въ минуты безконечной боли они проклинали неблагодарный, суровый родительскій домъ, то, вѣдь, это одни крѣпкіе на умъ не слышали въ ихъ проклятiahъ *благословенія!*

Грановскій и Бѣлинскій стоятъ на рубежѣ, далѣе въ ихъ направленіи нельзя было итти. Послѣдніе благородные представители западной идеи, они не оставили ни учениковъ, ни школы. Молодое поколѣніе *выслушало* результаты, до которыхъ они домучились и, предостереженное ихъ примѣромъ, не впадало въ ихъ непослѣдовательность: спокойное и разсудительное, оно или примирилось съ «разумной дѣйствительностью» русской гражданской жизни, или, какъ подсолнечникъ, склонило свой тяжелый цвѣтокъ черезъ острожный частоколь русской тюрьмы къ садящемуся на западѣ солнцу. Изъ нихъ-то составились наши *доктринеры-бюрократы* и *западные доктринеры*,— послѣдняя фаланга петровскаго войска, лучшіе нѣмцы изъ русскихъ, умные, образованные, но не русскіе, и именно потому способные съ наилучшими намѣреніями надѣлать бездну вреда.

Въ первое десятилѣтіе, слѣдовавшее за 14 декабря 1825, поднялось рядомъ съ тѣмъ движеніемъ, о которомъ мы говорили, совсѣмъ иное направленіе. Нѣсколько дѣятельныхъ умовъ, отворачиваясь отъ луннаго, холоднаго просвѣщенія, которымъ вѣяло изъ Петербурга, стали проситься домой изъ «нѣмецкой науки» и, попавъ на мысль, что Русь русскую не уразумѣешь изъ однѣхъ иностранныхъ книгъ, отправились ее искать, *ее живую*, въ лѣтописяхъ, такъ, какъ Марія Магдалина искала Иисуса во гробѣ, въ которомъ его не было.

Надъ ними смѣялись, и они, дѣйствительно, были смѣшны, юродствовали, переѣзжали за два вѣка назадъ, наряжались по старо-русски, такъ, какъ ихъ предки наряжались по-нѣмецки, отращивали бороду, которую полиція имъ брила, натягивали подогрѣтое православіе, сомнѣвались, слѣдуетъ ли ѣсть телятину, и не сомнѣвались, что иконопись выше живописи. Мы смотрѣли на нихъ съ негодованіемъ и были правы: мы искали свободы совѣсти,—они, исполненные раскольнической нетерпимости, проповѣдывали православное рабство. Мы не понимали (да и они сначала сознательно не понимали), что у нихъ, какъ у старовѣровъ, подъ археологическими обрядами бился живой зародышъ, что они, повидимому защищая одинъ вздоръ, въ сущности отстаивали въ уродливо-церковной формѣ вѣру въ *народную жизнь*!

Пока продолжалась борьба свободной совѣсти противъ рабской, и партіи не могли другъ друга понять, грянула февральская гроза и перемѣшала всѣ карты въ Европѣ. Когда она улеглась, полюсы шара земного были перемѣнены.

Западники, безземельные дома, теряли теперь шагъ за шагомъ свои владѣнія въ обѣтованной землѣ. Славянофилы, думая отрывать трупы на кладбищѣ, по дорогѣ пахали поле. Западная партія

была разбита на Западѣ: кирпичное, въ одинъ камень, зданіе политической экономіи покривилось и осѣлось; теорія общественнаго прогресса падала въ бесплодную риторику; Франція, какъ покорное стадо единого пастыря, и Германія, какъ покорное стадо множества пастырей, утратили, разъ за разъ, свободныя учрежденія, личную безопасность, право рѣчи, утратили талантъ, серьезность; общее паденіе, какъ неотразимый рокъ, влекло всю Европу въ хаосъ разложенія; явились трогательныя, печальныя личности, упорно остающіяся вѣрными всякому паденію, надѣющіяся, что храмъ западный, какъ храмъ Соломоновъ, скоро воскреснетъ во всей славѣ и силѣ, лишь бы только отдѣлаться отъ социализма и деспотизма, отъ католицизма и *невѣжества массъ*...

И наши западные доктринеры вслѣдъ за ними не измѣнили своей вѣрѣ, не уступили стѣнъ своей ученой крѣпости, они печально, но твердо ждутъ, когда уляжется дикое славянофильство, варварство социальныхъ идей, и французская централизація, на основаніяхъ нѣмецкой Schul-Wissenschaft ¹⁾, будетъ царить отъ Таурогена до Амура.

Чѣмъ больше западная партія удалялась отъ реальной почвы и переносила шатры свои въ абстрактную науку, тѣмъ тверже становились славяне на практической gruntъ. Вопросъ объ общинномъ владѣніи, по счастью, вывелъ ихъ изъ церкви и изъ лѣтописей на пашню.

И вотъ какъ роковымъ колебаніемъ историческихъ волнъ *люди прогресса* стали, въ свою очередь, консерваторами, старобрядцами реформы, стрѣльцами западной цивилизаціи, хвастающимися неподвижностью своихъ мнѣній!

Старая шутка софистовъ рѣшилась обратно: черепаха опередила Ахилла... Ахиллъ забѣжалъ далеко, а путь переломился.

Какъ это дѣлается, приведу одинъ примѣръ: споръ, длившійся въ русскихъ журналахъ о народности въ наукѣ. Западники были совершенно правы въ томъ, что объективная истина не можетъ зависѣть ни отъ градуса широты, ни отъ градуса лицевого угла; но, говоря это, у нихъ есть задняя мысль, что *западная наука*, какъ единая сущая, и есть эта объективная, католическая, безусловная наука. Конечно, другой науки нѣтъ, но развѣ быть *одной* значитъ быть безусловной? ²⁾ Западная наука, съ своимъ схоласти-

¹⁾ Школьная наука.

²⁾ Развѣ по той логикѣ, по которой, шутя, доказываютъ, что человекъ сидящій одинъ въ лучшей комнатѣ всего Парижа, есть лучший человекъ во всемъ мірѣ. А. И. Г.

чекимъ языкомъ и дуализмомъ въ понятіяхъ, въ тысячи случаяхъ не умѣеть не только разрѣшить, но поставить вопросъ. Она слишкомъ завалена грубымъ матеріаломъ, слишкомъ избалована своими старыми приѣмами, чтобъ просто относиться къ предмету; она слишкомъ облегчила себѣ трудъ рубриками, словами, трафаретками и шаблонами, чтобъ искать новыхъ мѣховъ для новаго вина.

Славянофилы поняли, что ихъ истина плохо выражается западной номенклатурой; они пытались науку сдѣлать русской, православной, остриженной въ скобку, такъ, какъ пытались архитектуру и живопись свести на византизмъ, а въ сущности они достигаютъ совсѣмъ другого—высвобожденія мысли и истины отъ обаятельныхъ колодокъ нѣмецкой работы, набитыхъ на нашъ умъ западнымъ возрѣніемъ.

Вотъ почему мы, не хвастающіеся достоинствомъ Симеона-Стопника, стоявшаго бесполезно и упорно шесть, десять лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, — оставаясь совершенно вѣрными нравственнымъ убѣжденіямъ нашимъ... *живые*, т. е. измѣняющіеся

теченьемъ времени ¹⁾,

стали гораздо ближе къ московскимъ славянамъ, чѣмъ къ западнымъ старообрядцамъ и къ русскимъ нѣмцамъ, во всѣхъ родахъ различнымъ.

Отрывокъ третій.

В а р і а ц і и.

I.

Намъ кажется, что западный мозгъ, такъ, какъ онъ выработался своей исторіей, своей односторонней цивилизаціей, своей школьной наукой, не въ состояніи уловить *новыя явленія жизни ни у себя, ни вчужь*.

Наука (исключая естествовѣдѣніе) измѣнила прогрессивному характеру своему и перешла въ доктринаризмъ, который расходится съ живою средой такъ, какъ нѣкогда разошлась съ нею церковь католическая, а потомъ и протестантская... Академическая кафедра и церковный напой остаются какими-то *venerabilia* ²⁾, кото-

¹⁾ «Теченьемъ времени превѣчный» (ода Державина «Богъ»).

²⁾ Фетишами.

рымъ изъ уваженія позволяютъ поучать, мѣшаться въ жизнь, но которымъ жизнь не позволяетъ управлять собой.

Западное міросозерцаніе, съ его гражданскимъ идеаломъ и философіей права, съ его политической экономіей и дуализмомъ въ понятіяхъ; принадлежитъ къ извѣстному порядку историческихъ явленій и внѣ ихъ несостоятельно.

Идеаль его, какъ всегда бываетъ съ идеалами,—тотъ же существующій историческій бытъ, но преобразенный на горѣ Фаворѣ. Къ этимъ идеаламъ шли, увлекая поколѣнія, великіе мыслители XVIII вѣка, радостные люди 1789 и мрачные 1793, мѣщане 1830 и ихъ сыновья 1848; къ нимъ не идутъ народы нашего времени, потому что они отслужили свою службу, они обойдены чуткимъ инстинктомъ... и на этомъ растеть разрывъ.

Пока западный міръ въ мученіяхъ и трудѣ строилъ изъ своей дѣйствительности свои теории и стремился потомъ изъ теорій вывести свою дѣйствительность, *истины его пережили свою истинность*. Онъ не хочетъ этого знать... Тутъ предѣлъ, и настоящая Европа представляетъ намъ удивительное зрѣлище политическаго и научнаго консерватизма, соединенныхъ не на взаимномъ довѣрїи, а на страхѣ чего-то отрицающаго ихъ авторитетъ.

Страхъ не совмѣстенъ ни съ свободой, ни съ прогрессомъ. Противозаконный союзъ науки съ властью сдѣлалъ изъ нея схоластическій доктринаризмъ во всемъ относящемся къ жизни.

Старая цивилизація истощила свои средства, она становится все больше и больше *книжной*; способность прямо, безъ письменныхъ документовъ относиться къ предмету теряется; заучившійся человѣкъ меньше наблюдаетъ, чѣмъ вспоминаетъ; привычка все узнавать изъ книгъ дѣлаетъ его больше способнымъ для чтенія и меньше способнымъ для смотрѣнія. Ученый авторитетъ, сѣдѣя, теряетъ терпимость, становится обязательнымъ и принимаетъ отрицаніе за обиду и крамолу. У него есть прочный запасъ давно рѣшенныхъ истинъ, началъ, законовъ, къ нимъ онъ не возвращается, оно и не было нужно, пока дѣло шло о продолженіи, о приложеніи, о развитіи прежняго, словомъ, о продолженіи. Но тутъ, какъ нарочно, міръ не можетъ итти по старому, а догматики не вѣрятъ, чтобы міръ могъ шагъ сдѣлать внѣ формъ и категорій, впередъ ими признанныхъ.

Я съ ужасомъ слышу грозное негодованіе моихъ ученыхъ друзей:

Да онъ властей не признаетъ!—

говорятъ они. Что же это, наконецъ, кошунство въ дѣвичьей спальнѣ Минервы?! Этого мы не потерпимъ. Дѣло теперь не о рус-

скихъ нѣмцахъ и не о нѣмецкихъ русскихъ,—дѣло о достоинствѣ науки, за нее мы заступимся: *Moriatur pro regina posita* ¹⁾.

— Равви, если-бъ вы выслушали меня...

— Да что вы можете сказать? вы—софистъ, вы—скептикъ, вы любите парадоксы!

— Во-первыхъ, я бы васъ успокоилъ насчетъ науки; она *assez grand garçon* ²⁾, чтобъ не нуждаться въ защитѣ дядекъ отъ нападокъ какого-нибудь поврежденнаго. Наука—такой же сущій непреложный фактъ, какъ воздухъ, какъ луна; можно сказать, что воздухъ сегодня не чистъ, и луна тамъ-то не свѣтитъ, но начать бранить воздухъ или луну можетъ только сумасшедшій. Представьте себѣ человѣка, который бы сталъ говорить, что воздухъ глупъ, и другого, который съ негодованіемъ сталъ бы ему возражать, защищая благородный, хотя и нѣсколько вѣтренный характеръ его.

— Все это такъ, но вредъ отъ нападокъ вашихъ унижаетъ цивилизацію и науку въ глазахъ невѣждъ и лѣнтяевъ, а намъ надобно учиться, много учиться.

— И будемте. Какъ же не учиться и гдѣ же лучше учиться, какъ не у старшихъ братьевъ. Но скажите мнѣ на милость, ваши похвалы наукамъ и искусствамъ подняли ли ихъ, напр., въ глазахъ первыхъ трехъ классовъ въ Россіи? Не примешь ихъ превосходительства велерѣчѣмъ; они могутъ только уважать по высочайшему повелѣнію или волѣ высшаго начальства. Но дѣло не въ томъ, а въ томъ, что, уважая науку всѣмъ сердцемъ и всѣмъ помышленіемъ и отдавая ей все, что ей принадлежитъ, я не хочу создавать себѣ изъ нея кумира, а, совсѣмъ напротивъ, призвавъ ея логическое благословеніе, скажу, что безусловной науки нѣтъ (какъ вообще нѣтъ ничего безусловнаго). Наука въ дѣйствительности всегда обусловлена; отражаемый міръ явленій въ *человѣческомъ* сознаніи, она дѣлитъ его судьбы, съ нимъ движется, растетъ и отступаетъ, постоянно находясь во взаимодействіи съ исторіей. Оттого въ развитіи ея тотъ же поглощающій, страстный интересъ, та же поэзія и драма, тѣ же страданія и увлеченія, какъ въ исторіи. Ея *относительная* истина всегда отклонена отъ прямой линии мозговымъ преломленіемъ и подкрашена средой, и тѣмъ больше, чѣмъ предметъ ближе къ намъ.

Западный міръ, и это совершенно естественно, считалъ и считаетъ свою науку абсолютной, свой путь—единымъ ведущимъ къ

¹⁾ Умремъ за нашу царицу.

²⁾ Достаточно выросла.

спасенію. Но такъ какъ магнитная стрѣлка его сильно отклонилась отъ прямого направленія въ продолженіе долгаго историческаго плаванія, то онъ, наконецъ, хватился объ утесъ и, боясь потонуть, бросился на мель. Теперь всѣ усилія, весь трудъ употребляется, чтобъ неподвижному сидѣнью на мели придать видъ прогрессивнаго движенія.

Для того, чтобъ въ самомъ дѣлѣ плыть дальше, надобно весь грузъ бросить въ море, а его много и жаль. Жаль ученымъ не меньше банкировъ, и они переходятъ на консервативную сторону. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ какому-нибудь юристу легко признаться, что все уголовное право—нелѣпая теорія мести; что лучший уголовный судъ—очищенная инквизиція, и что въ лучшемъ кодексѣ нѣтъ ни логики, ни психологіи, ни даже здраваго смысла?

Къ тому же теоретическія убѣжденія упорнѣе всѣхъ на свѣтѣ, упорнѣе религіозныхъ вѣрованій, именно потому, что они имѣютъ свое одностороннее логическое оправданіе, свое діалектическое доказательство, основанное не на патологическомъ состояніи мозга, какъ въ религіи, а на относительной истинности. Средства переубѣдить человѣка, теоретически убѣжденнаго, никакихъ нѣтъ, это—совершеннѣйшій предрасудокъ. Логика не имѣетъ такой силы надъ привычнымъ складомъ ума, надъ застарѣлыми приѣмами его. Убѣдить, вообще, можно только того, кто или никакого мнѣнія не имѣетъ или чувствуетъ, что его мнѣніе шатко. А западный умъ, совсѣмъ напротивъ, убѣжденъ въ непогрѣшительности своей методы и въ *истинѣ своихъ истинъ*.

Но будто нѣтъ исключенія?

Есть. Но эти люди—такіе же иностранцы на Западѣ, какъ и мы. Старая Европа, ученая, юридическая, этико-политическая и политико-экономическая, филологическая и либеральная, относится къ нимъ съ такимъ же непониманіемъ, какъ къ намъ, и съ двойной ненавистью.

Къ тому же они побѣждены!

II.

Съ того дня, когда невозможность величайшей утопіи, когда-либо волновавшей духъ человѣческой, обличилась, когда усталый народъ и откипѣвшія партіи поняли, что изъ монархической Франціи не легко создать, даже съ помощью гильотины, демократическую республику, основанную на разумѣ, равенствѣ и братствѣ, и все стремилось взойти въ покойное русло, т.-е. найти себѣ господина,

который бы снялъ на свои плечи бремя самоуправленія, — съ того самаго дня поднялся голосъ *протеста*, говорившій, что революція не удалась не потому, что она сбилась съ своихъ началъ, а что она сбилась съ нихъ потому, что изъ ея началъ не выведешь новаго общественнаго устройства, сообразнаго съ потребностями разума.

Революція отвѣчала на дерзкій протестъ ржавымъ топоромъ, уже выходившимъ изъ употребленія. Человѣкъ былъ убитъ, голосъ остался, и иной разъ его слышали издали, даже во времена нравственной протрации всеобщей бойни «періода славы», потомъ погромче во времена Лазарева воскресенія Бурбоновъ и, наконецъ, очень громко, когда за прилавокъ Франціи сѣлъ смысленный хозяинъ, Людовикъ-Филиппъ.

Въ процессѣ улицы *Ménilmontant* ¹⁾ люди увидѣли въ первый разъ, послѣ Плинія и Тертуліана, небольшую кучку сектаторовъ, отвергавшихъ не то или другое учрежденіе, не ту или другую форму правительства, но все современное общественное устройство, и притомъ ни одно австрійское, ни одно папское, а съ тѣмъ вмѣстѣ и все либерально-конституціонное короля-гражданина и хартіи, «сдѣлавшейся правдой».

Государство должно было ихъ преслѣдовать; это былъ вопросъ на жизнь и смерть, и не одно государство опрокинулось на нихъ, но и общественное мнѣніе, руководимое либеральной буржуазіей. Тутъ не было мѣста для взаимныхъ уступокъ, не на чѣмъ было примириться; между католикомъ и кальвинистомъ, между легитимистомъ и якобинцемъ при всей ихъ противоположности были общія данныя, общія истины, были идолы, которымъ поклонялись тѣ и другіе, святыни, чтимыя ими обоими. Между судьями и с.-симонистами ничего не было общаго. Они отвергали весь существующій порядокъ. «Да какъ же это? — говорили не только судьи, но и либералы, — развѣ наша цивилизація рядомъ съ своими недостатками ничего не выработала прочнаго, дѣльнаго, кромѣ воротъ, которыми изъ нея выходятъ?.. Что же станется со всѣмъ этимъ міромъ богатства, просвѣщенія, искусства, промышленности, свободныхъ учреждений?» И борьба ассизовъ сдѣлалась общественной борьбой. Либерализмъ, ополчаясь противъ социализма, съ самаго начала громко возвѣстилъ міру, что онъ идетъ на защиту *цивилизации* противъ новыхъ варваровъ.

Чего же такъ испугалось государство этихъ блудныхъ сыновъ образованія, осмѣлившихся слабыми руками покачнуть столпы вѣкового зданія? Того, что всѣ столпы и своды, дворцы и академіи

¹⁾ Прѣдмѣстье Парижа, гдѣ собирались сенъ-симонисты.

были построены на корабельной палубѣ, отдѣленные досками отъ бездонной, дремлющей пропасти, отъ пропасти пролетаріата и голода, изнуряющей работы и недостаточнаго вознагражденія за нее.

Борьба продолжалась бы, вѣроятно, долго. Но послѣ пятнадцатилѣтняго застоя дѣла пошли быстро. Прогнали *возможнаго* Людовика-Филиппа, провозгласили невозможную республику и невозможный *suffrage universel* ¹⁾). Груша была зрѣла для гніенія. Споръ перешелъ изъ книгъ и журналовъ на площадь. «Варвары» были побѣждены, цивилизація была спасена, Сенаръ отъ нея имени благодарилъ Кавеньяка. Свобода, равенство и братство были обеспечены!

Но вотъ что странно: съ этой побѣдой что-то убыло, какой-то нервъ былъ перерѣзанъ. Республика стала бессмысленна, народъ равнодушенъ къ ней, и отъ паденія до паденія Франція упала по горло въ Наполеона и успокоилась въ немъ. Что же случилось? Варвары были побѣждены, цивилизація торжествовала, а между тѣмъ... то будто Франціи было стыдно, то будто на совѣсти что-то неловко. Соціальныя идеи скрылись, взошли внутрь, и рядомъ съ тѣмъ, какъ на смѣхъ, нелѣпость республики обличилась до того, что одной темной ночью президентъ ея послалъ квартальнаго взять ее за шиворотъ и выбросить вонъ. Онъ ее и выбросилъ при хохотѣ работниковъ, которые думали, что выбрасываютъ Шангарнье и квесторовъ.

Съ тѣхъ поръ умъ, пониманіе отступили на столѣтіе во всей Европѣ. Одичалыя правительства безпрепятственно давили и гнали, заключали конкордаты, преслѣдовали мысль, что-то кровожадное снова развилось въ европейскихъ нравахъ, начались ненужныя войны. И въ третій разъ подогрѣтыя мнѣнія либерализма, снова гонимыя, стали подымать голову въ репейниковомъ вѣнцѣ и дѣлать дальніе намеки о парламентской трибунѣ, о свободномъ книгопечатаніи.

Зачѣмъ было выгонять Людовика-Филиппа? Онъ отлично уравновѣшивалъ своимъ безменомъ свободу и рабство, революцію и консерватизмъ. Я не говорю, чтобъ формы іюльской монархіи были особенно хороши, но онѣ были лучшія формы, до которыхъ Франція доросла. Людовикъ-Филиппъ служилъ фонтанелью, оттягивающей въ себя четверную ненависть—легитимистовъ, бонапартистовъ, республиканцевъ и социалистовъ. Какъ только мартингалъ королевской власти былъ снятъ, партіи вцѣпились другъ другу въ волосы.

Монархическая власть вообще выражаетъ мѣру народнаго несовершеннолѣтія, мѣру народной неспособности къ самоуправленію;

¹⁾ Всеобщее избирательное право.

ну, къ какому же самоуправленію, къ какой же подачѣ всеобщихъ голосовъ была готова Франція? Она была готова къ деспотизму, онъ и явился подъ фирмой Бонапарта.

Но какъ бы то ни было, одна изъ главныхъ побѣдъ—*побѣда надъ социализмомъ*, была сдѣлана: объ немъ перестали говорить.

«Не далѣ!»—сказалъ западный умъ и остановился, такъ, какъ нѣкогда онъ уже останавливался по приказу Лютера и Кальвина. Можетъ, предѣлъ былъ практически необходимъ, но онъ необыкновенно кастрировалъ вольный полетъ мысли, сузилъ взглядъ и лишилъ способности понимать все, выходящее изъ предѣловъ стараго порядка вещей. Одинъ страхъ попасть въ социальныя идеи самъ по себѣ заставляетъ теперь осматриваться, сжиматься, оговариваться и это тѣмъ труднѣе, что социальныя идеи, какъ неминуемый силогизмъ либеральныхъ посылокъ, стоятъ на каждомъ логическомъ шагу впередъ.

Середь этого застоя, вызваннаго противодѣйствіемъ естественному развитію, середь конфузіи, происходящей отъ постоянно поднимающихся выше и выше волнъ неотразимой реакціи, вдругъ представляется русской вопросъ *объ освобожденіи крестьянъ съ землею, объ общинной владѣннн*. Страна, которую знали за безобразнѣйшее самовластье, за кнутъ и взятки, за ея штыки, направленные противъ всякаго прогресса, за ея сѣкущее дворянство и мужиковъ, продаваемыхъ чуть не на вѣсь,—эта страна является съ какимъ-то вопросомъ, сильно пахнущимъ социализмомъ. Что за вздоръ!

— Явное дѣло, что все это—нѣлѣпость!—говорятъ западные западники ¹⁾.

— Явное! — отвѣчаютъ имъ восточные.

... Что касается до старой цивилизаціи, которая возвела свой бытъ въ науку, обобщила его въ законъ и все на свѣтѣ разрѣшаетъ по аналогии съ собой, мы очень хорошо понимаемъ не только ея непонятливость, но и ея озлобленіе... Два полюса всѣхъ ея ненавистей, два пугала, употребляемые то властью, то народами, чтобы страшать другъ друга—*Россія и социализмъ*, являются въ одномъ вопросѣ.

¹⁾ Изъ европейцевъ стараго толка Гакстаузенъ понималъ русскую сельскую общину. Но самъ Гакстаузенъ находится въ какомъ-то исключительномъ положеніи, въ семейной сорѣ съ современностью. Іезуитъ и патріархальный Freiheit, онъ изъ рыцарскихъ видовъ ненавидитъ бюрократію и централизацію, зато изъ католическихъ — монархистъ. Онъ плѣнился въ славянской общинѣ возможностью self-government, допускающаго николаевскій деспотизмъ. А. И. Г.

Не раздѣляя этой ограниченности, мы можемъ себѣ объяснить ее; но, возвращаясь, какъ французы говорятъ, à nos moutons ¹⁾, мы совершенно перестаемъ понимать непониманіе русскихъ нѣмцевъ.

У насъ что засорило умъ?.. Какое великое воспоминаніе отклонило его?.. Этотъ почтенный вѣковой мохъ, эта сѣдая плѣсень на нашихъ мысляхъ что-то подозрительно и сильно сбивается на жженную хлопчатую бумагу, которой для новичковъ обертываютъ бутылку молодого вина... Мы *прикидываемся* тѣмъ, чѣмъ европейцы стали на старости лѣтъ, и—страстные актеры—оканчиваемъ добросовѣстно, но карикатурно, сживаясь съ маской.

На берегахъ Средиземнаго моря есть раковины, въ которыхъ живутъ крустацеи; это—вещь очень смѣшная: креветка маленькая, находя пустую раковину, помѣщается въ ней; комнатка, отдѣланная перламутромъ, ей нравится, она растетъ себѣ въ ней, выпуская клещи и ноги, и растетъ до того, что вылѣзть не можетъ, и тогда креветка таскаетъ на себѣ всю раковину, едва передвигая ноги... Наши русскіе западники ужасно похожи на этихъ креветокъ въ маскарадномъ платьѣ, они даже, какъ раки вообще, пятятся назадъ, думая итти впередъ!

Очеркъ четвертый.

III.

Быть европейскій—последнее слово тысячелѣтней исторической жизни, это—ея результатъ, ея предѣлъ, до *этого* она выработалась. Россія, напротивъ, еще складывается и ищетъ своего устройства; у насъ все, кромѣ сельскаго быта, носитъ характеръ внѣшней необходимости, временной мѣры, чего-то переходного—стропилъ, лѣсовъ, карантинъ.

Это различіе возрастовъ и положеній поражаетъ русскаго, переѣзжающаго западную границу. Мы видимъ на каждомъ шагу слѣды старой, глубоко вкоренившейся цивилизаціи,—личность независимѣе, образованіе шире, потребности развитѣе; намъ становится завидно и стыдно, вспоминая страну номѣщичьихъ и полицейскихъ розогъ, наглаго произвола и безответнаго молчанія.

Многіе изъ русскихъ, и между прочимъ Чаадаевъ въ своемъ знаменитомъ «Письмѣ», сѣтуютъ на отсутствіе у насъ того элементарнаго гражданскаго катехизиса, той политической и юридической азбуки, которую мы находимъ съ разными измѣненіями у всѣхъ западныхъ народовъ. Это правда, и если смотрѣть только на на-

¹⁾ То-есть возвращаясь къ предмету нашего разговора.

стоящее, то вредъ отъ этихъ неустоявшихся понятій объ отношеніяхъ, обязанностяхъ и правахъ дѣлаетъ изъ Россіи то печальное царство беззаконія, которое ставитъ ее во многихъ отношеніяхъ ниже восточныхъ государствъ.

Въ самомъ дѣлѣ, идея права у насъ вовсе не существуетъ или очень смутно, она смѣшивается съ признаніемъ силы или совершившагося факта. Законъ не имѣетъ для насъ другого смысла, кромѣ запрета, сдѣланнаго властью имущимъ, мы не его уважаемъ, а квартальнаго боимся... Нѣтъ у насъ тѣхъ завершенныхъ понятій, тѣхъ гражданскихъ истинъ, которыми, какъ щитомъ, западный міръ защищался отъ феодальной власти, отъ королевской, а теперь защищается отъ социальныхъ идей; или они до того у насъ спутаны, искажены, обезображены, что самый яростный западный консерваторъ отъ нихъ шарахнется назадъ. Что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ сказать въ пользу неприкосновенной собственности своей русской *помѣщикъ-людосъкъ*, смѣшивающій въ своемъ понятіи собственности огородъ, бабу, сапоги, старосту?

Все это такъ. Но тутъ-то мы сейчасъ и разоидемя. Петровская метода избаловала насъ своей необычайной легкостью. Нѣтъ гражданского катехизиса, — взять нѣмецкій, переложить на наши нравы, какъ перекладываютъ французскіе водевили, переплести въ юфть, — вотъ и будетъ катехизисъ. Такъ думаютъ девять десятыхъ изъ нашихъ просвѣтителей *in spe* ¹⁾. Такъ поступали англичане съ индійцами: находя у нихъ какіе-то неразвившіеся зачатки патриархально-общиннаго управленія, они его замѣнили англійскимъ. Которое изъ двухъ законодательствъ — индійское или англійское — выше, кажется, нельзя спрашивать. Посмотрите, что въ приложеніи къ индійскимъ земледѣльцамъ сдѣлало это повышение въ юридическомъ чинѣ. Оно кретинизировало народъ, мѣстами убило его, мѣстами развило ту ненависть къ Англій, которую мы видѣли годъ тому назадъ.

Князь Козловскій, встрѣтивъ на пароходѣ маркиза Кюстина, замѣтилъ ему, что въ нашемъ обществѣ большой пробѣлъ отъ недостатка рыцарскихъ понятій, съ которыми связано уваженіе къ себѣ и признаніе личнаго достоинства въ другихъ. Князь Козловскій совершенно правъ... Только подумайте, что было бы *au jour d'aujourd'hui* ²⁾, если-бъ у насъ, вмѣсто выслужившихся писарей и вахмистровъ, вмѣсто царской дворни и разныхъ Собакевичей и Ноздревыхъ, была бы, на примѣръ, аристократія въ родѣ польской?

¹⁾ Въ будущемъ.

²⁾ Сегодняшній день.

Для дворянъ это было бы лучше, — нѣтъ сомнѣнія; они были бы свободнѣе, они шире бы двигались, они бы не позволяли ни царямъ обращаться съ собою, какъ съ лакеями, ни лакеямъ на службѣ обращаться съ ними по-царски, — противъ этого спорить нельзя. Но какъ бы пошелъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ съ землею?.. А потому врядъ не лучше ли, что наши тамбовскіе Роганы ¹⁾ и калужскіе Ноайли ²⁾ не прошли рыцарскимъ закаломъ, а одѣлись только въ рыцарскіе доспѣхи... въ родѣ дикихъ на Маркизскихъ островахъ, приходившихъ къ Дюмонъ Дюрвиллю на корабль въ европейскихъ мундирахъ съ эполетами, но безъ штановъ.

То же самое придется сказать объ отсутствіи уваженія къ законности съ обѣихъ сторонъ: со стороны народа и со стороны правительства.

На первый взглядъ совершенно ясно, что уваженіе къ закону и его формамъ ограничило бы произволь, остановило бы всеобщій грабeжъ, утерло бы много слезъ, и тысячи вздохнули бы свободнѣе... Но представьте себѣ *то великое и то тупое* уваженіе, которое англичане имѣютъ къ своей законности, обращенное на нашъ сводъ. Представьте, что чиновники не берутъ больше взятокъ и исполняютъ буквально законы; представьте, что народъ *втривъ*, что это—*во самомъ дѣлѣ* законы,—изъ Россіи надо было бы бѣжать безъ оглядки.

Стало быть, серьезный вопросъ не въ томъ, которое состояніе лучше и выше—европейское, сложившееся, уравновѣшенное, правильное или наше, хаотическое, гдѣ только однѣ рамы какъ-то склочены, а содержаніе вяло бродитъ или дремлетъ въ какомъ-то допотопномъ растворѣ, въ которомъ едва сдѣлано различіе свѣта и тьмы, добра и зла. Тутъ не можетъ быть двухъ рѣшеній.

Остановиться на этомъ хаосѣ мы не можемъ, —это тоже ясно, но для того, чтобы *сознательно* выйти изъ него, намъ предстоитъ другой вопросъ для разрѣшенія: есть ли путь европейскаго развитія единый возможный, необходимый, такъ что каждому народу, гдѣ бы онъ ни жилъ, какіе бы антецеденты ни имѣлъ, должно пройти имъ, какъ младенцу прорѣзываніемъ зубовъ, срастаніемъ черепныхъ костей и пр., или оно само—частный случай развитія, имѣющій въ себѣ общечеловѣческую канву, которая сложилась и образовалась подъ вліяніями частными, индивидуальными, вслѣдствіе извѣстныхъ событій, при извѣстныхъ элементахъ, при извѣстныхъ помѣхахъ и отклоненіяхъ? И въ такомъ случаѣ не странно ли намъ повторять

¹⁾ Старинная франц. фамилія; Анри де-Роганъ, глава гугенотовъ; Луи де-Роганъ скомпрометировалъ себя въ процессѣ съ ожерельемъ Маріи-Антуанетты.

²⁾ Noailles—знаменитая французская фамилія.

теперь всю длинную метаморфозу западной исторіи, *зная впередъ le secret de la comédie* ¹⁾, т. е., что со всѣмъ этимъ развитіемъ, рано или поздно, насъ также причалитъ къ той межѣ, передъ которой вся Европа свернула паруса и, испугавшись, гребетъ назадъ...

Я могу понять русскихъ помѣщиковъ тридцатыхъ годовъ, возвращавшихся изъ чужихъ краевъ, корча буржуа и фабрикантовъ, съ умиленіемъ смотрѣвшихъ на французскій либерализмъ; я еще больше понимаю поклоненіе Германіи русскихъ ученыхъ, которые изъ Берлина привозили намъ въ сороковыхъ годахъ живое слово науки и тайкомъ передавали его намъ. Это было время Людовика-Филиппа, конституціонной свободы, свободы мысли и преподаванія; это было при Николаѣ: Западъ становился намъ дорогъ, какъ запрещенный плодъ, какъ средство оппозиціи... То ли время теперь?

Мы столѣтіемъ отдѣлены отъ него.

И мы, и Европа совсѣмъ не тѣ; и мы, и Европа стоимъ у какого-то предѣла; и мы, и она коснулись черты, которой оканчивается томъ исторіи.

Тогда западные люди не знали еще своей границы, они свой бытъ высокомерно принимали за идеаль всѣхъ народовъ, они соглашались, что въ немъ надобно кое-что почистить, но въ фондѣ ²⁾ никто не сомнѣвался. Гегель видѣлъ въ монархіи на манеръ прусской, съ ея потсдамской религіей, *абсолютную политическую и религиозную форму* государства. А если съ нимъ не были согласны Барбесъ и Годафруа Кавеньякъ, то это потому, что они навѣрное знали, что абсолютная форма государственная, это—французская республика на манеръ 1793 года, *avec un pouvoit fort* ³⁾!

Тогда, униженные, забытые *Николаемъ*, и мы вѣрили въ западный бытъ, и мы тянулись къ нему.

Теперь Западъ пошатнулся, мы вышли изъ оцѣпененія; мы рвемся куда-то, онъ стремится удержаться на мѣстѣ. Черта, до которой мы дошли, значитъ, что мы кончили ученическое подражаніе, что намъ слѣдуетъ выходить изъ петровской школы, становиться на свои ноги и не твердить больше чужихъ задовъ. Въ идеѣ, въ меньшинствѣ мыслящихъ людей, въ литературѣ, на Исаакіевской площади, въ казематахъ мы прожили западную исторію, и будто теперь намъ надобно ее повторять оптомъ?

Европа перешла отъ скверныхъ проселковъ къ хорошимъ шоссе, а отъ нихъ—къ желѣзнымъ дорогамъ. У насъ и теперь

¹⁾ C'est le secret de la comédie—франц. поговорка, гласящая буквально: это секретъ комедіи, что значитъ: это всякому ребенку извѣстно.

²⁾ Au fond—въ сущности; здѣсь—въ самой его сущности.

³⁾ Съ сильной властью.

прескверные пути сообщенія,—что же намъ сперва дѣлать шоссе, а потомъ желѣзныя дороги? Эта педагогія напоминаетъ мнѣ Гейне; онъ находитъ очень хорошимъ, что въ нѣмецкихъ школахъ преподають римскую исторію такъ, какъ ее преподавали до Нибура. Иначе, замѣчаетъ онъ, трудно было бы молодому поколѣнію оцѣнить всю заслугу великаго историка, доказавшаго, что все то, что ихъ заставляли учить,—сущій вздоръ.

IV.

Наши отношенія къ Западу до сихъ поръ были очень похожи на отношенія деревенскаго мальчика къ городской ярмаркѣ. Глаза мальчика разбѣгаются, онъ всѣмъ удивленъ, всему завидуетъ, всего хочетъ, отъ сбитня и пряничной лошадки съ золотымъ пятномъ на гривѣ до отвратительнаго нѣмецкаго картуза и подлой тармоники, замѣнившей балалайку. И что за веселье, что за толпа, что за пестрота,—качели вертятся, разносчики кричатъ, паяцы кричатъ, а выставокъ-то винныхъ, кабаковъ... И мальчикъ почти съ ненавистью вспоминаетъ бѣдныя избышки своей деревни, тишину ея луговъ и скуку темнаго шумящаго бора.

Вслушиваясь въ толки нашихъ «ученыхъ друзей», мнѣ часто приходило въ голову это сравненіе. Одинъ тоскуетъ, отчего у насъ не развилась такая муниципальная жизнь, какъ въ Европѣ, отчего у насъ нѣтъ средневѣковыхъ городовъ, съ узкими улицами, по которымъ ѣздить нельзя, съ уродливыми домами, въ которыхъ жить скверно, съ переулками, копотью и памятниками XIII, XIV столѣтія... Другой не можетъ утѣшиться, что у насъ нѣтъ средняго состоянія въ западномъ смыслѣ,—той настойчивой, трудолюбивой буржуазіи, которая такъ упорно боролась съ рыцарями и королями, такъ ловко защищала свои права и пр.

Мы не имѣемъ ничего въ защиту нашихъ уѣздныхъ сель, называемыхъ городами, и сами жалѣемъ, что Николай Павловичъ, который все могъ, не велѣлъ въ нихъ построить древнихъ памятниковъ и узкихъ улицъ. Мы также ничего не имѣемъ въ защиту нашихъ мѣщанъ, отданныхъ въ крѣпость квартальнымъ, и нашихъ купцовъ, пожалованныхъ губернаторамъ. Тѣмъ не меньше остановимся на этомъ примѣрѣ. Неужели «ученые друзья» наши, восхищаясь средневѣковыми зданіями, не замѣчаютъ, что односторонне развитая муниципальная жизнь Европы сдѣлала страшный разрывъ между сельскими и городскими жителями, и что этотъ антагонизмъ двухъ неселеній составляетъ теперь вмѣстѣ съ постояннымъ вой-

скомъ и настойчивой, трудолюбивой буржуазіей твердѣйшій оплотъ реакціи? Между селомъ и городомъ—вѣка: инья понятія, другая религія, другіе нравы, часто другой языкъ. Сельскія населенія Запада намъ кажутся его резервомъ, народомъ *будущей* Европы, по ту сторону городской цивилизаціи и городской черни, по ту сторону правительствующей буржуазіи и по ту сторону утягивающихъ всѣ силы страны столицъ.

Бѣдныя массы городовъ, безотраднѣйшія жертвы разработыванія лучшей жизни для другихъ, врядь имѣютъ ли будущность: онѣ изнурены, онѣ нервны, въ ихъ жилахъ большая кровь, унаслѣдованная отъ поколѣній, выросшихъ и умершихъ въ нуждѣ, духотѣ, сырости; у нихъ развивается иногда звѣриная хитрость, но не умъ; міръ ихъ узокъ, не идетъ далѣе прибыли нѣсколькихъ копѣекъ; они идутъ въ лацарони. Люди полей смѣняютъ ихъ. Въ этомъ отсталомъ, но крѣпкомъ мышцами кряжѣ осталась бездна родоначальныхъ силъ; оно въ своей бѣдности и ограниченности не такъ истощало, не такъ обносилось, не такъ покрывалось пылью, какъ городской пролетаріатъ и мелкое мѣщанство; оно работало на чистомъ воздухѣ, на солнцѣ и дождѣ. Гордая цивилизація пронеслась мимо деревень, не раскрывая тюковъ своихъ; но, минуя сельскаго жителя, она спасла его отъ пошлаго полуобразованія и оставила при своей самобытной и простой поэзіи въ жизни и одеждѣ, въ рѣчи и пляскѣ, въ то время, какъ бѣдный горожанинъ утратилъ все, вытягиваясь для карикатурнаго подражанія аристократамъ.

Житель полей былъ всѣмъ обойденъ: не для него строились театры и академіи, не для него писались книги на языкѣ, почти незнакомомъ ему, не для него издавались журналы,—ему была оставлена дѣтская поэзія церкви, и, вмѣсто училища, каѳедры, литературы, онъ былъ покинутымъ на попа-невѣжду, стращавшаго своимъ библейскимъ колдовствомъ. И, дѣйствительно, сельское населеніе, словно, замерло на тяжелой работѣ около убогихъ очаговъ своихъ. Оно не брало страстнаго участія въ политическихъ партіяхъ, раздиравшихъ города; оно платило подать, давало солдатъ и вовсе не понимало вопросовъ, которые *никогда* казались такъ просты и въ которыхъ теперь всѣ перестаютъ что-нибудь понимать.

Той необходимости, которая вызвала города и обусловила ихъ необходимость, больше нѣтъ; ту пользу, которую они могли принести, они принесли. Гдѣ теперь та трудность сообщеній, которая заставляла людей не разъѣзжаться, найдя выгодное мѣсто, гдѣ опасность феодальныхъ набѣговъ, противъ которыхъ люди лѣпились какъ можно тѣснѣе, окружали свои дома оградами, строили заставы и крѣпости? Обстоятельства измѣнились, по-

слѣдній врагъ—пространство—побѣждено. Города продолжаютъ расти на томъ основаніи, на которомъ все живое растеть, но все живое имѣетъ свой предѣлъ, за которымъ смерть или страданіе.

Мы живемъ въ *городѣ городовъ*—въ Лондонѣ. Неужели вы думаете, что такая нелѣпость имѣетъ какую-нибудь будущность?

Одна волна населенія за другой прибывалась къ этимъ докамъ вселенной и осѣдала, какъ саранча, на падающія крупичицы... И вотъ скипѣлась трехмилліонная толпа, заражающая воздухъ, заражающая воду, тѣснящаяся, мѣшающая другъ другу и сросшаяся въ какіе-то плотные колтуны своими самыми больными частями... Взгляните на темные, сырые переулки, на населеніе, вросшее на сажень въ землю, отнимающее другъ у друга свѣтъ и землю, кусокъ хлѣба и грязное логовище; посмотрите на эту рѣку, текущую гноемъ и заразой, на эту шапку дыма и вони, покрывающую не только городъ, но и его окрестности... и вы думаете, что это останется, что это необходимыя условія цивилизаціи?

Сначала эта безконечность улицъ, эта огромность движенія, эти пять тысячъ omnibusовъ, снующихъ взадъ и впередъ, эта давка, этотъ оглушающій шумъ поражаетъ насъ удивленіемъ, и мы, краснѣя, признаемъ, что въ Москвѣ съ небольшимъ триста тысячъ жителей... Но нельзя же остановиться на точкѣ зрѣнія нашего мальчика на ярмаркѣ. Простой человѣческой инстинктъ шепчетъ вамъ: «тутъ быть бѣдѣ!».

Богатый Лондонъ, какъ будто чуя это, расплзается, выходитъ самъ изъ себя по всѣмъ подгороднымъ окрестностямъ, и, замѣтите, онъ не продолжаетъ пристраиваться, какъ дѣлалъ двадцать лѣтъ тому назадъ, а кладетъ между собой и этимъ гнилымъ моремъ двѣ нитки желѣзной дороги.

Ну, а бѣдный Лондонъ что сдѣлаетъ? Что сдѣлаетъ это выгорѣлое топливо цивилизаціи, этотъ слой мокрицъ, кишашихъ въ Бетналь-Гринъ и въ Вайтъ-Чапелъ, въ ирландскихъ кварталахъ и въ Ламбетъ? Энергію искать другой судьбы они давно потеряли; силы пробовать новое счастье утрачены; они *пошли назадъ*, запуганные не людьми, а гнетущимъ рокомъ, безжалостнымъ и нелицепріятнымъ; они не вѣрятъ въ себя, не вѣрятъ въ лучшую судьбу; у нихъ явилось, если не христіанское смиреніе, то смиреніе и покорность отчаянія, иногда только нарушаемое такимъ дикимъ взрывомъ страстей, такимъ страшнымъ преступленіемъ, что волосъ дыбомъ становится... Куда же они дѣнутся,—развѣ Темза поможетъ смести ихъ холерой и тифомъ...

Я останавливаюсь на этомъ; моя цѣль не изслѣдовать, что будетъ съ Лондономъ, мнѣ хотѣлось только насторожить нашихъ

правовѣрныхъ западниковъ и заставить ихъ остановиться передъ вопросомъ:

— Стало быть, въ Россіи все очень хорошо и лучше, чѣмъ въ Европѣ?

— Нѣтъ, не стало. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, не видите, въ чемъ дѣло? Историческія формы западной жизни, въ одно и то же время будучи *несравненно выше* политическаго устройства Россіи, не соответствуютъ больше современной нуждѣ, современному пониманью. Это пониманіе развилось на Западѣ, но съ той минуты, какъ оно было сознано и высказано, оно сдѣлалось общечеловѣческимъ достояніемъ всѣхъ понимающихъ. Западъ носить въ себѣ зародышъ, но желаетъ продолжать свою прежнюю жизнь и дѣлаетъ все, чтобы произвести абортивъ. Кто изъ нихъ останется живъ—мать ли, ребенокъ ли, или какъ они придирился, — этого мы не знаемъ. Но что мать представляетъ больше воспоминаній, а зародышъ — больше надеждъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣній.

Въ виду этой борьбы возникаетъ страна, имѣющая только маску, и то прескверную, западной гражданской жизни, только ея фасадъ и народный бытъ, неразвитый, полудикій, но нисколько не похожій на народный бытъ европейскихъ народовъ. Онъ въ своей маскѣ такъ же мало можетъ итти, какъ Европа въ своей кожѣ. Что же ему дѣлать? Слѣдуетъ ли ему пройти всѣми фазами западной жизни для того, чтобы дойти въ потѣ лица, съ подгибающимися колѣнями, черезъ рѣки крови—до того же выхода, до той же идеи будущаго устройства и невозможности современныхъ формъ, до которыхъ дошла Европа?—и притомъ, зная впередъ, что все это не *въ самомъ дѣлѣ*, а только для какого-то искуса. Да развѣ вы не видите, что это безумно? Довольно, что мы постоянно играемъ въ маневры и представляемъ мирную войну, зачѣмъ же еще представлять прошлую исторію цивилизаціи?

А потому существенный вопросъ въ томъ, — *какъ* относится нашъ народный бытъ не къ обмирающимъ формамъ Европы, а къ тому новому идеалу ея будущности, передъ которымъ она поблѣднѣла, какъ передъ головою Медузы!

Отрывокъ пятый.

V.

Въ исторіи бывають чудеса мудренѣе всѣхъ сказочныхъ чудесъ, въ ней иногда спятъ крѣпче двѣнадцати спящихъ дѣвъ, въ ней точно также есть живая и мертвая вода, вода чрезвычайной памяти и удивительнаго забвенія.

Не чудо ли, въ самомъ дѣлѣ, что въ продолженіе полутора вѣковъ мы не имѣли никакого понятія о русскомъ народѣ. Все время, пока насъ вытягивали въ колоссальную имперію, пока намъ прививали цивилизацію и мы съ успѣхомъ учились тому и другому, у насъ не было никакого сознанія о нашемъ народѣ; были люди, знавшіе русскую исторію, но современнаго народа не зналъ ни одинъ человѣкъ.

Возлѣ, около, со всѣхъ сторонъ, на необозримомъ пространствѣ жило населеніе, считаемое десятками миллионовъ, единоплеменное съ нами, говорящее съ нами однимъ языкомъ, находившееся въ непрерывномъ и самомъ тѣсномъ сношеніи съ нами, уже по тому самому, что оно намъ было отдано на кормленіе,—и мы объ немъ не больше знали, какъ въ Англіи знаютъ объ индійцахъ, т. е., что его легко обирать.

Употребляя его въ снѣдь, тучнѣя отъ него, мы такъ же мало думали о немъ, какъ о гречневой кашѣ или буженинѣ,—питательно и хорошо. Народъ, съ своей стороны, не напоминалъ о себѣ, а только кланялся въ поясъ при всякомъ заѣденномъ поколѣніи помѣщиками и чиновниками, приговаривая: «Дай Богъ на здоровье,—мы на то ваши дѣти, вы на то наши отцы, чтобъ насъ кушать».

Ну, въ какой же сказкѣ, въ какомъ «Бовѣ-Королевичѣ», въ какомъ «Ерусланѣ Лазаревичѣ» вы найдете что-нибудь удивительнѣе?

Между тѣмъ западное образованіе прививалось не даромъ; мы въ немъ дочитались до того, что ни антропофагія, ни раболѣпіе не составляютъ высокихъ качествъ человѣка, что человѣкъ, который сѣчетъ и насильничаетъ, очень легко получаетъ самъ пинки; и мало-по-малу началось у насъ складываться *либеральное мнѣніе*, сначала въ небольшомъ кругѣ образованныхъ.

Какъ только у насъ явилась мысль объ обузданіи правительственнаго произвола, рядомъ съ нею явилась, какъ дополненіе, мысль объ освобожденіи народа. Но долгій разрывъ высказался тутъ всего яснѣе тѣмъ, что развитое меньшинство, имѣя благородныя, обще-

человѣческія стремленія, не знало быта народнаго и, слѣдственно его истинныхъ потребностей.

Надо правду сказать, что либерализмъ нигдѣ не отличался глубокимъ знаніемъ народа, особенно сельскаго. Либерализмъ—вообще явленіе переходное, разившееся въ городской цивилизаціи, необходимая расчистка мѣста между старой и новой постройкой. Онъ всегда довольствовался отвлеченнымъ понятіемъ о народѣ, риторическимъ образомъ его, въ которомъ были совмѣщены простота Геснеровыхъ патріарховъ, нравы дезульеровскихъ пастушекъ и свирѣпья добродѣтели римскаго плебея до-пуническихъ временъ.

У насъ разстояніе между народомъ и либеральнымъ дворянствомъ казалось тѣмъ страшнѣе, что между ними ничего не было, какая-то безконечная пустота, въ которой едва замѣтно плетутся купцы, плетутся мѣщане, фельдъегеря скачутъ взадъ и впередъ, помѣщики мелькаютъ, чиновники мчатся на слѣдствія,—нисколько не сближая двухъ Россій, остающихся двумя враждебными станами.

И при всемъ томъ разрывъ этотъ въ нашей жизни вовсе не былъ слѣдствіемъ всей исторической жизни, какъ распаденіе горожанъ съ крестьянами, простолудиновъ съ феодалами въ Европѣ. Разрывъ былъ сдѣланъ у насъ по указу, насильственно, съ педагогической цѣлью, и былъ до того сначала чуждъ, ненатураленъ, что въ предупрежденіе новаго сближенія правительство выдумало ставить тавро на лица, своего рода обрѣзаніе, и стало мѣтить своихъ бритвой и ножницами, чтобъ они не мѣшались съ прочими. Однажды разрѣзанныя части цѣлага, намѣренно поставленныя во враждебное положеніе, по свойственной тѣламъ упругости, удалились другъ отъ друга съ какимъ-то отвращеніемъ. «Мужикъ!»—говорила съ высокомѣріемъ обрита и одѣтая въ ливрею Русь объ народѣ. «Нѣмцы!»—бормотала себѣ въ бороду съ затаенной злобой народъ, глядя на дворянъ.

Такъ и устроились мы. Съ одной стороны народъ въ угрюмомъ а parte ¹⁾), задавленный работой, полиціей, помѣщиками, живущій никому неизвѣстной жизнью расколовъ и не имѣющій ничего общаго съ просвѣщающимъ правительствомъ; съ другой стороны дворянство нераздѣльное съ правительствомъ, и потому само представляющее правительство. Русское повѣріе, что дворянинъ долженъ служить, иначе онъ теряетъ свое званіе, самое слово «недоросль» доказываютъ, что у насъ дворянство принято народомъ за коронную службу.

¹⁾ Одиночествѣ, обособленности.

Съ развитіемъ просвѣщенія возникаетъ удивительное зрѣлище. Правительственная Россія дѣлится сама въ себѣ на правительство и оппозицію, такъ что одни чиновники представляютъ протестъ, либеральное начало, другіе—консерватизмъ, начало авторитета, и оба остаются на службѣ, получая чины и отличія. Это—одна изъ причинъ, отчего не только русскій народъ ничего не понимаетъ во всемъ этомъ, но и всѣ европейскіе.

«У насъ все дѣлается наизнанку,—сказалъ умирающій Ростовчинъ, услышавъ вѣсть о 14 декабря;—въ 1789 году французская *roture* ¹⁾ хотѣла стать вровень съ дворянствомъ и боролась изъ-за этого; это я понимаю. А у насъ дворяне вышли на площадь, чтобы потерять свои привилегіи,—тутъ смысла нѣтъ».

Федоръ Васильевичъ былъ умный человекъ, умѣвшій не хуже фонъ-Ассебурга ²⁾ обходиться съ Павломъ, не обжигаясь, и сжечь вовремя Москву, но и онъ не понялъ этого страннаго явленія съ своей философій XVIII столѣтія. Можетъ, въ раздвоеніи дворянскаго стана въ противность собственной выгодѣ лежитъ лучшее доказательство, что порча его не глубока, и — единственный путь искупленія.

Не имѣя за собой балласта народнаго населенія, разорвавшаяся съ нимъ образованное меньшинство понеслось, какъ погорячая телѣга, быстро догоняя западное движеніе, подпрыгивая на тѣхъ кочкахъ, на которыхъ предшественники ломали себѣ шею.

Но, сравниваясь съ Европой, мы оставались въ петровскомъ отношеніи къ народу, т. е. смотрѣли на него, какъ на грубую массу, которую намъ надобно очеловѣчить. Нѣмецкаго презрѣнія Бирона съ компаніей у меньшинства, разумѣется, не было, оно замѣнилось чувствомъ болѣе мягкимъ—сострадательнаго покровительства къ неразумнымъ дѣтямъ.

На этомъ насъ застаютъ два событія: паденіе Европы передъ социальнымъ вопросомъ, социальный вопросъ, поставленный Александромъ II, какъ призывъ Россіи къ жизни.

Западные публицисты съ тѣмъ несокрушимымъ упрямствомъ, которое имъ даетъ ненависть къ Россіи и невѣжество, смѣются, когда мы говоримъ о великомъ историческомъ значеніи нашего освобожденія крестьянъ съ землею. А намъ кажется вопросъ этотъ до того важнымъ, что одно постановленіе его ставитъ насъ совсѣмъ на другую ногу съ Европой и даетъ Александру II мѣсто въ числѣ величайшихъ государственныхъ дѣятелей нашего времени. какіе бы, впрочемъ, онъ промахи и шалости ни дѣлалъ.

¹⁾ Разночинцы.

²⁾ Русскій полномочн. министръ при регенсбургскомъ имперскомъ сеймѣ.

Передъ *соціальнымъ* вопросомъ начинается наше равенство съ Европой или, лучше, это—дѣйствительная точка пересѣченія двухъ путей; встрѣтившись, каждый пойдетъ своей дорогой.

Западный міръ, дойдя до своего предѣла, самъ указалъ, что ему мѣшаетъ, и отрицательно опредѣлил свое искомое. Случайное распределение силъ, богатствъ, орудій работы, оставленное ему въ наслѣдство, окаменѣло давностью и, укрѣпленное всѣми новыми ередствами, ставитъ стѣну, которую до сихъ поръ нельзя взять никакимъ приступомъ. Трудъ съ одной стороны, капиталъ съ другой,—работа съ одной стороны, машина съ другой,—голодь съ одной стороны, штыки—съ другой. Сколько социализмъ ни ходитъ около своего вопроса, у него нѣтъ другого разрѣшенія, кромѣ люма и ружья. *Vivre en travaillant ou mourir en combattant* ¹⁾—кричать работники. *Qui a du plomb a du pain* ²⁾—отвѣчаетъ имъ Бланки.

Мирное рѣшеніе у нихъ было одно, но зато оно не было рѣшеніе. Соціальное меньшинство требовало у законодательнаго собранія *признанія права на работу*. Подъ нимъ крылось министерство работъ, т. е. разрѣшеніе правительствомъ борьбы между капиталомъ и работой, доходомъ и трудомъ, завѣдываніе государствомъ всѣми производительными силами, иначе—промышленный деспотизмъ, прибавленный ко всѣмъ остальнымъ.

Сверхъ всего, такое рѣшеніе могло только водвориться на полномъ устранинн старою порядка вещей, на полномъ отреченн его отъ всѣхъ правъ своихъ. Но онъ вовсе непохожъ на качающійся зубъ, который стоитъ тронуть, чтобъ онъ выпалъ, а скорѣе—на слоновый клыкъ, почернѣлый, испорченнн, но глубоко вросшій въ челюсть.

Единственная органическая попытка и была сдѣлана рабочнчными артелями и товариществами. При томъ общественномъ устройствѣ, въ которомъ капиталъ, сверхъ своей силы, гнететъ всею силой правительства, они не могли выдержать ни конкуренціи, ни полицейскаго преслѣдованія, стало, и тутъ не было выхода.

Либералы старою толка, политическіе экононы старою исповѣданія рѣшили, не безъ внутренняго удовольствія, что задача невозможная, что надобно все предоставить снова знаменитому *laisser faire* ³⁾ и, улучшая вообще существующія формы, ждать благодѣтельныхъ послѣдствій отъ увеличенія школъ и уменьшенія браковъ, отъ свободы торговли и техническихъ усовершенствованій.

¹⁾ Жить, работая, или умирать, сражаясь.

²⁾ Тотъ, кто имѣетъ свинець, имѣетъ хлѣбъ.

³⁾ Не препятствовать. *Laisser faire, laisser passer*—принципъ экономистовъ XVIII вѣка, такъ называемыхъ фритредеровъ, или сторонниковъ свободной торговли.

Пока они этого ждутъ, девять десятыхъ континента сломились подъ грубымъ солдатскимъ деспотизмомъ, народы разорены содержаніемъ арміи, тѣнь политическихъ правъ исчезла, и послѣдній остатокъ ихъ Франція употребила на то, чтобы противодѣйствовать Наполеону въ его замыслахъ свободной торговли.

Зато въ Американскихъ Штатахъ осуществилось все, о чемъ либералы мечтали, да, сверхъ того, такое развитіе невольническаго труда, его признанія, его оправданія, о которомъ они и не мечтали. Съ двадцатыхъ годовъ, когда американцы, еще краснѣя, говорили объ этомъ наслѣдственномъ злѣ, когда они проводили на своей картѣ рѣзкую черту, чтобы отдѣлить себя отъ рабовладѣтелей, до нашего времени понятія такъ измѣнились въ пользу рабства, что оно теперь возводится въ одно изъ краеугольныхъ основаній союза, въ одно изъ неотъемлемыхъ правъ республики: и сынъ американца Сѣверныхъ Штатовъ, котораго отецъ убилъ бы всякаго, осмѣливагося охотиться на его землѣ по чернымъ, спокойно вяжетъ ихъ теперь и отдаетъ хозяевамъ на казнь. Рабство, только терпимое прежде, сдѣлалось закономъ, основой, на которой покоится американская демократія. Въ то время, какъ мы это пишемъ, можетъ быть, палачь вѣшаетъ героя въ Герперсъ-Ферри ¹⁾).

'Итакъ, вотъ къ чему пришелъ весь образованный міръ!.

Представьте же себѣ то удивленіе, которымъ было поражено наше образованное меньшинство, когда оно, обращая съ отчаяніемъ взглядъ свой середь этого кораблекрушенія въ эту темную ночь и не находя нигдѣ ни совѣта, ни помощи, ни указанія, ни маяка, увидѣло какой-то тусклый свѣтъ, и этотъ свѣтъ мерцалъ отъ лучины, зажженной въ избѣ русскаго мужика!

...Этотъ дикій, этотъ пьяный, въ бараньемъ тулупѣ, въ лаптяхъ, ограбленный, безграмотный, этотъ парій, котораго лучшіе изъ насъ хотѣли изъ милосердія оболванить, а худшіе продавали на съезъ и покупали по счету головъ, этотъ нѣмой, который въ сто лѣтъ не вымолвилъ ни слова и теперь молчитъ,—будто онъ можетъ что-нибудь внести въ тотъ великій споръ, въ тотъ нерѣшенный вопросъ, передъ которымъ остановилась Европа, политическая экономія, экстраординарные и ординарные профессора, камералисты и государственные люди??

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ онъ внести, кромѣ продымленнаго запаха черной избы и дегтя?

¹⁾ Тамъ въ 1859 г. повѣшенъ южанами Д. Броунъ за освобожденіе черныхъ отъ рабства.

Вотъ подите тутъ и ищите справедливости въ исторіи: мужикъ нашъ вноситъ не только запахъ дегтя, но еще какое-то допотопное понятіе о *правѣ каждою работника на даровую землю*. Какъ вамъ нравится это? Положимъ, что еще можно допустить *право на работу, но право на землю?*.

А между тѣмъ оно у насъ гораздо больше, чѣмъ право, оно — фактъ; оно больше, чѣмъ признано, оно существуетъ. Крестьянинъ на немъ стоитъ, онъ его мѣритъ десятинами, и для него его право на землю — естественное послѣдствіе *рожденія и работы*. Оно такъ же несомнѣнно въ народномъ сознаніи, такъ же логически вытекаетъ изъ его понятія родины и необходимости существованія возлѣ отца, какъ право на *воздухъ*, приобретаемое дыханіемъ вслѣдъ за отдѣленіемъ отъ матери.

Право каждого на пожизненное обладаніе землею до того вросло въ понятія народа русскаго, что, переживая личную свободу крестьянина, закабаленнаго въ крѣпость, оно выразилось, повидимому, бессмысленной поговоркой: *мы юсподскіе, а земля наша*.

Само собою разумѣется, что Русь дворянская, согласно съ западнымъ понятіемъ права собственности, смотрѣла совсѣмъ иначе на вопросъ о крестьянахъ и землѣ. Наиболѣе образованные, допускающая, что рано или поздно крестьяне, когда они окончатъ ихъ воспитаніе (барщиной и оброкомъ), выйдутъ на волю, были увѣрены, что *земля* останется неприкосновенной собственностью воспитателей. Но Александръ Николаевичъ не того мнѣнія, онъ не любитъ слишкомъ дорого платить за воспитаніе, — онъ и Зиновьева отблагодарилъ табакеркой во время совершеннolтїя наслѣдника, — а тутъ дай полъ-Россіи.

Счастіе, что мужикъ остался при своей нелѣпой поговоркѣ. Она перешла въ правительственную программу или, лучше сказать, въ программу одного человѣка въ правительствѣ, искренно желающаго освобожденія крестьянъ, т. е. государя. Это обстоятельство дало, такъ сказать, законную скрѣпу, государственную санкцію народному понятію.

И это не все. Сверхъ признанія права каждого на землю, въ народномъ быту нашемъ есть другое начало, необходимо подпояняющее первое, безъ котораго оно никогда не имѣло бы своего полнаго развитія. Это начало состоитъ въ томъ, что земля, на пользование которой каждый имѣетъ право, съ тѣмъ вмѣстѣ не принадлежитъ *никому лично и потомственно*.

Далѣе, *право на землю и общинное владѣніе* ею предполагаютъ сильное *мірское устройство*, какъ родоначальную базу всего государственнаго зданія, долженствующаго развиваться на этихъ нача-

лахъ. Мірское управленіе уцѣлѣло подѣ гнетомъ иностраннаго правительства и помѣщичьей власти, такъ, какъ въ Морей уцѣлѣли коммунальнныя и городскія права подѣ владычествомъ Османлисозъ. Этотъ характеръ мірскаго управленія русскихъ деревень поразилъ Гакстгаузена, потомъ разныхъ американскихъ путешественниковъ и въ томъ числѣ извѣстнаго экономиста Кэри ¹⁾, который мнѣ самъ говорилъ, возвратясь изъ Россіи въ нынѣшнемъ году, что «въ мірскомъ началѣ нашихъ коммунъ лежитъ великая основа самоуправленія».

Итакъ, элементы, вносимые русскимъ крестьянскимъ міромъ,—элементы стародавніе, но теперь приходящіе къ сознанію и встрѣчающіеся съ западнымъ стремленіемъ экономического переворота. состоятъ изъ трехъ началъ, изъ:

1. *Права каждою на землю,*
2. *Общиннаю владѣнію ею,*
3. *Мірскаго управленія.*

На этихъ началахъ и *только на нихъ* можетъ развиваться будущая Русь.

VI.

Не допетровская Русь должна быть воскрешенной,—оставимъ ее въ ея иконописномъ склепѣ. Не петербургскій періодъ долженъ продолжаться въ своемъ нѣмецкомъ мундирѣ,—онъ не можетъ итти далѣе, не измѣнивъ себѣ, его граница обозначена тѣмъ же заборономъ, передъ которымъ остановилась Европа. Онъ намъ далъ широкое поле, сильное государство, онъ привилъ намъ внѣшнюю форму западнаго образованія, какъ прививаютъ оспу, а съ формою перешли, само собою, и внутренняя мысль его и стремленіе къ личной свободѣ, не выработавшееся въ общинной жизни нашего народа, ни въ служиломъ дворянствѣ нашемъ. Задача новой эпохи, въ которую мы входимъ, состоить въ томъ, чтобъ на основаніяхъ науки сознательно развить элементъ нашего общиннаго самоуправленія до полной свободы лица, минуя тѣ промежуточныя формы, которыми по необходимости шло, плутая по неизвѣстнымъ путямъ, развитіе Запада. Новая жизнь наша должна такъ заткать въ одну ткань эти два наслѣдства, чтобъ у свободной личности *земля осталась подъ ногами*, чтобы общинникъ былъ совершенно *свободное лицо*.

Лучшаго времени для внутренняго переворота нельзя найти. Въ началѣ нашего вѣка мы были слишкомъ подѣ вліяніемъ западно-либеральныхъ идей буржуазнаго гарантизма; ни мы, ни правитель-

¹⁾ Генри-Чарльзъ.

ство не знали народа. Навѣрное тогда были бы сдѣланы страшныя ошибки, которыхъ не поправили бы вѣка; въ то время, какъ теперь, настороженные опытомъ сосѣдей, мы должны иначе смотрѣть на свое и на чужое; самъ Западъ повернулъ угасающій фонарь свой на нашъ народный бытъ и бросилъ лучъ на кладъ, лежавшій подъ ногами нашими. Не доставало счастливой случайности. Пришла и она.

Съ небольшимъ пять лѣтъ тому назадъ Россія лежала безмолвно у ногъ тупого деспотизма, и Яковъ Ростовцовъ спрашивалъ въ Петропавловской крѣпости у Петрашевскаго и его друзей, не было ли у нихъ *преступныхъ* разговоровъ объ освобожденіи крестьянъ. Теперь царь сталъ во главѣ освобожденія, и Яковъ Ростовцовъ—предсѣдатель въ комитетѣ освобожденія.

Не воспользоваться этимъ временемъ, чтобъ тихо, *безкровно* взойти въ новый возрастъ, или сбиться съ дороги, когда она такъ ясна, было бы великое несчастье и великое преступленіе. Но что же мѣшаетъ?

Сверхъ невѣжества, окружающаго государя, и чиновничества, основаннаго на плутовствѣ, одинъ врагъ всего опаснѣе.

— Кто? Войско?

— Нѣтъ. Войско бессмысленно, какъ ножъ: въ чьи руки онъ попадаетъ, тотъ имъ и рѣжетъ; войско имѣетъ одинъ постоянный характеръ—оно всегда дѣлаетъ вредъ и никогда не разсуждаетъ. Наше войско, я думаю, скорѣе ближе къ народу, чѣмъ другія.

— Итакъ, барство?

— У насъ барство не имѣетъ ни нравственныхъ, ни физическихъ силъ. Оно по своему положенію слишкомъ зависимо отъ трона, оно все служилое и выслужившееся, богатства его жалованья. У насъ нѣтъ торизма, который бы самъ въ себѣ представлялъ и охраняющую партію и реформу, упрямаго лорда Дерби и роднаго сына его, лорда Стэнли ¹⁾). Большая часть нашихъ аристократовъ—люди совершенно недѣловые и неполитическіе, они вносятъ въ общество свое чванство, свои деньги, но никакой идеи. Тѣ же изъ нихъ, которые развились, тѣ оставили за собою многихъ западныхъ аристократовъ, но они не принадлежатъ больше ни къ своей кастѣ и ни къ какой другой, они стали просто людьми. Сверхъ того, *идтъ* почва гражданской дѣятельности нашего барства—въ англійскомъ клубѣ, въ московскихъ гостиныхъ?.. даже домовая церковь князя Сергія Михайловича Голицына закрылась. Наши аристократы не умѣли никогда воспользоваться ни дворянскими собраніями, ни дворянскими выборами. Послѣднее политическое право, которымъ

¹⁾ Эдуардъ-Смитъ, министр и короткое время глава кабинета.

они пользовались *con amore* ¹⁾, *право стычь себя подобныхъ*, и съ нимъ они, бѣдные, расстаются теперь!

— Но тогда кто же мѣшаетъ ринуться Россіи впередъ?

— Прислушайтесь...

Entendez vous dans les campagnes
Mugir ces feroces Allemands,
Ils viennent... ²⁾

Вотъ кого мы боимся: опять-таки *русскихъ нѣмцевъ* и *нѣмцевъ русскихъ*; ученыхъ друзей нашихъ, западныхъ доктринеровъ, донашивающихъ старое платье съ плечъ политической экономіи, правовѣднія и пр., централизаторовъ по-французски и бюрократовъ по-прусски. Они дѣлнѣе барства, они честнѣе чиновничества, оттого-то мы и боимся ихъ; они собьютъ съ толку императора, который стоитъ безпомощно, и шатковъ, едва складывающееся общественное мнѣніе. Они могутъ ихъ сбить, потому что ихъ воззрѣніе выше общаго уровня нашего образованія и очень доступно среднему пониманію. Ихъ мнѣнія либеральны, они въ пользу разумной свободы и умѣреннаго прогресса, они говорятъ противъ взятокъ, противъ произвола, они хотятъ улучшить *скверное само по себѣ* и, пожалуй, заставятъ насъ уважать приказныхъ, полицію, земскій судъ, сдѣлавши кварталнаго Козьмой-безсребренникомъ и оберъ-секретаря неподкупнымъ Робеспьеромъ. Они примирятъ насъ со всѣмъ тѣмъ, что мы презираемъ и ненавидимъ и, улучшивши, упрочатъ все, что слѣдовало выбросить за окно, что, оставленное въ своей гнусности, само собою выгнило бы, окруженное здоровыми силами народа русскаго.

Къ тому же, завися, какъ католическое духовенство, отъ чужой власти, они должны, по стопамъ своихъ учителей, питать зубъ противъ всего соціальнаго, а тутъ, какъ нарочно, на самомъ порогѣ «право на землю, общинное владѣніе». Вотъ почему мы думаемъ, что если они одолѣютъ, они помѣшаютъ взойти тѣмъ всходамъ чисто-народнаго устройства, которому стоитъ не мѣшать, чтобъ урожай былъ хорошъ; а улучшенія, которыя они принесутъ намъ, хотя и будутъ улучшенія, но съ ними развѣ можемъ надѣяться вѣка черезъ полтора дойти до того состоянія, изъ котораго Пруссія стремится теперь выйти...

Знаемъ мы, что попы и монахи никогда не бываютъ свирѣпы, какъ накануне паденія церкви. Іезуиты, эти зуавы св. Петра,

¹⁾ Съ любовью, охотно.

²⁾ Слышите ли вы, какъ ревутъ свирѣпыя *нѣмцы* въ поляхъ? Они приближаются...

и всѣ, жарившіе, вытягивавшіе у гугенотовъ жилы, инквизиторы явились послѣ Лютера и Кальвина. Но тѣмъ не меньше они упростили и утвердили еще на цѣлые вѣка католическій порядокъ. Трудно своротить русскій народъ съ его родной дороги, онъ упрется, ляжетъ на ней, вратеть въ землю и притаится спящимъ, мертвымъ. Петровская эпоха—лучшее доказательство; но та же эпоха доказываетъ, какъ надолго можно приостановить его жизнь и какія страданія можно заставить его вынести однимъ матеріальнымъ гнетомъ, — зачѣмъ же подвергать его имъ *de`propos délibéré* ¹⁾).

Петръ I, конвентъ 1793 не несутъ на себѣ той отвѣтственности за всѣ ужасы, сдѣланные ими, которую хотятъ на нихъ опрокинуть ихъ враги. Они оба были увлечены, хотѣли великаго, хотѣли добра, ломали, что имъ мѣшало, и, сверхъ того, вѣрили, что это—единственный путь. Но не такая отвѣтственность падеть на наше поколѣніе, искушенное мыслію, когда оно примется ломать, исказить народный бытъ, зная впередъ, что за всякимъ насилиемъ такого рода слѣдуетъ ожесточенное противодѣйствіе, страшные взрывы, страшныя усмиренія, казни, разореніе, кровь, голодъ.

Мы не западные люди, мы не вѣримъ, что народы не могутъ итти впередъ иначе, какъ по колѣна въ крови, мы преклоняемся съ благоговѣніемъ передъ мучениками, но отъ всего сердца желаемъ, чтобъ ихъ не было.

Если-бъ только наши доктринеры могли *просто* взглянуть на вопросъ, отрѣшаясь отъ магистерскаго диплома, безъ самолюбія, безъ той самонадѣянной гордости, которую даетъ сознаніе, что они хорошо учились; еслибы они, какъ Фаустъ, который тоже хорошо учился и много и назывался не только „магистромъ, но даже докторомъ“, умѣли бы останавливаться въ добросовѣстномъ раздумьи и отъ книги снова бы обращались къ непосредственной жизни,—они сейчасъ поняли бы, въ чемъ дѣло.

Отчего у естествоиспытателя нѣтъ ничего завѣтнаго передъ природой? къ ней онъ постоянно обращается съ сыновнимъ повиновеніемъ, безъ лукавства, въ ней онъ ищетъ повѣрки, ей онъ жертвуетъ вѣковой теоріей своихъ предшественниковъ и собственной системой, какъ только она требуетъ этого. Неужели смиренное самоотверженіе натуралиста основано единственно на томъ, что у него подъ руками то камень, то трава, то звѣрь и потому съ ними не можетъ быть личностей? Природа въ своей фактической безсознательности и безотвѣтственности такъ явно неза-

¹⁾ Съ заранѣе обдуманномъ намѣреніемъ.

висима отъ челоѣка, что онъ съ ней не пикируется; въ то время, какъ мiръ людской ему кажется собственнымъ домомъ, и его самостоятельную волю онъ принимаетъ за оппозицію и выходитъ изъ себя, особенно, когда за него наука вѣковъ, ученая традиция.

Это помѣщичье чувство строптивости особенно развилось у насъ въ петербургскій періодъ, въ эту классическую эпоху насильственныхъ образователей и безпощадныхъ цивилизаторовъ. И тутъ странная смѣсь жалкаго и возмутительнаго. Цивилизаторы очень часто откровенно и благородно стремились къ добру, лелѣяли мысль, напимѣръ, объ освобожденіи крѣпостныхъ крестьянъ, готовы были жертвовать частью достоянія, говорили объ этомъ въ то время, когда это было опасно, изучали западное сельское устройство. И вдругъ, когда освобожденіе воочію совершается, у крестьянъ открывается готовый бытъ, который они вовсе не хотятъ мѣнять, имъ кажется это неблагодарной дерзостью, и натура русскаго нѣмца беретъ верхъ... Та натура, въ которой такъ и вѣетъ сквозъ австрійскаго писаря, прусскаго капрала татарскимъ баскакомъ; которая, щуря безжизненные глаза и блѣднѣя отъ бѣшенства, говоритъ безъ звука: «Да вы, кажется, разсуждаете? знаете ли вы, съ кѣмъ вы говорите?» или кричитъ раздавленнымъ голосомъ, какъ псковскій городничій, *молчать!* путешественнику ¹⁾ только за то, что онъ въ *крестьянскомъ* армякѣ. Вѣдь, и русскій-то нѣмецъ-цивилизаторъ за то и сердится на нашъ крестьянскій бытъ, что онъ въ своемъ мужицкомъ кафтанѣ не слушается его, одѣтаго по-нѣмецки.

Псковскій частный приставъ обиженъ тѣмъ, что челоѣкъ, одѣтый по-русски, т. е. состоящій внѣ закона, не подавленъ его величіемъ, властью, которую онъ представляетъ, воротникомъ, который онъ носитъ. Доктринеръ скандализованъ тѣмъ, что его экономическая наука, наука Робертовъ Пилей и Госкиссоновъ ²⁾ не находитъ безпрекословнаго повиновенія, что ее, разработанную столѣтними усиліями, *хотятъ обратить вспять* къ общинному владѣнію, къ коммунизму въ лаптяхъ. «Помилуйте,—говоритъ онъ,— что вы суетесь съ вашимъ общиннымъ устройствомъ, какъ съ послѣдней новостью?! оно было у германовъ временъ Тацита; общинное владѣніе *соотвѣтствуетъ* младенческому возрасту гражданскихъ обществъ и разсѣивается отъ лица просвѣщенія, какъ тучи разсѣиваются отъ лица солнца, уступая *высшимъ* гражданскимъ формамъ». «Народы дикіе любятъ общинное владѣніе, народы образованные—

¹⁾ Павелъ Ивановичъ Якушкинъ.

²⁾ Вильямъ, англ. государственный дѣятель.

порядокъ» и голодъ, добавимъ мы, видя, какъ девять десятыхъ населенія не наѣдаются досыта, для того, чтобъ собственность развивалась правильно.

«Что же дѣлать? таковъ законъ общественнаго роста; народы должны пройти его фазами, каждая имѣетъ свое неудобство но зато и свой прогрессъ. Сначала дикіе люди владѣютъ сообща, посемейно, родами, потомъ развивается сильнѣе и сильнѣе право личной и наслѣдственной собственности... Конечно, было бы хорошо, если-бъ каждому можно было дать клочекъ земли, но, такъ какъ на *право собственности* не всѣ приглашены природой, то...»

Вотъ тутъ-то, въ самомъ дѣлѣ, намъ становятся пути провидѣнія *неисповѣдимы*; для того, чтобъ нѣскольکو государствъ имѣли правильно развитую собственность, огромное большинство должно остаться безъ кола и двора! Библейскимъ языкомъ эдакой законъ прогресса, по крайней мѣрѣ, называется *проклятіемъ* въ родъ и родъ. Тогда уже знаешь à quoi s'en tenir¹⁾ и не обижаешься, а чувствуешь, что это—справедливая месть божья за какого-нибудь Еноха или Іафета, что-нибудь напакостившаго шесть тысячъ лѣтъ тому назадъ... А тутъ признай я разумомъ, своимъ собственнымъ разумомъ, что есть такой нелѣпый законъ!

Откуда экономическая наука вывела этотъ законъ? Она порядкомъ знаетъ тодько одно экономическое развитіе германо-романскихъ народовъ. Нельзя же по біографіи одного человѣка составлять антропологию, хотя въ ней непремѣнно есть общечеловѣческія стороны, но рядомъ и въ связи съ совершенно частными.

Къ тому же развѣ гражданственность, развѣ собственность, въ самомъ дѣлѣ, въ Европѣ развивались нормально или, по крайней мѣрѣ, безпрепятственно? Развѣ общинное владѣніе и весь прежній порядокъ уступили внутреннему развитію, а не огню и мечу завоевателей? Или, можетъ, феодальная система была крутою экономической мѣрой, эдакимъ кесаревымъ сѣченіемъ, хирургически облегчившимъ нарожденіе правильной собственности?..

Но, вѣдь, и кесарево сѣченіе не дѣлается изъ подражанія надъ здоровой женщиной, а только по необходимости. Зачѣмъ же народъ, который никогда не былъ побѣжденъ, у котораго не враги отняли землю, а свои какъ-то *отписали ее*, долженъ непремѣнно пройти тѣми же фазами? Если же подражать, то давайте строить крѣпости въ городахъ, на которыя никто, кромѣ полиціи, не нападаетъ, будемте на ночь улицы запирать цѣпами и рогатками, пусть городской голова не спитъ, а ходитъ рундомъ, гласному бер-

¹⁾ Чего держаться.

дышь въ руки,—это будетъ, по крайней мѣрѣ, забавнѣе; а коли кто спроситъ, что мы дѣлаемъ, мы скажемъ, что проходимъ феодальную фазу развитія городской жизни...

Лѣтъ тридцать тому назадъ Н. А. Полевой заботился же о раскрытіи въ русской исторіи той борьбы двухъ началъ, которая такъ ясно представлена Огюст. Тьерри въ письмѣ его о французской исторіи.

Пора же перестать ребячиться.

Не то важно, что у кельтовъ, германовъ, пожалуй, у калфовъ и готтентотовъ *было* общинное владѣніе въ дикомъ состояніи, а то, что у насъ *сохранилось* оно въ государственный періодъ.

А потому въ настоящемъ положеніи дѣлъ серьезно можно поставить только два вопроса:

Есть ли личное, наследственное, неограниченное владѣніе землею *единственно возможное* для развитія личной свободы?—и въ такомъ случаѣ—какъ спасти большинство населенія, не имѣющаго собственности, отъ рабства собственниковъ и капиталистовъ?

Есть ли, съ другой стороны, поглощеніе лица въ общинѣ *необходимое, нелинуемое* послѣдствіе общиннаго землевладѣнія или оно относится къ неразвитому состоянію народа вообще?—и въ такомъ случаѣ—какъ соединить полное, правомѣрное развитіе лица съ общиннымъ устройствомъ?

Объ этихъ вопросахъ мы просимъ нашихъ читателей подумать.

1268. [Кн. А. Трубецкой].

Въ 47 листѣ «Колокола» былъ помѣщенъ вопросъ о томъ, правда ли, что князь Трубецкой ѣздилъ изъ Комо депутатомъ къ австрійскому войску? Вопросъ этотъ мы сдѣлали, прочитавъ этотъ фактъ въ одной итальянской корреспонденціи.

Князь А. Трубецкой, называя вопросъ «Колокола» «нашей клеветой», желаетъ, чтобъ мы «уничтожили ее».

Поставивъ себѣ за святое правило помѣщать всякаго рода поправки, мы тотчасъ поручили спросить о дѣлѣ у подесты въ Комо. Отвѣтъ его мы получили только на дняхъ и потому спѣшимъ увѣдомить читателей, что въ немъ, дѣйствительно, не сказано, чтобы князь Трубецкой былъ въ депутаціи,—онъ только *уоваривалъ епископа и подесту* (іюня 1859) *итти навстрѣчу Урбану*. Вотъ подлинныя слова письма: «Quivi alla presenza di entrambi (подесты и сардинскаго комиссара Веносты) disse (кн. Трубецкой) a

ripete: è tempo di andarsene (rivolgendo la parola al Venosta) perchè si avvicinano i Tedeschi e possono essere qui fra poco; indi soggiunse che avea esso già *parlato al Vescovo per andar incontro all'Urban*» ¹⁾

1269. Письмо къ Н. П. Огареву.

30 сентября (1859).
Остенде, Hôtel de l'Agneau.

Пять часовъ, all right ²⁾. Саша спалъ всю дорогу. Сначала качало. Я, разумѣется, былъ здоровъ, какъ рыба, спалъ отчасти и ложусь теперь, съѣвши 2 котлеты на таможднѣ.

Въ первый разъ не тошнило на переѣздѣ. Цѣлюю васъ всѣхъ... Прощайте. Все идетъ, какъ по маслу.

Въ шестомъ часу вечера мы ѣдемъ въ Брюссель, теперь 9, и мы уже выпались.

Думалъ я, думалъ я ночью на морѣ о тебѣ, о дѣтяхъ, о Лизѣ, объ этой полной неразрывности... Неужели, наконецъ, Н. не пойметъ этого, не пойметъ, какъ все готово для широкой жизни, но не половиннымъ уже опытомъ? Надѣюсь; я буду писать еще объ этомъ.

Пиши *poste restante*. Завтра я напишу изъ Бр.

1270. Письмо къ М. К. Рейхель.

1 октября, а не апрѣля 1859 г.,
а то вы не повѣрите.
Брюссель, Hôtel de Belle Vue.

Такъ-то-съ, такъ-то-съ, матушка Марія Каспаровна! Возьму, думаю, и съѣзжу; не удастся—посадятъ на съѣзжую,—была не была... И вотъ я приѣзжаю съ Сашей въ Остенде... Мар. Алекс. ³⁾ была очень рада. Я, вѣдь, это принимаю за большое счастье, когда

¹⁾ Здѣсь, въ присутствіи обоихъ (подесты и сардинскаго комиссара Веносты), онъ, обращаясь къ Веностѣ, повторилъ нѣсколько разъ: «Пора уйти, ибо нѣмцы приближаются и могутъ быть здѣсь въ непродолжительномъ времени. Затѣмъ онъ прибавилъ, что онъ уже говорилъ епископу, что необходимо итти навстрѣчу Урбану.

²⁾ Все хорошо.

³⁾ Марковичъ.

есть люди, радующіеся при встрѣчѣ, и потому провель съ ней прекрасно время... Она привезетъ вамъ «Подъ судъ!», «Думы» и «Колок.».

А переѣзжать все же, кажется, не модель.— Оно и посвѣтлѣ здѣсь и финзервъ котлеты, ну, а въ туманной веприной берлогѣ какъ-то поспокойнѣ.

Разумѣется, я ѣду дня черезъ два-три домой, а потому вы не пишите сюда.

Прощайте и кланяйтесь Рейхелю и Сашѣ.

1271. Письмо къ М. А. Марковичъ.

1 октября 1859.

Bruxelles, Hôtel Belle Vue, cham. №16.

Мы остановились, какъ видите, въ Hôtel Belle Vue. Напишите, когда вы ѣдете, или просто приѣзжайте. Я, можетъ, поѣду въ среду вечеромъ.

Теперь, Марія Александровна, позвольте васъ искренно поблагодарить за вчерашній приемъ, за то, что вы обрадовались намъ... — Вы много знаете меня à livre ouvert ¹⁾, но не знаете à coeur ouvert ²⁾. Я такъ глубоко благодаренъ и такъ долго помню хорошее, не потому, что я мало его испыталъ, а потому, между прочимъ, что жизнь съ иностранцами, и особенно съ англичанами, такъ необычайно подымаетъ всякое чувство человеческого благоволенія и симпатіи, холодно-туманнымъ фондомъ своимъ, отталкивающимъ, безсердечнымъ. Жаль, что вы ѣдете; я многое еще показалъ бы вамъ изъ рукописей, но оставимъ до будущаго года.

Писалъ сейчасъ къ Мар. Касп. Я вамъ отдамъ какой-нибудь подарокъ ей, игрушку или такъ, вздоръ.

Пожмите руку вашему супругу. Ему я страшно обязанъ за замѣчаніе о народномъ языкѣ. Я много думалъ объ этомъ. На дороге слушаю толпу на ярмаркѣ въ Брюсѣ ³⁾.

Прощайте; будьте здоровы.

Дружески жму вамъ обоимъ руку.

А. Герценъ.

Саша кланяется.

¹⁾ Внѣшне.

²⁾ Съ открытымъ сердцемъ, внутренно.

³⁾ Брюссель.

1272. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 октября (1859).

Bruxelles, Hôtel Belle Vue, ch. № 16.

Вчера я началъ писать къ тебѣ и вдругъ узналъ, что почты въ субботу въ Англию не бываетъ. Я разсердился и бросилъ письмо.

Приѣхали мы спокойно и живемъ такъ себѣ. Я понимаю, что есть необходимость, очень важная при томъ, для психической гигиены *dann und wann* ¹⁾ оставлять Англию, чтобъ больше уважать ее и больше получить къ ней отвращенія. Меня поражаютъ на каждомъ шагу громкій разговоръ, хохотъ; незнакомые говорятъ въ вагонахъ, курятъ; на станціяхъ вездѣ большіе буфеты, люди бѣгаютъ, ѣдятъ съ хохотомъ пирожки, пьютъ коньякъ, и только англичане такъ же противно не люди, какъ и въ Англии, все въ задумчивомъ столбнякѣ. Да, это большое несчастье, что нельзя выѣхать (а, разумѣется, нельзя) изъ Англии. Тумана я не видалъ, сошедши съ корабля. Цѣны на все врядъ достигаютъ ли половины. Обѣдъ въ отелѣ стоитъ *table d'hôte* 4 фран., особо—5. Въ первый день, приѣхавши голодные, мы спросили ужинать. Намъ дали за 8 фр., т.-е. за 7 ш.:

- 1) Биштексъ, для двухъ,
- 2) Котлеты,
- 3) Лѣпомъ ²⁾,
- 4) Утки съ трюфелями (превосх.),
- 5) Курицу жар. съ салат.,
- 6) Сыръ,
- 7) *Quatre mendiants* ³⁾,
- 8) Груши—удивительныя.

Сочти это на англ. счетъ,—выйдетъ, навѣрное, 25 фр.

Но... но... «долгъ прежде всего»,—будемъ жить въ Англии.

Въ сущности, и здѣсь гадко, тщедушно, да и гдѣ же намъ будетъ хорошо?! Тѣмъ не меньше я думаю, что здравый смыслъ заставляетъ бѣжать изъ страны, въ которой за неудобную жизнь платится вдвое больше денегъ, и зато нѣтъ ни воздуха, ни чистой воды.

¹⁾ Отъ времени до времени.

²⁾ *Les pommes* (вѣроятно, *potatoes*, т. е. картофель).

³⁾ Буквально: четыре нищихъ—значитъ: десертъ изъ четырехъ сортовъ плодовъ.

Въ р. gest. справлялся,—письма нѣтъ. Ну, что вы и какъ? Я думаю ѣхать со среды на четвергъ. Если море будетъ покойно, отправлюсь прямо въ Темзу, если нѣтъ,—по старому пути.

Ну, какъ же вы справляете большой обѣденный выходъ сегодня ¹⁾? Не пришелъ ли Мюллеръ, узнавъ, что меня нѣтъ? Не пришелъ ли Грассъ, Абихтъ и полк. Верцинскій ²⁾? Огаревъ en pater familias и хозяйкой дома, Natalie кормить Лизу весь обѣдъ. Огаревъ хочетъ говорить, Абихтъ говорить.

Серьезнаго писать не могу.

Да, въ Остенде мы провели нѣсколько часовъ съ Мар. Алекс..

Съ какой радостью, съ какой русской теплотой она насъ встрѣтила,—это удивительно! Она—очень хорошая женщина. Они еще не уѣхали; можетъ, я застану ихъ на обратномъ пути. Разумѣется, еслибъ они сына ³⁾ держали не вѣчно на глазахъ,—было бы лучше. Онъ добрый, но совершенно дико-избалованный мальчикъ.

Ну, что Лиза замѣтила мое отсутствіе или нѣтъ? Я жду ее найти уже не млекопитающей, а отнятой отъ груди. Не правда ли, Natalie? О себѣ я не могу сказать ни хорошаго, ни дурного. Съ одной стороны, быстро несется, мѣняясь и развлекая, панорама, съ другой—старая боли и старая упованія; вмѣстѣ это не весело.

Прощайте. П. ⁴⁾ не могу отыскать.

Татѣ и Ольгѣ сообщаю о томъ, какъ здѣсь говорятъ по-французски. Гарсонъ пришелъ доложить: «La soupe est prete» ⁵⁾, а на улицѣ одинъ носильщикъ зацѣпилъ какого-то господ., а тотъ ему отвѣчалъ: «Vous êtes un bête» ⁶⁾.

Тата, иди въ садъ и ходи часъ!

Ольга, сиди смирно и пей кофей, какъ онъ налить!

Саша кланяется.

¹⁾ Т.-е. въ воскресенье, когда у Герцена собиралось много гостей.

²⁾ Повидимому, тотъ самый шпионъ Маврикій Верцинскій, о которомъ уже была сообщена переписка III Отдѣленія. Очевидно, потомъ, въ эти годы онъ опять состоялъ на своей прежней службѣ.

³⁾ Б. А. Марковичъ.

⁴⁾ Вѣроятно, Т. П. Пассекъ.

⁵⁾ Правильно: Le soupe est prêt, т.-е. ужинъ готовъ.

⁶⁾ Правильно: Vous êtes une bête, буквально: вы—скотина.

1273. Письмо къ Н. П. и Н. А. Огаревымъ.

3 октяб. (1859).
Bruxelles.

Твое письмецо пришло. Ты сильнѣе m-me Sevigné ¹⁾ въ эпистолярномъ искусствѣ. Письма m-me Sev. надобно было распечатывать и читать, чтобъ смѣяться, а твое заставило нераспечатаннымъ хохотать Сашу, меня и почтоваго чиновника. Съ какой цѣлью ты налѣпилъ на него *1 pensv...*? Quid significat hoc ²⁾? А меня-то за разсѣянность изволите жучить, а сами горячку порете...

Пойду узнавать часы отправленія и разочту такъ, чтобы приѣхать или въ четвергъ вечеромъ, или въ пятницу утромъ; можетъ, даже успѣю къ четв. утру. Если Марк. ³⁾ приѣдутъ сюда, они задержатъ.

Я не даромъ ѣздилъ: много насмотрѣлся, и все такъ плохо и скорбно, что бѣжалъ бы куда-нибудь въ степь. Какое великое было дѣло монастыри. Можетъ, тѣ, которые сидятъ по тюрьмамъ или вдали, ex. gr. ⁴⁾, наши декабр. ⁵⁾, лучше сохраняются, чѣмъ нашъ братъ.

Легче ли тебѣ на душѣ, Natalie?—я, вѣдь, знаю, что ты сама платишься всѣхъ больше. Яснѣ ли?

Мы проводимъ время въ суетѣ. Жаль одного за васъ,—что вы не видите этой превосходной, солнечной погоды. Бѣжать бы надо изъ помойнаго тумана, но здѣсь не житье намъ, я думаю. Постараюсь въ четвергъ приѣхать. Встрѣтъ же меня веселѣе, покойнѣе провода.

Я привезу «La vie», это — вторая часть Жуванселя; чтó я читаль,—хорошо.

Дѣтямъ кланяюсь.

Я Брюс. назвалъ Недопарижъ и Переницца.

PS. Сигары здѣсь плохи и обманываютъ ужасно.

¹⁾ Маркиза Мари Севинье, авторъ замѣчательныхъ «Писемъ» къ своей дочери въ XVII ст.

²⁾ Что это значить?

³⁾ М. А. и А. В. Марковичи.

⁴⁾ Exempli gratia —напримѣръ.

⁵⁾ Декабристы.

1274. Письмо къ сыну.

9 октября (1859).
Park House, Fulham.

Любезный Саша, я прїѣхалъ совершенно спокойно и по покойному морю въ половинѣ перваго въ Дувръ; легъ спать и въ 8 часовъ поѣхалъ со 2-мъ экспресомъ въ Лондонъ. Съ четверга я еще не могу привыкнутьъ къ воздуху: темно, сыро, жарко, отвратительно. Да, горькая необходимость заставляетъ жить здѣсь, но надобно покоряться, имѣя цѣль и силы. Ты видалъ въ Прудонѣ, что такое мышцы бойца.

Письмо твое изъ Парижа я получилъ. Теперь ты, вѣроятно, въ Бернѣ. Посылаю тебѣ отъ Трюбнера въ счетъ жалованья 800 по векселю; если банкиръ или купецъ откажется платить, то ты тотчасъ напиши ко мнѣ.

Новаго ничего; голова тяжела, какъ ни разу не было въ Брюсселѣ; Марья Касп. пишетъ, что Татьяна Петр. ¹⁾ въ Дрезденѣ.

Въ твой послѣдній прїѣздъ я былъ больше доволенъ тобою, чѣмъ зимой. Ты начинаешь нѣсколько сосредоточиваться и, въ силу этого, многое становится яснѣе тебѣ, многое лучше понимаешь и въ томъ числѣ меня. Смотри же, не останавливайся,—работа мысли, общій интересъ и наука должны довоспитать тебя. А моя рука и друга, и совѣтника, и отца всегда возлѣ тебя.

Помни Огар. стихи и письмо, пиши ему.

Ну, прощай, обнимаю тебя и жду рапорта о прїѣздѣ.

1275. Приписна къ Т. П. Пассекъ.

(Октябрь 1859).

Читаю между строчекъ, и что за странности? Мнѣ двѣнадцать лѣтъ, а Татѣ четырнадцать ²⁾. Зачѣмъ же между строкъ? пишите прямо. Богъ знаетъ, какъ радъ! Нельзя ли намъ увидаться? Можно устроить свиданіе на берегу моря. Хочется васъ видѣть, обнять.

¹⁾ Пассекъ.

²⁾ Т.-е. вспомнилъ ихъ съ Пассекъ дѣтство.

1276. [Вниманію переводчиковъ].

Русскимъ переводчикамъ рекомендуемъ вновь выходящую ливрезотами популярную физиологію *Льюиса*—«The Physiology of Common Life», by G. H. Lewes, London, William Blackwood. Кстати, обращаемъ вниманіе на книгу *Жуванселя*—«La vie», изд. въ Брюсселѣ. Книга эта, писанная въ особенности для молодыхъ дѣвушекъ, составляетъ вторую часть его сочиненія «Les commencemens du monde».

1277. [О московскихъ профессорахъ].

Въ 55 листѣ «Колокола» мы помѣстимъ нѣсколько подробностей о *Синхедрионѣ*¹⁾ московскихъ университетскихъ фарисеевъ по поводу прошлогодней исторіи пр. Варнека.

1278. Письмо къ М. Мейзенбугъ.

21 Oct (1859), vendredi.

Je m'empresse de répondre à votre billet qui me vient à l'instant même. Ecrivez à M. Volkshausen que déjà deux individus (Müller-Str. et l'autre, son ami) m'ont proposé de publier chez Campé une traduction, et ont écrit à lui. Mais comme la traduction de M. Volkshausen est déjà commencée, je tâcherai de faire abandonner cette idée à Müller, que je verrai aujourd'hui.

Comme il a l'intention de publier outre cela une 2e édit. de «Vom an. Ufer» et tutti frutti—je pense que c'esf très faisable.

Je vous remercie comme toujours pour votre amitié.

Переводъ.

21 окт., пятница.

Спѣшу отвѣтить на вашу записку, которая только что ко мнѣ дошла. Напишите къ г. Фолькгаузену, что уже два лица (Мюллеръ - Стр. и другой, его другъ) предложили мнѣ издать мой переводъ у Кампе. и уже написали ему. Но, такъ какъ пере-

¹⁾ Въмѣсто «синедрионъ»; Герценъ писалъ съ буквой х, вполнѣ правильно исходя изъ греческаго произношенія этого слова.

водъ г. Фолькгаузена уже начатъ, я постараюсь, чтобы Мюллеръ, котораго я сегодня увижу, отказался отъ этой мысли. Такъ какъ онъ, кромѣ того, намѣревается выпустить второе изданіе. «Съ того берега» и разныхъ мелочей, я думаю, что это устроится.

Благодарю васъ, какъ всегда, за вашу дружбу.

1279. Письмо нъ сыну.

21 октября 1859.
Park House, Fulham.

Любезный другъ, пишу тебѣ, дрожа отъ стужи: на дворѣ точно зима, а съ приѣзда изъ Брюсселя была туманная и скверная погода. Что за проклятый климатъ! Дома у насъ все тихо; Наташа снова въ большомъ ладу съ Natalie; Ольга, хотя и шалить, но все меньше съ тѣхъ поръ, какъ ходитъ въ пансіонъ. Уроки Янзы очень полезны. Лиза отнята ¹⁾. Вотъ тебѣ полный рапортъ обо всѣхъ. Новаго дома еще не нашли, хотя и есть нѣсколько на примѣтѣ: одинъ въ Maida Hill очень хорошъ, но дорогъ. Изъ Брюсселя отвѣта нѣтъ да, видно, и не будетъ. *Pas de rêveries* ²⁾!

Марья Каспар. зоветъ Тату мѣсяца на три въ Дрезденъ; ты знаешь, что я очень долго обдумываю эти предложенія, но, если Nat. поѣдетъ на свиданіе со своими, можетъ, я и отпущу ее.

Все же это не мѣшаетъ самому подробному письму о той дамѣ, потому что необходимость ея остается та же.

Кланяйся вашимъ. Жду письма. Сегодня, 22, еще холоднѣе.

Сейчасъ пришло твое письмо. Я не напому, «кто такое Тат. Петр.», потому что это показываетъ или расслабленіе памяти или расслабленіе вниманія, особенно послѣ того, какъ въ Лондонѣ десять разъ и говорили, и читали въ «Пол. Зв.».

Засимъ еще разъ прощай.

Я догадывался, что ты тремя недѣлями или мѣсяцемъ раньше собрался, когда говорилъ тебѣ, что 26 сент. рано ѣхать для того, чтобы 21 ок. начать лекціи.

¹⁾ Отъ груди.

²⁾ Т. е. никакихъ мечтаній о возможности переѣхать въ Бельгію.

1280. Синхедрионъ московскихъ университетскихъ фарисеевъ.

Encore une étoile qui file... file... ¹⁾.

Кажется, московскій университетъ пережилъ эпоху своей славы. Смерть Грановскаго, словно, провела черту. Неужели нуженъ былъ гнетъ свирѣпаго николаевского прессы для того, чтобъ сплавлять учащихъ и учащихся въ одну семью?

Теперь слишкомъ свободно и потому профессора, по крайней мѣрѣ ихъ большинство, представляютъ какую-то управу благочинія.

Годъ тому назадъ студенты перестали ходить на лекціи какого-то бездарнаго профессора Варнека ²⁾; изъ этого университетское начальство раздуло исторію, окончившуюся исключеніемъ десяти студентовъ, и это уже, конечно, не вина ученаго синхедриона, что дѣло не приняло николаевского оборота. Мы давно знали эту безобразную исторію, но недавно доставили намъ ея подробности, которыя мы передадимъ вкратцѣ нашимъ читателямъ.

Студенты выбрали депутатомъ г. Жохова ³⁾, который сказалъ Варнеку отъ лица товарищей: «Г. профессоръ, сегодня мы васъ не слушали и положили впредь не переступать порога той аудиторіи, гдѣ будете преподавать вы. Мы просимъ васъ дать намъ возможность имѣть другого профессора».

Университетское начальство, оскорбленное въ своемъ учено-полицейскомъ достоинствѣ, рѣшилось сломить волю крамольныхъ студентовъ и начало свои дѣйствія *исключеніемъ Жохова*, объявивъ, что онъ исключенъ за неблагонамѣренные стихи, *по высочайшему повелѣнію покойнаго императора*, воля котораго не была до сихъ поръ выполнена, оттого что попечитель Назимовъ ⁴⁾ протезировалъ Жохову, а попечитель Ковалевскій ⁵⁾ какъ-то забылъ о немъ!..

Во-вторыхъ, оно отобрало отъ студентовъ письменное обязательство посѣщать лекціи Варнека. Здѣсь очень любопытны.

¹⁾ Буквально: Еще одна звѣзда покатила... покатила... Припѣвъ пѣсенки Беранже «Les étoiles qui filent» («Падающія звѣзды»): Еще звѣзда блес тить—блестить, блестить и исчезаетъ (пер. Курочкина).

²⁾ Николай Александровичъ, проф. сравнительной анатоміи и физиологіи.

³⁾ Александръ Федоровичъ, публицистъ.

⁴⁾ Владиміръ Ивановичъ.

⁵⁾ Евграфъ Петровичъ.

хитрости и уловки, къ какимъ оно прибѣгло. Такъ, напримѣръ, инспекторъ требовалъ къ себѣ медиковъ въ 11 и 12 часовъ ночи небольшими партіями, чтобы предупредить возможность стачки между ними; потомъ, также, разумѣется, не безъ задней мысли, онъ началъ подписку съ казеннокоштныхъ, которымъ приходилось выбирать одно изъ двухъ: согласиться или итти въ фельдшера. Наконецъ, необходимыя приготовления были исполнены, и 19 числа деканъ вывѣсилъ объявленіе, что завтра, въ такомъ-то часу г-нъ Варнекъ будетъ читать въ анатомическомъ амфитеатрѣ. Задолго передъ началомъ лекціи студенты уже толпились въ корридорѣ смежномъ съ амфитеатромъ. Въ половинѣ двѣнадцатаго стало появляться университетское чиновничество. Наконецъ, пріѣхалъ и самъ попечитель Бахметевъ ¹⁾. Онъ раскланялся очень вѣжливо со студентами и обратился къ нимъ съ такою рѣчью: «Господа, мы можемъ войти, пора!» Эта фраза была произнесена имъ такимъ ровнымъ, ласковымъ голосомъ, какъ будто ему вовсе ничего не извѣстно о составившейся оппозиціи. «Не пойдѣмъ!» загудѣла толпа.—«Но, тоспода, вспомните, вы дали честное слово инспектору».—«Изъ подъ палки... намъ грозили».—«Такъ вы положительно не хотите?»—«Нѣтъ! нѣтъ!»—«О! въ такомъ случаѣ прѣшу не пенять на меня. Я поступлю, какъ требуетъ *моя совѣсть*. Г. ректоръ, потрудитесь назначить комиссію для разбора этого страннаго дѣла. Каковъ бы ни былъ ея приговоръ, я не задумаюсь подписать его, если онъ будетъ *справедливъ*». Попечитель опять раскланялся со студентами попрежнему вѣжливо и уѣхалъ, даже не повадавшись съ Варнекомъ.

Въ 7 ч. вечера нѣсколько человекъ медиковъ перваго курса позвали въ правленіе, гдѣ они уже застали Альфонскаго ²⁾, Баршева ³⁾, Лешкова ⁴⁾, Крылова ⁵⁾, а Армфельдъ ⁶⁾ уѣхалъ, не дождавшись, пока соберутся студенты, какъ носились слухи, разсориившись съ прочими членами за ихъ слишкомъ *честныя* намѣренія!..

Подсудимыхъ ввели въ залу и еще разъ пытались уговорить ихъ. «Отчего вы отказываетесь ходить къ Варнеку?»—«Оттого, что онъ дурно читаетъ».—«Кто вамъ сказалъ, что онъ дурно читаетъ? Откуда въ два мѣсяца вы набрались столько знаній, что беретесь судить профессора, человекъ ученаго? Вы молоды и легко

¹⁾ Алексѣй Николаевичъ.

²⁾ Аркадій Алексѣевичъ.

³⁾ Сергѣй Ивановичъ.

⁴⁾ Василій Николаевичъ.

⁵⁾ Никита Петровичъ.

⁶⁾ Александръ Осиповичъ.

можете ошибаться».—«Да не мы одни такого мнѣнія о его чтеніяхъ».—«Кто же еще?»—«Весь медицинскій факультетъ».—«Слышите, весь медицинскій факультетъ! — восклицаетъ Баршевъ, профессоръ уголовного права,—стало быть, у васъ заговоръ!»—«Попечитель изъ состраданія къ вашей молодости,—продолжаетъ президентъ,—хочетъ кончить эту исторію домашнимъ образомъ. Согласитесь слушать Варнека—и васъ оставятъ въ покоѣ, никто не будетъ наказанъ. Подумайте хорошенько, упрямство, право бесполезно и даже опасно».

Студенты подумали и повторили, что слушать Варнека не станутъ. Ихъ отпустили. 23 числа медиковъ перваго курса потребовали въ минералогическій залъ, роздали имъ писанные вопросы и объявили, что никого *не выпустятъ* отсюда до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ отвѣтовъ на все. Студенты, чувствуя себя правыми, отвѣчали прямо и рѣзко, не справляясь съ полнымъ собраніемъ законовъ. Этого было довольно; члены ухватились за необдуманно жесткія фразы и, на основаніи большей или меньшей ихъ рѣзкости, раздѣлили подсудимыхъ на категоріи и передали дѣло на окончательное рѣшеніе въ академическій совѣтъ. Такимъ образомъ, подверглись самому тяжелому наказанію нѣкоторыя личности, вовсе не участвовавшія въ послѣднихъ происшествіяхъ, *единственно за свои либеральныя мнѣнія!*

«Но прежде, нежели скажу что-нибудь о рѣшеніи университетскаго суда, говоритъ корреспондентъ, я остановлюсь на любопытномъ эпизодѣ, очень вѣрно характеризующемъ *дружескія* отношенія профессоровъ къ студентамъ. Еслибы я назвалъ тѣхъ и другихъ двумя враждебными лагерями, то, право, не заслужилъ бы упрековъ отъ моихъ товарищей въ преувеличеніи...

«Студентъ Кляузъ, испортивши во время допроса свой листъ, обратился къ секретарю съ просьбою, чтобы ему выдали новый. «Не давайте,—вмѣшался Баршевъ,—онъ сейчасъ выходилъ въ корридоръ къ товарищамъ, и они велѣли ему сдѣлать ложныя показанія».—«Г. профессоръ, будьте осторожнѣе въ вашихъ обвиненіяхъ».—«Ну да,—закричалъ Баршевъ,—вы станете еще оправдываться» —«Я не оправдываюсь, а просто говорю, что вы лжете».—«Арестуйте его», приказалъ взбѣленившійся членъ инспектору.—«Это, дѣйствительно, не онъ выходилъ», замѣтилъ Ильинскій.—«Въ такомъ случаѣ извините меня, г-нъ Кляузъ», пробормоталъ сконфуженный профессоръ.

«Тѣмъ, казалось, и долженъ былъ кончиться забавный анекдотъ; но, къ сожалѣнію, у насъ уже давно ничего не дѣлается такъ, какъ бы слѣдовало. На другой день *Кляузъ былъ исключенъ*.

По чьей жалобѣ, кто исключилъ,—этого и теперь никто хорошенько не знаетъ: Баршевъ не жаловался, комиссія и не подозрѣваетъ о наказаніи Кляуза! Не правда ли, поступокъ вполне достойный защитниковъ устности и гласности въ судопроизводствѣ, за какихъ выдають себя наши *мужи науки?*»

28-го собрался академическій совѣтъ, 29 на немъ предсѣдательствовалъ министръ Ковалевскій, 4 декабря было читано въ аудиторіяхъ рѣшеніе знаменитаго судилища; вотъ оно: «10 чело-вѣкъ исключаются *съ дурнымъ поведеніемъ*, около 100—съ правомъ поступить черезъ годъ».

Потомъ послѣдней категоріи позволили покаяться и предложили форму прошенія: «Я, нижепоименованный, обязуюсь впредь безусловно повиноваться всѣмъ распоряженіямъ начальства». И изъ 100 чело-вѣкъ только три отказались отъ позорнаго помилованія. Въ тотъ же день отъ имени министра студентамъ строжайше запрещено было собираться *толпами*, говорить рѣчи и пр. въ университетскомъ садикѣ и въ аудиторіяхъ.

Что же дѣлали въ это время студенты другихъ факультетовъ? А пуще всего, что же дѣлали молодые профессора, доценты... интересно бы имѣть списокъ поданныхъ мнѣній.

Вотъ опредѣленіе университетскаго совѣта. Этотъ документъ не долженъ исчезнуть въ университетскомъ архивѣ.

«Присутствію Совѣта доложена была записка комиссіи по дѣлу о безпорядкахъ, произведенныхъ студентами медицинскаго факультета 1-го курса. Комиссія объясняетъ, что поступокъ студентовъ 1-го курса медицинскаго факультета заключаетъ въ себѣ оскорбленіе дѣломъ профессора Варнека, при исполненіи имъ обязанностей его званія и состоитъ въ самовольномъ выходѣ изъ аудиторіи при началѣ лекціи г. профессора и въ формальномъ отказѣ отъ посѣщенія его лекцій. Проступокъ студентовъ отягчается:

«1) Повтореніемъ и 2) открытымъ сопротивленіемъ распоряженіямъ начальства скопомъ. Но есть въ дѣлѣ и обстоятельства, уменьшающія вину студентовъ: 1, разные неблагоприятные поступки г. профессора при чтеніи лекцій и въ обращеніи его съ гг. студентами (основано на показаніяхъ гг. студентовъ, но еще должно быть доказано, если будетъ признано нужнымъ); 2, примѣръ такого же оскорбленія профессора въ филологическомъ факультетѣ студентами, который остался безъ всякаго наказанія, но не оставшійся безъ вліянія на другихъ студентовъ, какъ и должно было ожидать (на этотъ примѣръ, именно, указываютъ въ своихъ отвѣтахъ, какъ на одну изъ побудительныхъ причинъ своего дѣйствования, нѣкоторые изъ студентовъ медицинскаго факультета 1-го

курса); 3, молодость, къ сожалѣнію, во многихъ крайняя незрѣлость сужденія и свойственная молодымъ людямъ восприимчивость ко всѣмъ хорошимъ и дурнымъ впечатлѣніямъ и влияніямъ, отчасти также и 4, незнаніе университетскихъ постановленій. Но и при уменьшающихъ обстоятельствахъ вину студентовъ, проступокъ ихъ такъ важенъ, что, кромѣ нѣкоторыхъ немногихъ, всѣхъ виновныхъ въ немъ слѣдовало бы наказать самымъ высшимъ университетскимъ наказаніемъ: исключеніемъ изъ университета, но, не желая подвергать одинаковому наказанію менѣе виновныхъ съ болѣе виновными, слѣдственная комиссія находитъ возможнымъ на основаніи отвѣтовъ, данныхъ гг. студентами на предложенные имъ вопросные пункты, раздѣлить ихъ на 4 разряда: 1-ый разрядъ,—къ нему принадлежатъ тѣ изъ виновныхъ, которые высказываютъ въ данныхъ ими отвѣтахъ полное одобреніе случившагося и прямо отказываются отъ повиновенія начальству, когда его распоряженія не согласны съ ихъ личнымъ убѣжденіемъ; сюда относятся поименованные въ запискѣ 14 человекъ; 2-ой разрядъ,—къ нему принадлежатъ тѣ, которые признаютъ лишь совершенный ими проступокъ справедливымъ, но не отказываются вообще отъ повиновенія начальству, когда ихъ убѣжденія будутъ расходиться съ его убѣжденіями, или, по крайней мѣрѣ, не выражаютъ такъ дерзко, какъ первые, свое отреченіе отъ повиновенія въ подобныхъ случаяхъ; сюда относятся поименованные въ запискѣ 86 человекъ; 3-ій разрядъ,—къ нему принадлежатъ участвовавшіе страдательно, или по увлеченію, или по незнанію; сюда относятся поименованные въ запискѣ 50 человекъ; 4-й разрядъ,—къ нему принадлежатъ совершенно неучаствовавшіе 17 человекъ. Наконецъ, не явившіеся къ слѣдствію по болѣзни и находящіеся въ отпуску, которыхъ числомъ 18 человекъ; затѣмъ остаются еще нѣкоторые неспрошенные студенты, неявившіеся къ допросу по неизвѣстнымъ причинамъ, за что и подлежатъ отвѣтственности, какъ виновные въ новомъ неповиновеніи, а именно—50 человекъ. Члены совѣта, по разсмотрѣніи вышеизложенныхъ разрядовъ, на которые комиссія раздѣлила участвовавшихъ въ безпорядкахъ студентовъ, и по обсужденіи сихъ разрядовъ, по ихъ письменнымъ показаніямъ, признали болѣе справедливымъ и сообразнымъ съ цѣлю—измѣнить ихъ такимъ образомъ: 1-ое, отъ наказанія освободить студентовъ 4-ой категоріи и тѣхъ изъ остальныхъ студентовъ 1-го курса, которые докажутъ, что были больны или находились въ отсутствіи изъ Москвы въ дни 30 октября, 1 и 20 ноября, когда были совершены проступки, и 23 ноября, когда всѣ студенты 1-го курса медицинскаго факультета были вызываемы для отвѣ-

товъ; 2-ое, первой категоріи, которые остались вторично на первомъ курсѣ медицинскаго факультета или перешли на оный, пробывъ уже одинъ годъ въ другихъ факультетахъ московскаго университета, признать не заслуживающими снисхожденія и уволить изъ университета безъ подачи ими о томъ прошенія; 3, остальныхъ студентовъ первой категоріи и тѣхъ студентовъ второй категоріи, которые остались вторично на первомъ курсѣ медицинскаго факультета или перешли на оный, пробывъ уже одинъ годъ на другихъ факультетахъ московскаго университета, признать заслуживающими наименьшей степени снисхожденія и уволить изъ университета, представивъ имъ самимъ подать объ этомъ прошеніе; 4, изъ числа не явившихся къ отвѣту признать также заслуживающими наименьшей степени снисхожденія и уволить изъ университета на томъ же основаніи, т.-е. съ подачею о томъ просьбы, тѣхъ, которые остались вторично на 1-мъ курсѣ медицинскаго факультета или перешли на оный, пробывъ уже одинъ годъ на другихъ факультетахъ московскаго университета; 5, студентовъ 1-го курса медицинскаго факультета, не подходящихъ ни подъ одинъ изъ вышеописанныхъ разрядовъ, подвергнуть слѣдующему наказанію: въ аттестатѣ за поведеніе они получаютъ отмѣтку *неудовлетворительно*, вслѣдствіе чего они лишаются права перейти по истеченіи сего академическаго года на второй курсъ, но для ободренія лучшихъ изъ нихъ просить г. попечителя московскаго учебнаго округа о дозволеніи освободить отъ дѣйствія этой отмѣтки тѣхъ студентовъ, которые на переводномъ экзаменѣ получаютъ въ среднемъ выводѣ не менѣе 4 балловъ и которыхъ инспекція засвидѣтельствуетъ, что они во все остальное время академическаго года не позволяли, себѣ никакихъ противозаконныхъ поступковъ. Хотя всѣ таковыя подраздѣленія приняты были большинствомъ голосовъ, однако, относительно послѣдняго разряда студентовъ многіе изъ членовъ совѣта, какъ справедливую мѣру наказанія за ихъ проступокъ, предлагали переименовать ихъ въ вольные слушатели, съ возложеніемъ на нихъ соединенныхъ съ симъ званіемъ обязанностей по уставу. Далѣе, какъ изъ обстоятельствъ разсматриваемаго дѣла видно, что между причинами безпорядковъ, произведенныхъ студентами, одною изъ важныхъ оказывается существующій недостатокъ инспекторскаго надзора, то члены совѣта единогласно положили представить объ этомъ университетскому начальнику съ цѣлію содѣйствовать инспекціи къ возвращенію утраченнаго ею нравственнаго вліянія на студентовъ. Наконецъ, между причинами происшедшихъ безпорядковъ, по общему показанію студентовъ, обнаруживается неудовлетворительность

преподаванія исправляющаго должность экстраорд. профессора Варнека, то совѣтъ университета, на основаніи ст. 84. устава, поручилъ это обстоятельство особому разсмотрѣнію физико-математическаго и медицинскаго факультетовъ съ тѣмъ, чтобы о результатахъ сего разсмотрѣнія было донесено безотлагательно совѣту. Члены совѣта, ординарные профессора Калиновскій ¹⁾ и Китарры ²⁾ уклонились отъ полачи голосовъ при обсужденіи мѣры наказаній виновныхъ студентовъ подъ тѣмъ пред. огомъ, что назначеніе такого наказанія не требуется отъ университетскаго совѣта предложениемъ г. попечителя московскаго учебнаго округа отъ 20 сего ноября, коимъ предписано только изслѣдовать причины безпорядковъ.

«Опредѣлено: съ приложеніемъ именного списка студентовъ 1-го курса медицинскаго факультета съ обозначеніемъ, кто изъ нихъ къ какому изъ вышеозначенныхъ р.зрядовъ относится, донести о настоящихъ распоряженіяхъ совѣта г. попечителю московскаго учебнаго округа».

Что эти книжники—фарисеи или іезуиты?

Въ заключеніе мы обращаемся дружески и братски къ русскому юношеству съ совѣтомъ, или вѣрнѣе, съ горячей просьбой.

Мы, нисколько не обвиняясь, обвиняемъ военно-судныя наклонности московскаго профессорскаго аудиторіата. Въ нашемъ сочувствіи вамъ сомнѣваться грѣшно. Вся наша жизнь, всѣ ея отдѣльныя событія могутъ служить свидѣтельствомъ, что, если-бъ даже мы были вознесены судьбою на мѣста Барашевыхъ и Крыловыхъ, то и тогда остались бы вѣрны нашимъ убѣжденіямъ, а потому съ чистой совѣстью и съ откровенностью любви, мы рѣшаемся умолять васъ *быть осторожными*,—вы можете погубить не только себя, но гораздо больше.

Россія обязываетъ васъ къ этой жертвѣ. Есть стадіи развитія организма, требующія болѣе строгой гигиены. Россія именно теперь находится въ такомъ состояніи. Ничто старое не вырвано съ корнемъ, ничто новое не пустило еще корни,—опереться не на что. Внѣ благородныхъ инстинктовъ государя, съ одной стороны, и части общества, съ другой,—внѣ удвоенной умственной дѣятельности и того трепетнаго ожиданія, которое предваряетъ великое будущее—*ничего нѣтъ*, ничто не обезпечено! Не давайте же повода, чтобы снова спустили на васъ присмирѣвшихъ андреевскихъ шакаловъ и дѣйствительныхъ тайныхъ палачей. Память Новосильцовыхъ и Пеликановъ не за горами, и пятилѣтніе восходы не такъ сильны, чтобы противостоятъ реакціи.

¹⁾ Яковъ Николаевичъ.

²⁾ Модестъ Яковлевичъ.

Возлѣ васъ великій примѣръ: взгляните на тихій океанъ крестянскаго міра, ожидающаго въ величавомъ покоѣ уничтоженія позорнаго рабства. Какъ были бы рады плантаторы-помѣщики, если-бъ они могли вызвать бурю.

Силы ваши—силы Россіи, берегите ихъ для нея; не тратьте ихъ по пустому, намъ столько дѣла впереди, столько борьбы! ¹

◆◆ 1. Незадолго до этой статьи С. С. Громека пустилъ по рукамъ письмо къ студентамъ, тогда вообще волновавшимся, благодаря совершенной и повсемѣстной необузданности полиціи. Онъ уговаривалъ молодежь не давать излишней горячностью повода къ реакціи и не задерживать своими выступлениями созидательную работу старшаго поколѣнія. Послѣ появленія въ Россіи № «Колокола» съ этою статьею Герцена, Громека писалъ ему 11 декабря изъ Одессы: «Студенты, кажется, серьезно оглянулись на самихъ себя, особенно послѣ Вашего воззванія, исполненнаго такой теплоты и силы. Нѣкоторые изъ студентовъ стали горячо взывать къ товарищамъ, чтобы принятыя за дѣло и науку» («Вольное Слово» 1883, № 57.)

1281. [Адмиралы Мѣтлинъ и Бутаковъ].

Намъ пишутъ изъ Одессы, что статья, напечатанная нами въ защиту адмирала Мѣтлина ¹⁾, возбудила непріятное чувство въ одесскомъ обществѣ, особенно потому, что въ ней были нападки на уважаемаго всѣми адмирала Бутакова ²⁾. Мы помѣстили статью въ защиту Мѣтлина такъ, какъ помѣщаемъ всякаго рода поправки, объясненія, рекламации. Въ частныхъ дѣлахъ мы служимъ только органомъ, личностей у насъ никакихъ нѣтъ, совѣсть наша чиста; но нѣтъ у насъ средствъ знать истину; вся нравственная отвѣтственность остается на тѣхъ, которые намъ доставляютъ статьи.

1282. Опять и опять „pas de rêveries!“ ³⁾.

Зачѣмъ государь былъ въ Варшавѣ? что великаго возвѣстилъ онъ, чѣмъ оправдалъ надежды, которыя возлагалъ на него край? Тотъ же злодѣй Мухановъ, тотъ же неспособный Горчаковъ!..

¹⁾ Николай Федоровичъ, управляющій морскимъ министерствомъ.

²⁾ Григорій Ивановичъ, завѣдующій морской частью въ Николаевѣ.

³⁾ Никакихъ мечтаній!

Если государь ѣздилъ потолковать съ Брунновымъ и Киселевымъ, то, вѣдь, онъ могъ ихъ выписать и въ Петербургъ. Зато путешествіе въ Одессу ознаменовано дарованіемъ какихъ-то сатрапскихъ правъ нелѣпому Строганову и чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника его подмастерью Местмахеру. Для уразумѣнія всей величины этой царской милости, мы помѣстимъ въ слѣдующемъ листѣ біографію сего новаго превосходительства.

1283. Письмо къ сыну.

3 ноября 1859.

Любезный другъ, письмо твое получилъ и Огар. приписку*отдалъ.

Сегодня—22 октября стараго ст., т.-е. день рожденія мамыши. Ей было бы 42 года...

Какъ легко она могла бы окончить воспитаніе всѣхъ, даже Ольги. Безъ нея все идетъ диссонансами.

Что ты пишешь о долгѣ, равняется нулю. Можешь же ты выбрать день, когда у тебя часъ свободный, и, разспросивши M-me Vogt, написать подробно,

во-первыхъ, ея мнѣніе самое интимное объ ней,

2) чему она учить?

3) чѣмъ занята теперь?

4) что желаетъ ли она сама такого мѣста? а, наконецъ, и кондиціи.

5) За одно я могу отвѣчать, что она денежно въ обидѣ не будетъ, но если мы не сойдемся, это вопросъ. Если въ ней много германски-смѣшнаго,—съ Наташей бѣда.

Я желалъ бы даже всѣ antecedенты ея жизни знать.

Сатинъ не имѣетъ паспортъ еще. Ужъ не отправить ли къ Маріи Кас. на зиму Тату? Если Nat. поѣдетъ, она завезетъ ее.

Къ банкиру напиши въ Базель, чтобъ воротилъ вексель (ты застраховалъ ли письмо?), а я Трюбнеру написалъ ужъ, да его, кажется, въ Лондонѣ нѣтъ.

К. Фогтъ потерялъ процессъ съ «Аугсб. Газетой», съ чѣмъ его и поздравляю.

Весь вашъ

А. Герценъ

и весь твой

Папа.

1284. Письмо къ М. Н. Рейхель.

4 Nov. 1859.
Park House, Fulham.

Вы ужъ и не стрѣки, а только чужія письма, знай, посылаете. Да, снова былъ ночной смотръ всѣхъ московскихъ: читая письмо Т. П. ¹⁾, такъ всѣ и вышли... Егоръ Ив., перекосившись, лысый и женихъ; Ал. Алекс. ²⁾ и Иванъ Львовичъ ³⁾—ревнивый Отелло съ Арбата; она даже Григор. Ив. ⁴⁾ не забыла. Я не могу повѣрить, чтобъ Ег. Ив. женился, да и къ тому же на Зин. Ник. ⁵⁾, потому что мнѣ въ голову этого не идетъ.—ему теперь, я полагаю, лѣтъ 57.

Я дѣлаю опытъ и посылаю на ваше имя два «Кол.»: одинъ для Т. П. и одинъ для Мар. Ал. ⁶⁾. Вы черкните при случаѣ, дойдутъ ли. Равно-съ прилагаю къ нимъ записочки.

Въ четвергъ шиллеровскій праздникъ въ Кристалль-Паласъ. А зчера я слышалъ, наконецъ, «Dinorah» ⁷⁾; нѣтъ, лучше, видѣлъ, потому что музыки тамъ ничего, всего лучше поютъ мосьт, коза и вода. Боюсь, не будучи музыкантомъ, сказать лишнее, ну и по совѣсти, ниже посредственности или былъ въ такомъ расположеніи. Зато Ольга была очень довольна наводненіемъ. А прогос, къ музыкѣ: съ тѣхъ поръ, какъ Jansa даетъ уроки, Наташа дѣлаеть очень большіе успѣхи.

Ну, прощайте. Жму Вамъ руку и Рейхелю. Достаньте прочесть ругательную книгу на меня, напечатанную, по внушенію св. синода, какимъ-то синодчикомъ оберъ-секрет. ⁸⁾. Она вышла въ Берлинъ подъ загл.: «Искандеръ Герценъ». Вы животики надорвете: и воръ-то я, и разбойникъ, Ивана Алекс. деньги укралъ и потому пишу по-русски, что боюсь писать по-фр. или по-англ. Это просто финзервъ.—Не колоколь,—по дѣломъ вору и мука. ¹

У Таты болитъ голова, а у Ольги въ ней посвистываетъ.

¹⁾ Пассекъ.

²⁾ Яковлевъ, «Химикъ».

³⁾ Львовъ-Львицкій.

⁴⁾ Ключаревъ.

⁵⁾ Зинаида Николаевна Голохвастова. Женитьба не состоялась, но все свое состояніе Егоръ Ивановичъ истратилъ на нее.

⁶⁾ Марковичъ.

⁷⁾ «Динора», опера Мейербера.

⁸⁾ Николай Васильевичъ Елагинъ.

◆◆ 1. Герценъ не зналъ, что анонимный авторъ (Н. В. Елагинъ) былъ знаменитъ прежде всего, какъ самый нелѣпый цензоръ николаевскаго царствованія, не только вычеркивавшій все, что вздумалось, но вставлявшій въ чужія сочиненія благочестивыя и «патріотическія» размышленія, заканчивавшій повѣсти вопреки плану авторъ и т. п. Только транспоранты для письма онъ подписывалъ безъ помарокъ. Въ 1857 г. былъ назначенъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управленіи цензуры и полуофициально исполнял роль свѣтскаго полуофициознаго публициста по духовнымъ вопросамъ и церковной жизни. Его книжка «Искандеръ Герценъ», изданная въ Берлинѣ, въ типографіи Карла Шульца, состоитъ изъ четырехъ частей: «Философія революціи и социализмъ Искандеровой школы», «Затменіе «Полярной Звѣзды», «Голосъ на кликъ «Съ того берега» и «Г. Герценъ и его значеніе». Чтобы дать понятіе объ этомъ бюрократическомъ фабрикатѣ, бывшимъ первымъ совершенно открытымъ выступленіемъ противъ Герцена, хотя и за границей, но на русскомъ языкѣ, скажу, что всѣ 260 страницъ книжки наполнены ругательствами, плоскими остроуміями и очень лубочной «защитой» православной церкви, которая занимаетъ болѣе половины всего текста. Вотъ послѣднія строки Елагина: «Человѣкъ злоствующій, пристрастный не можетъ говорить правды, хотя бы и желалъ это. Это и видимъ мы во всемъ, что пишетъ г. Герценъ за границую. Обо всѣхъ его писаніяхъ можно сказать, что въ основаніи ихъ—злоба, ничтожное, оскорбленное самолюбіе и грубое незнаніе того, что нужно и полезно Россіи. Еслибы даже мы не видѣли этого ясно, то не могли бы вѣрить какимъ бы то ни было показаніямъ богоотступника, врага христіанской вѣры, бѣглеца, ускользнушаго отъ надзора полиціи, унесшаго съ собою сотни тысячъ франковъ и желающаго намъ республики и социализма!... Хороши правила, которыми гордится г. Герценъ!»

Одинъ изъ современниковъ, знавшій подоплеку публицистическаго выступленія Елагина, сообщилъ мнѣ за годъ до своей смерти, въ 1908 году, что вдохновителемъ этой книжки явился петербургскій митрополитъ Григорій, милостями котораго Елагинъ пользовался довольно широко. Около половины его труда преосвященный выправилъ даже въ корректурѣ, приславшейся изъ Берлина въ Петербургъ. Въ 1861 году книжка была допущена въ Россію, но, однако, не имѣла успѣха и въ 1884 году была продана на бумагу въ количествѣ 780 экземпляровъ; печаталось 1200 экз.

О курьезѣ съ этой книжкой, бывшемъ въ 1884 г. въ Нижнемъ-Новгородѣ, сообщилъ г. Вѣтринскій въ № 71 «Рус. Вѣдомостей» 1912 года.

1285. Письмо къ Ж. Мишле.

4 Nov. 1859.

Park House, Percy Cross, Fulham.

Cher Monsieur, Deux individus me prient de leur procurer l'honneur de vous être présenté. L'un c'est le Membre du Parlement M. Grant-Duff—porteur de cette lettre—il me semble qu'il retourne maintenant de l'Italie, c'est un homme très distingué.

L'autre est une dame—qui vous admire avec passion—M-lle von Meysenbug (quoique c'est la soeur du baron M. qui a été à Zurich comme compagnon de Colloredo—elle n'a rien d'autrichien, ni de catholique). Je la connais intimement—c'est une personne remarquable d'esprit radical et sans peur des consequences logiques.

J'ai été pour qq jours à Bruxelles, j'y ai vu le saint vieillard Lelevel et Proudhon. Le dernier n'a rien perdu ni de sa vigueur, ni de son énergie, il m'a paru tout jeune.

Chez nous—c'est à dire chez nous en Russie—cela marche toujours. La question de l'émancipation des paysans devient de plus en plus-la reconnaissance par l'état *du droit à la terre* pour chaque travailleur.

J'espère d'avoir de vos nouvelles par M. Grant-Duff, qui doit retourner pour la session.

Je vous serre la main de tout mon coeur.

A. Herzen.

Talandier—pour lequel vous avez eu l'extrême bonté d'écrire une lettre de recommandation—a effectivement obtenu une très belle place comme professeur à l'Ecole royale de Sondhurst avec un petit «cottage», jardin etc. Il m'a remis, il y a six mois, une lettre pour vous, c'était un remerciement chaleureux,—je ne sais comment mais cette lettre s'est égarée—et je vous demande mille pardons.

On se prépare (même ici) fêter le jour de naissance de *Schiller*—dans le Crystal Palace. C'est bien que les grands hommes de l'Allemagne sont morts—et qu'ils ne peuvent assister eux mêmes à leurs jubilés.

Переводъ.

4 ноября.

Дорогой г. Мишле, два человекъ просятъ меня о чести быть представленными вамъ. Одинъ изъ нихъ—податель сего письма—

членъ парламента г. Грантъ-Дэффъ; онъ, кажется, возвращается изъ Италіи; это человѣкъ въ высшей степени порядочный.

Второй, это—дама, страстная ваша поклонница—М-ле Мейзенбургъ (хотя она—сестра барона М., который былъ въ Цюрихѣ компаньономъ Коллоредо ¹⁾), но въ ней нѣтъ ничего ни австрійскаго, ни католическаго). Я ее знаю очень близко; это—человѣкъ замѣчательный своимъ радикальнымъ умомъ и безстрашною логикой.

Я былъ нѣсколько дней въ Брюсселѣ, видѣлъ тамъ святого старика Лелевеля ²⁾ и Прудона. Послѣдній ничего не потерялъ изъ своей силы и энергіи,—онъ мнѣ показался совсѣмъ молодымъ.

У насъ, — т.-е. у насъ, въ Россіи,—дѣло продолжаетъ итти на ладъ. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостного права все болѣе и болѣе превращается въ признаніе государствомъ права каждаго работника *на землю*.

Надѣюсь имѣть о васъ извѣстія черезъ Грантъ-Дэффа, который долженъ вернуться къ сессіи.

Отъ всего сердца жму вашу руку

А. Герценъ.

Таландые,—для котораго вы съ такою необычайною добротою написали рекомендательное письмо,—дѣйствительно, получилъ отличное мѣсто преподавателя въ Сандчертской королевской школѣ; ему назначили отдѣльный «котѣджъ», садъ и пр. Еще шесть мѣсяцевъ тому назадъ онъ передалъ мнѣ письмо для васъ (это была пламенная благодарность вамъ); не знаю, какъ случилось, но его письмо затерялось,—прошу тысячу извиненій.

Приготавливаются (даже здѣсь) къ празднованію годовщины ³⁾ рожденія *Шиллера*—въ Хрустальномъ дворцѣ. Хорошо, что великіе люди Германіи умерли и не могутъ сами присутствовать на своихъ юбилеяхъ.

1286. Письмо къ М. А. Марковичъ.

5 ноября (1859).
Park House, Fulhám.

Я никакъ не думалъ, Марія Александровна, что вы такъ долго заживетесь въ Дрезденѣ; мнѣ сдавалось, что вы скоро будете на

¹⁾ Франсуа де Поль, графъ de Colloredo-Wallsee, былъ представителемъ Австріи на цюрихской мирной конференціи 1859 г.

²⁾ Іоакимъ, польскій историкъ и политическій дѣятель.

³⁾ Столѣтней.

Руси. Тамъ интереснѣе; ростовцовская комиссія, особенно по хозяйственному отдѣленію, идетъ богато. Если вы увидите Кошел. ¹⁾, то попросите, чтобъ онъ намъ посылалъ засѣданія (у насъ есть 50).

Итакъ, вы познакомились съ Т. П. ²⁾. Она еще ко мнѣ пишетъ: «милый Саша», какъ въ 1824 году, и напоминаетъ въ своемъ письмѣ о давно-давно прошедшихъ людяхъ и событіяхъ. По ея письму я вижу, что она жива. Она принадлежитъ къ тому выносливому и тягучему кряжу, который замѣнили николаевскими юродивыми, съ рожденія испуганными, нервозными чудаками, оттого она и осталась не старою въ 53 года.

Если вы еще не читали, достаньте книгу Елагина «Искандеръ Герценъ», напечат. въ Берлинѣ; это—поэма; мы съ Огар. вечернѣ цѣлый катались со смѣха. Мар. Касп. тоже должна ее прочесть.

Въ слѣдующемъ «Кол.» будетъ 3-ья статья о русскихъ нѣмцахъ, потомъ еще двѣ; я ихъ рекомендую вамъ. Что за нихъ меня оборвутъ всѣ, отъ Бабста до Станкевича, не говоря о недругахъ,—такая, видно, ужъ горемычная доля.

Я бы вамъ охотно высылалъ «Колоколъ», да хорошо ли на ваше имя? Сегодня посылаю два экз. на имя Мар. Касп.: одинъ для васъ, одинъ для Тат. Петр.

Жму вашу руку.

А ты, Богданъ, что? помнишь свирѣпаго москаля, который все говорилъ: «не канючь, не хныкай»? Поклонись же отъ моего твоему папѣ.

Письмо къ Ж. Мишле.

9 Novembre 1850.

Park House, Fulham.

Cher Monsieur. Voilà la dame, amie intime de moi—et qui avait le désir le plus ardent de vous connaître personnellement.—Vous devez me pardonner la liberté que je prends—je vous voler quelques instants pour mes amis, soyez bon et indulgent comme avec moi.

M-elle Meysenbug peut vous faire part des détails de notre propagande slave.

Je pense que M. Grant-Duff a déjà profité de la lettre qu'il avait de moi; je n'ai qu'à vous remercier d'avance et de serrer avec sympathie votre main.

A. Herzen.

¹⁾ Александръ Ивановичъ, славянофилъ.

²⁾ Пассекъ.

Переводъ.

9 ноября.

Дорогой г. Мишле! Рекомендую вамъ даму, близкаго моего друга, которая имѣла самое пламенное желаніе лично познакомиться съ вами. Вы должны простить мою смѣлость, съ которою я похищаю у васъ нѣсколько минутъ для моихъ друзей; будьте добры и снисходительны къ нимъ, какъ добры и снисходительны ко мнѣ.

Г-жа Мейзенбургъ можетъ сообщить вамъ подробности нашей славянской пропаганды.

Я думаю, что г. Грантъ-Дэффъ уже воспользовался письмомъ, которое онъ получилъ отъ меня, и мнѣ остается лишь напередъ поблагодарить васъ и дружески пожать вашу руку.

А. Герценъ.

1288. Графъ Строгановъ и Стариціи.

У насъ являются дѣла до такой степени не только преступныя, но безсмысленныя, что умъ отказывается ихъ понимать. Власть растлѣваетъ людей у насъ, дѣлаетъ ихъ мономанами и главное—звѣрями, такъ что все человѣческое чуждо имъ.

Но есть же, наконецъ, границы! Можно пожимать плечами, когда рассказываютъ о наглomъ приѣмѣ, о грубостяхъ съ дамами великаго свекра, но когда она защищаетъ чудовищныя злоупотребленія помѣщичьей власти, тогда гласность должна ее клеймить, напоминая вмѣстѣ съ тѣмъ и Александру Николаевичу, что *доля кесарева* и тутъ не пропадетъ ¹⁾.

1289. Четы изъ жизнеописанія одесснаго градоначальника барона Местмахера.

За Строгановымъ молитва,
За царемъ служба не пропадаютъ!

Прочитавъ въ «Le Nord», что баронъ Местмахеръ пожалованъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, мы вспомнили, что у насъ давно лежитъ біографія доблестнаго барона. Чтобъ показать государю, кого ему предста-

¹⁾ Дальше идетъ описаніе злодѣйствъ надъ своими крѣпостными помѣщика Старицкаго, прикрывавшагося расположеніемъ гр. А. Г. Строганова

вляють Строгановы и К°, мы передаемъ нашимъ читателямъ отрывки изъ нея ¹⁾.

За симъ слѣдуетъ длинный перечень дѣйствій Местмахера въ строительномъ комитетѣ, гдѣ ему ревностно помогаетъ полковникъ фонъ-Энденъ, и въ приказѣ общественнаго призрѣнія. Но мы полагаемъ, что нашихъ выписокъ изъ письма совершенно достаточно не только для характеристики достойнѣйшаго барона, но и сіятельнѣйшаго графа.

1290. Тотъ же графъ Строгановъ, плачущій на гробѣ сѣченаго Кандыбы.

Только что мы послали въ типографію кроткое и дружеское рѣшеніе Строганова по дѣлу палача-помѣщика ²⁾, мы получили другую исторію, въ которой Строгановъ пытался перешеголять настоящаго палача. Мы обличаемъ Строганова въ этомъ передъ всей Россіей, мы его имя желали бы передать исторіи,—пусть она знаетъ, что въ то время, когда императоръ Александръ II освобождалъ крестьянъ, нашелся сатрапъ, защитникъ розогъ и помѣщичьихъ злоупотребленій, просившій государя, въ его бытность въ Одессѣ, дозволенія усилить уголовныя и полицейскія наказанія для помѣщичьихъ крестьянъ, посягающихъ на *честь помѣщиковъ* (не странно ли, что у помѣщиковъ честь сзади!). И это потому, что онъ былъ недоволенъ слабымъ рѣшеніемъ уголовной палаты по дѣлу высѣченнаго генерала Кандыбы (см. «Колоколъ», листъ 45), по которому, виновные, послѣ двухлѣтняго или трѣхлѣтняго заключенія въ тюрьмѣ, наказаны только 70 ударами розогъ чрезъ нижнихъ полицейскихъ служителей. Выводя изъ этого общее заключеніе, что уголовное законодательство наше слабо, Строгановъ выводитъ, что такое послабленіе закона, *въ виду настоящаго состоянія крестьянскихъ умовъ*, опасно.

По счастью, государь не утвердилъ этого доклада, но, не желая огорчить плетолобиваго графа, велѣлъ ему объ этомъ посовѣтоваться съ министромъ юстиціи.

Да проститъ Господь за это доброе дѣло государю и то, что онъ офицера Папенгута, не по формѣ одѣтаго, арестовалъ въ Одессѣ, и то, что арестовалъ тамъ же офицера Ризниченко, выставившаго опасные для общественнаго спокойствія воротнички. Пусть только онъ будетъ увѣренъ, что онъ больше сдѣлалъ бы пользы для Россіи, еслибы безъ всякаго ареста велѣлъ бы Строганова отвезти (куда-нибудь въ Петербургъ или назначилъ бы его въ Калугу стеречь такого же дикаго звѣря—Шамиля.

¹⁾ Дальше идетъ очень пространный рассказъ о массѣ беззаконій, совершенныхъ Местмахеромъ съ вѣдома А. Г. Строганова.

²⁾ См. № 1288.

1291. [Виленское учебное начальство].

Намъ пишутъ изъ Польши: «Попечитель виленскаго учебнаго округа баронъ Врангель ¹⁾ (изъ гусарь!) и его помощникъ князь Ширинскій-Шихматовъ ²⁾ (изъ мичмановъ!!) рѣшили энергически противоудѣйствовать распространенію просвѣщенія и для того стали уменьшать всѣми средствами число учениковъ въ гимназіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ. Усердный исполнитель ихъ, фонъ Фрейманъ (изъ фейерверкеров!!!), директоръ виленской гимназіи, отказалъ подъ разными предлогами *двумстамъ* мальчикамъ, привезеннымъ въ Вильно, въ правѣ поступленія въ гимназію, ссылаясь на недостатокъ мѣста (въ зданіи, въ которомъ прежде помѣщался университетъ), усиливая экзамены и пр.»

Когда нѣмцы сами по себѣ и татары сами по себѣ столько вредятъ Россіи, что же сказать о соединеніи нѣмцевъ съ татарами на уничтоженіе просвѣщенія? Если сухопутные и пѣшіе попечители и директора учебныхъ заведеній никуда не годятся, что же сказать о наступательномъ союзѣ—*гусара, мичмана и фейерверкера?!*

1292. [Пожертвованія].

Мы получили отъ двухъ русскихъ офицеровъ *Борокъ Франковъ* для передачи въ Гарибальдѣвскій фондъ,—съ величайшимъ удовольствіемъ исполнимъ ихъ желаніе.

1293. Письмо къ сыну.

15 ноября (1859).
Park House, Fulham.

Какъ вы отпраздновали вашего Шиллера? А у насъ, хоть и было на праздникѣ 14,000 человекъ, но безъ *entrainment* ³⁾; рѣчь Кинкеля была скучна, бюстъ Грассъ сдѣлалъ, хоть куда. Остальное опишетъ тебѣ Тата.

Вѣроятно, ты вмѣстѣ съ письмомъ получишь «Колок». Совѣтую особенно внимательно прочесть мою статью о нѣмцахъ; ихъ будетъ еще двѣ и въ нихъ изложено еще разъ со всюю ясностью наше воззрѣніе. Вѣроятно, что наши доктринеры

¹⁾ Егоръ Петровичъ.

²⁾ Александръ Прохоровичъ.

³⁾ Одушевленія.

подымуть вопль, но я мой инстинктъ истины не промѣняю на ихъ заученый взглядъ.

К. Фогтъ проигралъ процессъ. Знаетъ ли онъ, что Блиндъ писалъ въ «Аугсб. Газету» обвинительное письмо? Хоть бы онъ его стегнулъ. И Фребель туда же. Я думаю, что, кромѣ Шурца, всѣ они ни къ чорту не годятся.

16 ноября.

Сейчасъ прочиталъ, что Фрейлигратъ далъ *dementi* Блинду ¹⁾ въ Фогтовомъ дѣлѣ. Да что же самъ К. Ф. будетъ что ли писать?

Твоя мысль о письмѣ отъ дамы очень недурна,—въ письмѣ многое можно увидать. Что она будетъ очень полезна для Ольги, въ этомъ я не сомнѣваюсь, но ты долженъ понять, что Тата теперь не можетъ довольствоваться такъ себѣ, ничѣмъ. Если бы *Meysenb.* не была *exaltée* на нѣмецкій ладъ, она могла бы Татѣ очень помогать въ артистическомъ развитіи. У нея способности, туго развивавшіяся сначала, теперь развиваются быстро.

Янза ей сдѣлалъ большую пользу. Мы теперь по вечерамъ читаемъ *Mignet* «Исторію революціи» ²⁾. Я не думаю, чтобы все лѣто ты слушалъ бы такъ внимательно.

Прощай, будь здоровъ.

Получилъ ли деньги изъ Базеля?

1294. Письмо къ Н. Н. Мазуренку ³⁾.

17 ноября 1859.

Милостивый Государь! Съ величайшей благодарностью получили мы ваши статьи; онѣ по содержанию не столько идутъ въ «Колоколъ», какъ въ «Русскіе Голоса», за исключеніемъ послѣдней,—изъ нея отрывокъ мы помѣщаемъ въ «Колоколѣ».

Съ искреннимъ уваженіемъ благодарю васъ.

А. Герценъ.

Если вы будете въ Лондонѣ, надѣюсь лично познакомиться съ вами. Вы меня почти всегда застанете дома отъ 4 часовъ. ¹

◆◆ 1. Н. Мазуренко былъ молодымъ студентомъ, уволеннымъ изъ харьковскаго университета послѣ первой студенческой исторіи 1858 года. Мысль поѣхать за границу и войти тамъ въ сношенія

¹⁾ Уличилъ Блинда во лжи.

²⁾ Франсуа-Огюстъ Минье, «Histoire de la révolution française».

³⁾ Николай Николаевичъ.

съ Герценомъ, «Колоколь» котораго былъ для насъ евангелиемъ», гвоздемъ застѣла въ его голавъ. Осуществивъ ее, онъ занялся усердной посылкой Герцену корреспонденцій о Россіи («Истор. Вѣстникъ» 1907, IX).

«Рукописей и дѣлъ привозилось и присылалось въ Лондонъ несмѣтное множество; однихъ не франкированныхъ писемъ получалъ Герценъ шиллинговъ на 16 въ день (рубля на 3), и у него, положительно, не было возможности самому пересчитывать всю эту груду бумагъ, приходившихъ въ его руки» («Исповѣдь» Кельсиева).

1295. Письмо къ Н. П. Огареву.

19 ноября (1859), пятница.
Park House, Fulham.

Какъ ты уѣхалъ, новость зановостью: Наполеонъ велѣлъ обругать въ газетахъ Викт.-Эмман.; Гарибальди, говорятъ, идетъ въ отставку; я обругалъ Гаррисона до того, что самому сдѣлалось стыдно.

Очень радъ, что ты нашелъ клавикорды. Живи, отдохни, ниши, не торопись. А *propos*, а домъ-то все же узнай — *furnished* ¹⁾ и 9 спаленъ. Знаешь ли, что въ этомъ туманѣ въ Кристалль-Паласъ было свѣтло. Домъ въ *Portchester ter.* хорошъ, но 450 *liv.* Я былъ у Девиля; онъ думаетъ, что уступятъ. А у него сгорѣла его *house-keeper* ²⁾, пріятельница Джени; ей въ кухнѣ сдѣлалось дурно, платье загорѣлось и обожгло все тѣло, а руку сожгло. Она еще жива. Девиль не очень надѣется.

Дома мирно и тихо, но *low spirited* ³⁾, наконецъ, я думаю, физическое истощеніе доведетъ до бѣды,—Лиза не спитъ до 4 часовъ. Но тутъ совѣтомъ ничего не сдѣлаешь. Статью твою отдалъ. Газеты полны глупостями Алекс. Ник. на дорогѣ. Въ Варшавѣ жи-довъ запирали въ синагоги, чтобъ они не смѣли его благодарить. Есть письма отъ русскихъ.

Прощай, *ровно часъ.*

Гервегъ въ Цюрихѣ былъ героемъ шиллеровскаго праздника... Барреръ-то ⁴⁾ и правъ, что только мертвые не возвращаются.

¹⁾ Меблированный.

²⁾ Хозяйка.

³⁾ Подавленное состояніе духа.

⁴⁾ Членъ франц. конвента, прозванный «Анакреономъ гильотины».

1296. Письмо къ Н. П. Огареву.

21 ноября (1859).
Park House, Fulham.

Воскресенье было куртажное; вотъ реестръ:

1. Кауфманъ изъ Іудей ¹⁾,
 2. Его другъ N. N. изъ Калифорніи,
 3. Голынский изъ Калиша ²⁾,
 4. Тхорж. съ Геймаркетъ,
 5. Мерч. ³⁾ а
 6. Мерч. b
 7. Мерч. c
- } со дна морского,
8. Усовъ—съ пушки и Карса,
 9. Кельс. } ъ ⁴⁾
 10. } а съ Авачи ⁵⁾.

Не было:

11. Чернецкаго,
12. Таты, бывш. у Кошута,
13. Бокэ.

Пропущень

14. Грассъ.

Я былъ въ домъ... ⁶⁾. Онъ удобенъ и хорошъ; но нигдѣ не найдешь такой квартиры, въ которой были бы рядомъ для тебя спальня и кабинетъ; это до того не въ англійскомъ вкусѣ, что все равно—искать кабинетъ съ кухней или верхній этажъ au rez-de-chaussée. Whit платить около 430. У него большія конюшни и сараи,—сосѣдъ ихъ беретъ. Если хозяинъ уступитъ за 350, домъ я возьму; если нѣтъ, останетесь до лѣта въ Park House. А propos, хозяинъ одного изъ домовъ пишетъ агенту: «узнайте, кто г. Герцъ, и скажите, что я ему не позволю заводить ни школы, ни боль-

¹⁾ Еврей, острякъ, былъ очень похожъ на Дизраэли.

²⁾ Holyński, Александръ, польскій путешественникъ, эмигрантъ.

³⁾ Повидимому, Мерчинскіе (написано не вполне ясно).

⁴⁾ Василій Ивановичъ и Варвара Тимоѣевна Кельсиевы. ¹

⁵⁾ Рѣка, впадающая въ Камчатское море.

⁶⁾ Название неразобрано.

ницы». Я, по примѣру... ¹⁾ отвѣчалъ: я нанимаю его домъ подъ манежъ.

Италія гибнетъ. Кауфманъ тоже чуть не погибъ; онъ заперся у насъ въ нужномъ мѣстѣ, за шумомъ никто не слыхалъ, и онъ отдежурилъ тамъ полчаса.

Въ «Нордѣ» статья о Ростов. комитетѣ.

Въ «Journal du Nord» еще статья Сазонова о Шиллерѣ и его спичъ. ²

Я Ольгѣ отъ тебя подарилъ три или четыре картинки.

Houskeeper'ша умираетъ у Девиля.

Гуляй, пиши,—намъ не скучно, но не зову тебя.

Прощай.

Natalie говоритъ, что будетъ писать особо.

Нашелъ ты домъ ѿ 9 спальняхъ на брегѣ моря?

Марко Вовчокъ остается на всю зиму въ Германіи, — вотъ тебѣ и письма. Что дѣлать?

◆◆ 1. Въ это время Кельсіевъ былъ уже эмигрантомъ. Этотъ шагъ совершенъ имъ вопреки совѣтамъ и желанію Герцена и Огарева, на что онъ самъ указывалъ неоднократно какъ въ печати, такъ и въ своей «Исповѣди». «Зачѣмъ вы хотите быть эмигрантомъ?—спрашивали они меня.—Хочу работать.—Да работать въ Россіи лучше. Оставаясь на службѣ и живя въ средѣ русскаго общества, хоть бы въ той же Ситхѣ, вы сдѣлаете вдесятеро больше, чѣмъ отрѣзываясь отъ Россіи и оставаясь въ Лондонѣ. — И, все-таки, я останусь, потому что мнѣ есть многое что сказать, чего въ Россіи нельзя высказать. — Да что жъ именно? Уясните себѣ, для чего вы остаетесь, уясните себѣ, что вы хотите сказать. — Буду говорить о бракѣ, о христіанствѣ, о личности.—Но что именно? Дайте себѣ подробный отчетъ.

«...Они ясно понимали, съ перваго нашего знакомства, что этого *новаю* мнѣ сказать рѣшительно нечего уже потому, что откопать что-нибудь новое, порохъ выдумать, штука весьма не легкая и не обыденная. Но я остался. Я пошелъ въ наше генеральное консульство добровольно заявить, что я—эмигрантъ» («Пережитое и передуманное», 247—248, 311).

2. О редактированіи Н. И. Сазоновымъ «La Gazette du Nord», ошибочно названной Герценомъ иначе, сообщаетъ г. Рязановъ («Соврем. Міръ» 1912, IX, 164—165). Въ архивѣ министерства народнаго просвѣщенія есть дѣло объ этомъ изданіи. 26 ноября

¹⁾ Слово неразобрано.

1859 г. предсѣдатель петербургскаго по иностранной цензурѣ комитета Ѳ. И. Тютчевъ донесъ министру нар. просвѣщенія, что въ Россію стала присылаться новая газета «La Gazette du Nord, revue hebdomadaire internationale». Разсмотрѣніе перваго номера показываетъ, что большая часть газеты посвящена Россіи. Статьи о ней не могутъ быть дозволены цѣликомъ, «а какъ имѣется въ виду еженедѣльно получать газету эту въ весьма значительномъ числѣ экземпляровъ, то комитетъ поставляется въ затруднительное положеніе при исключеніи предосудительныхъ мѣстъ». «Такъ какъ комитету неизвѣстно, есть ли это правительственный органъ или изданіе, обращеніе котораго въ Россіи правительство не желало бы дозволять», то Тютчевъ и спрашивалъ приказаній.

Ковалевскій самъ не рѣшилъ ни на что и запросилъ министра иностр. дѣлъ: «Не имѣя свѣдѣнія о томъ, состоитъ ли помянутая газета подъ вліяніемъ и покровительствомъ нашего правительства, я обращаюсь къ вашему сіятельству съ покорнѣйшею просьбой почтить меня о семъ увѣдомленіемъ» и дать указанія, какъ отнестись къ газетѣ вообще. 2 декабря Горчаковъ отвѣчалъ: «Означенная газета никогда не состояла подъ вліяніемъ или покровительствомъ нашего правительства, и издатель ея лично совершенно неизвѣстенъ. Хотя направленіе этого журнала въ отношеніи статей о Россіи и имѣеть характеръ болѣе порицательный, не менѣе того, мнѣ кажется, нѣтъ причины запретить впускъ въ Россію, а потому я вмѣстѣ съ симъ сношусь съ главноначальствующимъ надъ почтовымъ департаментомъ для допущенія подписки на эту газету». При этомъ отвѣтѣ Горчакова была приложена слѣдующая частная его записка: «Издатель—нѣкто г. Рюминъ. Мнѣ кажется, что онъ увлекся самолюбіемъ публиковать подъ своимъ именемъ журналъ въ Парижѣ. Онъ человѣкъ съ состояніемъ и уже много издержалъ на удовлетвореніе этого самолюбія. Вѣроятно, скоро устанетъ, почему не предвижу для журнала продолжительной жизни, тѣмъ болѣе, что самый журналъ и слабъ и пустъ. *Горчаковъ*». Изъ справки почтамта на 16 декабря 1859 г. видно, что газета была выписана книгопродавцами: Герле—518 экз., Мальяръ—482, Исаковымъ—150 и Дюфуръ ждалъ нѣсколько сотъ (дѣло № 152449).

Такъ какъ «Gazette du Nord» посвящено очень мало вниманія въ литературѣ, то считаю полезнымъ привести здѣсь вѣрную по существу оцѣнку ея, сдѣланную кн. П. В. Долгоруковымъ въ русскомъ изданіи «Правда о Россіи». «Упомяная о русскихъ изданіяхъ за границею, мы не будемъ говорить о сочиненіяхъ Ивана Гавриловича Головина, которыя, равно какъ и характеръ ихъ автора, оцѣнены публикою по достоинству, но не можемъ не упомянуть

о покойномъ, весьма пустомъ журналчикѣ «Gazette du Nord», въ назиданіе людямъ бездарнымъ: не братья за то, чего не въ состояніи сдѣлать. Журналчикъ этотъ выходилъ въ Парижѣ еженедѣльно по субботамъ, съ октября прошлаго, 1859, года и послѣ девятимѣсячнаго чахоточнаго существованія скончался 30 іюня нынѣшняго, 1860, года, отъ недостатка подписчиковъ. Издавали его Г. И. Рюминъ, помѣщавшій въ немъ статьи наивно-пустыя, и г. Са-зонъ, наполнявшій его статьями, изъяслявшими огромныя притязанія на глубокомысліе, но въ сущности пустозвонными до-нельзя. Журналчикъ воспѣвалъ неумолчные хвалебные гимны редакціонной комиссіи и всѣмъ ея нелѣпостямъ и отличался своимъ благоговѣніемъ передъ геніемъ и передъ высокими гражданскими доблестями генерала Ростовцова, смерть коего журналчикъ пережилъ лишь четырьмя мѣсяцами. Лебединою пѣсню журналчика былъ разборъ французской книги Николая Арсеньевича Жеребцова «Исторія просвѣщенія въ Россіи»,—книги самой бездарной, самой пустой и наполненной похвалами Николаю Павловичу ¹⁾. Рецензентъ, по имени Бертранъ Бонъ, имѣлъ наглость написать, что г. Жеребцовъ сочтаетъ въ себѣ качества Тацита съ качествами г. Гизо, и что онъ принадлежитъ къ числу величайшихъ историческихъ писателей. Намъ любопытно знать, что бы сказалъ покойный А. А. Орловъ, если бы ему вдругъ объявили, что онъ сочтаетъ въ себѣ качества Пушкина и Лермонтова» (т. II, 185—186).

1297. Письмо къ Н. П. Огареву.

22 ноября (1859).

Огаревъ, несмотря на Прудона и на свою силу, право, бьются минуты, въ которыя хочется сказать: «Довольно!» — такъ ломится все отъ агоніи вокругъ.

Слѣди:

1-ое, предложеніе Льюиса ²⁾ судить противохристіанскія книги Кемпбель ³⁾ отклонилъ, говоря, что и такъ есть средства;

2-ое, Гарибальди въ Ниццѣ и, наконецъ, письмо отъ Рюмина ⁴⁾.

¹⁾ Ее очень зло высмѣялъ Добролюбовъ.

²⁾ Джорджъ-Корнвалль, англійскій государственный дѣятель и ученый.

³⁾ Лордъ Джонъ, англійскій государственный дѣятель, лордъ-канцлеръ Великобританскій.

⁴⁾ Гавріиль, издатель «La Gazette du Nord».

Ростовцовъ сошелъ съ ума и удаленъ отъ комиссії, и магнаты требуютъ *ревизіи* всего сдѣланнаго въ его Ком.

Въ Петерб. университетъ принято изъ 300 ст.—75.

Сегодня страшный туманъ: какой-то Веретенниковъ анекдотированъ.

Южные штаты требуютъ *выдачу* изъ Нью-Йорка одного журналиста за его зажигательныя статьи противъ рабства.

1298. Письмо къ М. А. Марновичъ.

24 нояб. (1859).

Park House, Fulham.

Итакъ, вы рѣшительно, Марія Александровна, поселились въ нѣмцахъ. Русскіе терпѣть не могутъ нѣмцевъ, а любятъ ихъ. Какъ это разобрать? Изъ Брюсселя никакого отвѣта не было: они, вѣрно (чтобы не оставлять документа), сообщили въ посольство, а я не хочу итти, да и ѣхать невозможно. Къ горести нашихъ доктринеровъ, Западъ еще осунулся и еще бльже къ смерти. Наглое вмѣшательство Наполеона въ дѣла Италіи и отставка Гарибальди, это—такіе два шага, отъ которыхъ не поздоровится. Читали ли вы прокламаціи Гарибальди? Какъ я угадалъ этого человѣка, назвавъ его въ «Полярн. З.» античнымъ героемъ, лицомъ изъ исторіи Корнелія Непота. Здѣсь все готовится къ войнѣ. Англія съ 1860 будетъ покрыта вольными стрѣлками.

Все валится,—мы предвидѣли, но отъ этого не легче. Лошадь—звѣрь, а храпитъ при видѣ мертвеца. Живой не любитъ смерти. Право, бываютъ минуты такой усталости, что такъ бы и бѣжалъ изъ полка, но, въ сторону слабость—маршъ, маршъ!

Изъ Россіи—сумбуръ. (А ргос, не посылайте бюллетеней Ростов. ¹⁾ до {52—у насъ они есть). Ростов., говорятъ, сошелъ съ ума. Въ Петерб. университетъ изъ 300 студ. приняли 75 человѣкъ. Строгановъ просилъ государя драть крестьянъ шпицрутенами. Ну, ужъ я отдралъ его сіятельство за это! Прочтите въ слѣдующемъ «Колоколѣ» ²⁾).

Что дѣлаетъ Татьяна Петр.? Получили ли мое письмо?

Скажите Богдану, что онъ хорошо дѣлаетъ, что помнитъ что въ Брюсселѣ солдаты—дураки, но чтобы онъ не забывалъ, что

¹⁾ Журналовъ засѣданій Редакціонныхъ комиссій.

²⁾ См. № 1305.

и во всѣхъ другихъ странахъ они тоже дураки. Кланяюсь дружески А. В. ¹⁾

Прощайте.

Огаревъ и дѣти кланяются. Огаревъ написалъ прекрасное и предѣльное письмо объ общинномъ владѣннн въ «Кол.» и потомъ уѣхалъ въ Дувръ писать стихи. Завтра воротится.

Жму вашу руку крѣпко.

А. Герценъ.

1299. Письмо къ сыну.

27 ноября (1859).
Park House, Fulham.

Любезный Саша, за письмо M-me Vogt я безконечно благодаренъ; ты ей это скажи; да, очень и очень. Видишь ли, какъ поступаютъ серьезные люди—не рѣшилась она сразу рекомендовать свою знакомую. Подождемъ дальнѣйшаго. Можетъ, Тату я и отпущу (только ничего ей объ этомъ не пиши) къ Мар. Касп. и тогда можно будетъ прежде ознакомиться. Тата (при несчастномъ недостаткѣ нѣкоторой шероховатости съ посторонними) развивается необыкновенно быстро. Съ каждымъ мѣсяцомъ будетъ труднѣе быть при ней гувернанткой (а, можетъ, и вовсе не нужно,—лишь бы было общее направленіе). Жаль, что ни N., ни Мейз. неспособны; онѣ могли бы понять, что надобно, но nul n'est tenu à l'impossible ²⁾.

Ольга, хотя и умнѣетъ, но шалить ужасно; ее заарканить гораздо легче надзоромъ и, еслибы эта дама преимущественно хотѣла бы взять мѣсто для Ольги, а Татѣ—только помогать, я думаю, это было бы лучше. Напиши и объ этомъ мнѣніе M-me Vogt.

1300. Письмо къ М. К. Рейхель.

27 ноября (1859).
Park House, Fulham.

Гнѣвъ вашъ за статейку получилъ; а вы, все-таки, дайте срѣшнику оправдаться и, получивши слѣдующій № и послѣслѣ-

¹⁾ Мужъ Марковичъ.

²⁾ Ни отъ кого нельзя требовать невозможнаго.

дующій (заключеніе), перечтите всѣ статьи ¹⁾ вмѣстѣ, и тогда, не пуская прежде къ себѣ ни одного московскаго, ни даже Станкевича, сядьте и подумайте, «кто правъ, кто виноватъ?» Да, мы принадлежимъ къ будущему Россіи, мы и не думаемъ, чтобъ при насъ совершилось то, къ чему мы направляемся, но мы его видимъ и видимъ, что доктринеры (къ несчастію, à la Коршъ и Бабстъ) скорѣе помѣшаютъ дѣлу, чѣмъ помогутъ (разумѣется, это я пишу однѣмъ вамъ). Что эти статьи надѣлаютъ страшный шумъ, это я зналъ. Не поддавайтесь европолоубамъ. Я *не ихъ* и *не славянофилъ*,—тѣ и другіе идолопоклонники: одни вѣрятъ въ Парижскую, другіе въ Иверскую; я—ни въ ту, ни въ другую. Но, довольно дурачиться и поклоняться Европѣ. Еще разъ прочтите статью, которая теперь печатается, и напишите тогда.

Книгу Баб. ²⁾ получилъ. Книга Сол. ³⁾ у меня есть,—не знаю, какой томъ; пошлите при случаѣ или къ Трюбн.

Еще слово,—какъ же вы говорите, что о Гран. и Бѣлин. я слабо и бѣдно отозвался? Помилуйте, развѣ они не выходятъ великими дѣятелями несчастной эпохи, идущими вслѣдъ за Пушкинымъ и Гоголемъ? Тоже, перечитайте.

У насъ дома все такъ себѣ. Тата очень и очень развивается, особенно въ рисованіи и музыкѣ. На портретъ у Мар. Алекс. черты Таты погрубѣе. Ольга умна умомъ, но шалить такъ, что иной разъ слѣдовало бы въ Сибирь послать.

Ну, а съ какой же стати вы все больны были? Мы въ этомъ болотѣ на дыму движемся еще; Ог. и то на дняхъ ѣздилъ въ Дувръ за воздухомъ, немного подышать.

А Гарибальди?.. А Викт.-Эмм.?—А Бейстова рѣчь, о которой, небось, не написали ⁴⁾. Начинайте-ка со мной «упокой» пѣть. «Господи, съ Римомъ и Греціей новопреставленную рабу твою Европу и даруй ей Кайданова и Устрялова».

Прощайте.

Дѣтей обнимаю, Рейхеля тоже. Письма Ник. Ал. ⁵⁾ отдалъ.

¹⁾ № 1267.

²⁾ «Отъ Москвы до Лейпцига», М. 1859 г.—статьи И. К. Бабста изъ «Атенея».

³⁾ Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ; его «Исторія Россіи» выходила томами съ 1851 по 1879 г.г.

⁴⁾ Гр. Фридрихъ-Фердинандъ Бейстъ, саксонскій министръ внутр. дѣлъ въ 1859 г. выступалъ съ рѣчами въ пользу Австріи.

⁵⁾ Мельгуновъ.

1301. Письмо къ сыну.

1 декабря 1859.

Park House, Fulham.

Любезнѣйшій Studiosus, скажи твоимъ теопумпамъ ¹⁾, что съ конца вопросъ не начинаютъ, и спроси ихъ, въ свою очередь: а развѣ *кристаллизація* больше понятна, чѣмъ *сознаніе*? Животное сознаніе—сначала чувство голода и отыскиваніе по химическому сродству пригодной пищи... Иди отсюда съ усовершенствованіемъ организма и дойдешь до Гете, но равно не объяснишь, какъ камень скристаллизовался и какъ органическая смѣсь дѣшла до сознанія, — отчего не объяснишь? Конечно, не оттого, что этого понять нельзя, а оттого, что наука очень недавно стала заниматься этими вопросами съ надлежащей точки зрѣнія. Все то, что мы въ природѣ не знаемъ, Бэконъ называлъ *Magnum ignotum* ²⁾. Вотъ это былъ добросовѣстный мыслитель, а другіе, какъ запнутся, выдумываютъ новую силу, душу, жизнь.

Но, не умѣя объяснить многого, съ другой стороны, мы отрицательно можемъ многое оспорить, отвергнуть; напр., что кристаллизація зависитъ отъ свойства кристаллизующихся частей и среды и вовсе не составляетъ ихъ *цѣли*. а послѣдствіе.

Такъ и сознаніе есть *la résultante* ³⁾ организма, а не внесено въ него, *не отдѣльно отъ него*; нелѣпость отдѣлять силу машины отъ машины—не для выкладки математической, а воображая, что въ самомъ дѣлѣ колеса на одну сторону, а сила на другую,—только не очевидна для теологовъ.

Что касается до *любви*, надѣюсь, это не тебѣ пришло въ голову, а нѣмцу. Дѣло въ сознаніи, а ужъ съ нимъ будутъ даны всѣ психическія и антропологическія свойства и функціи—любовь къ сыру и любовь къ музыкѣ. Это—вопросы второстепенные...

У меня болитъ голова, а потому передамъ Ог., если онъ что еще хочетъ приписать. А въ заключеніе ты спроси, въ свою очередь, у теологовъ: «*Mais comment expliquez vous la conscience?*» ⁴⁾ Сказать, что ее Богъ далъ, ничего не значитъ, тутъ вопросъ, *какъ* онъ далъ... Ихъ объясненія не выходятъ изъ—

¹⁾ Богословы; греческое *theos* - Богъ и нѣмецкое *putzen* - накачивать; одно изъ многихъ словъ, составленныхъ Герценомъ въ шутку.

²⁾ Великое неизвѣстное.

³⁾ Слѣдствіе, обнаруженіе.

⁴⁾ Какъ вы объясняете совѣсть?

Wenn packen die Eulen?
Im Pimpimberlis Tag
Und wenn ist der P. Tag?
Wenn die Eulen packen ¹⁾.

Прощай. Дома все здорово; я читаю съ Татой «Донъ-Карлоса». Въ будущ. «Колок.», т.-е. который выйдетъ завтра, моя четвертая статья; напиши, ясна ли она для тебя; пятая ст. будетъ заключение.

Обнимаю тебя.

P. S.—Раскрываю письмо, чтобъ прибавить и мое поздравленіе къ Татиному. На сей разъ подарокъ оставилъ до новаго года, а ты можешь мнѣ, съ своей стороны, предложить на выборъ. Получены ли деньги изъ Базеля? я спрашиваю 3 раза,—мнѣ для счетовъ съ Трюб. необходимо.

1) Узнай и напиши мнѣ, что за исторія была въ Женевѣ съ Пьеромъ Леру и студентами; его, говорятъ, освистали.

2) Узнай мнѣніе Фогта, слѣдуетъ ли, по его, Татѣ и Ольгѣ прививать оспу; здѣсь теперь всѣ прививаютъ.

1302. „Pas de rêveries!“ ведущее къ faux pas! ²⁾

Право, лучше было бы государю сидѣть въ Петербургѣ, ѣздить на охоту, ѣздить въ Царское-Село, пожалуй, въ самое большое изъ нихъ—въ Москву, а не «обтекать, яко солнце, своего государства». Юго-западъ рѣшительно слишкомъ раздражителенъ съвернымъ нервамъ. У насъ передъ глазами съ десятокъ газетъ и еще больше писемъ, описывающихъ послѣднее путешествіе. Досадно читать.

Въ Каменецъ-Подольскомъ дворяне подають адресъ, просятъ вздоръ—какихъ-то новыхъ *свободъ* католическому *рабству*, просятъ и дѣло—возвращенія польскаго языка, выборовъ. За все это не за что сердиться, все это не похоже на бунтъ. Но государь разобидѣлъ дворянъ: говоритъ, что онъ не любитъ такія *замашки*. Для чего это? Онъ обижается, не можетъ вынести, что его никто не принимаетъ за злого человѣка. Странное самолюбіе!

¹⁾ Присказка, въ родѣ сказки про бѣлаго бычка: «Когда совы собираются (въ дорогу)? Въ день Пимпимберлиса. А когда бываетъ день П. Когда совы собираются въ дорогу».

²⁾ «Никакихъ мечтаній!», ведущее къ ошибкамъ!

Отецъ Фридриха II, совсѣмъ напротивъ, до того ненавидѣлъ, что его боялись, что, встрѣтивъ разъ, гуляя въ Потсдамѣ, евреевъ, спрятавшихся отъ него за ведро, онъ бросился на нихъ съ своей державной палкой. «Зачѣмъ, бестии, спрятались?» Несчастные евреи просили прощенія и говорили, что спрятались отъ испуга. «Такъ вы боитесь меня? Хорошо!»—сказалъ Фридрихъ-Вильгельмъ и принялся имъ отпускать палочные удары, приговаривая: «любить, разбойники, любить должны вы меня, а не бояться!...» Какіе у царей бывають разные вкусы, только жаль, что средства почти одинакія.

Въ *Варшавѣ* евреевъ, хотѣвшихъ видѣть государя, заперли гдѣ-то обманомъ. А тѣ просто ничего не хотѣли просить, а желали только поблагодарить его. Скажутъ, что государь въ этомъ не виноватъ. Нѣтъ, виноватъ,—зачѣмъ герой великой ретирады ¹⁾ не ретируется изъ Варшавы, зачѣмъ присутствіемъ Муханова въ польскомъ министерствѣ продолжается николаевская обида благородному польскому народу.

Въ *Харьковѣ*—спичъ къ студентамъ. Послѣ извѣстной харьковской исторіи, въ которой Зиновьевъ-*братъ* потубилъ нѣсколько молодыхъ людей, двое студентовъ, зная, въ какомъ искаженномъ видѣ дѣло было представлено, написали къ государю письма, разумѣется, не подписавшись, и послали ихъ по почтѣ. Не доглядѣла ли тайная полиція, или нарочно отдала, но письма дошли. И вотъ Александръ Николаевичъ говоритъ въ своемъ спичѣ: «Подло скрывать свое имя; всякій, кто правъ, можетъ открыто искать справедливости; прежде я былъ доволенъ студентами, а теперь нѣтъ; попечитель и профессора должны будутъ отвѣчать мнѣ за поведеніе студентовъ».

Слышите: «всякій, кто правъ!» Это мнѣ напомнило ужъ не курфюрста Бранденбургскаго, а 1794 годъ, именно, какъ Дантонъ въ послѣднее свиданіе съ Робеспьеромъ требовалъ ограниченія революціоннаго суда, говоря, что правый и виноватый его трепещутъ... Робеспьеръ перебилъ его словами: «Развѣ хоть одинъ правый былъ обвиненъ?» Дантонъ раскрылъ ротъ,—онъ этого никакъ не ожидалъ!

Въ заключеніе государь сдѣлалъ замѣчаніе о «необходимости соблюденія университетской формы». Въ одесскомъ лицей онъ замѣтилъ неоднобразность воротниковъ, потомъ безобразность воротничковъ, выставленныхъ однимъ офицеромъ. Въ Харьковѣ, Кіевѣ—тоже. Не хорошо, право, не хорошо! Бывало, отъ Николая отъ Михаила Павловича и не ждешь ничего другого. Экъ эта

¹⁾ Гр. Д. М. Горчаковъ.

фельдфебельская немочь какъ взошла въ кровь нашей царской фамиліи болѣзнь эта не русская, а пришла къ намъ, какъ красные тараканы, изъ Пруссіи. Хоть бы новое-то поколѣніе спасти.

Вотъ графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгановъ подумалъ бы теперь, какъ исцѣлить отъ нѣмецкой болѣзни наслѣдника и другихъ великихъ князей. Нельзя ли имъ какъ-нибудь маленькимъ прививать пуговку или выпушку, чтобы припадки были слабѣе у взрослыхъ. А насчетъ бороды это еще легче: можно камеръ-лакеямъ, камеръ-герамъ или другой прислугѣ привязывать раза два въ недѣлю бороду и водить мимо дѣтей,—глазъ привыкнетъ.

Сверхъ оскорбительной грубости подобныхъ замѣчаній о формѣ, они могутъ имѣть и другое неудобство: какъ бы, сосредоточивая свои силы и вниманіе на пустомъ, не пропустить сквозь пальцы исторію.

Меттернихъ, взойдя разъ съ докладомъ къ австрійскому императору, нынѣ уволенному отъ дѣлъ, засталъ его съ величайшимъ вниманіемъ углубленнаго въ тетрадь. Удивленный министръ остановился въ дверяхъ, мертвая тишина продолжалась. Вдругъ императоръ поспѣшно захлопнулъ тетрадь и съ восторгомъ сказалъ Меттерниху: «Beide auf einmal!»¹⁾ Онъ, дѣйствительно, очень удачно паймалъ двѣ мухи, прогуливавшіяся по тетради. Жаль только, что Австрію упустилъ!...

1303. [Пріемъ въ университеты].

Изъ 375 молодыхъ людей, державшихъ экзаменъ для поступления въ петербургскій университетъ, приняты 73 человека. Что это? Просто безуміе и глупость или іезуитскій планъ, имѣющій цѣлью исподтишка возвратиться въ педантскомъ костюмѣ къ тупой, но откровенной николаевской войнѣ противъ университетовъ? Кто экзаменуетъ? жандармы или профессора? И кто этотъ Иродъ, выдумавшій лицемѣрную методу—избіеніе отроковъ? Ковалевскій ли, доктринеръ ли какой, или Липранди, подавшій проектъ объ учрежденіи академіи шпіонства? Не приняться ли и за него?²⁾

¹⁾ Обѣ разомъ!

²⁾ Сейчасъ узнали мы, что подобные варварскіе пріемы студентовъ были въ московскомъ университетѣ. А. И. Г.

1304. Отъ Искандера.

Какъ-то Н. Елагинъ *самъ-третьей*¹⁾ издалъ въ Берлинѣ противъ меня глупую и грубую книгу подъ заглавіемъ: «Искандеръ Герценъ».

Я не буду отвѣчать на брань Елагину *самъ-третьей* такъ, какъ не отвѣчалъ ругавшимъ меня въ одиночку. Пусть ругаются, если это имъ доставляетъ удовольствіе.

Что, въ самомъ дѣлѣ, сказать на сквернословіе какихъ-нибудь синодальныхъ писарей и семинарскихъ риторовъ стараго порядка, кромѣ того, что отвѣчалъ знаменитый Фоксъ одному лорду, написавшему къ нему письмо, исполненное брани и дерзости: «Sir, письмо ваше отъ такого-то числа я получилъ. Оно теперь *передо мной*, черезъ четверть часа оно будетъ *за мной*, о чемъ честь имѣю васъ увѣдомить. Преданный вамъ, Ч. Фоксъ».¹

◆◆ 1. Въ дополненіе къ тому, что уже было сказано о силѣ и вліяніи «Колокола» вообще и Герцена въ частности, приведу относящееся спеціально къ 1859 году.

Н. А. Мухановъ разсказалъ Докудовскому, что «будто бы государь императоръ одному родственнику Герцена, издателя «Колокола», сказалъ: «Скажи же Герцену, чтобы онъ не бранилъ меня, иначе я не буду абонироваться на его газету» («Труды Ряз. Учен. Арх. Комиссіи» 1898, XVIII, 3, стр. 303). Такого родственника Герцена, съ которымъ Александръ II могъ говорить въ 1859 г., я не знаю (если это не фотографъ С. Л. Левицкій, что маловѣроятно), но важна самая возможность такого слуха: она еще разъ подтверждаетъ, что государь не переставалъ читать «Колоколъ».

Читалъ его и Бисмаркъ, учившійся въ Спб. русскому языку («Истор. Вѣстникъ» 1894, XI, 451).

П. М. Ковалевскій, родственникъ своего однофамильца министра народнаго просвѣщенія, разсказываетъ:

«Пріѣдетъ министръ въ засѣданіе государственнаго совѣта или комитетъ министровъ,—ему навстрѣчу вынимаютъ изъ кармановъ вырѣзанныя журнальныя статьи, въ доказательство того, что никакая пуговица на виць-мундирѣ не служитъ предметомъ отъ

¹⁾ То-есть совмѣстно съ двумя помощниками,—наекъ на синодскія и цензурныя сферы.

поричанія или насмѣшки... А тутъ еще Герценъ высылаетъ свои изданія съ полнымъ адресомъ (онъ высылалъ ихъ всѣмъ министрамъ и сановникамъ), и каждый разъ приходится испытывать дрожь: не пробралъ ли онъ за что-нибудь? «Этотъ разъ, слава Богу, ничего»,—радуется бывало старикъ, пробѣжавши присланное. А на слѣдующій разъ опять тревога» («Стихи и воспоминанія», 339).

Архимандритъ Иоаннъ Соколовъ, ректоръ казанской духовной семинарии и редакторъ «Православнаго Собесѣдника», 7 января 1859 г. писалъ Н. П. Гилярову-Платонову: «И еще просьба: жду—не дождусь, бьюсь—не добыюсь «Колокола»; нельзя ли какъ-нибудь на день, на два? Тотчасъ возвращу» («Рус. Обзорніе» 1898, I, 117—118). Семинаристъ Ѳ. А. Гиляровъ записалъ въ своемъ дневникѣ: «Теперь не вижу свободнаго времени—занимаюсь переписываніемъ сочиненій Искандера и другихъ социалистовъ. И что это за сочиненія! Откуда берется у нихъ такое краснорѣчіе? Видно, что писано отъ души. Да, Герценъ—великій человѣкъ!» (тамъ же).

«Искандеръ тормозитъ личности и въ этомъ, кажется, и главная сила его. Боятся попасть ему на зубокъ и стараются изо всѣхъ силъ этого избѣгнуть,—записываетъ Е. А. Штакеншнейдеръ. Съ другой стороны, лестно заслужить его одобреніе и стараться изо всѣхъ силъ дѣйствовать въ его духъ. Но вопросъ въ томъ, какъ онъ все узнаетъ? и узнаетъ первый и изъ первыхъ рукъ. Что побывать у него считаютъ какъ бы долгомъ всѣ отправляющіеся за границу, въ особенности въ Лондонъ,—почти не тайна» («Рус. Вѣстникъ» 1901, VIII, 420).

Любопытно, что въ «Unser Zeit» 1859 г. дана такая общая оцѣнка Герцена: «Между политическими писателями нашего времени Герценъ занимаетъ одно изъ самыхъ интересныхъ и значительныхъ мѣстъ... Онъ стоитъ на рубежѣ между русской и нѣмецкой литературой и ему удалось, благодаря энергіи, которую онъ заимствовалъ у нихъ, оказать вліяніе и на французскую и на англійскую литературу. Въ немъ удивительнымъ образомъ концентрируется космополитическій духъ нашего времени. Гете могъ бы видѣть въ его дѣятельности одно изъ самыхъ поразительныхъ доказательствъ предсказанной имъ міровой литературы будущаго. Изъ Лондона этотъ человѣкъ оказываетъ такое вліяніе на Россію, какого до сихъ поръ не знала публицистическая литература вообще, и, слѣдовательно, что онъ дѣлаетъ для Россіи, будетъ въ то же время достояніемъ остальной Европы». Нѣмецкій журналъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи замѣтить, что, такъ какъ первое произведеніе Герцена появилось на нѣмецкомъ (?) языкѣ, и въ немъ выражены нѣмецкія мысли и чувства, то «его практи-

ческая дѣятельность принадлежитъ Россіи, а литературныя за-
слуги—Германіи. Герценъ и по происхожденію наполовину нѣ-
мецъ» (1859, в. III).

Исходя изъ оцѣнки громадной силы Герцена въ Россіи, дру-
гой нѣмецкій публицистъ, уже позже, упрекалъ Герцена за то,
что онъ не вернулъся на родину, чтобы на мѣстѣ оказывать еще
большее вліяніе на государя именно въ то время (Grosberg «Leip-
ziger Neueste Nachrichten» 1912, 5 april).

Для характеристики отношенія къ Герцену русской молодежи
приведу письмо «Украинки»:

«Искандеръ! Всѣмъ хорошо извѣстно, что Вы нуждаетесь въ
какихъ бы то ни было поощреніяхъ или одобреніяхъ такъ же
мало, какъ и въ успокоеніи души Вашей, о которомъ говорила
Вамъ одна русская дама; но, несмотря на это, я непременно хочу
сказать Вамъ, что журналъ Вашъ съ жадностью читается во всей
Россіи, читается даже нами, восемнадцатилѣтними дѣвушками; что
и мы ждемъ отъ Васъ заповѣди, изъ которой бы и мы научились
быть посылно полезными нашему народу, такъ долго страдавшему
и теперь еще страждущему отъ невѣжества. Скажу Вамъ не изъ
хвастовства и не изъ желанія показать, что я дѣлала то, чего не
дѣлали другіе, а просто потому, что занятія мои сдѣлали меня
нѣсколько опытною въ дѣлѣ, о которомъ я хочу говорить,—скажу,
что вотъ уже нѣсколько лѣтъ (я начала эти занятія, еще будучи
ребенкомъ), какъ мнѣ вздумалось по возможности развивать на-
шихъ крестьянъ: сначала я принялась за дѣтей; каждый день ихъ
прибавлялось все больше и больше, потомъ стали приходиться и
взрослые. Не дальше, какъ недѣли черезъ двѣ, каждый день по
окончаніи работъ, въ сумеркахъ, къ мнѣ собиралось множество
народа и съ жадностью слушали меня. Такому успѣху я, несо-
мнѣнно, была обязана тому, что не стѣсняла ихъ, не давала имъ
уроковъ, и только дѣтей забавляла, играя съ ними, научила читать
и думать; а со взрослыми разговаривала и старалась всѣми силами
заставить ихъ разсуждать. Слушавшихъ меня нельзя было и срав-
нивать съ учениками школъ, заведенныхъ въ нѣкоторыхъ по-
мѣстичьихъ имѣніяхъ, гдѣ важную роль играли разнаго рода
лишенія, наказанія; гдѣ уже одинъ видъ лавокъ, линейекъ, лосокъ
и строгое обращеніе учителя-педанта наводятъ какой-то панической
страхъ на свободную натуру нашего мужичонка. А перспектива проси-
дѣть нѣсколько часовъ, не перемѣняя положенія, слушая, что приказы-
ваютъ, что вовсе неинтересно и чего радъ бы въ жизни никогда
не слышать,—чего все это стоитъ существу лѣнивому, не привык-
шему ни къ какому умственному принужденію.

«Скажите нашимъ барышнямъ, что всему этому виною онѣ; что женщина, право,—существо слишкомъ разумное, чтобы жить такъ пусто и бесполезно, какъ большая часть нашихъ дѣвушекъ живетъ въ ожиданіи жениховъ. Научите ихъ быть людьми, научите стыдиться своего нравственнаго и умственнаго преимущества передъ крестьянами, а не гордиться этимъ преимуществомъ. Укажите имъ способъ снизить до понятій мужичковъ, чтобы было легче поставить ихъ наравнѣ съ собой. Научите заниматься ихъ дѣтьми, заниматься ими съ любовью, интересовывать ихъ свѣжіе, нетронутые воспримчивые умы, открыть имъ лучшую сторону ихъ существованія, опредѣлить имъ разницу между ними и животными, разницу, которую наши предки такъ долго старались уничтожить. Развѣ это не прямая наша обязанность. насъ, дѣвушекъ, не связанныхъ еще обязанностями жены и матери? Мы должны этому дѣлу посвятить всѣ наши способности, силы, всю нашу волю, чтобы хоть этимъ заплатить долги нашихъ бабушекъ, считавшихъ и труды, и душу, и сердце, и умъ, и имущество своихъ крестьянъ своею собственностью и распоряжавшихся всѣмъ этимъ, какъ своею вещью. Говорите! мы слушаемъ Васъ, мы ждемъ отъ Васъ слова, какъ въ засуху ждуть дождя, какъ корабли, стоящіе на якорѣ, ждуть вѣтра. Пошлите же намъ свѣжій дождь, оживите наши поля и сорвите наши корабли съ якорей попутнымъ вѣтромъ! Говорите, Искандеръ! Вамъ внемлетъ вся Россія, за исключеніемъ развѣ нѣсколькихъ старцевъ душою, закостенѣлыхъ въ своихъ вѣковыхъ предрасудкахъ и ни за что не соглашающихся отстать отъ нихъ; но борьба съ ними не страшна для насъ; бороться можно только съ равнымъ себѣ врагомъ, а у этихъ господъ нѣтъ убѣжденія, у нихъ есть только удорство; что значитъ оно передъ громадной силой нашего убѣжденія? Оставьте мертвымъ погребать своихъ мертвецовъ, а мы пойдемъ впередъ къ свѣту чистой, святой истины. Пишите, — Васъ слушаютъ; каждое Ваше слово отзовется въ сердцахъ миллионовъ, отзовется своею несомнѣнною правдою, яркою, какъ свѣтъ солнца у насъ на Востокѣ. Вы для насъ дороги, какъ наша совѣсть, какъ залогъ нашего будущаго счастья; уже по этому одному Вы должны обратить вниманіе на просьбу, на мое требованіе. Вы къ этому обязались Вашею любовью къ той самой Россіи, которую я люблю и въ будущее которой вѣрую» («Житѣ і Слово» 1895, III).

1305. Графъ Строгановъ, шпицрутены и штабсъ - капитанша Баранова.

Вотъ что намъ пишутъ въ пополненіе помѣщеннаго нами въ прошломъ листѣ «Колокола» о безчеловѣчномъ вмѣшательствѣ одесскаго Строганова въ дѣло о Кандыбѣ.

«Еще въ прошломъ году графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ почувствовалъ потребность, съ своей стороны, заявить что-нибудь въ пользу крестьянъ, объ улучшеніи быта которыхъ всѣ хлопочутъ,—именно, онъ хотѣлъ ввести наказаніе ихъ *шпицрутенами*. Онъ предлагалъ, чтобы крестьянъ за *всѣ преступленія и проступки противъ помѣщиковъ*, въ видахъ охраненія государственнаго спокойствія, судить не *обыкновеннымъ* граждански-уголовнымъ, а *военнымъ* судомъ и наказывать не разгами или плетьюми, а *шпицрутенами*; что при настоящемъ порядкѣ разсмотрѣнія дѣлъ о подобныхъ преступленіяхъ, *не явственно для крестьянъ вмѣшательство въ дѣла суда правительства* ¹⁾; между тѣмъ, какъ военный судъ *болѣе другихъ судовъ удовлетворяетъ необходимости при настоящей приготовленности крестьянъ къ свободѣ, разсматривать съ надлежащимъ безпристрастіемъ подобныя дѣла и часто соображать такія обстоятельства, принятіе которыхъ не входитъ въ кругъ обязанностей судебныхъ мѣстъ* ²⁾. Къ счастью, въ это время Ланской и даже Сухозанетъ пришли къ совершенно противоположному убѣжденію: они нашли, что лицъ гражданскаго вѣдомства вообще не слѣдуетъ судить военнымъ судомъ, и ходатайство графа Строганова оставлено безъ послѣдствій».

Каковъ Аракчеевъ! и какое счастье, что бодливой коровѣ Богъ рогъ не даетъ! Его мы не зовемъ подъ обыкновенный судъ, его мы зовемъ подъ *верховный судъ Россіи, потомства, исторіи!* Да, дѣти, юноши, не забудьте, что въ 1859 году нашелся въ Россіи человекъ, принадлежащій къ хорошему роду, получившій образованіе, бывшій въ связяхъ съ декабристами, жившій столько лѣтъ за границей и который при первомъ тепломъ вѣтрѣ, обещающимъ намъ весну, нашель въ своей черной душѣ не только развратную мысль объ увеличеніи тѣлес-

¹⁾ Изъ представленія гр. Строганова министру внутреннихъ дѣлъ.
А. И. Г.

²⁾ Изъ представленія гр. Строганова министру внутреннихъ дѣлъ.
А. И. Г.

ныхъ наказаній, но нашель силу, цинизмъ ее высказывать, ее положить.

Читая о лицахъ, которыхъ челоѳическая кровь пьянила, которые наслаждались пытками, изобрѣтали ихъ, смотрѣли на судороги смерти, вслушивались въ крики боли, читая о нихъ въ лѣтописяхъ Тацита, въ сказаніяхъ объ инквизиціи, вы, вѣрно, думали, свободно вздыхая, какъ послѣ кошмара, что такихъ людей больше нѣтъ. Вы ошиблись.

Посмотрите же на Строганова, не забывайте черты этого челоѳка: *онъ предложилъ въ Россіи усилить тѣлесныя наказанія крестьянамъ въ 1859 году!*

Отчего? Оттого, что онъ помѣщикъ, а помѣщикъ привыкъ, какъ мясникъ на бойнѣ, къ истязанію людскому, къ воплю, къ синимъ пятнамъ и къ блѣдному челу засѣченнаго, который только его стращаетъ судебной отвѣтственностью!

Вотъ *выписка* изъ слѣдствія о безчелоѳичномъ поступкѣ жены штабсъ-капитана Барановой съ находившейся у нея въ услуженіи крѣпостною дѣвушкою отца ея Елизаветою Андреевою. Эта Баранова заслуживаетъ стоять между Кандыбой и Строгановымъ ¹⁾.

1306. Письмо къ сыну.

14 декабря (1859).
Park House, Fulham.

Любезный Саша, что касается до именинъ, равно не надобно быть педантомъ ни въ ту, ни въ другую сторону. Не надобно ни придавать важности формальному дѣлу, ни обдуманно уничтожать. Праздники, собственно, установлены для рабочихъ людей,—необходимый перерывъ работы и отдыхъ. Праздники домашніе собираютъ семью; періодическая необходимость воспоминанія, періодическая встрѣча близкихъ въ одинъ и тотъ же день имѣетъ свою поэзію. Примѣръ Фогтовъ во многомъ хорошъ, но не думаю, чтобы всему слѣдовало подражать. Будемъ сами собой. К. Фогтъ не вѣритъ въ христіанство, а дѣлалъ съ увлеченіемъ дерево ²⁾ къ 25 дек.

Теперь къ философскому вопросу. Есть разные образы незнанія. Можно не знать вещь *положительно*, то-есть не знать, *что она*, но знать отрицательно ее *qu'elle n'est pas* ³⁾.

¹⁾ Дальше идетъ самая выписка.

²⁾ Т.-е. «елку».

³⁾ Чтò она не есть.

Примѣръ: человекъ видитъ въ первый разъ часы; отчего двигается стрѣлка, онъ этого не знаетъ, но когда ему кто-нибудь скажетъ: оттого, что у часовъ *бьется сердце*, то онъ прямо отвѣтитъ: *это вздоръ*. Если же ему кто-нибудь скажетъ, что это особая *часовая сила*, онъ его только собьетъ, но ему будетъ легче принять, чѣмъ существованіе сердца въ золотомъ ящикѣ.

Не то трудно объяснить, какъ пріятель хочетъ видѣть другого, а то, какъ вообще живой организмъ чувствуетъ себя и не себя, то, что ему нравится, и то, что ему противно. Однажды понимая сознание, рядомъ психологическихъ наблюденій дойдешь до всего.

Впрочемъ, не думай, чтобъ тебѣ легко было спорить съ поврежденными прежде, чѣмъ ты займешься сколько-нибудь философией и діалектикой.

Что касается до медицинскихъ занятій, я съ тобою согласенъ и, въ сущности, порядкомъ не знаю, почему тебѣ рекомендовали вмѣсто физики и математики это занятіе.

Сегодня Девиль прививаль Татѣ и Лизѣ оспу.

Книгу патологическую, о которой ты спрашиваешь, онъ не то чтобъ очень хвалилъ. Вотъ тебѣ и все на сей разъ.

Въ Фрибургъ напишу.

Прощай и будь здоровъ.

15 декабря.

- Всѣ здоровы.

1307. Правила для студентовъ московскаго университета.

Эту подлюю, іезуитскую, полицейскую мерзость прочли мы съ глубокимъ, глубокимъ горемъ. Мы привыкли съ юности къ любви, къ уваженію нашего университета и царскосельскаго лица. При имени московскаго университета бьется наше сердце, и вдругъ видѣтъ его опозореннымъ какими-то пошлецами, сидящими въ его совѣтѣ.

Они свои приказанія выставляютъ въ видѣ объявленія при входѣ въ аудиторію. Мы ихъ «правила» выставляемъ у позорнаго столба...

А. Общія постановленія.

1. Студентомъ московскаго университета признается только тотъ, кто имѣетъ отъ университетскаго начальства установленную табель.

2. Какъ гражданинъ и вѣрноподданный, студентъ долженъ повиноваться безпрекословно всѣмъ общимъ гражданскимъ постановленіямъ и не имѣетъ права, какъ и всѣ прочіе подданные, отговариваться незнаніемъ закона ¹⁾).

3. Кромѣ общихъ гражданскихъ законовъ, студентъ обязанъ соблюдать и безпрекословно исполнять постановленія университетскаго начальства, которыя ему и излагаются въ этихъ правилахъ для руководства..

Б. Обязанности студентовъ.

§ 1. Казенные и своекоштные студенты, православнаго и другихъ христіанскихъ исповѣданій, должны говѣть и пріобщаться св. Тайнъ ежегодно и объ исполненіи этой важнѣйшей обязанности представлять своевременно инспектору законныя письменныя свидѣтельства ²⁾).

§ 2. Студенты обязаны посѣщать лекціи всѣхъ предметовъ, которые показаны у нихъ въ табели ³⁾).

§ 3. Студенты должны заблаговременно ⁴⁾ собираться въ аудиторіяхъ, въ которыхъ назначено по расписанію чтеніе лекцій, и ожидать въ нихъ профессора; не производить сборищъ, не говорить рѣчей, *могущихъ* нарушить порядокъ и тишину, которые должны быть соблюдаемы постоянно.

§ 4. Во время лекцій студенты должны сохранять глубокое молчаніе; не должны позволять себѣ входить въ аудиторію, когда уже профессоръ началъ чтеніе, или же выходить изъ нея безъ крайней необходимости ⁵⁾); не должны подниматься съ своихъ мѣстъ, послышавъ звонокъ, когда еще профессоръ не окончилъ чтенія; студенты другихъ курсовъ не должны отворять двери и входить въ аудиторію, когда еще профессоръ не окончилъ чтенія.

¹⁾ Одно только положеніе изъ свода законовъ почерпнулъ ученый совѣтъ и именно самое недобросовѣстное изъ всѣхъ. А. И. Г.

²⁾ А что же должны дѣлать студенты изъ мусульманъ и евреевъ?
А. И. Г.

³⁾ А табель дается насильно или нѣтъ? Учащійся воленъ или неволенъ выбирать предметы для изученія и профессоровъ? Ученый совѣтъ хочетъ убить всякую самобытность, дрессировать въ науку такъ, какъ дрессируютъ собакъ, такъ, какъ при Николаѣ воспитывали кадетъ. А. И. Г.

⁴⁾ Школьно и недо тожно университета. А. И. Г.

⁵⁾ Считается ли большая или малая нужда крайней необходимостью? Физиологія насъ учить, что малая-то нужда и есть большая? А. И. Г.

§ 5. Студенты не должны позволять себѣ никакихъ выражений одобрения или неодобрения относительно профессорскаго чтенія ¹⁾.

§ 6. Въ случаѣ *законныхъ* своихъ желаній, должны обращаться съ просьбами къ декану, ректору, попечителю.

§ 7. Непремѣнно должны быть въ назначенное время на годичныхъ экзаменахъ; законною причиною неявки считается болѣзнь, о которой своевременно было донесено и дѣйствительность которой засвидѣтельствована подписью студенческаго врача ²⁾. Неявившіеся къ экзаменамъ по законной причинѣ могутъ быть допускаемы къ нимъ въ августѣ мѣсяцѣ, но не иначе, какъ по всѣмъ предметамъ своего курса; неявившіеся безъ законной причины, къ новымъ испытаніямъ не допускаются и считаются не выдержавшими экзамена.

§ 8. Для перевода на высіе курсы студентъ долженъ имѣть въ общемъ выводѣ балловъ по *всѣмъ предметамъ* курса не менѣе 3-хъ, при томъ въ *факультетскихъ предметахъ* ³⁾, по крайней мѣрѣ $3\frac{1}{2}$, а въ каждомъ не менѣе двухъ. Для полученія званія дѣйствительнаго студента, по всѣмъ специальнымъ предметамъ требуется общій балъ $3\frac{1}{2}$, а для степени кандидата $4\frac{1}{2}$.

§ 9. Студенты, начиная со второго курса, заслуживающіе вниманіе начальства по своимъ отличнымъ успѣхамъ и *доброй нравственности* ⁴⁾, сообразно утвержденнымъ постановленіямъ, могутъ быть приняты на казенное содержаніе, получать положенныя благотворительныя стипендіи и единовременныя пособія; просьбы объ этомъ должны быть подаваемы студентами деканамъ факультетовъ.

§ 10. Для пользованія книгами университетской и студенческой бібліотекъ студенты должны обращаться къ инспектору съ просьбой о выдачѣ особо заведенныхъ для сего печатныхъ листовъ, по которымъ производится для нихъ выдача книгъ бібліотекаремъ ⁵⁾.

¹⁾ Очевидно, сдѣлано въ пользу дураковъ, скверно читающихъ лекціи.

А И Г.

²⁾ А если у студента мать умираетъ въ деревнѣ, куда студенческой врачъ не достигаетъ? Отцы семейства не домекнулись. А И Г.

³⁾ Стало быть, для перевода на другой курсъ студента филологіи нужно имѣть 3 балла изъ математики: или что такое? Какая разница между *всѣми* предметами курса и *факультетскими*? Ученый совѣтъ даже не можетъ логически и грамотно объясниться. А И Г.

⁴⁾ Доброй нравственности,—съ какой точки зрѣнія? Съ точки зрѣнія Никиты Крылова или Тимашева? А И Г.

⁵⁾ Во всей Европѣ, гдѣ есть бібліотека при университетѣ, тамъ бібліотекарь студентамъ даетъ книги: для чего эти затрудненія, что за печатные листы, визы инспектора? А И Г.

§ 11. Каждый своекоштный студентъ за право слушанія лекцій обязанъ вносить ежегодно по пятидесяти р. с. Сроки для вноса полугодовой платы назначаются: 1-го января и 1-го юля, и считаясь этихъ чиселъ, платежъ производится всегда за полгода впередъ, хотя бы представившій плату поступилъ и не въ началѣ полугодія. Вновь поступающій представляетъ полугодовую плату при самомъ приѣмѣ, а прочіе не—позже, какъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ, считая отъ начала полугодія. Не внесшіе своевременно платы увольняются изъ университета съ обозначеніемъ въ выдаваемыхъ имъ свидѣтельствахъ причины увольнения. На основаніи утвержденныхъ правилъ, плата можетъ быть уменьшена въ половину или вовсе не взиматься, только съ разрѣшенія попечителя московскаго учебнаго округа ¹⁾).

§ 12. Подъ опасеніемъ взысканія предписывается студентамъ соблюдать установленную форму ²⁾).

§ 13. При встрѣчѣ съ особами императорской фамиліи студенты должны отдавать честь, становясь во фронтъ и прикладывая правую руку къ шляпѣ ³⁾).

§ 14. Сохраняя честь носимаго мундира, студенты должны всегда и вездѣ служить образцомъ *благородства и вѣжливости*, строго соблюдать правила порядка и оказывать должное уваженіе къ *мѣсту* и лицамъ ⁴⁾).

§ 15. Всѣ приказанія и распоряженія начальства, касающіяся до студентовъ, выставляются въ видѣ объявленій при входѣ въ аудиторію. Каждый студентъ обязанъ знать объявленія и, въ случаѣ неисполненія отданныхъ въ нихъ *приказаній*, не можетъ оправдываться незнаніемъ ⁵⁾).

§ 16. При полученіи билетовъ на свободное жительство въ Москвѣ и отпускныхъ въ другіе города, студентъ обязанъ запи-

¹⁾ Эти гнусныя распоряженія принадлежатъ ко времени николаевскаго гоненія. Тутъ важны не деньги, но затрудненіе и затрудненіе, дѣлаемое именно бѣднымъ; тутъ лицемѣріе, безнравственность и варварство спорятъ другъ съ другомъ. А. И. Г.

²⁾ Надѣтъ бы уже разомъ на студентовъ голубой мундиръ и сдѣлать Липранди попечителемъ. Оно было бы подло, но откровенно. А. И. Г.

³⁾ Лучше шляпу къ правой рукѣ! А. И. Г.

⁴⁾ Экой вздоръ, экая галиматья! А. И. Г.

⁵⁾ Отданныхъ приказаній! Макъ-Магонъ, Бурбаки—да и только. Такъ я и вижу Аркадія Алексѣевича ⁶⁾ маршаломъ и Никиту Крылова флигель-адъютантомъ, несущимся на конѣ *отдавать приказанія* университетскому сторожу. А. И. Г.

⁶⁾ Альфонскій.

сать въ особую книгу мѣсто своего жительства и, въ случаѣ перемѣны, немедленно увѣдомить объ этомъ канцелярію инспектора.

§ 17. Въ аудиторіяхъ, клиникахъ, кабинетахъ и вообще въ университетскихъ зданіяхъ студенты подчиняются университетской полиціи ¹⁾.

§ 18. По положенію комитета г. министровъ, высочайше утвержденному, студенты внѣ университетскихъ зданій пользуются правами наравнѣ съ прочими гражданами и подчиняются полицейскимъ установленіямъ и надзору полиціи на общемъ основаніи. Въ случаѣ задержанія студентовъ за преступленія или проступки, подлежащіе судебному разсмотрѣнію, полиція немедленно увѣдомляетъ о томъ университетское начальство для командированія къ слѣдствію депутата отъ университета.

§ 19. Въ университетскихъ зданіяхъ и на дворахъ ихъ студентамъ курить не позволяется ²⁾.

§ 20. Студентъ обязанъ имѣть постоянно при себѣ табель и предъявлять по требованію инспекціи или мѣстной полиціи ³⁾.

§ 21. Въ собственныхъ частныхъ дѣлахъ студенты могутъ обращаться за совѣтомъ къ лицамъ, принадлежащимъ университету ⁴⁾.

В. Отвѣтственность студентовъ за проступки.

§ 22. Какъ за несоблюденіе общихъ гражданскихъ постановленій студенты подлежатъ наравнѣ съ прочими гражданами общему гражданскому суду, такъ и за несоблюденіе университетскихъ постановленій судятся университетскимъ начальствомъ.

§ 23. Проступки студентовъ состоятъ или въ нарушеніи внѣшняго порядка и правилъ благоприличія и подчиненности, или въ открыто безнравственныхъ дѣйствіяхъ, не соотвѣтственныхъ ни съ понятіями собственнаго достоинства, ни съ понятіями чести.

¹⁾ Что такое за полиція? Это—нововведеніе, не бывшее даже при Николаѣ. Инспекторъ студентовъ до сихъ не считалъ еще себя ни кварталнымъ, ни будочникомъ; теперь ни одинъ порядочный человѣкъ не пойдетъ въ инспекторы студентовъ. О, Платонъ Степанычъ Нахимовъ! хорошо, благородный человѣкъ, что вы умерли; теперь пришлось бы вамъ съ глубокой скорбью итти въ отставку, чтобъ не сдѣлаться жандармомъ. А. И. Г.

²⁾ Когда это у насъ табачный дымъ выйдетъ изъ подозрѣнія въ либерализмъ? А. И. Г.

³⁾ И спать съ табелью? А. И. Г.

⁴⁾ Напримѣръ, если студентъ хочетъ купить корову, онъ можетъ совѣтоваться съ ректоромъ или даже самимъ Исаковымъ ⁵⁾. А. И. Г.

⁵⁾ Николай Васильевичъ, генералъ, попечитель москов. учебн. округа.

§ 24. Къ первому роду относятся:

1. Несоблюденіе установленной формы.
2. Необъясненіе инспектору о мѣстѣ жительства, квартированіе въ неприличныхъ и подозрительныхъ мѣстахъ ¹⁾ и самовольныя отлучки изъ города

3. Ослушаніе университетской полиціи.

4. Несоблюденіе правилъ приличія въ аудиторіяхъ.

Виновные въ этихъ проступкахъ подвергаются: въ 1-й разъ—замѣчанію со стороны инспекціи, въ 2-й разъ—выговору въ присутствіи правленія и въ 3-й разъ—увольненію изъ университета по прошенію.

5. Участіе въ студенческихъ сходбищахъ, для какой бы то ни было цѣли, безъ вѣдома инспектора.

6. Произнесеніе публичныхъ рѣчей безъ дозволенія начальства.

7. Распространеніе злонамѣренныхъ сочиненій и ложныхъ слуховъ между товарищами и подстрекательство къ безпорядкамъ.

8. Неповиновеніе и грубость университетскому начальству.

9. Неуваженіе къ наставникамъ и неприличное обращеніе съ ними.

10. Предумышленное нарушеніе однимъ или многими тишины и пристойности въ аудиторіяхъ и другихъ университетскихъ собраніяхъ.

11. Предумышленное нарушеніе цѣлымъ курсомъ учебныхъ постановленій.

Виновные подвергаются, по сулу и опредѣленію правленія, смотря по важности проступка и произведеннаго безпорядка: увольненію изъ университета по прошенію или безъ прошенія, или же, въ случаяхъ особенно важныхъ—исключенію изъ университета ²⁾.

§ 25 Къ проступкамъ открыто безнравственнымъ причисляются:

1. Предумышленное поврежденіе, истребленіе и въ особенности похищеніе университетскаго имущества ³⁾.

2. Развратное поведеніе: пьянство, *оріи*, буйство и посѣщеніе предосудительныхъ мѣстъ.

¹⁾ Подъ этимъ, кажется, разумѣются квартиры, отдаваемыя въ наемъ студентамъ профессорами А. И. Г.

²⁾ Какимъ же образомъ университетскій совѣтъ становится въ своемъ дѣлѣ судья? Отчего же за проступки не судить просто по обычнымъ законамъ? Вѣдь еще не извѣстно, кто правъ, кто виноватъ—совѣтъ или студентъ. А. И. Г.

³⁾ Воровство?—да на это есть XV т. свода законовъ; студентъ ли украдетъ что-нибудь, или профессоръ—все равно. А. И. Г.

3. Безчестіе и оскорбленіе лицъ женскаго пола и

4. Безчестіе, дерзкое и тяжкое оскорбленіе товарища или лица. подвѣдомственнаго университету¹⁾, словами или дѣломъ.

Эти проступки совершенно *несовмѣстны съ званіемъ студента* и сами собою разрушаютъ его, вслѣдствіе чего они влекутъ за собой немедленное исключеніе изъ университета.

§ 26. За несоблюденіе общей христіанской обязанности говѣнія и причащенія св. Тайнъ во время великаго поста, студенты подвергаются: въ 1-й разъ—замѣчанію со стороны инспектора, во 2-й разъ—выговору въ присутствіи правленія и въ 3-й разъ—увольненію изъ университета по прошенію.

Примѣч. 1. Подъ несоблюденіемъ религіозныхъ обрядовъ въ 1-й разъ должно разумѣть неговѣніе въ великій постъ, во 2-й — неговѣніе, послѣ сдѣланнаго замѣчанія инспекторомъ, и, наконецъ, въ 3-й — неисполненіе этого долга и послѣ выговора въ присутствіи правленія²⁾.

Примѣч. 2. Замѣчанія и выговоры записываются въ особую установленную книгу и принимаются въ соображеніе при удостоеніи студентовъ ученыхъ званій и степеней.

Примѣч. 3. Съ выговоромъ въ присутствіи правленія всегда соединяется и лишеніе стипендіи для получающихъ ее³⁾.

Примѣч. 4. Форма студентовъ заключается въ слѣдующемъ: Въ присутствіи особъ императорской фамиліи студенты должны быть въ мундирахъ; также въ мундирахъ должны являться къ попечителю округа, помѣщику его и ректору (если представляются не по требованію, а по собственной надобности). Равнымъ образомъ должны быть въ мундирахъ на университетскомъ актѣ, въ собраніяхъ и маскарадахъ⁴⁾.

Во всѣхъ же прочихъ случаяхъ и на лекціяхъ въ университетѣ студенты могутъ быть разстегнуты, на улицахъ же должны быть всегда застегнуты⁵⁾.

Ношеніе формы должно строго сообразоваться съ утвержденными образцами и выполняться установленнымъ порядкомъ. Волосы

¹⁾ А лица, не подвѣдомственнаго университету, можно?... Шалуны вы ждите, не скрыли боязни за себя—и срѣзались А. И. Г.

²⁾ Что за средневѣковая, католическая цивилизація! А. И. Г.

³⁾ Видите, какъ они пуще всего преслѣдуютъ бѣдность... Ты бѣдень—въ бараній рогъ тебя. Да и зачѣмъ бѣдному учиться? А. И. Г.

⁴⁾ Что это — императорская фамилія на ряду съ маскарадомъ? Это страшно читать,—ну, какъ это дойдетъ до III Отдѣленія? А. И. Г.

⁵⁾ Чтобъ не простудиться. А. И. Г.

имѣтъ *коротко остриженными*; ношеніе усовъ, бородъ, эспань-локъ воспрещается. Трости носить также воспрещается ¹⁾).

Всякое отступленіе отъ указанной формы считается нарушеніемъ университетскаго постановленія.

Кто изъ профессоровъ подписалъ эти правила? Давайте ихъ имена сюда въ «Колоколъ», чтобы всѣ могли съ омерзениемъ указывать на нихъ пальцемъ!

А кто изъ профессоровъ протестовалъ? Неужели никто?... Быть не можетъ! Давайте намъ и эти имена, чтобы вынуть ихъ чистыми изъ ямы.

Что они сдѣлали изъ университета, всѣ эти доктринеры, проповѣдывавшіе о строгости вступительныхъ экзаменовъ? Они сыграли въ руку Тимашеву! Изъ 500 экзаменовавшихся принято только 152 человѣка. Доктринаризмъ изъ факирства передъ наукой забылъ, что многіе, вступая въ университетъ съ плохими свѣдѣніями, въ продолженіе курса выходятъ отличными студентами. Доктринаризмъ забылъ, что въ германскихъ университетахъ вовсе нѣтъ вступительныхъ экзаменовъ, но при выпускѣ экзамены строги, что совершенно справедливо: нельзя дать дипломъ невѣждѣ и право на ученое званіе или мѣсто по службѣ.

Правительство изъ николаевской маніи трусомъ дрожить передъ какимъ-то *вольнымъ духомъ*; правительство забыло, что чѣмъ больше учащихся въ университетахъ, тѣмъ больше у него хорошихъ чиновниковъ, хорошихъ офицеровъ, и что для того, чтобы не бояться *вольнаго духа*, не науку надо гнать, а надо сдѣлаться просвѣщеннымъ правительствомъ—и только. Правительство забыло, что съ системой стѣсненія образованія оно дошло до гаденія Севастополя, потому что правительству, стѣсняющему образованіе, кромѣ дураковъ и воровъ, никто служить не станетъ.

Кто сочинялъ «правила для студентовъ»? Никита Крыловъ? Аркадій Альфонскій? Или самъ попечитель? Или самъ оберъ-форъшнейдеръ ²⁾? Или самъ добродѣтельный Ковалевскій? Дайте намъ имя автора—къ позорному столбу!

Пусть оберъ-форъшнейдеры рѣжутъ жаренаго зайца, но да не смѣютъ они зарѣзывать русское юношество, которое еще, быть можетъ, составитъ славу нашего времени.

¹⁾ Это хорошо, а то, въ самомъ дѣлѣ, какъ же не дать по 50 палокъ такимъ предателямъ юношества. А. И. Г.

²⁾ Н. А. Мухановъ.

Выставляя на позоръ профессоровъ или министерство просвѣщенія, или министерство и профессоровъ, мы нисколько не думаемъ возбуждать студентовъ къ нетерпимости. Напротивъ того, мы приглашаемъ ихъ къ доблестному спокойствію. Сила не въ судорожныхъ взрывахъ, которое обличаетъ только нервное разстройство, сила—въ крѣпкой мысли и спокойноиъ шествіи.

1308. О полковникѣ Таубе.

По поводу «Отчета о послѣдствіяхъ ревизіи царскосельской желѣзной дороги», помѣшеннаго во 2 листѣ „Подъ Судь!», мы получили письмо, сильно защищающее благонамѣренность полковника Таубе; спѣшимъ сообщить это нашимъ читателямъ, но удивляемся, что г. Таубе оставилъ безъ объясненій «Отчетъ», бросающій на дѣйствія его весьма неблагопріятную тѣнь; лучше бы ему было откровенно сознаться въ своихъ недосмотрахъ и промахахъ, чѣмъ молчать. Листы наши открыты постоянно всѣмъ, желающимъ прислать какое угодно объясненіе, поправку...

1309. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 декабря 1859.
Park House, Fulham.

Вѣроятно, вы получили «Колоколъ» (59 №) и, стало, прочли мою заключительную статью. Теперь и скажите, ясно или нѣтъ, логично или нѣтъ, но безъ московскихъ вліяній. Сверхъ того, я забылъ васъ спросить, какъ въ прошломъ № понравился отвѣтъ Елагину? надѣюсь, что вы Рейхелю перевели. Теперь я начинаю новый крестовый походъ; помолитесь дрезденской Мадоннѣ. Вы знаете, вѣроятно, что высшее дворянство старается всѣми мѣрами Ал. Ник. перетянуть къ себѣ и, между прочимъ, хотятъ «Думу». Безобразовъ Мих. ¹⁾ сосланъ, Орлова-Давыдова ²⁾ тоже хотѣли сослать etc.. Tout bien considéré ³⁾. Я имъ бросаю перчатку на жизнь и смерть; все лучше, чѣмъ барская олигархія.

¹⁾ Михайлъ Александровичъ, удаленъ въ свои имѣнія въ Пермской губ.

²⁾ Гр. Владиміръ Петровичъ.

³⁾ Все хорошо обдуманно.

Вотъ вамъ и рапортъ.

На дняхъ Татъ привирали оспу (здѣсь она свирѣпствуетъ), но не принялась. А что удивительнѣе, что вмѣстѣ привали Лизъ, въ третій разъ, и опять не принялась, а еще оспу выписывали изъ Парижа.

Отъ Тат. Петр. получили письмо съ подроб. объ Алексѣѣ Александровичѣ. Въ нихъ меня всего больше удивило, что Ол. Макс. ¹⁾ жива,—ей за 80 лѣтъ, назѣрное.

Если вамъ придется писать въ Россію, то скажите Егору Ив., что всякій разъ, когда Ник. Мих. ²⁾ ему будетъ доставлять деньги, то это для Аксиньи Ивановны.

Огар. благодарятъ за письма и не могутъ понять, что значить эта посылка ихъ въ Дрезденъ? видно, запрещено.

Прощайте.

Обнимаю всѣхъ вашихъ.

1310. Письмо къ М. А. Марковичъ.

26/14 декабря 59 г.
Park House, Fulham.

Здравствуйте, Марія Александровна.—Собигаюсъ васъ поздравить съ новымъ десятилѣтіемъ да еще въ какой день—14 декабря! Съ тринадцатилѣтняго возраста я святить этотъ день нашего нравственнаго Рождества. 35 годъ наступаетъ съ тѣхъ поръ!..

Увлеченный календарями, я вмѣсто письма, начинаю археографическую статью, ее можно написать цифрами и складомъ. Это—несчастіе стариковъ, а съ будущаго года я по всѣмъ правамъ вступаю въ ихъ почтенную, беззубую, сѣдую среду.

Правильно ли вы получили „Колоколь“? Я посылалъ въ день выхода; притомъ скажите совершенно откровенно о двухъ послѣднихъ статьяхъ о нѣмцахъ; я имъ придаю нѣкоторую цѣну.

На этомъ словѣ явилось ваше письмо, за которое благодарю.

Я въ переводѣ Библии ни прямо, ни косвенно не участвую, это—дѣло Трюбизонъ ³⁾, Библейскаго общества и одного добраго, бѣднаго литератора ⁴⁾, котораго я имъ рекомендовалъ. Во всякомъ

¹⁾ Олимпіада Максимовна Яковлева, мать «Химика».

) Сатинъ.

³⁾ Трюбнеръ.

⁴⁾ Василій Ивановичъ Кельсіевъ. ¹

случаѣ я считаю этотъ трудъ совершенно бесполезнымъ. Ну что намъ теперь за плачь съ ловомъ и за пророчества? здоровую пищу надобно для народа, а религиозныхъ кликушъ довольно было.

У насъ теперь предстоитъ новая борьба съ дворянствомъ,—я мнѣ услужилъ первымъ блиномъ къ новому году.

Итакъ, милости просимъ, ждемъ васъ въ Лондонъ, а пока прошу васъ отдать ¹⁾

◆◆ 1. Кельсіевъ учился въ петербургскомъ коммерческомъ училищѣ и тамъ развился подъ вліяніемъ писателя А. Е. Разина. Затѣмъ, поступивъ на службу Россійско-американской компании, сдѣлался вольнослушателемъ петербургскаго университета, гдѣ увлекся китайскимъ языкомъ, потомъ временно забросилъ его для естествознанія, снова вернулся къ китайской словесности, смѣнилъ ее на славянскую филологію и въ 1858 г. поѣхалъ по службѣ въ Ситху, думая заняться тамъ лингвистическими изысканіями. Добролюбовъ характеризовалъ его, какъ „человѣка, серьезно мыслящаго, съ сильной душой, съ жаждой дѣятельности, очень разнитога разнообразнымъ чтеніемъ и глубокимъ размышленіемъ“. По дорогѣ въ Ситху, благодаря болѣзни жены, онъ въ маѣ заѣхалъ въ Лондонъ и жилъ тамъ до осени 1859 г., когда рѣшилъ объявить себя эмигрантомъ. Продолжая жить въ Лондонѣ, Кельсіевъ давалъ Наташѣ Герценъ уроки русскаго языка и принялся за переводъ Библии, порученный ему Трюбнеромъ („Юбилейный сборникъ Литер. Фонда“, 317—318; „Матеріалы для біографіи Н. А. Добролюбова“, 320; Кельсіевъ «Перезжитое и передуманное», 115, 247—248, 311—312; Огарева «Воспоминанія», 160). Интересующіеся этой любопытной личностью найдутъ много интереснаго въ «Воспоминаніяхъ» Н. В. Шелдунова.

Переводъ сдѣланъ подъ псевдонимомъ «Вадима» и называется: «Библия. Священное писаніе Ветхаго и Новаго Завета, переведенное съ еврейскаго независимо отъ вставокъ въ подлинникъ и отъ его измѣненій, находящихся въ греческомъ и славянскомъ переводахъ», London, 1860; вышло 5 книгъ. Фирма Н. Трюбнера, возлагала на это изданіе большія надежды. Это видно изъ того, что при шести номерахъ „Колокола“ за 1859 г. она прилагала свои объявленія объ этомъ изданіи, въ которыхъ выясняла, какъ важенъ затѣянный ею переводъ.

Въ интереснѣйшемъ документѣ, оставленномъ Кальсіевымъ, какъ слѣдъ своего покаяннаго возвращенія въ Россію на милость монарха,—въ его обширной «Исповѣди», хранящейся въ бывшемъ

¹⁾ Дальше оторвано.

архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, находимъ нѣсколько фактическихъ данныхъ и объ изданіи «Библіи».

«Переводъ мой вышелъ плохъ. Во-первыхъ, мнѣ трудно было подыскивать русскія слова на каждое еврейское, а я задалъ себѣ задачу сдѣлать переводъ такимъ точнымъ, чтобы каждое еврейское слово во всемъ моемъ трудѣ передавалось только опредѣленнымъ разъ навсегда русскимъ. Для точности же я не измѣнялъ еврейскаго синтаксиса, жертвуя вѣрности красотою слога. Изъ этого у меня вышла маленькая непріятность съ Герценомъ. Когда набранъ былъ первый листъ, онъ ахнулъ неизяществу перевода и наотрѣзъ объявилъ, что онъ ни за что не допуститъ печатанія въ Лондонѣ такого безобразія, которое скомпрометируетъ репутацію Вольной русской типографіи. Какъ я ему ни объяснялъ разницу перевода литературнаго съ ученымъ, онъ стоялъ на своемъ, хоть и былъ совершенно не правъ, какъ человѣкъ, никогда не занимавшійся филологіей и не понимающій ея требованій: переводъ для изслѣдователей, для ученыхъ, какъ я предпринялъ, дѣлается всегда на условіяхъ совершенно отличныхъ отъ перевода, назначаемого для легкаго чтенія и для публики. Но, дѣлать было нечего, пришлось уступить «принципалу», какъ его въ шутку называлъ Огаревъ, и сдѣлать изъ перевода по одной системѣ переводъ по двумъ, что его окончательно погубило»... «Въ это же время изданъ былъ въ Лондонѣ «Стоглавъ». Русскіе журналы приписываютъ мнѣ это изданіе, въ чемъ я совершенно неповиненъ. Его напечаталъ бѣглый дьяконъ нашей аѳинской миссіи Агарій, грязная личность, оклеветавшая въ «Колоколѣ» своего архимандрита, надѣлавшая пропасть подлостей въ Лондонѣ и уѣхавшая на Востокъ. Въ Бейрутѣ Агарій былъ уніатомъ, но и тамъ перессорился съ о. Гагаринымъ; потомъ въ въ Александріи сдѣлался онъ почтальономъ, кажется, а гдѣ онъ теперь (1867 г.), не знаю. Рукопись «Стоглава» подарилъ ему князь Петръ Владиміровичъ Долгорукій».

Кстати, добавлю къ характеристикѣ Трюбнера, уже дѣлавшейся нѣсколько разъ.

«Каждый пріѣзжій естественнымъ образомъ прежде всего бѣжалъ къ Трюбнеру купить «Колоколъ», «Полярную звѣзду» и прочія заграничныя изданія. При этомъ выходила вѣчная комедія, очень льстившая Трюбнеру,—русскіе жали ему руку, благодарили его за дѣятельность для блага человечества вообще, а русскаго народа въ особенности. Они, въ простотѣ души, принимали чуть не за равнаго Мацини, а, во всякомъ случаѣ, за друга и за помощника Герцена. Трюбнеру это ужасно льстило, онъ самъ на себя начиналъ смотрѣть, какъ на замѣчательнаго человѣка, собирался (и

даже совѣта спрашивалъ), не будетъ ли полезно гравировать его портретъ для распространенія въ Россіи. Онъ думалъ, что это будетъ содѣйствовать развитію оппозиціи. Я разъ, въ шутку, выпыталъ у него признаніе въ надеждѣ, что благодѣтельствованный имъ русскій народъ, рано или поздно, поставитъ ему памятникъ. Въ сущности, Трюбнеръ—добрый малый, ловкій издатель и агентъ американскихъ книгъ, челоѣкъ практически неглупый и очень оборотливый. На лондонскихъ изданіяхъ онъ нажилъ большія дѣньги единственно умѣніемъ распространить ихъ на континентѣ. Наконецъ, онъ имѣлъ безусловное довѣріе къ Герцену и Огареву, а потомъ ко мнѣ, такъ что брался издавать все безусловно, что только мы ему предлагали: по-русски онъ не зналъ ни слова, объ Россія понятія не имѣлъ» («Исповѣдь»).

1311. Письмо къ сыну.

(27 декабря 1859).

Вчера у насъ были моряки; Тхор. и Чернецк. праздновали память 14 декабря. Тридцать пятый годъ пошелъ. Замѣть, что столько же времени мы идемъ, т.-е. Ог. и я, однимъ путемъ, постоянно, съ той же настойчивостью и видимъ, сколько силы мы приобрѣли именно этимъ постоянствомъ. ¹

◆◆ 1. Въ тотъ же день студенты кіевскаго университета устроили прощальный вечеръ отъѣзжавшему въ Петербургъ проф. П. В. Павлову. Послѣдній произнесъ рѣчь въ честь Герцена, «какъ челоѣка, стоявшаго во главѣ прогрессивнаго движенія въ Россіи» (тѣи «Очерки освободительнаго движенія» etc. 9).

1312. Изъ письма къ Т. П. Пасекъ.

(Декабрь 1859).

Безконечно благодаренъ: я здѣсь не избалованъ вниманіемъ. Славныя лица, настоящіе русскіе юноши; присоединимъ къ моей коллекціи. А знаютъ ли твои дѣти, что у нихъ дѣдушка пономарь?

1313.
1860 ¹⁾.

I.

Безъ преувеличенныхъ надеждъ и безъ преувеличенныхъ отчаяній входимъ мы въ *новое десятилѣтiе* ²⁾ твердымъ ровнымъ шагомъ стараго войска, знавшаго побѣды, знавшаго пораженія и пуше всего знавшаго тяжелые переходы по песчанымъ, пыльнымъ, безотраднымъ степямъ. Спины понагнулись, волосы посѣдѣли, много рубцовъ, много шевроновъ... Много товарищей въ землѣ, много чужихъ за роднымъ очагомъ... Но, старые солдаты, мы безъ заносчивости и страха, шагомъ твердымъ и ровнымъ входимъ въ новое десятилѣтiе.

Еще шевронъ!..

...Что бы ни было, хуже, чѣмъ было десять лѣтъ тому назадъ, не будетъ. Тогда былъ медовый мѣсяць реакціи, тогда со слезой, замершей въ глазу, со злобой, кипѣвшей въ сердцѣ, смотрѣли мы на проигранную кампанію и проклинали позорное время, въ которое намъ пришлось жить.

«Когда многіе надѣялись, мы говорили имъ: это—не выздоровленіе, это—румянецъ чахотки. Смѣлые мыслью, дерзкіе на языкъ, мы не боялись изслѣдовать зло, ни высказать его, а теперь выступаетъ холодный потъ на лбу. Я первый блѣднѣю, трушу передъ темной ночью, которая наступаетъ; дрожь пробѣгаетъ по кожѣ при мысли, что наши предсказанія сбываются такъ скоро, что ихъ совершеніе такъ неотразимо» ³⁾.

Мрачная туча, которую мы предчувствовали по лому въ мысли и въ сердцѣ, заволакивала больше и больше, все потемнѣло, спуталось, покосилось, стало тонуть... в плывали герои безъ всякой пользы; говорились слова, полныя мудрости, никто ихъ не понималъ... ударъ за ударомъ разилъ то и другое, сбивая осколки въ сѣрую, грязную массу, на вершинѣ которой поднимался яснѣе и

¹⁾ Мы хотѣли начать новый годъ прекрасной статьёй объ Украинѣ, но ея размѣръ заставилъ насъ оставить ее до слѣдующаго листа. А. И. Г.

²⁾ Частая ошибка; впрочемъ, еще въ 1900 г., даже въ прессѣ, спорили, когда начинается XX столѣтiе: 1 янв. 1900 или 1901 года.

³⁾ «Эпилогъ 1849 году»—«Съ того берега».—А. И. Г.

яснѣ, какъ на своемъ пьедесталѣ, сфинксъ съ узенькими глазками, ухарски зачесанными висками и усами, свернутыми въ фидибусы ¹⁾.

Пять лѣтъ продолжалось это, и все было хуже и хуже.

... Помню я полутуманный лондонскій день и улицы, кипящія народомъ, дома, покрытые гирляндами, украшенные знаменами, войска въ парадныхъ мундирахъ, нарядныя дамы въ окнахъ, горьгарды на коняхъ, подренные хучера и лакеи, мѣщане съ сіяющимъ лицомъ, словомъ, праздниковъ праздникъ: Наполеонъ III въѣзжалъ побѣдоноснымъ и гордымъ въ почтенныя средневѣковыя ворота *Темплъ Бара*; изъ гостей Виндзора, королевы, онъ ѣхалъ въ гости къ царствующей буржуазіи въ *Маншенъ-Гаузъ* ²⁾. Въ Виндзорѣ надпись «Ватерлбоская зала» была стерта, въ Сити было стерто достоинство свободнаго народа; Наполеона встрѣтило чудовищное подобострастіе городскихъ властей, тѣмъ больше упоительное для него, что оно не было внушено насиліемъ, а падало. передъ нимъ въ откровенно-рабскомъ униженіи... То же восторженное «ура» проводило его назадъ, и «Таймсъ» трубилъ славу великаго союзника Англіи.

Дальше падать, глубже опускаться нельзя. Это былъ переломъ креста.

Но переломъ креста состоитъ не изъ одного звука... а изъ двухъ.

Рядомъ съ Англіей, пѣвшей съ благоговѣніемъ и англійскимъ произношеніемъ «*Partant pour la Syrie*...» ³⁾, другіе пѣвчіе пѣли «Со святыми упокой!» у гроба въ Зимнемъ дворцѣ.

Крестъ переломился!

II.

Отлегло на сердца, мы перевели духъ! Дѣло пошло къ утру. Усмиренные опытомъ, укрощенные памятью, мы съ умиленіемъ привѣтствовали зарю новаго дня, занимавшуюся въ Россіи. Мы радовались не тому, что онъ намъ давалъ, а какъ выздоравливающіе послѣ перелома болѣзни, радовались за *право на надежду*.

На эту полосу свѣта на родномъ небоскочѣ, усталые отъ всего, что насъ окружало, мы смотрѣли безъ заносчивыхъ требованій, безъ юношескихъ утопій. Мы ограничивались желаніемъ, чтобъ съ бѣднаго русскаго народа сняли грубыя желѣзныя цѣпи, для того, чтобы *развитіе сдѣлалось возможнымъ*; остальное, казалось намъ, придетъ своимъ порядкомъ; можетъ, послѣ насъ, даже

¹⁾ Fidibus—зажигательная бумажка.

²⁾ Mansion-House—официальная резиденція лордъ-мэра Лондона.

³⁾ См. стр. 67.

весьма вѣроятно,—все равно, лишь бы видѣть самимъ, что на пути нѣтъ бревенъ.

Мысль наша, рѣчь наша не шли дальше
Освобожденія крестьянъ отъ помѣщиковъ,
Освобожденія слова отъ цензуры,
Освобожденія суда отъ мрака канцелярской тайны,
Освобожденія спины отъ палки и плети.

Пока мы думали и говорили объ этомъ, вышелея знаменитый рескриптъ къ дворянству трехъ польскихъ губерній.

Тотъ, кто понимаетъ глубину умиленія и молитвы, которая заставила Канта, при вѣсти о провозглашеніи французской республики, обнажить голову и, поднявши глаза къ небу, повторить слова Симеона-Богопріимца: «Нынѣ отпускаеши!»,—тотъ пойметъ, что происходило въ душѣ нашей, когда мы слышали робко произнесенное государемъ, но все же произнесенное слово—*освобожденіе крестьянъ!*

Мы помолодѣли, мы повѣрили въ себя, въ то, что наша жизнь не прошла напрасно... а тутъ облегченіе цензуры, уничтоженіе позорнаго стѣсненія путешествовать, уничтоженіе кантонистовъ, военныхъ поселеній, проекты о гласности судовъ... Мы стали отдыхать отъ ненависти.

Наша программа осуществлялась, и намъ легко было сказать: «Ты побѣдиль, Галилеянинъ!» («Колоколь», листъ 9). *Такъ* побѣжденными мы хотѣли быть!

Самодержавная революція могла вести Россію къ великому развитію всѣхъ ея неистощимыхъ силъ, невѣдомыхъ возможностей, не проливши ни одной капли крови, не поставивши ни одной висѣлицы и дѣлая изъ сибирскаго тракта путь богатства и обмѣна вмѣсто пути слезъ и скрежета зубовъ.

Да, мы были правы, говоря Александру II при его восшествіи на престолъ: «Вы необыкновенно счастливы!»

Отчего же мы входимъ въ новое десятилѣтіе не съ тѣмъ свѣтлымъ упованіемъ, не съ той твердой надеждой, съ какой встрѣтили эпоху возрожденія Россіи?

Александръ II, какъ Фаустъ, вызвалъ духа не по силамъ и перепугался. Какая-то истошающая силы нерѣшительность, шаткость во всѣхъ его дѣйствіяхъ и подъ конецъ совершенно ретроградные поступки. Онъ явнымъ образомъ хочетъ добра—и боится его.

Что же случилось? Война? возстаніе? распадается ли государство? провинціи отлагаются, что ли?—Ничего! Финансы плохи; да, вѣдь, это обыкновенное русское хозяйство: видъ пышный и ни гроша за душой! Сверхъ того, реакціей финансамъ не поможешь...

Чего же испугался государь?—А чего боятся люди на кладбищѣ?..

Въ томъ-то и состоитъ несовершеннolѣтіе людское, что оно боится вздора и не видитъ дѣйствительной опасности, что оно опирается на гнилое дерево возлѣ свѣжаго. Стремясь за фантазіями, оно опускаетъ изъ рукъ реальное; боясь призраковъ въ якобинской шапкѣ, гладитъ шакаловъ въ генеральскихъ эполетахъ; боясь демократической страницы въ журналахъ, не боится олигархическихъ грамотъ въ бархатной книгѣ.

Итти двумя путями невозможно.

Какимъ Янусомъ ни будь, нельзя разомъ итти въ двѣ противоположныя стороны, можно только одной половиной своей всякій разъ итти задѣмъ напередъ, мѣшая самому себѣ и бесполезно качаясь на одномъ мѣстѣ.

Нельзя желать гласности—и усиливать цензуру.

Нельзя желать просвѣщенія—и гнать студентовъ отъ университетскихъ воротъ.

Нельзя уважать людей въ подданныхъ—и не позволять имъ дѣтей вывозить за границу.

Нельзя стать со стороны народа—и называться «первымъ дворяниномъ».

Нельзя желать гласнаго суда—и держать гайдука юстиціи Панина.

Нельзя желать законности—и имѣть въ своей собственной канцеляріи цѣлое отдѣленіе шпионовъ.

Нельзя начинать новую постройку—и брать помощниковъ изъ богадѣльни прошедшаго.

Нельзя прогнать Клейнмихеля и Бибикова—и оставить Панина, Муравьева, (который вѣшаетъ), Орлова, мухановскаго Горчакова и пр., и пр. Съ этими ядрами на ногахъ даже знаменитый скороходъ въ «Не любо, не слушай» не ушелъ бы далеко.

Все это такъ же несомѣстно, такъ же нелѣпо, какъ проповѣдовать министерствомъ внутреннихъ дѣлъ трезвую жизнь, медъ и млеко, а министерствомъ финансовъ въ то же время и тѣхъ же людей спаивать отравленной водкой.

Это-то колебаніе и выводитъ насъ изъ терпѣнія—не въ отчаяніе, а въ глубокую горестъ, тѣмъ больше, что оно совершенно не нужно и происходитъ отъ того, что декорации принимаются за самое дѣло, вѣроятно, по привычкѣ видѣть въ человѣкѣ прежде всего форму воротника и пуговицы.

Еслибъ государь всмотрѣлся, онъ сейчасъ бы увидѣлъ, что онъ окруженъ цѣлымъ міромъ призраковъ, что Панинъ, напримѣръ, не въ самомъ дѣлѣ министръ юстиціи, а маріонетка и очень плохо

сдѣланная изъ шестовъ; что Горчакова совсѣмъ нѣтъ, а есть его мундиръ съ дырой сзади, въ которую фигляръ Мухановъ запустилъ пальцы и представляетъ, будто покойникъ живъ, на оскорбленіе польскаго народа...

Да кѣмъ замѣнить этихъ опытныхъ, маститыхъ слугъ престола?—*Опытныхъ* въ чемъ? Неужели въ освобожденіи крестьянъ въ учрежденіи гласныхъ судовъ?..

Къ тому же вотъ примѣръ: развѣ въ Москвѣ хуже стало послѣ Закревскаго? Тучковъ ¹⁾ навѣрное въ десять разъ лучше его... А, вѣдь, не начитайся Закревскій французскихъ романовъ и не сдѣлай свой сентиментальный пассажъ à la George Sand—онъ и теперь давилъ бы Москву, и государь вѣрилъ бы, что онъ необходимъ для спокойствія первопрестольной столицы!

Шапка Мономаха не только тяжела, но и велика, на глаза падаетъ... Еслибъ можно было на одинъ мигъ приподнять ее и показать государю не вѣрноподданнически, а просто по-человѣчески все живое и мертвое въ Россіи, все, что пойдеть съ нимъ, если онъ самъ не оставитъ пути развитія и освобожденія, и все, что пойдеть противъ него... дорого бы можно было дать.

Какія странная времена: у насъ нѣтъ тайнъ, мы страстно хотимъ государю показать всю подноготную, а Долгоруковы и Тимашевы, его уши *по ремеслу*, имѣютъ много тайнъ отъ него и скрываютъ все, кромѣ вредныхъ сплетенъ. А всего тщательнѣе скрываютъ они то, что высшій слой благороднаго російскаго дворянства—не только не единственная вѣрная опора престола, но само по хилости ищетъ на что-нибудь опереться. Время, въ которое правительство петербургское существовало не только божіей помощью, но помощью олигарховъ-бояръ и нѣмцевъ-генераловъ, прошло. У нихъ тогда было *общее хозяйство* и круговая порука: правительство предоставляло дворянамъ грабить народъ и сѣчь его розгой, дворянство помогало правительству забирать чужія провинціи и сѣчь кнутомъ.

Съ тѣхъ поръ исподволь все перемѣнилось. Съ тѣхъ поръ Россія Бирона и Остермана состарѣлась, а Россія Ломоносова пошла впередъ. Съ тѣхъ поръ былъ 1812 г., 14 декабря 1825. Новая среда подкрадывалась незамѣтно клиномъ между народомъ и вельможами, въ ней встрѣчаются атомы всѣхъ другихъ слоевъ, но иначе кристаллизованные, къ ней принадлежатъ дѣти графовъ и князей и сынъ воронежскаго прасола ²⁾, въ этой средѣ образова-

¹⁾ Павелъ Алексѣевичъ.

²⁾ А. В. Кольцовъ.

не, университеты, вся умственная дѣятельность, книги, а книги-теперь власть.

Обо всемъ объ этомъ не знаютъ при дворѣ, такъ, какъ графъ Конфалоньери ¹⁾ и его друзья не знали ничего, кромѣ смутныхъ слуховъ, о революціи 1830, содержась въ Шпильбергѣ. До высочайшихъ казематъ Зимняго дворца ничего не можетъ пройти, кромѣ особъ первыхъ трехъ классовъ. Кажется, все идетъ попрежнему: тѣ же мундиры, шитые золотомъ, — начинка мундировъ истлѣла, измельчала, выжила изъ ума и изъ вѣка, умерла, но по ганалевой системѣ славно бальзамирована. Изъ за этихъ анатомическихъ, шитыхъ золотомъ шпалеръ государь не видитъ, что центры тяжести, фокусы силъ, — все измѣнилось, что въ формулы русской жизни взошли элементы, о которыхъ при Петрѣ I не имѣли понятія, а при Екатеринѣ II знали по слуху; онъ не знаетъ, что теперь ни науку, ни литературу *запретить* нельзя, что есть вѣрованія и убѣжденія, общія каждому образованному человѣку, кромѣ большинства именно того высшаго дворянства, которое въ олигархическихъ книжонкахъ представляется опорой престола.

Не видитъ онъ и того, что ему не нуженъ вовсе этотъ гнилой костыль, пока онъ не измѣнитъ началу своего царствованія. Когда, кто изъ русскихъ императоровъ имѣлъ разомъ за себя, какъ это случилось въ вопросѣ освобожденія крестьянъ и введенія гласности, народъ русскій и образованную Россію, простолюдиновъ и литераторовъ, молодое духовенство и всѣхъ старообрядцевъ, наконецъ, мнѣніе всего міра отъ величайшихъ органовъ публичности до смиренныхъ листовъ «Колокола»?

Только «единственная опора» престола *противъ*, ея рабское усердіе не идетъ дальше уменьшенія оброка... Се по—по ²⁾! «Сѣку и служу, не сѣку и не служу!»

Но, вѣдь, отъ этой оппозиціи не государь сталъ слабѣе, а *они*; у *нихъ* исчезаетъ земля подъ ногами. Поддерживая самодержавіе подъ высочайшее плечо, въ сущности, они сами опирались на него. Оставьте ихъ на свои силы, и они въ четверть часа упадутъ съ своего «прекраснаго высоко» и сдѣлаются «comme tout le monde» ³⁾, по выраженію Сузанны «Фигаро». Да это еще счастье, а то какъ крестьянскій *tout le monde* догадается, что государь не поддерживаетъ больше ни Кочубеевъ, которые въ мирное время

¹⁾ Федерико, ломбардскій патріотъ, 15 лѣтъ проведеній въ тюремномъ заключеніи.

²⁾ А не то—нѣтъ.

³⁾ Какъ всѣ.

стрѣляютъ по австрійцамъ, ни Ивана Онуфріевича ¹⁾, сѣкущаго ежегодно на своихъ заводахъ, ни Панина, который хотѣлъ стянуть домъ, ни меньшихъ братій ихъ вродѣ Гутцейта, насилующаго дѣтей, Кандыбы, оплакиваемаго Строгановымъ, и сестрицъ вродѣ Барлиновой, сажавшей на плиту живую дѣвушку... они тогда проведутъ очень непріятныя четверть часа...

Неужели государь боится, что эти выдуманные графы, напоминающіе аристократію Сулука, эти обнищавые князья, съ археологическими именами, при помощи губернскихъ Добчинскихъ и уѣздныхъ Бобчинскихъ, заставятъ его, какъ нормандскіе бароны, подписать *великую хартію* дѣйствительно-статскихъ свободъ и генералъ-маіорскихъ вольностей или сведутъ его въ тюрьму, какъ Людовика XVI? Прежде для точности надо ему побывать въ законодательномъ собраніи, гдѣ Бутковъ будетъ представлять Лафайета, а какой-нибудь Кандыбинъ сынъ—Мирабол!

Все это ужъ по тому самому невозможно, что нормандскіе бароны наши не имѣютъ силы ни въ себѣ, ни въ народѣ, ни въ современной какой-нибудь идеѣ,—вся ихъ сила въ царской поддержкѣ.

Они могутъ одно сдѣлать—убить государя изъ-за угла, на это никакой силы не надобно, а надо быть только злодѣемъ. Въ каствъ, которая поджариваетъ на плитѣ живыхъ женщинъ и засѣкаетъ здоровыхъ мужчинъ, найдется ихъ, вѣроятно, довольно. Этому, впрочемъ, каждый подверженъ такъ, какъ тифусу или холерѣ. Можетъ, и не мѣшаетъ брать мѣры противъ такого покушенія, но это очень скучно и почти лучше благородно рисковать собой, какъ Генрихъ IV, чѣмъ день и ночь выдумывать съ какимъ-нибудь русскимъ Эспинансомъ мѣры предохраненія своей священной особы.

Но намъ могутъ сказать, что государь вовсе не ихъ боится. Кого же?

Народнаго возстанія? Трудно себѣ представить, что русскій крестьянинъ, терпѣвшій вѣка свое бѣдственное положеніе, взбунтовался бы за то, что его освобождаютъ, и сталъ бы требовать возвращенія крѣпостнаго права!

Чиновниковъ?—Люди, берущіе взятки, никогда не бунтуютъ.

Купечества?—Какой же имъ барышъ отъ этого? Откупщики первые лягутъ костями за отеческое управленіе...

Смотрите, куда хотите въ Россіи, вездѣ есть всходы, вездѣ почки, вездѣ зерна наливаются, вездѣ что-то просится наружу, на развитіе; все хочеть распрямить члены послѣ долгой, долгой не-

¹⁾ Сухозанетъ, военный министръ.

воли и нигдѣ ни одного элемента возстанія. Одинъ вопросъ, который можетъ поднять народъ, это—освобожденіе крестьянъ съ землею; но, вѣдь, онъ-то и находится въ рукахъ правительства.

Что же мучить, что мѣшаетъ государю итти по одной доскѣ?

Самыя рѣзкія, самая печально-самовластная распоряженія правительства были направлены противъ *литературы*, а теперь противъ *студентовъ*. Вотъ что пугаетъ, вотъ, стало, гдѣ опасности! Странно, больно, стыдно, но оно такъ! Съ цензурой государь нянчится, я думаю, третій годъ, уменьшаетъ ее, растягиваетъ, опрощаетъ, усложняетъ. Вдругъ «цензура требуетъ весь туалетъ!»—изъ каждаго министерства по цензору... Вдругъ совсѣмъ новая цензура, въ которой предсѣдатель долженъ быть *три человѣка*, въ числѣ которыхъ одинъ оберъ-форъ-шнейдеръ, одинъ начальникъ лазутчиковъ и одинъ Адлербергъ, извѣстный въ литературѣ только, какъ плодовитый писатель векселей. Когда все это было сдѣлано, государь застыдился до того, что придумалъ одного главнаго цензора и того назвалъ начальникомъ V отдѣленія собственной канцеляріи (слава богу, по ту сторону III-го), и для большей скромности ввѣрилъ это мѣсто *Модесту* Корфу, историографу 14 декабря.

Впродолженіе этого времени — исторія «Парусъ», ¹⁾ исторія съ Огрызкой, нелѣпѣйшіе циркуляры Норова, Вяземскаго, Ковалева указываютъ на какую-то судорожную раздражительность. Ясное дѣло, что журналы, что книги навлекли на себя гоненіе.

Отрѣзанные отъ всякой возможности (отвратительнымъ почтовымъ устройствомъ книжныхъ посылокъ изъ Россіи) своевременно получать журналы, мы долго думали, что въ Россіи печатаются зажигательныя воззванія, еретическія книги Лютера и ёрническія сочиненія Баркова.

Ни чуть не бывало. Пслучая въ ноябрѣ мартовскую, а въ декабрѣ февральскую книжку, мы, все-таки, мало-по малу перечитали почти все. Разница съ николаевскимъ временемъ большая. Задавленная мысль ожила, языкъ воротился, человѣческія мысли, интересы нашли отголосокъ въ «обозрѣніяхъ». Всѣ журналы безъ исключенія поддерживали энергически, съ увлеченіемъ главную мысль царствованія—освобожденіе крестьянъ съ землею.

Въ чѣмъ же дѣло?... нельзя же было ждать, что бѣдная, раскованная колодница наша снова заговоритъ языкомъ покойнаго кн. Шаликова и чувствованіями еще здравствующаго Рафаила Зотова.

Дѣло, по несчастію, въ томъ, что у насъ въ извѣстной высотѣ надъ уровнемъ житейскаго моря *слово человеческое считается*

¹⁾ Запрещенная газета И. С. Аксакова.

дерзости, и мысль сама по себѣ подозрительна. Думать и говорить (т. е. приказывать) должно правительство, для подданнаго это — роскошь и ведетъ только къ пересудамъ дѣлъ, *не касающихся до него*, напр., имѣютъ ли право его безъ суда сажать въ Петропавловскую крѣпость, посылать за тысячу верстъ, не говоря причины, и пр. Идеаль государственнаго порядка и цивилизаціи для этой трехъ-первоклассной сферы, — восточная сераль и прусскій вахтъ-парадъ, — сераль, въ которой люди, отрекаясь отъ своего зоологическаго достоинства, падаютъ на четвереньки передъ владыкой; и фронтъ, въ которомъ человѣкъ, придѣланный къ ружейному прикладу, унижается до восковой фигуры, и четыре тысячи ногъ поднимаются подъ тѣмъ же угломъ и опускаются въ ту же секунду. Отсюда идетъ супружеская любовь къ безгласному повиновенію, къ молчанію страха и любострастная невоздержанность къ застегнутымъ пуговицамъ, къ формѣ воротника.

Въ послѣдней инструкціи московскому цензурному комитету сказано, что правительство считаетъ *ниже своего достоинства* обращать вниманіе на факты, обличаемые печатной гласностью. Въ послѣднее десятилѣтіе, такъ обильное глупостями, я не думаю, чтобъ было сказано что-нибудь глупѣе. Это гениально глупо. Точно будто одно благородное средство и есть узнавать истину — *шпіонство!*

То же самое относительно студентовъ. Цивилизующее правительство должно имѣть университеты и студентовъ, но ему хочется, чтобъ студенты были похожи на солдатъ въ арестантскихъ ротахъ.

... Чѣмъ раздражили студенты правительство до іезуитскихъ экзаменовъ и дикихъ заключеній? — Да какъ же! исторія за исторіей. — Какія? Въ московской исторіи ни Берингъ, ни Закревскій не могли скрыть, что виновата была полиція. Въ харьковской студенты не только были правы, но вели себя съ благородствомъ и тактомъ, почти равнымъ безобразнымъ дѣйствіямъ попечителя и университетскихъ властей. Въ Казани студенты аплодировали Буличу ¹⁾. Въ Петербургѣ студенты собрались, чтобъ узнать, что такое было въ Казани, — и это все преступленія???

Однако, чего же требуютъ, въ самомъ дѣлѣ, эти господа отъ юношей?

Очень просто — *рабская* духа, *рабской* дисциплины, *рабская* молчанія! Что значитъ *высочайшее* повелѣніе *не аплодировать* профессорамъ?... И зачѣмъ государь исправляетъ должность педеля и инспектора?... Какъ иначе Пушкинъ разумѣлъ царское достоин-

¹⁾ Николай Никитичъ.

ство, заставивъ Годунова сказать сыну, что слово государя, какъ благовѣсть, должно только раздаваться, возвѣщая великое событіе или великое несчастіе.

Одно изъ ужаснѣйшихъ посягательствъ прошлаго царствованія состояло въ его настойчивомъ стремленіи сломить отроческую душу. Правительство подстерегало ребенка при первомъ шагѣ въ жизни и развращало кадета-дителя, гимназиста-отрока, студента-юношу. Безпощадно, систематически вытравляло оно въ нихъ человѣческіе зародыши, отучало ихъ, какъ отъ порока, отъ всѣхъ людскихъ чувствъ, кромѣ покорности. За нарушенія дисциплины оно малолѣтнихъ наказывало такъ, какъ не наказываютъ въ другихъ странахъ закоснѣлыхъ преступниковъ.

Здоровая мощь русская была сильнѣе гнета, не удалось правительству осквернить всѣ души молодого поколѣнія, свихнуть всѣ сердца, сдѣлать Клейнмихелями и розгами доносчиковъ изъ товарищей школы, палачей—изъ старшихъ въ классѣ. Да, не удалось, но какой цѣной купили юные страдальцы святое святыхъ своей человѣческой души?

Посмотрите на это чахлое, нервное, тревожное внутри, не вѣрующее болѣе ни во что свѣтлое, не вѣрующее въ себя поколѣніе, это—та доля, которая *пережила* душевредительство правительственного воспитанія.

А сколько умерло, сложивши голову, не зная свѣтлаго дня послѣ вступленія въ корпусъ или школу?

Дѣйствительно, въ то время молчали, *не аплодировали, не собирались*, и еще больше—въ то время у несчастныхъ польскихъ матерей отрывали дѣтей насильно, и малютки мерли на дорогѣ въ то время, какъ полицейскіе *воспитатели* пьянствовали на украденную у нихъ пищу и теплую одежду.

За тѣмъ временемъ не угоняешься!

Безглазая страна, глотая слезы, не нарушила дисциплины. Россія молчала и падала въ глазахъ всего міра до того, что ненависть къ ней была равнозначительна съ любовью ко всему человѣчеству!...

III.

Тяжелы эти воспоминанія! Хотѣлось бы не съ ними вступать въ новое десятилѣтіе, но не мы вызвали темныя тѣни прошедшаго!

Каждый ударъ правительственной плетью по юношеству, по будущей Россіи будить въ наболѣвшемъ сердцѣ страшные образы; намъ такъ и кажется, что не даромъ еще живы Пеликаны, Биби-

ковы, не даромъ Мухановъ оставленъ въ Варшавѣ, что они ракомъ вопьются въ молодое поколѣніе и потащутъ его назадъ или въ помойную яму III Отдѣленія.

Да дайте же хоть одному поколѣнію, пресловутые просвѣтители, воспитаться человѣчески, глядя всему въ глаза, безбоязненно говоря свою мысль, открыто *рукоплеская*, открыто *собираясь*; такъ, какъ это дѣлается въ Англии во всякой школѣ.

Неужели передняя, гдѣ десять крѣпостныхъ лакеевъ молчатъ при баринѣ и молча его ненавидятъ,—образецъ воспитанія? Неужели шопотъ рабовъ пріятнѣе вамъ, чѣмъ говоръ возникающихъ жизней, ихъ звонкій смѣхъ и даже иногда заносчивое слово?

Ахъ, какъ еще наши просвѣтителы неразвиты! Какъ они еще далеки отъ «человѣка» и какъ близки къ Аракчееву, какъ замѣтенъ еще на нихъ вершокъ казарменной грязи и подъяческаго честолюбія разночинца, который требуетъ *не уваженія къ лицу, а подчиненности, страха передъ ею чиномъ!*

...Мы не такъ легко предаемся вѣрованіямъ, чтобъ ихъ легко оставлять, и на вопросъ: думаемъ ли мы, что всей этой николаевской ветошью можно остановить Россію и возвратиться за 1855? рѣшительно отвѣчаемъ *нѣтъ!*

Но, съ другой стороны, мы знаемъ, что путь, по которому Россія идетъ, можно исказить, покрыть грязью, усыпать битымъ стекломъ и изъ свѣтлаго, правильного шествія сдѣлать утомительный переходъ и непрерывную драку, въ которой правительство, какъ матеріально гораздо сильнѣйшее, погубить бездну людей, надѣлаетъ бездну несчастій безъ нужды и безъ пользы. Вотъ почему эти реакціи, эти возвращенія ко времени, которое надобно забыть, эти перевѣсы въ сторону прошедшаго не повергаютъ насъ въ отчаяніе, но заставляютъ дрожать отъ гнѣва и досады. Вотъ почему мы входимъ съ раздумьемъ въ новое десятилѣтіе и, переступая послѣднюю черту прошедшаго, останавливаемся еще разъ, чтобъ сказать государю:

Государь, проснитесь, новый годъ пробилъ новаго десятилѣтія, которое, можетъ, будетъ носить ваше имя, но, вѣдь, нельзя одной и той же рукой ярко и свѣтло записывать свое имя въ исторіи, какъ освободитель крестьянъ, и подписывать нелѣпныя повелѣнія противъ свободной рѣчи и противъ молодости юношей. Васъ обманываютъ, вы сами обманываетесь, это—святки, все наряженные. Велите снять маски и посмотрите хорошенько, кто друзья Россіи и кто любитъ только свою частную выгоду. Вамъ это потому вдвое важнѣе, что *еще* друзья Россіи *могутъ быть* и вашими. Велите же поскорѣе снять маски; вы удивитесь—этотъ маскарадъ,

васть окружающій, не похожъ на тотъ, который дѣлали два года тому назадъ для великихъ князей въ кадетскомъ корпусѣ: тамъ дѣти представляли волковъ и вепрей, а тутъ вепри и волки представляютъ сановниковъ и отцовъ отечества!

26/14 декабря 1859.

1314. Ай да Корфъ!

Самъ Модестъ Андреичъ,
Но это секретъ, —
Любить «Ерофеичъ»
Больше, чѣмъ Совѣтъ... ¹⁾

пѣлось въ извѣстной пѣснѣ, ходившей въ Петербургѣ по рукамъ,—но оказывается на дѣлѣ, что Модестъ Андреичъ всего больше любитъ цензуру. Только что усѣлся на мѣстѣ ²⁾, взялъ да и изгналъ цензора Палаузова за то, что онъ пропустилъ въ «Русскомъ Словѣ» непочтительную статью о корпусѣ жандармовъ, состоявшемъ при Иванѣ Васильевичѣ!

А тутъ есть добрые люди и плохіе музыканты, которые воображаютъ, что человѣкъ, писавшій *позму* въ прозѣ о воцареніи Николая, сидѣвшій съ Бутурлинымъ въ осадной цензурѣ ³⁾, будетъ менѣе вреденъ, чѣмъ цензурный сбородъ.

Воля ваша, а лучше больше любить «Ерофеичъ»... чѣмъ *класть* мысль человѣческую, по Оригену, на Прокростову постель. ¹

◆◆ 1. Для иллюстраціи полного отсутствія какой-либо системы въ русской цензурѣ и поразительной неосвѣдомленности нѣкоторыхъ цензоровъ сообщу, что въ I и II кн. «Дамскаго Вѣстника» 1860 г. Д. Д. Минаевъ (Свіяжскій) открыто говорилъ объ Огаревѣ, упомянувъ его имя нѣсколько разъ.

1315. Академія художествъ въ осадномъ и иконописномъ положеніи.

«Русская академія художествъ, годъ тому назадъ украшенная картиной Иванова, взята приступомъ. На мѣстѣ талантливаго, хотя уже и ста-

¹⁾ М. А. Корфъ былъ членомъ государственнаго совѣта.

²⁾ Начальника просуществовавшего нѣсколько дней Главнаго управления по дѣламъ книгопечатанія.

³⁾ Комитетъ 2 апрѣля 1848 года, терроризировавшій русскую литературу въ послѣдніе годы царствовачія Николая I. Интересующіеся его дѣятельностью найдутъ матеріалъ въ моихъ «Очеркахъ по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія», Спб., 1904.

раго, но весьма почтеннаго вице-президента ея графа Толстого ¹⁾, сидить грозный вождь князь Гагаринъ ²⁾. Онъ тотчасъ занялъ крѣпкую позицію — 40 комнатъ подъ свою квартиру, т.-е. *вчетверо* болѣе, чѣмъ его предшественникъ, изгнавъ трехъ заслуженныхъ профессоровъ академіи, и все это подъ тѣмъ предлогомъ, что къ нему ѣздитъ *самъ государь*. На передѣлку *укрѣпленія* отпущено ему 5000 р. с. изъ суммъ вовсе не богатой академіи.

«На художниковъ онъ тотчасъ опрокинулъ, какъ на враговъ, велѣлъ ихъ допускать въ мастерскія только въ извѣстные часы дня и подвергать ихъ работы полицейскому наблюденію гг. профессоровъ. Натурщицы и натурщики, являющіеся въ мастерскія, также будутъ подвергаться какому-то осмотру бдительнаго начальства. (Баловники!). Къ довершенію всего православная академія художествъ займется *исключительно византійской школой живописи* и постарается довести до божественной лѣпoty суздальскую иконописи»... (О, А. С. Хомяковъ! Вы шутили, а генералы изъ этого сдѣлаютъ розгу!)

Корреспондентъ нашъ прибавляетъ: «Что же дѣлаетъ Марія Николаевна, президентъ академіи?»

Занятій мало ли у ней!?

Она посылаетъ Васильчикова подсматривать за художниками, не занимается ли кто по части клубники, не принимаетъ ли кубебу, платитъ ли прачкѣ деньги...

Хозяйки взоръ повсюду нуженъ, —
Особенно, когда *хозяйка—президентъ!*

1316. Письмо къ сыну.

9 января 1860.

Надѣюсь, что твой катарръ прошелъ давнымъ давно. Съ тѣхъ поръ и у Натали былъ такой же. К. Фогтъ пишетъ, что онъ ѣдетъ на мѣсяцъ въ Бернъ; прилагаю ему писульку.

На дняхъ у Огар. былъ его старый припадокъ. Такого еще не было съ его пріѣзда. Здоровье его плохо и очень.

Деньги, полученныя изъ Фрибурга, пойдутъ на твое жалованье; сверхъ того, ты съ Фогта получишь 200 фр. съ чѣмъ-то. Жалованье твое продолжаетъ быть 3.000 да на новый годъ позволяется взять 100 фр. *surnuméraire*ныхъ ³⁾.

Пиши къ намъ чаще или записывай что-нибудь по-русски, а то больно много ошибокъ въ правописаніи, — въ Россію стыдно будетъ показаться... а Девиль все требуетъ, чтобъ ты туда ѣхалъ профес. естественныхъ наукъ.

¹⁾ Федоръ Петровичъ.

²⁾ Григорій Григорьевичъ.

³⁾ Сверхсметныхъ.

У насъ былъ русскій студентъ ¹⁾, занимающійся въ Вюрцбургѣ у Келликера ²⁾. Онъ пріѣхалъ изъ экспедиціи съ Каспійскаго моря и встрѣтилъ у насъ того самаго инженернаго офицера ³⁾, который завѣдывалъ артиллерійскими работами при взятіи Шамиля и участвовалъ въ самой битвѣ.

Пришелъ ли «Колок» и читалъ ли ты 1-ю статью: «1860»? Сат. ⁴⁾ въ Москвѣ; надѣются къ марту получить пассъ.

Для Ольги ищутъ daily governess ⁵⁾; пансіонъ не приноситъ той пользы, какую слѣдовало бы ожидать. Ея развитіе я нахожу больше труднымъ, чѣмъ твое и Таты; множество способностей и за каждую большой недостатокъ.

Досадно, что изъ Meysenbug никакой пользы не добьешься.

На этотъ разъ прощай, — болитъ голова. На дворѣ туманно, сѣро.

Тата будетъ учиться ѣздить верхомъ.

Кланяйся всѣмъ вашимъ.

1317. Das Livländische Athen ⁶⁾.

Нѣсколько разъ получали мы письма о дерптскомъ университетѣ и откладывали эту неприятную матерію. Но такъ какъ насъ снова спрашиваютъ, почему мы не упоминали объ университетской исторіи 22 ноября 1857 года, то мы считаемъ себя обязанными сказать объ этомъ нѣсколько словъ.

Мы всегда были убѣждены, что въ Остзейскихъ губерніяхъ всѣ уродливыя стороны германизма, отъ юнкертума до теологіи, отъ мѣщанскаго филистерства до мѣщанской *буршикозности*, не только хранятся, но доведены до карикатуры,—точно такъ, какъ въ Польшѣ католицизмъ. Не имѣя никакого самобытнаго политическаго значенія, остзейцы тѣмъ ревнивѣе держатся за безсмысленныя формы. Тупое угнетеніе католицизма при Николаѣ прилило свѣжей крови въ дряхлыя жилы его ⁷⁾.

¹⁾ Илья Григорьевичъ Борщовъ.

²⁾ Альберъ, профессоръ фізіологіи.

³⁾ ?

⁴⁾ Сатины.

⁵⁾ Приходящую гувернантку.

⁶⁾ Лифляндскія Аѳины, т.-е. Дерптъ.

⁷⁾ Не надобно думать, впрочемъ, чтобы и теперь не дѣлали всякаго рода дикихъ и подлыхъ насмѣшекъ надъ католицизмомъ въ Польшѣ. Въ

Русскіе студенты, будучи въ очень сильномъ меньшинствѣ, не могутъ воевать съ нѣмцами безъ *защиты начальства*, а отъ нея спаси ихъ Богъ. Лучше уступить нѣмцамъ, датчанамъ, татарамъ, чѣмъ пользоваться высокимъ покровительствомъ попечителя, ректора и даже жандармскаго оберъ-офицера, какъ это было съ нѣмцами въ дѣлѣ гг. Зарина и Юферева.

Что же дѣлать?

Не вступать въ дерптскій университетъ. Развѣ петербургскій не возлѣ? А хочется непременно въ нѣмецкій университетъ, такъ лучше ѣхать въ Берлинъ, Гейдельбергъ...

Дерптскій *академическій сенатъ* и вся нѣмецкая *мусса* будутъ рады побѣдѣ, отчего же имъ и не дать порадоваться, а русскіе студенты ничего не теряютъ. Врядъ можно ли многому научиться въ университетѣ, въ которомъ профессора *печатно*, въ 1857 году, спорятъ о томъ, могутъ ли ангелы плодиться или нѣтъ! гдѣ на степену магистра пишутъ диссертациі о томъ, не слѣдуетъ ли дьяволу *виндацировать* качество церковнаго лица! и гдѣ кандидату философій Сонцеву не разрѣшилъ совѣтъ профессоровъ печатать диссертацию, потому что въ ней Сонцевъ, русскій, не совсѣмъ благопріятно отзывается о протестантизмѣ.

1318. Вопросъ и отвѣтъ.

Мы получили, и притомъ издалека, слѣдующій не совсѣмъ грамотный запросъ:

«Здѣлайте намъ пріятность, написать и напечатать объясненіе причинъ ненависти Вашей къ Славянофиламъ, для насъ непонятной, и по видимому въ послѣдствіи разпространившейся вообще на всѣхъ Славянъ».

Когда Вы сдѣлаете себѣ пріятность прочесть «Колоколъ», хоть за 1859 годъ, Вы будете имѣть непріятность узнать, что Вы самымъ грубымъ образомъ ошиблись.

Ковно въ день Corpus Christi 1859, когда крестный ходъ со святыми тайнами шель изъ Фарнаго костела въ Бернардинскій и проходилъ черезъ площадь, генераль Лауницъ, командующій корпусомъ внутренней стражи, велѣлъ цѣлому баталіону раздѣгся и дѣлалъ смотръ подштанниковъ и рубашекъ, не щадя при этомъ площадныхъ ругательствъ и не обращая вниманія на 10,000 слѣдовавшаго съ крестнымъ ходомъ народа. Мы отъ всей души желаемъ, чтобы католицизмъ, эта застарѣлая язва романскаго міра, былъ бы поскорѣе схороненъ въ лѣтописяхъ съ папами и кардиналами, но готовы всѣми силами защищать католицизмъ, изъ уваженія къ народу, противъ грязныхъ тунгузскихъ оскорбленій, наносимыхъ царскими опричниками.

А. И. Г.

1319. Чрезвычайное прибавленіе къ 61 листу „Колокола“.

I.

Государь приказалъ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ запретить дворянамъ на выборахъ разсуждать о крестьянскомъ вопросѣ.

Новгородское дворянство, по прочтеніи циркуляра, разѣхалось, *не дѣлая выборовъ*.

Тверское (*лучше*. во всей имперіи относительно крестьянскаго дѣла), основываясь на ст.ст. 112 и 113 свода законовъ IX тома, протестовало. Вслѣдъ за тѣмъ, въ явное нарушеніе ст. 133—«собраніе дворянства ни по какому дѣлу не можетъ быть потребовано къ суду; оно защищается повѣреннымъ, изъ среды себя избраннымъ» и ст. 134—«собраніе дворянства ни въ какомъ случаѣ не подлежитъ стражѣ»,—губернскій предводитель *Унковскій* ¹⁾ былъ арестованъ жандармами, повезенъ въ Петербургъ и теперь содержится въ тюрьмѣ III Отдѣленія ²⁾.

II.

Говорятъ, что князь Орловъ ³⁾, Адлербергъ и другіе старцы всеподданнѣше доложили Е. И. В., что они не согласятся ни за что явиться къ князю Бярятинскому, какъ къ фельдмаршалу. Государь, *будто бы*, сказалъ, что дѣлать нечего, такъ законъ велить, но что онъ попроситъ Бярятинскаго имъ отдать визитъ. Насчетъ князя Орлова рѣшено, *будто бы*, что князь Бярятинскій выйдетъ на подѣздъ, представляя, что онъ самъ ѣдетъ къ нему..?

Сѣдые шалуны, плѣшивые шалуны, смѣшные шалуны, да неужели вы не понимаете, что между покореніемъ Шамиля и поль-Кавказа и покореніемъ почтоваго вѣдомства и третьяго Отдѣленія есть разница?

¹⁾ Алексѣй Михайловичъ.

²⁾ Ареста не было; позже Унковскій сосланъ въ Вятку.

³⁾ Алексѣй Федоровичъ.

1320. Письмо къ М. А. Марковичъ.

17 янв. 1860.

Park House, Fulham.

Дѣйствительно, вы меня, Марья Александровна, совсѣмъ съ толку сбили пароходомъ; все же вы прїѣдете, и я этому очень радъ. Прїѣзжайте-ка вмѣстѣ съ Тат. Пет. ¹⁾ на островъ Уайтъ. Я, конечно, и самъ мечтаю куда-нибудь уѣхать изъ Лондона... т.-е. хотѣлось бы перебраться въ Швейцарію, но врядъ это возможно ли; только въ городѣ я еще лѣто не останусь.

«Все ревматизмы и головныя боли».

Передайте Т. П. письмо; скоро пришлю ей черезъ васъ книги; она упрекаетъ, что я мало пишу,—разучился, совершенно разучился писать письма.

Усердно кланяюсь вамъ,

А. Гер.

1321. Изъ письма къ Т. П. Пассекъ.

(Январь 1860).

Воздухъ на островѣ здоровый, прекрасный. Мы заранѣ вамъ все устроимъ и вблизи насъ раскинемъ палатку вашу.

1322. Письмо къ М. К. Рейхель.

20 января 1860.

Park House, Fulham.

Да-съ, грѣшокъ есть—давно вы не писали къ намъ. Но я былъ на вашъ счетъ покоенъ, потому что Т. П. мнѣ писала, что имѣеть отъ васъ письмо. Вы говорите: «остаюсь съ тою же собачьей вѣрностью». Ну, такъ я вамъ за эту любезность заплачу двойной: остаюсь съ вѣрностью подагры, которая никогда не измѣняетъ больному и умираетъ съ нимъ,—отлично!

¹⁾ Пассекъ.

Вы—человѣкъ умный и потому не разсердитесь, получивъ по почтѣ отъ Трюбнера фунтовъ пять денегъ. Эти деньги должны итти на франкированье всякихъ пакетовъ къ намъ. Тогда у меня не будетъ на совѣсти и я не буду, по англійскому закону, принужденъ платить *advoc.* Итакъ, тутъ не возражайте, э о же деньги типографіи.

Теперь насчетъ бумагъ у васъ: 1-е, исторію о помѣщикахъ сейчасъ пришлите по почтѣ, это намъ необходимо, и франкуруйте тамъ; 2-е, если что есть очень современнаго, тоже пришлите; 3-е, всему остальному сдѣлайте каталогъ ¹⁾. Что же вы не пишете, какъ вамъ понравился мой новый годъ: «1860» въ 1 «Колоколѣ»? Я очень доволенъ этой статьей.

1323. Письмо М. А. Марковичъ.

26 января 1860.
Park House, Fulham.

Какъ досадно и смѣшно было намъ, Марья Александровна, узнать нашу ошибку. Вы намъ прислали разные «елочные» фрукты, а мы благодарили Тат. Петр... А потому вы простите намъ и дайте вашу руку, чтобъ поблагодарить теперь.

Тихо, ужасно тихо идутъ дѣла на Руси; слабая рука Алекс. Ник. дрожить. Въ Ростовѣ комиссіи—единственный оплотъ освобожденію. Противъ нея интригуютъ и дѣлаютъ всякія мерзости; Самаринъ (онъ моложе меня лѣтъ пять) до того горячился, что un beau jour упалъ разбитый параличемъ. Теперь онъ поправился немного и снова явился на своемъ посту. Молодецъ!

Въ февралѣ, такъ въ февралѣ, милости просимъ, но весной здѣсь лучше; февраль—скверный мѣсяць, напротивъ, мартъ и апрѣль лучше иногда мая и іюня. У меня есть противъ васъ злой умыселъ—мнѣ хочется васъ заставить—вечеръ или два—слушать отрывки изъ «Былого и думъ», изъ тѣхъ частей, которыя будутъ напечатаны, когда меня запечатаютъ, какъ посылку, на тотъ свѣтъ (отчего никогда не страхуютъ покойниковъ? вотъ было бы вѣрнѣйшее средство узнать, есть ли тотъ свѣтъ и есть ли тамъ почтовая контора?). Отрывки эти, кромѣ Ога—выхъ, никому я не читалъ (исключая двѣ, три главы), и мнѣ хотѣлось бы *совершенно искреннюю* отзыва, и отзыва не мужского ²⁾.

¹⁾ Это еще разъ указываетъ, какую массу матеріала посылали изъ Россіи къ М. К. Рейхель, въ этотъ «главный штабъ» Герцена.

²⁾ Рѣчь идетъ о главахъ V части.

Я счелъ долгомъ предупредить васъ, что васъ ждетъ, сверхъ качки на Ламаншѣ, тумановъ въ Лондонѣ, темноты въ полдень и дождя всѣ 24 часа, еще такой капканъ. Берите мѣры!

Кстати, я съ Ог. изобрѣлъ, что такъ, какъ у Гоголя «сумасшедшій» пишетъ: «день безъ числа», такъ въ англійскомъ климатѣ, чисто сумасшедшемъ, есть

«числа безъ дня»,
оттого и темно.

1324. Письмо къ И. С. Аксанову.

31 января 1860 г.
Park House, Fulham.

Здравствуйте на Западѣ, любезнѣйшій Иванъ Сергѣевичъ, — письмо ваше и посылка были праздникомъ для насъ. Мы искренно и много любимъ и уважаемъ васъ. Хорошо бы вы сдѣлали, если-бъ пріѣхали освѣжить насъ невской водой (не ваша вина, что она не чище откупной водки).

Что это за комическое лицо—Алекс. III Слабость—не только мать пороковъ, но ошибокъ. И жаль его, а я думаю, придется сдѣлать ему по службѣ строжайшій выговоръ со внесеніемъ въ «Колоколь» и оставить его на Барановыхъ ¹⁾ и Адлербер.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы не видѣлись, партіи обозначились больше.

Мнѣ досадно, что вы не говорите о рядѣ моихъ статей «Русскіе-нѣмцы» въ «Кол.», особенно о послѣдней (15 декабря). Если теперь славяне не видятъ, что мы представляемъ разное, но родственное съ ними направление, а съ западниками—разное и враждебное, — не наша вина. Напишите мнѣ объ этомъ (если у васъ нѣтъ, я тотчасъ вышлю №№) и скажите ваше мнѣніе. Намъ очень бы надобно было повидаться для того, чтобы взять общія мѣры, настоящую линію дѣйствій.

*) Т.-е. намъ кажется, что въ австрійскихъ владѣніяхъ вамъ надобно очень остерегаться,—тамъ такое озлобленіе противъ русскихъ и такая боязнь панславизма.

¹⁾ Остзейская вѣтвь; родоначальникъ графовъ Барановыхъ Трофимъ-Іоаннъ былъ женатъ на сестрѣ В. Ф. Адлерберга; тогда пользовались фаворомъ генераль-адъютанты графы Николай, Павелъ и Эдуардъ Трофимовичи Барановы.

*) Послѣ приписки Огарева: «...Не вздумайте отправиться въ путешествіе, не повидавшись, тѣмъ болѣе, что ваше путешествіе не такъ легко, какъ, можетъ, вамъ теперь кажется».

У насъ пошли слухи что у Юр. Самарина былъ ударъ; правда это? Неужели и онъ плѣнился чернильными лучами бюрократіи?

Пишите, пожалуйста, поскорѣе, а главное — прѣзжайте. Посланное вами пришло исправно.

Дружески обнимаю васъ.

Вотъ еще—что же западники? какъ они насъ — побранивають или нѣтъ?

1325. „Изобличитель“.

Мы имѣемъ передъ глазами двѣ тетрадки, въ которыхъ студенты московскаго университета изобличаютъ аудиторіямъ дурные поступки товарищей. Вещь очень полезная, но недостаточная; за такимъ обвиненіемъ долженъ быть судъ,—судъ обязаный выслушать оправданіе, судъ, настолько выражающій живое, дѣятельно-нравственное понятіе аудиторіи, настолько сильный ея сочувствіемъ, чтобъ онъ могъ *исключать* изъ среды студентовъ уличеннаго негодая.

Изобличенія, не ведущія ни къ какимъ послѣдствіямъ, кромѣ праздныхъ пересудовъ, при существованіи корпораціи вредны, доказываютъ нравственную шаткость ея и недостатокъ общественной силы.

Въ полкахъ, при всей военной дисциплинѣ, офицеры очень часто заставляють загрязнившася товарища выходить въ отставку.

На первый случай мы не хотимъ рассказывать преступныя и грязныя исторіи, прочитанныя нами, но беремъ двѣ изъ нихъ, самыя гнусныя, для того, чтобы поставить вопросъ: могутъ ли порядочные студенты находиться въ одной и той же аудиторіи съ подобными товарищами, если они не оправдаются, и могутъ ли ихъ терпѣть, если они не хотятъ оправдываться.

Одинъ студентъ изъ ревности заманилъ дѣвушку, съ которой былъ въ связи, на квартиру къ товарищу; тамъ, осылая ее ударами, юный Отелло раздѣлъ ее до рубашки и потомъ *вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ* отодралъ арапникомъ. Въ этой отвратительной исторіи особенно замѣчательно то, что счастливый соперникъ палача былъ тоже студентъ и не только ничего не сдѣлалъ, узнавъ объ этомъ, но даже не возбудилъ этимъ смиреніемъ особеннаго вниманія *Изобличителя*.

Второе происшествіе еще гнуснѣе.

Какой-то студентъ, *обидившійся* тѣмъ, что крѣпостной его слуга повѣсилъ свои панталоны на вѣшалку съ господскимъ платьемъ,

билъ ея палкой, не говоря причины и. требуя, чтобы тотъ *догадался*; такъ какъ бѣдный мальчикъ не догадывался, *студентъ* его *билъ всякій день до тѣхъ поръ*, пока полиція, узнавъ объ этомъ, вступилась за него и отослала мальчика къ родителямъ.

Въ исторіи съ несчастной дѣвушкой еще можно сыскать тѣнь извиненія въ ревности. Хотя и трудно чѣмъ-нибудь объяснить (кромѣ пьянаго состоянія) роль Пилада, державшаго жертву своего Ореста. Но отъ этого систематическаго тиранства надъ мальчикомъ мальчишки-барина, и при томъ студента, становится волосъ дыбомъ. Это холодное, обдуманное, старческое злодѣйство, лишенное даже той грязной поэзіи, которая окружаетъ всякій развратъ и всякое буйство, *cela promet* ¹⁾... и особенно въ то время, когда вся Россія говоритъ объ уничтоженіи крѣпостного права! Такое глубокое, коренное растлѣніе, однажды узнанное, врядъ имѣютъ ли право студенты амнистировать, не взявъ на себя доли грязнаго пятна.

Намъ возразятъ, что люди, способные бить своихъ людей, не подчинятся суду, не выйдутъ на правезь, а, пожалуй, донесутъ и, все-таки, останутся.

Если тысяча студентовъ не умѣетъ отлученіемъ отъ огня и воды товарищества отравить жизнь какому-нибудь негодю, преступнику или доносчику до того, чтобы онъ не смѣлъ противъ ихъ воли остаться, тогда лучше не дѣлать обличеній, а исправно слушать лекціи, держать спокойно экзаменъ и еще спокойно ѣтъ итти на службу...

Въ наше время подобный случай былъ невозможенъ. Мы не слышали о студентахъ-палачахъ; студентъ, который бы билъ систематически своего крѣпостного слугу, не былъ бы съ нами или мы бы не были съ нимъ, а, можетъ быть, годомъ, двумя раньше— въ Вяткѣ или Перми.

Что касается до университетскаго начальства, оно имѣетъ тотъ характеръ тяжелой глупости, къ которому особенно предрасполагаетъ педантская ученость, старо-семинарское боговоспитаніе, доктринаризмъ и вообще наука, когда она не по организму.

Рядомъ съ тупоуміемъ и іезуитизмомъ, съ Баршевымъ ²⁾, требующимъ «кнута для живыхъ и позора для мертвыхъ», и Орнатскимъ ³⁾, толкующимъ объ «особенныхъ притеченіяхъ святаго духа на главу помазанника божія», встрѣчаются разныя канцелярскія пакости, показывающія, что aula ⁴⁾ университетская все же кровная, родная уѣздному суду, гражданской палатѣ.

¹⁾ Это подаетъ надежды.

²⁾ Яковъ Ивановичъ.

³⁾ Сергѣй Николаевичъ.

⁴⁾ Заль, аудиторія.

Зачѣмъ Майкову ¹⁾ (котораго, говорятъ, уволили изъ комитета объ освобожденіи крестьянъ за то, что онъ защищалъ крѣпостное право) каеэдра сохранена послѣ его исторіи, а онъ самъ живетъ въ отпуску?

Зачѣмъ Овидій, воспѣвавшій любовь пауковъ,—Варнекъ, не лишень каеэдры и Борзенковъ только его адъюнктомъ?

Зачѣмъ frater Летуновъ ²⁾ все спитъ, когда его зовутъ по обязанности къ больнымъ и даже умирающимъ студентамъ? Онъ такимъ образомъ уже заспалъ Жукова. Альфонскій, въ качествѣ генерала и хирурга, могъ бы сдѣлать свой судъ Соломоновъ. Если же Летуновъ одержимъ спячкой, какъ многіе изъ русскихъ «грызуновъ», по свидѣтельству Палласа, то отчего же не найти ему больше дневного употребленія—лѣчить ректорскихъ кошекъ, попечительскихъ лошадей, Орнатскаго, когда онъ занеможетъ, и прочихъ вещей, которыхъ не очень жаль.

1326. (Убитый помѣщикъ).

«Le Nord» рассказываетъ, по своему обычаю умалчивая собственныя имена, что въ Тамбовской губерніи крѣпостной человекъ убилъ своего помѣщика, вступившись за честь своей невѣсты. И превосходно сдѣлалъ, прибавимъ мы. Таковы нравственныя послѣдствія преступнаго и, по счастью, издыхающаго теперь крѣпостного права. Посмотрите на эту чудовишную альтернативу: или вамъ приходится сказать, что священный долгъ жениха, брата, отца почтительно молчать, когда насилуютъ его невѣсту, сестру, дочь,—сказать, что этого молчанія требуетъ нравственность, религія и чистота семейной жизни, или сознаться, что въ подобномъ случаѣ *еще нравственнѣе* расколоть топоромъ голову барину? Что касается до насъ, мы предпочитаемъ послѣднее!

«Nord» совершенно правъ, говоря, что наказывать «по всей строгости законовъ» плетью и каторгой такого преступленія нельзя, что это безобразно; особенно, прибавимъ мы, когда рядомъ «строгость законовъ» оказывается слабостью бабушки къ внучатамъ въ отношеніи къ Затлеру.

Кстати, когда же намъ напишутъ, что сдѣлали съ орловскимъ помѣщикомъ Гутцейтомъ, насилловавшимъ дѣтей? или его оставили тоже *до перваю жениха*?

Эхъ, вы, законодатели, администраторы!

¹⁾ Леонидъ Николаевичъ.

²⁾ Николай Ивановичъ, прозекторъ московскаго университета.

1327. Изъ Москвы.

Университетъ больше и больше превращается въ дѣтскій пріютъ: за нѣмъ приставленъ въ родѣ мамушки—Авиловъ, бывшій директоромъ 2-ой гимназіи. Онъ и его помощники сидятъ на лекціяхъ и учатъ студентовъ слушать. Онъ и его помощники ходятъ по саду, ходятъ по двору—и отучаютъ студентовъ кѣрить; говорятъ, что съ будущаго семестра инспекторъ и его помощники будутъ умывать руки студентамъ и причесывать ихъ, а курса черезъ два—носить ихъ на рукахъ, водить по лѣстницѣ.

Письмо изъ Москвы, лежащее передъ нами, говоритъ, между прочимъ: «Мѣсто Иноземцева занялъ теперь человекъ умный и дѣятельный—Басовъ ¹⁾. Адъюнктъ Иноземцева Матюшенко ²⁾ занялъ кафедру Басова. Нужно избрать теперь адъюнкта Басову на мѣсто Матюшенкова. Достойнымъ этого мѣста является уже извѣстный университету, особенно медицинскому факультету, Разсвѣтовъ. Басовъ первый изъявилъ желаніе имѣть у себя адъюнктомъ Разсвѣтова, и всѣ профессора мед. факультета раздѣлили желаніе Басова. Въ совѣтѣ собираются профессора юридич., математ., филолог. и мед. факультетовъ. Люди, *совершенно не знающіе медицины* и не понимающіе Разсвѣтова, положили ему черные шары, и Разсвѣтовъ не избранъ адъюнктомъ...

«Г. Леонтьевъ ³⁾, профессоръ латинскаго языка на юридич. и филолог. факультетахъ, сталъ въ глаза называть студентовъ, своихъ слушателей — глупцами, школьниками, мальчишками и т. п., прибавляя далѣе, что они заслуживаютъ розогъ. Заикнулись, было, нѣкоторые студенты, но ихъ тотчасъ же исключили изъ университета».

Г. Леонтьевъ, неужели это правда?

1328. В. Безобразовъ.

¿ Правда ли, что статья В. Безобразова «Аристократія и интересы дворянства», помѣщенная въ «Русскомъ Вѣстникѣ» ⁴⁾, была разбираема въ комитетѣ министровъ *подъ предѣтельствомъ* государя? Правда ли, что

¹⁾ Василій Александровичъ.

²⁾ Иванъ Петровичъ.

³⁾ Павелъ Михайловичъ.

⁴⁾ 1859 г. №№ 1, 11, 17 и 21.

за немедленное прекращеніе журнала былъ... отгадайте... разъ, два... десять... *Николай Милютинъ*, а противъ такой николаевской мѣры—*Горчаковъ*? Правда ли, что В. Безобразову (какъ нѣкогда Чаадаеву) запретили писать? Отчего не запретили ему думать, быть умнымъ человѣкомъ и пр.? ¹⁾

1329. Отъ редакціи.

1. Намъ спрашиваютъ, получили ли мы «Записки» кн. Ив. Вл. Лопухина? Нѣтъ, мы ихъ не получали.

2. Мы получили двѣ статьи о спорномъ вопросѣ общиннаго и необщиннаго землевладѣнія. Мы не можемъ ихъ напечатать и отвѣчать на нихъ прежде, чѣмъ окончимъ разборъ докладовъ хозяйственнаго отдѣленія Ростовцовской комиссіи и разборъ соображеній о выкупѣ крестьянскихъ земель финансоваго отдѣленія комиссіи.

3. Нѣсколько разъ получали мы письма изъ Петербурга и другихъ городовъ Россіи съ просьбой выслать книги, «Колоколъ» и, главное, съ просьбой немедленно отвѣчать. Что это: шутка, неопытность или бравада? Во всякомъ случаѣ мы считаемъ нашимъ долгомъ *не отвечать*.

1330. Письмо къ Н. Н. Мазуренку.

3 февраля 1860 г.

Спѣшу отвѣчать вамъ на главный вопросъ: если вы не перервали себѣ путь (официально), то воздержитесь. Жизнь эмигранта, и въ особенности русскаго, ужасна; работая въ типографіи, вы не выработаете больше 35 или 40 франковъ въ недѣлю; тайной это не можетъ остаться; скорѣе—безъ имени переводить съ русскаго на французскій или нѣмецкій.

Какъ можно теперь оставлять Россію, когда тамъ каждая сила нужна, когда всѣ мы рвемся туда, и особенно человѣку, познавшему, что время общенія съ народомъ наступило.

Статьи ваши я получилъ. Разговоръ на станціи нѣсколько фельетоненъ для «Колокола», другія мѣста употребимъ.

¹⁾ Все это, кажется, не вѣрно.

Романы надобно прочесть. Если ихъ можно печатать въ Россіи, вы можете продать въ редакцію «Отеч. Зап.» или «Совр.». Если нельзя и они хороши, можно спросить Трюбнера.

Пишу второпяхъ и отъ души кланяюсь.

А. Герценов. ¹

◆◆ 1. Адресатъ говоритъ, что, получивъ это письмо, онъ тотчасъ же вернулся въ Россію, гдѣ и работалъ въ прогрессивныхъ журналахъ («Истор. Вѣстн.» 1907, IX, 890).

1331. Письмо къ М. К. Рейхель.

4 февр. 1860.
Park House, Fulham.

All right, все пришло благополучно и аккуратно. Письмо ваше получилъ; не писалъ я дней пять, потому что 1 фев послалъ вамъ 62 «Колоколь», гдѣ напечатано о полученіи. Но, въ самомъ дѣлѣ, не хорошо что или спрашиваютъ? Иногда можно посылать неважныя вещи черезъ книгопродавцевъ (я забылъ, кто Трюбнеровъ корреспондентъ), а важныя можно или какъ письмо, а всего лучше съ вѣрнымъ человѣкомъ.

Вы, вѣроятно, знаете, что Унковскій убитъ ¹). Но вотъ вамъ къ характеристикѣ дѣла. Мнѣ писали и я получилъ въ Лондонѣ 18/6 янв. о томъ, что Долголовъ хотѣлъ ему отмстить за отца; что губернаторъ узналъ; что онъ уладилъ дѣло, но что Долголовъ хвасталъ, что доѣдетъ Унковскаго... Что же сдѣлала олиція, имѣя въ виду это? Унков. былъ очень хорошій человѣкъ и сильный. Впрочемъ, жду подробностей.

Отправить Тату или Ольгу въ Россію было бы безобразіемъ. Добро бы съ кѣмъ-нибудь на годъ или на два, а навсегда и думать нечего. Саша могъ бы съѣздить въ совершеннолѣтіе за костромскими доходами (ихъ теперь должно быть до 100,000 ассигн.), но объ этомъ слѣдуетъ списаться съ очень хорошо знающими людьми.

Когда Т. П. пріѣдетъ сюда, мы поговоримъ. Я большой алчности не имѣю, но думаю, что чѣмъ больше дѣтямъ достанется, тѣмъ они свободнѣе будутъ.

Прощайте. Кланяйтесь Рейхелю. Знаете ли вы, что опера Кашперова «Maria Tudor» очень идетъ въ Италиі? Вотъ и русскій maestro.

¹) Невѣрно.

А propos къ maestro, я вспомнилъ maestro Мельгунова; онъ пишетъ, что за мои письма, франкир. въ 6 пенсовъ, онъ долженъ былъ приплатить что-то въ родѣ 8 су. Я справлялся здѣсь. Это—явное мошенничество почты; они, видите, нарочно посылаютъ черезъ Бельгію.

1332. Письмо къ сыну.

7 февр. 1860.

Paris house, Guipat.

Не будемъ длить этой переписки, т.-е. объ этомъ, и оставимъ главные вопросы до того времени, когда ты всѣми силами ума и сердца поймешь задачу. Ты своего положенія не понимаешь—это ясно. Быть свободнымъ человѣкомъ—вещь очень хорошая и совершенно отрицательная. Самый свободный человѣкъ въ мірѣ—Гольинскій. Высокое значеніе всей исторіи—страстная борьба. И наука можетъ быть борьбой, мученіемъ и величайшимъ благомъ, но только, когда она входитъ въ душу съ своими вопросами на жизнь и смерть. Когда ты порядкомъ вчитаешься въ «Фауста», то поймешь, какъ Гете ярко разграничилъ ученаго à la Каченовскій—Вагнера, и мыслителя, à la Огаревъ—Фауста. И это не все. Чѣмъ смѣлѣе, чѣмъ безумнѣе человѣкъ чертитъ свое будущее, тѣмъ шире становится онъ.

Неужели у тебя недостаетъ любопытства узнать, положить пальцы въ раны той страны, которая теперь становится задачей для всѣхъ дальновидныхъ умовъ? Швейцарія—мѣсто покоя, ученой работы, но она не можетъ дышать свободно, она вся подъ вліяніемъ Наполеона, даже Австріи; про остальную Европу и говорить нечего, а потому я совершенно понимаю Шурца, который ушелъ въ Америку, и совершенно не понимаю русскаго, который изъ сурово-юнаго хаоса идетъ въ хаосъ гнилого разложенія. Твое дѣйствительное несчастіе и въ которомъ ты не несешь никакой отвѣтственности, это—твоя оторванность отъ всякой традиціи; у тебя нѣтъ той Naturgewalt ¹⁾, которая даетъ національную физіономію, цвѣтъ и стремленія. Ты безспорно сыгралъ тѣмъ, что изъ общества Дом. ²⁾ и Бокэ перешелъ въ чистую семью, но окончательно потеряешь свою физіономію, и это оттого, что она не была круто

¹⁾ Природной силы.

²⁾ Доманже.

завернута, а не была таковой оттого, что ты велъ пусто-разсѣянную жизнь и не понималъ дѣла, возлѣ тебя подымавшагося.

Татьяна Петровна писала мнѣ изъ Гейдельб., что разныя важныя (финансовыя) дѣла требовали бы чьего-нибудь присутствія въ Россіи. Можетъ, не дурно было бы тебѣ съѣздить въ 21 годъ, разумѣется, узнавъ прежде, какъ уѣхать. Впрочемъ, тебя тѣснить не будутъ, это пока совсѣмъ не въ духѣ Алекс. Я на твоёмъ мѣстѣ прожилъ бы тамъ года два-три, присмотрѣлся бы къ иной аренѣ. Подумай объ этомъ.

Что касается до послѣдняго твоего признанія, я одного не понимаю: какъ его quadreg ¹⁾ съ тѣмъ, что ты мнѣ въ Лондонѣ говорилъ ²⁾.

Помни одно, что тѣ чувства только святы, которыя прошли горнило лѣтъ, испытаній и не кончаются, мѣняясь съ географическимъ перемѣщеніемъ и временемъ года.

Помни и то, что жизнь не начинается, а завершается покойемъ.

Затѣмъ обнимаю тебя.

P. S. Что же Фогтъ не посылаетъ брошюру? Здѣсь объ ней была статья въ «Daily Telegraph». Или онъ недоволенъ моимъ письмомъ?

Тата не знаетъ, что я пишу. Я продолжаю быть довольнымъ ею. У ней больше той фізіономіи, о которой я говорю, чѣмъ у тебя. Кланяйся всѣмъ.

◆◆ 1. Мать Эммы, дочь старика Фогта, была замужемъ за Урихомъ. Они жили тогда въ Америкѣ, а дочь, 16-лѣтняя дѣвушка, воспитывалась въ пансіонѣ въ Цюрихѣ. Изъ послѣдующей переписки съ сыномъ видно отношеніе къ этому увлеченію Герцена. Въ воспоминаніяхъ Т. П. Пассекъ объ этомъ сообщаетъ не мало вздору на ряду съ безспорными фактами (т. II, стр. 354—357), а Огарева не приводитъ ничего такого, что не было бы ясно изъ послѣдующихъ писемъ (стр. 171—175). Женитьба не состоялась; желавшіе ея родители увезли Эмму въ Америку, думая вернуться вскорѣ обратно, но она вышла тамъ замужъ.

¹⁾ Согласить.

²⁾ А. А. Герценъ сообщилъ, что любитъ внучку старика Фогта, Эмму Урихъ. ¹

1333. Письмо къ сыну.

13 февраля (1860).
Park House, Fulham.

Письмо твое я получилъ. Повторяю то же, что сказалъ въ прошломъ: я вѣрю только тѣмъ чувствамъ, которыя зимуютъ, а потому сужденіе о будущемъ предоставимъ будущему. Что ты со мною откровененъ, это хорошо, но неудивительно: ближе друга у тебя нѣтъ.

Вотъ тебѣ подарокъ. Одинъ академикъ петерб. академіи ¹⁾ написалъ большую картину «Апоѳеозъ „Полярн. Звѣзды“ и „Колокола“». Мнѣ прислали изъ Парижа три прескверныя фотографіи, посылаю тебѣ одну. Говорятъ, что картина превосходна. Русскіе художники хотятъ въ послѣдствіи поднести ее мнѣ.

Средняя фигура ²⁾ очень граціозна. Внизу Алекс. II, генералы въ маскахъ, попы и народъ, слушающій звонъ.

1334. FOR GENTLEMEN ONLY ³⁾.

¿ *Правда ли*, что русскій архимандритъ въ Аѳинахъ слишкомъ предается восточнымъ и античнымъ страстямъ,—страстямъ очень ретрограднымъ въ нашу прогрессивную эпоху, идущую все впередъ? Намъ пи-гали объ этомъ *четыре раза*,—нельзя, наконецъ, не спросить, хоть, напр., Озерова (не трагика) ⁴⁾, почему онъ покровительствуетъ такимъ языческимъ поползновеніямъ отца-архимандрита и даже тѣснитъ діакона ⁵⁾, имѣвшаго неосторожность найти православно-несовмѣстнымъ должность послушника и Антиноя?

1335. Ученыя извѣстія.

Петербургскія газеты увѣдомляютъ насъ, что во вторникъ, 29 декабря 1859 жрецы науки сдѣлали въ академіи, дѣйствительно, замѣчательный актъ мужества и упрочили независимость академической науки. Въ присутствіи

¹⁾ Алексѣй Петровичъ Боголюбовъ.

²⁾ Самого Герцена.

³⁾ Только для мужчинъ.

⁴⁾ Александръ Петровичъ, нашъ посланникъ въ Аѳинахъ.

⁵⁾ Агапій (Андрей Гончаренко).

всѣхъ сановниковъ, несмотря даже на то, что и *въшающій* Муравьевъ былъ тамъ, непремѣнный секретарь прочелъ, что академіи удалось исходатайствовать высочайшее соизволеніе Государя Императора *ходатайствовать*, Его Императорскаго Высочества, Государя Наслѣдника, Цесаревича. Великаго Князя—еще что?..—слава богу, молитвами отца нашего Василя Борисовича Бажанова ничего нѣтъ дальше—одинъ имярекъ... итакъ—наслѣдника, цесаревича, великаго князя Николая Александровича о соизволеніи принять званіе почетнаго члена академіи.

Я бы отказался на его мѣстѣ: не хочу, молъ, быть почетнымъ членомъ невской Миневры до тѣхъ поръ, пока она выражается, какъ чухонская горничная.

1336. Академикъ Басинъ.

Правда ли, что академикъ Басинъ¹⁾ бьетъ учениковъ академіи художествъ? И правда ли (если это правда), что ученики его еще не поколотили?

1337. „Агрономическая Газета“.

Въ Петербургѣ выходитъ «Агрономическая Газета». Цензура положила на нее (читаемъ мы въ «Gazette du Nord») слѣдующее замѣчательное тавро: *«Печатать дозволяется съ тѣмъ, чтобъ газета не разсылалась, не была бы перепечатываема въ журналахъ и не продавалась бы въ книжныхъ лавкахъ»*. Въ Германіи встарь писали драмы не для сцены. Татарско-нѣмецкой цензурѣ нашей предстояла честь позволять журналы *не для чтенія*. Это сильно смахиваетъ на мертворожденную цензуру Модеста Корфа,—онъ первый началъ въ Россіи печатать: «въ видѣ манускрипта».

1338. (Переходное положеніе).

«Le Nord» отъ 5 февраля говоритъ, что уже оконченное положеніе объ освобожденіи крестьянъ начнутъ приводить въ исполненіе съ будущаго сентября. Во время переходнаго срока, отъ 10 до 12 лѣтъ (?), въ каждомъ уѣздѣ будетъ *военный начальникъ съ полной властью* дѣйствовать, въ случаѣ столкновеній между помѣщиками и крестьянами, — то-есть бояться неизбѣжныхъ при переходномъ положеніи (и невозможныхъ, по ненужности, при немедленномъ учрежденіи выкупа) крестьянскихъ бунтовъ и потому припасаютъ солдатъ и военачальниковъ душиить народъ, если онъ

¹⁾ Петръ Васильевичъ.

чуть гдѣ пикнетъ. Сомнѣваемся мы въ этомъ, но если это правда?.. О, святая предусмотрительность! Ну, а если солдатамъ противно будетъ изъ храбраго войска сдѣлаться палачами своихъ братьевъ-мужиковъ? Тогда что?.. Тогда первый умный полковникъ, который съ своимъ отрядомъ примкнетъ къ крестьянамъ, вмѣсто того, чтобъ душиить ихъ,—сядетъ на престолъ Романовыхъ.

1339. [Къ управленію государственными имуществами].

Съ величайшимъ удовольствіемъ мы узнали объ отмѣнѣ окружныхъ въ государственныхъ имуществахъ и оставленіи однихъ волостныхъ управленій. Теперь, для устраненія грабежа волостныхъ головъ, мы нетерпѣливо ждемъ отмѣну палатъ и министерства государственныхъ имуществъ.

1340. („Przegląd Rzeczy Polskich“).

«Przegląd Rzeczy Polskich» вновь напечаталъ замѣчательную статью о нашихъ мнѣніяхъ¹⁾. Читатели наши помнятъ, можетъ быть, что мы писали о *Россіи и Польшѣ* («Колоколъ» лл. 32—34), вызванное статью того же польскаго обзрѣнія: «Aleksander Herceń i Wolna Rossyjska Drukarnia w Londynie»; это — отвѣтъ на нихъ. Тотъ же благородный духъ, тотъ же пламенный и гордый патріотизмъ отличаютъ и новую статью. Нѣтъ, мы не можемъ быть противниками, мы, дѣйствительно, какъ Польша и Россія,—не враги, а *разномыслящіе братья*. Въ одномъ изъ слѣдующихъ листовъ «Колокола» мы скажемъ наше мнѣніе о спорныхъ предметахъ. Такая полемика много уяснить въ вопросѣ, она сблизитъ, а не разведетъ. Ни въ нападеніи, ни въ отпорѣ тѣни нѣтъ самолюбія, любовь къ родинѣ съ обѣихъ сторонъ и съ тѣмъ вмѣстѣ съ обѣихъ сторонъ взаимное признаніе искренности... Наша разница, это—тотъ уголь, который астрономы называютъ *паралаксомъ*: мы наблюдаемъ съ разныхъ точекъ одну и ту же звѣзду и оттого разно пролагаемъ ее; надобно опредѣлить ея объективно-истинное положеніе. Попытаемся это сдѣлать.

10 февраля 1860.

¹⁾ «Postępowa myśl rossyjska w obec zadań polskich» («Прогрессивная русская мысль передъ лицомъ польскихъ задачъ»), книжки отъ 14 декабря 1859 и 28 января 1860 г.

1341. Письмо къ М. А. Марковичъ.

23 февр. 1860.
Park House, Fulham.

Письмо ваше сегодня получилъ. Такъ это вы хворали въ вашемъ Гейдельбергѣ,—а мы здоровы въ нашей трущобѣ сырости, тумана и мглы. Что это за печальный климатъ! онъ ведетъ къ сосредоточенному озлобленію.

Перечиталъ я вашу «Игрушечку». Превосходная вещь; вы ее исправили и, кромѣ двухъ-трехъ бездѣлицъ да вдвое малороссійскихъ словъ, это былъ бы брильянтъ чистѣйшей воды. Я читалъ ее вслухъ, и на всѣхъ она сдѣлала то же впечатлѣніе, какъ на меня.

Въ польскомъ *Revue* ¹⁾, выходящемъ въ Парижѣ, двѣ длинныя (и очень умныя) статьи противъ меня.

Ну, дѣлать нечего—попробую старческіе мускулы и проберу его. Когда же вы будете? Вы напишите дня за два.

Статьи о Павлѣ я получилъ.

Будьте же здоровы, кланяйтесь вашимъ и передайте записочку Т. П. ²⁾.

Огаревъ, Нат. Ал. и дѣти усердно кланяются.

1342. Письмо къ Р. Гриффину и Н^о ³⁾.

24 fev. 1860.
Park House, Fulham.

Monsieur,

Moins habitué à écrire l'anglais, je prends la liberté de vous répondre en français sur votre bien aimable lettre.

Il y a quelques erreurs dans la petite note. 1-о. Je suis né en 1812 le 25 mars. 2-о. J'ai été exilé pour la première fois en 1834—l'endroit de mon exil était la ville *Perm*, ensuite *Wiatka*—cela a duré cinq ans. 3-о. Le second exil de Pétersbourg à Novgorod—deux années (1841—1842) moins quelques mois. 4-о. Ce n'est pas Louis-Philippe—qui m'expulsa de France, mais *Louis-Napoléon* en 1850. J'ai quitté sous

¹⁾ См. № 1340.

²⁾ Пассекъ.

³⁾ R. Griffin and C^o—издатели «The Rank and Talent of the Time».

Louis Ph. Paris pour un voyage en Italie. Après la révolution de Février, je retournais, mes liaisons avec Proudhon et autres et ma collaboration au journal «La voix du Peuple»—m'ont fait expulser. J'allai à Nice—de là en 1852—à Londres.

A Londres commence une nouvelle partie de mon activité. J'ai organisé en 1853 une imprimerie russe à Londres, et depuis ce temps nous imprimons continuellement. Jusqu'à la mort de Nicolas nous avons imprimé à nos frais sans pouvoir vendre un exemplaire. Mais après la mort de Nicolas les affaires changèrent. Après avoir publié en russe les livres:

1. Lettres sur l'Italie et la France,
2. De l'autre rive,
3. Recits interrompus,

J'ai commencé la Revue «L'Étoile Polaire» en 1855, et en 1856 un journal «La Cloche» (Kolokol) qui paraissait tous les 15 jours. Ce journal a acquis une importance immense en Russie—en dévoilant les méfaits—des fonctionnaires.

Voilà tout ce que je crois nécessaire de vous communiquer, demain vous recevrez la traduction française de mes mémoires. Je vous l'offre en vous priant de lire *la Préface*. M. Délaveaux y raconte beaucoup sur ma carrière russe.

Récevez, Monsieur, mes salutations empressées.

Alexandre Herzen.

Переводъ.

24 февраля 1860.

Милостивый Государь,

Не имѣя привычки писать по-англійски, я позволю себѣ отвѣчать по-французски на Ваше милое письмо.

Есть нѣсколько ошибокъ въ маленькой замѣткѣ ¹⁾. 1) Я родился въ 1812 г., 25 марта. 2) Меня выслали въ первый разъ въ 1834 г.; мѣстомъ ссылки былъ городъ *Пермь*, потомъ *Вятка*; продолжалось это пять лѣтъ. 3) Вторая высылка изъ Петербурга въ Новгородъ—въ теченіе двухъ лѣтъ безъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ (1841—1842). 4) Не Луи-Филиппъ изгналъ меня изъ Франціи, а Луи-Наполеонъ въ 1850 г. При Луи-Филиппѣ я покинулъ Францію для путешествія по Италиі. Послѣ февральской революціи я вернулся, но связь съ Прудономъ и другими и сотрудничество въ га-

¹⁾ Замѣтка о Герценѣ помѣщена въ «The Rank and Talent of the Time A Dictionary of contemporary Biography», London, 1861, стр. 208. Герцену была прислана корректура.

зетѣ «La Voix du Peuple» были причиной изгнанія. Я побѣхалъ въ Ницу, а оттуда, въ 1852 г., въ Лондонъ.

Въ Лондонѣ начинается новый періодъ моей дѣятельности. Въ 1853 г. я устроилъ въ Лондонѣ русскую типографію, и съ тѣхъ поръ мы постоянно печатаемъ. До смерти Николая мы печатали на свои деньги,—не продавалось ничего. Но послѣ смерти Николая дѣла перемѣнились. Напечатавъ по-русски книги:

1. «Письма изъ Италіи и Франціи»,
2. «Съ того берега»,
3. «Прерванные рассказы»,

я началъ издавать въ 1855 г. журналъ—«Полярную Звѣзду», а въ 1856 ¹⁾—газету «Колоколъ», которая выходитъ каждыя двѣ недѣли. Газета эта имѣетъ огромное вліяніе въ Россіи, разоблачая подлости чиновниковъ.

Вотъ все, чтѣ я считаю необходимымъ сообщить Вамъ; завтра Вы получите французскій переводъ моихъ воспоминаній,—я дарю Вамъ ихъ, прося прочитать *Предисловіе*. Г. Делаво рассказываетъ тамъ много о моей карьерѣ въ Россіи.

Примите мой сердечный привѣтъ.

Александръ Герценъ. ¹

◆ 1. 21 января 1860 г. въ № 513 «The Leader», въ отдѣлѣ «Изъ иностранныхъ книгъ» появилась рецензія на французскій переводъ «Былого и думъ». Привожу ее полностью:

«Среди политическихъ писателей настоящаго времени Александръ Герценъ занимаетъ чрезвычайно интересное и важное положеніе. Это положеніе стало особымъ, хотя онъ не искалъ того. Сама судьба, повидимому, поставила его въ такое положеніе послѣ того, какъ онъ избавился отъ преслѣдованія на родинѣ и взялъ на себя миссію наставленія Россіи изъ-за границы путемъ свободной, смѣлой, плодотворной проповѣди и ознакомленія Европы съ русской болѣе глубокой духовной жизнью, изъ нѣдръ которой должно выйти будущее развитіе Россіи. Но не политическое или литературное честолюбіе влекло Герцена къ этой карьерѣ. Онъ стремился къ ней не болѣе, какъ къ осуществленію права свободнаго челоуѣка высказывать правду, и наиболѣе чарующая прелесть его писаній заключается въ его стремленіи защитить это право со всею силою искренняго чувства; свѣжесть эмоціи отличаетъ его въ такой же степени, какъ проникновенность его философскаго мышленія. Онъ стоитъ на рубежѣ между русской и германской лите-

¹⁾ Описка—1857.

ратурами, и энергія, которую онъ воспринялъ отъ обѣихъ, направляла его и дала ему возможность имѣть вліяніе на литературу Англии и Франціи. Въ немъ замѣчательнымъ образомъ сконцентрировался космополитическій характеръ вѣка. Гете могъ бы усмотрѣть въ немъ яркое подтвержденіе теоріи грядущей универсальной литературы. Изъ Лондона этотъ одинъ человекъ оказываетъ такое вліяніе на Россію, примѣра которому публицистическая литература еще никогда не давала; и все, что онъ работаетъ и создаетъ для Россіи, въ то же время становится достояніемъ остальной Европы. Ему удалось стать въ Англии творцомъ свободной прессы для Россіи, прогрессу которой онъ мощно содѣйствуетъ, и вся Европа съ большимъ интересомъ и сочувствіемъ смотритъ на все возрастающую энергію его дѣятельности».

Повидимому, послѣ такой замѣтки издательство и рѣшило включить Герцена въ свой словарь.

1343. Письмо къ сыну.

25 февр. (1860).

Park House, Fulham.

Любезный Саша, писать о финансовыхъ дѣлахъ долго; упомяну одно, что со времени, какъ мое имѣніе подѣлано секвестромъ, казна беретъ съ него доходъ, примѣрно по 7,000 фр. слѣд., это составляетъ въ десять лѣтъ 70 т. и на нихъ по 3⁰/₀; дальнѣйшее—когда-нибудь. Ты потеряешь формальное право черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ 21 года.

Какъ ты могъ думать, что картина въ Петерб. она выставлена въ Парижѣ; онъ—академикъ, и когда шпионъ Васильчиковъ (о чемъ было въ «Колоколѣ») обходилъ мастерскія, онъ ее видѣлъ¹).

Наконецъ, вышло въ Парижѣ по-франц. «Былое и думы», со скверными картинками и съ титуломъ еще сквернѣе: «Le monde russe et la révolution»²).

M-lle Meysenbug все еще въ Парижѣ, а такъ какъ она съ Кобденами, то перезнакомилась со всѣми грань-французами.

Ех. гг., съ Гизо,
Кузеномъ,
Одилономъ Барро
Мишле,
Минье,

¹) Въ №№ 56 и 60 сообщалось, что Васильчиковъ ревизовалъ работы командированныхъ въ Парижъ русскихъ художниковъ.

²) Переводъ и предисловіе Н. Delaveau.

а такъ какъ Бокэ и Прево ¹⁾ она прежде знала, то, стало, и остается только познакомиться съ Женни въ Ниццѣ.

Après veau ²⁾ я вотъ почему вспомнилъ. Онъ, встрѣтясь со мной, объявилъ, что ты ему остался 21 шил. долженъ за уроки и 3 за починку куртки, которая съ рапирами осталась у него. Такъ ли?

1344. Ростовцовъ и Строгановъ.

Я. И. Ростовцовъ умеръ. Графъ С. Г. Строгановъ назначенъ на его мѣсто ³⁾. Какъ шатко еще все у насъ: смерть одного дѣтеля и замѣна его другимъ наполняетъ какимъ-то ужасомъ мысль нашу, привыкшую съ раннихъ лѣтъ не довѣрять всему, стоящему на снѣжныхъ горахъ петербургскихъ... Вспомните, графъ Сергій Григорьевичъ, что со дня, въ который вы взошли въ комнату, гдѣ обсуждался величайшій русскій вопросъ, вы стали передъ страшнымъ судомъ исторіи, положите на ваше имя благословіе русскаго мужика. До сихъ поръ русскіе аристократы заслуживали только благодарность государей, они только имъ и служили да иногда государству, — народу никогда, зато народъ ихъ ненавидитъ. Переимѣните эту традицію.

Мы не забыли того времени, когда мы васъ лично знали. Въ васъ было много благороднаго, вы любите Россію; покажите, графъ, что маіоратъ въ сорокъ тысячъ душъ не перетянетъ.

1345. Отъ редакціи ¹⁾.

М. Г.,

Я долго сомнѣвался, печатать ваше письмо или нѣтъ, и, наконецъ, рѣшился, но считаю необходимымъ *сперва* сказать нѣсколько словъ объ этомъ.

Вы говорите, что я уже печаталъ письма моихъ враговъ, — отчего же не напечатать письмо одного изъ друзей, «не совершенно

¹⁾ Учитель фехтованія.

²⁾ Каламбуръ: après veau (послѣ телятины) произносится какъ: а Прево.

³⁾ Невѣрно.

¹⁾ Передъ «Письмомъ изъ провинціи» «Русскаго человѣка», написаннымъ Н. Г. Чернышевскимъ. ¹

согласное съ моимъ мнѣніемъ», какъ прибавляетъ приложенная къ вашему письму записка?

Мнѣ разъ случилось помѣстить враждебную статью, но это— недостаточная причина, чтобъ помѣщать дружескія письма, съ которыми мы не согласны. Печатаая враждебныя обвиненія, мы садимся на лавку подсудимыхъ и, какъ всѣ подсудимые, ждемъ суда и впередъ радуемся, если онъ будетъ въ нашу пользу. Скажу больше, я предчувствовалъ, съ которой стороны будетъ общественное мнѣніе, и отъ всей души желалъ этого.

Но этого-то я и не желаю въ отношеніи къ статьямъ нашихъ друзей, съ которыми мы расходимся. Намъ будетъ больно, если мнѣніе выскажется противъ насъ, и больно, если противъ нихъ; торжество надъ своими не веселитъ. Къ тому же въ наше бойкое время нельзя давать много мѣста междоусобному спору, нельзя слишкомъ останавливаться, а надобно, избравши дорогу, итти, вести, пробиваться.

Россія вышла изъ той душевной эпохи, въ которую людямъ только и осталось теоретически обсуживать гражданскіе и общественные вопросы, и, что ни говорятъ, мы не взошли снова въ гамлетовскій періодъ сомнѣній, словъ, спора и отчаянныхъ средствъ.

Дѣло растеть, крѣпнеть, и вотъ почему мы не можемъ быть безпристрастной, нейтральной ареной для бойцовъ, мы сами—бойцы и люди партіи ¹⁾.

Впрочемъ, это замѣчаніе къ вашему письму мало относится. Мы расходимся съ вами *не въ идее*, а въ средствахъ, *не въ началахъ*, а въ образѣ дѣйствованія. Вы представляете *одно изъ крайнихъ* выраженій *нашего* направленія; ваша односторонность понятна намъ, она близка нашему сердцу; у насъ негодованіе такъ же молодо, какъ у васъ, и любовь къ народу русскому такъ же жива теперь какъ въ юношескія лѣта.

Но къ топору, къ этому *ultima ratio* ²⁾ притѣсненныхъ, мы звать не будемъ *до тѣхъ поръ, пока останется хоть одна разумная надежда на развяку безъ топора*.

Чѣмъ глубже, чѣмъ дольше мы всматриваемся въ западный міръ, чѣмъ подробнѣе вникаемъ въ явленія, насъ окружающія, и въ рядъ событій, который привелъ къ намъ Европу, тѣмъ больше растеть у насъ *отвращеніе отъ кровавыхъ переворотовъ*; они бы-

¹⁾ Мы недавно отложили до времени два письма объ общинномъ и личномъ владѣніи. Тѣмъ больше мы сочли себя въ правѣ такъ поступить, что въ 57 листѣ «Колокола» было помѣщено подобное письмо и нашъ отвѣтъ на него. А. И. Г.

²⁾ Последнему доводу.

вають иногда необходимы, или отдѣляется общественный организмъ отъ старыхъ болѣзней, отъ задушающихъ наростовъ, они бывають разовымъ послѣдствіемъ вѣковыхъ ошибокъ, наконецъ, дѣломъ мести, пламенной ненависти,—у насъ нѣтъ этихъ стихій, въ этомъ отношеніи наше положеніе безпримѣрно.

Императорство съ времени Петра I такъ протоптало и выпололо прежнее государственное устройство, какъ этого не сдѣлали 92 и 93 годы во Франціи, такъ что его нѣтъ въ живыхъ, что его надобно отыскивать въ пыльныхъ свиткахъ, въ лѣтописяхъ,— оно для насъ больше чужбе, чѣмъ Франція Людовика XIV.

И это не вся отрицательная заслуга его; важнѣе этого, можетъ быть, то, что оно и не замѣнило его ничѣмъ прочнымъ, органическимъ, что бы бросило глубокіе корни и выросло бы помѣхой будущему. Совсѣмъ напротивъ, осадное положеніе императорства было вмѣстѣ съ тѣмъ постоянной *реформой*.

Слѣзавши все старое, императорская власть принималась обыкновенно новую вчерашнее: Павелъ—екатерининское, Александръ—павловское, Николай—александровское и, наконецъ, нынѣ царствующій государь, сто разъ повторяя, что онъ будетъ царствовать въ духѣ своего отца, ничего не оставилъ отъ военно-смирительнаго управленія его, кромѣ сторожей, истопниковъ и привратниковъ.

Императорская власть столько же и строила, сколько ломала, но строила по чужимъ фасадамъ, изъ сквернаго кирпича, наскоро; зданія его разваливались прежде, чѣмъ покрывались крышей, или ломались по приказу новаго архитектора. Оттого-то никто не вѣрить теперь не только въ прочность грановитой палаты и теремовъ, растреліевскихъ дворцовъ и присутственныхъ мѣстъ, но даже казармъ и крѣпостей.

Если что-нибудь уцѣлѣло подъ ударами императорскаго тара, то это *сельская община*; она казалась нѣмецкому деспотизму до того нелѣпой и слабой, что ее оставили, какъ дѣтскую игрушку, зная впередъ, что она исчезнетъ, какъ только благотворные лучи цивилизаціи ея коснутся.

Другая Россія, Россія правительственная, *дворянская* по той мѣрѣ только и сильна, по которой она идетъ за одно съ правительствомъ.

Онѣ поссорились на вопросѣ объ освобожденіи крестьянъ, и одной неловкости правительства слѣдуетъ приписать то, что оно не умѣетъ воспользоваться этимъ.

Дворянская Россія—искусственная, подражательная, и оттого она безсильна, какъ аристократія. Подумайте о разницѣ между

крестьянскимъ понятіемъ о своемъ правѣ и понятіемъ дворянскимъ. Право на землю такъ кажется естественнымъ и прирожденнымъ крестьянину, что онъ въ крѣпостной неволѣ *не вѣритъ*, что оно утрачено, въ то время, какъ дворяне знаютъ, что права ихъ высочайше пожалованныя и при томъ добровольно дарованныя.

Да оно и некогда было забытъ.

Сто лѣтъ тому назадъ тронутое дворянство русское рѣшило вылить изъ чистаго золота статую Петра III за то, что онъ запретилъ дворянъ бить кнутомъ. Сѣченая спина долго не можетъ сдѣлаться аристократической, рубцы переходятъ въ наслѣдство на цѣлыя поколѣнія.

Аристократизмъ, какъ царская власть, долженъ въ себѣ имѣть долю сумасшествія, безъ котораго онъ не можетъ быть истиннымъ. Царь, не вѣрящій въ помазаніе божіе,—диктаторъ. Аристократія, не вѣрующая въ свою независимую самобытность, въ свое въ крови и бѣлой кости лежащее право,—дворня.

Оттого-то вольноотпущенные вельможи—не западные аристократы, а византийскіе евнухи, восточные сатрапы, преданные нѣмецкіе камердинеры, фавориты и пр. Они *не сами по себѣ*, а понятной логикѣ рабства, чѣмъ дальше отъ трона, тѣмъ они самобытнѣе; чѣмъ ближе, тѣмъ зависимѣе и безличнѣе.

Дворянство наше можетъ приобрести гражданское значеніе только однимъ выходомъ изъ правительственной касты въ неопредѣленное сословіе, называемое *образованнымъ*. Для этого одна дорога—*итти дальше самую правительства въ освобожденіи крестьянъ съ землею*.

Гдѣ же у насъ та среда, которую надо вырубать топоромъ? Невѣріе въ собственныя силы—вотъ наша бѣда, и, что всего замѣчательнѣе,—невѣріе это равно въ правительствѣ, дворянствѣ и народѣ.

Мы за какими-то картонными драконами не видѣли, какъ у насъ развязаны руки. Я не знаю въ исторіи примѣра, чтобы народъ съ меньшимъ грузомъ переправлялся на другой берегъ.

«Къ метламъ!»—надо кричать, а не «къ топорамъ!».

Вы негодуете за то, что дѣло освобожденія застряло, но; неужели вы думаете, что это только отъ тупости однихъ и упорства другихъ?

Я не такъ думаю.

Что правительство идетъ, поворачивая ноги носками внутрь; что оно само перепугалось, видя, какъ крестьянскій вопросъ потянулъ за собой все замысловатое петербургское устройство,—это правда. Что большинство дворянства съ сжесточеніемъ степного волка держится за кость,—это правда.

Но позвольте васъ спросить, давно ли у насъ толковали о томъ, съ землей или безъ земли слѣдуетъ освободить крестьянъ, давно ли хотѣли крестьянъ отбоярить съ однѣми усадьбами, а теперь комиссіи и нѣсколько губерній согласны, что необходимо отдать крестьянамъ пахатную землю и при томъ не по фантастическому нарѣзѣ, а по существующему факту?

Вопросы, теперь волнующіе наше общество,—вопросы, возникающіе, поставленные вездѣ: въ книгахъ и дворцахъ, въ университетахъ и канцеляріяхъ, въ военныхъ школахъ и духовныхъ семинаріяхъ, необычайно трудны; реакціонная Европа у насъ отдернула мало-по-малу всѣ мостики, обобрала всѣ пузыри для плаванія; съ берега намъ прямо приходится бросаться въ море.

Что намъ помогутъ нѣмецкіе юристы, сдѣлавшіе изъ сухого прусскаго деспотизма философію права, и французскіе политики,—изъ трехъ революцій третьяго Наполеона? У англичанъ можно было бы что-нибудь занять, но ихъ законодательство похоже на народныя пѣсни, которыя прекрасны на своемъ языкѣ и нелѣпы въ переводѣ.

И что же можетъ, въ самомъ дѣлѣ, сказать политическая экономія и религія случайной собственности о нарѣзкѣ земель крестьянамъ, объ обязательномъ выкупѣ, объ общинномъ владѣніи? ¹⁾ Мы рѣшительно оставлены на наши силы и на нашу неопытность.

Дайте же сколько-нибудь устояться, прійти въ ясность всей этой массѣ идей; надобно, чтобы одно *мнѣніе* взяло рѣшительный перевѣсъ. Что вы сдѣлаете съ топоромъ, когда одинъ полухоръ говорить, что вопросъ объ общинномъ владѣніи рѣшенъ всѣми въ русскомъ смыслѣ, а другой полухоръ увѣряетъ, что онъ долженъ быть рѣшенъ въ англійскомъ смыслѣ, и не сомнѣвается въ томъ, что онъ доказалъ *несостоятельность* общиннаго вопроса.

¹⁾ Какой-то русскій помѣщикъ, *одичавшій* въ западной цивилизаціи, недѣли три тому назадъ помѣстилъ въ «Нордѣ» письмо по поводу отвратительнаго осужденія Вашро за его книгу о демократіи ^{o)}. Ему особенно нравится между другими обвинительными пунктами то, что Вашро защищаетъ право экспроприаціи въ пользу народной нужды. «Въ *свободной Франціи*»,—какъ называетъ русскій помѣщикъ французскую имперію, «видите, сажаютъ въ тюрьму за такія мысли, а у насъ само правительство со стороны надѣла крестьянъ землею!».

Намъ даже страшно стало за Александра II. Эдакъ, какъ только онъ прійдетъ въ «свободную Францію»,—его тотчасъ въ Ste Pélagie, какъ *partageux* ^{oo)}. Кто не помнитъ сенатора въ гоголевскомъ «Разъѣздѣ», который говоритъ: «Во всякой образованной странѣ автора отдали бы въ солдаты!»

А. И. Г.

^{o)} Etienne Vacherot, «La démocratie», 1859.

^{oo)} Принимающіе участіе въ дѣлѣжкѣ—иронически названіе сторонниковъ коммунизма.

Съ полемикой въ основномъ вопросѣ нельзя итти на площадь; 1789 годъ увлекъ всѣхъ,—вотъ отъ чего его непреодолимая сила. Тогда были минуты, въ которыя сердца Мирабо и Робеспьера, Сэйеса и Лафайета бились одинакимъ образомъ; потомъ пришло съ развитіемъ развѣтвленія раскаяніе и отчаянный бой.

Въ печальный переворотъ 1848 г. вы видите совсѣмъ иное: той вѣры, одной и нераздѣльной, нѣтъ; даже знамени нѣтъ одного: социалисты были увѣрены, что они водворяютъ социальную республику; политическіе демократы думали, что они доказали *несостоятельность* социализма и *дѣтскость* его вопросовъ.

Слѣдствія вы знаете, а я ихъ видѣлъ своими собственными глазами, и, можетъ быть, этотъ физиологическій фактъ дѣлаетъ между нами большую разницу. Юньская кровь взошла у меня въ мозгъ и нервы, я съ тѣхъ поръ воспиталъ въ себѣ отвращеніе къ крови, если она льется безъ рѣшительной крайности.

Но и тогда, въ случаѣ крайности, мнѣ кажется, что призывъ къ топорамъ—послѣднее, а не первое. Возстанія зарождаются и возрастаютъ, какъ всѣ зародыши, въ тиши и тайнѣ материнскаго чрева, имъ надобно много силъ и крѣпости, чтобы выйти на свѣтъ и громко кликнуть кличъ.

Что же у васъ готово?... Мы не знаемъ. Отступило ли оскорбленное меньшинство въ сторону, составило ли тотъ первый *rump-tum saliens*¹⁾, по которому притекутъ родные атомы, разсѣянные теперь въ неопредѣленномъ исканіи и броженіи?

Сдѣлано это или нѣтъ?

И это не все.

Призвавши къ топору, надобно овладѣть движеніемъ, надобно имѣть организацию, надобно имѣть планъ, силы и готовность лечь костями не только схватившись за рукоятку, но схвативъ за лезвіе, когда топоръ слишкомъ расходится. Есть ли все это у васъ?

Одно вы мнѣ можете возразить: а что будемъ дѣлать, если народъ, увидя, что его надуваютъ освобожденіемъ, самъ бросится къ топору? Это будетъ великое несчастіе, но оно возможно, благодаря безхарактерности правительства и характерности помѣщиковъ. Тогда разсуждать нельзя, тутъ каждый долженъ поступать, какъ его совѣсть велитъ, какъ его *любовь* велитъ... Но, навѣрное, и тогда не *изъ Лондона* звать къ топорамъ. Будемте стараться всѣми силами, *чтобы этою не было!*

Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать.

¹⁾ Точка отправления.

Въ заключеніе одно слово насчетъ того, что вы называете моимъ «гимномъ» Александру II.

Одной награды, кажется мнѣ, я могъ бы требовать за цѣлую жизнь, посвященную одному и тому же дѣлу, за цѣлую жизнь, проведенную, какъ подъ стекляннымъ колпакомъ, чтобы, наконецъ, не сомнѣвались въ чистотѣ моихъ убѣжденій и дѣйствій.

Я могу ошибаться въ пути, много разъ ошибался даже, но навѣрное не сворочу ни изъ страха передъ фельдъегерской тройкой, ни изъ благоговѣнія передъ императрицею каретой!

Скажавши это, я васъ спрашиваю: да полно, ошибся ли я? кто же въ послѣднее время сдѣлалъ что-нибудь путное для Россіи, кромѣ государя? Отдадите и тутъ кесарю кесарево!..

Прощайте и не сердитесь за длинное предисловіе.

25 февраля 1860.

◆◆ 1. На принадлежность письма Чернышевскому указываетъ хорошо его знавшій А. А. Слѣпцовъ, въ бумагахъ котораго и находилась копія съ категорическимъ свидѣтельствомъ: «Написано Н. Г. Чернышевскимъ и прочитано мнѣ до отправленія къ Герцену». Это очень правдоподобно; несомнѣнно, письмо написано радикаломъ, стиль его очень похожъ на стиль «Писемъ безъ адреса». Во всякомъ случаѣ, это—документъ большой исторической важности, и потому я считаю нелишнимъ воспроизвести его полностью.

«Милостивый Государь. На чужой сторонѣ, въ далекой Англии, вы, по собственнымъ словамъ вашимъ, возвысили голосъ за русскій народъ, угнетаемый царскою властью; вы показали Россіи, что такое свободное слово... и зато, вы это уже знаете, все, что есть живого и честнаго въ Россіи, съ радостью, съ восторгомъ встрѣтило начало вашего предпріятія, и всѣ ждали, что вы станете обличителемъ царскаго гнета, что вы раскроете передъ Россіей источникъ ея вѣковыхъ бѣдствій,—это несчастное идолопоклонство передъ царскимъ ликомъ, обнаружите всю гнусность вѣрноподданническаго раболѣпія. И что же? вмѣсто грозныхъ обличеній неправды, съ береговъ Темзы несутся къ намъ гимны Александру II, его супругѣ (столь пекущейся о любезномъ вамъ православіи съ отцемъ Бажановымъ). Вы взяли на себя великую роль, и потому каждое ваше слово должно быть глубоко взвѣшено и рассчитано, каждая строка въ вашей газетѣ должна быть дѣломъ расчета, а не увлеченія: увлеченіе въ дѣлѣ политики бываетъ иногда хуже преступленія... Помните ли, когда-то вы сказали, что Россіи при ея пробужденіи можетъ предстоять опасность, если либералы и народъ не поймутъ

другъ друга, разойдутся, и что изъ этого можетъ выйти—страиное бѣдствіе—новое торжество царской власти. Можетъ быть, это пробужденіе недалеко; царскіе шпицрутены щедро раздаваемые вѣрно-подданнымъ за разбитіе царскихъ кабаковъ, разбудятъ Россію скорѣе, чѣмъ шопоть нашей литературы о народныхъ бѣдствіяхъ, скорѣе мѣрныхъ ударовъ вашего «Колокола»... Но чѣмъ ближе пробужденіе, тѣмъ сильнѣе грозитъ опасность, о которой вы говорили.. и объ отвращеніи которой вы не думаете... По всему видно, что о Россіи настоящей вы имѣете ложное понятіе. Помѣщики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкиваютъ васъ надеждами на прогрессивныя стремленія нашего правительства. Но не всѣ же въ Россіи обманываются призраками... Дѣло вотъ въ чемъ: къ концу царствованія Николая всѣ люди, искренно и глубоко любящіе Россію, пришли къ убѣжденію, что только силою можно вырвать у царской власти человѣческія права для народа, что только тѣ права прочны, которыя завоеваны, и что то что дается, то легко и отнимается. Николай умеръ, всѣ обрадовались, и энергическія мысли замѣнились сладостными надеждами, и поэтому теперь становится жаль Николая. Да, я всегда думалъ, что онъ скорѣе довелъ бы дѣло до конца; машина давно бы лопнула, но Николай самъ это понималъ и при помощи Мандта предупредилъ неизбежную и грозную катастрофу. Война шла дурно, ударъ за ударомъ, пораженіе за пораженіемъ; глухой ропотъ поднимался изъ-подъ земли! Вы писали въ первой «Полярной Звѣздѣ», что народъ въ этой войнѣ шелъ вмѣстѣ съ царемъ, и потому царь будетъ зависѣть отъ народа. Изъ этихъ словъ видно только, что вы въ вашемъ *прекрасномъ* далеко забыли, что такое русскія газеты, и на слово повѣрили ихъ возгласамъ о народномъ одушевленіи за отечество. Правда, иногда случалось, что крѣпостные охотно шли въ ополченіе, но только потому, что они надѣялись за это получить свободу. Но чтобъ русскій народъ въ эту войну зтодно шелъ съ царемъ,—нѣтъ. Я жилъ во время войны въ глухой провинціи, жилъ и таскался среди народа и смѣло скажу вамъ, что, когда англо-французы высадились въ Крымъ, то народъ ждалъ отъ нихъ освобожденія: крѣпостные отъ помѣщичьей неволи, раскольники ждали отъ нихъ свободы вѣроисповѣданія. Подумайте объ эгомъ расположеніи умовъ народа въ концѣ царствованія Николая, а вмѣстѣ съ тѣмъ о раздраженіи людей образованныхъ, нагло на каждомъ шагу оскорбляемыхъ николаевскимъ деспотизмомъ, и мысль, что незабвенный могъ бы не такъ спокойно кончить жизнь, не покажется вамъ мечтою. Да, какъ говорить какой-то поэтъ, «счастіе было такъ близко, такъ возможно». Тогда люди

прогресса изъ такъ называемыхъ образованныхъ сословій не разошлись бы съ народомъ, а теперь это возможно и вотъ почему: съ начала царствованія Александра II немного распустился ошейникъ, туго натянутый Николаемъ, и мы чуть-чуть не подумали, что мы уже свободны, а послѣ изданія рескриптовъ всѣ очутились въ чаду, какъ будто, дѣло было кончено, крестьяне свободны и съ землей. Всѣ заговорили объ умѣренности, обширномъ прогрессѣ, забывши, что дѣло крестьянъ вручено помѣщикамъ, которые охулки не положатъ на руку свою. Поднялся такой чадъ отъ либеральныхъ куреній Александру II, что ничего нельзя было разглядѣть, но, опустившись къ землѣ (что дѣлаютъ крестьяне во время топки въ курныхъ избахъ), можно еще было не отчаиваться. Вслушиваясь въ крестьянскіе толки, можно было съ радостью видѣть, что народъ не увлечетъ 12-ть лѣтъ рабства подъ гнетомъ переходного состоянія и что мысль, надѣлать ли крестьянъ землею, у народа была на первомъ планѣ. А либералы? Профессора, литераторы пустили тотчасъ же въ ходъ эстляндскія, прусскія и всякія положенія, которыя отнимали у крестьянъ землю. Догадливы наши либералы! Да и теперь большая часть изъ нихъ еще не разрѣшила себѣ вопроса насчетъ крестьянской земли. А въ правительствѣ въ какомъ положеніи въ настоящее время крестьянской вопросъ? Въ большей части губернскихъ комитетовъ положили страшныя цѣны за земли; центральный комитетъ дѣлаетъ чортъ знаетъ что: сегодня рѣшаетъ отпускать съ землею, завтра безъ земли, даже, кажется, не совсѣмъ брошена мысль о переходномъ состояніи. Среди этихъ бесполезныхъ толковъ желанія крестьянъ растутъ; при появленіи рескриптовъ можно было еще спокойно взять за землю дорогую цѣну, крестьяне охотно бы заплатили, лишь бы избавиться отъ переходного состоянія; теперь они спохватились уже, что нечего платить за вещь 50 цѣлковыхъ, которая стоитъ семь. вмѣстѣ съ этимъ растутъ и заблужденія либераловъ; они все еще надѣются мирнаго и безобиднаго для крестьянъ рѣшенія вопроса... Однимъ словомъ, крестьяне и либералы идутъ въ разныя стороны. Крестьяне, которыхъ помѣщики тиранятъ теперь съ какимъ-то особеннымъ ожесточеніемъ, готовы съ отчаянія взяться за топоры, а либералы проповѣдуютъ въ эту пору умѣренность, историческій постепенный прогрессъ и, кто ихъ знаетъ, что еще. Что изъ этого выйдетъ? Выйдетъ ли изъ этого, въ случаѣ, если народъ безъ руководителей возьмется за топоръ, путаница, въ которой царь, какъ въ мутной водѣ, половитъ рыбки, или выйдетъ что-нибудь и хорошее, но вмѣстѣ съ Собакевичами и Ноздревыми погибнетъ и наше всякое либеральное поколѣніе, не сумѣвши пристать къ народному

движенію и руководить имъ? Если выйдетъ первое, то ужасно; если второе, то, разумѣтся, жалѣть нечего. Что жалѣть объ этихъ франтахъ въ желтыхъ перчаткахъ, толкующихъ о «демокраси» въ Америкѣ и не знающихъ, что дѣлать дома; объ этихъ франтахъ, проникнутыхъ презрѣніемъ къ народу, увѣренныхъ, что изъ русскаго народа ничего не выйдетъ, хотя, въ сущности, не выйдетъ изъ нихъ-то ничего... Но объ этихъ господахъ толковать нечего; есть другого сорта люди, которые желаютъ дѣйствительно народу добра, но не видятъ передъ собою пропасти и съ пылкими надеждами, увлеченные въ общій водоворотъ умѣренности, ждуть всего отъ правительства и дождутся, какъ ихъ Александръ засадитъ въ крѣпость за пылкія надежды, если они будутъ жаловаться, что послѣднія не исполнились, или народъ подведетъ подъ одинъ уровень съ своими притѣснителями. Что же сдѣлано вами для отвращенія этой грядущей бѣды? Вы, смущенные голосами либераловъ-баръ, вы послѣ первыхъ номеровъ «Колокола» перемѣнили тонъ. Вы заговорили благосклонно объ августѣйшей фамиліи; объ августѣйшихъ путешественникахъ говорили уже иначе, чѣмъ объ августѣйшей путешественницѣ; зато съ особенною яростью напали на Орловыхъ, Паниныхъ, Закревскихъ: въ нихъ бѣда, они мѣшаютъ Александру II! Бѣдный Александръ II! Мнѣ жаль его; видите, его принуждаютъ такъ окружать себя... Бѣдное дитя, мнѣ жаль его! Онъ желаетъ Россіи добра, но злодѣи окружающіе мѣшаютъ ему! И вотъ вы, вы— авторъ «Съ того берега» и «Писемъ изъ Италіи», поете ту же пѣсню, которая сотни лѣтъ губитъ Россію. Вы не должны ни минуты забывать, что онъ— самодержавный царь, что отъ его воли зависитъ прогнать всѣхъ этихъ господъ, какъ онъ прогналъ Клейнмихеля. Но Клейнмихеля нужно было ему прогнать, по извѣстному правилу Маккиавелли—въ новое царствованіе жертвовать народной ненависти любимымъ министромъ прежняго царствованія, и вотъ Клейнмихель очутился козломъ очищенія за царствованіе Николая. Согласитесь, вѣдь, жертва ничтожна? Но какъ бы то ни было, либералы восторгались и этимъ фактомъ, забывъ, что Николай такъ же прогналъ Аракчеева; что же изъ этого? Неужели на эту удочку всегда будутъ поддаваться? Или, можетъ быть, вы серьезно убѣждены, что Александръ слушается вашего «Колокола»? Полноте... Сколько разъ вы кричали: «долой Закревскаго, долой стараго холопа!», а старый холопъ все правилъ Москвой, пока собственная дочь не уходила его. Да развѣ Москва за свою глупую любовь къ царямъ стоитъ лучшаго губернатора? Будетъ съ нея и такого.. Говорятъ даже, Александръ II нарочно его держалъ губернаторомъ, чтобы не показать, что онъ слушаетъ «Колокола». Это можетъ быть. И это ни-

сколько не противорѣчить слуху, что вы переписываетесь съ императрицей ¹⁾. Что же, она можетъ васъ увѣрять, что мужъ ея желаетъ Россіи счастья и даже свободы, но что теперь рано. Такъ обольстиль, по разсказу Мицкевича, Николай I Пушкина. Помните ли этотъ разсказъ, когда Николай призвалъ къ себѣ Пушкина и сказалъ ему: «Ты меня ненавидишь за то, что я раздавилъ ту партію, къ которой ты принадлежалъ; но, вѣрь мнѣ, я такъ же люблю Россію, я не врагъ русскому народу, я ему желаю свободы, но ему нужно «сперва укрѣпиться». И 30 лѣтъ укрѣплялъ онъ русскій народъ. Можетъ быть, этотъ анекдотъ и—выдумка, но онъ въ царскомъ духѣ, т.-е. братъ обольщеніемъ, обманомъ тамъ, гдѣ неловко употребить силу. Но какъ бы то ни было, сближеніе съ дворомъ погубило Пушкина... Какъ ни чисты ваши побужденія, но, я увѣренъ, придетъ время,—вы пожалѣете о своемъ снисхожденіи къ августѣйшему дому. Посмотрите—Александръ II скоро покажетъ николаевскіе зубы. Не увлекайтесь толками о нашемъ про-рессѣ, мы все еще стоимъ на одномъ мѣстѣ; во время великаго крестьянскаго вопроса намъ дали на потѣху, для развлеченія нашего вниманія, безыменную гласность; но чуть дѣло коснется дѣла,—тутъ и прихлопнуть. Такъ и теперь господинъ Галилеянинъ запретилъ писать о духовенствѣ и объ откупахъ. Нѣтъ, не обманывайтесь надеждами и не вводите въ заблужденіе другихъ, не отнимайте энергіи, когда она многимъ пригодилась бы. Надежда въ дѣлѣ политики—золотая цѣпь, которую легко обратить въ кандалы подающей ее. Въ то время, какъ вы такъ снисходительны стали къ августѣйшему дому, само православіе въ лицѣ умнѣйшихъ своихъ представителей желало бы отдѣлаться отъ союза съ нимъ. Да, въ духовенствѣ являются люди, которые прямо говорятъ, что правительство своею опекою убьетъ православіе, но, къ счастью, ни Григорій, ни Филаретъ не понимаютъ этого! Такъ пусть они вмѣстѣ гибнутъ, но вамъ какое дѣло до этихъ догнивающихъ труповъ? Пригомъ Галилеянинъ продолжаетъ такъ ревновать о вѣрѣ, что раскольники толпами бѣгутъ въ Австрію и Турцію, даже вѣшаютъ у себя на стѣнахъ портреты Франца-Иосифа вмѣсто Александра II. Вотъ подарокъ славянофиламъ! Что, если Францъ-Иосифъ вздумаетъ дать австрійскимъ славянамъ свободную конституцію? вѣдь, роль между Гопштинцами и Габсбургами переиѣнится. Вотъ была бы потѣха! Нѣтъ, наше положеніе ужасно, невыносимо, и только топоръ можетъ насъ избавить, и ничто, кромѣ топора, не поможетъ! Эту

¹⁾ Неужели рѣчь идетъ о моемъ «Письмѣ къ императрицѣ Маріи Александровнѣ» о воспитаніи наслѣдника? А. И. Г.

мысль уже вамъ, кажется, высказывали, и оно удивительно вѣрно,— другого спасенія нѣтъ. Вы все сдѣлали, что могли, чтобы содѣйствовать мирному рѣшенію дѣла, перемѣните же тонъ, и пусть вашъ «Колоколь» благовѣститъ не къ молебну, а звонитъ набатъ! Къ топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лѣтъ уже губить Русь вѣра въ добрыя намѣренія царей. Не вамъ ее поддерживать. Съ глубокимъ къ вамъ уваженіемъ

Русскій человекъ.

Я просилъ бы напечатать васъ это письмо, и, если вы печатаете письма враговъ вашихъ, то отчего же бы не напечатать письмо одного изъ друзей вашихъ?»

Письмо это указываетъ, что разговоръ Чернышевскаго съ Герценомъ не былъ безрезультатенъ. Первый убѣдился въ томъ, что можетъ состоять въ числѣ его «друзей», второй думалъ, что, расходясь въ средствахъ, они не расходятся въ цѣли и составляютъ, все-таки, одну сторону. Упрекая Герцена за отсутствіе сформулированной политической программы въ «Колоколь», Чернышевскій рѣшилъ высказать открыто свою; Герценъ, напечатавъ ее, еще яснѣе опредѣлилъ свое отношеніе къ радикальному рецепту излѣченія тогдашней Россіи.

1346. Опять розги.

Корреспондентъ «Le Nord» (№ 53) пишетъ изъ С.-Петербурга отъ 30 января (11 февраля): «Со вчерашняго дня носится слухъ, что въ послѣднемъ засѣданіи комитетъ освобожденія крестьянъ, возвращаясь къ прежнему положенію, призналъ за помѣщикомъ право, по собственному усмотрѣнію (или черезъ сельскую расправу), наказывать свободного крестьянина, поселеннаго на его землѣ, и даже *наказывать тѣлесно*... Я самъ не читалъ отчетъ засѣданія и потому не знаю, въ какихъ словахъ выражено это положеніе, но что касается до содержанія, то быстро распространенный слухъ отнюдь не лишень основанія».

Такъ вотъ они спасители отечества! Россія опять вгоняется въ татарско-нѣмецкую, помѣщичье-бюрократическую колею. Если это правда, пусть же первый топоръ, который они вызовутъ этимъ рѣшеніемъ, падаетъ на ихъ преступныя головы!

1347. Россія защищаетъ линію Минціо!

Англійскія газеты говорятъ о новомъ, будто бы, союзѣ Россіи съ Австріей, сочиненномъ Балабинымъ и улаженномъ гессенскимъ принцемъ,

сольферинскимъ рейторомъ¹⁾. Мы этому не вѣримъ. У Россіи столько антипатіи, даже ненависти къ Австріи, что подобнымъ союзомъ правительству только докажетъ, что оно не русское, а нѣмецкое, и падеть подъ общее презрѣніе. Союзъ съ Австріей значить союзъ противъ славянъ. Это былъ бы смертный грѣхъ, несмываемое пятно. *Не вѣримъ* мы этому союзу: правительство не захочетъ лишиться всякаго сочувствія въ русскомъ народѣ такимъ пошлымъ сближеніемъ съ тѣмъ, чего нѣтъ даже въ Европѣ, и неужели такой союзъ, *сведенный* гессенскимъ спадасимомъ, поидеть черезъ руки Горчакова?

1348. Чрезвычайное прибавленіе.

«Le Nord» отъ 28 февраля напечаталъ слѣдующую телеграфическую депешу, взятую изъ «Дрезденской Газеты»: *Министръ юстиціи графъ Панинъ назначенъ предъвателемъ Редакціонной Комиссіи на мѣсто Ростовцова.*

Какъ, Панинъ, Викторъ Панинъ, длинный, сумасшедшій, который лучше всѣхъ перевелъ на штатскій языкъ мертвящій деспотизмъ Николая, который формализмомъ убилъ остатокъ юридической жизни въ Россіи? Ха, ха, ха! Это — мистификація! Развѣ Александръ II не уважаетъ ни себя, ни русскаго народа, развѣ онъ смѣется надъ нимъ?... Но хорошо смѣется тотъ, кто смѣется послѣдній!¹

◆◆ 1. По словамъ Н. П. Семенова, Панинъ «прилежно читалъ «Колоколъ» и, нисколько не раздражаясь противъ его издателя, довольно добродушно говорилъ состояющему при немъ безсмѣнно Топильскому: «Полезно и намъ послушать иногда и прочитать, что объ насъ думаютъ и говорятъ другіе, здѣсь и за границей» («Освобожденіе крестьянъ etc.», II, 672—673). Н. М. Колмаковъ рассказываетъ, что одну изъ статей противъ себя Панинъ прочелъ самъ вслухъ подчиненнымъ и этимъ заставилъ замолчать петербургскія сферы о своемъ управленіи («Рус. Стар.» 1887, XII, 771—772).

1349. Письмо къ сыну.

5 марта (1860).
Park House, Fulham.

Я получилъ твое письмо и, разумѣется, не могъ быть доволенъ этимъ постояннымъ раздраженіемъ, въ которомъ ты проводишь жизнь. Больно мнѣ, что нѣтъ серьезнаго грунть-тона въ

¹⁾ Александръ-Луи.

твоей жизни, который заправлялъ бы страстями, и, наконецъ, нѣтъ силы характера, которая бы вынашивала долго всякое чувство въ собственной груди, испытывая его и закаляя. Поѣздку въ Лондонъ на нѣсколько дней я считаю рѣшительно ненужной и безъ достаточныхъ причинъ не могу ее допустить. Я, любезный Саша, вижу во всемъ этомъ распушенность и до нѣкоторой степени барство, т.-е. неумѣніе ограничиваться. Ты очень хорошо знаешь, какъ бы мнѣ хотѣлось тебя видѣть, но именно образъ твоего предложенія меня заставляетъ положить veto: ты можешь писать все, что тебѣ скажетъ сердце.

Наташа не пользуется большимъ мѣстомъ въ твоемъ воспоминаніи,—это очень больно и даже неловко. Въ скучной жизни для ея лѣтъ письма отъ тебя были ей большимъ утѣшеніемъ. Послѣднія разсѣянные записочки, чтобъ отдѣлаться—что-то vague ¹⁾ и наскоро, предшествовали молчанію.

Попробуй побольше сосредоточиться, введи съ совершеннолѣтіемъ ариѳметическимъ больше возмужалости.

Въ гармонію жизни входятъ и любовь, и искусство, и наука, и пуще всего искренняя гуманность; чѣмъ больше и богаче все это перемѣшано, тѣмъ полнѣе жизнь, а сдѣлаться какимъ-нибудь Вертеромъ—бѣдно.

Пиши обо всемъ, что хочешь. Я, разумѣется, впередъ предполагаю святую откровенность и неколебимое довѣріе, но вынашивай больше въ себѣ и—

затѣмъ прощай.

А. Гер.

А что насчетъ Прево будетъ отвѣтъ или нѣтъ?

1350. Письмо къ сыну.

10 марта 1860.
Park House, Fulham.

Любезный Саша, и новое письмо твое меня сильно огорчило. Ты не понимаешь ни меня, ни жизни... идешь увлеченіями и дошелъ до безумія—жениться въ 20 лѣтъ.

Извѣдалъ ли ты свое чувство? былъ ли у тебя искусъ? работалъ ли ты годами, искушеніями закалъ твоему чувству? Ничего подобнаго. *Второюдиный* студентъ, женатый—въ pendant къ

¹⁾ Смутное, неопредѣленное.

твоему товарищу изъ милиціи. Жизнь, начинающаяся съ конца, жизнь безъ борьбы... Семейная жизнь—гавань, а тебѣ надобно плыть.

Да тутъ замѣшанъ и не ты одинъ: ты влечешь въ нелѣпный (по лѣтамъ) бракъ дѣвушку. Ну, а если ты черезъ два года ее разлюбишь? Гдѣ доказательства твоего твердаго постоянства? И что мы за нѣмцы: зачѣмъ всѣ Фогты знаютъ это? Сильное чувство сильно, скромно и не высказывается. Я тутъ вижу рядъ несчастій для тебя и для себя, а потому, какъ другъ и какъ отецъ, я тебѣ скажу со всею откровенностью мое мнѣніе. Я считаю безуміемъ и патентомъ на пошлую или несчастную жизнь жениться студентомъ 20 лѣтъ.

Если ты въ самомъ дѣлѣ имѣешь истинное чувство, то оно проживетъ и до 25. Раньше 25 я, что касается до меня, *не дамъ моего согласія*, и это потому, что моя совѣсть, мой опытъ и мой разумъ согласны. Нетерпѣливыя чувства подозрительны. Для того, чтобъ испытать себя, сдѣлай усиліе надъ собою и жертву,—жертву не одной любви ко мнѣ, но довѣрію. Такъ какъ мною не руководитъ въ моемъ мнѣніи объ этомъ никакая мысль, кромѣ твоего счастья (которое ты долженъ взять въ свои руки, но, по крайней мѣрѣ, не ранѣе, какъ сойдя съ ученической лавки и взглянувши на свѣтъ), то ты и прими это за послѣдній совѣтъ и за совѣтъ неизмѣняемый. Жалѣю, что я не могу старушкѣ Фогтъ разказать, что я пишу: она поняла бы меня, я увѣренъ.

Я столько же говорю для близкой ей дѣвушки, какъ для тебя. Нелѣпость, комизмъ начинать первую главу жизни бракомъ бросается въ глаза.

Не говорю ужъ о томъ, какой гибельный примѣръ для Таты,—тогда и ея воспитаніе окончено и почему же ей не итти замужъ 16 лѣтъ...

Ты думаешь, что я сержусь за то-то и за то-то, напримѣръ, что ты не ѣдешь (не зная, можно ли возвратиться, я бы и опыта не сдѣлалъ) въ Россію,—совсѣмъ нѣтъ. Я сержусь, что все зданіе, которое я строилъ въ мечтахъ о вашей жизни, мало-по-малу осаживается, а можетъ, и рухнетъ... и пойдете вы маленькими тропинками... А какое же на это доказательство? Да вотъ, напримѣръ: сколько я толковалъ, а ты не чувствуешь, что въ Россіи идетъ борьба, и что эта борьба отталкиваетъ слабыхъ, а сильныхъ именно потому и влечетъ она, что это—борьба на смерть. Что ты ссылаешься на письмо въ «Кол.»? Развѣ онъ его окончилъ тѣмъ, чтобы бѣжать или лечь спать? Онъ его окончилъ боевымъ крикомъ ¹⁾.

¹⁾ Письмо «Русскаго человѣка» въ № 1350.

На дняхъ будетъ въ Бернѣ Серно-Соловьевичъ ¹⁾ (братъ того ²⁾, который прїѣзжалъ въ прошед. году). Посмотри на упорную энергію его; это—тотъ самый, который былъ у Александра II и написалъ ему, что дѣло освобожденія не идетъ.

Мнѣ казалось, что я въ прошломъ письмѣ къ тебѣ писалъ, что ты скверно дѣлаешь, что не пишешь къ Татѣ. Что ты не исполнилъ моего желанія, свидѣтельствуешь о той же распущенности, о которой я писалъ.

Прощай.

◆◆ 1. Фигуры братьевъ Серно-Соловьевичей очень характерны для своего времени и крайне интересны. Отсылаю интересующихся къ своей книгѣ «Очерки освободительнаго движенія шестидесятыхъ годовъ», Спб., 1908. (Пользуясь случаемъ, раскрою имя указаннаго тамъ г. Ш., друга А. А. Серно-Соловьевича, даваго мнѣ очень цѣнные матеріалы и взявшаго тогда слово не называть его при жизни; это—сенаторъ Иванъ Ивановичъ Шамшинъ, скончавшійся послѣ выхода въ свѣтъ моей работы). Не сообщивъ ничего цѣннаго о прїѣздѣ Н. А. Серно-Соловьевича, Огарева говоритъ, что А. А. очень понравился Герцену; «видно было, что, несмотря на свою молодость, онъ уже много читалъ и думалъ... С.-Соловьевичъ пробылъ въ Лондонѣ нѣсколько дней, въ продолженіе которыхъ видался постоянно съ Герценомъ и съ Огаревымъ, къ которымъ относился съ большой теплотой и уваженіемъ» (стр. 158).

1351. Письмо къ г-жѣ Фогтъ.

13 März 1860.

Park House, Fulham.

Hochgeschätzte Freundin,

Ihren Brief habe ich mit Rührung und Dankbarkeit gelesen. Ihre edle und liebende Seele kannte ich schon längst. Sie haben mir einen neuen Beweis gegeben. Ich werde Ihnen ganz aufrichtig meine Meinung sagen. Ich schätze so hoch die individuelle Freiheit, dass ich weder in meinem Sohn, noch in einem andern sie durch Zwang bergenzen will. Aber das Erste, was ich für die Freiheit fördere—das ist die Mündigkeit, die Festigkeit des Mannes—und das hat Alexander nicht.

¹⁾ Николай Александровичъ.

²⁾ Александръ Александровичъ. ¹

Sie haben vortrefflich die Bemerkung gemacht, dass er—wie *verlassen war* in Genf—so war es auch in London. Das tätige Männerleben war ihm etwas zu rau.

Der Tod meiner Frau beraubte Alex. von der sanften Mitte, und die innere Fülle war noch nicht entwickelt. Ein grosses Glück, dass er Sie traf. Aber Sie müssen—ich sage es aufrichtig und offen—noch mehr für ihn machen.

Ich glaube nicht an die ungeprüften Leidenschaften, ich zweifle an die Festigkeit von den jugendlichen Hinreissungen. Nur derjenige hat das Recht, welcher beharrt, welcher errungen hat. Was leicht kommt, geht nicht in die Tiefe, aber bringt leicht zum Unglück. Wenn Sie meiner Meinung sind, dann werden Sie, hochverehrte Freundin, meinen Entschluss billigen. Ich kann nicht, ohne Alex. und meine Ueberzeugung zu verraten, ihm Einwilligung geben—frei in dieser Sache zu handeln, bis er... ¹⁾ 25 Jahre alt ist.

Das ist sogar kein neuer Gedanke in mir. Ich sprach mit ihm vor seiner Reise, dass ich ganz anders das Erbrecht verstehe, als man dieses tut. Nämlich—ich glaube an die Gerechtigkeit, dem Sohne, nach 21 Jahre, seinen Gehalt progressiv zu vermehren bis 25 Jahre, und dann seinen Teil ihm austeilen, und das materielle Band des Vermögens und des Wartens zwischen Sohn und Vater zu lösen.

Geben Sie mir Ihre Hand zur Stütze—und Sie werden eine neue Wohltat für Alex. machen.

Um 25 Jahre lege ich sein Geschick in seine Hände.

Meinen Rat werde ich auch dann geben, meine Meinung auch dann aussagen, aber kein Veto suspensiv setzen. Es würde mich sehr betrüben, sehr unglücklich machen, sollte er anders handeln wollen.

In diesem religiösen Warten liegt eine grosse reine Poesie—und wenn die Leidenschaft nicht viable ist, und früher vergeht—ein grosses Glück, dass ein schrecklicher Unglücksfall vorgebeugt wurde.

Dazu noch eins: die schöne Jugend, des «Lebens Mai» das geht zusammen mit Liebe, aber nur in der vollen, reinen Freiheit. Ein verheirateter Jüngling ist beinahe so eine Carricatur, als ein Greis mit einem Kinde vermählt, oder vice-versa.

Das Familienleben ist ja ein Hafen, eine Ruhe, eine Beschliesung—und kein Prologue, keine Bahn.

Ein Unglück für Alex., dass er nicht die Leidenschaft hat, sich in die Kämpfe der Gegenwart zu werfen, die Lust des Hineingreifen—das nimmt nicht ab die Leidenschaft, aber zügelt sie und domi-

¹⁾ Слово неразобрано.

nirt. Da ist meine ganze Meinung. Ich danke Ihnen noch und noch ein Mal im Innersten meiner Seele.

A. Herzen.

Ich würde bitten, diesen Brief Ihrem Gemahle, den ich auch höchst schätze, zu zeigen. Ich möchte seine Meinung kennen lernen.

Переводъ.

13 марта.

Высокочитимый другъ!

Ваше письмо я прочелъ съ умиленіемъ и очень вамъ благодаренъ. Вашу благородную и любящую душу я зналъ уже давно, вы дали мнѣ еще новыя доказательства. Я совершенно искренно выскажу свое мнѣніе. Я такъ уважаю личную свободу, что не захочу принудительно ограничить ее ни у моего сына, ни у кого-либо другого. Но первое, что я требую для пользованія свободою, это совершеннolѣтіе и твердый, мужественный характеръ, а этимъ-то Александръ и не обладаетъ. Вы совершенно вѣрно замѣтили, что въ Женевѣ онъ былъ точно *покинутый*; такимъ же онъ былъ и въ Лондонѣ. Дѣятельная жизнь мужчины оказалась для него слишкомъ суровой. Смерть моей жены вырвала Александра изъ нѣжной среды, когда его чувства и характеръ не успѣли еще развиться. Великое счастье, что онъ встрѣтилъ васъ; но вы должны—я говорю это искренно и откровенно—еще больше для него сдѣлать. Я не вѣрю въ неиспытанныя страсти, я сомнѣваюсь въ прочности юношескихъ увлеченій. Только тотъ правъ, кто настоялъ на своемъ, кто достигъ этого борьбою. Что легко приходитъ, не проникаетъ въ глубину, а легко приводитъ къ несчастію.

Если вы, многоуважаемый другъ, придерживаетесь того же мнѣнія, то согласитесь и съ моимъ заключеніемъ: я не могу, не измѣнивши Александру и своему убѣжденію, предоставить ему въ этомъ дѣлѣ свободу дѣйствій раньше достиженія имъ двадцатипятилѣтняго возраста.

Это у меня даже не новая мысль. Я говорилъ съ нимъ передъ его путешествіемъ и сказалъ ему, что совершенно иначе понимаю право наслѣдства, чѣмъ это обыкновенно понимается. Именно: я думаю, что сынъ, по достиженіи имъ 21 года, имѣетъ право на прогрессивное увеличеніе содержанія до 25 лѣтъ, а тогда можно выдѣлить ему его часть и прекратить матеріальную связь денежной поддержки и попеченія между отцомъ и сыномъ.

Дайте мнѣ для поддержки вашу руку—и вы сдѣлаете для Александра еще одно доброе дѣло.

Когда ему исполнится 25 лѣтъ, я предоставляю его собственной судьбѣ. Я и тогда буду ему давать совѣты и высказывать свое мнѣніе, но уже не буду налагать своего veto.

Меня очень огорчитъ и сдѣлаетъ очень несчастнымъ, если онъ захочетъ поступить иначе.

Въ этомъ религіозномъ ожиданіи брака кроется большая, чистая поэзія—и, если увлеченіе окажется не живучимъ и скоро пройдетъ, то и большое счастье, что предотвращена ужасная катастрофа.

Прибавлю еще одно: прекрасная юность «май жизни» пусть идетъ вмѣстѣ съ любовью, но только въ чистой, свободной формѣ; женатый юноша—почти такая же карриатура, какъ и сѣдой старикъ, женатый на дѣвочкѣ, и наоборотъ.

Семейная жизнь, это, вѣдь,—гавань, покой, заключеніе, а не прологъ, не дорога. Несчастье Александра въ томъ, что у него нѣтъ желанія ринуться въ борьбу современной жизни, нѣтъ захватывающаго интереса къ ней; это не уничтожаетъ страсти (любвонной), но обуздываетъ ее и преобладаетъ надъ нею.

Вотъ мое полное убѣжденіе. Благодарю васъ еще и еще разъ изъ глубины моей души.

А. Герценъ.

Я попросилъ бы васъ показать это письмо вашему супругу, котораго я тоже очень высоко цѣню... Я желалъ бы знать его мнѣніе.

1352. (В. Панинъ).

Невѣроятная новость о назначеніи Панина на мѣсто Ростовцова подтвердилась. Глава самой дикой, самой тупой реакціи поставленъ главою освобожденія крестьянъ. Съ глубокой горестью узнали мы объ этомъ. Но горевать недостаточно,—наше время слишкомъ бойко. Это — вызовъ, это—дерзость, это—обдуманное оскорбленіе общественнаго мнѣнія и уступка плантаторской партіи. Тонъ царствованія измѣнился, съ нимъ должны измѣниться и всѣ отношенія. Члены редакціонныхъ комиссій, если имъ дорого ихъ дѣло, если имъ дорога память, которую они оставляютъ въ исторіи, если они хотятъ, чтобъ имъ отпустили ихъ бюрократическія страстишки и дѣтскую привязанность къ розгамъ, должны тотчасъ подать въ отставку.

Меньшинство дворянства должно сомкнуться и взять въ свои руки дѣло освобожденія крестьянъ. Ошибаться нечего,—длинная фи-

гура Панина можетъ служить шестомъ съ шляпой, чтобъ пугать, но она слишкомъ *узка*, чтобъ заститъ собою черты Николая второго. Мы недавно совѣтовали государю сорвать маски съ своихъ приближенныхъ; онъ ее снялъ съ себя... и это не такъ дурно! *Истина прежде всего*,—истина, какая бы она ни была!

Что касается до насъ, наша дорога ясна,—объ ней мы поговоримъ въ другое время.

1353. Россія и Польша.

Письмо къ автору статьи. «Postępową myśl rossyjską w obec zadań polskich» ¹⁾.

«Если Польша хочетъ *другую* рѣшенія, да *будетъ на то воля ея*, но пусть она короче узнаетъ Русь»...
«Колоколъ» 1 марта 1859.

Милостивый Государь,

Спору, собственно, между нами нѣтъ, а есть огромная недоразумѣнія, происходящія отъ разныхъ началъ, отъ которыхъ мы идемъ. Спору же въ нашемъ возрѣннн потому нѣтъ, что вы, съ своей стороны, теоретически и въ дальней перспективѣ согласны съ возможностью славянской федерализаціи, а я высказывалъ не одинъ, а десять разъ мысль, что Польша имѣетъ неотъемлемсе право на государственное существованіе, *независимое отъ Россіи*. Я всегда считалъ насильственное соединеніе Россіи съ Польшею огромнѣйшимъ несчастіемъ для обѣихъ сторонъ.

Быть вмѣстѣ скованными не значитъ быть соединенными. Нѣмецко-татарскій петербургскій деспотизмъ не снялъ предѣлы, а упрочилъ вражду между двумя народами. Обида можетъ быть забыта въ прошедшемъ, но обида продолжающаяся должна развивать ненависть.

Тутъ мы совершенно согласны и идемъ только дальше вашего соотечественника, писавшаго первая статьи (въ 1858). Принявъ однимъ изъ начальныхъ шаговъ къ будущему союзу— *растор-*

¹⁾ Помѣщенныхъ въ декабрьской и январьской книжкахъ «Przegląd Rzeczy Polskich». Отвѣтъ мой можетъ быть принятъ за *четвертое*—къ тремъ письмамъ о Россіи и Польшѣ (въ 32, 33 и 34 лл. Кол.). А. И. Г. ¹

женіе насильственныхъ соединеній, мы тотчасъ признали полныя права на независимость и самоуправленіе за *Украиной*. Мы первые высказали это, и вы могли видѣть по письму изъ *Украины* («Кол.» л. 61), вѣрно ли мы попали въ народное чувство.

По настоящему, мы съ самаго начала могли бы для облегченія вычестъ эквиваленты и не возвращаться на тотъ вопросъ, который не только мы съ вами рѣшаемъ одинаковымъ образомъ, но все сочувствующее намъ въ Россіи; по несчастію, у васъ нѣтъ довѣрія, потому что вы, все-таки, насъ считаете врагами и въ каждомъ русскомъ видите, хоть немного Екатерины II и Николая I, иначе вамъ не пришло бы въ голову говорить о дипломатическихъ уверткахъ, даже о скрытомъ желаніи *какихъ-то русскихъ либераловъ*, чтобъ освобожденная Польша, испытавъ вновь неурядицу, была бы вынуждена прибѣгнуть подъ покровительство Россіи (стр. 13, 2-ой статьи). Я сказалъ *какихъ-то либераловъ*, увѣренный по первой статьѣ вашей, что вы меня настолько уважаете, что не можете предположить такихъ дипломатическихъ *способностей* во мнѣ; къ тому же и самое слово *либералъ* какъ-то мало идетъ ко мнѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ Россіи доктринеры и бюрократы, цензора и генераль-адъютанты хвастаются своимъ либерализмомъ.

Но все это не прямо идетъ къ дѣлу, а потому перехожу прямо къ главному вопросу.

Въ послѣднее десятилѣтіе двѣ идеи всплыли на мѣстѣ потонувшаго корабля февральской революціи, какъ *блѣдная* замѣна остановленному развитію *политической* революціи въ *соціальную*. Эти двѣ идеи, близкія другъ къ другу, состоятъ въ признаніи народностей, какъ самоправныхъ личностей, и въ стремленіи одноплеменныхъ народовъ къ политическому единству. Разобранныя по народностямъ, государства соединятся по-племенно—шагъ впередъ противъ искусственныхъ военно-дипломатическихъ соединеній и насильственныхъ раздробленій, шагъ впередъ къ снятію политическихъ и всякихъ внѣшнихъ границъ.

Потребность единства въ Италіи и Германіи идетъ гораздо дальше федерализаціи. Въ Италіи оно понятно: ей надобно взять съ собою свою независимость, и вотъ почему есть что-то великое и трогательное въ самоотверженіи какой-нибудь маститой Флоренціи, этой веси Данта и Буонаротти, Медичи и Маккіавелли, склоняющей свою сѣдую голову, украшенную тройнымъ лавромъ, передъ какими-то неизвѣстными жителями альпійскихъ подошвъ, *al pie del monte*¹⁾, ломающими италіанскій языкъ на провансальскій манеръ.

¹⁾ У подножія горы.

Да и что Флоренція,—самый Римъ, городъ, бывшій вѣчнымъ до Р. Хр.,—Римъ, который всемірнымъ свѣтскимъ владыкой пошелъ въ монахи и монахомъ тяготилъ надъ всѣмъ міромъ,—съ радостью хочетъ снять папскую тиару и бросить ее въ архивъ вмѣстѣ съ перстнями цезарей и топорами ликторовъ, для того, чтобъ принять владычество Кариніанскаго дома, который не только не происходитъ отъ Энея, но даже и не отъ Августа, но который представляетъ *единство Италіи*.

Германія этотъ несчастный Эдипъ между народами, преслѣдуемый какимъ-то политическимъ проклятіемъ и который ничѣмъ не можетъ дойти до политическаго значенія, послѣ тридцатилѣтняго самоубійства и вестфальскихъ похоронъ, которому не помогаютъ ни народное образованіе, ни науки, ни искусства,—Германія видитъ въ расторженіи свою слабость и стремится всѣми силами къ пруссксму казарменно-доктринерскому единству только потому, что оно степеню выше австрійскаго, пропитаннаго ладономъ, гніющаго, порочнаго и живущаго комфортавами ¹⁾.

И эти слитія, отчасти обусловленныя внѣшнимъ гнетомъ, все же представляютъ очевидный прогрессъ. C'est autant que le prix sur le diable ²⁾. Каждая граница, которая падаетъ, уменьшаетъ линію военной карты, т.-е. ручей человѣческой крови; каждая снятая застава растворяетъ дверь международному обмѣну и сближенію.

Въ виду романскаго и германскаго міра, собирающихся воедино, естественно, что неопредѣленная мысль славянской федерализаціи, родившаяся у западныхъ славянъ, окрѣпла и стала глубже входить въ сознание. Само собою разумѣется, что мы говорили о *вольномъ* союзѣ равныхъ; мы никогда не говорили ни о завоеваніи, ни о рабскомъ присоединеніи къ Россіи; мы вообще не говорили ни о какомъ соединеніи съ Россіей, пока въ ней будетъ *продолжаться* петербургское правленіе. Вы повторили мое выраженіе «вольный даръ соединенія» и прибавили къ этому, что какой же вольный выборъ западнымъ славянамъ, находящимся подъ чужеземнымъ игомъ. А между тѣмъ упрекаете меня за то, что во время войны 1859 я говорилъ, что если-бъ русское правительство было на высотѣ своего призванія, то оно должно было порвать гнилыя связи трикраты проклятаго «священнаго союза» признаніемъ неза-

¹⁾ Я не могу согласиться съ вами, чтобъ современное состояніе Германіи представляло въ самомъ дѣлѣ федерализацію. Безсильная и безобразная франкфуртская діэта, какъ пустое блюдо, только показываетъ, что тутъ могли бы быть яства, но ихъ нѣтъ. А. И. Г.

²⁾ Это—то же, что побѣда надъ дьяволомъ.

висимой Польши и потомъ, соединившись съ нею, раздавить Австрію, т.-е. освободить западныхъ славянъ. Правительство *новой* не ловкостью своей, отчасти понятной, потому что самодержавныя формы его гораздо больше приспособлены ко всякаго рода притѣсненіямъ, чѣмъ къ какому-нибудь освобожденію, не сдѣлало ничего, и этого можно было ожидать; но я никакъ не ожидалъ, что вы меня упрекнете, говоря, что Польша должна бы въ возстановлена изъ чувства *справедливости и долга*, а не для того, чтобы Россія развязала руки. Такого ангельскаго самоотверженія я, конечно, не жду не только ни отъ одного правительства, но ни отъ одной революціонной партіи.

Французы приучили насъ къ цивически-риторическимъ фразамъ, которыми они успѣли увѣрить всю Европу, что они сражаются только за свободу всѣхъ скорбящихъ и страждущихъ. У нихъ этотъ языкъ, какъ религіозныя фразы у англичанъ, не имѣетъ никакого отношенія къ дѣлу, такъ, какъ учтивости въ концѣ письма.

Мы, русскіе дѣйствительно, до того еще не цивилизованы, что мы не можемъ употреблять этого языка..

Говоря о будущей славянской федераціи, я совершенно согласенъ съ вами, что этотъ вопросъ нельзя разрѣшить съ плеча и что въ его рѣшеніе входитъ весьма важнымъ элементомъ *время*. Я не думаю, чтобы славянскіе народы сразу были готовы вступить въ тотъ союзъ, о которомъ я говорилъ. Но если до него надобно дойти рядомъ разныхъ независимыхъ формъ и отдѣльныхъ сочетаній, я все же не вижу, отчего не имѣть будущей союзъ въ виду, какъ идеаль, какъ широкую, покойную гавань?

Вы полагаете, что лучше и естественнѣе было бы славянскому міру раздѣлиться на двѣ отдѣльныя части, т.-е. по одну сторону была бы Россія—«славяне, смѣшанные съ чудью и туранскими племенами», по другую—Польша и «старые славяне». Призваніе и поприще дѣятельности однихъ—«огромныя плоскости Азіи до Тихаго океана», назначеніе другихъ—«отпоръ германскому владычеству и завоеваніе Турціи» ¹⁾).

Скажу вамъ откровенно, что я мало имѣю противъ этого съ субъективной точки зрѣнія. Россіи, дѣйствительно, главное дѣло дома и въ Азіи, и, какъ вы говорите, она для храненія своихъ границъ не нуждается ни въ какомъ союзѣ. Россіи скорѣе надобно распустить части, чѣмъ притягивать ихъ къ средоточію, что мы и

¹⁾ Мы и въ этомъ съ вами согласны, но я васъ спрашиваю: что за шумъ поднялся бы, если-бъ это сказалъ русскій? А. И. Г.

высказали, говоря объ Украинѣ. Но тѣмъ не меньше я полагаю, что вамъ легче будетъ доказать возможность совершеннаго государственнаго отчужденія Польши отъ *непольскаго* славянства и ея самобытное значеніе, чѣмъ возможность того союза, о которомъ вы говорите.

Вы говорите, что мы мало знаемъ характеръ юной Польши и потому говоримъ о католицизмѣ и шляхетствѣ. Мы охотно вамъ вѣримъ, что молодое поколѣніе излѣчивается отъ этой застарѣлой подагры и отъ этой наследственной хирагры, и тѣмъ охотнѣе, что мы имѣемъ передъ глазами примѣры. Но неужели вы будете отрицать, что *католицизмъ и аристократизмъ* не составляютъ двухъ очень живыхъ элементовъ въ настоящей Польшѣ? Мелкое гоненіе русскаго правительства сдѣлало чудо: оно превратило ретроградную религію въ революціонную оппозицію. Широко развѣтвленное дворянство польское составляло и составляетъ до сихъ поръ, съ своей стороны, всю дѣятельную, прогрессивную часть народа. Масса, особенно сельская, осталась внѣ движенія.

У западныхъ славянъ эти элементы расположились иначе. Чешская аристократія состоитъ изъ нѣмцевъ съ славянскими фамиліями и изъ славянъ—ст. нѣмецкими. Аристократія кроатская—изъ мадярь. Патріархальныя отношенія сербскихъ боярь къ народу совсѣмъ иныя. *Слѣчь* черногорская, вооруженное пограничное казачество, исключаетъ всякую тѣнь шляхетства.

Часть ихъ исповѣдуетъ греческую вѣру и тѣмъ упорнѣе, чѣмъ больше австрійское правительство тѣснитъ ихъ церковь, отнимаетъ книги, печатанныя славянскими буквами, и дѣлаетъ все то, что дѣлалъ Николай съ католицизмомъ. Другой части католицизмъ выжгли огнемъ, врѣзали ножомъ, вбили палкой. Страна Таборитовъ, родина Гусса и Иеронима Пражскаго, врядъ имѣетъ ли большую нѣжность къ папѣ и его во Христвѣ опричникама—іезуитамъ.

Я уже объяснялъ въ третьемъ письмѣ, что религіозный вопросъ меня вовсе не интересуеетъ съ своей религіозной стороны. Для меня религія—экспонентъ, отличительный признакъ, фізіологическое рлі народнаго духа, и потому нельзя ее забывать, не впадая въ ошибку французской революціонной алгебры, формулы которой оттого-то и не шли ни къ одному народу, что равно годились Томбукту и Гренландіи.

Сверхъ того, Польша держала себя довольно далеко отъ западныхъ славянъ, она на нихъ смотрѣла свысока и равнодушно. Вотъ отчего при развитіи идеи панславизма западные славяне обратились съ своими симпатіями къ Россіи. Что русское правительство очень бесплодно и очень корыстно эксплуатировало эти сим-

лати, въ этомъ нѣтъ сомнѣнiя. Но что въ томъ обществѣ, которое ничего не имѣетъ общаго съ правительствомъ, они нашли самое горячее сочувствiе, въ этомъ еще меньше сомнѣнiя—для очевидца.

Изъ этого никакъ не слѣдуетъ, чтобъ западные славяне *необходимо* соединились съ Россiей; но соединятся ли они въ противномъ случаѣ федерально съ одной Польшей; это—нисколько не рѣшенный вопросъ. Впрочемъ, у нихъ есть все, что нужно: горы и моря, рѣки и границы, чтобъ составить свою Дунайскую и Карпатскую федерализацію; и, если они этого хотятъ, пусть остаются независимыми.

Ближайшее будущее можетъ быть таково; но развѣ мы не имѣемъ права итти мыслью дальше завтрашняго дня?—и тогда естественно представляется вопросъ, зачѣмъ эти три славянскiя федераціи или государства, вопреки стремленiю другихъ народностей, остаются посторонними? неужели такъ мало сродства въ ихъ крови, что они не ищутъ союза? Э. Жирарденъ недавно въ своей брошюрѣ предлагалъ союзъ цѣлой Европы, основанный на уничтоженiи постоянныхъ войскъ и всѣхъ международныхъ стѣсненiй. Союзъ этотъ невозможенъ только по невѣжеству массъ и по узкимъ цѣлямъ правительствъ. Народы идутъ къ этому какъ-то ошупью, и потому по колѣна то въ сольферинской, то въ севастопольской крови, и дѣлая два шага впередъ да одинъ въ сторону.

Для меня важность будущаго союза славянскаго имѣетъ особенное значенiе; мнѣ кажется, что оно ускользнуло отъ вашего вниманiя. Вы считаете меня за *политическаго либерала*, а эти либералы—преалчные люди; они думаютъ, что стяжательность, которая вообще называется порокомъ,—въ *патріотъ* добродѣтель. Вы заставляете меня желать славянскую федерализацію съ русской гегемонiей, для блеска Россiи, для ея могущества, значенiя въ Европѣ. Такъ какъ этого было бы достаточно для всякаго патріота, вы не пошли дальше, но вы совершенно ошиблись: *я еще меньше патріотъ, чѣмъ либералъ.*

Мнѣ всего больнѣе, что вы нѣсколько разъ въ вашей статьѣ *касались*, какъ птица, срѣзывающая воду, истиннаго взгляда; но вы сами—слишкомъ политическiй человекъ и слишкомъ горячiй патріотъ, чтобы оставить отца и мать и слѣдовать за истиной, особенно, когда отечество страдаетъ!

Итакъ, я скажу вамъ мою мысль не обинуясь. Я только для *нерусскаго* славянскаго міра отъ всей души желалъ братскiй союзъ съ Россiей для того, чтобъ, когда гроза, которую никакая мощь въ мірѣ не остановитъ, грянетъ, они не были бы взяты врасплохъ.

Это темно. Позвольте мнѣ объяснить.

Человѣческая мысль, человѣческое развитіе черезъ два тысячелѣтія коснулось до одного изъ тѣхъ рубежей, которые раздвигаютъ всемірную исторію на огромныя законченныя части; между ними ложатся, какъ между материками, океаны. Отъ одного до другого все мѣняется—цвѣты и звѣри, небо и почва.

Судорожная реакція, господствующая теперь въ Европѣ, старая власти, пришедшія вновь въ силу, яснѣе всего показываютъ, какъ страшно близка Европа къ этой катастрофѣ. Реакція эта—тоска передъ землетрясеніемъ, страхъ передъ неизвѣстнымъ, трепеть передъ шагомъ, за которымъ нѣтъ возврата. Такъ боялись нѣкогда эмигранты, когда они бросались на песчаный берегъ и навзрыдь плакали, прежде чѣмъ поставить ногу на колеблющуюся доску, которая должна была оторвать ихъ отъ всего прошедшаго и черезъ пропасти, черезъ бури перевести въ *новый свѣтъ*.

Съ тѣхъ поръ, какъ языческій міръ, истощенный величіемъ, изжившій все, что лежало въ его эллино-римской идеѣ, отрекся отъ всѣхъ благъ и просилъ крещенія въ другую жизнь, ничего подобнаго не бывало!

Голось, испугавшій тогда, опять слышится и опять говоритъ: «брось все и иди за мной!». И снова стоитъ въ раздумьи богатый Никодимъ и, противъ своего сердца, становится консерваторомъ.

Жертва, которую требовало христіанство отъ античнаго міра, была мала въ сравненіи съ той, которая потребуется теперь; христіанство за землю давало небо, за Олимпъ—Голгоѳу, за бессмысленный рокъ—сознательный промыслъ, за потерю временнаго богатства—вѣчную радость. У новаго свѣта, толкушагося въ двери, нѣтъ неба, нѣтъ рая,—въ немъ можетъ выиграть только тотъ, кому нечего терять.

Еще полвѣка тому назадъ, въ двадцатыхъ или даже тридцатыхъ годахъ, столъ западной цивилизаціи ломился отъ богатства. Старикъ Гетѣ предсѣдательствовалъ за нимъ, Гегель оканчивалъ свои лекціи, трехцвѣтная Франція, въ костюмѣ 1789 года, сажала на тронъ короля-гражданина и пѣла беранжеровскія пѣсни. Политическая экономія, хартія *теперь правда*, абсолютная философія, развитіе промышленности, вѣра въ прогрессъ, любовь къ человѣчеству, надежда въ республику... казалось, западный міръ поюнѣлъ, было, и рвался впередъ; политики и доктринеры радовались, до какихъ, де, посвященныхъ вѣковъ мы дожили.

Но все измѣнилось съ удивительной быстротой. Старый гуляка, «*der alte Zecher*»¹⁾, бросилъ свой кубокъ въ море, хартія ока-

¹⁾ Старый кутила, старый пьяница; Гете назвалъ такъ короля въ пѣснѣ Маргариты въ «Фаустѣ».

залась ложью, философія—не абсолютной, политическая экономія—экономической статистикой. Человѣчество, прогрессъ, республика, а потомъ и демократія,—всѣ эти послѣдніе цвѣты, изящные, прекрасные оканчивающагося лѣта, поблекли на старомъ стеблѣ, который подломился и не могъ имъ доставлять свѣжихъ соковъ.

Люди устроились такъ хорошо, знали такъ много, и вдругъ оказывается, что они почти ничего не знаютъ, что устройство ихъ никуда не годно. Что же всѣ эти усилія, открытія, труды, доктрины, борьба,—все это было бредомъ? Нѣтъ, что есть прочнаго, то останется. Количество развалинъ не должно удивлять. Развѣ мы не видимъ, какъ вѣковое, огромное готическое зданіе церкви и теологіи, поглотившее трудъ лучшихъ умовъ, всю эрудицію въ продолженіе десяти вѣковъ и дошедшее до вѣчной прочности и до безусловныхъ истинъ, которымъ вѣрила вся Европа,—какъ оно рухнулось до самаго основанія. Такъ можетъ рухнуть новое зданіе, политико-доктринерское, западной second hand ¹⁾ цивилизаціи.

Собственно, въ этомъ бѣдѣ нѣтъ, эго—общая судьба муравейниковъ: они съ трудомъ, съ усиленіемъ *строются, строятся*, потомъ проваливаются и служатъ матеріаломъ чему-нибудь другому. Это—общій типъ всѣхъ возникновеній и смертей въ природѣ. Но образованному міру это странно, оно оскорбляетъ его самолюбіе. А самолюбіе китайца оскорбляетъ сомнѣніе, что небесная имперія не есть самая образованная въ мірѣ.

Но, тороплюсь я прибавить, въ самомъ западномъ мірѣ родилось святое сомнѣніе, и оттого онъ не можетъ заживо сдѣлаться фарфоровой куклой, какъ Китай; ему мѣшаетъ не недостатокъ сомнѣній, а привычка къ своему богатству, ему мѣшаетъ *удивленіе*—и это очень понятно. Вчера онъ зналъ незыблемыя основы свободнаго государства,—сегодня ему говорятъ, что онъ чрезвычайно зыбки; вчера онъ вѣрилъ въ уголовное, въ гражданское право,—сегодня онъ видитъ, что то и другое нелѣпо; и это отрицаніе принятаго идетъ во всѣхъ сферахъ отъ самыхъ отвлеченныхъ теорій до очага и кухни; самый міръ событій, какъ нарочно, спуталъ всѣ понятія; гдѣ либеральная Франція, гдѣ прогрессивная Пруссія? Въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ перехватываютъ письма и журналы, сѣкутъ гражданъ на площадяхъ и продаютъ съ аукціона *вольныхъ* негровъ. А подъ всѣмъ подъ этимъ медузинъ вопль: «хлѣбъ или свинецъ!». Крикъ этотъ ужасенъ: это—«начало конца», какъ говорятъ французы. Міръ, основанный на римскомъ правѣ собственности и на гражданскомъ правѣ личности,

¹⁾ Поношенной, обветшалай.

можетъ бросить голодному хлѣба, но признать его *право на хлѣбъ* не можетъ; зато онъ ему даетъ гражданскую свободу, а за это голодный даритъ ее Наполеону.

Даниловское слово, въ которомъ заключается жизнь и смерть, вы, вѣроятно, назвали, это—*соціализмъ* во всѣхъ его отбѣнкахъ, лежащій нынѣ подъ землей, но не въ могилѣ, а на вспаханномъ полѣ.

Подъ этимъ словомъ разумѣютъ тысячу вещей; какое дѣло, изъ какихъ лоскутковъ сшито знамя, лишь бы было извѣстно, что и кто собирается около него. А потому, какъ бы ни понимали развитія и приложенія, подъ словомъ «соціализмъ» всѣ разумѣютъ такое же отрицаніе современнаго государственнаго быта, какъ христіанство было отрицаніемъ быта греко-римскаго.

Простите меня за это отступленіе, оно было необходимо, и я сейчасъ возвращусь къ моему предмету.

Россія—не только плохой славянскій міръ «съ примѣсью чудскихъ и туранскихъ элементовъ», но, въ противоположность аристократическимъ, мѣщанскимъ, городскимъ государствамъ,—бѣдное *мужичье* государство; у насъ ничего нѣтъ, мы *les gueux* ¹⁾ міра того, ничего, кромѣ стремленій, кромѣ вѣры въ себя. Даже близость и родство «съ чудскими и тураническими племенами» послужили для насъ къ смиренному призванію за равныхъ жида и чухонца, татарина и калмыка; развѣ мы не одинакимъ образомъ служимъ каріатидой, поддерживающей Зимній дворецъ? съ чего намъ на нихъ смотрѣть съ высоты западной цивилизаціи?

Какъ вы думаете, не легче ли такому народу оттолкнуть досчанникъ отъ стараго берега?

Вы можете сказать: оттолкнуться не трудно, но что онъ привезетъ на ту сторону? Это—вопросъ первой важности.

Вы русскаго народа не знаете, я васъ въ этомъ не виню. Давно ли мы, горсть людей, страдавшихъ за его рабство, давно ли мы стали узнавать его. Мы жили чужой жизнью, мы его понимали чужой мыслью, а по большей части совсѣмъ ничего не понимали дома и не заботились объ этомъ, а усвоили себѣ кое-что чужое.

Мы стали приходиться къ народному самопознанію въ мрачныя времена Николая. Подъ его желѣзнымъ кулакомъ наша мысль стала отрезвляться, онъ добилъ насъ, какъ кварталный, не пускающій впередъ, до мужиковъ; оскорбленные во всемъ человѣческомъ, иностранцы дома, мы, чувствуя присутствіе силы въ мышцахъ, должны были сосредоточить внутри мозга и груди всю работу—и мысль наша сдѣлалась дерзка и неустрашима. Мы уже

¹⁾ Нищіе; такъ испанская знать XVI в. презрительно называла нидерландскихъ дворянъ, объединенно добивавшихся уничтоженія инквизиціи.

ненавидѣли все петербургское, когда *fiasco* Европы послѣ 1848 довершило воспитаніе; мы на все взглянули съ той же безпощадностью и тогда только поняли вполнѣ, что за безобразное государство—Россійская Имперія *и что за счастье, что оно такое безобразное государство!*

Не думайте, чтобъ это была игра словъ.

Я сейчасъ объясню вамъ мою мысль. *Россія не дошла еще* до такого гражданскаго русла, которое бы ей соотвѣтствовало, въ которомъ было бы достаточно простора для обнаруживанія всѣхъ или большаго числа внутреннихъ силъ своихъ, т.-е. она не дошла до такой органической формы государственной, какъ, напримеръ, Англія или Швейцарія. У Россіи и въ прошедшемъ никогда не было такого быта,—развѣ при кіевскомъ прорѣзываніи зубовъ. Эта неспѣтость, уродливое *кое-какъ* учрежденій вмѣстѣ съ праздною силъ и дурнымъ употребленіемъ ихъ избытка или вѣковымъ усыпленіемъ ихъ доказываетъ *незрѣлость* русскаго народа. Долгая незрѣлость не всегда—право на зрѣлость и потому надобно опредѣлить, что такое русскій государственный бытъ: есть ли это смирительный домъ для юродиваго старика или воспитательный домъ для юношескаго возраста. Мы не вѣримъ ни призванію народовъ, ни ихъ предопредѣленію; мы думаемъ, что судьба народовъ и государствъ могутъ по дорогѣ мѣняться, какъ судьба всякаго человѣка; но мы въ правѣ, основываясь на настоящихъ элементахъ, по теоріи вѣроятностей, дѣлать заключенія о будущемъ.

Я сказалъ ¹⁾, что русская исторія до Петра представляетъ государственную эмбриогенію такого безсознательнаго пластицизма, осѣданія роста, идущаго до встрѣчи съ монголами. Естественный ростъ прерывается, и вмѣстѣ съ тѣмъ идея государства становится сознательною въ московскомъ единствѣ, стягивающемъ части для отпора. Но, свергая иго ордынцевъ, Москва многое переняла у нихъ. Царь московскій—какой-то византійскій ханъ. Тяжкое, неповоротливое московское правительство могло набить дубовый обручъ, сдерживающій части, пока сыщется желѣзный, но не больше; оно имѣло поползновеніе выйти изъ оцѣпенѣнія, но члены подгибались подъ тучнымъ тѣломъ. Такъ шло до петровскаго переворота. Отбрасывая, насколько возможно было, все славянское, все византійское, Петръ I сохранилъ татарскій кнутъ и нагайку; ими онъ загонялъ оторванный отъ народа слой къ западному образованію. Огромныя средства бюрократическаго и военнаго устройства, взя-

¹⁾ «Du développement des idées révolutionnaires en Russie». А. И. Г.

тыя изъ Германіи, соединенныя съ восточнымъ отрицаніемъ всѣхъ правъ человѣческой личности, дали въ руки правительству чудовищную, неслыханную силу на созданіе и разрушеніе. Петръ I — самый полный типъ эпохи, имъ призванной къ жизни: геній-палачъ, для котораго *государство* было все, а человѣкъ — ничего; онъ началъ нашу *каторжную работу* исторіи, продолжающуюся полтора вѣка и достигнувшую колоссальныхъ результатовъ.

Безобразнѣйшее правительство въ мірѣ, иностранное по духу, сплотило изъ дряблага московскаго государства кованную имперію отъ Балтики до Тихаго океана, — имперію *чисто-русскую*, гораздо больше русскую, чѣмъ правительство.

Императорская диктатура съ Екатерины II стремится сдѣлаться консервативнымъ самодержавіемъ и не можетъ. Ее постоянно преслѣдуетъ какое-то безпокойство, какое-то желаніе переменъ; оно чувствуетъ, что у него подъ руками огромныя формы безъ содержанія, что оно не нашло истиннаго *слова*, на которомъ бы оно могло опочить, какъ нѣкогда Бурбоны и Габсбургскій домъ. И вотъ почему рядомъ съ заплеснѣвшимъ отъ застоя австрійскимъ правительствомъ Петербургъ постоянно ломаетъ, передвигаетъ и самъ мѣшаетъ покою. Покой въ Россіи только внизу, только въ крестьянской Руси.

Ни ея молчаливая страдательность, ни барабанный бой и скрипъ перьевъ, трескъ и шумъ правительства не могли удовлетворять.

И вотъ мало-по-малу развивалась третья сила, которой у васъ совсѣмъ не знаютъ, — наша оппозиціонная литература.

Русская литература была въ послѣднее время постоянно или пошлая или оппозиціонная, рабская лесть или безпощадная критика, ни на чемъ не останавливающаяся.

Не ошибитесь, я слово *оппозиціонное* употребилъ не въ томъ смыслѣ, въ которомъ его употребляли во Франціи, когда тамъ еще была оппозиція, — совсѣмъ нѣтъ.

Французская оппозиція во время реставраціи и Людовика-Филиппа стояла на пьедесталѣ, сильная сочувствіемъ всего образованнаго, еще болѣе сильная собственнымъ сознаніемъ своего нравственнаго превосходства надъ правительствомъ; она себя считала наслѣдникомъ и продолжателемъ великаго народа, великаго преданія 1789—1794, великой арміи, Вольтера, республики и Аустерлица.

Оппозиціонная мысль, которая стала пробиваться въ русской литературѣ, скорѣе была похожа на угрызеніе совѣсти; недовольство собою было на первомъ планѣ. Ей, въ сущности, казалось, что

не вся вина на правительствѣ, а что доля его, и притомъ большая, лежитъ на нашей жизни; она бросилась на ея разборъ.

Здоровыя лѣсныя зерна, попавшія не на родную почву, а на тощія, наносные пески, прибитые волнами Балтійскаго моря и засыпавшіе нашъ черноземъ, выростили горькіе, ѣдкіе плоды.

Мыслящіе люди, отошедшіе въ сторону, чтобы сколько-нибудь прійти въ себя, понять хаотическій вопросъ русской жизни, разобщенность съ народомъ, не нашли никого праваго и сказали это.

Никогда вы, связанные иначе съ вашимъ отечествомъ, никогда французы не дойдутъ до того горькаго сомнѣнія въ себѣ, до безжалостнаго суда надъ собой, до котораго дошла русская литература при Николаѣ.

Подумайте, какъ росла русская мысль, чѣмъ убаюкивалась, что помнила, что видѣла,—и вы поймете, откуда идетъ этотъ характеръ. Она складывалась въ виду Алексѣевского равелина, возлѣ котораго пировалъ съ своими клеветами пьяный отецъ ¹⁾ черезъ *нѣсколько часовъ* послѣ того, какъ задушилъ измученнаго пытками сына и изъ котораго она *не могла* сдѣлать мученика,—такъ онъ былъ слабъ и пошлъ; въ виду Ропши, въ которой развратная жена ²⁾ отравила мужа—и *не могла* не согласиться, что отъ него надобно было отдѣлаться; въ виду Михайловскаго дворца, гдѣ сынъ ³⁾ велѣлъ казнить бѣшенаго отца—и *не могла* не благословить его рѣшенія.

Какое воспитаніе!

Но оно не оканчивается этимъ. Оно продолжается въ виду пяти висѣлицъ, на которыхъ бездарный актеръ, сыгравшій «эпилогъ и нравоученіе» къ петровскому періоду, повѣсилъ пять благороднѣйшихъ представителей юной, мужавшей мысли русской гражданственности, и въ виду троекъ, мчавшихся на каторгу мимо народа, которому до нихъ не было дѣла и который пахалъ да пахалъ на барщинѣ, подстегиваемый розгой, и, наконецъ, въ виду общества, т.-е. братьевъ, сестеръ, отцовъ... повѣшенныхъ и сосланныхъ, плясавшихъ до упаду на праздникахъ коронаціи,—прежде, чѣмъ тѣла однихъ испортились, а другихъ доездили до Сибири.

Возстала Варшава, и цѣлая армія поляковъ дралась, одушевленная порывомъ, и побѣжденная покрыла себя славою во время, какъ русская армія стыдилась мрачныхъ побѣдъ своихъ. Потомъ все затихло; мы стали привывать къ ненависти всей Европы, мы оправдывали ее, мы чувствовали, что она заслужена.

¹⁾ Петръ I.

²⁾ Екатерина II.

³⁾ Александръ I.

Врядъ понятны ли вамъ тѣ чувства, о которыхъ я говорю. Ваша родина вынесла страшныя несчастія съ свѣтлымъ ореоломъ на мученическомъ челѣ; побѣжденные, вы гордо смотрѣли въ глаза всему свѣту и очень хорошо знали, что, кромѣ подлецовъ, всѣ вамъ сочувствуютъ. Представьте себѣ то чувство, съ которымъ иногда въ аудиторіи московскаго университета мы слушали рассказы вашихъ соотечественниковъ и видѣли затаенный упрекъ, а иногда хуже—снисходительное сожалѣніе, и мы молчали, какъ дѣти какого-нибудь злодѣя, стыдясь имени своего отца. Я былъ радъ, что въ Перми и въ Вяткѣ я могъ, встрѣчаясь съ поляками, сказать, что я—ссылный, какъ будто ссылка разнимала круговую поруку съ тѣмъ, который насъ сослалъ. Но поляковъ мы уважали, мы сознавали передъ ними свою вину,—бывало хуже: каждый французъ сидѣлецъ, каждый нѣмецъ, у котораго «въ Швабіи свой король есть»¹⁾, и тотъ смотрѣлъ на насъ, какъ на ненавистное орудіе рабства всей Европы, и намъ нечего было отвѣчать, мы сами такъ думали!

Оставалось сломиться, нравственно изнемочь и, какъ Чаадаевъ въ знаменитомъ своемъ «Письмѣ», проклясть прошедшее, настоящее и будущее Россіи и быть, сломя въ себѣ человѣка, человѣкомъ безъ родины.

Казалось бы такъ, а на дѣлѣ вышло иначе. Въ этотъ двѣнадцатый часъ, средь тягости, дошедшей до послѣдней степени тиранства, въ то время, когда Печерины, Гагарины, Голицыны бѣжали въ католицизмъ, чтобы не задохнуться, мы еще разъ взглянули внутрь своей души и перестали вѣрить, во что вы думаете? . . въ прочность нашихъ цѣпей. Изъ глубины сердца нашего вырвался крикъ отрицанія существующаго порядка, крикъ протеста. Въ насъ, на этой послѣдней степени униженія, что-то заговорило: это неправда, мы этого не заслужили, *потому что мы нравственно свободны и крепки мыслью!*

Итакъ, вмѣсто того, чтобы сломиться, мы перешли *внутренно* кризисъ; это далеко не все, однакожъ, многое просвѣчивается въ будущемъ.

Volo videre, quomodo aedificabis²⁾, говорилъ мой знакомый докторъ Прудону, поставившему эпиграфомъ къ своимъ противорѣчіямъ «Destruam et aedificabo»³⁾. Вы въ правѣ мнѣ сдѣлать этотъ вопросъ.

Но позвольте мнѣ коснуться до него въ слѣдующемъ письмѣ.

10 марта 1860.

¹⁾ Изъ «Невскаго проспекта» Гоголя.

²⁾ Я хочу видѣть, какъ ты будешь строить.

³⁾ Разрушу и построю.

Второе письмо.

Милостивый государь,

Матеріаль, собранный петровской эпохой, огромень. Средства, которыми Петербургъ ихъ накопилъ и берегъ, не имѣютъ прямого вліянія на ихъ будущее употребленіе. Имѣнія, данныя Екатериной II Орлову-Чесменскому за убійство Петра III, были отданы его дочерью монахамъ и монастырямъ.

Общую атмосферу, обстановку, въ которой мы развиваемся, вы превосходно характеризовали; вотъ ваши слова:

«Въ сущности, русскій не виноватъ, что, отъ пеленокъ привкнувъ къ чрезвычайнымъ и обширнымъ размѣрамъ и цѣлямъ, онъ и въ мечтахъ своихъ невольно стремится за наружнымъ величіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, все вокругъ его гигантское: пространство, народонаселеніе, однообразіе даже въ языкѣ, неслыханный деспотизмъ и скрытое его безсиліе, жестокое невольничество и страшное упрямство, варварскій мракъ и дикая дерзость замысловъ, притязаній и надеждъ! Оттого вся мысль его обращена къ обширнымъ видамъ, къ наружной колоссальности, и онъ невольно въ полетахъ думы своей теряется въ этой колоссальности. Такъ, напримѣръ, его будущая Россія должна быть демократической и соціальной, если же федеративной, то въ такихъ размѣрахъ, которыхъ свѣтъ не видалъ и передъ которыми онъ бы содрогнулся отъ страха. Воспитанный въ виду гигантскаго міра, при свѣжихъ силахъ соображенія, съ умомъ еще не возмужалымъ, онъ развиваетъ всякую мысль въ громадныя размѣры, не предчувствуя другого *внутренняю величія*. Это—младенческій восторгъ, а не мужская обдуманность».

Согласитесь, что родиться съ такимъ небосклономъ—дѣло не шуточное; я не знаю, что вы разумѣете подъ словомъ «внутреннее величіе», но замѣчу вамъ, что желаніе, чтобъ «будущая Россія была *демократической и соціальной*», можетъ, и подтверждаетъ «дикую дерзость замысловъ, притязаній и надеждъ», но, конечно, не можетъ быть названо «внѣшнимъ». Что касается до самой «дерзости замысловъ и надеждъ», это—своего рода огромная сила, нисколько не похожая на квіетическое себяобоготвореніе восточныхъ народовъ, думающихъ, что они достигли высшаго состоянія, а, напротивъ, источникъ движенія впередъ. Тѣ только достигаютъ великаго, которые имѣютъ въ виду еще большее и инстинктивно вѣрятъ въ возможность его. Вы знаете поговорку: *man will was*

man kann, man kann was man will ¹⁾). Смѣлость замысловъ и обширность видовъ идетъ *юному возрасту*, а, вѣдь, онъ обыкновенно лежитъ между «младенческимъ восторгомъ и мужеской обдуманностью».

Сверхъ колоссальнаго горизонта и неустановившейся атмосферы, вы забыли еще одинъ элементъ, дающій огромную свободу мысли, именно—нашу привычку, тоже «отъ самыхъ пеленокъ», вовсе не думать о политической независимости, о государственной самобытности; мы не доказываемъ нашу народность, мы не боимся за нее, nous ne la faisons pas valoir ²⁾; она—такой незыблемый, неопровергаемый, очевидный фактъ, что мы забываемъ ее, какъ дыханіе, какъ біеніе сердца.

У насъ эта государственная самоувѣренность развита такъ, какъ у англичанъ и французовъ; это необычайно помогаетъ во внутренней работѣ, въ счастья и въ горѣ. Не имѣй англичанинъ ея, онъ не достигъ бы своихъ свободныхъ учреждений; не имѣй ея французъ, онъ сломился бы подъ игомъ рабства.

Но я тороплюсь сказать, что тѣмъ и оканчивается сходство.

У старыхъ западныхъ народовъ преданіе такъ же живо, какъ современность, они владѣютъ маіоратами, данными съ условіемъ сохранной передачи. У нихъ столько же *отечества* въ прошедшемъ, какъ въ настоящемъ, у англичанъ, можетъ, болше. Совсѣмъ напротивъ, мы такъ же *независимы во времени*, какъ въ пространствѣ. У насъ нѣтъ связующихъ, воспоминаній, обязывающихъ наслѣдствѣ. Мы забыли наше давно прошедшее и стараемся отпихнуться отъ вчерашняго; наша исторія впереди.

Мы всѣ родились на наносной почвѣ и только о петербургской, полуиностранной эпохѣ слышали отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Одна сельская Русь продолжала не московскую исторію, а старую бытовую, общинную жизнь. До московскаго управленія ей дѣла не было, она же еще до Петра распалась съ нимъ расколами. Связь съ Москвою была исключительно основана на томъ чувствѣ государственнаго единства и независимости, о которомъ мы сказали. Эта связь отдѣльныхъ частей съ земскою цѣлостью осталась и въ петербургскую эпоху,—1812 соотвѣтствуетъ 1612 году.

Московская Русь, казенная въ видѣ стрѣльцовъ, запертая въ монастырь съ Евдокіей, задушенная въ видѣ царевича Алексѣя, исключилась безслѣдно, и натянутый старческій ропотъ кн. Щер-

¹⁾ Желаетъ того, что можешь; можешь то, что желаешь.

²⁾ Мы не стараемся поднять ея цѣну.

батова (которой мы передали гласности) замолкъ безъ всякаго отзыва.

Имѣй Москва такое живое, соответствующее духу народному значеніе, какъ Рѣчь Посполитая—польскому народу, неужели бы Петръ I бритвой, топвромъ и переѣздомъ въ финское болото снялъ ее, какъ мозоль.

Какъ ни бились Кромвель и конвентъ, но прошедшаго, вросшаго въ сердце, кровно связаннаго съ настоящимъ, не одолѣли.

Новгородъ, Псковъ надобно было подавить, сослать на поселенье, испугать кровью и пожаромъ, чтобъ довести до народнаго забвенія. Въ Украинѣ ни польская шляхта, ни Петръ I, ни Екатерина II не зашибли памяти. А московскій періодъ разсѣялся, какъ тѣнь, и тихо перешелъ въ какое-то книжное воспоминаніе, и то не у народа, а у ученыхъ и духовенства.

Изъ этого нисколько не слѣдуетъ, что народъ сочувствовалъ петровской реформѣ или принялъ ее потомъ; онъ въ ней видѣлъ какое-то чужое насиліе, правительство въ немъ видѣло государственную барщину. Петровская Русь съ самаго начала является съ своимъ дуализмомъ. Это—двѣ Россіи, изъ которыхъ одна—не народъ, а только правительство, а другая—народъ, но вытолкнутый внѣ закона и отданный въ работу. Государство оканчивалось на канцеляристъ, прапорщикъ и недоросль изъ дворянъ; по другую сторону были уже не люди, а матеріаль, ревизскія души, продажныя, купленныя, всемилостивѣйше пожалованныя, приписанныя къ фабрикъ, экономическія, податныя, — но не признанныя человѣческими.

И эта *табель о ранахъ*, опираясь на несчастныя жертвы рекрутскихъ наборовъ, осужденныя на двадцатипятилѣтній голодъ и палки, и наполняя возы бумаги безграмотной канцелярской болтовней и ябедой, произвела чудеса: заселила цѣлыя страны, колонизировала Сибирь, просочилась до Тихаго океана, до Персіи, до Швеціи; она подходила къ Берлину, переходила Балканы, устраиваясь внутри въ какомъ-то хаосѣ серальныхъ переворотовъ, крови и разврата, и притомъ безъ всякаго сочувствія въ отрѣзанномъ и подавленномъ народѣ. Не доказываетъ ли это чрезвычайную пластическую силу?

Да, зато какой цѣной все это куплено!

Это—правда: безчеловѣчно тяжель былъ путь русскаго развитія, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, дорого заплатилъ народъ за безпечный сонъ въ селлахъ и деревняхъ! Татарское варварство и нѣмецкая цивилизація чудовишно наказали его. Татары съ тѣхъ поръ усмирились и тихо продаютъ красные сапоги въ Казани; нѣмцы сильны еще, тѣмъ больше, что большая часть изъ нихъ—русскіе,

но и ихъ иго идетъ быстро къ концу, а циклопическія работы и выведенные фундаменты остаются. Повѣрьте, что о жертвахъ, падшихъ при этихъ постройкахъ, о поколѣніяхъ, безотрадно умершихъ на тяжелой работѣ, мы не меньше скорбимъ, чѣмъ кто-либо. Но, желая выйти изъ этихъ мрачныхъ путей, мы стараемся понять ихъ смыслъ для того, чтобъ отыскать выходъ, для того, чтобъ воспользоваться выработаннымъ кровавыми слезами и благословеніемъ грядущихъ поколѣній загладить пошедшія страданія.

Осудивъ оптомъ звѣрскіе пути петровскаго періода, отрекаясь отъ нихъ, мы отказываемся отъ процесса этапныхъ офицеровъ, тѣмъ больше, что они перемерли на дорогѣ, и точно также отказываемся отъ ретроспективной филантропіи,—она опоздала.

Можетъ, Турнеръ ¹⁾ и вѣрно представилъ въ своей картинѣ ватерлооской битвы на первомъ планѣ какой-то въ ужасъ приводящій ворохъ труповъ, раненыхъ, плачущихъ женщинъ, но смыслъ битвы нѣтъ; и извѣстный Наполеонъ со слезою на глазахъ, и блѣдный, мраморный Веллингтонъ въ шинели, не спускающій глазъ съ отступающихъ французовъ, объясняютъ во сто разъ больше, что тутъ было. А что и то было, что Турнеръ на исоваль, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; да это было во всякой рѣзнь отъ битвъ Немврода до Сольферино. Податная Русь страдала много, конечно, не меньше крѣпостной Польши; всего хуже, что она и теперь страдаетъ, но одной чувствительностью не поможемъ. Врачъ, призванный къ больному, смотреть, сколько силъ, что дѣло и что повреждено; и если онъ разспрашиваетъ, какъ больной дошелъ до настоящаго положенія и чѣмъ были больны его отецъ и мать, то совсѣмъ не съ тѣмъ, чтобъ читать ему мораль; болѣзнь—такая краснорѣчивая мораль, что, если и она не поможетъ, то что сдѣлаютъ фразы?

Тѣ народы пусть отвѣчаютъ за свое прошлое, которыхъ луповина съ исторіей не разрѣзана, которые горы своимъ прошедшимъ. Мы напротивъ, только разрываясь съ нимъ, идемъ впередъ. Мы скорѣе похожи на двуутробку, бѣгущую съ обнищалаго поля, унося съ собой свое будущее поколѣніе, чѣмъ на верблюда, несущаго черезъ степи кивотъ со старымъ завѣтомъ.

То, что было съ московскимъ періодомъ, то будетъ неминуемо съ петербургскимъ. И такъ, какъ реформа Петра убила московскій порядокъ, такъ предстоящая реформа убьетъ петербургскій. Первая *органическая*, народная мысль, которая пробилась въ этихъ снѣговыхъ вершинахъ, носить въ себѣ зародышъ *освобожденія отъ немцаго иа*.

¹⁾ Жозефъ, англ. художникъ.

До сихъ поръ все шло иначе.

Работа петербургская была чисто внѣшняя, алчная, все захватывавшая, все жавшая. И если петербургское правительство дивило дерзкой отвагой объемовъ, то всѣ его созданія представляли какія-то огромныя пустыя формы безъ содержанія, чего-то ждущія и покамѣстъ наполненныя всякой казарменной рухлядью и канцелярской дрянью, которыя такъ мало шли къ жизни, что онѣ постоянно уродовали ее, а она постоянно искажала ихъ, прорывала, расширяла трещины, ускользала.

Къ чему копились силы, что выжималъ Петербургъ своимъ самодержавнымъ прессомъ изъ шестой части земного шара, зачѣмъ расширялъ онъ предѣлы, зачѣмъ ковалъ народъ въ цѣпи? На это онъ такъ мало могъ бы вамъ отвѣчать, какъ какой-нибудь китъ, на что онъ поглощалъ тысячи рыбъ въ день для того, чтобы вырастить свое тѣло, — его голодъ и органическая пластика того гребовали.

Наконецъ, петербургскій періодъ дошелъ до своего предѣла, стукнулся объ Западъ и увидѣлъ, что ему его не сломить; внутри онъ заправился до такой нелѣпости, что сталъ, по нѣмецкому выраженію, какъ волъ у горы, ему некуда было больше итти въ его ботфортахъ. И очень хорошо, — онъ все сдѣлалъ, что могъ, оцѣпилъ огромную арену, приготовилъ эстраду, учредивъ въ ней полицейскій порядокъ. Когда его зданіе было готово не только стоять, но и рухнуть, ему пришлось сложить руки; тутъ уже дѣло актеровъ, а не капельдинеровъ. Вышелъ Александръ II и объявилъ, что російскими императорскими чиновниками съ помощью благороднаго російскаго дворянства будетъ на петровскомъ театрѣ представлена новая пьеса: *«Освобожденіе крестьянъ съ землею»*.

Это—requiem петербургской эпохи, въ которомъ главное solo поетъ самъ царь.

Еще ничего не сдѣлано, только спектакль возвѣщенъ, а Россія вся перемѣнилась... Вы, вѣрно, слышали гулъ внутренняго содроганія силы въ котлѣ парохода, когда колесо еще стоитъ, паръ вырывается, сжатый, опасный, бѣлый, въ небольшую трубку, и пароходъ, стоя на одномъ мѣстѣ, уже повинуетъ не одному качанью волнъ, а своему сдержанному пульсу.

Вотъ что мы слышимъ теперь, вотъ что можете слышать вы, только для этого надобно не только прислушаться и прекратить частные разговоры, но бросить западный стетоскопъ.

«Слова «освобожденіе крестьянъ» раздалися, какъ труба на зарѣ. Крестьянинъ, расколникъ, чиновникъ-либераль и чиновникъ-чиновникъ, образованный дворянинъ и дворянинъ сѣкущій, — все это

проснулось отъ тяжелаго сна въ какомъ-то нервномъ раздраженіи и бросилось укладываться и собираться въ путь. Берутъ мѣры, боясь какой-то грозящей невзгоды; правительство чувствуетъ себя слабѣе... у всѣхъ сдѣлалось больше крови въ жилахъ, у него одного меньше, а между тѣмъ колодки не измѣнились.

Вдругъ всѣ открыли, точно какую-нибудь новость, удивительную нелѣпость и чрезвычайный беспорядокъ петербургскаго государственнаго устройства: ни законовъ, ни суда, ни охраняющихъ формъ, ни честности, ни въ самомъ дѣлѣ повиненія, ничего; словомъ, открыли то, что давнымъ давно говорилъ статсъ-секретарь Лонгиновъ: «истинное самодержавіе само держится, и чортъ знаетъ на чемъ!»

Ни одной ясной, послѣдовательно проведенной идеи юридической, административной нѣтъ во всей Россіи отъ Зимняго дворца до сибирскихъ поселеній, отъ святѣйшаго синода до грѣховнѣйшаго земскаго суда. Нелѣпость въ одну сторону приводится къ нѣкоторому равновѣсію нелѣпостью въ другую.

Крѣпостное право, на примѣръ, никогда не утвержденное закономъ въ той силѣ, въ которой оно существуетъ, вовсе не укрѣпило, а спутало понятіе о собственности. Какъ себя помѣщикъ ни увѣрялъ въ правомѣрности имѣть крѣпостныхъ, и какъ правительство ни усердно сѣкло съ нимъ мужиковъ въ доказательство, что они—собственность, на днѣ души оставалось сомнѣніе, почти угрызеніе совѣсти, которое мало-по-малу перенеслось и на понятіе поземельной собственности,—и въ то же время обратнымъ путемъ и крестьянинъ дошелъ до того, что *онъ* барскій, а земля *его*.

Иностранцы, пораженные этимъ неустройствомъ, и даже многіе изъ русскихъ, смотрятъ съ ужасомъ на него, не думая о томъ, что если-бъ петербургское управленіе могло быть возведено въ порядокъ и принято народомъ, то мы бы погибли. Человѣкъ, схваченный врасплохъ за горло, отдаетъ разбойнику свой кошелекъ, но нравственно онъ отъ него свободенъ; а несчастный, который кошелекъ отдаетъ папѣ за индульгенцію, — рабъ въ душѣ, хотя папа и не держитъ его за горло.

Каждый русскій долженъ благословить, что временныя смиренительныя учрежденія петербургскаго самовластья вызвали только одни нелѣпѣйшія безобразія, а не стараться *какъ-нибудь* привести ихъ въ *порядокъ* на основаніяхъ нѣмецкой бюрократіи. Наше неустройство, это — великій протестъ народный, это—наша magna charta ¹⁾, нашъ вексель на будущее. Не надобно ошибаться въ его ха-

¹⁾ Великая хартія вольностей, положенная въ основаніе англійской конституціи.

рактёръ; это—не распаденіе на части ветхаго тѣла, а безпокойное ломанье живого организма, отдѣлывающагося отъ постороннихъ путей; не гнилое броженіе, а броженіе около бьющагося зародыша.

Да гдѣ же онъ?

Конечно, не въ правительствующемъ сенатѣ и не въ главномъ штабѣ, не въ министерствахъ и ихъ канцеляріяхъ... всѣ эти пустыя стойла петербургской конюшни развѣ только ему послужили яслями.

Говорить еще разъ о томъ, что такое *право на землю и общинное устройство* русской деревни, я не стану; я такъ недавно сдѣлалъ опытъ объяснить, насколько понимаю эти вопросы (58 и 59 лл. «Колокола»), что не имѣю почти ничего прибавить къ сказанному ¹⁾.

Напоминаю вамъ только сказанное въ прошломъ письмѣ объ иномъ отношеніи нашемъ къ Западу: *мы ближе и дальше* отъ него, чѣмъ прежде. Утомленная долгой борьбой за личную свободу, Европа, снова скованная, выбиваясь изъ силъ, сѣла на камень возлѣ границы, къ которой съ другой стороны и насъ пригнали съ цѣпями на рукахъ и ногахъ. Это—нашъ первый этапъ; но ужъ по прежней западной дорогѣ, если насъ раскуютъ, мы не пойдемъ,—примѣръ передъ глазами.

Не величайшее ли счастье, что мы такъ поздно сблизились? Весьма можетъ быть, что при иной встрѣчѣ съ западной цивилизаціей, когда она сама была полна вѣры въ себя, энергии и силъ, мы продолжали бы внутри петровскую работу и, вѣроятно, разбили бы неказистые крестьянскіе ларцы, единственное наслѣдіе наше, для того, чтобъ сдѣлаться чѣмъ-нибудь въ родѣ плохой Пруссіи.

Едва ли не придется намъ также благословить чудскіе и туранскіе элементы, попризадержавшіе наше старо-славянское развитіе, какъ мы благословляемъ теперь петербургское неустройство. Можетъ, безъ нихъ мы имѣли бы въ исторіи нѣсколько страницъ болѣе блестящихъ, мы вспоминали бы, можетъ, вмѣсто дани, платимой Золотой ордѣ, какое-нибудь спасеніе à la Jan Sobieski ²⁾ *вѣнской* орды; вѣроятно, католицизмъ и римское право прикрѣпили бы и насъ къ кораблю, который теперь тонетъ и все свое тащитъ съ собой въ пропасть; общинное владѣніе, міръ,—все это было бы разрушено панами, какъ въ Польшѣ, и *дикое право каждаго на землю* замѣнилось бы образованнымъ, но *невозможнымъ правомъ на работу*.

¹⁾ См. № 1267.

²⁾ Янъ Собѣскій, польскій король, освободившій Вѣну отъ осаждавшихъ ее турокъ.

Случилось иначе,—и теперь позвольте вамъ сдѣлать вопросъ: вѣрите вы или нѣтъ, что казненный социализмъ «умеръ и похороненъ»? Мнѣ все кажется, что ему забыли перебить голени и что онъ также какъ-нибудь, «предваривши утро», сброситъ съ себя саванъ и пойдетъ бродить по ученикамъ. Кажется мнѣ это оттого, что социализмъ—*необходимое послѣдствіе*; пока существуютъ посылки,—а онъ такъ глубоко выросли въ современную жизнь или выросли изъ такой глубины ея, что ихъ съ корнемъ вырвать нельзя,—социализмъ будетъ ставиться ихъ живымъ силлогизмомъ, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока мозгъ будетъ дѣйствовать нормально.

Силлогизмъ этотъ, послѣдній логическій выводъ западнаго сознанія, является у насъ, какъ естественная непосредственность. Мы общинный бытъ, право на землю нашли, какъ наши руки, т.-е. онѣ были тутъ, когда мы пришли въ себя и въ первый разъ подумали объ нихъ. Такъ дикое, но рѣзкое начало личныхъ правъ лежало въ непосредственности до исторической природы германскихъ племенъ.

Петръ I задержалъ своимъ хлороформомъ народную жизнь на время операций и перевязокъ, но онъ не разрушилъ ея элементовъ не только въ податной Руси, но и въ неподатной. По мѣрѣ того, какъ гений русскій выходилъ изъ оцѣпенѣнія и развивался наукой, онъ догналъ теоретическую мысль Запада; но, догнавши, онъ разошелся съ его практическимъ приложеніемъ, потому что былъ послѣдователенъ; онъ въ своей народной совѣсти не находилъ тѣхъ граней и препятствій, о которыя спотыкалась Европа. Безправный рабъ помѣщика не мечталъ объ освобожденіи безъ земли, безправный рабъ царя пересталъ восхищаться феодально-буржуазнымъ представительствомъ ¹⁾. Дерзость замысловъ наша дошла, напри- мѣръ, до того, что правительство, дворянство и народъ, споря о выкупѣ и переходномъ времени, толкуя о количествѣ земли и ея оцѣнкѣ, согласны въ одномъ: что безъ земли нельзя освободить

¹⁾ Есть въ Россіи каста отупѣвшихъ отъ школьной политики педантовъ и доктринеровъ, кот. рая съ комическимъ *suffisance* ²⁾ репетируетъ идеи пилевской реформы и либерализма времени Казимира Перье. Тяжелая ученость, схоластическія занятія выѣли ихъ слабыя способности, а совершенное безучастіе къ живой жизни не вызвало ихъ сойти съ кафедръ на рынокъ. Испуганные дикими, неустроенными элементами русскаго развитія, они попадаютъ то во французскую болѣзнь—централизацію, то въ англійскую—буржуазный *selfgovernment*. Но это ничего не значить,—люди эти и съ цѣлымъ мозгомъ не сдѣлали бы ничего.—а скорѣе только доказываютъ крѣпость нагоднаго духа, который не переваривается «нѣмецкими, гладенькими» умками! А. И. Г.

²⁾ Самодовольствомъ.

русскаго мужика, признавая, такимъ образомъ, безусловно его право на землю.

Подумайте теперь о результатѣ, когда эта шестая доля земного шара, со всѣми своими туранскими и чудскими примѣсями, съ социальными инстинктами, освобожденная отъ нѣмецкихъ колодокъ и лишенная воспоминаній и наслѣдства, перекликнется съ пролетаріемъ-работникомъ и съ пролетаріемъ-батракомъ на Западѣ, и они поймутъ, что, собственно, у нихъ дѣло одно.

Кто можетъ предвидѣть всѣ столкновенія и всѣ борьбы, которыя вызовутся въ тѣ дни? Но что онѣ будутъ страшны, въ этомъ нѣтъ сомнѣній. Передъ борьбой намъ хотѣлось, чтобъ славяне подали другъ другу руку на братскій союзъ,—не для помощи Россіи,—ужь она то *faga da se* ¹⁾),—не для составленія съ ней чудовищной имперіи,—мы ничего не знаемъ нелѣпѣ этихъ китообразныхъ государствъ, которымъ двигаться тяжело отъ роста,—а для того, чтобъ они не остались по ту сторону, по сторону *прошедшаго* или не сдѣлались бы кровавымъ театромъ страшной борьбы.

Но, можетъ, Польша, дѣйствительно, больше принадлежитъ къ старо-западному міру и хочетъ рыцарски дѣлить его послѣднія судьбы, лить за него кровь, какъ герой Понятовскій, и увидѣть, какъ самъ Понятовскій, въ пѣсни Беранже, какъ Западъ руки не подастъ тонущему за него? Да будетъ ея святая воля!

Мы требовали одного и теперь требуемъ: чтобъ, разрываясь съ Россією, она глубже узнала, что за всходы прозябаютъ, прикрытые въ ней солдатской шинелью и императорской мантией...

Позвольте мнѣ этимъ заключить письмо мое.

10 марта 1860. ²

◆◆ 1. Приведу самое существенное содержаніе статьи польскаго журнала.

«Кружокъ Герцена является какъ бы совѣстью своего народа и, если намъ нужно съ кѣмъ считаться, то съ ними и теперь... Въ прошломъ году мы говорили объ этомъ подробно. Теперь намъ надо продолжать слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ взглядовъ русскаго либерализма на польскій вопросъ. Герценъ законно выступаетъ представителемъ лучшей части русскаго общества; въ немъ высказывается Россія горячихъ желаній и надеждъ, и относительно насъ онъ отвѣчаетъ не только за себя, но и за весь свой кругъ. Теперь уже для насъ есть общія сердца въ Россіи. Но

¹⁾ Постоить за себя. обойдется безъ посторонней помощи.

мы не можемъ понять непостоянство Герцена относительно Польши. Искренно желаемъ, чтобы наше взаимное непониманіе было разсѣяно. Если Герценъ не панславистъ, если онъ не панславистъ на почвѣ языка, идилліи и тѣмъ болѣе на почвѣ чиновничьяго пониманія, то въ глубинѣ души, за стройными прогрессивными идеями проявляется, все-таки, нѣкотораго рода панславизмъ. Онъ, повидимому, желалъ бы, чтобы его Россія, возрожденная, освобожденная изъ царскихъ пеленокъ и дѣтскаго варварства, омытая отъ исторической грязи трудомъ новой цивилизаціи, съ челомъ, освѣщеннымъ вѣрою, и съ надеждой на свою великую будущность,—сама, сбросивъ свои узы, взяла бы руль славянскихъ судебъ въ свою молодую руку. Союзъ славянъ долженъ быть федераціей равноправнаго, а Россія — главою его,—вотъ мысль Герцена. Это—несомнѣнный панславизмъ».

Въ № «Przegląd Rzeczy Polskich» отъ 15 іюня 1860 г., между прочимъ, сказано: «Отвѣтъ Герцена въ №№ 65 и 67 «Колокола» не отвѣчаетъ на вопросы, поднятые нами. Спорные пункты, поводы къ недовѣрію и во многихъ отношеніяхъ солидарность,—все это осталось, какъ и прежде, только немного стало яснѣе. Мы не думаемъ опять вступать въ полемику и ограничимся простымъ рефератомъ статьи... Герценъ дѣлаетъ свое дѣло хорошо, и мы должны протянуть ему нашу братскую руку. Каждый дѣлаетъ сколько можетъ».

Въ № 14 «Wiadomości Polskie» 1860 г. сказано, что хотя «Колоколь» уже потерялъ въ русскомъ обществѣ обаяніе новизны, но въ правительственныхъ сферахъ, приученныхъ къ его постояннымъ обвиненіямъ и громамъ, онъ, все-таки, производитъ большое и безспорное впечатлѣніе... Вліяніе его вообще больше, чѣмъ предполагалось на Западѣ, и все, что выходитъ изъ подъ пера Герцена, заслуживаетъ вниманіе поляковъ. До сихъ поръ мы воздерживались отъ полемики со славнымъ публицистомъ. Пропастъ, разделяющая наши политическіе, общественные и религіозные взгляды, казалась намъ не переходимой, и, признаемся, мы не видѣли никакой возможности для взаимнаго пониманія и примиренія. Повидимому, и самъ Герценъ это понималъ, потому что никогда не обращался къ намъ прямо, признавая, однако, другіе польскіе органы, болѣе подходящіе къ его взглядамъ, и съ ними часто вступалъ въ дружескую бесѣду. Одинъ изъ этихъ органовъ огласилъ нѣсколько мѣсяцевъ назадъ свои замѣчанія объ отношеніи русской либеральной партіи къ польскому вопросу. На это Герценъ отвѣтилъ двумя письмами, оглашенными въ «Колоколѣ» 15 марта и 1 апрѣля... Такъ какъ Герценъ не признаетъ никакой религіи и

не присоединяется ни къ какой формѣ правленія, обезпечивающей даже самую широкую свободу, то онъ не можетъ быть и охранителемъ своей національности и ея могущества. Къ чему же ведетъ этотъ воинъ русской мысли, къ которому обращается мысль многихъ его соотечественниковъ, къ голосу котораго прислушиваются, который теперь сдѣлался политическимъ учителемъ Россіи? Намъ неважно, что Герценъ уничтожаетъ, но что же онъ построилъ на этомъ мѣстѣ? Какъ и Прудонъ, онъ—разрушитель, но не созидатель... Нашу свободу онъ признаетъ потому, что мало ее цѣнить; для его народа она не много значить, а онъ къ тому же обнимаетъ мыслью все человѣчество. Свобода народовъ для него недостаточна, потому что онъ не либераль. Когда всѣ эти взгляды будутъ приняты въ Россіи, Европа должна быть на сторожѣ, потому что ей будетъ грозить новое нашествіе варваровъ.

М. П. Драгомановъ, какъ уже говорилось, остановился очень подробно на статьяхъ Герцена по польскому вопросу 1859 и 1860 гг. Приведу нѣсколько его мыслей. «Читая вышеупомянутыя статьи Герцена, видишь, какъ близко онъ къ истинному пониманію вопроса, но въ то же время, особенно послѣ случившагося съ 1860 года, видишь, какъ примѣсь къ его здоровымъ мыслямъ идей великорусскаго мессіанизма, а также незнаніе деталей исторіи и положенія невеликорусскихъ народовъ и остатки привычки распоряжаться за другихъ ихъ судьбою, составили около вполнѣ вѣрныхъ и спасительныхъ зеренъ политическихъ идей Герцена о польскомъ вопросѣ такую оболочку, которая должна была стать источникомъ послѣдующихъ бѣдствій и ошибокъ». «Великороссійскій мессіанизмъ на поляковъ долженъ былъ производить отталкивающее впечатлѣніе,—не только на патріотовъ болѣе «бѣлыхъ» оттѣнковъ, у которыхъ была своя національно-мессіанистическая религія, если и не такъ демократическая, то выражаемая еще съ большимъ мистицизмомъ, но даже и на тѣхъ изъ «красныхъ», которые способны бы были усвоить и федеральную и социалистическую сущность ученія Герцена, но только не въ той, поистинѣ, странной и претенціозной оболочкѣ, въ какой ее излагалъ московскій демократъ. Вотъ почему усвоено было ученіе Герцена только великороссами и у послѣднихъ получило и практическое примѣненіе, которымъ врядъ ли доволенъ былъ самъ Герценъ. Кто слѣдилъ за петербургскою и московскою печатью 1864—1868 гг., тотъ не могъ не замѣтить, какъ въ тогдашнихъ органахъ императорскаго демократизма, постепенно перешедшихъ въ органы всеобрусительнаго бюрократизма («День», «Москва» и «Москвичъ» И. Аксакова, «Голосъ», который сначала, въ 1863 г., представлялъ, было, собою въ

польскомъ вопросѣ идеи петербургскихъ западниковъ и либераловъ), почти дословно излагались мысли Герцена «о старомъ мірѣ и Россіи», о спасеніи потерявшей славянскій обликъ Польши чисто-славянскими началами, сохранившимися въ Великороссіи и т. п.». «У Герцена мы встрѣчаемъ сильныя противовѣсы великороссійскому мессіанизму, и потому лично онъ, конечно, трижды чистъ отъ всѣхъ его безобразій, но не совсѣмъ не виновна въ нихъ самая его доктрина... Если такимъ образомъ однимъ своимъ бокомъ ученія Герцена, — такъ, какъ они были имъ изложены въ 1859—1860 гг., — представляли опору для такой политики, которая потомъ повела за собою, съ русской стороны, мѣра противъ національной индивидуальности Польши, то другимъ своимъ бокомъ они открывали наклонную плоскость, по которой и самъ Герценъ и его политическіе друзья покатались еще раньше въ сторону польскихъ «историческихъ» стремленій, по сущности своей завоевательныхъ, а не освободительныхъ, и противъ которыхъ самъ Герценъ выставилъ столько вѣскихъ соображеній и въ тѣхъ же вышеупомянутыхъ статьяхъ». «У Герцена оказалось гораздо менѣе такихъ отчетливыхъ понятій (о томъ, что такое «единство Россіи» и что такое ея «закраины» — *М. Л.*), чѣмъ добрыхъ намѣреній, въ томъ случаѣ, когда онъ приступилъ къ вопросу о границахъ его «сплошной Россіи» съ Польшею. Прежде всего онъ впалъ въ ошибку уже тѣмъ, что началъ, по примѣру польскихъ «историческихъ» патріотовъ, опредѣлять границу своей Россіи, т.-е. Великороссіи, отъ Польши, тогда какъ, по духу его идей, онъ долженъ бы былъ опредѣлять границу ея отъ Латышии, Бѣлороссіи и Украйны, такъ какъ, вѣдь, великорусская нація нигдѣ съ польской не соприкасается. Между тѣмъ Герценъ, предполагая возможность, что, напр. «Украйна не захочетъ быть ни польской, ни русской», предполагаетъ и возможность, что западныя области захотятъ быть то русскими, то польскими, при чемъ опираетъ это предположеніе на разныя «бытовыя основанія», которыя, за неимѣніемъ ни горъ, ни большихъ рѣкъ, могутъ, по его мнѣнію, опредѣлить границу, — границу, все-таки, между Россіей и Польшею!» («Историческая Польша и великорусская демократія»).

1354. (Лужинъ деретса).

Ѹ Правда ли, что харьковскій губернаторъ Лужинъ при допросѣ студента Завадскаго его ударилъ? И если правда, какія мѣры взяты правительствомъ, студентами и университетскимъ начальствомъ? Теперь-то намъ Зиновьевъ покажетъ, что онъ не только умѣетъ губить студентовъ, но и отстаивать!

1355. Топильскій въ ненужномъ мѣстѣ.

Ну, прорвало плотину! вся грязь, мертвыя кошки, выброшенные голенищи, арбузные корки,—все понеслось за Панинымъ ¹⁾... Михайло Ивановичъ, поздравляемъ васъ въ редакціонномъ «мѣстѣ» (Комиссией ее нельзя больше называть). Ха, ха, ха! признайтесь, милый, услужливый, удобоуправляемый Топильскій, вы, вѣрно, расхохотались, когда прочли ваше назначеніе. Балагуры да и только!

«Прошка! Прошка!—сказалъ бы Суворовъ—зачѣмъ, дуракъ, не дожилъ до 1860 года? вотъ ты, Прошка, сидѣлъ бы теперь въ редакціонномъ мѣстѣ!»

Михаилъ Ивановичъ, вы соберите новыхъ депутатовъ отъ дворянства—Гутцейта, помѣщицу Свирскую, казака Попова, Жадовскаго, нѣмца Вреде, стрѣлка Кочубея и другихъ членовредителей, насиллователей, домокрадovъ à la Rapine, сѣкарей и иныхъ плантаторовъ!

1356. Еще о ретроградномъ архимандритѣ и не прогрессивномъ Озеровѣ, посланникѣ авѣнскомъ.

Какой-то господинъ (вѣроятно, сумасшедшій, судя по ругательствамъ, обращеннымъ къ намъ) въ письмѣ, полученномъ на дняхъ, обвиняетъ насъ въ томъ, что мы не помѣстили въ «Колоколѣ» вопроса объ античныхъ вкусахъ русскаго архимандрита въ Авѣнахъ (*хотя вопросъ и былъ помѣщенъ въ 63 листѣ*), и, сверхъ того, въ томъ, что какой-то, будто бы, шпіонъ писалъ (*кому?*) о полученіи нами письма, вслѣдствіе чего Озеровъ началъ гоненіе противъ діакона. На брань мы смотримъ съ всесовершеннѣйшимъ презрѣніемъ; замѣтимъ только наивному корреспонденту, что неужели, требуя *четыре раза напечатанія* въ «Колоколѣ» длинныхъ реляцій о шалунѣ архимандритѣ, онъ хотѣлъ хранить дѣло въ тайнѣ?

Но не объ этомъ дѣло. Мы помѣщаемъ эти строки съ иною цѣлью и обращаемъ прямо съ вопросомъ къ человѣку, извѣстному намъ за одного изъ благороднѣйшихъ государственныхъ людей въ Россіи, къ князю Горчакову ²⁾: предписывалъ ли онъ или нѣтъ посланникамъ покровительствовать, изъ свѣтски-дипломатическихъ или церковно-православныхъ интересовъ, *ретрограднымъ нѣжностямъ пастырей и архипастырей* и неужели онъ думаетъ, что православіе много выиграетъ, напр., въ глазахъ карпат-

¹⁾ Топильскій былъ его правою рукою въ министерствѣ юстиціи и по домашнимъ и личнымъ дѣламъ.

²⁾ Александръ Михайловичъ.

скихъ или австрійскихъ раскольниковъ, когда они узнаютъ, что императорская мантия служить занавѣской и прикрытiемъ такихъ *правонеславныхъ* грѣшниковъ?

Не мѣшало бы, сверхъ того, на родину Перикла и Алкивиада (тоже не безъ слабости человѣка, но не архимандрита) назначить посла, у котораго было бы побольше аттической соли, чѣмъ у Озерова. Его силу можетъ князь Горчаковъ очень легко оцѣнить въ этомъ дѣлѣ. Какой-то діаконъ упоминаетъ въ письмѣ корреспондента и въ «Колоколѣ»; хитрый Талейранъ-Невскій догадался: «такъ, стало, это онъ и писалъ», т.-е. это мы сдуру такъ своего корреспондента и выдали. Зачѣмъ же онъ объ насъ судить по себѣ?

А, вѣдь, дѣло въ томъ, князь, что несчастный діаконъ, пожалуй, и пострадаетъ отъ похмеля въ чужомъ пиру. Ни къ чему не ведутъ всѣ эти укрывательства, секреты, беззаконныя дѣйствiя... Да и синоду стыдно давать свое благословенiе на такія слабости. Пусть они или оправдаютъ архимандрита (мы первые отъ души порадуемся) или пошлютъ его въ *женскiй* монастырь на покой.

1357. Отъ издателей.

Мы получили два письма по поводу помѣщеннаго нами (1 января) возраженiя г. Анастасьева; благодаримъ за участiе къ намъ и къ дѣлу безцензурной гласности, но просимъ позволенiя писемъ не помѣщать.

Г. Анастасьевъ имѣлъ полное право вступить за своего отца; то, что онъ требовалъ, чтобъ его имя было напечатано, дѣлаетъ ему величайшую честь. Если-бъ онъ не скрѣпилъ своего письма кое-какими *крѣпкими* замѣчанiями, можетъ, было бы лучше, но русскiе слишкомъ привыкли говорить на цензурныхъ помочахъ, чтобъ имѣть *тактъ предълова*.

Большое несчастiе, что мы не можемъ повѣрять всѣхъ фактовъ, помѣщаемыхъ нами, но развѣ это можетъ какой-нибудь журналъ? Конечно, наше положенiе затруднительнѣе, чѣмъ всякаго англійскаго журнала. Въ свободной странѣ издатель указываетъ на источникъ, у насъ источникъ *долженъ быть* скрытъ. Если-бъ въ Россiи была судебная отвѣтственность, это было бы дѣло другое, но опасность, которой бы подвергся корреспондентъ, написавшій безъ умысла ложную новость, невѣрно повторившій слухъ, такъ громадна и несоразмѣрна, что объ этомъ и думать нельзя. При всей нашей осторожности мы поневолѣ компрометировали какого-то русскаго діакона въ Аѳинахъ, который, вѣроятно, не имѣлъ понятiя о томъ, что въ Лондонѣ есть русская типографiя, и котораго русскiй посланникъ Озеровъ заподозрилъ *въ неуваженiи къ* содомiи и въ корреспонденціи съ «Колоколомъ».

Намъ остается дѣлать то, что мы дѣлаемъ,—добросовѣстно открывать наши столбцы для всякой дѣльной поправки. Разумѣется, когда намъ пишутъ, *какъ на дняхъ*, въ защиту какого-нибудь генерала, о побѣдахъ котораго мы ничего не слыхали, а о взяткахъ—очень много, что и «Масена и Сультъ» были грабителями, то мы не считаемъ себя обязанными повторять такія шутки.

Ложныхъ новостей у насъ было очень не много, и часть ихъ взята изъ другихъ журналовъ. Мы не можемъ жаловаться на нашихъ корреспон-

дентовъ. Что мы получали нѣсколько разъ ругательныя письма, *опровержавшія браню* факты, высказанные нами; это служило только подтвержденіемъ ихъ истины.

Въ заключеніе возвращаемся на нашъ старый припѣвъ, повторяемый нами двадцать разъ: мы просимъ, мы умоляемъ не ради насъ, а ради дѣла, которое мы представляемъ, сообщать намъ только достоверно извѣстные факты, въ противномъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, отмѣчать, что это—слухъ.

1358. Письмо къ сыну.

15 марта (1860).
Park House, Fulham.

Любезный Саша, начни съ того, что скажи M-me Vogt, что я на ея первое письмо уже отвѣчалъ третьяго дня и что, въ моемъ мнѣніи, весь мой отвѣтъ—откровенный и полный. Ты, другъ мой, какъ всегда, въ половину понимаешь, что я говорю, торопишься отвѣчать, торопишься писать.

Неужели ты не понялъ то мужественное, твердое мнѣніе, которое заставило меня остановиться и сентиментальность и чисто-нѣмецкую болтовню? Да, ты говорилъ въ предпрошломъ письмѣ именно о бракѣ, и потому я отвѣчалъ о бракѣ, отвѣчалъ съ горестью и досадой, видя студента, юношу 20 лѣтъ, говорящимъ о самой тяжелой цѣпи въ жизни.

Какое особенное довѣріе могу я имѣть къ твоему сердцу, когда полгода тому назадъ ты мнѣ сдѣлалъ иное признаніе?... Сказалъ ли ты это M-me V.?

А оттого, что все это идетъ легко, оттого и мысль брака, которая на юношу наводитъ ужасъ, для тебя, какъ даровое и легкое послѣдствіе, составляетъ мечту.

Я женился 26 лѣтъ, оттого что надобно было спасти N. отъ княгини,—читай въ «Быломъ и думахъ». Я женился человѣкомъ твердо стоявшимъ на своихъ ногахъ, испытаннымъ не только школу, но тюрьму.

Если ты только мнѣ хотѣлъ довѣрить тайну, то оборотъ твоего письма дурень и о бракѣ не слѣдовало поминать.

Насчетъ твоего приѣзда я согласенъ; но, желая тебя всѣми мѣрами приучить къ тому, чтобъ ты зналъ, что есть *лишенія*, ты долженъ оба пути заплатить изъ жалованія. Къ тому же я требую, чтобъ ты это держалъ подъ секретомъ отъ Таты, чтобъ ей сдѣлать сюрпризъ, а мнѣ напиши число, когда выѣзжаешь, и, между прочимъ, приѣзжай не ночью, а то сюрпризъ не удастся.

Въ заключение повторяю, что если и *въ 25 лѣтъ* ты меня спросишь, я тебѣ и тогда скажу: я даю тебѣ полную волю, но не нахожу причины радоваться, что ты такъ рано подрѣзываешь себѣ крылья.

P. S. Сколько ѣзды отъ Берна до Гейдельберга? Ты могъ бы заѣхать къ Тат. Петр.; она тамъ съ двумя сыновьями.

1359. Надпись для неизвѣстнаго.

23 марта 1860.

Park House, Fulham—

отъ *A. Герцена.*

1360. Письмо къ П.-Ж. Прудону.

23 mars 1860.

Park House.

Cher Monsieur Proudhon,

Je viens de recevoir votre lettre et je me mets de suite à vous répondre. Je vous remercie franchement pour l'invitation que vous me faites de contribuer par quelque travail à la Revue.

Il faut pourtant vous dire que moi et mon ami Ogareff-nous sommes extrêmement occupés (nous avons «La Cloche», «L'Etoile Polaire» et «Les Voix de la Russie»... tout cela doit être corrigé par nous deux. et quand à «La Cloche» et «L'Etoile» les articles de fond sont écrits par nous).—Mais voilà ce que je vous propose—une traduction (arrangée pour le public français) d'une série de lettres sur la «Russie et la Pologne». Ces lettres seront des réponses à trois ou quatre articles publiés par des Polonais à Paris.—Il faut vous dire la pensée de ces lettres. Pour moi la Pologne représente la *vieille civilisation* dans le monde slave, et cela dans toute sa beauté tragique, avec tous les avantages du malheur,—avec de grands souvenirs, avec des aspirations de liberté, de catholicisme (éclairé), d'aristocratie (radicale!)—tout cela est beau, mais tout cela n'est pas viable. *Nous*, les Russes,—nous haïssons notre double passé:—la tradition Moscovite et la *statistique* de Pétersbourg,—nous sommes *les gueux* du genre humain, notre race est mêlée avec des Tartares, des Finnois, des peuples Thuriens. La civilisation occidentale nous devient haïssable dès qu'elle hésite à franchir le ruisseau pour entrer dans le socialisme. Le

peuple — le moujik, le dissident, l'homme des champs — n'a rien de commun avec Pétersbourg. Notre aristocratie — se sont *des Tartares promus au rang d'Allemands*. Le peuple apporte en place du *droit au travail* — le droit gratuit à la terre, l'organisation communale, le partage de la terre, la possession en commun et les associations ouvrières.

Si cela vous va, je me mettrai à l'oeuvre pour traduire. Mais depuis que je suis à Londres j'ai oublié le français, il faut corriger le style, l'orthographe.

Je parlerai de la *Revue* dans «La Cloche» — on vous aime, on vous admire en Russie. Vos ennemis en Russie — ce sont les économistes, les hommes du «laisser-faire» absolu, les libéraux — de la nuance Lamartine — Odillon Barrot — mais c'est un énorme plaisir d'être haï par ces cretins.

Avez-vous un prospectus de la *Revue*? Je l'insérerais dans «La Cloche». Si vous mentionnez les noms des collaborateurs, mettez aussi le mien. Ogareff (il s'occupe plus spécialement de l'organisation communale, économique et administrative en Russie) qui est un des hommes les plus éminents, veut aussi vous envoyer quelque chose et, avant, vous écrire.

Je vous serre la main avec amitié, sympathie et estime.

Alex. Herzen.

Notre Louis XVI d'Alexandre, nous boudant, est un de nos lecteurs constants. Il y a un mois, il a écrit sur le rapport de ministre de l'Intérieur: «Il y a plus de deux semaines que j'ai lu cela dans «La Cloche» Il devient fou maintenant, il y a des arrestations et un procès politique — le 1-^r de ce règne.

Переводъ.

23 марта.

Дорогой г. Прудонъ,

Только что получилъ ваше письмо и тотчасъ отвѣчаю. Искренно благодарю васъ за приглашеніе помѣстить что-нибудь въ вашемъ изданіи. Но долженъ вамъ сказать, что я и мой другъ Огаревъ завалены работой (у насъ на рукахъ «Колоколъ», «Полярная Звѣзда» и «Голоса изъ Россіи», — все это мы одни редактируемъ, а въ «Колоколѣ» и «П. Звѣздѣ» основныя статьи пишутся нами же). Но вотъ что могу вамъ предложить — переводъ (приспособленный для французской публики) серіи писемъ о «Россіи и Польшѣ». Эти письма будутъ отвѣтомъ на три или четыре статьи, опубликованныя поляками въ Парижѣ. Надо сообщить вамъ основную мысль этихъ писемъ. Въ моихъ глазахъ Польша пред-

ставляетъ собою *старую цивилизацію* въ славянскомъ мірѣ,—и это при всей ея трагической красотѣ, при всѣхъ преимуществахъ несчастія, съ ея героическими воспоминаніями, стремленіемъ къ свободѣ, просвѣщеннымъ католицизмомъ и радикальной аристократіей; все это прекрасно, но все это не жизнеспособно. Мы, русскіе, ненавидимъ свое двойное прошлое: московское преданіе и петербургскую *статистику*; мы—изгои челоуѣчества, наше племя—помѣсь съ татарами, финнами, туранскими народами. Западная цивилизація становится намъ ненавистной, разъ она колеблется перейти Рубиконъ и вступить въ социализмъ. Мужижкій, раскольничій, сельскій народъ не имѣетъ ничего общаго съ Петербургомъ. Наша аристократія, это—*татары, произведенные въ нѣмцы*. Народъ выставляетъ, вмѣсто *права на трудъ*, даровое *право на землю*, общинный строй, раздѣлъ земли, общее владѣніе и артель.

Если это подходитъ для васъ, я примусь за переводъ. Но за время пребыванія въ Лондонѣ я забылъ французскій языкъ, такъ что придется выправить слогъ и орѳографію.

Я поговорю о вашемъ изданіи въ «Колоколѣ»: васъ любятъ и почитаютъ въ Россіи. Вашими врагами въ Россіи являются экономисты, сторонники полнаго *laisser-faire*, либералы оттѣнка Ламартина—Одиллонъ Барро; но быть предметомъ ненависти этихъ кретиновъ—большое удовольствіе.

Имѣется ли проспектъ вашего изданія? Я напечаталъ бы его въ «Колоколѣ». Если вы будете называть имена вашихъ сотрудниковъ, назовите и меня. Огаревъ (онъ занимается спеціально общиннымъ, экономическимъ и административнымъ устройствомъ въ Россіи)—одинъ изъ самыхъ выдающихся людей—хочетъ прислать вамъ кое-что и впередъ вамъ напишетъ. Дружески, съ симпатіей и уваженіемъ жму вамъ руку.

Алекс. Герценъ.

Нашъ Людовикъ XVI, Александръ, хоть и дуется на насъ, но читаетъ насъ неизмѣнно. Съ мѣсяцъ тому онъ написалъ на одномъ докладѣ министра вн. дѣлъ: «Я читалъ это въ «Колоколѣ» еще двѣ недѣли назадъ». Онъ начинаетъ безумствовать: произведенъ рядъ арестовъ и затѣянъ политическій процессъ—первый за это царствованіе».

◆ 1. Письмо Прудона къ Герцену отъ 15 марта 1860 г. изъ Брюсселя:

«Любезный Герценъ, меня посѣтилъ вашъ юный соотечественникъ и передалъ книгу и письмо, которое вы дали ему для

меня. Книгу ¹⁾ я уже прочелъ; часть ея была уже извѣстна, хотя сейчасъ не могъ бы сказать, гдѣ съ нею познакомился. Это нисколько не убавило моего весьма живого интереса къ вашимъ воспоминаніямъ о вашемъ семействѣ, вашей юности и жизни въ Россіи, о началѣ преслѣдованій. Какъ вамъ и предсказали, вы были назначены стать однимъ изъ самыхъ важныхъ людей Россіи; вы понимаете, конечно, что, говоря эти слова, я вамъ не дѣлаю чрезмѣрнаго комплимента. Что значитъ царствованіе такого медвѣдя, какъ Николай, въ сравненіи съ вашею пропагандою? Что такое политика какого-нибудь Нессельроде и даже проповѣди какого-либо Филарета? Будьте же мужественны, искренно убѣжденный революціонеръ, не замедляйте вашей работы; время ближе, чѣмъ когда-либо, къ грозѣ и, какъ всегда, вы будете еще свидѣтелемъ событій,—событій самаго страшнаго размаха,—которыя еще разъ опередятъ предсказанія людскія.

Я съ грустью замѣчаю понятное движеніе вашего Александра. Что это: вообще политическая перемѣна или лишь перемѣна фронта? Или Россія вмѣстѣ съ своимъ молодымъ императоромъ снова повторитъ періодъ нашего неосторожнаго и злосчастнаго Людовика XVI? Что меня касается, то я думаю, что всѣ европейскія правительства замышляютъ измѣну по отношенію къ своимъ народамъ, начиная съ Виктора-Эммануила до папы, съ Наполеона III до Александра II. Рано или поздно послѣ ихъ долгихъ ссоръ и дракъ между собою, мы еще увидимъ, какъ они соединятся для борьбы противъ революціи, которая надвигается на нихъ большими шагами. Вотъ поэтому-то мы должны той опитаться и воспользоваться оставленнымъ намъ временемъ, чтобы высѣять по всему міру остатокъ нашихъ сѣмянъ.

Я только что сдалъ въ печать мою послѣднюю большую книгу «О справедливости» ²⁾. Она будетъ выходить отдѣльными выпусками, отъ 150 до 200 страницъ; въ каждомъ будетъ: 1) *зтюдъ* изъ прежняго изданія, 2) примѣчаніе, поясненія и оцѣнки современныхъ фактовъ

Первый выпускъ содержитъ, коомѣ того, *Программу популярной философіи*.

Все это тщательно *пересмотрѣно, исправлено и дополнено*.

Я просилъ издателя послать вамъ одинъ экземпляръ перваго выпуска и общаю сдѣлать то же самое относительно остальныхъ.

¹⁾ «Le monde russe et la révolution».

²⁾ «De la justice dans la révolution et dans l'église»; вышла въ 1858, была конфискована и повлекла за собой приговоръ къ трехлѣтнему заключенію и денежному штрафу.

Теперь. Герцень, вотъ что я желалъ бы отъ васъ:

Мы оба служимъ одному дѣлу, но работаемъ, каждый со своей стороны и по-своему, для одной цѣли.

Въ своей программѣ я взываю ко всѣмъ доброжелательнымъ людямъ. Необходимо, чтобы революціонное эхо отдавалось во всѣхъ углахъ Европы и чтобы лучи справедливости обхватили весь нашъ испорченный міръ.

Не могли ли бы вы, время отъ времени, цитировать въ «Колоколѣ» кое-что изъ моего, а я въ своемъ набатѣ буду приводить цитаты изъ васъ? Это было бы началомъ союза между Франціей и Россіею—этихъ двухъ странъ, которыя, въ концѣ концовъ, созданы, чтобы понимать другъ друга.

Пока государи заводятъ разную кутерьму и упражняются въ рѣзнѣ, дадимъ же нашу мыслью начало европейской федераціи.

Мы найдемъ корреспондентовъ нѣмецкихъ, фламандскихъ, голландскихъ, англійскихъ, быть можетъ, швейцарскихъ, австрійскихъ, итальянскихъ, испанскихъ, американскихъ, греческихъ и т. д.; при небольшомъ усердіи мы могли бы въ теченіе шести мѣсяцевъ обхватить всю Европу нашею сѣтью.

Объщаю приложить всѣ свои заботы къ осуществленію этого плана; чтеніе перваго же выпуска докажетъ вамъ, что дѣло идетъ не о созданіи каведры, оно просто лишь въ томъ, чтобы разбудить вѣчныя, неуничтожимыя чувства права и свободы. Мы можемъ сохранять самую полную независимость и въ то же время группироваться, дисциплинировать себя для этой великой войны; все это можетъ быть осуществлено черезъ одно слово—*право*.

Наконецъ, дорогой Герцень, прочтите мою книгу безъ предвзятой мысли; обращайтесь только къ вашему сознанию и обдумайте, что можете сдѣлать въ отвѣтъ на мой призывъ. Дѣло теперь идетъ не объ учрежденіи комитетовъ, столь же пустыхъ, сколько претенціозныхъ, по образцу триумвирата Маццини, Кошута и Ледрю-Роллена, а въ томъ, чтобы пустить въ обращеніе среди народныхъ массъ, романскихъ, германскихъ и славянскихъ, могучую и плодотворную идею, которая подготовила бы, привела и обезпечила окончательное освобожденіе.

Два слова, пожалуйста, мнѣ въ отвѣтъ, и что бы вы ни печатали на французскомъ, не забудьте меня. Я разсчитываю на ваши сообщенія, чтобы украшать ими мои *Этюды*. Очень сердечно жму вамъ руку, весь вашъ *П. Прудонъ* («Correspondance de P.-J. Proudhon», IX).

1361. Письмо къ сыну.

30 марта (1860).
Park House, Fulham.

Любезный Саша, окончимъ эту переписку; она мнѣ очень тяжела, и я вижу, что надобно много времени, чтобы ты оцѣнилъ и понялъ мое воззрѣніе. До тѣхъ поръ будемъ писать о другихъ предметахъ. Я повторю тебѣ одно, что когда я говорю о 25 годахъ, я разумѣю 25 лѣтъ, а не 24, не 23, не 22..., и потому я не понимаю, почему ты говоришь... «3, 4... года»... Безполезность писемъ моихъ ты доказалъ тѣмъ, что, сдѣлавши поступокъ, глубоко оскорбившій меня, т.-е. произвольно остановивши отдачу письма м-me Vogt, ты имѣлъ твердость не попросить прощенія, не раскаяться. Мнѣ это больно. Я въ этихъ случаяхъ больше дѣлаюсь сосредоточеннымъ въ себѣ и чувствую кругомъ какую-то степь.

Что М-me Vogt не поняла моего письма, я тоже не понимаю. Слово *бракъ*, такъ несвойственное юношѣ, поразило меня въ твоёмъ письмѣ; *новая любовь*, вдругъ замѣнившая *вчерашнюю*, и ранній бракъ, — все это испугало меня.

Я пишу ей: безъ искуса, закала нѣтъ ничего прочнаго; говорю мое воззрѣніе на жизнь, — она не понимаетъ.

Natalie ѣдетъ на Рейнъ между 15 апр. и 25. У Ольги была *daily gover.*, прескверная; не знаю, что дѣлать. Мейзенбургъ зоветъ ее на шесть мѣсяцевъ въ Парижъ съ дѣтьми Швабе и Кобдена ¹⁾. Можетъ, я и соглашусь. Досадно, что нѣтъ возможности оставить Лондонъ, — онъ надоѣлъ ужасно. Съ присоединенія Ниццы и Савойи Девиль и Бокэ стали еще хуже... Но, поставленные на часы, должны стоять.

Вліяніе наше въ Россіи растеть и растеть. Тамъ явно готовятся бури. Въ трехъ университетахъ арестовали студентовъ и нѣскольکو профессоровъ, въ томъ числѣ и *Каченовскій* ²⁾.

Затѣмъ прощай и будь здоровъ.

1362. Набѣгъ нѣмецкихъ татаръ въ Тамбовскую губернію.

Пятый листъ «Подъ Суды!» напечатанъ. Въ немъ рассказана возмутительная исторія безсмысленнаго и безнаказаннаго дранья

¹⁾ Ричардъ, извѣстный англійскій политическій дѣятель.

²⁾ Невѣрно.

розгами *больше ста* крестьянъ генераль-адеютантомъ Толстымъ ¹⁾, тамбовскимъ губернаторомъ Данзасомъ и разными подьячими гражданскаго вѣдомства и палачами—военнаго. Дѣло изложено подробно, безъ фразъ, простымъ, дѣловымъ слогомъ. Оно требуетъ изученія и вполнѣ заслуживаетъ его; въ этой службѣ правительства кабакамъ выразилась вся безнравственность петербурскаго періода, отсутствіе всѣхъ юридическихъ понятій и человѣческихъ чувствъ. Такъ, какъ при Петрѣ I Меншиковъ пристрѣливалъ стрѣльцовъ на Кремлевскихъ зубцахъ, не думая вовсе о томъ, что это—работѣ палачева подмастерья, такъ и теперь, ни одному генераль-адеютанту, флигель-адеютанту, плацъ-адеютанту и просто адеютанту въ голову не приходитъ, что *стычь*, даже и по высочайшему повелѣнію, *не совмѣстно* съ достоинствомъ порядочнаго человѣка. Они все еще представляютъ себя татарами, пожалованными въ нѣмцы за завоеваніе Россіи ²⁾.

Замѣчательно, что въ исторіи, напечатанной въ 5 листѣ «Подъ Суды!» все незаконно, начиная съ *беззаконной откупной системы*. Откупъ произвольно, въ явное противорѣчіе условіямъ, *надбавляетъ цѣны*; плутующее съ нимъ правительство, подъ сурдинкой, шепчетъ министромъ финансовъ, что оно разрѣшило грабить народъ. Народъ, который не знаетъ ни высочайшаго банкротства, ни высочайшаго разрѣшенія на продажу, требуетъ въ небольшомъ уѣздномъ городѣ, вина по законной цѣнѣ; ему отказываютъ, грубятъ; нѣсколько горячихъ головъ разбиваютъ питейные дома, забывая, что отъ *безденежья* правительства кабакъ поднялся въ рангъ церкви и дворца, что оскорбленіе кабака становится оскорбленіемъ величества. Кража вина—не просто кража, а *винотатство!*

Посль совершеннаго успокоенія и *посль* произведеннаго слѣдствія, при которомъ, разумѣется, сѣкли, сколько душъ угодно, является изъ Невской орды баскакъ Толстой и, говоря, что *судъ затянетъ дѣло*», *безъ всякаго суда деретъ нѣсколько десятковъ* человѣкъ; потомъ деретъ Данзасъ, послѣ Данзаса дерутъ подьячіе.

¹⁾ Николай Матвѣевичъ.

²⁾ При всемъ разглагольствованіи о прогрессѣ въ Россіи до тѣлесныхъ наказаній не касаются. Пытки и мученія людей такъ глубоко взошли въ нравы, развращенные помѣщичьей властью и петербургской бездушной военщиной, что радикальные члены редакціонной комиссіи отогрѣваютъ розги на груди своей, а морскіе и сухопутные офицеры отогрѣваютъ ихъ попрежнему на солдатской спинѣ.

Что за удивительная страна, въ которой каждый человѣкъ, въ свою очередь, охотно можетъ сдѣлаться звѣремъ, нѣтъ, хуже—катома, палачемъ залпечнымъ мастеромъ! А. И. Г.

Окружный *Кидошенковъ*, одинъ исполнившій долгъ, кажется какимъ-то римскимъ героемъ въ звѣриной пещерѣ.

Добавимъ интересный разсказъ небольшой подробностью, кладущей александровскій вѣнокъ на это происшествіе.

На другой день сѣченія крестьянъ, въ Спасскѣ офицеры Казанскаго полка давали Толстому завтракъ, на которомъ былъ Данзасъ, чиновники и разные дворяне. На этомъ завтракѣ полковій командиръ Минковичъ-Петровскій говорилъ рѣчь о преданности полка престолу, которую они *такъ ясно доказали наканунѣ*. Толстой ему отвѣчалъ.

При Николаѣ драли, ссылали, пытали, но все было покрыто молчаніемъ рабства, молчаніемъ повиновенія, а это царствованіе дереть съ *репетиціей*, со спичами! Гласность, прогрессъ!

1363. Начало новыхъ гоненій въ Россіи.

Въ Петропавловской крѣпости велѣно приготовить казематы. На дняхъ ждутъ *двѣнадцать* студентовъ харьковскаго и кіевскаго университетовъ, обвиненныхъ въ революціонномъ образѣ мыслей и въ революціонныхъ замыслахъ!

1364. (Каченовскій).

«Times» отъ 24 марта подтверждаетъ страшную вѣсть объ арестаціяхъ въ Кіевѣ и Харьковѣ, прибавляя, что такія же арестаціи были въ Казани. Между арестованными находится профессоръ КАЧЕНОВСКІЙ ¹⁾. Корреспондентъ «Таймса» замѣчаетъ, что, вѣроятно, по обычному усердію русской полиціи, какое-нибудь *литературное* общество принято за заговоръ.

За работу, г. Тимашевъ! За работу, III Отдѣленіе!.. Батракъ вашъ Лужинъ доставилъ вамъ грубую матерію, прославьте царствованіе гласности и мягкодушнаго прекраснородія! А l'oeuvre ²⁾, господа!

1365. (Дуэль въ Иркутскѣ).

Мы получили письмо, въ которомъ говорятъ, что обстоятельства дуэли, бывшей въ Иркутскѣ между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, описаны во 2 листѣ «Подъ Судъ!» въ преувеличенномъ видѣ; сверхъ того, что г. Мол-

¹⁾ Невѣрно.

²⁾ Къ дѣлу, за работу.

чановъ, секунданта Неклюдова, совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ. Мы получили объ этой дуэли небольшую записочку и два довольно длинныхъ письма (безъ подписи, но писанныя разными лицами), — обстоятельства съ небольшими вариантами были сходны. Мы помѣстили цѣликомъ одно письмо, наша обязанность помѣстить и отвѣтъ; мы первые будемъ очень рады, если такимъ образомъ дадимъ случай оправдаться обвиненнымъ. Самъ новый корреспондентъ соглашается, что въ Иркутской губерніи ходили такіе же слухи.

1366. Письмо къ сыну.

25 марта
6 апрѣля 1860.
Park House, Fulham.

Письмо твое получилъ я сегодня утромъ. Рожденіе не празднуется на этотъ разъ. Хотѣлъ для дѣтей что-нибудь сдѣлать, да все заперто—великая пятница. Тата подарила мнѣ очень мило нарисованную масляными красками головку съ бюста, и ея подарокъ brillé отсутствіемъ другихъ. Впрочемъ, Ольга вышила что-то.

Что и какъ не совѣмъ легко устроить,—Natalie ѣдетъ на Рейнъ. Тат. Пет. ¹⁾ я увижу въ Isle of Wight. Мейзенб. будетъ сюда, кажется, къ 1 мая. Я сдѣлаю все, что могу, все, что считаю хорошимъ, вовсе не думая о томъ, что мнѣ бы было пріятнѣе..

Не люблю я всѣхъ отъѣздовъ, потому что прикованъ къ Англій, потому что будущее исполнено тучъ. Швейцарской войны, разумѣется, не будетъ безъ общей коалиціи, т.е. австро-германской. Гдѣ же Швейцаріи съ ними бороться? Ну что жъ К. Фойтъ говорить? я попроницательнѣе его опредѣлилъ этого господина. Въ Алекс. II, разумѣется, никто не стрѣлялъ, а что тамъ волненіе между дворянами страшное, это—правда. И уже это волненіе мѣняетъ характеръ и изъ олигархическаго дѣлается конституціонно-либеральнымъ, такъ что они становятся къ намъ ближе, чѣмъ Алекс. II.

«Колоколъ», продолжаетъ дѣлать фуроръ. Въ Одессѣ, на публичномъ обѣдѣ въ честь москов. университета, одинъ г. предложилъ этотъ странный тостъ: «За отсутствующихъ студентовъ московск. ун.». Всѣ поняли, что это былъ тостъ за Огар. и меня, встали и пили съ разными «ура» et cetera. ¹

◆◆ 1. Морякъ Русскаго общества пареходства и торговли В. С. Акимовъ рассказываетъ свое посѣщеніе Герцена въ Park

¹⁾ Пассекъ.

Hous'ъ, не приводя ничего другого, что бы могло помочь установить время болѣе точно. Поклонники Герцена поручили ему отвезти ему водки и гречневой крупы. Наружность Герцена въ то время Акимовъ находить «какъ двѣ капли воды похожей на знаменитаго нѣкогда одесскаго ресторатора и владѣльца перваго въ мірѣ окрестіона А. Ѳ. Алексѣева съ тою только наружной разницей, что Алексѣевъ смотрѣлъ ярославскимъ мужичкомъ, а въ Герценѣ поражало необыкновенное изящество». Въ воротахъ было небольшое окошечко, въ которое смотрѣли со двора сначала на каждаго пріѣзжаго. Герценъ «поспѣшилъ мнѣ объяснить цѣль и значеніе окошечка и предосторожностей при пріемѣ гостей». «Меня, сказалъ онъ, окружаютъ цѣлая стая поляковъ, которые осаждаютъ меня разными просьбами, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ловятъ русскихъ, посѣщающихъ меня, и пугаютъ ихъ немедленнымъ доносомъ въ русское посольство, выманивая этимъ у нихъ деньги» («Историческій Вѣстникъ» 1903, XII, 855—858). Разсказъ этотъ врядъ ли не апокрифиченъ, особенно, если принять во вниманіе позднѣйшее сознаніе Герцена, что онъ предполагалъ, что Акимовъ—одинъ изъ русскихъ, пріѣхавшихъ проинтервьюировать его по части политическихъ убѣжденій, чтобы потомъ безпощадно перевернуть ихъ въ Россіи.

1367. Письмо къ М. К. Рейхель.

9 апрѣля (1860).
Park House, Fulham.

Да-съ, это—вопросецъ-съ, гдѣ Тат. Петр. или кто-нибудь изъ русскихъ? всѣ толкутся, бѣгаютъ изъ угла въ уголь. Кто теперь същещъ Марью Алекс.¹⁾?

Думали ли, что въ день моего рожденія въ Бернѣ у Фогта Саша дѣлалъ праздникъ, и на немъ была—отгадайте—Татьяна Петровна? А адресъ ея теперь:

Hippolite Alexandroff, Genève, poste restante.

Я начинаю думать, что (если вы еще при желаніи ономъ), то можно, въ самомъ дѣлѣ, устроить визитъ къ вамъ Таты. Сатины въ Москвѣ; къ 1 мая, вѣроятно, Нат. Ал. соберется. Она бы довезла ее до Швейцаріи, тамъ можно распорядиться, но мнѣ для этого нужно знать, когда Тат. Пет. поѣдетъ въ Isle of Wight, чтобы ее паки и паки въ Энгландъ привезти.

¹⁾ Марковичъ.

Вы слышали, что не только Каченов., но и Павлова ¹⁾ арестовали? Въ Твери Головачевъ ²⁾ сидитъ на гаупвахтѣ.

Каковъ Сашенька!

Бумагъ еще не получилъ.

Вчера мы были на открытіи новой Русской типографіи—Чернецкаго. Каково-съ!

Цѣлую Рейхеля и васъ, пожалуй, и дѣтей.

Прощайте.

А. Герценъ.

◆◆ 1. Изъ «Записки» предсѣдателя слѣдственной комиссіи сенатора Жданова (1862) видно, что на вечерѣ, данномъ 14 декабря 1859 г. студентами кievскаго университета проф. Павлову, передъ отъѣздомъ въ Спб. (участвовали студенты Бекманъ, Левченко, Муравскій и др.); студентъ Зеленецкій намекнулъ на значеніе дня «14 декабря», а Павловъ провозгласилъ тостъ: «за здоровье того кто теперь стоитъ во главѣ прогрессивнаго движенія въ Россіи», подразумевая Герцена (Архивъ мин. народ. просвѣщенія, дѣло № 132905). Кто зналъ обо всемъ этомъ тогда же, могъ пустить слухъ объ арестѣ Павлова въ началѣ 1860 года.

1368. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

12 апрѣля 1860.

Park House, Fulham.

Почтеннѣйшій князь,

Спѣшу благодарить васъ отъ себя и Огарева за Вашу присылку и жду съ нетерпѣніемъ продолженія ³⁾. Мнѣ очень жаль что вы не выставили почтенныя имена отцовъ отечества,—пора имъ знать, что занавѣсь отдернута и ихъ въ Европѣ знаютъ. Мнѣ кажется, что вы очень хорошо дѣлаете, что печатаете по-французски: они этого боятся, какъ огня, и Моргю ⁴⁾ прочитаетъ и, пожалуй, принцесса Матильда ⁵⁾. Извѣстна ли вамъ

¹⁾ Платонъ Васильевичъ. Невѣрно. ¹

²⁾ Алексѣй Адриановичъ.

³⁾ Долгоруковъ прислалъ изъ Парижа свою книгу «La verité sur la Russie», вышедшую въ апрѣлѣ 1860 г.

⁴⁾ Шарль-Огюсть, побочный сынъ жены Людовика-Бонапарта, президентъ законодательнаго корпуса, мужъ кн. Трубецкой.

⁵⁾ Двоюродная сестра Наполеона III, разведенная жена кн. Анатолія Демидова-Санъ-Донато.

безобразная исторія съ Головачевымъ (корчевскимъ помѣщикомъ), котораго посадили на три мѣсяца на гауптвахту за грубое письмо къ губ. предводителю ¹⁾, замѣнившему Унковскаго, который хотѣлъ уничтожить университетскія стипендіи, вотированныя дворянствомъ?... И это дѣлаютъ лучшіе люди въ министерствѣ — «Несторъ» Ланской и «либераль» Милютинъ!

Извѣстно ли вамъ, что петерб. газеты возвѣстили о томъ, что Вы печатаете книгу? Что это: либерализмъ или желаніе указать? Недавно читалъ я ваши записки объ Италіи ²⁾; конечно, цензура теперь гораздо гуманнѣе, она даже позволила сказать, что Вы желали видѣть Гарибальди. А впрочем, когда Гарибальди говорилъ Кавуру слова, переданныя вамъ Кавуромъ, онъ былъ въ ссорѣ съ Маццини и, какъ человѣкъ итальянскаго темперамента, сильно бранилъ его. Теперь онъ не такъ смотритъ на него. Я знаю обоихъ и одного довольно коротко. Оба они — чистѣйшіе дѣятели. Позвольте обратить ваше вниманіе на ихъ характеристику въ V кн. «Пол. Звѣзды»; если у васъ ея нѣтъ, потрудитесь взять у Франка, а ему Трюбнеръ пришлетъ въ замѣну.

Назначеніе Панина свидѣтельствуеетъ о размягченіи мозга у государя; его рѣчь (она будетъ въ «Колоколѣ» 15 апр.), т.-е. Панина, — памятникъ бездарной тупости.

Засимъ еще разъ благодарю васъ и желаю, чтобъ добрыя намѣренія ваши нашли отзывъ на нашемъ Сѣверѣ. Мы работаемъ, насколько силъ и любви есть. Н. П. Огаревъ свидѣтельствуеетъ свое почтеніе.

Преданный Вамъ

А. Герценъ.

◆◆ 1. Фигура кн. Петра Владиміровича Долгорукова интересна и для своего времени характерна. Жизнь его до 1859 г. описана мною въ книгѣ «Николаевскіе жандармы и литература 1826—1855 гг.»; съ 1859 г. — въ III кн. «Былого» 1907 г., по даннымъ архива III Отдѣленія. Такъ какъ впослѣдствіи Долгоруковъ будетъ играть нѣкоторую роль въ числѣ лицъ, болѣе или менѣе близкихъ къ Герцену, и въ виду его заграничной литературной дѣятельности, оставшейся не безъ вліянія на русское общество того времени, я не считаю лишнимъ знакомить читателей по пути настоящаго изданія съ нѣкоторыми фактами его біографіи, отсылая для болѣе полнаго знакомства къ указаннымъ своимъ работамъ.

Здѣсь остановлюсь на его памфлетѣ.

¹⁾ Клокачевъ.

²⁾ Въ т. XXV «Рус. Вѣстника» 1860 г.

Долгоруковъ много работалъ надъ книгой, которая, по его мнѣнію, должна была открыть Европѣ глаза на ужасное состояніе его роины и тѣмъ побудить русское правительство вступить на рѣшительный путь коренныхъ реформъ.

Правда, дѣйствительно, была высказана, хоть и не вся, съ полной откровенностью и, надо признать, не безъ публицистическихъ способностей. Долгоруковъ разбиралъ русское правосудіе и его органы, администрацію, чины, крѣпостное право, дворянство, сословія, войско, финансы, откупную систему, тайную полицію съ ея канцеляріей III Отдѣленія, цензуру, духовенство и пр. Все это было вскрыто настолько достаточно, чтобъ европейское общество оцѣнило результаты работы Николая I и его сподвижниковъ. Лично къ Александру II Долгоруковъ отнесся къ книгѣ съ полнымъ довѣріемъ.

Вотъ нѣкоторыя изъ реформъ, введеніе которыхъ Долгоруковъ признавалъ безотлагательно необходимымъ:

«1) Уничтоженіе всѣхъ тѣлесныхъ наказаній, безъ исключенія.

«2) Равенство всѣхъ русскихъ передъ закономъ.

«3) Уничтоженіе крѣпостного состоянія съ предоставленіемъ крестьянамъ въ полное владѣніе не только усадебъ ихъ, но еще и нѣкотораго количества земли; немедленное уничтоженіе всѣхъ правъ помѣщичьихъ надъ крестьянами, всякаго оброка и всякихъ повинностей крестьянина къ помѣщику.

Примѣчаніе. Въ имѣніяхъ, состоящихъ на пашнѣ, безопаснѣе было бы предоставить крестьянамъ всю землю, которою они пользуются въ настоящее время. Въ имѣніяхъ оброчныхъ слѣдуетъ отдѣлить имъ количество земли, особенно опредѣленное для каждой губерніи, и чѣмъ въ какой губерніи земля дешевле, тѣмъ большее количество ея можно отдѣлить крестьянамъ.

- «4) Каждый крѣпостный человѣкъ могъ бы платить правительству по пяти рублей серебромъ въ годъ, въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ, съ правомъ заплатить, если пожелаетъ, всю сумму разомъ. Однажды расплатившись съ правительствомъ, онъ дѣлается потомственнымъ владѣтелемъ своей усадьбы и нарѣзаннаго ему участка земли.

«5) За cadaго крѣпостного человѣка правительство должно заплатить помѣщику сто рублей серебромъ.

Примѣчаніе. Жены, вдовы и дочери крѣпостныхъ людей должны быть освобождены немедленно и бесплатно.

«6) Въ имѣніяхъ, заложенныхъ въ кредитныхъ установленіяхъ, цифра долга вычитается изъ суммы платежа помѣщикамъ, и вся земля, за помѣщикомъ оставленная, объявляется свободною отъ

казеннаго долга. Помѣщичьихъ имѣній находится въ залогѣ, въ кредитныхъ установленіяхъ, на сумму около 500,000,000 рублей серебромъ. Сверхъ того, правительство могло бы учинить заемъ въ 200,000,000 рублей серебромъ и могло бы выпустить на 385,000,000 рублей серебромъ *земскихъ билетовъ*, приносящихъ 3 процента: билеты эти были бы принимаемы правительствомъ во всѣхъ платежахъ за ихъ нарицательную цѣну, а между частными лицами приемъ билетовъ предоставленъ былъ бы совершенно на произволъ взаимнаго соглашенія (какъ то нынѣ происходитъ съ билетами серій).

«7) Правительство, въ теченіе шести или семи лѣтъ продавало бы съ публичнаго торга: оброчныя статьи министерства государственныхъ имуществъ, казенныя фабрики, казенныя заводы, казенныя рыбныя ловли, соляныя промыслы и часть лѣсовъ казенныхъ, доколѣ вырученныя деньги не достигли бы до суммы 350,000,000 рублей серебромъ. Продажу эту слѣдовало бы производить подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы имущества, съ публичнаго торга казною продаваемые, не могли бы быть покупаемы на монету и ни на какіе бумажные знаки иные, какъ вышеупомянутыя *земскіе билеты*, и чтобы права покупки этихъ имуществъ и владѣнія ими предоставлены были бы и всѣмъ русскимъ подданнымъ и всѣмъ иностранцамъ, безъ всякаго исключенія.

«8) Казенные крестьяне могли бы продолжать платить казнѣ въ теченіе тридцати трехъ лѣтъ то же самое, что платятъ нынѣ за земли, состоящія въ ихъ пользованіи, а по истеченіи тридцати трехъ лѣтъ они сдѣлались бы потомственными владѣтелями этихъ земель.

«9) Необходимо уничтожить министерство государственныхъ имуществъ; столь бесполезное государству, столь отяготительное и столь вредное для казенныхъ крестьянъ. Слѣдуетъ даровать всему населенію сельскому и крестьянамъ помѣщичьимъ и крестьянамъ казеннымъ управленіе, основанное на выборномъ началѣ, но основанное дѣльнымъ и настоящимъ образомъ, а не на словахъ и не на бумагѣ лишь (какъ нынѣшнее устройство государственныхъ имуществъ).

«10) Всѣ общинныя начальники должны подлежать выбору, и въ выборахъ этихъ должны принимать участіе всѣ лица, живущія въ округѣ той общины.

«11) Городовое управленіе, подобно сельскому, должно быть основано на выборѣ и на началѣ всеобщаго равенства. Всѣ городскіе жители, владѣющіе имуществомъ извѣстной цѣны, должны имѣть право голоса и право выбора въ собраніяхъ городскихъ, безъ всякаго различія происхожденія.

«12) Въ каждомъ уѣздѣ слѣдовало бы созывать каждое трехлѣтіе *уѣздное собраніе* изъ: 1) всѣхъ лицъ, безъ различія происхожденія, владѣющихъ опредѣленнымъ количествомъ земли или имуществомъ опредѣленной цѣны въ городѣ или уѣздѣ, и 2) опредѣленнаго числа депутатовъ, избранныхъ сельскими общинами.

«13) Уѣздное собраніе избирало бы всѣхъ уѣздныхъ начальниковъ. Оно избирало бы уѣзднаго предводителя, уѣзднаго исправника и *уѣздный совѣтъ*, изъ десяти или двѣнадцати членовъ, коимъ порученъ былъ бы постоянный надзоръ за дѣйствіями предводителя, исправника и прочихъ властей.

«14) Въ каждой губерніи слѣдовало бы созывать каждое трехлѣтіе *губернское собраніе*, составленное изъ: 1) всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса въ городскихъ собраніяхъ той губерніи; 2) одной трети депутатовъ сельскихъ общинъ въ уѣздныхъ собраніяхъ (треть эта могла быть избрана въ каждомъ уѣздѣ депутатами сельск. общ. изъ среды своей); 3) всѣхъ лицъ, имѣющихъ право голоса въ городскихъ собраніяхъ той губерніи.

«15) Губернское собраніе избирало бы членовъ губернскаго правленія, которые, въ числѣ 25 или 30, или 35 человекъ, имѣли бы постоянный надзоръ за управленіемъ губерніею и за дѣйствіями губернскихъ властей. Губернаторъ и вице-губернаторъ были бы назначаемы отъ правительства, какъ и нынѣ.

«16) Централизацію дѣлъ слѣдуетъ значительно уменьшить и не требовать, какъ нынѣ, всѣ дѣла въ Петербургъ для рѣшенія. Всѣ дѣла, не относящіяся до Россіи вообще и касающіяся лишь одной губерніи, могли бы быть рѣшаемы губернскимъ правленіемъ той губерніи, и всякому губернскому собранію предоставлено было бы право предлагать правительству проекты законовъ и постановленій по части законодательной равно, какъ и по части административной. Всѣ дѣла, не относящіяся до цѣлой губерніи, но касающіяся одного изъ уѣздовъ, могли бы быть рѣшаемы уѣзднымъ совѣтомъ того уѣзда, и каждому уѣздному собранію слѣдовало бы предоставить право рѣшать, слѣдуетъ ли передать или нѣтъ просьбу уѣзднаго собранія на разсмотрѣніе правительства.

«18) Судопроизводство должно перестать быть письменнымъ и тайнымъ, каково оно донынѣ, къ срамѣ русскаго правительства. Оно должно быть открытымъ и гласнымъ съ адвокатами и присяжными.

«19) Инстанцій должно быть не болѣе трехъ: а) уѣздный судъ б) палата гражданская или уголовная (смотря по тому, какого рода дѣло) и в) департаментъ сената. Апелляцію изъ уѣзднаго суда въ гражданскую палату слѣдовало бы даровать лишь въ дѣ-

лахъ, въ коихъ искъ оцѣненъ не менѣе трексотъ рублей, а изъ Гражданской палаты въ сенатъ въ искѣ не менѣе двухъ тысячъ рублей.

«20) Въ Москвѣ слѣдуетъ учредить верховный кассационный судъ для всей Россіи (на подобіе французскаго кассационнаго суда), составивъ его изъ пожизненныхъ членовъ, сенаторовъ, выбранныхъ товарищами своими, сенаторами.

«21) Званіе сенатора слѣдуетъ объявить пожизненнымъ; представить каждому сенатору ежегодно выборъ города и департамента, въ коемъ онъ желаетъ присутствовать, и чтобы не увеличивать черезъ мѣру число сенаторовъ, имѣть въ сенатѣ (какъ нынѣ въ Варшавѣ) совѣтниковъ съ титуломъ «членовъ сената» А чтобы избавить тяжущихся жителей дальнихъ губерній отъ убыточныхъ поѣздокъ въ столицы, слѣдуетъ учредить департаменты сената въ Кіевѣ, Казани, Тифлисѣ и Иркутскѣ.

«23) Чины гражданскіе и табель о рангахъ слѣдуетъ уничтожить, къ вѣщшему огорченію всѣхъ пройдохъ, всѣхъ глупцовъ и всѣхъ плутовъ, коими запружена русская администрація.

«24) Третіе отдѣленіе Собственной Канцеляріи, выкопанное незабвеннымъ Николаемъ, слѣдуетъ уничтожить и тайную полицію подчинить министерству внутреннихъ дѣлъ. Пора уже русскому правительству не возводить на степень государственнаго учрежденія то, что есть подлѣйшаго въ мірѣ—шпіонство!

«26) Бюджетъ долженъ быть опубликованъ ежегодно, а на расходы императорскаго двора слѣдуетъ опредѣлить сумму, выше коей расходъ простираться бы не могъ.

«27) Православныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ слѣдуетъ правительству назначать по выбору между тремя кандидатами, представленными духовенствомъ той епархіи, и съ тѣмъ, что, однажды поступивъ на епархію, іерархъ не можетъ быть удаленъ изъ оной безъ суда, развѣ въ случаѣ собственнаго желанія. Перемѣщать іерарховъ изъ одной епархіи въ другую не слѣдуетъ иначе, какъ по желанію духовенства той епархіи, въ которую они переводятся, и съ согласія перемѣщаемаго іерарха.

«28) Синодъ слѣдовало бы составить изъ митрополитовъ Новгородскаго, Кіевскаго и Московскаго и, сверхъ того, изъ шести или семи пожизненныхъ членовъ, іерарховъ, по выбору изъ товарищей, прочихъ іерарховъ.

«29) Оберъ-прокурору синода слѣдуетъ наблюдать лишь за тѣмъ только, чтобы синодъ не вмѣшивался въ дѣла политическія и въ дѣла мірскія, а вовсе не подобаешь оберъ-прокурору вмѣшиваться въ дѣла духовныя.

«30) Слѣдовало бы каждые пять или шесть или семь лѣтъ **сзывать** въ Москвѣ Соборъ Всероссійской православной церкви, коему синодъ отдавалъ бы отчетъ въ своемъ управленіи. Соборъ этотъ слѣдовало бы составить изъ митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, игуменовъ и депутатовъ духовенства какъ городского, такъ и сельскаго.

«31) Слѣдовало бы упразднить семинаріи, учредить богословскіе курсы въ университетахъ и въ гимназіяхъ и допускать къ хиротонисанію въ епископы тѣхъ, которые имѣли бы дипломы на званіе магистра университетскаго.

«32) Бѣлому духовенству слѣдовало бы разрѣшить безбрачное состояніе для всякаго, кто пожелаетъ, и открыть доступъ въ санъ епископа бѣлому духовенству, безъ различія брака или безбрачія.

«33) Въ Россіи слѣдуетъ установить полную вѣротерпимость и полную свободу вѣроисповѣданія для всѣхъ вѣр. кромѣ сектъ противо-общественныхъ, коихъ даже нельзя и считать вѣроисповѣданіями, а именно, кромѣ *скопцовъ и бѣгуновъ*. Что же касается до *молоканъ*, то имъ нельзя даровать полной свободы вѣроисповѣданія: необходимы нѣкоторыя ограниченія.

«34) Раскольникамъ-старообрядцамъ слѣдуетъ разрѣшить не только свободу открытаго вѣроисповѣданія, но и церковную іерархію, ими самими избираемую.

«35) Гражданскія права и равенство передъ закономъ должны быть одинаковыми для всѣхъ русскихъ подданныхъ безъ всякаго различія вѣроисповѣданій.

«36) Предварительную цензуру слѣдуетъ отмѣнить и даровать свободу книгопечатанія съ установленіемъ строгаго закона противъ злоупотребленій книгопечатанія».

Будучи горячимъ сторонникомъ конституціоннаго образа правленія, Долгоруковъ былъ унѣренъ въ рациональности двухпалатнаго устройства. Вотъ что онъ писалъ по этому поводу:

«При учрежденіи конституціи въ Россіи необходимо имѣть двѣ думы, составленныя обѣ изъ выборныхъ лицъ всего земства, избранныхъ *губернскими собраніями*, составленными изъ лицъ всѣхъ сословій, безъ различія происхожденія, какъ мы то предлагали въ этой книгѣ (см. выше). *Думу Земскую* слѣдовало бы составить, по крайней мѣрѣ, изъ пяти-или шестисотъ членовъ, избираемыхъ каждые три или четыре года. *Думу Боярскую* слѣдовало бы, на первое время, составить изъ двухсотъ пятидесяти или трехсотъ членовъ, избранныхъ тѣми же *губернскими собраніями* на три или на четыре года. Членовъ думы Земской можно бы избирать, начиная съ двадцати-пятилѣтняго возраста, и не требуя отъ нихъ никакихъ

вещественныхъ условій. Въ бояре же можно было бы избирать лишь начиная съ сорокалѣтняго возраста, и только тѣхъ лицъ, которыя владѣютъ имуществомъ, закономъ опредѣленнымъ. По истеченіи срока трехлѣтняго или четырехлѣтняго, можно было бы снова приступить къ избранію бояръ на три или на четыре года. Наконецъ, впослѣдствіи, по истеченіи шести или восьми лѣтъ послѣ введенія конституціи, когда ходъ дѣлъ и событій выставилъ бы въ обѣихъ думахъ на видъ и на уваженіе общественнаго мнѣнія значительное число личностей, тогда уже можно было бы приступить къ составленію думы Боярской пожизненной, отчасти по назначенію царскому, отчасти по выбору думы Земской, облакая въ званіе боярское, на всю жизнь ихъ, всѣ тѣ личности, которыя своимъ умомъ и характеромъ своимъ заслуживали бы всеобщее уваженіе. Такимъ образомъ всѣ русскія знаменитости, по всѣмъ поприщамъ безъ исключенія, могли бы на будущее время имѣть доступъ въ думу Боярскую или по назначенію царскому, или, что гораздо болѣе лестно, по выбору думы Земской. При введеніи конституціи въ Россіи необходимо помѣстить въ эту конституцію статью о возможности пересмотра ея по общему желанію министровъ царскихъ и думы Земской, окруживъ обрядъ пересмотра нѣкоторыми формальностями, которыя не допускали бы дѣйствій поспѣшныхъ и на скорую руку; напримѣръ, можно бы постановить, что для приступленія къ пересмотру необходимо изъявленіе письменнаго о томъ желанія, по крайней мѣрѣ, ста членами думы Земской, и что перемѣны приняты быть могутъ не по большинству голосовъ, какъ прочіе законы, а лишь съ согласія трехъ четвертей голосовъ изъ числа наличныхъ членовъ думы».

Приведеннаго достаточно, чтобы читатель зналъ главное содержаніе политической программы Долгорукова.

По тогдашнимъ временамъ она была государственнымъ преступленіемъ. Правда, вину автора осложняли многія указанія на лицъ и факты, дѣлавшія книгу памфлетомъ по адресу російской бюрократіи, тѣсно окружавшей тронъ.

Парижскій посолъ гр. П. Д. Киселевъ сейчасъ же, вслѣдъ за появленіемъ книги въ продажѣ, вызвалъ Долгорукова въ посольство, долго съ нимъ бесѣдовалъ и предложилъ ему дать письменный отвѣтъ на вопросы.

Привожу очень любопытный отвѣтъ Долгорукова въ точномъ переводѣ съ французскаго подлинника, нѣсколько отличномъ отъ напечатаннаго имъ своевременно въ «Колоколѣ».

Парижъ,
3 апрѣля 1860 г.

«Господинъ Посолъ,

«Вы меня пригласили заѣхать въ посольство и предложили мнѣ три вопроса, прося дать вамъ письменный отвѣтъ для представленія правительству:

1. Согласенъ ли я взять изъ продажи книгу мою: «La vérité sur la Russie»?

2. Согласенъ ли я оставить Парижъ?

3. Считаю ли я себя русскимъ подданнымъ?

«На первые два вопроса отвѣчаю рѣшительно—нѣтъ, на третій—да.

«Я выселился въ чужіе края по истинному, глубокому убѣжденію быть полезнымъ моей родинѣ своими сочиненіями. Не повторяя здѣсь уже высказаннаго въ моей книгѣ, прибавлю лишь, что безъ гласности самая честная, самая благія намѣренія безсильны направить какую бы то ни было страну по пути прогресса. Моя эмиграція не есть результатъ минутнаго увлеченія. Въ мои лѣта (45 л.) такъ уже не увлекаются. Она есть развязка плана, издавна задуманнаго, занимавшаго меня въ теченіе многихъ лѣтъ и осуществленнаго съ величайшею осторожностью. Зарожденіе этого плана—въ чувствѣ искренней, пламенной и безграничной привязанности моей къ родному краю, къ русскому народу, среди котораго я имѣлъ счастье родиться. Поселясь теперь въ чужихъ краяхъ, въ положеніи матеріально обеспеченномъ, я считаю долгомъ честнаго гражданина, долгомъ истиннаго русскаго писать о Россіи и говорить истину моему отечеству, безпредѣльно мною любимому.

«Книга моя «La vérité sur la Russie» вовсе не направлена противъ личностей, но противъ злоупотребленій и существующаго у насъ печальнаго порядка вещей. Въ ней имя Его Величества Государя Императора Александра произнесено не только съ чувствомъ почтенія, котораго онъ заслуживаетъ, но и съ чувствомъ признательности; столь понятной относительно государя, исполненнаго благихъ намѣреній. Въ совершенно независимомъ положеніи, въ которое я поставилъ теперь себя, слова мои, конечно, не могутъ быть приняты за голосъ лести: я могу говорить все, что думаю, и выраженія почтенія и признательности—отголосокъ чувствъ чловѣка свободнаго, патріота истиннаго.

«Отказаться отъ жительства въ Парижѣ я не вижу никакой причины, напротивъ, на будущее время я буду ежегодно проводить въ этомъ городѣ нѣсколько мѣсяцевъ.

«Перемѣнить свою національность можно только по причинамъ самымъ важнымъ, особенно челювѣку, любящему св е отечество, какъ я. Я считаю себя русскимъ подданнымъ, но, если бы русскому правительству пришла мысль меня преслѣдовать, то я принужденъ буду поставить себя подъ покровительство другой державы.

«На будущее время я предполагаю издать слѣдующія книги:

- 1) Россія съ 1847 по 1859 годъ.
- 2) Исторія заговора 14 декабря 1825 г.
- 3) Исторія Россіи.
- 4) Записки о Россіи, съ 1682 г. по 1834 годъ.
- 5) Біографическій и родословный словарь русскихъ фамилій.
- 6) Мои собственныя записки, начатыя въ 1834 г. (онѣ ускользнули отъ осмотра бумагъ моихъ въ III Отдѣленіи въ 1843 г.). Эти записки не появятся въ свѣтъ вполнѣ раньше моей смерти.

«Примите, господинъ посоль, изъявленіе моего почтенія,
князь Петръ Долгоруковъ.»

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ Долгоруковъ послалъ Киселеву еще и очень рѣзкую (уже по русски) записку, повидимому, для передачи ее въ III Отдѣленіе, куда она въ дѣйствительности и попала.

На другой же день Киселевъ писалъ (по-французски) министру иностранныхъ дѣлъ Горчакову:

«Князь Долгоруковъ, извѣстный по своимъ прежнимъ сочиненіямъ, только что издалъ въ Парижѣ скандальную книгу съ напыщеннымъ заглавіемъ: «La vérité sur la Russie». Она должна быть отнесена къ числу самыхъ худшихъ памфлетовъ. Авторъ нападаетъ одинаково и на людей и на поступки и, афектированно шадя особу нашего августѣйшаго повелителя, въ то же время недостойно изливаетъ свою желчь на всѣ акты его и прошлаго царствованія. Подъ предлогомъ исцѣлить путемъ гласности, книга разоблачаетъ всѣ слабыя стороны нашего положенія. Пока онѣ обсуждались только иностранными писателями, до тѣхъ поръ отсутствіе у нихъ основательныхъ знаій нашихъ лорядковъ подрывало въ корнѣ авторитетность ихъ сужденій въ глазахъ иностранныхъ правительствъ и общества, заставляя думать, что они судятъ такъ по недоброжелательству или просто по непониманію. Подъ перомъ же русскаго автора и при томъ съ высокимъ общественнымъ положеніемъ, эти слабыя разоблаченія получаютъ серьезное значеніе и придаютъ всей книгѣ цѣнность, которой она, безъ сомнѣнія, не имѣетъ, но которую ей придаютъ вышеупомянутыя исключительныя обстоятельства.

«Всѣ эти соображенія побуждаютъ меня послать вашему сіятельству экземпляръ этой книги, являющейся къ тому же лишь прологомъ къ другимъ сочиненіямъ, составленнымъ въ томъ же духѣ. Своеобразные отзывы автора о разныхъ личностяхъ, находящихся въ настоящее время въ Парижѣ, заставили его вычеркнуть нѣкоторыя, но лишь послѣ того, какъ онъ чуть было не нарушилъ нѣсколькими дуэлями спокойную жизнь здѣшней русской колоніи, состоящей изъ лицъ, прїѣзжающихъ сюда лѣчиться и отдыхать, а не есориться и безчинствовать.

«Это отступленіе было необходимо, чтобы вы поняли дальнѣйшее.

«Не имѣя, по смыслу французскихъ законовъ, никакой власти надъ писателемъ, пока онъ не затрагиваетъ французскихъ учрежденій, кромѣ обращенія къ суду за диффамачію, что въ большинствѣ случаевъ только способствуетъ распространенію взглядовъ преслѣдуемаго автора, я принужденъ былъ ограничиться выраженіемъ князю Долгорукову моего личнаго мнѣнія, какъ чиновника и какъ русскаго, о его памфлетѣ и его поведеніи. Вызвавъ его въ посольство, я сначала откровенно высказалъ ему, какъ мнѣ прискорбно видѣть, что русскій такъ жестоко критикуетъ порядки своей страны и еще на иностранномъ языкѣ. Затѣмъ я сказалъ ему, выразивъ строгое порицаніе по поводу личныхъ намековъ, которые онъ себѣ позволилъ, что мое официальное положеніе вмѣняетъ мнѣ въ обязанность спросить его: 1. намѣренъ ли онъ изъять изъ обращенія выпущенную имъ книгу, 2. согласенъ ли онъ уѣхать изъ Парижа, гдѣ его присутствіе съ минуты на минуту можетъ вызвать совсѣмъ нежелательные инциденты, и 3. не угодно ли ему заявить мнѣ, считаетъ ли онъ себя еще русскимъ подданнымъ государя императора.

«Отвѣты князя на два первые вопроса были, что онъ не можетъ изъять изъ обращенія книгу, болѣе 60 экземпляровъ которой онъ уже разослалъ своимъ друзьямъ и которая уже получила распространеніе, вслѣдствіе соглашенія съ издателемъ, не встрѣтившимъ никакихъ затрудненій въ ея напечатаніи. Что же до выѣзда изъ Парижа, то онъ предпочитаетъ жить въ немъ, но черезъ нѣсколько недѣль намѣревается съѣздить въ Англию, гдѣ у него въ надежномъ мѣстѣ хранятся самыя важныя секретныя бумаги. На третій вопросъ онъ заявилъ, что не намѣренъ отъ него отказываться, если только къ этому не принудятъ, что почина на себя онъ не возьметъ и что принявъ, съ своей стороны, мѣры, не боится никакихъ шаговъ правительства.

«Такъ какъ онъ пустился въ длинныя разглагольствованія о томъ, какъ заблаговременно подготавливалъ свой отъѣздъ и прини-

маль мѣры къ тому, чтобы уѣхать изъ Россіи, уже запасшись всѣми книгами и документами, необходимыми для завершения его политико-историческихъ трудовъ, то я прекратилъ разговоръ, прося его изложить свои отвѣты письменно. И вотъ честь имѣю представить присланное мнѣ письмо.

«Дѣлая это, я главнымъ образомъ имѣлъ въ виду узнать, какъ онъ намѣренъ поступать въ дальнѣйшемъ и въ какомъ направленіи, должны дѣйствовать мы сами. Заканчивая нашъ разговоръ, я объявилъ кн. Долгорукову, что жду дальнѣйшихъ приказаній отъ правительства, но, съ своей стороны, ужъ теперь считаю наши отношенія прерванными и что, какъ первое слѣдствіе этого моего рѣшенія, я отнынѣ буду лишень возможности видѣть его у себя. Во время нашего разговора я старался пробудить въ немъ лучшія чувства и привести его къ болѣе здоровой и менѣе личной оцѣнкѣ нынѣшняго положенія Россіи. Онъ увѣрялъ, что дѣйствуетъ по своему глубокому убѣжденію и готовъ нести всѣ непріятныя послѣдствія. Безпристрастіе обязываетъ меня добавить, что онъ все время заявлялъ о своей преданности государю, передъ которымъ, по его словамъ, благоговѣтъ не изъ лести, какъ куртизанъ, а какъ независимый человѣкъ, и о своей преданности Россіи, которой, по его словамъ, желаетъ только учрежденій, подобныхъ существующимъ въ современной Франціи. Выраженіе этихъ чувствъ вы найдете и въ письмѣ, которое онъ мнѣ прислалъ. «Надо,—говорилъ Долгоруковъ мнѣ, между прочимъ,—чтобъ государь узналъ правду, и для того, чтобы трудъ, предпринятый мною, принесъ желанные плоды, я долженъ былъ напечатать свою книгу на иностранномъ языкѣ передъ лицомъ Европы, которая одна только у насъ внушаетъ къ себѣ уваженіе. Гласность—единственное средства вывести насъ изъ нашего печальнаго положенія. И я ее проповѣдую и самъ подаю примѣръ. Наши соціальныя условія къ тому же обязывали меня сдѣлать это за границей, такъ какъ въ Россіи я не могъ бы издать этой книги».

«Личная обида, задѣтое самолюбіе, зависть и желаніе мести, безъ сомнѣнія, не чужды оцѣнкамъ автора, который, желая добра своей странѣ, начинается съ того, что волочить ее по грязи передъ глазами иностранцевъ. По этому поводу онъ сознался мнѣ, что обхожденіе съ нимъ въ началѣ его карьеры, тѣ шелчки и удары, которые онъ постоянно получалъ, выражая желаніе приносить пользу своей родинѣ, толкнули его на тотъ путь, которымъ онъ теперь идетъ въ интересахъ своего отечества. Когда я далъ ему понять, что его могутъ у насъ лишить по суду его гражданскихъ правъ, онъ не задумался отвѣтить, что приготовленъ къ этому и

снесеть послѣдствія, но что серьезно ему это не повредитъ, потому что онъ слишкомъ высокъ. Преслѣдованіе могло бы довести дѣло до суда и придать книгѣ еще больше значенія, чѣмъ она имѣетъ на самомъ дѣлѣ. Потому я воздержался отъ вмѣшательства власти, которое въ данномъ случаѣ было бы бесполезнымъ. Но если объ этомъ заговорятъ въ газетахъ, то я думаю обратиться къ министру внутреннихъ дѣлъ и просить его своимъ офиціознымъ вліяніемъ смягчить неблагоприятное для насъ впечатлѣніе. Но уже теперь долженъ сознаться, что всѣ эти мѣры могутъ имѣть лишь второстепенное значеніе, потому что на распущенную печать никакой узды не надѣнешь. Что касается личности самого автора книги я не считаю важнымъ, будетъ ли онъ въ Парижѣ или въ другомъ мѣстѣ, и, если говорилъ съ нимъ объ этомъ, то лишь въ виду возможныхъ столкновений и для того, чтобы заставить его объясниться насчетъ его дальнѣйшихъ намѣреній и узнать, насколько онъ цѣнитъ свою національность».

Легко себѣ представить то непріятное положеніе, въ которое попалъ Киселевъ. Онъ принималъ у себя Долгорукова вплоть до выпуска въ свѣтъ «скандальнаго памфлета»,—принималъ, несмотря на его таинственное исчезновеніе изъ Россіи. Правительство это знало, и только высокое личное и служебное положеніе парижскаго посла гарантировало его отъ непріятныхъ внушеній изъ Петербурга.

Любопытно, что Киселевъ, на крайній конецъ, готовъ былъ просить франц. министра внутреннихъ дѣлъ напечатать въ нѣсколькихъ офиціозныхъ органахъ рѣзкую критику долгоруковской книги, но вмѣстѣ съ тѣмъ понималъ все безсиліе этого средства.

16 апрѣля депеша Киселева была доложена государю и, по его приказанію, послана Горчаковымъ шефу жандармовъ кн. Василію Долгорукову, съ которымъ предстоялъ разговоръ въ первый же докладъ. 24 апрѣля Александръ II приказалъ объявить Петру Долгорукову, чтобы немедленно возвращался въ Россію. Въ тотъ же день III Отдѣленіе просило министра юстиціи распорядиться о немедленномъ наложеніи запрещенія на имѣнія князя въ Тульской и Костромской губерніяхъ, которыми управлялъ тогда родственникъ его кн. Юрій Вас. Толстой. При этомъ министра предупреждали, что при отъѣздѣ за границу Долгоруковъ оставилъ московскому банкиру Ценкеру довѣренность на продажу костромского имѣнія.

По свидѣтельству И. И. Шамшина, «Правда о Россіи» произвела въ Петербургѣ, при дворѣ, ужасающее впечатлѣніе. Всѣ чувствовали, что Долгоруковъ можетъ поразсказать такую правду,

которая была бы вдесятеро опаснѣе всякой фантастической лжи. Его родственники, графиня А. С. Панина, кн. М. А. Мещерская, кн. Н. П. Мещерскій и др., поспѣшили завѣрить дворецъ въ своемъ полномъ антагонизмѣ съ княземъ Петромъ... Министры бѣгали и справлялись о цѣлости секретныхъ государственныхъ бумагъ. Кн. Горчаковъ далъ особыя наставленія по охранѣ государственнаго архива...

1369. Слово графа Виктора Панина къ депутатамъ.

«Господа, вы помните слова государя императора; я ихъ глубоко запечатлѣлъ въ моей памяти и буду дѣйствовать сообразно имъ. Вы знаете, что предположенія редакціонной комиссіи еще не утверждены, а потому не могу сказать ничего *ни успокоительнаго, ни благоприятнаго* для васъ и надѣюсь, что вы воздержитесь отъ всего, что можетъ возбудить *большія надежды или опасенія* въ дворянствѣ. Хотя самъ *богатый* помѣщикъ, я не забуду интересы помѣщиковъ *не богатыхъ* и, помня, что крестьяне не имѣютъ здѣсь своихъ представителей, я буду имѣть въ виду выгоды ихъ, тѣмъ болѣе, что вполне убѣжденъ, что дѣло не можетъ обойтись безъ жертвъ со стороны дворянъ. Это — дѣло, господа, наше *частное, семейное*, оно не должно выходить отсюда, а потому не надо *распространять его, а тѣмъ болѣе писать объ немъ ЗА ГРАНИЦУ*. Теперь я имѣю къ вамъ еще просьбу, господа. Я слышалъ, что многіе изъ васъ собираются у графа Шувалова ¹⁾, гдѣ дворянство готовится къ выборамъ, а потому и прошу васъ *прекратить ваше посѣщеніе, потому что тамъ будутъ стараться завлечь васъ*. Дверь моя вамъ всегда открыта, для всѣхъ и cadaго, *но я прошу васъ не посѣщать меня*, чтобы не подать поводъ къ толкамъ, что я нахожусь подъ вліяніемъ того или другого. Итакъ, господа, советую вамъ заниматься. Господа, въ этомъ отношеніи я имѣю навыкъ; нѣтъ такого важнаго государственнаго дѣла, котораго нельзя было бы окончить въ *четырнадцать дней*» ²⁾.

Безсмысленныя слова этого графа-чиновника почти примирили насъ съ нимъ; намъ стало жаль эту длинную фигуру больного, у котораго на такой высотѣ размягчился мозгъ (и прежде не очень

¹⁾ Петръ Павловичъ, бывшій членъ Редакціонныхъ Комиссій и петерб. губерн. предводитель дворянства.

²⁾ Рѣчь была длиннѣе, но передана здѣсь правильно; см. трудъ Н. П. Семенова, т. II, 698 — 699.

твердаго состава, по правдѣ). Онъ подлежитъ исключительно медицинскому суду; суду общественнаго мнѣнія подлежитъ тотъ, кто его посадилъ, вмѣсто сумасшедшаго дома, въ *освободительный!*

Замѣтите, каждая фраза: *плюсъ—минусъ—равна нулю.*

Что значить, что Панинъ не имѣетъ ничего *ни успокоительнаго, ни благопріятнаго?* Что онъ называетъ успокоительнымъ? Оставить все попрежнему? Права на домокрадство, на постельную барщину, на шесть дней... розги, поборы?... Почему освобожденіе крестьянъ—дѣло *частное и семейное*, почему его слѣдуетъ беречь подь сурдинкой? Это—дѣло земское, историческое, всероссійское, а во все не семейное *богатыхъ* помѣщиковъ, сердобольствующихъ *бѣдныхъ*. А хорошо и это хвастовство своимъ состояніемъ! Представьте себѣ судью, который бы сказалъ просителю: «несмотря на то, что я богатъ, а ты бѣденъ, я тебя буду защищать». За такую грубую пошлость министръ юстиціи (если-бъ онъ былъ не Панинъ) долженъ былъ бы сдѣлать ему черезъ Топилскаго выговоръ.

Страхъ передъ «Колололомъ» намъ слишкомъ лестенъ, мы становимся на стулъ и цѣлуемъ его за это въ лобъ.

Доносъ на Шувалова и страхъ передъ нимъ гадокъ, мелокъ. Впрочемъ, хороши и мы,—забыли нашего старика Крупова. Какого же смысла доискиваемся въ словахъ больного, который все забылъ, даже Альфреда де Мюссе; иначе бы онъ зналъ, что «дверь должна быть заперта или открыта»!

О, Круповъ, прими его, возьми его, облей его холодной водой... еще... еще и еще немного!

1370. Письма изъ Россіи.

...«Грустно, грустно и грустно! Не пришлось бы Россіи сказать Александру Николаевичу, какъ сказала Татьяна Онѣгину: *А счастье было такъ возможно, такъ близко!*».

Этими поэтическими, но безконечно печальными строками оканчивается одно изъ множества писемъ, полученныхъ нами въ послѣдніе десять дней.

Письма эти сами по себѣ замѣчательны: у испуганныхъ, удивленныхъ людей явилась потребность заявить свое негодованіе, свой крикъ боли, вслѣдъ за неожиданнымъ воскресеніемъ николаевскаго времени.

Твердо перейдемъ время этого тяжелаго испытанія, станемъ добре и не утратимъ вѣры въ русское развитіе оттого, что слабый

государь, споткнувшись объ Панина, упалъ въ слякоть и грязь лужинскихъ доносовъ Его жалче насъ. «Послѣ пятилѣтняго царствованія, наполнившаго надеждами сердца римлянъ,—цезарь измѣнился». Рѣчь шла о Неронѣ; отъ души желаемъ, чтобъ эти слова римскаго лѣтописца не повторились будущимъ Карамзинымъ.

Насъ упрекнуть нельзя. Мы держались до послѣдней крайности, до открытой измѣны, до преступнаго назначенія Панина, до самоуправства въ дѣлѣ Унковскаго и Европеуса ¹⁾, до *полицейскаго* заговора, вслѣдствіе котораго нахватили студентовъ, профессора Каченовскаго, и мы не знаемъ кого еще ²⁾. Мы могли подаваться и уступать, когда главный потокъ шелъ своимъ русломъ,—теперь другое дѣло!

Прощайте, Александръ Николаевичъ, счастливаго пути! Bon voyage ³⁾!.. Намъ сюда.

«Какъ?—закричатъ снова рыбокровные мудрецы, наши Меттернихи en herbe ⁴⁾, наши Оксенштерны въ прозябаніи, — «давно ли вы-говорили?..» Пожалуй ста, гг. Сперанскіе in spe ⁵⁾, обратитесь съ этимъ вопросомъ къ Александру Николаевичу. Изъ насъ двухъ честь «шанже черезъ половину манежа» принадлежитъ не намъ.

Люди умственной выправки и доктринерной шагистики негодуютъ на наши увлеченія событіями, на то, что, плывя рѣкой, мы, вмѣсто прямой линіи, слѣдуемъ ея извилинами. Невскіе стоики, стоящіе на неизмѣнной нравственной снѣговой линіи, не могутъ намъ простить ни смѣха нашего, ни нашихъ слезъ и гордо издѣваются надъ слабымъ характеромъ, которому холодно въ декабрѣ и жарко лѣтомъ.

Но, вѣдь, это происходитъ оттого, что наши положенія разны. Они *ведутъ* народъ, *внушаютъ* ему, для его собственной пользы, какъ слѣдуетъ итти на англійскій манеръ, какъ на французскій. Мы, матеріально оторванныя песчинки проснувшейся толпы, массы въ Россіи,—мы только сильны инстинктомъ, по которому угадываемъ, какъ у ней бьется сердце, когда она обливается кровью, и что она хочетъ сказать, да не можетъ.

На это мы воротимся. Теперь обращаемся къ письмамъ. Мы передадимъ только фактическую часть и слухи.

¹⁾ Александръ Ивановичъ, тверской дѣятель.

²⁾ «Таймсъ» отъ 9 апрѣля опять говоритъ объ обыскахъ, арестаціяхъ и, между прочимъ, о томъ, что у профессора Павлова захвачены бумаги.

А. И. Г.

³⁾ Счастливаго пути!..

⁴⁾ Въ проектѣ.

⁵⁾ Въ будущемъ.

Миѡы и легенды, ходящіе о назначеніи Панина, очень замѣчательны. Одинъ корреспондентъ пишетъ, что «Муравьеву и Панину поручено было опечатать кабинетъ Ростовцова. Государь самъ явился туда и засталъ Панина одного; ждетъ часть, другой,—Муравьева нѣтъ... «Ну, такъ я тебя назначаю предсѣдателемъ комиссіи». Ben trovato ¹⁾! Нелѣпости должны быть основаны на глупой случайности. Когда люди играютъ въ жмурки, въ томъ-то и забава, что они не знаютъ впередъ *кого именно*, поймаютъ за полу. А, вѣдь, если-бъ государь поймалъ и Муравьева — тоже бы не бобра убилъ. Досадно, что на эти *petits jeux* ²⁾, приглашаются только свои дворовые, а то, пожалуй, случай бы палъ на парижскаго Киселева, понявшаго общину еще при Николаѣ, или на старѣйшаго бойца за освобожденіе крестьянъ съ землею Н. И. Тургенева; они повели бы дѣло лучше прежняго. А то какъ весь *embarras du choix* ³⁾ между Адлербергомъ старымъ да Адлербергомъ молодымъ, Панинымъ долгимъ да Долгорукимъ недалчимъ, — тутъ выбора нѣтъ. Тутъ и Діогенъ съ своимъ фонаремъ, кромѣ Буткова, ничего бы не сыскалъ.

Не хуже и другая легенда. Назначенію Панина (и это пишутъ двое корреспондентовъ) *содѣйствовала* императрица, «вслѣдствіе экономическихъ и религіозныхъ идей своихъ, которыя не сходятся съ мыслью *освобожденія крестьянъ съ землею!*»

Дѣйствительно, ни піетизмъ, ни политическая экономія не доведутъ до надѣла землею. Это мнѣніе чисто нѣмецкое, т.-е. вредное, но *logisch consequent* ⁴⁾. Христіанство требуетъ, чтобъ всѣ мы были нищими и немного бродягами; сверхъ того, оно поучаетъ, чтобъ мы заботились о ближнемъ больше, чѣмъ о самомъ себѣ, потому и не мудрено, что, оставаясь еще въ мірскомъ довольствѣ, государыня возжелала *прежде* освободить крестьянъ отъ *временной* земли, облегчая имъ тѣмъ самымъ надѣлъ вѣчный—пашни райскія, десятинами безконечными, отъ вѣка засѣянными и притомъ сѣменами не отъ житницы, не отъ зерна!

Мы не обвиняемъ императрицу въ томъ, что она думаетъ разомъ по ученію апостоловъ Христа и апостоловъ Мальтуса и что она не знаетъ русскаго вопроса. Но зачѣмъ же ей мѣшаться въ такія иностранныя дѣла, какъ освобожденіе *нашихъ* русскихъ крестьянъ, какъ надѣлъ ихъ *нашей* русской землей.

¹⁾ Хорошо придумано.

²⁾ Игры.

³⁾ Богатство выбора.

⁴⁾ Логически послѣдовательное.

По третьему сказанію повѣствуется, что Панина назначилъ государю Ростовцовъ, умирая. Этому трудно повѣрить; неужели онъ хотѣлъ заключить свою карьеру, какъ началъ, или развѣ онъ умеръ въ бреду?

Что касается до героя романа, то-есть до Виктора Никитича, онъ тотчасъ началъ дѣйствовать, какъ стрихнинъ, наводя столбнякъ и окоченѣніе на все живое мертвящимъ формализмомъ и убійственной буьвой. Вотъ чѣмъ занялась эта голова на шестѣ, призванная опошлить великое дѣло освобожденія: она велѣла «членамъ комиссій являться въ виць-мундирахъ или фракахъ, велѣла составить *въдомость* дѣламъ рѣшеннымъ и нерѣшеннымъ, имѣющимъ быть обсуживаемыми и не имѣющимъ быть обсуживаемыми».

Но и сами комиссіи, по какому-то ясновидѣнію, иногда посѣщающему людей передъ смертью или бѣдой, оша ѣли, предупреждая стрихнинное дѣйствіе Ивана Великаго юстиціи. «Въ административномъ отдѣленіи князь Черкасскій снова возбудилъ вопросъ о розгахъ и числѣ ударовъ (это—просто мономанія у этого челоуѣка!), ему возражали, что онъ уже отказался отъ розогъ печатно, на это онъ отвѣчалъ, что «одно въ печати, а другое на дѣлѣ», прибавляя карамзино-ансильоновскимъ ¹⁾ стилемъ: «Кто хочетъ популярности, тотъ можетъ говорить противъ розогъ (кто противъ бога и великаго Новгорода!), а кто *серьезно мыслитъ*, тотъ не можетъ не признать ихъ необходимости». (Непремѣнно спрощу у Стюарта Милля, у Прудона и за неимѣніемъ Гегеля—у Фейербаха, вотъ и узнаю, *серьезно* ли они думаютъ или нѣтъ). Говорятъ, что ему сильно возражалъ Соловьевъ ²⁾, и когда баллотировали черкасское предложеніе, оказалось, что голоса раздѣлились пополамъ. Гамлетовскій вопросъ, переложенный на русскіе нравы: *бить или не бить и, если бить, то сколькоми ударами?*³⁾—перешелъ въ общее собраніе; тамъ произошло тоже равенство. Голосъ председателя Булгакова ³⁾ (когого упражненія въ риторическомъ стилѣ мы имѣемъ) долженъ былъ дать перевѣсъ. Жаль сдѣлалось велерѣчивому председателю сѣколюбиваго князя, и онъ склонился на сторону розогъ; они-то послужатъ торжественными ваями, которыми члены умилостивятъ у вратъ града Іакова, когда изъ Капернауа юстиціи будетъ вѣѣзжать въ нихъ Панинъ, сидя на скромномъ Топильскомъ.

Говорятъ, что либеральные защитники *розогъ* извиняются тѣмъ, что разрѣшены только *двадцать ударовъ* (экіе дикіе татары! пусть

¹⁾ Ансильонъ, нѣм. писатель, монархистъ.

²⁾ Яковъ Александровичъ.

³⁾ Петръ Алексѣевичъ.

прикинуть на счетахъ $20 + 20 + 20 + 20 =$ сколько будетъ?). А, впрочемъ, пусть останутся розги въ самомъ дѣлѣ во все продолженіе нелѣпаго переходнаго состоянія, какъ памятникъ гнусной, позорной, не аристократической касты, а касты палачей и плантаторовъ. Честь и слава гражданамъ, *не ищущимъ популярности* и поддерживающимъ свирѣпыя и кровавыя аппетиты сословія, которому, можетъ, безъ этого *народъ простилъ бы прошедшее!*⁴⁾.

1371. Почта въ Россіи.

Насъ спрашиваетъ одинъ торговый домъ въ Манчестерѣ: «отчего письмо, отправленное изъ Одессы въ Англію и не франкированное, платится здѣсь 11 $\frac{1}{2}$ пенсовъ, а за письмо, отправленное также нефранкированное въ Одессу, платятъ тамъ 72 коп. (2 шил.); если же письмо здѣсь франкировано 11¹/₂ пенсами, тѣмъ заставляютъ приплачивать 25 коп.?».

Отчего?. Побужденные патриотизмомъ, мы объясняли, что причина происходитъ отъ того, что разстояніе отъ Англіи до Одессы гораздо больше, чѣмъ отъ Одессы до Англіи. Ну, а келейно-то можно сказать *entre nous*: оттого, что почтовое вѣдомство *крадетъ*.

Ну ужъ крали бы у своихъ, все было бы шито и крыто; русскій знаетъ свой *habeas corpus*, что всякій имѣетъ право быть обворованнымъ казною и воровать казну,—зачѣмъ же англичанъ-то мѣшать въ семейныя удовольствія?

Въ свою очередь, и мы теперь спросимъ всѣхъ почтенныхъ особъ, умѣющихъ отгадывать *ребусы*, въ Манчестерѣ, Бирмингамѣ и Ливерпулѣ, нельзя ли

⁴⁾ Въ двухъ письмахъ, полученныхъ нами, есть противорѣчіе въ одномъ имени. Шутить этимъ нечего. Люди, подавшіе въ 1860 году голосъ за розгу, должны знать, что ихъ имена останутся у позорнаго столба, какіе бы они ни были бюрократы, администраторы или товарищи. Вотъ почему мы искренно просимъ сообщить намъ, вѣренъ ли этотъ списокъ именъ:

Противъ сѣченія.

Гирсъ,
Соловьевъ,
Домонтовичъ,
Бунге,
Арапетовъ,
Кн. Голицынъ,
Любоцинскій,
Заблоцкій,
Кульчинъ,
Калачовъ,
Булугинъ.

За сѣченіе.

Кн. Черкасскій,
Самаринъ (1),
Милютинъ,
Галаганъ,
Семеновъ,
Семеновъ 2,
Булгаковъ,
Татариновъ,
Грабянко,
Залескій,
Желѣзновъ.

Въ другомъ письмѣ, совсѣмъ напротивъ, именно сказано, что *Самаринъ* былъ совершенно противъ *черкасскихъ* бичеваній. А. И. Г. °).

°) Списокъ вѣренъ; ошибка только въ фамиліи Кульчина, которую надо замѣнить Жуковскимъ.

узнать, отчего «какихъ ни вымышляй пружинъ» и какъ дорого ни плати, нѣтъ никакой возможности получить во-время русскія періодическія изданія? Они иногда опаздываютъ *три, четыре* мѣсяца, иногда пріходятъ разомъ отъ двухъ мѣсяцевъ. Въ послѣднее время въ Лондонѣ были получены январскія и февральскія книжки за 1860, а декабрьскихъ за 1859 до сихъ поръ нѣтъ!

Кто тутъ виноватый: редакторы, книгопродавцы, прямишниковскіе почталіоны или тимашевскіе слушаліоны?

Къ тому же *porto* совершенно произвольныя. Развѣ релъзя въ каждомъ журналѣ печатать цѣну съ доставкой въ пять или шесть главныхъ городовъ Европы?

Хоть бы редакторы къ празднованію тысячелѣтія Россіи постарались, чтобы ихъ изданія разсылались сколько-нибудь лучше, чѣмъ въ тѣ времена, когда Рюрикъ пришелъ съ своими сотрудниками изъ Жмуди.

1372. (Аѳинскій архимандритъ) ¹⁾.

Мы получили два письма въ его защиту. Одно помѣщаемъ, въ другомъ нѣтъ никакихъ фактовъ. Мы вовсе не намѣрены разбирать монашескіе романы и знаемъ мы хорошо послѣдствія неестественныхъ воздержаній. Но зачѣмъ же въ эти частныя дѣла замѣшался Озеровъ? Это имѣетъ характеръ дѣла; мы въ особенности преслѣдуемъ всякаго рода николаевскія поползновенія всѣхъ этихъ микроскопическихъ тиранчиковъ, консульковъ, посланцевъ и другихъ агентовъ, воображающихъ, что для нихъ законы не писаны.

1373. Письмо къ М. К. Рейхель.

16 апрѣля (1860).
Park House, Fulham.

А вы зачѣмъ же не пишете заблаговременно объ Х-ахъ ²⁾? Нат. Ал. хочетъ встрѣтиться съ С. ³⁾ гдѣ-нибудь въ Германіи, ждетъ ихъ письма и собирается ѣхать моремъ около 1 мая. Наташа можетъ пріѣхать и позже, можетъ пожить у Т. Петр. ⁴⁾ и съ нею возвратиться въ Isle of Wight, а также и въ сопровожденіи Саши, напр., къ 1 августа. Но вы одна порядкомъ отвѣчаете; ни отъ Т. П.,

¹⁾ Подъ такимъ заглавіемъ помѣщено письмо профессора аѳинскаго университета П. Ромботи, увѣрявшаго редакцію въ непорочной жизни архимандрита. Редакція и сдѣлала къ этому свое примѣчаніе.

²⁾ Т.-е. почему не предупредила, что ждетъ ребенка, икса въ смыслѣ пола.

³⁾ Сатины.

⁴⁾ Пассекъ.

ни отъ Мейзенб. не могу добиться толкомъ отвѣта. Вамъ все же надобно мѣсяць, чтобъ оправиться, и, стало, до 1 июня и рѣчи не можетъ быть, — постараемся. Кто же Ник. Фил. Павлова станетъ сажать въ тюрьму?—развѣ кредиторы,—рѣчь о кievскомъ профес. Павловѣ, который былъ здѣсь.

«Колок.» посылаю сегодня: утѣшьтеся моими ругательствами Панина ¹⁾).

Алекс. II совершенно сошелъ съ ума. Нѣтъ, не по его плечамъ эта ноша!

Прощайте. Кланяюсь всѣмъ и всѣмъ.

1374. Письмо къ Эмили Ривъ.

18 Avril 1860.
Park House, Fulham.

Chère Mademoiselle Reeve,

On prépare maintenant un volume des me articles politiques (1855—1860). La question polonaise est déjà réimprimée. Au lieu de vous envoyer «La Cloche», je vous envoie les feuilles. Votre ami ne sera pas content de notre radicalisme, grossier et éminemment antibonapartiste. Le rédacteur en chef de «L'Espérance» a été chez moi; il a pensé que nous pouvons faire quelque chose pour le journal, mais il y a une trop grande incompatibilité des principes.¹⁾

Nous avons très bien su, dans quelle petite minorité nous nous trouverons; mais le grand intérêt pour la *Verité objective* nous a emporté.

Et pourtant en Russie (vos amis peuvent vous le dire) notre voix pénètre de plus en plus, et tout ce que nous imprimons, est immédiatement vendu.

C'est que le génie russe a une plus grande sympathie vers le scepticisme le plus poignant que vers une religion sentimentale. Chez nous dans la littérature, dans l'administration, parmi la noblesse surgissent des questions terribles, qui sont résolues partout, mais résolues par des phrases et par des articles de foi.

Le livre de Dolgeroukoff est assez bien. Beaucoup d'anecdotes concernant les galériens, qu'on appelle chez nous ministres.

Il y a en Russie une grande réaction dans le gouvernement. Alexandre II a une grande puissance, une grande force—la force de la bêtise. Contre la stupidité il n'y a pas d'armes.

Portez-vous bien, chère Mademoiselle Reeve, et ne m'oubliez pas.

A. Herzen.

¹⁾ № 1369.

Переводъ.

18 апрѣля.

Дорогая m-elle Ривъ,

Сейчасъ готовится къ печати томъ моихъ политическихъ статей (1855—1860). Польскій вопросъ уже напечатанъ. Въѣсто «Колокола» посылаю вамъ эти листы. Вашъ другъ ¹⁾ не будетъ доволенъ нашимъ грубымъ и въ высшей степени анти бонапартистскимъ радикализмомъ.

Редакторъ «L'Espérance» былъ, у меня; онъ думалъ, что мы можемъ что-нибудь сдѣлать для газеты, но наши основные принципы оказались слишкомъ несомвѣстимыми. Мы отлично знали, въ какомъ незначительномъ меньшинствѣ намъ суждено очутиться, но великій интересъ къ *объективной истинѣ* увлекъ насъ.

И, однако, въ Россіи (вы это можете узнать отъ вашихъ друзей) нашъ голосъ проникаетъ все дальше и дальше, и все, что мы печатаемъ, немедленно распродается.

Дѣло въ томъ, что русскій умъ больше сочувствуетъ скептицизму, хотя бы разрывающему сердце, чѣмъ сентиментальной религіи. У насъ въ литературѣ, въ администраціи, въ дворянствѣ возникаютъ страшные вопросы, которые, однако, *рѣшены*, но рѣшены только фразами или догматами вѣры.

Книга Долгорукова довольно хороша. Въ ней много анекдотовъ, касающихся каторжниковъ, которыхъ у насъ называютъ министрами.

Въ Россіи сильная реакція среди правительства.

У Александра II большая власть, великая сила — сила глупости. Противъ тупости нѣтъ оружія.

Будьте здоровы, дорогая, и не забывайте меня.

А. Герценъ.

1375. Письмо къ сыну.

20 апрѣля (1860).

Park House, Fulham.

На дняхъ Марья Каспар. издала въ свѣтъ новаго Рейхеля ²⁾. Ей надобно порядкомъ оправиться. До письма отъ нея и до отвѣта отъ Тат. Петр. ничего нельзя рѣшить о Татиномъ отъѣздѣ. Са-

¹⁾ Владиславъ Мицкевичъ.

²⁾ Максъ Рейхель.

тинъ въ Петерб. и еще не можетъ выхлопотать паспортъ. Мейсенб, прїѣдетъ 1 мая въ Лондонъ; до 15, вѣроятно, все устроится.

Теперь я долженъ обратить твое вниманіе на ошибку, которую ты можешь сдѣлать и которая меня огорчитъ. Почему и на какомъ основаніи ты пишешь, чтобъ я Тату послалъ съ Урихомъ ¹⁾? да я, вообще, не знаю, съ какой стати онъ прїѣдетъ ко мнѣ. Неужели ты до сихъ поръ такъ мало меня знаешь, что можешь думать, что я изъ чего бы то ни было сталъ принимать и сближаться съ какимъ-нибудь slaveholder'омъ ²⁾, и притомъ добровольнымъ (не въ наслѣдство же ему досталось имѣнне, какъ намъ всѣмъ въ Россіи). Стало быть, ни послѣ, ни прежде я съ этими людьми ничего общаго имѣть не хочу, кромѣ внѣшней учтивости.

И это не все. Я того же требую отъ тебя. Ты долженъ открыто и просто заявить имъ свое мнѣніе. Такихъ уступокъ люди не дѣлаютъ,—помни объ этомъ. Я знаю, что есть добрые люди, которые умѣютъ ладить съ Богомъ и съ чортомъ, но знаю и то, какую силу и какой покой даетъ нравственная чистота. Ни любовь, ни какое иное чувство не даютъ права на такого рода уступки. Ты объ этомъ очень подумай. Тутъ съ моей стороны ты встрѣтишь непреклонную волю. Преступленія родителей не переходятъ на дѣтей... но и не прощаются имъ за дѣтей.

Неужели въ Женевѣ есть партія, желающая присоединиться къ Франціи? Что ты не пишешь о К. Фогтѣ? Онъ тоже перехитрилъ. Извѣстна ли у васъ книга «On Species» ³⁾ Darwin'a? я тебѣ могу ее прислать.

Сюда прїѣхалъ, т.-е. прибѣжалъ, князь Голицынъ ⁴⁾ съ невѣстой ⁵⁾, отъ живой жены ⁶⁾, съ пѣвчими, учителемъ и гувернанткой. Онъ удралъ безъ паспорта и хочетъ здѣсь поселиться.

Засимъ на сей разъ прощай.

Кланяйся старушкѣ ⁷⁾.

¹⁾ Отецъ дѣвушки, въ которую былъ влюбленъ А. А. Герценъ.

²⁾ Рабовладѣлецъ.

³⁾ «Origin of Species by Means of Naturel Selection» — «Происхожденіе видовъ путемъ естественнаго подбора», 1859.

⁴⁾ Юрій Николаевичъ.

⁵⁾ Юлія Федоровна (фамилія мнѣ неизвѣстна).

⁶⁾ Екатерина Николаевна, урожд. Бахметева.

⁷⁾ Матери К. Фогта.

1376. Поправки, возраженія, оправданія.

(Катакази, Местмахеръ, Казакевичъ, Машевскій, Старицкій и пр.).

У насъ набралось нѣсколько писемъ съ разными поправками и возраженіями. Мы будемъ мало-по-малу помѣщать ихъ сущность— намъ нѣтъ ни малѣйшаго интереса поддерживать несправедливыя обвиненія. Возраженія столько же служатъ гласности, какъ обвиненія. Но если мы готовы помѣщать отвѣты, то просимъ дозволенія напомнить о нѣкоторыхъ предѣлахъ и условіяхъ.

Мы не считаемъ полезнымъ печатать возраженія не *фактами*, а *красноречіемъ*. Пріятный, но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣдко воздержный даръ витійста ставитъ *прозу* дѣла на второй планъ и теряетъ ее за цвѣтами риторики,—въ томъ родѣ, какъ *fond* въ дамскихъ платьяхъ пропадаетъ за кружевами.

Далѣе мы считаемъ положительно неприличнымъ передавать ругательныя выраженія оправдывающихся—не противъ насъ (мы обдержались), а противъ *подозрѣваемыхъ ими* корреспондентовъ. Равнымъ образомъ мы отказываемся отъ помѣщенія обвиненій и фактовъ противъ корреспондентовъ, не идущихъ къ оправданію и явнымъ образомъ писанныхъ подъ вліяніемъ личнаго негодованія ¹⁾. Мы не понимаемъ пользы этихъ обратныхъ обвиненій. А. несправедливо обвиняетъ В. въ томъ, что онъ звѣрски сѣчетъ крестьянъ; что же за оправданіе для В., если онъ докажетъ, что А. дурно живетъ съ своей женой? Это нисколько не мѣшаетъ А. не сѣчь крестьянъ, а В.—сѣчь ихъ, и очень звѣрски. Получая письмо отъ неизвѣстнаго, мы можемъ думать, что онъ пишетъ, желая изобличить какое-нибудь преступленіе, покойно цвѣтущее подъ сѣнью нелѣпныхъ законовъ и нѣмой гласности. Но когда человекъ пишетъ оправданіе и ругаетъ своего *противника*, то явнымъ образомъ его цѣль насолить ему; мы не можемъ ссужать «Колоколъ» для этого рода *солений*. Вѣдь, «Колоколъ»— не амфитеатръ за Рогожской заставой, гдѣ то медвѣдя безъ ногтей травятъ старыми собаками, то старыхъ собакъ—беззубыми медвѣдями, для потѣхи купцовъ средней руки, мѣшанъ, занимающихся хмелемъ, и вольноотпущенныхъ дворовыхъ людей, еще не нашедшихъ мѣста.

¹⁾ Въ длинной защитѣ г. Старицкаго, напр., горячій адвокатъ его напомнилъ намъ личностями просьбу Ивана Ивановича на злокачественнаго дворянина Ивана Никифоровича Довгочхуна. А. И. Г.

Вотъ содержаніе нѣкоторыхъ писемъ и отрывки изъ другихъ ¹⁾).

2. Г. *Местмахеръ* (одесскій градоначальникъ). Письмо, написанное противъ жизнеописанія Местмахера, котораго *часть* мы помѣстили, оправдываетъ г. Местмахера тѣмъ, что не онъ дѣлаетъ злоупотребленія, а чиновники, его окружающіе. Этого мы не можемъ принять; довольно того, что Александру II до сихъ поръ все спускали, говоря, что онъ-то хорошъ, но шайка людоедовъ, воровъ и невѣждъ, его окружающихъ, никуда не годится. Такія высочайшія привилегіи нельзя *распространять на всякаю юродничаю.*

3. *Губернаторъ Казакевичъ* ²⁾). Письмо, пришедшее къ намъ черезъ Панаму, доказываетъ, и намъ кажется довольно убѣдительно, что г. Казакевичъ—дѣльный и благородный человекъ, очень полезный краю, вѣренному ему (Приморская область Восточной Сибири). Мы не имѣемъ причины не вѣрить корреспонденту; намъ кажется, что онъ даже слишкомъ защищаетъ г. Казакевича. Въ письмѣ изъ Иркутска было только воззваніе къ нему, въ родѣ «проснись, Брутъ!». Въ самомъ этомъ воззваніи видно, что писавшій только жалветъ, что г. Казакевичъ не настолько дѣятеленъ, насколько можетъ быть. Какъ счастливы были бы девять десятыхъ всѣхъ губернаторовъ, если-бъ ихъ *только въ этомъ* обвиняли.

4. Г. *Машевскій*. Помѣщикъ *Адамъ Солтанъ* пишетъ намъ, что обвиненіе его сосѣда Машевского въ 64 листѣ «Колокола» въ злоупотребленіи властью надъ крестьянами князя Льва Радзивилла, находящимися у него въ арендѣ, несправедливо и что дѣло въ Гресну, описанное въ познанской газетѣ, *увеличено*. Исполняя желаніе г. Солтана, мы печатаемъ содержаніе письма и его имя. Справедливость обязываетъ насъ сказать, что и обвиненіе и оправданіе не основаны на ясныхъ фактахъ. Что же касается до негодованія г. Солтана за то, что первое письмо не имѣетъ подписи, мы просимъ его вспомнить, что отвѣтственность за всякаго рода сношенія съ нами, кромѣ оправданія (и то до нѣкоторой степени), подвергла бы писавшаго такимъ дикимъ преслѣдованіямъ варшавской и петербургской полиціи, которыя вовсе не послужили бы къ оправданію обвиненнаго. Наша готовность помѣщать отвѣты—единственное средство, которое мы имѣемъ.

¹⁾ Слѣдуетъ первое письмо о Катакази.

²⁾ Петръ Васильевичъ.

1377. „La vérité sur la Russie“

(par le prince Pierre Dolgoroukoff, Paris, 1860)

«Если-бъ наши европейскіе читатели насъ спросили, какая партія, какое мнѣніе управляетъ теперь Россіей, мы были бы очень затруднены: современный ходъ дѣлъ у насъ представляетъ постоянную, ежедневную борьбу бюрократіи, опертой на камариллу (на дворню) и на тайную полицію, противъ общественнаго мнѣнія и истинныхъ выгодъ страны, представляемыхъ образованной частью дворянства, всѣми серьезными и честными людьми въ Россіи, русской литературой, которая своимъ высокимъ пониманіемъ и добросовѣстностью принесла огромную пользу странѣ въ продолженіе пяти лѣтъ, прошедшихъ послѣ *дикаго* царствованія Николая. Это жалкое положеніе непрерывной борьбы исполнено опасности въ будущемъ. Петербургъ — театръ интригъ съ самаго основанія своего, наполненъ ими больше, чѣмъ когда-нибудь. Въ рѣшительную великую минуту начатыхъ реформъ выпросы о лицахъ, самолюбивыя соперничества и всего болѣе страсть стяжанья мѣшаютъ всему и сбиваютъ съ дороги. Правительство въ Россіи похоже всего больше на корабль, носимый по океану безъ всякаго направленія. Капитанъ исполненъ прекрасныхъ намѣреній, но мичмана, рулевые и кормчіе тупости невѣроятной. Между ними и пассажирами глубокое отвращеніе и постоянная борьба. Капитанъ не рѣшается ихъ замѣнить болѣе способными, онъ ждетъ, пока старые перемрутъ, т.-е. пока и тѣ состарятся и будутъ желать одного покоя. Въ ожиданіи корабль можетъ удариться о скалы!...»

Лишь бы *пассажиры* спаслись, а что касается до моряковъ и корабля,—туда имъ и дорога...

Авторъ полагаетъ, что мы, какъ социалисты, не будемъ согласны съ его конституціонными стремленіями. Мы думаемъ, напротивъ, что есть обстоятельства, при которыхъ нельзя избѣгнуть этихъ переходныхъ формъ, онѣ столько же необходимы бѣснующемуся самодержавію, сколько камзолъ—бѣснующемуся вообще. Мы думали, что петербургское императорство могло еще сослужить одну службу,—разрубая имъ самимъ скрученный узелъ крѣпостного состоянія. Такіе перевороты должны разражаться, какъ громовой ударъ, являться, какъ Минерва, съ копьемъ въ рукѣ, въ латахъ и шлемѣ. Не тутъ-то было. Наше самодержавіе оказалось недорос-

шимъ до энергическаго рѣшенія и не мудрено.—*оно не здало, чего хочетъ*, и спрашивало то тѣхъ, то другихъ, чтобъ узнать *свое* желаніе. Такую власть надо взять въ опеку, пока она не надѣлала больше бѣдъ. А чего нельзя ждать отъ власти, которая изъ карбункула Ростовцова развила Панина?

Давно ли было дѣло Огрызко? оно всѣхъ удивило и всего больше государя; онъ былъ пораженъ своей жестокостью, рѣшительностью и, покраснѣвъ до ушей, велѣлъ выпустить Огрызко. «Но счастливые дни въ Аранжуецѣ прошли!» Теперь государь не краснѣя ссылаетъ безъ суда Унковскаго и Европеуа и судить не судебнымъ мѣстомъ Головачева. Снова поднимаются въ пудретное заведеніе Тимашева и К^о миѳическіе доносы, берутъ студентовъ, берутъ бумаги, берутъ профессоровъ. Безсловесный Иванъ Лужинъ становится, какъ Шервудъ, — *Лужинъ-Вѣрный*. Разумѣтся, что въ такомъ положеніи всякаго рода перила, плотины, *gardes des foux*¹⁾ со стороны общества противъ Зимняго дворца очень хороши.

Князь Долгоруковъ хорошо дѣлаетъ, что печатаетъ по-французски: наши бюрократы боятся огласки, особенно на французскомъ языкѣ: дамы прочтутъ и французскіе тайные совѣтники... Какъ-то все передъ французомъ стыдно. И Потемкинъ (изъ котораго у насъ умѣли сдѣлать интереснаго героя), ударивши въ лицо (само собою разумѣтся) русскаго полковника, сконфузился, увидѣвши Сегюра, и сталъ извиняться передъ нимъ и пороть какую-то дичь. Но зачѣмъ же авторъ лишилъ своихъ героевъ именъ? Мы любимъ ихъ во всей ихъ конкретности, съ ихъ именемъ и отчествомъ, съ ихъ воломъ и осломъ, съ ихъ чиномъ, ростомъ, кавалеріями, фамиліей и Топильскимъ. Помилуйте, чего ихъ жалѣты!

Въ заключеніе попросили бы мы почтеннаго автора сообщить намъ подробности о томъ, какія средства хотѣли употребить бюрократы и другіе казнокрады, чтобъ остановить «Колоколь» (стр. 336—337). Мы, дѣйствительно, не знаемъ, а, должно быть, хорошо.

1378. Тайное явно.

На диспутѣ Погодина и Костомарова явился Тимашевъ и сълъ подлѣ кафедры Костомарова. Говорять, крики: «прочь отъ кафедры! прочь отъ кафедры!» раздались со всѣхъ сторонъ. Въ силу этого III Отдѣленіе велѣло сдѣлать большой виноградный листъ, который будутъ держать передъ Тимашевымъ два жандармскихъ штабъ-офицера, одѣтыхъ нимфами.

¹⁾ Парапеты.

1379. [Отъ редакціи]

Письмо къ государю, присланное намъ съ просьбою напечатать въ «Колоколѣ» и со страннымъ *предложеніемъ заплатить* за печать, мы не можемъ напечатать, потому что оно совершенно не согласно съ нашими убѣждениями.

1380. Письмо къ Г. П. Данилевскому ¹⁾.

1 may 1860.
Park House, Fulham.

Посылаю вамъ билетъ въ парламентъ на нынѣшній вечеръ и желаю насладиться видомъ Пальмерстона и Росселя.

Искренно преданный

А. Герценъ.

1381. Письмо къ сыну.

1 мая 1860.
Park House, Fulham.

Любезный Саша, я дольше обыкновеннаго не писалъ, потому что все еще сижу у моря и жду погоды. Мейзенбургъ, которая писала ко мнѣ часто безъ нужды, не отвѣчаетъ по мѣсяцу. Дѣла обстоятъ вотъ какъ: 1 е, паспортъ Сатиннмъ дали съ условіемъ не ѣздить въ Англію; 2, Nat. ѣдетъ на Лейпцигъ etc. около 15; 3, Мейзенбургъ должна пріѣхать сегодня или завтра.

Вопросъ, что выгоднѣе: ѣхать Татѣ теперь и возвратиться съ тобой къ 1 августа (т.-е. два мѣсяца съ половиной) или ѣхать съ Мейз. въ Isle of Wight, ждать тамъ Тат. Петр. и Мар. Александр. и въ сентябрѣ ѣхать къ Мар. Касп. мѣсяца на два,—безъ Мейз. не рѣшить.

А прогос Мэръ Александр.: она должна теперь быть въ Бернѣ; отыщи ее и скажи, что въ Бернѣ *poste rest.* ее ждетъ письмо и что книгу я въ Мюнхенъ послалъ, только русскую,—малороссійскій текстъ искаженъ. Кланяйся ей очень.

¹⁾ Григорій Петровичъ, извѣстный писатель.

Къ тебѣ будетъ на дняхъ Серно-Соловьевичъ ¹⁾, тотъ самый, который сдѣлалъ два года тому назадъ такой шумъ, подавъ госуд. письмо, въ которомъ объяснялъ ему, что дѣло освобожденія не идетъ.

Это — человекъ необыкновенно благородный и весь преданный дѣлу. Съ нимъ будетъ другъй левъ, — левъ допотопной флоры Борщовъ, который при ездѣ со дна Каспійскаго моря растенія, удивившія Парижскую академію; онъ — также превосходный юноша. ¹

Знакомство съ такими людьми, уже сверхъ всего остального, важно для тебя и опроверженіемъ того, что такое молодая Россія, *et comme un derivative* ²⁾, отталкивающей нѣмецкое вліяніе. Да и еще одну задачу ты тутъ увидишь: Борщовъ съ головы до ногъ натуралистъ, а сколько страсти къ общественному дѣлу.

Оба — чистѣйшіе представители хорошаго слоя въ Россіи.

Урихи проѣзжали, были у меня. Разумѣется, я ихъ адреса не знаю. Я послалъ тебѣ книгу Darwin'a «On Species». Говорить ни теперь, ни потомъ не стану; я тебѣ писалъ; зачѣмъ же эта слабость повторенія? Ты можешь быть увѣренъ, что до твоего рожденія, въ которомъ мы выпьемъ бокалъ за твое 25..., я дѣятельно ничего не сдѣлаю. У жены лицо злое, у сестры безобразное, у него военное. Покупать негровъ — тоже дѣло скверное, но, если они не имѣютъ больше, я могу отпустить $\frac{1}{2}$ грѣха.

Домъ для насъ временный я нашель, для Ог. и меня: тотъ самый въ углу, гдѣ мы съ тобой были — Alpha road, № 10.

Насчетъ правъ опекунскихъ и прочихъ дѣлъ, я думаю, всего лучше справиться въ разныхъ кодексахъ, если тебя это интересуеть, но отчего же это тебя интересуеть? Я не понимаю.

Затѣмъ прощай.

У Наташи голова болитъ.

Завтра *второе мая* ³⁾.

◆◆ 1. Борщовъ, дѣйствительно, былъ въ послѣдствіи выдающимся ботаникомъ и отличался высокою одаренностью. Онъ до того понравился Герцену, что послѣдній говорилъ, что «былъ бы счастливъ, если бы судьба послала его дочери такого мужа» (Огарева, «Воспоминанія», 200).

¹⁾ Николай Александровичъ.

²⁾ Отвлекающее.

³⁾ День смерти Н. А.—ны.

1382. Письмо къ сыну.

2 мая (1860).

День кончины мамыши.

У Таты опять болитъ голова. Надѣюсь, что и ты проведь этотъ день въ воспоминаніяхъ. Политика и Франція украли у меня даже и могилу...

Тат. Петр. напишу, какъ узнаю обстоятельно. А ты ей скажи, что «стыдно, моль, матушка, на старости давать слабодушные совѣты».

Развѣ я подчиняю мою дѣятельность какимъ бы то ни было видамъ? Алекс. II себя ведетъ скверно, отчего же мнѣ, единственному оппоненту его, не бранить его? На дняхъ мнѣ сказывали, что правительство думало мнѣ предложить какую-то чудовищную сумму, чтобъ не издавать «Кол.»,—и оно было такъ увѣрено, что опытъ не удастся, что ничего не дѣлало. Не на 48 году мѣняться да и раскаиваться, что я такъ шель, нѣтъ нужды, кажется.

Второй № «Кол.» для Мар. Алекс.

1383. Письмо къ сыну.

12 мая 1860.

Park House, Fulham.

Письмо твое получилъ. Одно обстоятельство я не понялъ, а потому прошу тебя разгадать загадку: что за отношеніе можетъ имѣть семейное счастье Тат. Петр. къ Маріи Алекс.? Мною сдѣланныя предположенія очень смѣшны. ¹ А что ты ее не нашель, это ничего не значитъ, и ты долженъ, все-таки, ее отыскать. Если есть одно религиозное чувство уваженія, идущее вслѣдъ за поклоненіемъ самоотверженной преданности, то это уваженіе къ благороднымъ талантамъ. Если ты ее чувствуешь, то скажи, что ея «Червонный король»—геніальная вещь. (Кстати, въ «Колоколѣ» ты увидишь мою статейку въ ея защиту ¹).

Я не писалъ, потому что до сегодня не было ничего рѣшено. Теперъ я издаю слѣдующій *ordre du jour* или *ordre de l'été* ²).

¹) № 1385.

²) Порядокъ дня или программу лѣта.

Тата поѣдетъ въ Дрезденъ съ Нат. Ал., вѣроятно, 20 мая. Ты приѣдешь въ Дрезденъ въ концѣ юля; 1 августа вы поѣдете вмѣстѣ въ Лондонъ или Вентноръ. Я съ Огар. съ 22 мая живу: 10, Alpha road, Regent's park.

Мейзенбургъ приѣхала. Она сдѣлалась совершенной француженкой, мечтаетъ о Парижѣ, буа де Булонь *e* или *c* отрѣ Лувръ¹⁾. Ольга будетъ у Швабе съ ней,—сначала въ Лондонѣ, потомъ въ Isle of Wight.² Теперь остается или свиданье или путь съ Тат. Петр.

Объ этомъ я къ ней сейчасъ напишу записку, а ты ее немедленно отошли.

Вчера явился ко мнѣ въ усахъ и бородѣ, полуплѣшивый господинъ, дебелый и солидный. Кто ты думаешь? Петръ Александровичъ²⁾—Петруша sic dictus³⁾. Разсказывалъ разныя разности о Егорѣ Ив., о «Химикѣ» etc.; онъ горитъ желаніемъ тебя видѣть. Отчего же, хорошо было бы Тату послать съ Урихами?—Большая потеря времени, большая помѣха тебѣ работать и что же бы она стала дѣлать до 1 августа? Съ кѣмъ поѣхала бы въ Дрезденъ?

Если Тат. Петр. останется въ Германіи мѣсяцемъ дольше, то она можетъ съ Наташей приѣхать сюда и съ тобой на вакаціи. Потомъ я придумаю, что дѣлать.

Прощай.

P.S. Узнай непременно, можно ли достать въ Бернѣ паспортъ для проѣзда одного русскаго въ Швейцарію черезъ Бельгію. Дѣло все въ томъ, что русское посольство ему не выдаетъ пасп.; ему кто-то сказаль, что въ Цвейц. легко получить. Отвѣчай поскорѣе.

◆◆ 1. Сынъ Пассекъ, Александръ Вадимовичъ, уже окончившій университетъ и готовившійся къ научной работѣ, горячо полюбилъ М. А. Марковичъ, отвѣчавшю ему также искреннюю и теплою любовью. Они прожили вмѣстѣ за границу съ 1860 г. нѣсколько лѣтъ.

2. Изъ послѣдующаго будетъ яснѣе, что обѣ дочери Герцена оставили (на время) домъ отца почти одновременно съ отъѣздомъ на нѣкоторое время и Н. А. Огаревой. Отсюда можно было бы заключить, что не ея присутствіе заставляло Герцена думать хоть о временномъ удаленіи дѣтей изъ д. ма. Но это было бы поверхностнымъ заключеніемъ. Не желая создавать лишнихъ дразгъ и осложнений, Герценъ устроилъ такъ, что онѣ уѣхали какъ бы по-

1) «О Булонскомъ лѣсѣ и или о другомъ Луврѣ». Названіе Лувръ носятъ въ Парижѣ картинная галлерей и охотно посѣщаемый дамами магазинъ.

2) Захаринъ.

3) Такъ называемый.

тому, что оставались однѣ, безъ нея, на самомъ же дѣлѣ это былъ только предлогъ: дѣвочки вернулись позже Огаревой и, такимъ образомъ, на нѣкоторое время были освобождены отъ совмѣстной жизни съ ней.

1384. Письмо къ Т. П. Пассекъ.

Татьянѣ Петровнѣ.

12 мая 1860.

Park House, Fulham.

Вотъ почему я давно не писалъ, почтеннѣйшая племянница и тетушка Татьяна Петровна. Я ничего не зналъ положительно до прїѣзда M-elle Meysenbug изъ Парижа. Наконецъ, она прїѣхала— и вотъ диспозиція кампаніи 1860 года. (Если вы имѣете возраженія, пишите какъ можно скорѣе). 1-е. Нат. Ал. и Тата ѣдутъ около 20 прямо въ Дрезденъ, не заѣзжая въ Женеву, которую вы 22 покидаете. А такъ какъ вы ѣдете тоже въ Германію, то, можетъ, и спишитесь какъ-нибудь. 2-ое. Она останется у Мар. Каспар. до конца іюля. Если вамъ все равно, прїѣзжайте мѣсяцемъ позже въ Isle of Wight; кстати, тамъ настоящее купанье начинается именно съ конца іюля. Тогда всего лучше вы возьмите Тату и Сашу съ собой, а я на островѣ все вамъ приготовлю.

Что вы проповѣдуете Сашѣ, что я слишкомъ браню Александра II? Да, вѣдь, вся силенка-то моя хилая на томъ основана, что я всегда говорю правду,—и вотъ вамъ анекдотъ. Алекс. разгорячился моей статьей о Панинѣ, прїунылъ, а потомъ все же сказалъ: «Колоколь—одинъ неподкупный голосъ».

Засимъ цѣлую ваши ручки заочно и прошу вашего благословенія навѣки нерушимаго.

А. Г.

Всѣмъ юнымъ друзьямъ поклонъ.

Отошли сейчасъ къ Тат. Петр. ¹⁾.

1384 bis. Письмо къ М. К. Рейхель.

12 мая 1860.

Park House, Fulham.

Не писалъ я къ вамъ давно не-безъ причины.—Дѣло въ томъ, что я ждалъ Meysenbug и безъ нея не могъ ни на что рѣшиться,

¹⁾ Замѣтка для сына.

а такъ какъ вчера не только она пріѣхала, но и Петръ Александровичъ (Петруша), то я тотчасъ и сообщаю вамъ высочайшее рѣшеніе по дѣлу дѣвицы Таты и соприкосновенныхъ къ ней лицъ.

Ольга остается у Meysenbug два мѣсяца въ Лондонѣ, *два* мѣсяца въ Isle of Wight и, быть можетъ, зиму въ Парижѣ.

Нат. Алекс. ѣдетъ 20 (Сатины давно уже получили паспортъ), Тата ѣдетъ съ ней. Забудьте, что вы 22 mai 1852 поѣхали съ ней же... *восемь лѣтъ*... въ Парижѣ. Стало быть, послѣ 25 она прямо пріѣдетъ къ вамъ (я могу ихъ задержать, если вы хотите, только пишите сейчасъ); она можетъ у васъ остаться до конца іюля; Саша или Тат. Петр. обязываются ее доставить къ 1 августа въ Дувръ или Isle of Wight,—объ этомъ спишемся.

Я и Огар., мы переѣзжаемъ послѣ 20 въ Сентъ-Джонсъ-Вудъ ¹⁾.

Вотъ нашъ адресъ: 10, Alpha road, *Regent's park*.

Вотъ вамъ вся программа на лѣто 1860 послѣ Р. Х.

Ну что вы? Какъ оправились? Что baby? (это не ваву порусски, а беби по-английски).

Петръ Алекс. съ бородой, полуплѣшивый, причесанный а Гемпрёръ, говорящій въ носъ à la Алексѣй Александровичъ ²⁾, напомнилъ бывшая времена...

Не слышали ли вы чего о Марко Вовчкѣ?... Пожалуйста, сплетничаемте; я ужасно люблю. А прогос, имѣли ли вы случай читать ея «Червоннаго короля»? Это гениально; хотите, пришлю? и „Наканунъ“ пришлю съ Татой. Пишите скорѣе отвѣтъ. Рейхелю буду писать инструкцію о Татѣ насчетъ картин. галлерей, учителей.

Кланяюсь дѣтямъ старшимъ и новобеби.

1385. „Библіотена“—дочь Сенковскаго.

Сенковскій такъ же принадлежитъ николаевскому времени, какъ шефъ корпуса жандармовъ, подслушивавшій Дубельтомъ, какъ Клейнмихель, исправлявшій высочайшія *пути сообщенія* ³⁾, какъ прихотливая «Пчела», находившая *даже* въ николаевскомъ царствованіи медъ, какъ комиссаріатъ, постоянно побѣдоносный надъ русской арміей, какъ камелеопардалъ безъ заднихъ ногъ—Панинъ, какъ Муравьевъ, *что въшаetz*, Мухановъ, *что на Висль*, и пр., и пр.

¹⁾ St. John's wood road.

²⁾ «Химикъ».

³⁾ Намекъ на роль его при Николаѣ I.

Положеніе Сенковскаго было поэтичнѣе и независимѣе этихъ государственныхъ кварталныхъ: онъ не былъ въ самомъ дѣлѣ на службѣ, а съ горя и по влеченію создалъ себѣ мѣсто въ родѣ императорскаго и *царскаго* Мефистофеля. Именно въ этомъ качествѣ онъ и затѣялъ журналъ, который было вредно читать, и—*Geist des Widerspruchs* ¹⁾—назвалъ его «Библиотекой для Чтенія». Основная программа его была проста: она была цѣликомъ взята изъ разговора Мефистофеля со студентомъ.

Николай умеръ.

Сенковскій умеръ.

Россія и «Библиотека для Чтенія» остались въ разстроенномъ состояніи, но живы.

Объ наслѣдникѣ Николая и объ Россіи мы довольно говорили, о «Библиотекѣ для Чтенія» и о мефистофелидахъ—очень мало. Это было вовсе не отъ невниманія, а оттого, что мы минуемъ говорить о русской литературѣ изъ разныхъ гигиеническихъ соображеній.

Великіе *элые духи*, точно такъ же, какъ великіе люди, рѣдко оставляютъ достойныхъ наслѣдниковъ. Сынъ Кромвеля, сынъ Богдана Хмѣльницкаго и «Библиотека», *урожденная* Сенковская, показываютъ, что это случается не только въ Великобританіи и Малороссіи, но и въ Петербургѣ.

Главное намѣреніе быть *элымъ духомъ* осталось у новой редакціи, но безъ остроты въ крови, а съ одной золотушной хилостью, съ дурными привычками эстетическаго жеманства, старонѣмецкаго бѣгства отъ общественныхъ вопросовъ, выражавшагося неприличной радостью при встрѣчѣ разсказа, гдѣ они обойдены, стиховъ, въ которыхъ бесплодно испаряется млѣніе души, чуждой суетѣ мірскихъ.

Хотя и досадно было, однако, мы молчали, предупредивши разъ, что это—*дѣло опасное* ²⁾.

Но на дняхъ мы прочли,—и то не въ «Библиотекѣ для Чтенія», а въ «Отечественныхъ Запискахъ» за декабрь, которыя, благодаря компаніи du goulage Adlerberg-Prjanischnikoff ³⁾, пришли въ Лондонъ въ половинѣ апрѣля.—отвѣтъ (слабый и бѣдный) на статью противъ Марка Вовчка, помѣщенную въ *ноябрьской* «Библиотекѣ для Чтенія», вовсе не приходившей.

По опилкамъ можно судить о достоинствѣ металла. Это—чистое желѣзо съ крестьянскихъ колодокъ... Halte là ⁴⁾, господа!

¹⁾ Духъ противорѣчія.

²⁾ «Колоколь», листъ 44—«Very dangerous!» А. И. Г.

³⁾ Транспортная контора Адлербергъ-Прянишниковъ.

⁴⁾ Остановитесь.

Есть предѣлы, далѣе которыхъ «Колоколь» не выдерживаетъ и долженъ треснуть или звонить. Мы не на откупѣ у Панина и Муравьева съ К^о, мы звонимъ не по чинамъ.

Задача Мефистофеля совѣмъ не въ томъ, чтобъ говорить безнравственныя вещи съ серьезнымъ доктринаризмомъ, да и принимать это *tout de bon* ¹⁾ за истину. Сбивающія съ сердца сентенціи и бездушныя остроты гётевскаго Мефистофеля не покрываютъ своимъ мерцаніемъ внутренняго сознанія ихъ пустоты и призрачности,—и *иное* возрѣніе просвѣчиваетъ во всей поэмѣ, примиряя съ преднамѣренными диссонансами.

Желчевая, закусившая удила, насмѣшка Сенковского была месть, была досада, отраженіе обстоятельствъ, отрицательное раскаяніе въ своей слабости, была маской, но никогда не была убѣжденіемъ; почительная дочь его, принимая за *вс самотв дѣлать* эту лихорадку мысли и словъ, начала проповѣдывать воздержаніе отъ сердца, дѣйствительное статское равнодушіе къ людскимъ дѣламъ и легкій эстетическій эпикуреизмъ. Это—уже не иронія, а доктрина.

Много смѣшного, нелѣпаго, уродливаго является въ нашемъ литературно-ученомъ мірѣ,—мы никогда не затрагиваемъ этихъ сторонъ.

Что за бѣда, если люди, не смѣвшіе громко сказать слово при трехъ свидѣтеляхъ, теперь рѣшаютъ публичными спорами ариѳметическіе и энтографическіе вопросы. Что за бѣда, если они даютъ обѣды со спичамъ какому-нибудь «знаменитому иностранцу», удивленному своею знаменитостью, о которой онъ не подозрѣвалъ. Что за бѣда если и онъ, оправившись, начинаетъ чувствовать свое величіе и, какъ графъ Нулинъ, радоваться, что у насъ «умы ужъ развиваться начинаютъ», и желать, чтобъ мы просвѣтились, наконецъ. Да и въ томъ нѣтъ бѣды, если на показъ передъ «знаменитымъ путешественникомъ» двое или трое учениковъ выйдутъ на диспутъ, и одинъ, какъ Утѣшительный, говорить, что человѣкъ весь принадлежитъ обществу, а другой, какъ практической Швахневъ, увѣряетъ, что человѣкъ принадлежитъ обществу, но не весь.

Все это смѣшно, но все же лучше публично рѣшать ученые вопросы и дѣлать знаменитыхъ людей *для обѣдъ»,* чѣмъ бояться произнести слово при постороннихъ и дѣлать обѣды для «ихъ высокопревосходительства, глубоко уважаемаго и сердечно чтимаго начальника, начальника и отца».

¹⁾ Совершенно искренно.

Но когда редакція журнала беретъ перо для того, чтобъ въ торжественную минуту государственнаго покаянія, въ минуту борьбы между отстаиваніемъ неправаго стяжанія и отреченіемъ отъ застарѣлаго преступленія, своими софизмами ослабить тотъ ужасъ, который овладѣваетъ нами по той мѣрѣ, по которой мы вглядываемся въ домашнюю контору, въ застѣнокъ передней и сераль дѣвичьей, когда она разглагольствуетъ для того, чтобъ прикрыть изсѣченныя спины изнасилованныхъ женщинъ высокомѣрной улыбкой, отводя глаза нищихъ умомъ къ другой сторонѣ вопроса,—тогда мы зовемъ ее на лобное мѣсто!

Извольте видѣть,—слабые нервы петербургскіе не выносятъ такихъ ужасей, такихъ отвратительныхъ картинъ... Да, вѣдь, и распятіе, когда на него смотрѣть безъ вѣры и безъ любви,—возмутительная картина, и этотъ мясникъ Рубенсъ, и этотъ палачъ Рембрандтъ чему обрадовались, представляя всякихъ смердящихъ Лазарей да карачащихся въ агоніи разбойниковъ на крестѣ?... Имъ бы нарисовать всѣ части Гиббоновой книги о паденіи Рима, тогда было бы понятно, что и римлянинъ могъ иной разъ повѣсить невиннаго, но что это—рѣдкій исключительный случай, не сообразный съ «благодушіемъ» римскихъ начальниковъ когорты и департаментовъ!

...Пожалуй, можно указать на Гуда ¹⁾, подслушивавшаго, не «выходя изъ кабинета», страшное рыданіе бѣдной needle woman ²⁾, вмѣсто того, чтобъ положить на куплеты теорію уничтоженія пауперизма, или на Диккенса съ его Оливеромъ Твистомъ и героями, сорвавшимися съ висѣлицы, о которыхъ онъ рассказываетъ подробности shocking... И что тутъ рассказывать,—стоитъ «усилить» полицію, а главное, веревки и палачей,—ихъ какъ рукой сниметь... Но, вѣдь, и Гудъ и Диккенсъ для своихъ героевъ не унижались до русскихъ «псарей» и «крѣпостныхъ нимфъ», отдаваемыхъ насильно замужъ, а брали, хоть и плебеевъ, но все англійскихъ.

Для полной бережи нервъ, редакція успокаиваетъ насъ и себя тѣмъ, что въ повѣстяхъ «писаекъ» противъ помѣщичьяго права все преувеличено, что жестокости—рѣдкость, что наши помѣщики, точно великаны, готовы своихъ мужиковъ кормить грудью!

Такъ-съ!

Да развѣ «Библиотека» не читаетъ «Колокола»? Листа, вѣдь, нѣтъ, гдѣ бы не было какой-нибудь каннибальской исторіи: или

¹⁾ Томасъ, извѣстный англ. поэтъ и юмористъ, авторъ «Пѣсни о рашкѣ».

²⁾ Швей.

Гутцейта, насилующаго дѣтей, или усмиренія въ родѣ Эльстона-Сумарокова? Генераль Кандыба, штабсъ-капитанша Баранова, помѣщица Клопотовская и сотни другихъ, это—не миѡы. «Но много ли они засѣкли въ сравненіи со всѣми рождающимися въ Россіи?» Это правда, и зачѣмъ это вся Европа хлопотала, когда папа укралъ мальчика Мортару ¹⁾? Вѣдь, не всякій же день св. отецъ крадетъ по нѣскольку дѣтей.

Насъ вотъ что удивляетъ,—когда эти рассказанные стоны нашихъ крестьянъ и дворовыхъ успѣли до того раздражить опустившіеся нервы «Библіотеки», что она называетъ «мерзостно-отвратительными картинками», какъ будто это извѣстныя ободрительныя изображенія, тоже сильно дѣйствующія на нервы?.. Помилуйте, пять лѣтъ тому назадъ людей ссылали въ Сибирь, если они не раздѣляли мнѣнія «Библіотеки» о благодушіи помѣщиковъ.

«Мнѣ тебя-то, матушка, стало жаль, — говоритъ Недоросль, что ты очень устанешь (колотивши отца)».

Въ самомъ дѣлѣ, что вы такъ растопались, барыню обезпокоите, барыня антологию въ книжкѣ изволите читать.

...Итакъ, горемычные, пропадите безъ вѣсти. За ваши предсмертныя муки на конюшнѣ, за ваши слезы дѣвичьи, слезы матери о поруганномъ ребенкѣ, за ваши мученическія существованія отъ колыбели до могилы васъ ждетъ свирѣпое забвеніе. Вопль вашъ исключится изъ пѣсни, изнуренный образъ вашъ вытолкаютъ вшаеи изъ сказки. Кто поминаетъ о прошлогодней травѣ, о разоренномъ муравейникѣ?

...Жизнь ваша, заѣденная хищнымъ помѣщичествомъ, не отзовется ни угрызениемъ совѣсти, ни примиряющей слезой; даже въ книгѣ, въ этой общей родительской субботѣ всего схороненнаго, не помянется она. Отъ вашихъ грусть наводящихъ тѣней отвернется пѣсоконосный потомокъ вашихъ господъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что за бѣда, что такого-то «псаря» отодрали, а такую-то «дѣвчонку» выдали замужъ поневолѣ? Изъ-за этого, если-бъ освобождать крестьянъ, «игра не стоила бы свѣчъ». Дѣло не въ томъ, а въ глубокихъ экономическихъ соображеніяхъ ²⁾.

¹⁾ Въ срединѣ XIX ст. очень нашумѣло насильственное крещеніе этого еврейскаго мальчика.

²⁾ Само собою разумѣется, что мы согласны въ мнѣніи о нелѣпомъ экономическомъ устройствѣ оброка, но какъ же это выходитъ, что знаменитая школа «l'art pour l'art» ³⁾ переходитъ въ «comptabilité en partie double pour l'art ⁴⁾»?.. А. И. Г.

³⁾ Искусство для искусства.

⁴⁾ Двойная бухгалтерія для искусства.

Но этого не будетъ!

И лучшее доказательство, что не будетъ, это—появленіе такихъ изящныхъ въ своей сельской свѣжести разсказовъ, какъ тѣ, которые навели «Библиотеку» на ея безобразную выходку.

Разсказы эти, попавшіеся намъ въ руки съ другими книгами, вовсе намъ неизвѣстными, остановили насъ именемъ переводчика. Прочитавши, мы поняли, почему величайшій современный русскій художникъ И. Тургеневъ перевелъ ихъ.

Въ петербургскихъ болотахъ, въ московской пыли не растутъ такіе дубравные цвѣты; тутъ все чисто и здорово, неистощенная земля, непочатое сердце; тутъ вѣетъ полемъ послѣ весенняго дождя, вѣетъ и проклятьемъ русскаго поля—господскимъ домомъ; шумъ листьевъ, лепетъ, жужжаніе не заглушаютъ ни плачъ «дѣвчонки», оторванной на вѣки-вѣковъ грубымъ насиліемъ у матери, ни вопль «псаря», стегаемого zu unesthätisch ¹⁾... Украинецъ-разсказчикъ не брезгливъ,—вѣдь, и природа не брезглива,—онъ не прячетъ своего кровнаго родства съ «дѣвчонкой» и не стыдится, что слезы его льются на грязный посконный холстъ, а не на мягкое «пате» (непремѣнно Гамбсовой ²⁾ работы).

А сказать вамъ, отчего онъ не стыдится? Оттого, что въ этихъ дѣвчонкахъ, въ этихъ псаряхъ онъ почуялъ именно сердцемъ, которое вытравливаютъ столичные доктринеры, заморенную силу, близкую, понятную, кровную намъ. Оттого-то и слезы его не наполняютъ душу однимъ безвыходнымъ, поѣдающимъ горемъ, а дрожать, какъ утренняя роса на сломанныхъ и истоптанныхъ цвѣтахъ; ихъ не воскресятъ онѣ, но другимъ возвѣщаютъ зарю!

◆◆ 1. Намекъ очень ядовитый, но теперь мало кому понятный. Современники той эпохи знали, что Клейнмихель держался крѣпко на своемъ мѣстѣ именно потому, что вмѣстѣ съ своей женой являлся ширмой всѣхъ послѣдствій амурныхъ походовъ Николая I. Когда какой-нибудь фавориткѣ царя предстояло родить, одновременно съ нею «полнѣла» и жена Клейнмихеля, съ тою лишь разницею, что насколько фаворитка скрывала свою беременность, настолько Клейнмихель афишировала свою. Во время родовъ фаворитки, Клейнмихель укладывалась въ свою постель и ждала, когда ей привезутъ ребенка.. За такое прикрытіе царскихъ шалостей Николай дарилъ Клейнмихелямъ всегда очень крупныя суммы, дѣти же фаворитокъ носили фамилію, потомъ увѣнчанную графскимъ гербомъ...

¹⁾ Слишкомъ не эстетично.

²⁾ Гамбсъ—модный петербургскій столяръ.

1386. Новости изъ Россіи.

Начнемъ со слѣдующей, пріятно успокаивающей вѣсти, помѣщенной въ 74 № «Спб. Вѣдомостей» подъ рубрикой «Россія»:

«Въ четвергъ, 31 марта, въ малой церкви Зимняго дворца сподобились пріобщиться Св. Христовыхъ тайнъ: Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ, Государыня Императрица Марія Александровна, Ихъ Императорскія Высочества: Великіе Князья Алексій и Сергій Александровичи, Великая Княжна Марія Александровна и Великіе Князья: Константинъ Николаевичъ, Николай и Константинъ Константиновичи, Николай Николаевичъ «младшій», Великія Княгини Александра Іосифовна и Александра Петровна и Великія Княжны Ольга и Вѣра Константиновны».

Затѣмъ сообщимъ читателямъ, что исполненіе священныхъ обязанностей не имѣло никакого вліянія на теченіе дѣлъ, а только, собственно, на русскій языкъ, который принялъ церковно-мистическій оттѣнокъ. Мы читаемъ въ той же газетѣ:

«На докладѣ св. синода о трехъ избранныхъ кандидатахъ на вакансію викарія санктпетербургской епархіи епископа ревельскаго, въ числѣ которыхъ первымъ назначенъ былъ ректоръ санктпетербургской духовной семинаріи архимандритъ Леонтій, съ тѣмъ, чтобы нареченіе и посвященіе удостоенному епископскаго сана произвести въ Санктпетербургѣ, 5 марта собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: *«быть первому, а во прочемъ быть по сему»*».

Вы поняли? Мы рѣшительно ничего!

Но если царскій языкъ не ясенъ въ такомъ смутномъ государственно-церковномъ дѣлѣ, то царская воля на подавленіе *языка вообще* несомнѣнна и ясна, какъ день. Устряловъ напугалъ царевичемъ Алексѣемъ. Пожалуй, эдакъ и богъ знаетъ, что расскажутъ о всѣхъ псевдо-Романовыхъ. А посему цензура получила строжайшее приказаніе ничего не пропускать о лицахъ, принадлежавшихъ къ царской фамиліи и жившихъ *послѣ* Петра, кромѣ, разумѣется, о ихъ высочайшей добродѣтели и августѣйшемъ милосердіи; напр., говоря о Петрѣ III, надобно непременно упомянуть о его умѣ; говоря объ Екатеринѣ II—удивляться ея цѣломудренности; говоря о Павлѣ—съ восторгомъ отозваться о его сходствѣ съ Аполлономъ Бельведерскимъ; говоря о Николаѣ—упрекнуть его въ мягкой кротости и излишней любви къ наукѣ, которую онъ неумытно пе-

ресаживалъ тридцать лѣтъ въ дальнѣйшія провинціи Сибири, и пр. Обобщая эту систему предупрежденія и пресѣченія гласности, Горчаковъ испросилъ высочайшее разрѣшеніе распространить вуаль, дарованную послѣ-петровскимъ Романовымъ, на: а) Людовика-Наполеона, б) австрійскаго императора...

Въ Москвѣ Щербининъ (сенаторъ по департаменту Кирилла и Меодія, втѣснявшій католикамъ православіе, «Кол.» л. 63) съ своимъ зятемъ, съ «Прибылью»¹⁾ и съ успѣхомъ занимается отрѣзываніемъ и урѣзваніемъ языка и не только съ Прибылью, но съ Росковшенкомъ и Безсомыкинымъ (что за имена? какъ это въ цензурѣ ихъ пропустили?).¹

◆◆ 1. Въ Москвѣ въ это время была организована нелегальная литографія, ближайшее участіе въ которой принимали студенты университета: П. Аргиропуло, П. Г. Заичневскій, І. Сороко, Я. Сулинъ, Кистеръ, Петровскій, И. И. Гольцъ-Миллеръ и др.; они были выданы Всеволодомъ Костомаровымъ, и на этой почвѣ въ серединѣ 1861 г. создалось дѣло, кончившееся, разумѣется, тюрьмою и ссылкой. Интересующихся отсылаю къ сборнику «О минувшемъ», СПб., 1909 г., къ своимъ книгамъ: «Политическіе процессы etc.» и «Очерки общественнаго движенія шестидесятыхъ годовъ» и къ V т. «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ». Здѣсь упомяну только, что въ этой литографіи печатались, между прочимъ, многія сочиненія Герцена, особенно же главы «Былого и думъ» и «Съ того берега», а также и № 71 «Колокола». Организаторы литографіи имѣли въ виду цѣль пропаганды, а продавая по недорогой цѣнѣ свои изданія, создавали и небольшой издательскій фондъ. О законченныхъ и выпущенныхъ въ свѣтъ изданіяхъ указано въ библиографическомъ комментарий.

1387. Переходное состояніе.

Каждая эпоха имѣетъ свое помѣшательство, каждая страна— свое; русское помѣшательство на сію минуту— *переходное состояніе*. Переходнымъ состояніемъ плантаторы и бюрократы отдалили освобожденіе крестьянъ, переходнымъ состояніемъ начинается робко, едва замѣтно уничтоженіе розогъ, палокъ, плетей. Однодворцевъ не будутъ больше съчь; разумѣется, это очень хорошо, но отчего же

¹⁾ Цензоръ Прибыль.

однихъ дворцовъ исключили?... Такъ это никого и не сѣчь? Какъ можно,—надобно *переходное состояніе*,—за дворцами не позволять сѣчь кучеровъ, потомъ поваровъ и т. д. Методъ всего важнѣе! Тѣмъ не менѣе это благое начало... Скажите, въ прочность чего вѣрить смертному, *когда даже будущность розогъ въ Россіи сомнительна?

1388. Тайный совѣтникъ въ квадратѣ.

Служащій въ *тайной* полиціи и извѣстный читателямъ «Колокола», какъ ученый путешественникъ—Гедерштернъ, пожалованъ въ *тайные* совѣтники съ оставленіемъ при *тайной* полиціи... Хранить бы это все въ *тайно*,—зачѣмъ намъ знать, какъ правительство любезничаетъ съ тимашевскимъ застѣнкомъ.

1389. Аѳонскій архимандритъ, Рамботи и іеродіаконъ.

Мы получили возраженіе на письмо г. Рамботи, подписанное іеродіакономъ аѳонской посольской церкви Агапіемъ, о которомъ мы уже упоминали.

О самомъ дѣлѣ мы рѣшительно отказываемся что бы то ни было печатать. Но подробности озеровскаго суда въ Элладѣ очень замѣчательны. По *одному подозрѣнію*, что іеродіаконъ сообщилъ въ «Колоколъ» вѣсть объ архимандритѣ, основанному на ихъ враждѣ, Озеровъ предписываетъ ему (30 января) [отправиться съ отходящимъ 2 февраля русскимъ пароходомъ «Русалка» въ Константинополь и тамъ явиться къ князю Лобанову-Ростовскому ¹⁾].

Іеродіаконъ поѣхалъ. Лобановъ-Ростовскій объявилъ ему, что «онъ съ первымъ пароходомъ отправить его въ Одессу къ графу Строганову для передачи его въ духовное вѣдомство».

—Іеродіаконъ, чувствуя, что «вреденъ сѣверъ для него», сталъ проситься на всегдешнее жительство на Аѳонскую гору. Лобановъ-Ростовскій отказалъ ему.

Что ему было дѣлать? Ъхать подъ страшный, неумолимый судъ монашескій было нелѣпо; «броситься въ Босфоръ, говоритъ онъ самъ, было лучше». Отецъ-іеродіаконъ Агапій избралъ благую часть: онъ исполнилъ волю Озерова и Лобанова-Ростовскаго, и *стѣлъ* на пароходъ, но, исполняя свою собственную,—на тотъ, который его здраво и невреждо доставилъ въ Лондонъ ²⁾.

¹⁾ Предписаніе, подписанное Озеровымъ, вмѣстѣ съ другими документами *о выдѣлѣ лицъ*, которымъ раздають въ Аѳонахъ деньги, собираемыя для раздачи бѣднымъ, приложены въ подлинникъ къ письму. А. И. Г.

²⁾ Андрей Гончаренко поступилъ вскорѣ наборщикомъ въ типографію Чернецкаго; отзывъ о немъ Кельсиева будетъ приведенъ дальше.

1390. (Revue Прудона).

Прудонъ издаетъ вновь свою книгу «О справедливости въ революціи и церкви» ¹⁾, ливрезонами. Къ каждому ливрезону прибавляетъ онъ главу «Опыта популярной философіи». Обращаемъ вниманіе почитателей великаго діалектика социализма на его новый трудъ. Вотъ заглавіе: «Essais d'une philosophie populaire... De la justice», par P.-J. Proudhon. Bruxelles, office de publicité, Montagne de la Cour, 39 ²⁾.

◆◆ 1. Какъ разъ въ это время въ Петербургѣ вышла брошюра П. Л. Лаврова «Очерки вопросовъ практической философіи. Личность», посвященная «А. Г. и П. П.», т.-е. Герцену и Прудону.

1391. Введеніе.

Прощайте, Александръ Николаевичъ,
счастливаго пути! Bon voyage!.. намъ сюда
Колоколъ, 15 апрѣля 1860.

Случайно предпринятое изданіе политическихъ статей нашихъ, разбросанныхъ въ «Полярной Звѣздѣ» и «Колоколѣ» за послѣднее *пятилѣтіе*, получаетъ особенный смыслъ по угрюмымъ событіямъ, при которыхъ является нашъ сборникъ. Обстоятельства дѣлаютъ изъ него пограничный столбъ. Мы опять входимъ въ какую-то новую область хаоса и сумерокъ и снова должны переменить нашу одежду и нашъ языкъ именно потому, что мы неизмѣнно остаемся вѣрными своимъ убѣжденіямъ. Извѣстная глубина необходима для плаванія, и выборъ фарватера зависитъ не отъ насъ, а отъ потока; мы пойдемъ по всѣмъ его изгибамъ, лишь бы идти впередъ къ нашей цѣли и не стать на мель, воображая, что движемся. *Пять лѣтъ* тому назадъ мы въ первый разъ, послѣ семи страшныхъ годовъ, проведенныхъ въ похоронахъ лицъ, народовъ, надъ ждъ, вѣрованій, взглянули нѣсколько свѣтлѣе на будущее. вздохнули, какъ выздоравливающіе послѣ тяжелаго недуга.

¹⁾ «De la justice dans la révolution et dans l'église».

²⁾ «Этюды или очерки популярной философіи. О справедливости» П.-Ж. Прудона, Брюссель, Бюро объявленій, Montagne de la Cour, 39. ¹

Невѣрная полоса блѣднаго свѣта занялась на русскомъ небосклонѣ. Мы ее предчувствовали, предсказывали середь темной ночи, но не ждали ее такъ скоро; на ней-то сосредоточили мы всѣ наши остальные упованія и осколки всѣхъ надеждъ. Западу мы были уже настолько чужды, что его судьба не составляла больше для насъ жизненнаго вопроса. Съ глубокимъ интересомъ, съ сочувствующей печалью слѣдили мы за мрачно развивавшейся трагедіей его, но, укрѣпленные свѣданнымъ, благословляя великое прошедшее, собирались, какъ Фортинбрасъ послѣ повѣсти Горацио, продолжать свой путь.

На немъ мы не далеко ушли,—насъ остановило какое-то болото безъ конца, котораго мы не ждали и которое грозитъ безъ шума и грома, неказисто утянуть мало-по-малу послѣднія силы толпой, скучной грязью, размягчая отчаяніе надеждами и разводя ненависть сожалѣніемъ.

Неужели мы опять ошиблись? Можетъ, но только не въ самомъ *дѣлѣ*,—*оно пойдетъ*; мы снова ошиблись *во времени*, обрадованные блѣднымъ разсвѣтомъ; мы не ввели тѣхъ стихійныхъ, темныхъ, непреодолимыхъ тумановъ, надъ которыми свѣтъ не имѣетъ власти или долженъ бороться съ ними цѣлыя поколѣнія.

Роковая сила современной реакціи въ Россіи, реакціи *безсмысленной, ненужной*, оттого такъ трудно сокрушима, что опирается на двухъ твердыняхъ гранитной крѣпости: на *тупоуміи правительства* и на *неразвитости народа*.

Тупость пониманія—власть, сила, величайшая иронія надъ разумомъ и логикой. Неразвитіе не такъ упрямо, но оно уступаетъ только одному времени, долговому времени. Это-то насъ и повергаетъ въ отчаяніе: мы скорѣе готовы поступиться всѣмъ—достояніемъ, свободой, чѣмъ временемъ. «Time is money»¹⁾, говорятъ англичане; какъ можно!—гораздо дороже, гораздо больше: *время—мы!*

Но какъ бы ни была естественна досада, снѣдающая человека, когда онъ видитъ, что «счастье было такъ возможно, такъ близко»²⁾ и ускользаетъ отъ неловкости пальцевъ; какъ ни естествененъ тотъ ужасъ, овладѣвающий нами, когда мы кричимъ путнику, не замѣчающему пропасти подъ ногами, и чувствуемъ, что голосъ нашъ не достигаетъ,—все же надобно смириться передъ истиной и, вмѣсто упорства и траты силъ въ отстаиваніи своихъ путей, занесенныхъ реакціей, итти той тропинкой, по которой можно дойти. Въ этой измѣняемости, при постоянномъ стремленіи,

1) Время—деньги.

2) «Колоколь», листы 68 и 69. А. И. Г.

состоить все творчество природы, все богатое многообразіе ея формъ при единствѣ и простотѣ началъ и цѣлей.

Надобно найтись въ новомъ положеніи. Правда, что мы выходимъ бѣднѣе изъ пятилѣтія *добрыхъ надеждъ*, но зато и грузу съ нами меньше на болотистый путь.

Мы думали, что самодержавіе можетъ еще въ Россіи совершить подвигъ *освобожденія крестьянъ съ землю*. Такого рода спутанные узлы, около которыхъ накопѣла старая неправда, гдѣ интересы перекрещиваются съ справедливостью, и нравственныя понятія расходятся съ положительнымъ законодательствомъ, громовой ударъ рѣшаетъ часто лучше всѣхъ контроверзъ и словопреній. Такъ мы и думали. Что же вышло? Самодержавіе, никогда не задумывавшееся ни надъ чѣмъ, проливавшее кровь и слезы съ бездушіемъ локомотива, встрѣчающаго препятствія, застѣнчиво остановилось, произнеся слова *освобожденіе съ землю*, и стало совѣтоваться съ генералами и бюрократами, съ молодыми учеными и «ветхими» невѣжествомъ стариками. Этого было мало,—оно созвало какихъ-то нотаблей и велѣло имъ *молчать* свой совѣтъ. Все это вмѣстѣ—невольное сознаніе, что у императорства нѣтъ больше вѣры въ свою нравственную силу, въ ту кровную связь съ народомъ, по которой правительство и революціонеръ чуютъ, что имѣютъ право *дерзнуть!*

Статья наша «1 января 1860» была послѣднимъ усиліемъ, которымъ мы *себѣ* еще доказывали возможность «улучшенія быта» императорскаго освобожденіемъ его отъ грубой и невѣжественной дворни, отъ тлетворной, мертвящей бюрократіи.

Но уже Александръ II, испуганный какими-то призраками, держался за безконечныя фалды Панина и говорилъ ему: «Ты меня не обманешь!»

Это—своего рода отреченіе.

Александръ II пустилъ пращу—и въ этомъ его историческое значеніе; куда она долетитъ—въ его власти, это даже независимо отъ того, обманетъ его Панинъ или нѣтъ. Не есть ли это царское колебаніе своего рода *vivos voco*? Не есть ли это колоколъ, напоминающій меньшинству совершеннолѣтнихъ, что пора свои дѣла дѣлать самимъ, что полно надѣяться всего отъ правительства? Оставимъ его при его административныхъ занятіяхъ и дипломатическихъ сплетняхъ. Отойдете отъ его плаць-параднаго мѣста и займемся своими дѣлами; пусть оно стоитъ, какъ невская пирамида, храминой, въ которой живетъ умершій.

Убѣдимтесь, что отъ правительства ждать нечего. Безъ Ахилловой пяты для разума, занятое храненіемъ стараго ритуала

и канцелярскихъ формъ, довольное пышнымъ облаченіемъ и матеріальной властью, оно будетъ иной разъ, подъ вліяніемъ современнаго тока идей, судорожно протягивать руку къ прогрессу, всякій разъ пугаясь на полдорогѣ... Все это можетъ продолжиться долго, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь посмѣлѣе заглянетъ подъ занавѣсъ и увидитъ не то, что императоръ умеръ, а что правительство приказало «долго жить народу»!

Кому не случалось видѣть старыя цитадели, мрачно стоящія цѣлыя вѣка? Съ тѣхъ поръ, какъ онѣ разсылали смерть врагамъ, новая жизнь обростила ихъ вѣнкомъ улицъ, садовъ, дворцовъ, раздаваясь шире и шире въ поле и примыкая тѣснѣе и тѣснѣе къ бойницамъ, съ своими ржавыми пушками, возлѣ которыхъ ходитъ въ дѣловомъ бездѣлѣ часовой, а внутри воровъи вьютъ гнѣзда. Смѣняются поколѣнія, и вдругъ всѣмъ представляется вопросъ: зачѣмъ эти стѣны, ни отъ кого не защищающія, зачѣмъ содержитъ гарнизонъ, о чемъ ходитъ рапортовать коменданту всякій вечеръ праздный шалунъ съ сѣдыми усами? Городу становится смѣшно,—и вѣковая крѣпость идетъ на мусоръ, а жизнь быстро покрываетъ рубецъ своими полипниками и ячейками.

Такой грозный кремль представляетъ наше правительство. Все взято въ реквизицію комендантомъ, все, какъ и слѣдуетъ въ осадномъ положеніи, *volens-nolens служитъ*. Россія представляетъ небывалое зрѣлище государства, въ которомъ все, признанное чело-вѣкомъ, состоитъ сплошь *изъ чиновниковъ*—военныхъ или гражданскихъ.

Литература, университеты и крестьянская изба одни не участвовали положительно въ утвержденіи и поддержаніи самодержавнаго канцелярскаго порядка, принятаго за цѣль государства. На подавленную избу не обращали вниманія, одни расколы гналь по временамъ экзекуторъ, какъ нарушеніе церковной *формы*. Литературу и университеты, дѣйствительно, ненавидѣлъ знатокъ своего дѣла—Николай.

Цѣлый народъ былъ подъ опекой, какъ какой-нибудь недоросль. Покойный опекунъ дошелъ до того Геркулесова столба, что частнымъ людямъ не позволялъ на свои *собственныя деньги* строить желѣзныя дороги!

За этимъ оставалось народу окончательно убѣдиться, что онъ—недоросль, сдѣлаться зоологическимъ видомъ и спокойно остановиться въ сосѣдствѣ съ хивинцами, бобрами, киргизами, лемурами. Но именно тутъ-то и оказывается, *идти* жизнь въ самомъ дѣлѣ. Рабъ, скованный по рукамъ и по ногамъ, прошнурованный и привязанный къ «дѣлу», безъ рѣчи, запутанный сѣтями бюро-

кратіи, отданный въ солдаты и высѣченный, вздрогнулъ отъ нашествія иноплеменнаго врага, натянулъ свои мышцы и на краю позора почувствовалъ свою силу и подозрительную крѣпость казенныхъ веревокъ,—какъ будто и эти заготавливаются въ комиссаріатѣ.

Вздрогнулъ и царь, открылъ и онъ глаза... Молчаніе степи, воровство возлѣ, воровство вдали, ни теплаго взгляда, ни целовѣческаго лица, ни преданности, все застегнутые воротники, все по формѣ сшитые и хорошо пригнанные мундиры, внизу стонъ, арміи гибнуть, раскаты пушекъ, зарево, корабли тонуть, кровь течеть... Деша изъ Евпаторіи вывалилась изъ рукъ, и онъ умеръ.

Россія дала *пять лѣтъ ожиданія* за нѣсколько добрыхъ словъ, за желаніе добра. И что же вышло? Такое же доказательство неспособности, несостоятельности въ добрѣ, какое оказалось за пять лѣтъ *въ злѣ!*

Что же слѣдуетъ изъ этого? Пора перестать играть въ гарнизоны. Оставимъ *правительство правительствовать* и будемте заниматься своимъ дѣломъ. Для этого пойдете въ отст вку,—хозяйство разстроено, дѣтей надобно воспитывать, дѣлать ихъ ручными изъ баричей.

Ослабимъ правительство нашимъ неучастіемъ. Дѣла и съ нимъ стоятъ, а *дѣлопроизводство* не остановится. У него и безъ насъ довольно помощниковъ,—оно развело во всѣхъ канцелярскихъ щеляхъ писарей, бюрократовъ-нѣмцевъ, бюрократовъ-доктринеровъ. Они для него возвели чиновничество въ науку, оно для нихъ низвело правительство на степень управы благочинія. Изъ благодарности они должны остаться съ правительствомъ, какъ мыши съ тонушимъ кораблемъ...

А мы будемте *сами собой!*

25 апрѣля 1860.

1392. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

15 мая 1860.
Park House.

Я буду душевно радъ видѣть васъ, почтеннѣйшій князь, насъ. Если Вамъ свободно въ среду отъ 4 до 6 или въ четвергъ отъ 3 до 5, я буду васъ ожидать. Около того же времени мы оба почти всегда дома. Если я позволяю себѣ такъ по-англійски назна-

чать время, то это потому, что къ 20 долженъ переѣзжать и отправляю дѣтей въ Германію, а это всегда сопряжено съ хлопотами.

Мы живемъ за Brompton, въ Фуламѣ, по дорогѣ къ путнейскому мосту. Домъ знаютъ всѣ.

Усердно кланяюсь и остаюсь съ истиннымъ почтеніемъ.

Ал. Герцень:

1393. Письмо къ И. С. Тургеневу.

18 мая 1860.

Park House, Fulham.

Ты сдѣлался Донъ-Жуаномъ, — тебя надобно искать въ Байронѣ. Здравствуй и здравствуй! Душевно радъ, что ты пріѣхалъ. Ты знаешь, вѣроятно, отъ Колбасина, что я вдругъ вообразилъ себѣ, что ты на меня сердисься, но онъ меня вразумилъ.

Твоя «Первая любовь» — восхитительная вещь; зачѣмъ она пала въ «Бард. ¹⁾ для Чтенія?»

Если тебѣ все равно, отложи на нѣсколько дней поѣздку: у насъ страшныя хлопоты. Нат. Алекс. и Тата ѣдутъ 22... 24... въ Германію, Ольга отправляется въ другое мѣсто; я съ Огар. переѣзжаю 25; вотъ новый адресъ: 10, Alpha road, Regent's park.

Анненкова здѣсь нѣтъ, я ему писалъ въ Берлинъ; зато здѣсь много Жеребцовъ (Н. А.) ²⁾ и довольно Долгоруковыхъ (emigrés) ³⁾... Голицыныхъ (refugiés) ⁴⁾...

Посылаю тебѣ «Колоколь», въ которомъ я обругалъ «Библ.» и осмѣлился сказать ein Wort ⁵⁾ о тебѣ. Отчего ты такъ мало пишешь?

Новостей у насъ много.

Ты помни, что до 25 мы въ Park House, да еще, что мы ѣдемъ на два дня въ Дувръ.

¹⁾ Въмѣсто Библіотека.

²⁾ Николай Арсеньевичъ, авторъ осмѣянной Добролюбовымъ «Histoire de la civilisation en Russie».

³⁾ Петръ Владиміровичъ.

⁴⁾ Юрій Николаевичъ.

⁵⁾ Одно слово.

А что же ты въ Парижѣ завелъ общество отчитыванія въ пользу литераторовъ ¹⁾? Я второй мѣсяцъ наслаждаюсь полемикой Лонгинова ²⁾ и Селиванова ³⁾. Ты читалъ ли? ⁴⁾

Прощайте, почтеннѣйшій Иванъ Сергѣевичъ.

Ал. Герценъ.

1394. Письмо къ сыну.

22 мая 1860.

Park House, Fulham.

Ты забылъ мнѣ написать, какого рода дѣла — торговля, ученая, литературная или политическая — тебя заставляютъ покидать Бернъ и ѣздить въ Женеву ⁵⁾. Сверхъ того, ты забылъ еще сказать и о томъ, что когда ѣдетъ Тат. Петр.

Въ концѣ юля, то-есть послѣ лекцій, — Наташа, если это будетъ легко сдѣлать, можетъ недѣли на двѣ пріѣхать въ Бернъ.

Все было готово, и наши путешественники собрались, было, совсѣмъ 24 отплывать въ Остенде, но 20 занемогла Лиза, въ первый разъ отроду, сильной простудой, и потому, вѣроятно, дня три останутся еще, а, можетъ, и до 28.

О развитіи, воспитаніи и веденіи Наташи слѣдуетъ мнѣ съ тобой много поговорить. У Ф. ⁶⁾ долго я ее не оставляю, потому что вовсе не хочу, чтобъ она обнѣмчилась, но, можетъ, и рѣшусь еще разъ послать ее зимой. Но обо всемъ слѣдуетъ переговорить много и очень.

Анненковъ пишетъ, что онъ будетъ въ Бернѣ и Женевѣ; если онъ въ Бернѣ, отдай ему слѣдующую страницу; если нѣтъ, то пошли, оторвавъ ее, и пошли тотчасъ.

¹⁾ Шутка — вмѣсто устройства въ (Спб. общества, члены котораго отчитывали бы изъ гоносара.

²⁾ Михаилъ Николаевичъ.

³⁾ Илья Васильевичъ.

⁴⁾ 27 января 1860 г. Селивановъ прочелъ въ Обществѣ Любителей Россійской Словесности «записку, въ которой предложилъ устроить литературное чтеніе въ пользу только что основаннаго «Литер. Фонда». Предложеніе было отклонено; Селивановъ апеллировалъ къ общественному мнѣнію въ «Моск. Вѣдомостяхъ», послѣ чего, по предложенію К. С. Аксакова, былъ исключенъ изъ общества. Вслѣдъ за тѣмъ поднялась полемика вслѣдствіе секретаремъ послѣдняго Лонгиновымъ.

⁵⁾ А. А. Герценъ ѣздилъ, чтобы повидаться съ ~~Ольгой Урядъ~~

⁶⁾ Фогты.

1395. Письмо къ И. С. Тургеневу.

24 мая (1860).

Park House, Fulham.

Отчаливая отъ береговъ Фулама, пишу отвѣтъ:

1-е. Paul Hahnepcorf¹⁾ не только не здѣсь, но и не будетъ скоро; по послѣднему письму, онъ ѣдетъ въ сѣверную Италию (тогда, какъ нужно ѣхать въ южную).

2-е. Зато Freiherr Miélgounoff²⁾ ѣдетъ въ Россію... устраивать дѣла Павлова.

3. У насъ только теперь и есть, что все князья-рефюжье. Князь Юр. Ник. Голицынъ съ басомъ, князь Петръ Владимір. Долгоруковъ—съ книгой. Говорятъ, что и князь Дмитрій Владиміровичъ³⁾ пріѣхалъ бы въ эмиграцію, да умеръ,—тоже главнокомандующій Кузцовъ.

4. Меня спрашивала о тебѣ Юмша⁴⁾,—ну, сестра жены «Русскаго Слова»⁵⁾; ея мужъ все показываетъ духовъ... а та, что тебѣ показывала и гдѣ?

Прощай. Очень радъ, что ты былъ доволенъ мной, но я и не то бы сказалъ, но «vous comprenez», какъ говоритъ мой поваръ, «la cause»⁶⁾?

Огаревъ кланяется.

Дамы ѣдутъ, кажется, въ понедѣльникъ. Въ слѣдующ. «Кол.» (т.-е. 15 июня) хочу угостить Краев. и «Петер. Вѣдом.».

Пиши: 10, Alpha road, Regent's park.

1396. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

24 мая (1860).

Park House.

Почтеннѣйшій князь Петръ Владиміровичъ, я рѣшительно не имѣю point d'arrui¹⁾: я двигаюсь, я на улицѣ, на скверѣ; у

¹⁾ Пѣтушья голова,—такъ называла П. В. Анненкова одна квартирная хозяйка за границей.

²⁾ Н. А. Мельгуновъ, въ шутку названъ барономъ.

³⁾ Голицынъ, московскій генералъ-губернаторъ.

⁴⁾ Жена Юма, извѣстнаго спирита.

⁵⁾ Григорій Александровичъ Кушелевъ-Безбогодко, въ 1857 г. женился на Л. И. Кроллъ (по первому браку—Пенхержевская, по второму—Голубцова).

⁶⁾ Правильно надо: vous comprenez la cause, т.-е. вы понимаете причину.

⁷⁾ Точка опоры.

Огар. занемогла маленькая,—это задержало отъѣздъ дома. А тутъ сдача дома,—вѣ Англии это дѣло колоссальное. По всему этому благодарю васъ за доброе намѣреніе посѣтить насъ; я попрошу позволенія сдѣлать обратное и навѣстить васъ.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь преданный Вамъ

А. Герценов.

1397. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

28 мая (1860).
10, Alpha road.

Наконецъ-то я въ бумагахъ нашель ваше письмо, почтеннѣйшій князь Петръ Владиміровичъ. вмѣстѣ съ симъ я посылаю статью какого-то поляка о вашей книгѣ.

Огаревъ и я, мы просимъ васъ отложить ваше доброе приглашеніе денька на два: мы только въ среду вечеромъ возвратимся изъ Дувра.

Мы не могли найти у насъ того № «Петерб. Вѣдом.» (кажется, 23 апрѣля), въ которомъ благодарность за излишнюю подать; позвольте попросить васъ прислать намъ его для перепечатанія ¹⁾).

Примите увѣреніе въ истинномъ почтеніи.

А. Герценов.

1398. Письмо къ Н. М. Сатину.

29 мая (1860).
10, Alpha road, Regent's park.

Какъ страшно давно, другъ Сатинъ, я къ тебѣ не писалъ *просто*, безъ парика и пудры, маски и т. д. Посылаю тебѣ новую книжку старыхъ статей («За пять лѣтъ»); перечитывая ее, ты вспомни нашу аудиторію... и 1830—34. Похожъ ли я самъ на себя? А, вѣдь, очень похожъ. И кое-что изъ тогдашнихъ мечтаній да сбылось же. Той мысли, которая насъ связала тогда, мы остались вѣрны, во имя ея мы-то сами остались вѣрны другъ другу.

Не знаю, какъ ты смотришь на мою дѣятельность и на мои статьи; какъ бы ты ни смотрѣлъ, твой взглядъ будетъ добръ и

¹⁾ См. № 1415.

чистъ, если ты не испортишь его оптическими инструментами московской работы... Они люди хорошіе, какъ близорукіе, но какъ долгорукіе никуда не годятся: ни въ философы «Моск. Вѣдом.», ни въ Сократы à la нашъ другъ. Съ перенесеніемъ всей жизни внутрь государства Москва — nonsens, а ея матадоры потеряли и sens commun.¹⁾

Какъ же бы увидѣться?... Посылаю тебѣ визитную карточку, чтобъ ты не удивился безобразію моей преклонной старости.

Жму руку Еленѣ Алексѣевнѣ, дѣтей обнимаю.

Посылаю тебѣ превосходнѣйшую книгу: «History of Civilisation in England» ²⁾. Прошу заняться ею, а когда воротишься, задай Щепкину ³⁾ мысль перевести и издать (хоть въ сокращеніи).

Еще разъ прощай.

1399. Письмо къ М. Мейзенбургу.

(29 мая 1860).

Brigadier, vous avez raison!.. C'est la seule chose—cara Malvida—que je puis vous dire. Votre lettre encore une fois—c'est votre photographie morale, j'en ai souri—mais d'amitié. Une seule, une petite correction. Ce n'est pas le scepticisme, le doute—que l'on cherche dans la jeune génération; c'est le *sérieux*, c'est la grande question ouverte, la démangeaison de la vérité. Cela donne l'unité morale—votre immortalité de l'âme. Sans cela point d'initiative, point de défini. Je vous le dis en parenthèse—car je suis de votre avis sur le fond. Votre idéalisme ou plutôt votre entraîabilité—consiste en cela—que vous appréciez très bien «die schönen Möglichkeiten»—et cela vous suffit, vous prenez les cotylédons pour les fruits.—Prouvez que ce n'est pas juste.—Vous avez un grand travail devant vous—fixez l'esprit d'Olga, sauvez-le de cette distraction chaotique, qu'elle soit positive—elle n'a pas besoin de scepticisme—mais de la pensée, de l'occupation réglementée et d'une conduite réglée. Die schönen Möglichkeiten sind vorhanden—aber ganz in der Potenz—et le malheur de chaque possibilité—c'est l'avortement.

Maintenant pour le faire (fixer l'esprit)—il ne faut pas commencer par le compliqué—mais par l'élémentaire, par le mécanisme mné-

¹⁾ Здравый смыслъ.

²⁾ «Исторія цивилизаціи Англіи» Бокля, очень популярная въ то время книга.

³⁾ Николай Михайловичъ.

monique.—Je pretends que rien n'est fait si vous ne parvenez à la faire—lire couramment et écrire humainement—cela doit être emporté, rompu—et après—la philosophie et l'esthétique. Si vous voulez me comprendre—vous saurez ce que je nomme «idéalisme» en vous et, peut être, de loin vous me donnerez raison. Encore un mot. Partant de la théorie der «schönen Möglichkeiten», vous pensez qu'il faut pour O. une éducation extraordinaire. J'ai pensé de même pour tous les enfants—il faut un temps. Soyez profondément persuadée qu'il n'y a rien de plus mauvais—que ce qui est «extraordinaire avec préméditation».

Pensate, pensate ben—Il vecchio seccatore de Londres—non è sempre assurdo.

Sur cela—je vous serre en vrai ami la main.—et les deux si vous le voulez.

A. Her.

Et la santé?

Переводъ.

«Бригадиръ, вы совершенно правы»!.. Это единственное, дорогая Мальвида, что я могу вамъ сказать. Еще разъ, ваше письмо, это — вашъ нравственный портретъ: читая его, я улыбнулся по-дружески. Позволяю себѣ лишь одну маленькую поправку. Не скептицизма, не сомнѣній ищешь у молодого поколѣнія, а *серьезности*, великихъ открытыхъ вопросовъ, зуда правды. Вотъ это даетъ нравственное единство, ваше бессмертіе души; безъ этого нѣтъ инициативы, нѣтъ ничего опредѣленнаго. Говорю это вамъ въ скобкахъ, потому что въ основномъ я съ вами согласенъ. Вашъ идеализмъ или, вѣрнѣе, ваша способность увлекаться, состоитъ въ томъ, что вы очень хорошо схватываете прекрасныя возможности, и этого для васъ достаточно: вы принимаете съмянодоли за плоды. Докажите, что это не вѣрно.

Передъ вами громадная задача—направьте по вѣрному пути умъ Ольги, спасите ее отъ хаотической разсѣянности, чтобы она была положительна; она нуждается не въ скептицизмѣ, а въ мышленіи, въ правильныхъ занятіяхъ и въ руководствѣ ея поведеніемъ. Прекрасныя возможности налицо, но лишь въ потенциальномъ состояніи, а несчастье всякой «возможности», это — возможность неудачи.

Теперь чтобы этого достигнуть (дать правильное направление уму), не слѣдуетъ отправляться отъ сложнаго, но начинать съ элементарнаго, съ механизма памяти. Я утверждаю, что не выйдетъ ровно ничего, если вамъ предварительно не удастся научить ее бѣгло читать и по-человѣчески писать,—это должно быть взято съ боя, вполнѣ продѣлано, а потомъ ужъ принимайтесь за философію

и за эстетику. Если захотите меня понять, вы догадаетесь, что я называю «идеализмомъ» въ васъ, и, быть можетъ, издалека согласитесь со мной. Еще слово. Исходя изъ теоріи «прекрасныхъ возможностей», вы думаете, что для Ольги нужно необыкновенное воспитаніе. Прежде я думалъ то же самое относительно всѣхъ дѣтей,—нужно время. Будьте глубоко увѣрены, что на свѣтѣ нѣтъ ничего хуже «заранѣе обдуманнаго необыкновеннаго».

Подумайте, хорошенько подумайте. Старый брюзга изъ Лондона не всегда неправъ.

За симъ, какъ истинный другъ, жму вашу руку—даже объ, если хотите.

А. Герц.

А здоровье какъ?

1401. Письмо мѣ сыну.

29 mai 1860.

10, Alpha road, Regeut's park.

Пора, любезный Саша, тебѣ имѣть полную и непоколебимую вѣру въ ту глубокую любовь мою къ вамъ, чтобы никогда не сомнѣваться, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда тебѣ что не ясно. Чего ты хочешь отъ меня? чтобы я говорилъ о томъ, что я радъ, что ты пошелъ встрѣчу и хочешь, какъ стукнетъ 25 лѣтъ, жениться, въ то время, какъ я думаю, что отъ 21 до 35—лучшая жизнь для дѣятельности? Какъ же я могу радоваться? Желать, чтобы все это принесло тебѣ много счастья и, главное, долгое счастье, я желаю отъ всей души. Это ли ты называешь благословіемъ? Неправедливо требовать, чтобы я смотрѣлъ твоими глазами или У., даже Фогтовъ. Но считай на мою любовь и дружбу, хотя и огорченную, что не все по-моему. Чему же ты дивишься, что я не такъ сентиментально говорю? Во-первыхъ, это не въ моей натурѣ; во-вторыхъ; вполне пренебрегая всякой аристократіей денегъ и пр., я не совсѣмъ такъ смотрю на иную аристократію и думаю, что въ Россіи и даже внѣ ея не многіе родители отказались бы выдать за тебя дочь.

Наконецъ, еще есть причина. Я вовсе не знаю Э. Она, по словамъ ея родителей и Т. Петр. даже,—дитя... Кланяюсь ей дружески, но вовсе безъ официальныхъ титуловъ «невѣсты». Ты мнѣ не вѣришь, какъ все это пропитано германизмомъ.

Одно я прошу тебя, одну жертву ты найдешь силу и любовь сдѣлать,—это громко и открыто сказать, что, покоряясь мнѣ, ты не женишься до 25 *лѣтъ*. Мнѣ это нужно для спокойствія, для того, чтобы я не боялся постоянно, что ты въ лѣтахъ мальчика бросишь вдругъ всю судьбу твою безвозвратно.

Мало радостей личныхъ у меня осталось. Сзади—гробъ. Воспитаніе трудно. Въ Татѣ бездна хорошаго, но меня морозомъ обдаеть, если и она черезъ годъ расположитъ собой. Для нея это еще важнѣе. Ищу женскаго вліянія... никого нѣтъ. Natalie не имѣетъ никакой способ., да я и въ Тат. Пет. сомнѣваюсь. Ольгу отдаю, не зная, что дѣлать; домъ Швабе — не чисто-нѣмецкій, а скорѣй англійскій.

Если бы не моя дѣятельность, не постоянное напряженное занятіе, состарѣлся бы я. Нѣтъ, другъ мой, непрочны всѣ блага, кромѣ того, которое въ насъ.

Such es nicht draussen,
Da sucht es der Thor,
Such in dir, du bringst es ewig hervor ¹⁾.

Почему же Тат. Пет. такъ строго судить (да и ты) Мар. Ал.? Это—слѣдствіе ранняго брака и неглубокаго изученія другъ друга. Т. Петр. видитъ въ этомъ «потерю времени и занятій».

Два дня бури задержали нашихъ. Завтра 1—30 мы ѣдемъ въ Дувръ, въ 11 часовъ г-да путешественники плывутъ въ Остенде. Затѣмъ прощай.

Черезъ мѣсяцъ къ тебѣ заѣдетъ князь Петръ Владим. Долгоруковъ, надѣлавшій шумъ своей книгой и выѣхавшій изъ Россіи.

Вотъ нынче какіе пошли рефюжье... Здѣсь теперь князь Юр. Никол. Голицынъ, уѣхавшій безъ паспорта, красавецъ, какъ Аполлонъ Бельвъ., музыкантъ, какъ я не знаю кто. Онъ разсори́лся съ правительствомъ за то, что былъ сосланъ за то, что писалъ ко мнѣ, и хочетъ давать публичный концертъ съ Маріо въ Ковенъ-Гардахъ въ пользу Гарибальди ²⁾.

1) Не ищи его во внѣ:
Тамъ его ищетъ глупецъ;
Ищи его въ себѣ:
Ты самъ—вѣчный творецъ его.

2) Съ 31 янв. 1852 по 5 янв. 1854 г. Голицынъ былъ губернскимъ предводителемъ тамбовскаго дворянства.

1402. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

31 мая (1860), четвергъ.
10, Alpha road.

Почтеннѣйшій князь Петръ Владиміровичъ, *сейчасъ* пріѣхали мы изъ Дувра и, получивъ вашу записку, спѣшимъ увѣдомить, что мы съ Огар. завтра, въ пятницу будемъ въ 7 часовъ лично благодарить за приглашеніе и за имена хорошихъ сборщиковъ.

Усердно кланяюсь вамъ,

А. Герценъ.

При семь отпр. «Колоколь».

Если слишкомъ поздно франкир., то велю бросить такъ, — вы извините.

1403. Письмо къ Н. А. Герценъ.

1 іюня (1860).
10, Alpha road. St. John's Wood.

Милая Тата, очень благодарю тебя за письмо изъ Брюсселя; мы его получили сегодня утромъ, въ девять часовъ. Пріѣхали мы въ Лондонъ изъ Дувра въ четвертомъ часу и нашли телеграмму отъ С. ¹⁾. Вы, можетъ, ужъ въ Дрезденѣ,—молодцы. А какова Лиза-то! Напиши мнѣ, выросла ли Марья Каспаровна и Рейхель?

Странно у насъ въ домѣ безъ васъ... Ну, да лишь бы вамъ было весело и хорошо и набрали бы новыхъ силъ прожить эту зиму въ скучной Англии, а тамъ увидимъ, что и какъ.

Марья Каспаровна, вы должны быть такъ заняты, что радуетесь тому, что я вамъ пишу о томъ, что ничего не пишу—будетъ больше потомъ.

Письмо отъ Ага отдай.

Цѣлю тебя много и много.

¹⁾ Н. М. Сатинъ.

1404. Мухановъ, что не на Вислѣ.

Невскій Фальстафъ не только рѣжетъ фазановъ, а и защищаетъ Альфонскаго ¹⁾ Въ журналѣ «Развлеченіе» помѣщена была статья подъ заглавіемъ «Галоповъ»,—а на дочери Альфонскаго, Аркадія, женатъ Хлоповъ ²⁾. Мухановъ за родню горой,—давай Драшусова, уничтожить Драшусова, стереть съ лица земли Драшусова. и пишетъ Мухановъ къ Щербинину о томъ, чтобы тотъ, призвавши Драшусова къ себѣ, *попросилъ бы* его самого подать просьбу объ отставкѣ. Письмо Муханова было *секретно*. Понятно, отчего — указать прямо на статью «Галоповъ» было нельзя, приведенныя же причины для отставки Драшусова такъ ничтожны и мизерны, что огласить ихъ было совѣстно.

Вотъ копія съ письма Муханова къ Щербинину ³⁾.

1405. [„С.-Петербургскія Вѣдомости“]

«С.-Петербургскія Вѣдомости» и на этотъ разъ приносятъ, хотя и не столь постыныя, но пріятныя и успокоительныя новости:

Съ Высочайшаю Государя Императора соизволенія имѣютъ быть въ нынѣшнемъ году народныя гулянія:

1-го мая и въ Троицынъ день—въ Екатерингофѣ.

Въ Духовъ день—въ Лѣтнемъ саду.

1, 22 и 27-го іюля и 26-го августа—на островахъ Елагиномъ и Каменномъ, съ сожженіемъ, 1 и 22-го чиселъ іюля, фейерверковъ.

30-го августа—въ Александровскомъ паркѣ.

1406. (Тимашевъ и Дубельтъ).

Что же Тимашева не дѣлаютъ графомъ? Поскорѣй бы... ему смертельно хочется, у него *бъшенство карьеры* открылось; дать ему графа—онъ года на два уймется и не будетъ изъ кожи лѣзть, открывая лужинскіе заговоры, и не будетъ съ озабоченнымъ видомъ говорить: «je tiens dans mes mains les fils d'une conspiration immense!» ⁴⁾. Дубельтъ обидится,—ну, его княземъ: свѣтлѣйшій Леонтій Васильевичъ князь Дубельтъ-Бенкендорфскій! Нѣтъ, не Бенкендорфскій,

¹⁾ Ректоръ московскаго университета, женатый на Е. А. Мухановой.

²⁾ Владиміръ, прежде редакторъ «Москов. Вѣдомостей».

Слѣдуетъ письмо съ изложеніемъ промаховъ цензора Драшусова.

⁴⁾ Я имѣю въ рукахъ нити огромнѣйшаго заговора.

а князь Дубельтъ-Филантропскій. Онъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года даже императрицу тронулъ своимъ попекательствомъ о какихъ-то бѣдныхъ дѣвушкахъ (зри «Москов. Вѣдом.»). Онъ и прежде былъ страшный филантропъ и тоже по части бѣдныхъ дѣвушекъ, воспитывавшихся въ театральной школѣ Гедеоновымъ и имъ...

1407. Письмо къ М. К. Рейхель.

3 июня (1860).

10, Alpha road, Regent's park.

Ну-съ, какъ-съ? Жду вашего описанія пріѣзда и прочаго. Какое впечатлѣніе сдѣлала Тата на васъ?—Подробно, откровенно.

Теперь обращаюсь къ вамъ за совѣтомъ; не требую его скоро, но требую хранить въ секретѣ (молчаливость вашу я даже воспѣлъ въ моихъ «запискахъ»). Въ августѣ мѣс. Тата возвратится, мѣсяца два прогуляетъ въ Isle of Wight, потомъ домой. Тутъ начинается рядъ заводовъ. Въ Лондонѣ оставаться невозможно. Общество, окружающее насъ здѣсь и растущее, никуда не годно для воспитанія дѣвушки въ 15 лѣтъ. Я, послѣ долгаго обдумыванія, рѣшился ѣхать въ одинъ изъ приморскихъ городовъ, всего скорѣе въ Брайтонъ (два часа отъ Лондона). Нат. Ал. воротится не скоро, да и послѣ рожденія Лизы ей трудно заниматься, и она устала. Мейзенбургъ имѣетъ хорошее, прочное мѣсто,—Ольга пока у нея поживетъ. Да, *entre nous soit dit* ¹⁾, при всемъ благородствѣ своемъ и хорошемъ направленіи она не много сдѣлаетъ для большой дѣвушки. Что же мнѣ дѣлать?

Я желалъ бы русскую образованную, и очень, даму. Посовѣтуйтесь, повыпросите, нѣтъ ли *rechts*, нѣтъ ли *links* ²⁾. Нѣтъ ли дѣвушки *exaltée* ³⁾, вдовы, которой все надоѣло и скучно, женщины, неутѣшно плачущей, что ея мужъ живъ, и пр., и пр. Словомъ, помогите совѣтомъ. Мнѣ важны не уроки, а общее веденіе, выправка внутри и снаружи.

Татѣ оторвите слѣдующій листокъ.

Сегодня вечеромъ идемъ чай пить къ кн. Юр. Голицыну. Онъ, я полагаю, здѣсь запутается и пойдетъ ко дну.

¹⁾ Между нами будь сказано.

²⁾ Нѣтъ ли справа, нѣтъ ли слѣва.

³⁾ Восторженной.

4 іюня.

Ваше письмо съ вопросами, разспросами, а мы С. телеграфировали 1 іюня. Теперь все это поздно, и вы, вѣроятно, давно вмѣстѣ. Тату поколотите за то, что она забыла «Червоннаго короля».

1408. Письмо къ Н. А. Герценъ.

3 іюня 1860.

Представь себѣ, милая Тата, что съ тѣхъ поръ, какъ мы проводили васъ на пароходъ, дождь не переставалъ; третьяго дня и вчера лиль, какъ изъ ведра, такъ что вездѣ течетъ сквозь крышу; при этомъ буря и холодно. У васъ, вѣроятно, не такъ скверно.

Вчера явился къ намъ одинъ изъ извѣстныхъ петербургскихъ актеровъ ¹⁾ и просилъ дозволенія завтра прочитать у насъ «Грозу» Островскаго; жаль, что тебя не будетъ.

4 іюня.

Получилъ второе твое письмо. Долгонько вы ѣдете, ну, да лишь бы хорошо пріѣхали. Вчера я былъ у Швабей. Ольга тоже очень часто поминаетъ о Лизѣ и видитъ ее во снѣ. Жду теперь подробное описаніе пріѣзда. Я съ самой поѣздки въ Дувръ простуженъ,—насморкъ и кашель.

Обнимаю тебя. Огаревъ много кланяется. Пиши Ольгѣ.

1409. Письмо къ сыну.

7 іюня 1860.

Alpha road, 10.

Любезный Саша, много и много придется мнѣ толковать прежде, чѣмъ ты вполнѣ оцѣнишь мои совѣты и мое желаніе. Слушай съ начала. Я очень ясно и очень хорошо понялъ, что личная жизнь моя окончилась бурями и ударами 1852 года. Ты

¹⁾ ?

помнишь, я тебѣ читалъ въ моихъ запискахъ ¹⁾, какъ много просила меня мамаша спасти васъ, брошенныхъ политическими обстоятельствами въ совершенно чужой міръ. Я далъ обѣтъ и сдержалъ его. Для меня остались въ мірѣ двѣ задачи: моя русская дѣятельность и ваше развитіе. Одна удалась вполнѣ, и работа, жертвы,—все вознаградилось успѣхомъ. Отъ вашего развитія я жду много; но тутъ я не умѣлъ сдѣлать то, что хотѣлъ. Изъ тебя вышелъ иностранецъ ²⁾...

Но это не все. У меня остается большая надежда на Тату,— послѣднія мечты, которыми я липну къ семьѣ, къ воспоминаніямъ. Думалъ ли ты, приглашая ее на нѣкоторое время, что ты можешь мнѣ разбить и это упованіе? Я бьюсь, какъ рыба объ ледъ, чтобы ввести элементъ серьезнаго образованія, чтобы не развивать въ ней преждевременной страстности. Твой примѣръ гибеленъ для нея. И ты, нисколько не думавши *ни обо мнѣ, ни объ ней*, хочешь, боясь обидѣть *susceptibilité* ³⁾ старушки и желая познакомить Тату, хочешь, чтобы она была свидѣтельницей дѣвочки тѣхъ же лѣтъ, помолвленной и собирающейся итти замужъ. Мнѣ становится до такой степени страшно, что я себя спрашиваю въ иную минуту: да исполнилъ ли я обѣтъ, данный у постели умирающей? Умри я,—черезъ мѣсяцъ и этотъ вѣнокъ весь распустится въ бѣдную огородную жизнь. Я видѣлъ у Наташи уже поползновенія, не нравившіяся мнѣ, а ты *de gaieté de coeur* ⁴⁾ хочешь ей дать *coup de grace* ⁵⁾. Ты не думалъ объ этомъ,—зачѣмъ не думалъ?

А потому насчетъ ея остается все попрежнему. Когда начнутся вакаціи, если она до тѣхъ поръ не пріѣдетъ съ Сатинымъ въ Швейцарію,—ты за ней поѣдешь, можешь провести отъ 10 дней до двухъ недѣль въ Бернѣ и ѣхать сюда къ 15 августа.

Письмо это я тебя искренно прошу прочесть десять разъ прежде отвѣта да и, вообще, положи его особо. Если ты не понимаешь его, мнѣ будетъ больно—оно покажетъ нашу даль. Отвѣтъ я посылаю, а лучше, если-бъ этого письма не было,—отвѣчать трудно.

Когда У. ⁶⁾ ѣдутъ въ Тринидадъ?

Портр. въ слѣд. письмѣ пришлю.

¹⁾ Въ V части «Былого и думъ».

²⁾ Опускаю нѣсколько строкъ по семейнымъ соображеніямъ.

³⁾ Чувствительность.

⁴⁾ По собственной охотѣ.

⁵⁾ Послѣдній ударъ, которымъ убиваютъ съ цѣлью сократить страданія.

⁶⁾ Урихи.

1410. Письмо къ Н. М. Сатину.

7 июня 1860.

Благодарю тебя за предложеніе, саго Сатинъ, но объ этомъ слѣдуетъ подумать. Отправляя Тату къ М. Кас. мѣсяца на полтора или до 1-го авг., я думалъ, что она тамъ займется музыкой и живописью; жизнь путешественника въ эти лѣта развиваетъ привычку къ праздности, а мнѣ хочется ее больше и больше втолкнуть въ артистическія занятія. Саша проситъ меня, чтобъ Тата провела у Фогтовъ въ Бернѣ дней десять въ началѣ вакацій, т.-е. послѣд. числа іюля и перв. августа. Въ Лондонѣ теперь у насъ Т. нечего дѣлать, къ осени я приготовлю, что нужно.

Когда ты собираешься? это похоже на сказку... Если-бъ Сазоновъ не покрылся всякаго рода жиромъ, то можно бы представить сцену изъ 1831 года, особенно, когда Тат. Петр. подѣдетъ. Сходить ликеру выпить къ Перу и колбасы поѣсть къ Матстону, обѣдать у Яра... 30 лѣтъ!

Ну что наши или эксъ-наши въ Москвѣ? Астракова смертельно жаль. Напиши что-нибудь о Кетчерѣ.

Прощай. Кланяйся своимъ и рекомендуй меня дѣтямъ.

1411. Письмо къ Н. А. Герценъ.

7 июня (1860).
10, Alpha road.

Милая Тата, твое письмо пришло 24 часа раньше письма отъ Natalie. Насъ очень потѣшило происшествіе Сатина съ Miss Turner ¹⁾—это надобно бы было нарисовать. ¹ Представь себѣ, что съ той минуты, какъ мы васъ проводили, и до этой, въ которую я пишу, идетъ дождь, иногда проливной, а иногда такъ, осенній. При этомъ такой холодъ, что я ходилъ въ зимнемъ пальто. У васъ, навѣрное, лучше.

Теперь я жду отъ тебя больше подробнаго письма и главное---отчетъ о посѣщеніи дрезд. гал.

¹⁾ Юганна Турнеръ.

Если можно, устрой поскорѣе, чтобъ брать уроки рисованія, и непремѣнно у одного изъ лучшихъ артистовъ.

А потомъ напиши, какъ Рейхель доволенъ янзовскими уроками. Займись съ нимъ хорошенько.

Надобно, чтобъ ты въ этотъ мѣсяцъ снова поработала, а то поѣздки да то, да се помѣшаютъ до осени.

У насъ тихо безъ васъ; Ольга вчера обѣдала у насъ и для нея было особое сладкое блюдо, — Тассинари ее считаетъ гостьей.

Что же ты мало пишешь о Мар. Касп. и о Сат.? Что Лиза, поминаетъ ли она дядю? Ольга до сихъ поръ бредитъ объ ней.

Прощай, другъ мой, помни, что мнѣ интересны всѣ подробности обь вашемъ житьѣ бытѣ. Перечитывай иногда письмо мое, которое я далъ тебѣ въ Лондонѣ. Если бы ты могла вполне знать, какъ сильно я желалъ бы видѣть, какъ твоя жизнь идетъ, шире и шире развиваясь, и какъ мнѣ это нужно. Впрочемъ, ты знаешь это, а потому — впередъ и впередъ!

Напиши мнѣ обо всѣхъ сатинскихъ дѣтяхъ, что они дѣлають, какъ учатся и пр.

А propos, что ты читаешь?

8. пятница.

Прощай, другъ мой, будь здорова, жду опять письмо. Сюда пріѣхала молоденькая нѣмочка, 16 лѣтъ, которая, вѣроятно, съ вами будетъ у моря; она ѣдетъ съ Мейзенб.; я ее еще не видалъ. Вотъ тебѣ и товарищъ.

Огар. велѣлъ, чтобъ ты сказала Nat., что № Кашперова ²¹/₆₅₀

Поцѣлуй за меня Лизу и скажи, что я ей пришлю Ольгу въ *портретъ*.

◆◆ 1. Н. А. Огарева поѣхала сначала въ Германію, чтобы по-видаться съ своей сестрой Е. А. Сатиной, которая съ мужемъ и дѣтьми должна была ожидать ее въ Дрезденѣ, подъ крыломъ М. К. Рейхель. Турнеръ ѣхалъ съ Огаревой, въ качествѣ будущей гувернантки дѣтей Сатиныхъ. Сатинъ былъ очень взволнованъ встречей съ Огаревой и, зная, что она ѣдетъ съ Н. А. Герценъ, принялъ Турнеръ за послѣднюю, горячо ее обнялъ и расцѣловалъ (Огарева, «Воспоминанія», 168).

1412. Письмо къ М. К. Рейхель.

7 іюня (1860).
10, Alpha road.

Вамъ самимъ.

Жду отъ васъ больше подробнаго письма. Пока напомню вамъ о немедленномъ началѣ уроковъ рисованія и притомъ у хорошаго мастера. Рейхеля тоже прошу снискать клавикордой.

Я очень желалъ бы вашего мнѣнія (откровеннаго) о Татѣ. Мнѣ смертельно хотѣлось бы ее развить въ русскую дѣвушку и притомъ съ серьезно артистическимъ направленіемъ (Огар. писалъ вамъ съ нею объ этомъ). Я Сашей вообще доволенъ, но онъ—швейцарецъ, и этого не поправишь. Хотѣлось бы иначе повести Тату и Ольгу, но силъ не хватаетъ да и способностей нѣтъ.

Вотъ въ этомъ-то вы и должны мнѣ помочь нравственнымъ вліяніемъ, развитіемъ въ Наташѣ больше и больше понятія не только своего положенія вообще, но и того важнаго значенія, которое она и дѣти имѣютъ въ моей жизни.

Саша очень проситъ ее отпустить въ Бернъ; недѣли на двѣ—я согласенъ, но не дольше. Тат. Петр., кажется, ѣдетъ ранѣе, чѣмъ думала. Если вы знаете, гдѣ она, то скажите или дайте ей знать, что проще сначала прямо въ Лондонъ приѣхать.

Isle of Wight меня тоже начинаетъ ужасать неистовымъ множествомъ русскихъ, которые туда ѣдутъ. Это и для дѣтей и для насъ—гибельная праздность. Ума не приложу, что дѣлать.

Кабы вырваться изъ Англій,—такъ нѣтъ, атанде! Можетъ, я поѣду на другое мѣсто, къ морю.

8 іюня.

За что вы такъ осерчали на Голицына? Это—шалунъ, вѣроятно, промотался. Но музыкантовъ не выпускаетъ полиція. Или онъ денегъ далъ? А, впрочемъ, пусть Рейхель напишетъ.

Онъ поднесъ мнѣ «Herzen. Walse» ¹⁾,—ну, я и растаялъ.

1413. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

9 іюня (1860).
10, Alpha road.

Почтеннѣйшій князь Петръ Владиміровичъ, позвольте мнѣ васъ попросить замѣнить сегодняшній вечеръ завтрашнимъ или

¹⁾ «Herzen Walzer» für das Pianoforte zu 4 Händen, Von Georg Galitzin.

понедѣльникомъ. Насъ звалъ одинъ господинъ (корреспондентъ всѣхъ континентальныхъ газетъ), у котораго мы не были вѣка.

Вы позволите васъ ожидать завтра, часовъ въ 8?

Вчера старушка М-те Моль ¹⁾ мнѣ жаловалась на васъ, что вы обижаете мою фаворитку 1858 года—княгиню Дашкову.

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь,

А. Герцена.

1414. Письмо къ И. С. Тургеневу.

14 іюня (1860).

10, Alpha road.

Geehrtester ²⁾ Иванъ Сергѣевичъ, вчера имѣлъ безпредѣльное счастье получить въ 10 часовъ ваше содовое ³⁾ письмо, въ 11—idem ⁴⁾ отъ Жумчужникова ⁵⁾, въ 10 вечера—В. П. Боткина.

Пріятно было видѣть успѣхи ваши въ *мясописи*: ваше изображеніе Ганенкопфа умилило меня поразительнымъ сходствомъ. Ты вообрази (даю честное слово), что я развернулъ письмо и узналъ, не читая.

Занятія философіей и музыкой положили морщины у Боткина не на мѣстѣ, а именно: съ внутренней стороны ствола его, въ силу чего у него образовались тамъ днѣпровскіе пороги... а я, какъ настоящій христіанинъ, не желаю «ни осла его, ни ствола его».

Это самое любопытное въ Англии. Я вчера познакомился съ историкомъ Гротомъ ⁶⁾ и очень обрадовался, что это не онъ русскій консулъ здѣсь.

Голицынъ даетъ концертъ въ пользу Гарибальди: 120 поютъ, 1200 слушаютъ, музыка играетъ «Herzens Valzer» à quatre pattes ⁷⁾.

Прощай.

Огаревъ очень кланяется. Погода здѣсь ужасная, преступная. Въ Вентноръ собираются тьмы-темь русскихъ—prenez garde à vous, sentinelle ⁸⁾! Это будетъ такъ скучно, что море придется выпить, а не купаться въ немъ.

¹⁾ Дама литературныхъ круговъ парижскаго общества.

²⁾ Почтеннѣйшій.

³⁾ Изъ Содена.

⁴⁾ Тоже.

⁵⁾ Николай Михайловичъ.

⁶⁾ Джорджъ, извѣстный англ. политическій дѣятель.

⁷⁾ «Вальсъ Герцена» въ четыре лапы.

⁸⁾ Берегись, часовой!

Я думаю, что надобно сыскать другое мѣсто, ех. г., гдѣ я наставилъ кресты, тутъ Limington, Bournemouth¹⁾).

◆◆ 1. Н. М. Жемчужниковъ вскорѣ явился къ Герцену съ письмомъ Тургенева, который просилъ принять его съ довѣріемъ; «я знаю навѣрное, что ты его полюбишь отъ души». Въ соденскомъ письмѣ отъ 10 іюня Тургеневъ говоритъ, что встрѣчаетъ тамъ «одного такого генерала, что на двадцать пять шаговъ отъ него несетъ пощечиной, харчевымъ хлѣбомъ, корридормъ измайловскихъ казармъ въ ночное время и Станиславомъ на шеѣ». Въ томъ же письмѣ рисунокъ изображалъ, какъ скоро зефиромъ прилетитъ къ Герцену на островъ Уайтъ П. В. Анненковъ.

1415. Августѣйшая благодарность за государственный разбой.

«Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ доставленныхъ отъ министра финансовъ свѣдѣній о податяхъ за вторую половину 1859 года, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ государственныхъ крестьянъ поступили подати *въ количествѣ, превышающемъ годовою окладъ*, Высочайше повелѣтъ соизволилъ, за успѣшныя дѣйствія по взысканію съ означенныхъ крестьянъ *податей* въ 1859 году, объявить Монаршее Его Императорскаго Величества благоволеніе палатамъ государственныхъ имуществъ: Виленской, Калужской, Кіевской, Тверской, Ярославской, Воронежской, Владимірской, Вятской, Костромской, Курской, Нижегородской, Псковской, Подольской, Тульской и Харьковской». (С.-Петербург. Вѣд. 23 апрѣля 1860).

«Государь Императоръ, усмотрѣвъ изъ доставленныхъ отъ министра финансовъ свѣдѣній о податяхъ за вторую половину 1859 г., что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ съ государственныхъ крестьянъ поступили подати болѣе годового оклада, Высочайше повелѣтъ соизволилъ: за успѣшныя дѣйствія по взысканію съ означенныхъ крестьянъ податей въ 1860 г. объявить Монаршее *Его Императорскаго Величества* благоволеніе палатамъ государственныхъ имуществъ: Пензенской, Саратовской, Смоленской и Пермской». (С.-Петербург. Вѣдом. 15 мая 1860).

Послѣ этого такая же благодарность палатамъ государственныхъ имуществъ Астраханской, Минской, Орловской и Курляндской²⁾). Очевидно, что вскорѣ во всей Россіи сберутъ податей

¹⁾ Дальше набросаны контуры южнаго берега Великобританіи и сѣвернаго—о. Уайта и между Portsmouth и Southampton поставлены крестики.

²⁾ «По Памятной книжкѣ 1860 г.» мы можемъ сообщить имена атамановъ, получившихъ благоволеніе за этотъ разбой. Предсѣдатели палатъ: Виленской—Антонъ Глушановскій, Владимірской—Владиміръ Калачевъ, Воронежской—Владиміръ Черепнинъ, Вятской—Николай Гартингъ, Калужской—Вик-

больше годового оклада, государственнымъ бюджетомъ непредвидѣнныхъ и законнымъ образомъ не утвержденныхъ.

Что все это значить? Былъ ли это сборъ недоимки? Тогда зачѣмъ же вещь не названа по имени? Но, по смыслу рескрипта, нельзя заключить иначе, какъ что съ крестьянъ были собраны подати, которыхъ имъ платить не слѣдовало, излишнія, незаконныя подати, т.-е. государственныя крестьяне подверглись чиновничьему разбою, да не тайному, какъ взятки, а явному, съ разрѣшенія правительства, по его желанію, по признанному государственному разбою. Гдѣ это слыхано? Благодарность за разграбленіе крестьянъ! И это государь объявляетъ во всеуслышаніе, не краснѣя, не подумавши, какими страшными средствами вообще собираются у насъ подати. Или государь не читаетъ того, что подписываетъ?... зачѣмъ же онъ не читаетъ? Или онъ читаетъ, да не понимаетъ?... Зачѣмъ же онъ не понимаетъ? Или онъ хотѣлъ разбоя, потому что деньги понадобились?... Нельзя же, однако, царствовать, какъ *Утѣшительный* изъ гоголевскихъ «Игрововъ».

1416. [Отъ издателя] ¹⁾.

Послѣ этого письма нами получены еще два; одно въ защиту г. Извольскаго, другое въ поясненіе дѣла о дуэли въ Иркутскѣ. Объемъ второго такъ великъ, что мы не можемъ его помѣстить. Въ слѣдующимъ листѣ мы сдѣлаемъ выписку изъ него, пропуская, по принятому нами правилу, брань противъ противниковъ и оставляя брань противъ насъ.

торъ Юзефовичъ, Кіевской—Семень Шійко, Курской—Петръ Зиновьевъ (братъ Зиновьева, спасающаго наслѣдника русскаго престола отъ образования, и Зиновьева, знаменитаго набѣгомъ на харьковскій университетъ), Нижегородской—Павель Бетлингъ, Подольской—Николай Ключаровъ; Псковской—Алексѣй Казначеевъ, Тверской—Владиміръ Коробьинъ, Тульской—Николай Павловичъ Воронцовъ-Вельяминовъ, Харьковской—Михаилъ Мартыновъ, Ярославской—Евгеній Якушкинъ ⁹⁾, Пензенской—Измаиль Сумароковъ, Пермской—Константинъ Антоновъ, Саратовской—Николай Силичъ, Смоленской—Петръ Сильванской, Астраханской—генераль-маіоръ Струковъ, Минской—Дмитрій Готовцевъ, Орловской—Сергѣй Моисеевъ, Курляндской—Константинъ Китеръ. Дѣйствовали ли эти господа по приказу министерства или по собственному усердію,—не знаемъ. Но если и былъ подобный приказъ, то долгъ получившаго его скорѣе оставить службу, гдѣ такой приказъ возможенъ. А. И. Г.

¹⁾ Къ письму «По дѣлу иркутской дуэли».

⁹⁾ Сынъ декабриста, весьма достойный человекъ, чего Герценъ не зналъ.

1417. Еврейскіе выборы въ Вильнѣ.

«Таймсъ» отъ 31 мая рассказываетъ, что австрійская «Пресса» по поводу требуемой въ защиту христіанъ въ Турціи международной слѣдственной комиссіи замѣчаетъ, что не худо бы было учредить такую же комиссію въ Россіи, «особенно, — продолжаетъ черно-желтый органъ, — если все, что печатается въ «Колоколѣ», справедливо». Эта мысль очень хороша и тѣмъ больше радуется насъ, что явилась съ такой стороны, съ которой мы не избалованы обиліемъ мыслей, проницательными догадками и вообще пониманіемъ. Мысль эта намъ нравится по тремъ причинамъ: какъ первая не рабская и не тупая мысль въ австрійской журналистикѣ; во-вторыхъ, сама по себѣ, а, въ-третьихъ, потому что она доказываетъ всего лучше, что ненависть между Россіей и Австріей не только существуетъ, но *дозволена* к.-к. цензурой, а на этой-то ненависти и зиждутся надежды славянскаго міра.

Впрочемъ, петербургское правительство и тутъ имѣетъ большое преимущество передъ турецкимъ: турки давятъ однихъ христіанъ, Петербургъ давить христіанъ *не меньше*. Порты (напр., раскольниковъ), но зато давить и всѣхъ прочихъ ¹⁾.

1418. Религіозное значеніе „Спб. Вѣдомостей“.

Журналъ не можетъ существовать безъ мнѣнія, безъ партіи; только мнѣніе и дѣлаетъ изъ него живую личность, только оно и даетъ ему нравственную силу. Кто не зналъ, *кто такое была «С. Пчела»* въ блаженные времена Николая Павловича, Николая Ивановича ²⁾ и Фаддея Венедиктовича ³⁾?

Нюансы журналовъ можно было различать даже въ тѣ времена, когда черная тѣнь Николая широко отбрасывалась на Россію, тѣмъ паче въ наше время *прогресса*.

Какое же мнѣніе, какую тѣнь, какой нюансъ представляютъ «Спб. Вѣдомости»? Долго отыскивая, мы пришли, было, въ отчаяніе, — не за что ухватиться: въ нихъ нѣтъ ни свирѣпо-православнаго характера «Маяка», ни англобѣсія, ни галломаніи, ни основательно-тупого доктринаризма другихъ московскихъ и петербургскихъ журналовъ и газетъ.

¹⁾ Слѣдуетъ цитата изъ «Wiadomości Polskich» о выборахъ раввина въ Вильнѣ, произведенныхъ подъ натискомъ войскъ и полиціи.

²⁾ Гречъ.

³⁾ Булгаринъ.

Но вдругъ мы поняли, что «Спб. Вѣдомости»—органъ католической пропаганды въ схизматической Россіи, органъ іезуитовъ и папы. Только съ этой точки зрѣнія можно объяснить отвагу, съ которой «Спб. Вѣдомости» помѣстили похвальное слово Ламорисьеру,—отступнику всѣхъ знаменъ, легитимисту, орлеанисту, республиканцу, палачу юньскихъ дней, тройному измѣннику,—называя его баярдомъ, героемъ, не знаю чѣмъ іезуиты, такъ іезуиты, оно скверно, но все же лучше быть чѣмъ-нибудь, нежели ничѣмъ,—по крайней мѣрѣ, по старой шуткѣ, цитированной Гегелемъ, что «дурная погода все же лучше, чѣмъ если-бъ совсѣмъ погоды не было».

Но мы не долго оставались въ заблужденіи.

Какой іезуитскій органъ? Ламорисьеръ—баярдъ, но Гладстонъ—«безспорно первый ораторъ нашего вѣка»,—и «Вѣдомости» съ протестантскимъ восторгомъ и англomanскимъ умилѣніемъ выписываютъ двѣ колонны риторическаго *fatras* (въ родѣ Бунзена и К-ни), сказаннаго Гладстономъ въ Единбургскомъ университетѣ. По этому поводу преподобныя «Вѣдомости» подхваляютъ англійское благочестіе, состоящее изъ лицемѣрства, отвратительнаго для всякой здоровой натуры.

«Ученые, кто бы они ни были,—диссиденты или низкіе, высокіе, широкіе церковники (*low, high, churchmen*), со всевозможными подраздѣленіями—остаются вѣрными этому направленію. Христіанскій духъ проникаетъ всѣ ихъ произведенія, всѣ ихъ изслѣдованія; германскій рационализмъ имъ чуждъ; никогда не залодозрятъ они дѣйствительности и истинности откровенія; и свѣтлая, критическая, но никакъ не скептическая наука доставляетъ имъ только новые, богатые матеріалы для возведенія великолѣпнаго зданія божественной истины».

Но потомъ мы усомнились точно также въ кальвинизмъ и пуританизмъ схи-вѣдомостей.

Взявъ книгу какого-то поврежденнаго француза въ доказательство, какъ англичане религіозны, онѣ соглашаются съ нимъ, что *разумомъ до понятія о Боѣ не дойдешь* (это-то и называется атеизмомъ), что познаніе Бога *едино*—«есть *исключительный* результатъ откровенія Аврааму. И если мы съ дѣтства привыкли смотрѣть на Авраама, какъ на *друга* божія, съ любовью и уваженіемъ, то намъ не мудрено понять, что этой *почтенной* личности—*Боѣ доверился*». Это дружеское довѣріе пришлось ему не даромъ.

Минуй насъ пуще всѣхъ печалей
И барскій гнѣвъ и барская любовь.

«Подобно всѣмъ друзьямъ божіимъ, онъ долженъ былъ выслушивать, какъ называли его безвѣрнымъ и атеистомъ; а въ наше время его сочли бы *безумцемъ* за одно намѣреніе убить своего сына. Вѣрою своею приведенъ былъ Авраамъ къ этому особенному откровенію, а не инстинктомъ, не отвлеченнымъ размышленіемъ, не восторженными видѣніями».

Выписавши эту нелѣпость о *почтенной* личности Авраама, о его короткихъ сношеніяхъ съ Богомъ и о томъ, что Богъ ему *довѣрился*. «Вѣдомости» даже и не замѣтили, что, сломи себѣ шею Авраамъ до пріязни съ Богомъ, мы бы и понятія не имѣли о его другѣ.

Развѣ издатель «Спб. Вѣд.» не знаетъ, что, если онъ сидитъ дворникомъ при современности, съ метлой въ рукахъ, то это для того, чтобъ отгонять грязь и соръ, а не загонять ихъ въ «ледактурскую» яму?

Пора подумать и о томъ, что при дикой нетерпимости въ дѣлахъ религіи; защищаемой синодомъ, сенатомъ, цензурой, квартальными и попами, въ свѣтскомъ журналѣ не слѣдуетъ помѣщать богословскихъ статей. Не только эти безответныя статьи не деликатны, но онѣ не нужны, ихъ никто не проситъ, и еще больше,—ихъ никто не читаетъ.

Мы хотя и увѣрены, что большая часть читателей «Спб. Вѣд.» не повѣритъ, что во *всѣхъ* отрасляхъ знанія въ Англіи преобладаетъ изувѣрство, но, какъ противоядіе противъ ужаливанія англійскихъ фарисеевъ и ихъ гезелей, мы рекомендуемъ, съ своей стороны, «History of Civilisation in England» by Н. Т. Buckle—трудъ добросовѣстный, ясный, глубоко задуманный и въ которомъ искры нѣтъ піетизма.

Его нѣтъ ни у Грове, написавшаго свою превосходную книгу «О соотношеніи физическихъ силъ», ни у Дарвина въ его «Объ образованіи видовъ въ животномъ и растительномъ царствахъ (On Species)», ни у Д. Стюарта Милля, ни у Фарадея.

Отче-издателю ¹⁾, будьте отъ міра сего,—вамъ-то не за что злосѣтовать на него!

1419. Отъ издателя ²⁾.

Принимая на себя тяжелое бремя обличенія злоупотребленій въ странѣ, совершенно не привыкнувшей къ гласности, мы очень

¹⁾ А. А. Краевскій.

²⁾ Помѣщено послѣ статьи «Г. Извольскій, управляющій Иркутской губерніей», касавшейся дѣла Беклемишева и Неклюдова и очень рѣзкой по отношенію къ «Колоколу».

знали, что двѣ вещи неизбѣжны: ошибки въ доставленныхъ свѣдѣнiяхъ, грубый тонъ поправокъ. Легко говорить о фактахъ и доказательствахъ! Возможны ли они не только намъ, но редакціи «Таймса»? Есть нравственное убѣжденіе, правдоподобіе въ изложеніи, въ обстоятельствахъ описываемыхъ происшествiй, словомъ, есть вѣроятность, что фактъ справедливый; но какъ бы сильна ни была вѣроятность, все она—не полная юридическая достовѣрность. Въ этомъ случаѣ у насъ одно оружіе—искренняя готовность помѣщать отвѣтъ. Почему же, не пользуясь ею, защитники считаютъ нужнымъ такъ безцеремонно обращаться? Не знаемъ... принимаемъ этотъ тонъ за одно изъ горькихъ послѣдствiй нашей чистой, изъятаго всякаго лицепріятія службы истинѣ и Россіи и предаемъ его на судъ нашихъ читателей..

1420. Еще тайная полиція.

Занимаясь высочайшими награжденіями, повышеніями, благоволеніями, которыя струятся на Гедерштерна (не надобно смѣшивать его съ Нордштремомъ,—*это другой*) и на вдовствующаго начальника III Отдѣленія, Леонтія Дубельта, мы проглядѣли, было, пожалованіе въ тайные совѣтники Ульрихса.

Что же такое Ульрихсъ? Эта фамилія напоминаетъ намъ молодые годы, университетъ, всеобщую исторію Шрекке и добраго гелертера Юлія Ульрихса, читавшаго намъ объ Юліи Цезарѣ! Но это не онъ, а его сынъ Федоръ Юліевичъ. Онъ не любитъ древнюю исторію, а самую новѣйшую и изучаетъ ее по источникамъ,—по письмамъ, *еще не дошедшимъ по адресу*. Почтовое вѣдомство, надобно ему отдать полную справедливость, дало всевозможныя пособія ученому предпріятію подпечатыванія писемъ и даже приставило при Ульрихсѣ разныхъ адъютантовъ *ès lettres decachetées* ¹⁾ подъ приличнымъ, хотя и бессмысленнымъ названіемъ *цензоровъ, знающихъ иностранныя языки*. Не видя имъ никакой награды, мы рѣшаемся представить и ихъ къ повышенію: 1) д. ст. сов. Ивана Фодоровича Вейрауха, занимающагося *хирургіей* этого дѣла и дѣлающаго операциіи безъ поврежденія и слѣдовъ, 2) ст. сов. Петра Витте, 3) Алекс. Мартыновича Домбровскаго (изъ лицействъ!), 4) Вл. Фодор. Шора (кандидата московскаго университета). Сверхъ того, не надобно забывать и болѣе скромныя услуги ихъ юнѣйшихъ помощниковъ: Ивана Прокофьева, Франца Гольмблата, Павла Мазнера и Дмитрія Штера. Да помянетъ ихъ государь императоръ въ Царскомъ Селѣ *«своемъ и нынѣ, и присно, и въ будущее трехлѣтіе!* Аминь!

1421. Князь А. Ѡ. Голицынъ.

Съ какимъ невыразимымъ и искреннимъ удовольствіемъ прочли мы, что *нашъ* Голицынъ—junior, членъ-инквизиторъ слѣдственной комиссіи, судившей насъ въ 1834, сдѣланъ предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи, су-

¹⁾ «Отъ распечатанныхъ писемъ».

дящей въ 1860 харьковскихъ студентовъ,—черезъ 26 лѣтъ!.. Это постоянство занятій, направленія въ высшей степени почтенно и, должно быть, сверхъ того, очень здорово. Сальвотти, пытавшій въ двадцатыхъ годахъ друзей Комфалоньери и Сильвіо Пеллико, пыталъ ихъ сыновей въ 1849 и, вѣроятно, пытается теперь внучать ихъ. Всѣ политическіе хирурги (не говоря о Пеликанѣ) два вѣка живутъ; даже у Шиллера въ «Донъ Карлосъ» инквизиторъ представленъ столѣтнимъ старцемъ, слѣпымъ и сѣдымъ.

1422. (Русскіе матросы въ Виллафранкѣ).

¿ Правда ли, что русскихъ матросовъ въ Виллафранкѣ истязаютъ самымъ безчеловѣчнымъ образомъ, не стыдясь даже близости сардинскихъ и французскихъ офицеровъ? Правда ли, что одинъ *русскій нѣмецъ* не только наказываетъ линьками и собственнымъ *фамильнымъ перстнемъ*, но открыто говоритъ, что съ этой бестіей, русскимъ солдатомъ, нельзя иначе обходиться? Константинъ Николаевичъ, Бога ради—*правда ли это?*

1423. [О Лужинѣ].

¿ Правда ли, что доносчикъ Лужинъ отданъ *подъ судъ* за превышеніе власти и за нанесеніе побоевъ арестанту? Не можетъ быть, до этого смыслъ справедливости не можетъ итти въ правительствѣ, коего часть (и очень длинная)—Панинь.

1424. (Отъ издателей).

Издатели объявляютъ, что полученные ими отъ «русскихъ путешественниковъ» 4 фунта и «отъ русскаго чиновника» 3 фунта ст. для Гарибальдіевского фонда переданы лондонскому комитету.

1425. Письмо къ Н. А. Герценъ.

15 іюня (1860).

10, Alpha road, Regent's park.

Милая Тата, письмо твое и послѣднее и предпослѣднее я получилъ. Все, что ты видѣла, очень хорошо, но ты могла все это пропустить, а то, что ты пропустила до сихъ поръ, то и надобно видѣть.

Какъ же ты не была въ галлерей?.. да и что же быть одинъ разъ... Тамъ непременно надобно быть разъ пять. Когда у тебя будетъ учитель, тебя можетъ горничная съ нимъ провожать, а ему платить, какъ за урокъ. Прочти это Мар. Касп. и попроси въ точности исполнить.

Къ Сатинымъ, я не думаю, чтобъ было полезно тебѣ потомъ заѣзжать иначе, какъ на самое короткое время. Ты не забывай, что это—твое рабочее время, а праздно проводить дни, какъ вообще путешествующіе, для тебя рано. Важнѣйшее теперь: принимайся сейчасъ за рисованіе. Что ты за вздоръ пишешь объ деньгахъ? я тебѣ эти 6 фунтовъ подарилъ на шалости и капризы. А за деньгами на уроки и платью дѣло не станеть, я пришлю тебѣ въ слѣдующемъ письмѣ вексель отъ Трюбнера въ десять фунтовъ.

Ты пишешь, что не поняла въ моемъ письмѣ о нетерпѣливости и недостаткѣ снисхожденія. Да, другъ мой, въ твоихъ сношеніяхъ съ Ольгой, даже съ ричмондскими дѣтьми и долею съ прислугой, была иногда запальчивость, въ послѣднее время, можетъ, поменьше. Я иногда съ большой горечью слушалъ отвѣты твои Nat. Все это, я увѣренъ, ты переработаешь. Помни, что ты и Ольга—одно утѣшеніе, которое мнѣ осталось въ частной жизни; съ другой стороны, Огаревъ и Саша и потомъ друзья, но вы двѣ должны составлять *мой отдыхъ отъ труда*. Оттого мнѣ хотѣлось бы васъ очистить отъ мало-малѣйшей дряни. Ольга шалить, но чѣмъ рѣже я вижу ее, тѣмъ больше я вижу, что у нея необыкновенныя способности. Вотъ одна изъ твоихъ жизненныхъ задачъ—помогать ея развитію. А для этого-то и необходима кротость,—она легка при любви. Ты не думай, что Мейзенбургъ совсѣмъ неправа въ ея методѣ, она идетъ только черезъ край.

Что мы будемъ дѣлать въ августѣ, я еще не знаю. Вентноръ наполняется русскими,—надобно избрать другое мѣсто. Мейзенбургъ хочетъ себѣ въ помощь взять дѣвочку (о которой я тебѣ писалъ); я ее видѣлъ,—она, кажется, умная. Я хочу съѣздить въ Брайтонъ, посмотрѣть, что тамъ.

Третьяго дня я обѣдалъ у Швабе съ знаменитымъ историкомъ Гротомъ, а вечеромъ былъ у нихъ на раутѣ. Дочь тебѣ кланяется. Тамъ былъ и Голицынъ; англичанинъ очень толстый обидѣлся, увидавъ, что русскій и выше и толще. Прощай, цѣлую тебя десять разъ; Марья Каспаровнѣ-Машѣ, скажи, что ей буду отвѣчать послѣ; спасибо ей за письмо большое. Да вотъ еще, пусть Мар. Касп. мнѣ напишетъ характеристику, портретъ, признаки, добродѣтели и пороки горничной Станкевичъ,—тогда только я дамъ мое мнѣніе. Если Ст. въ Дрезд., кланяйся имъ, и Рейхелю два раза.

Ты можешь еще что-нибудь Гофмана прочесть; я его съ восхищеніемъ читаль, когда былъ въ твои лѣта.

Пиши часто и подробно. Т. П. должна быть въ Эмсѣ; если она черезъ полтора мѣсяца пріѣдетъ, можешь и съ нею ѣхать; или Саша за тобой пріѣдетъ, а горничная Станк. проводитъ (послѣ рекомендаціи Мар. Касп.).

1426. [Изъ дневника].

15 іюня 1860.

Я ужасно усталъ; видно, это-то и есть старость. Всякій ударъ, всякое усиліе оставляють слѣдъ. Нѣтъ силы сопротивленія, недостаетъ *des trottes* ¹⁾ и, главное, хочется не побѣды, а отдыха, — оставили бы въ покоѣ.

Я полагалъ, что это время будетъ временемъ работы, внутреннего сосредоточія; это выходитъ время тоски, безпокойства, доходящаго до боли, чуть ли не до угрызений совѣсти.

И какъ въ минуты равнодушнаго размышленія ни смѣешься надъ этимъ, возстаетъ вопросъ: а, кажется, я не заслужилъ этого? Не заслужилъ!

Тутъ ошибка въ выраженіи. Надобно спрашивать: послѣдовательно или нѣтъ то, что случается со мной? Послѣдовательности почти всегда есть. Одна внѣшняя и потому не оскорбительная, другая оттого-то и оскорбительная, что чувствуется *вина*. Вина значить тоже причина; говоримъ же мы «виновники празднества», «моихъ дней» и пр. ¹

◆◆ 1. Тяжелыя переживанія Герцена коренились, конечно, въ сложности интимныхъ отношеній его къ Огаревой и ея мужу. Чтобы понять ихъ, надо проанализировать переживанія, хотя бы двухъ послѣднихъ, за отсутствіемъ еще большаго матеріала, исходящаго отъ самого Герцена.

1 января 1860 г. Огаревъ, встрѣчая новый годъ, не нашель написать своему другу ничего другого, какъ: «давай готовиться тихо умирать, такъ, чтобы который нибудь доблестно схоронилъ другого незадолго до собственной смерти» («Рус. Пропилеи», IV, 222). Эта нота гармонируетъ съ недавно приведенными его письмами

¹⁾ Бодрость.

1859 года. Огарева записала почти въ то же время: «Я встрѣтила этотъ годъ свѣтлѣ многихъ другихъ, но все это было обманчиво; прошли только четыре дня, и я опять одна и *навсегда*. Не хочу болѣе призраковъ, не хочу хорошихъ минутъ, за которыми слѣдуютъ такіе тяжелые дни! Все заслужено, роптаніе невозможно. Но зачѣмъ, зачѣмъ я такъ свѣтло смотрѣла? Этотъ свѣтъ-то и погубилъ меня! Одно желаніе—покой и счастье Лизы; всѣ выходы на 1860 годъ убиты морозомъ» (тамъ же, 221).

26 марта Огарева записываетъ въ свой дневникъ: «Мнѣ тридцать лѣтъ, прошлаго не воротишь, жизнь искажена мной самой, да будетъ въ моихъ чертахъ тихая кротость покойниковъ, а Лиза...—это цвѣтокъ, который выросъ на могилѣ: онъ и радуется взоръ и наполняетъ его невидимыми жгучими слезами... Прощайте, дѣти; передъ вами я серьезно виновата и знаю теперь, что никогда не заглажу своей вины,—я слишкомъ слабое, эгоистическое существо. Я не увижусь болѣе съ вами, я не могу безъ ужаса думать о возвращеніи, хотя и страшна мнѣ одинокая жизнь. Прощай, Огаревъ! Дай мнѣ здѣсь, невидимой никѣмъ, стать на колѣни передъ тобой и прижать голову къ твоимъ ногамъ,—прощай, я не забуду семи счастливыхъ лѣтъ, прожитыхъ вмѣстѣ. Твоя Наташа—не нынѣшняя Натали... Боже, зачѣмъ я не умерла въ тотъ часъ, какъ дилижансъ двинулся по московской мостовой. Прощай, Герценъ; пусть кротость сойдетъ въ наши души, пусть мы забудемъ обоюдныя обиды, все невольное зло, сдѣланное другъ другу! Миръ вамъ всѣмъ и да изгладится понемногу имя мое изъ памяти вашей!» (тамъ же, 208).

Ясно, что Огарева, намѣреваясь вовсе оставить и Герцена, и Лондонъ, и Огарева, не хотѣла, воспользовавшись предстоявшимъ своимъ и потомъ отложеннымъ отъѣздомъ, порвать все. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно, что за все это время переживалъ Герценъ, но іюньская запись въ его дневникѣ даетъ полное основаніе предположить, что вся первая половина 1860 года была полосой сплошныхъ страданій для всѣхъ троихъ. Очевидно, къ этому періоду относятся слѣдующія два письма Огарева къ Герцену.

I.

Почему и зачѣмъ я пишу къ тебѣ, имѣя возможность просто говорить,—пожалуй, покажется, странно, а между тѣмъ это естественно. Хотѣлъ что-то работать, но не могу. Перекрестныя мысли и страданія мѣшаютъ. Отъ этого и захотѣлось писать о томъ,

что до такой степени душить, что надо высказать, чтобъ не задохнуться. Это—просто монологъ; я обращаю его къ тебѣ оттого, что къ кому же, кромѣ тебя, обращаю его?

Каждый человѣкъ знаетъ только свои страданія и увѣренъ, что окружающее заставляетъ его страдать невольно; каждый является въ собственныхъ глазахъ мученикомъ, а остальные—мучителями. Отъ этого такъ мудрено столковаться. Никто не хочетъ знать, сколько зла вносить въ чужую жизнь...

Сижу и думаю: вы страдаете. Ты думаешь: зачѣмъ все это такъ случилось? Зачѣмъ этотъ эгоизмъ съ ея стороны, портящей жизнь и дѣтей и людей, которыхъ она думала любить? То была не любовь, а страсть и фантазія. Исполненіе завѣщанія покойницы было фантазія; любовь ко мнѣ—фантазія! Что жъ тутъ дѣлать? гдѣ выходъ? Единственный выходъ—разрывъ связи, въ которой мечталось столько залоговъ для какой-то новой гармонической жизни. Да ужъ покончить это скорѣй, чтобъ было возможно дышать. Я себя считаю обязаннымъ, но въ вопросѣ дѣтей уступка—преступленіе. Стало, надо скорѣе кончить это мучительное состояніе.

Она думаетъ: онъ никогда меня не любилъ, иначе все было бы мягче. Ему не до насъ, ему некогда; онъ не понимаетъ любви. Я здѣсь чужая. Что же я такое сдѣлала? Неужто такъ дорого надо заплатить за ошибку? Платиться одиночествомъ, откровеннымъ раскаяніемъ. Я хотѣла воспитывать и не сумѣла. Развѣ тутъ преднамѣренное зло? За что же меня карать съ такою жестокостью? А онъ еще говоритъ о любви! Ог. совершенно подъ его влияніемъ; я утратила Ог. Я всѣмъ чужая. Бѣжаты! бѣжаты! А бѣжать силъ нѣтъ, рѣшенье трудно. Лиза, Лиза! дитя мое. что съ нами будетъ?

Ог. думаетъ: за что я внесъ въ его скорбную жизнь элементъ новаго горя? Былъ ли я увѣренъ, что приношу данныя для гармоніи, для утѣшенія? Или я только надѣялся, не будучи увѣренъ? Зачѣмъ же я внесъ новый элементъ? Зачѣмъ допустилъ его развиваться до той силы, гдѣ онъ долженъ былъ перейти въ трагическія коллизіи? Что жъ? Если я не былъ увѣренъ и допустилъ, то я былъ подлецъ. Если моя надежда доходила до увѣренности, то я былъ легкомысленный шутъ, игравшій серьезными вещами! Счастливъ былъ Сенека, что выпустилъ себѣ кровь, не чувствуя себя подъ такимъ двойнымъ обвиненіемъ. Я легкомысленно разстроилъ жизнь друга и ея жизнь, потому что не умѣлъ подать ей руку помощи, когда было можно.

Безъ любви нельзя воспитывать; только любовь съ своимъ долготерпѣніемъ и нравственною заботливостью развиваетъ сердце и умъ. Это такъ часто у насъ говорится.

О! въ этомъ-то вся и бѣда: да гдѣ же въ насъ любовь? Ты женщину счелъ за не-ребенка и, вмѣсто сердечнаго вызванія къ жизни, морализировалъ полудокторально, полудразня. А я,—я прежде всего усталъ, силъ не хватило на сердечный вызовъ къ жизни. Гдѣ же въ насъ-то любовь? Нѣтъ ея въ насъ и нѣтъ! Самолюбіе шире развертывается въ общей жизни, и жертва собою для общаго есть столько же трудъ для общаго, сколько удовлетвореніе самолюбія. Заботливое спасеніе одного индивида — слишкомъ дробная жертва, чтобъ мы съежились на нее. Вдсбавокъ она можетъ удовлетворить только всепреданное чувство любви, а самолюбію тутъ поживы нѣтъ. Гордость насъ охватываетъ при столкновеніи съ падающимъ существомъ, и мы не умѣемъ протянуть руку помощи, потому что въ насъ нѣтъ любви.

Ты, по крайней мѣрѣ, чистъ передъ жизнью въ поведеніи, а я и этимъ не могу похвастаться. Не хуже Мюллера ¹⁾ я готовъ многимъ жертвовать ради жизненныхъ наслажденій... можетъ быть, маленькихъ, жиденькихъ. Кого я спасу? Кого я спасъ? Никого. Во мнѣ нѣтъ достаточно любви.

И незамѣтно сводится на то, что и я страдаю о себѣ, и каждый изъ насъ страдаетъ о себѣ. У насъ нѣтъ времени протянуть кому-нибудь руку помощи.

Ольга не подается на воспитаніе, потому что у Наталіи нѣтъ любви. Съ чего же большой ребенокъ подается на воспитаніе, когда *въ насъ* нѣтъ любви?

А я, изъ гонимы за наслажденіемъ вздумавшій еще разъ воспитывать — я ничего не сдѣлаю, потому что во мнѣ, какъ и во всѣхъ, есть страсти и пристрастіе и нѣтъ любви.

Можетъ, только къ тебѣ. Зато намъ нечего другъ друга и воспитывать. Мы равны. Намъ нечего другъ друга спасать. Мы равно самолюбивы, каждый на свой манеръ. Что въ насъ всего реальнѣе и развитѣе, это — гармонія скептицизма. Мы — одинъ человекъ, но *solus* и *nudus* ²⁾. И это результатъ какихъ-то горячихъ стремленій! А они до сихъ поръ живы, эти стремленія, какъ больной нервъ.

Скоро ли все это кончится? Но съ чего же я *действительно боюсь умереть*? Съ чего осгается такая способность счастья и работы?

Довольно пока. Кажется, я немного уговорился и отъ прозаическаго монолога перейду къ поэмѣ, которая меня теперь неодолимо занимаетъ. Что изъ нея выйдетъ, не знаю, но это одна изъ

¹⁾ Мюллеръ-Стрибингъ.

²⁾ Одинокій и обнаженный.

самыхъ задушевныхъ вещей (Подлинникъ хранится въ архивѣ семьи Герцена; напечатано не совсѣмъ точно въ IV кн. «Русскихъ Пропилеевъ» г. Гершензона).

II.

Да, это довольно мудрено — заснуть, развѣ нарѣзаться, да средствъ нѣтъ. А какъ завтра вынесется день, — шутъ его знаетъ. Ты иногда мнѣ намекалъ, что ты внесъ въ мою жизнь горечь. Это неправда! Я, я въ твою жизнь внесъ новую горечь. Я виноватъ. Мнѣ можно было все предвидѣть, а я былъ только слабъ. Что я ее любилъ и люблю, какъ моего ребенка, это не подвержено сомнѣнію, я думаю. Насколько я тебя люблю, это ты самъ знаешь. Мѣшать тебѣ или ей, — да на это у меня духу не хватило. А надо было сильно и строго помѣшать, потому что внутреннее чувство или сознаніе говорило: проку не будетъ. Зачѣмъ же я этого не сдѣлалъ? Слабость, слабости! Какое-то неодолимое уваженіе къ чужой волѣ, глупое уваженіе къ чужой волѣ, — и вотъ ты страдаешь и ей не легче. Прости меня, братъ мой! Мнѣ такъ больно, что ты изъ-за этого долженъ простить мнѣ. А теперь, что ни дѣлай, — все поздно. Камень, разъ брошенный, повинуется механическимъ законамъ, а не человѣку бросившему. Теперь я только требую отъ тебя для нея пощады и терпѣнія, а меня просто прости. Мнѣ тѣмъ болѣе досадно мое положеніе, что я, ложно или истинно, но имѣю утѣшеніе, а ты нѣтъ, а она неспособна къ счастью, потому что неспособна къ разумности и добродушію, — двѣ кондиціи sine qua non. Но, несмотря ни на какое утѣшеніе, мнѣ жить горько, видѣть эту нравственную немогуту и раздражительность горше всякаго несчастья, оскорбительно и больно. Новое ли это явленіе или всегда такъ было, не умѣю сказать. Если всегда такъ было, то я вдесятеро виновнѣе; прости меня. Если новое, то я все же въ данную минуту, т.-е. при первой коллизіи, предвидѣлъ это и все же виноватъ. Прости меня!» (Подлинникъ хранится въ архивѣ семьи Герцена).

1427. Письмо къ сыну.

22 іюня (1860).
10, Alpha road.

Двадцать пятого тебѣ будетъ 21 годъ. Для насъ обоихъ это великій день, — мнѣ не должно было отсутствовать на немъ: я представляю себя и покойницу...

Будь человѣкомъ и будь по возможности счастливъ; рука моя всегда съ тобою,—той ли или другой дорогой ты пойдешь.

Я хотѣлъ послать тебѣ портретъ Ольги, но подожду, пока узнаю, дошелъ ли до тебя мой портретъ, посланный изъ Дувра.

1428. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 іюня (1860).

Я очень былъ обрадованъ вашимъ отзывомъ о Татѣ,—я на нее считаю, т.-е. на ея любовь ко мнѣ, а то пусто около. Вамъ, какъ старому другу, я долженъ исповѣдывать одно дѣло, причиняющее мнѣ много горести. Представьте эту нелѣпость: Саша вдругъ хочетъ жениться. Я ему писалъ, что я насилій не употребляю, но до 25 лѣтъ согласія не дамъ. Онъ ужъ и это принимаетъ за притѣсненіе, пишетъ мнѣ глупыя письма... Больно.

Между прочимъ, вотъ причина, почему я не хочу, чтобъ Тата слишкомъ долго оставалась въ Бернѣ: если она насмотрится на нѣмецкіе *Liebelei* ¹⁾ да въ 16 лѣтъ тоже выйдетъ замужъ, это, дѣйствительно, убьетъ половину моей жизни.

О, семья, семья... Тутъ-то, матушка Марья Каспаровна, и сидятъ скрытые Николаи Павловичи да орудія пытки. Съ общимъ я со всѣмъ слажу, тутъ я боецъ, а тамъ что сдѣлаешь? Ни любовью, ни силой не возьмешь.

Смертельно хотѣлъ бы сохранить Наташу и Ольгу, какъ образчики иной жизни.

Рѣдкіну ²⁾ скажите (онъ, кажется, въ генеральскихъ рангахъ), что я одиннадцать лѣтъ ни разу не ѣлъ редиски, чтобъ не вспомнить объ немъ... а, впрочемъ, пожалуй, и не говорите. Что онъ консерваторъ, что ли?

Денегъ не жалѣйте, пришлю сколько надобно,—кутите! Что вы всѣ опрокинулись на Голицына? Концертъ его былъ блестящій и, мнѣ кажется, что музыканты въ Петерб. его надули, а не наоборотъ. Не судите строго, пуще всего не судите ни по-московски, ни по-ростовски (послѣднее для риѣмы). Обнимаю васъ обоихъ и съ чадами.

Уши Наташѣ сверлить не нужно ³⁾.

¹⁾ Любезничаніе, амурь.

²⁾ Петръ Григорьевичъ, извѣстный юристъ.

³⁾ Для продѣванія серегъ.

1429. Письмо къ Н. А. Огаревой.

(Июнь 1860).

Прими дружески и мое поздравленіе. Мы всѣ виноваты,—и съ числомъ не справились. На душѣ было что-то далекое отъ праздниковъ... Протяни мнѣ руку, братски-дружескую. Да, да, Natalie, надобно родиться въ другую жизнь, совершенно другую. Я самъ за себя чувствую это.

Скажи Сат., чтобъ онъ ѣхалъ съ *второй во меня*, съ полной, безусловной.

Лизу цѣлую отъ души.

Прощайте.

1430. Письмо къ И. С. Тургеневу. ¹

23 іюня (1860).

10, Alpha road, Regent's park.

Сбѣжала, Иванъ Сергѣевичъ, такъ-таки взяла и сбѣжала! Ужъ мы и туда, и сюда, и панъ Тхуржески ¹⁾ и панъ Людовикъ Czernicki ²⁾, — нѣтъ «Аси» да и только. Мы, правда, нашли повѣсть Каролины Карловны ³⁾,—она въ стихахъ... Если ты по ней хочешь поправить «Асю», можно прислать, но вѣрнѣе выписать изъ «Современницы» ⁴⁾.

«Польсье» (одна изъ самыхъ изящныхъ продѣлокъ твоихъ) я отослалъ. Прошу или ее возвратить или новымъ изданіемъ наградить.

Первый концертъ Голицына принесъ убытокъ, но зато на дѣлалъ шуму: всѣ журналы превознесли, особенно «Times» и «Morning Star».

Въ Дрезденѣ, сверхъ Рафаэлевой и Гольбейновой мадонны, показываютъ теперь Петра Григорьевича Рѣдкина.

Панинъ началъ дѣлать невѣроятныя мерзости, но нѣтъ документовъ и подробностей.

¹⁾ Станиславъ Тхоржевскій.

²⁾ Чернецкій.

³⁾ Павлова.

⁴⁾ «Современникъ».

«Колоколь» получилъ? Ну, вотъ какъ я Краевского,—дворникъ, молъ, съ метлой ¹⁾!

Жемчужниковъ здѣсь; онъ теперь оканчиваетъ насморкъ. Боткинъ необыкновенно важенъ, бываетъ рѣдко, на четверть часа. Онъ, вѣрно, думаетъ, что стриктура ²⁾, это—какой-нибудь чинъ ³⁾.

А rporos, меня здѣсь спрашивали, зачѣмъ ты поѣхалъ въ Соденъ. Я на это сказалъ что доктора въ Парижѣ тебѣ совѣтовали пить настоящую *содовую* воду.

Но былъ побѣжденъ тѣмъ, кому сказалъ, ибо онъ изъявилъ сомнѣніе.

Пиши, пожалуйста.

Кто генераль, о которомъ ты пишешь?

◆◆ 1. 14 іюня Тургеневъ просилъ Герцена изъ Содена, какъ можно скорѣе, прислать ему затерянные имъ свои произведенія «Асю» и «Поѣздку въ Полѣсье», необходимыя для сдачи издателю собранія своихъ сочиненій.

1431. Письмо къ Н. А. Герцену.

23 іюня (1860).

10, Alpha road.

Я очень доволенъ, милый другъ мой Тата, твоимъ письмомъ и всѣмъ, что пишетъ Мар. Касп. Уроковъ бери какъ можно больше въ рисованіи. Я забылъ взять вексель у Трюб., но о деньгахъ не заботься, я вышлю во-время. Заѣхать къ С. ⁴⁾ можно будетъ, если они не уѣдутъ куда. Концертъ Голицына очень хвалятъ «Times» и другіе журналы; «Herzens Walzer» произвелъ фуроръ. Ты меня спрашиваешь о «Bleak House» ⁵⁾ и о серьгахъ. Ты носи «Bleak House» и читай серьги. Неужели ты хочешь прокалывать уши? Это—варварство такое же, какъ носить перо въ носу или раковину въ губахъ. Пожалуйста, не дѣлай этого... И отчего же Станк. не пришло въ голову подарить что-нибудь умнѣе, если ужъ надобно было дарить?.. Диккенса ты найдешь, вѣроятно, и въ Дрезденѣ,

¹⁾ № 1418.

²⁾ Суженіе мочевого канала.

³⁾ Дальше нѣсколько строкъ Огарева, потомъ опять Герцена.

⁴⁾ Станкевичи.

⁵⁾ «Холодный домъ», романъ Ч. Диккенса.

изданіе Таухница, а то можно и до Лондона подождать. Ноты купи по Рейхелеву повелѣнію.

Ты, вѣроятно, не забыла, что 25—Сашино рожденіе и не только рожденіе, но и совершеннолѣтіе. Итакъ, онъ изъ дѣтей перечисляется въ Mannsperson'ы ¹⁾). Ну, а ты пока остаешься при мнѣ адъютантомъ,—Ольга слишкомъ молода. Старайся, мой другъ, напоминать мнѣ больше и больше мамашу, тогда и мнѣ будетъ легче жить и не такъ буду скоро стариться... Цѣлую тебя. Ольгинъ дагеротипъ для Лизы хорошо вышелъ. Она, т.-е. Ольга, потолстѣла. Прощай.

Мы были на выставкѣ; Грассъ совсѣмъ испортилъ мой бюстъ: онъ его поправлялъ потомъ. Бемъ тебѣ кланяется, — мы ходили съ нимъ покупать рамку для «Колокола» ²⁾).

1432. Письмо къ Н. А. Герцену.

30 іюня (1860).

10, Alpha road.

Другъ мой Тата и адъютантъ, письмо твое получилъ и опять имъ очень доволенъ. Посылаю тебѣ вексель въ триста франковъ, изъ нихъ сто ты можешь употребить какъ знаешь, а 200 на уроки и дѣло. На дорогу, если поѣдешь съ Сашей, я ему дамъ. Ну, а почему же ни Марья Касп., ни ты не пишете о Станкевичевой горничной?

Здѣсь Н. М. ³⁾); ты знаешь, что объ этомъ не должно говорить. ¹⁾ Мы были очень, очень рады ему: Были въ Crystal Palace и слушали 3,000 орфеонистовъ ⁴⁾ изъ Парижа. Погода у насъ ужасная—холодъ, дождь льетъ съ вашего отъѣзда, вѣтеръ; у меня болитъ щека. Когда это мы вырвемся изъ этой сырой ванны?..

Въ Кристалль-Палэсъ я видѣлъ Алису ⁵⁾ и Мильнеръ-Гибсонъ. Алиса очень тебѣ кланяется. Боткинъ ходитъ съ Юмомъ вертѣть столы. А знаешь ли, кто черезъ недѣлю ѣдетъ въ Швейцарію? Вильма Кошутъ. Она очень больна. Пульскіе всѣ: Крашъ, Прушь, Фафъ, Кеусъ ⁶⁾ и пр. уѣзжаютъ навсегда въ Италію и Фанагорини

¹⁾ Мужчины.

²⁾ Для картины А. П. Боголюбова, доставленной Герцену и нынѣ хранящейся въ его семьѣ.

³⁾ Сатинъ.

⁴⁾ Члены общества Орфеонъ,—общества пѣнія во Франціи. Концертъ былъ актомъ сближенія англійскихъ и континентальныхъ рабочихъ, начавшагося еще въ 1856 г.

⁵⁾ Дочь Мильнеръ-Гибсонъ.

⁶⁾ Шутливо написанныя имена дѣтей Пульскаго.

съ ними. Ольга вчера была въ циркѣ. Мейзенбургъ съ ней собирается около 20. Мы ѣдемъ прежде съ Боткинымъ осматривать мѣста.

Ты спрашиваешь, кто за тобой заѣдетъ. Это—дѣло не рѣшенное: или Н. М. или Саша; ты можешь взять Станкев. горничную (все-таки, по рекомендаціи Мар. Касп. ѡ, если не навсегда, то на дорогу), можешь останвиться дней на пять въ Гейдельбергѣ ¹⁾ и, если Сашѣ очень хочется,—въ Бернѣ. Отовсюду пиши аккуратно, чтобъ я зналъ, когда васъ ждать.

Сегодня пришелъ Лизинъ портретъ: недуренъ, да и не хорошъ.

Прощай, цѣлую тебя и желаю, чтобъ ты была здорова.

Мар. Касп. и Рейхелю кланяйся. Вексель на Брокгауза въ Лейпцигѣ.

◆◆ 1. Несмотря на данную подписку, Сатинъ проѣхалъ въ Лондонъ; объ этомъ говорить и Огарева (стр. 169).

1433. Розги долой!

Мы хотимъ сдѣлать очень простое и очень возможное предложеніе образованному меньшинству дворянства,—предложеніе, не влекущее за собой ни отвѣтственности, ни опасности. Мы предлагаемъ ему составить:

Союзъ воздержанія отъ тѣлесныхъ наказаній.

Степень образованія этого меньшинства, его поведеніе въ губернскихъ комитетахъ, его совершеннolѣтіе, выразившееся въ желаніи самоуправленія,—все это несовмѣстно съ дикимъ битьемъ и сбъченіемъ крѣпостныхъ. Во времена неразвитости и патріархальнаго звѣрства совѣсть наказывающаго была до нѣкоторой степени чиста, онъ вѣрилъ, что это—не только его право, но думалъ, что это—его долгъ. Теперь этому никто не вѣритъ, всякій знаетъ теперь, что наказаніе безъ суда, изъ личныхъ видовъ, есть своекорыстное употребленіе права сильнаго,—такая же пытка, какъ стеганье лошади. Крестьянъ и дворовыхъ бьютъ исключительно и единственно изъ денежныхъ выгодъ и мелкихъ удобствъ.

¹⁾ Гдѣ потомъ должны были жить Сатины и Н. А. Огарева съ Лизой.

Правительство не можетъ препятствовать и не будетъ такому отрицательному союзу.. Правительство не вмѣняетъ дворянству въ обязанность *сѣчь крѣпостныхъ*. Оно только дозволяетъ и отечески помогаетъ, когда помѣщикъ выбивается изъ силъ или когда *вбиваетъ* въ силу мужика.

Пусть помѣщики подумаютъ, что сѣчь и такъ остается недолго: вслѣдъ за нелѣпостью переходнаго состоянія придется поневолѣ разстаться съ розгой ... не лучше ли же добровольно отказаться отъ нея, бросить розгу такъ, какъ французское дворянство 4 августа бросило въ огонь свои феодальныя грамоты?

Отказаться отъ права сѣчь въ виду черкасской партіи, въ виду Самарина и Милютина, возсоединенныхъ съ Черкасскимъ,—благородно. За кого, въ самомъ дѣлѣ, васъ принимаетъ правительство, думая, что вы требуете для себя правъ человѣческихъ и хотите сѣчь безъ суда,—и это въ то время, когда само правительство *начинаетъ ограничивать въ военной службѣ побои?*

Пусть въ каждой губерніи три-четыре помѣщика дадутъ между собою *честное слово никогда* не прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ, никогда не допускать себя до побоевъ,—этого довольно для начала. Само собою разумѣется, что дѣло надобно дѣлать не въ половину: мало не бить людей изъ собственныхъ рукъ и не посылать ихъ сѣчь ... надобно запретить управляющимъ, старостамъ, дворецкимъ и запретить такъ, чтобъ крестьяне знали, чтобъ дворовые знали!

Не первый разъ приходится намъ стыдиться бѣдности нашихъ требованій... Да, многое надобно укротить въ себѣ, многое заставить молчать, чтобъ протянуть руку, прося какъ милостыню... чего?.. признанія въ себѣ и ближнемъ человѣческаго достоинства?

Но лишь бы голосъ нашъ не остался тщетнымъ, лишь бы напомнить однимъ, надоумить другихъ, что пришло время оставить палачество; лишь бы удалось на первый случай избавить нѣсколько мужиковъ отъ истязаній и нѣсколько помѣщиковъ отъ пятна..

Что помѣщики дѣлали прежде, мы знать не хотимъ. На прошедшее мы закрываемъ глаза; многое дѣлалось по невѣдѣнію, по привычкѣ, по скверному воспитанію, по безобразному примѣру родительскаго дома... Амнистія, забвеніе и тутъ необходимы. Но три года тому назадъ положеніе измѣнилось, и съ тѣхъ поръ, какъ вопросъ объ освобожденіи былъ поднятъ правительствомъ, обсуживался въ журналахъ, въ гостинныхъ и переднихъ, въ столицѣ и провинціяхъ, *съ тѣхъ поръ нельзя быть честнымъ и образованнымъ чело­вѣкомъ и бить своихъ людей*. (Разумѣется, мы исключаемъ теоретическихъ фанатиковъ розги; это — поврежденные, они мо-

суть вратъ вздоръ и быть честнѣйшими людьми, какъ всякій сумасшедшій).

Давайте же другъ другу честное слово не съчь вашихъ мужиковъ, составляйте не одинъ союзъ, а сотни въ разныхъ губерніяхъ, въ разныхъ уѣздахъ. Не бойтесь пуще всего вашей малочисленности: два дѣятельныхъ человѣка, твердо идущихъ къ своей цѣли, сильнѣе цѣлой толпы, никакой цѣли не имѣющей. Развѣ Уильберфорсъ ¹⁾, развѣ Кобденъ ²⁾ не начинали съ трехъ-четырехъ человѣкъ, столкнувавшихся въ клубѣ или въ тавернѣ?.. Вѣдь, это одно самодержавіе изъ своихъ видовъ лишаетъ людей довѣрія къ себѣ; на этой мнимой безпомощности покоится опека рабства; человѣкъ и слабъ, какъ искра, и силенъ, какъ искра, если вѣрится въ свою силу и *во-время* попадаетъ въ приготовленную среду.

Бросайте же подлую розгу и давайте другъ другу ваши руки на *Союзъ противъ тѣлесныхъ наказаній!*

1434. Побѣда, одержанная храбрымъ генераломъ Мухановымъ, что на Вислѣ.

Мухановъ (не оберъ-форъ-шнейдеръ) дошелъ до своей цѣли, и *нимфа* Эхо Зимняго дворца отозвалась, какъ всегда, бессмысленно подтверждая все, чего требуетъ самая глупая, самая трусливая, самая гадкая реакція: *Польское земледѣльческое общество закрыто!*—Это ужъ не только «*pas de réveilles!*», а «*pas d'agriculture!*» ³⁾

Однако, Мухановъ — человѣкъ извѣстный, какъ Абрамовичъ, какъ двадцать другихъ мелкихъ интригановъ, сыщиковъ, но справедливо ли его обвиняють? Да, видно, императорское эхо оттого и вторитъ такъ хорошо, *что хочетъ этою*. Кто же обвиняетъ кучера за то, куда ѣдетъ баринъ? Стыдно, въ самомъ дѣлѣ, прятаться то за помѣшаннаго дядьку Панина, то за совсѣмъ сумасшедшаго Горчакова-*Таврическаю*. Посмотрите свѣжіе подѣбды, — напр., на *будущаю* графа Тимашева, — вотъ какіе грибы тянетъ изъ русской земли солнце Зимняго дворца... А Лужинъ во время прогресса какъ воспитался! Прежде былъ только неспособный полицейстеръ, а теперь бьетъ и доноситъ...

Но какъ бы то ни было, уничтоженіе *Земледѣльческаго общества въ Польшѣ*—одно изъ самыхъ циническихъ и черныхъ дѣлъ петербургскаго самовластья. Поляки дѣлають превосходно, что не вѣрятъ въ чудеса Александра Невскаго. ¹

¹⁾ Вильямъ, англ. филантропъ, мужественный борець противъ невольничества, отмѣны котораго на британской территоріи добился въ 1808.

²⁾ Ричардъ, англ. политикъ, дѣятель, боровавшийся за отмѣну хлѣбныхъ покровительственныхъ законовъ.

³⁾ «Никакихъ мечтаній!», а «долой земледѣліе!»

◆◆ 1. Въ «Pzegląd Rzeczy Pońskich» отъ 1 сентября 1860 года сказано, что «Колоколь» постепенно занимаетъ все болѣе ясную и симпатичную имъ позицію. Въ продолженіе послѣднихъ мѣсяцевъ въ этомъ журналѣ произошли двѣ важныя перемѣны. Онѣ касаются отношенія Россіи къ Польшѣ и освобожденія крестьянъ въ Россіи. По первому вопросу «Колоколь» вступаетъ на раньше указанный поляками путь полнаго отдѣленія судебъ Польши отъ судебъ Россіи, по второму—онѣ перестаетъ вѣрить въ возвышенность либеральныхъ стремленій Александра II.

1435. [Отъ редакціи] ¹⁾.

Мы получили три письма; одно было напечатано почти цѣлкомъ, изъ другого были отрывки. Первое письмо, полученное гораздо прежде, послужило поводомъ нашего вопроса: «Правда-ли?». Обстоятельства дѣла описаны почти одинакимъ образомъ, — вотъ что насъ заставило помѣстить второе письмо въ «Подъ Суды». Къ этому мы должны прибавить, что мѣсяца три послѣ напечатанія обвинительнаго письма мы получили снова записку въ подтвержденіе обвиненія. Предоставляемъ читателямъ быть присяжными, — обѣ стороны передъ ними.

*) Оттого-то изъ Сибири и можетъ выйти много путнаго. Что касается до злоупотребленій и невѣжества, мы ихъ привыкли не менѣе видѣть въ *благородной* аристократіи около Зимняго дворца.

Мы приняли за правило брань вообще, и особенно брань, не идущую къ оправданію, не печатать.

***) Мѣсто не позволяетъ намъ помѣстить приложенные отрывки изъ послужнаго списка этихъ господъ. Авторъ желаетъ доказать только, что ни число лицействовавшихъ и правовѣдствовавшихъ не было такъ велико, какъ было представлено, ни повышение не представляло ничего особеннаго. Переходя къ г. Беклемишеву, авторъ выписываетъ слѣдующее мѣсто изъ обвинительнаго письма.

¹⁾ Къ письму «По поводу дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ».

*) Въ Иркутскѣ нѣтъ привилегированнаго дворянскаго сословія.

***) Около Муравьева вовсе нѣтъ, какъ говорилось, *большаго числа* «аристократическихъ юношей».

*) Я ничего подобнаго не говорилъ и вовсе не узнаю своего языка въ подражаніи.

***) О комъ рѣчь? Не понимаемъ рѣшительно.

*****) А исторія, все-таки, разсказана подробнѣе, чѣмъ въ письмѣ.

*****) Какой добрый и какой плохой полицмейстеръ!

******) Никакое правительство, даже французское, несмотря на то, что дуэль совершенно во французскихъ нравахъ, не допустить этой отрицательной complicité ¹⁾ чиновниковъ и еще болѣе—полиціи. Правительство можетъ смотрѣть сквозь пальцы, если и *не одобряютъ*, что оно знаетъ. А тутъ самъ полицмейстеръ замѣшанъ, весь городъ знаетъ, и всѣ власти молчатъ,—неужели и это не преступленіе?

******) Въ его оправданіе было уже помѣщено нѣсколько строкъ въ 67 листѣ «Колокола».

******) Тоже хорошъ,—нечего сказать!

******) Въ числѣ ихъ авторъ помѣщаетъ учителей гимназій и нѣсколько именъ, изъ которыхъ одно—глубоко уважаемое нами. Авторъ говоритъ: *«мы не думаемъ, чтобы въ глазахъ вашихъ*

*) «Говорявашимъ языкомъ—самые отвратительныя хамокрады».

**) Падшія личности изъ числа «политическихъ изгнанниковъ» въ Сибири. Разумѣлся М. В. Буташевичъ-Петрашевскій.

***) Авторъ говоритъ, что воздерживается отъ подробностей.

*****) При похвалѣ полицмейстеру.

******) Всѣ власти въ Иркутскѣ знали о готовившейся дуэли, и никто въ нее не вмѣшался.

******) Секундантомъ Беклемяшева былъ Молчановъ.

******) Лѣвкаръ Каншинъ отказался поѣхать къ Беклемишеву.

******) Всю клевету на Муравьева пустилъ декабристъ В. Θ. Раевскій.

¹⁾ Соучастіе.

какой бы то ни было авторитетъ давалъ право на безнаказанность», и мы дадимъ на это доказательство почтенному автору письма, пропуская все это мѣсто, *несмотря* на другой авторитетъ, которымъ скрѣплено все письмо. Одно слово еще. Что значить «пасть до пасквилей»? Надобно знать, противъ чего и кого пасквили: иногда можно *подняться* до пасквилей. Какъ вы думаете: поэтъ, которому добрый пастырь Сикстъ V отрубилъ обѣ руки и вырвалъ языкъ за пасквией противъ него, до нихъ *палъ*?

*) Отчего же было не напечатать?

***) Все это слишкомъ длинно для помѣщенія.

1436. [Отъ редакціи] ¹⁾.

А мы, съ своей стороны, поручаемъ особенному вниманію князя Петра Владиміровича Долгорукова дѣло о стрѣлкѣ Кочубеѣ и его просимъ познакомить съ нимъ Европу.

1437. Письмо къ Н. А. Герценъ.

6 іюля (1860).
10, Alpha road, Regent's park.

Милая моя Тата, я и этотъ разъ очень доволенъ твоимъ письмомъ и дѣлюю тебя за него. Я думаю, что за тобой заѣдетъ Саша, если къ тѣмъ порамъ не подѣдетъ Тат. Пет. Я приготовлю все послѣ 1 августа; мѣсто стоитъ найти, гдѣ нанять, чтобы и видаться съ нашими и не жить вмѣстѣ. Ноты покупай, на дорогу я еще пришлю деньги или займи у Мар. Кас.. Если не сюда, то

*) Наканунѣ похоронъ убитаго на дуэли Неклюдова были напечатаны объявленія о выносѣ его тѣла.

**) Хорошо, если бы можно было напечатать въ «Колоколѣ» полный текстъ приговора окружнаго суда по дѣлу о дуэли.

¹⁾ Авторъ статьи «Еще о стрѣлкѣ Кочубеѣ» говоритъ: «Погодите—для возбужденія въ васъ стыда мы попросимъ редакцію «Колокола» напечатать эту статью въ передачѣ на франц. языкъ. Авось, покраснѣете!».

не можетъ ли Станк. горничная проводить тебя до парохода (обо всемъ этомъ умоляю Мар. Касп. распорядиться)? У насъ вотъ что было. На дняхъ пришелъ ко мнѣ русскій знакомый и сказалъ, что онъ и еще кой-кто изъ русскихъ зовутъ меня отобѣдать, на другой день, и Огарева.

Когда мы пришли,—представь, что мы нашли почти всѣхъ русскихъ въ Лондонѣ и огромный столъ со всякими роскошами... Тутъ былъ и нашъ Чернец., Тхорж., моряки, русскіе офицеры которыхъ ты не знаешь, Бени... ¹⁾ Это—*было ровно три года*, какъ вышелъ первый листъ «Колокола», и они собрались дать мнѣ этотъ пиръ съ Огаревымъ. На столѣ стоялъ тортъ съ надписью: «1 июля 1857». Тортъ этотъ былъ посланъ Ольгѣ. Одинъ изъ русскихъ говорилъ рѣчь, и Бени говорилъ; я имъ отвѣчалъ. Обѣдъ начался въ 8 часовъ вечера и кончился въ 3 ¹/₂ ночью. Всѣ гости пошли насъ провожать.

Вотъ тебѣ и новость.

Сегодня концертъ Голицына, и Янза будетъ. Онъ кланяется тебѣ. Вильма ²⁾ все больна, и у матери ея глазъ болитъ.

Ольга ведетъ себя недурно.

Таландые были здѣсь.

Марья Каспаровна, читайте обѣдъ, но не говорите: oh, bête ³⁾).

◆◆ 1. Біографія этого «загадочнаго челоѡвка» все еще не полна, я все еще не вскрыта его истинная роль въ движеніи того времени. Сынъ пастора мѣстечка Томашева-Мазовецкаго Варшавской губ. и англичанки, Бени родился въ Лондонѣ, воспитался въ петроковской гимназіи; въ 1857 г. переѣхалъ въ Англию и принялъ великобританское подданство. Послѣ смерти покровительствовавшей тетки, переѣхалъ въ Парижъ слушать курсъ медицины. Познакомившись тамъ съ золотопромышленникомъ Томашевскимъ, пріѣхалъ съ нимъ въ Спб. въ 1860 г., чтобы отправиться въ Сибирь для пропоганды. Томашевскій разорился, и Бени остался въ Спб. безъ всякихъ средствъ. Съ Герценомъ, познакомился еще въ концѣ 1858 г. и бывалъ у него довольно часто; «въ основныхъ политическихъ принципахъ сдѣлался его ученикомъ и всякій разъ, когда Герцену случалось заговорить о болѣе общихъ предметахъ, слу-

¹⁾ У Артуръ. ¹

²⁾ Дочь Кошута.

³⁾ О, глупая!—игра словъ.

шалъ его съ глубокимъ уваженіемъ и вниманіемъ» (изъ показаній Бени въ сенатѣ). Переѣзжая въ 1860 г. въ Парижъ, Бени запасся рекомендательными письмами отъ Герцена къ кн. П. В. Долгорукову и И. С. Тургеневу (мои «Очерки освободительнаго движенія», 116—117; Бени представленъ тамъ гораздо полнѣе).

1438. Письмо къ М. А. Марковичъ.

7 іюля (1860).

10, Alpa road, St. John's Wood.

Наконецъ-то, отъ васъ письмо съ означеніемъ мѣста, а то я ужъ начиналъ дуться на васъ, во-1-хъ, за то, что вы, точно Маццини,—никогда васъ не найдешь: то въ Палермо, то въ Бернѣ, то въ Мадридѣ; во-2-хъ, какъ же вы мнѣ ни слова не сказали о моей статьѣ, писанной только, чтобъ воскурить вамъ оуміамъ лести. За то посылаю ее еще разъ.

Вашъ «Червонный музъ» (больше, чѣмъ король козырный)—такая изящная прелесть, что я заочно поцѣловалъ вашу руку. А читали ли Тург. «Первая любовь»? По моему, это гораздо лучше «Наканунѣ».

Читать я вамъ буду многое, но между четырехъ глазъ. Мнѣ очень рѣдко хочется кому-нибудь читать то, что вамъ прочту.

До 10 августа, вѣроятно, мы здѣсь. Въ Isle of Wight или возлѣ я буду непременно къ пріѣзду Таты.

Прощайте. Напишите, пожалуйста, получили ли письмо. Огар. кланяется, и оба жмемъ руку.

А. Герцена.

А Тат. Пет. гдѣ?

1439. Письмо къ Н. А. Герценю.

12 іюля (1860).

Милая моя Тата, цѣлую тебя за твое письмо. Твои письма мнѣ доставляютъ всякій разъ большую отраду и, можетъ, единственную отраду, которую имѣю. Будь той же простой и чисто русской дѣвицей, какъ ты есть. Ты должна долею замѣнить въ моей жизни мамашу.

Ѣхать тебѣ, разумѣется, съ Сашей; горничную можешь взять до Лондона. Петрушѣ напиши, что мѣсто еще не избрано; вѣроятно, m-me Meys, поѣдетъ съ Олей въ Bournemouth; тамъ очень хорошо: сосновые лѣса, горы и море.

Прощай. О домѣ думаю и очень. Miss Reeve была бы всѣхъ выше умомъ, но она сама большая нелюдимка. Осень ты будешь съ Мейзенб. (Ольгой я больше прежняго доволенъ) на морѣ. Я буду жить и тамъ, и въ Лондонѣ. Meysenb. предлагаетъ на зимніе мѣсяцы въ Парижѣ съ ней и съ Miss Reeve. Я предлагаю Ѣхать въ Брайтонъ.

Я забылъ тебѣ написать, что на обѣдѣ тортъ этотъ былъ сдѣланъ въ формѣ колокола.

Цѣлую тебя много.

Прощай.

Огаревъ кланяется. Ольга уѣхала въ Виндзоръ.

1440. Письмо къ М. К. Рейхель.

12 июля (1860).

10, Alpha road, St. John's Wood.

Вотъ что значитъ близъ Иртыша родиться;—все канцелярскій: порядокъ да отвѣчай по пунктамъ.

§ 1. Само собою разумѣется, если Саша пріѣдетъ черезъ три недѣли, то Татѣ лучше его ждать, съ нимъ заѣхать въ Гейдельбергъ, въ Бернъ, а потомъ Ѣхать сюда.

§ 2. Горничную наймите очень опредѣленно,—пожалуй, до Лондона, только, чтобъ я зналъ, заплатить столько-то и столько-то на обратный путь.

За что же гнѣвались и ссорились? А вы лучше скажите Мельгунову, что я его поздравляю съ пріѣздомъ въ Дрезденъ, и познакомьте его съ Татой, а съ Рѣдкинымъ не знакомьте (потому что онъ и безъ васъ его знаетъ).

Если деньги нужны, черкните.

Въ Ventnor я рѣшительно не поѣду: тамъ кишмя кишѣтъ будетъ русскими. Второй концертъ Голиц. имѣлъ огромный успѣхъ: вы увидите, что я сказалъ въ «Колок.»

За симъ разныя либенсвирдигкейты ¹⁾ и решпекты.

¹⁾ Любезности.

НВ. Вчера у меня былъ одинъ изъ нашихъ посланниковъ ¹⁾... Это первый визитъ въ этомъ родѣ... И очень любезный человекъ. ¹

◆◆ 1. Въ июлѣ 1860 г. у Герцена былъ и молодой ученый А. В. Романовичъ-Славатинскій. «Разговоръ зашелъ о «Современникѣ», направленію котораго Герценъ, какъ видно было, очень сочувствовалъ. Онъ и со мной началъ рѣчь объ этомъ направленіи... Вошла какая-то дама, вѣроятно, изъ отдаленной русской провинціи,—такъ высокопарно она восхваляла хозяина, поклониться которому считала своимъ нравственнымъ долгомъ, для чего и пріѣхала въ Лондонъ. Герценъ, кажется, самъ былъ сконфуженъ высокопарными восхваленіями доморощенной русской радикалки. Намъ всѣмъ, по крайней мѣрѣ, легче стало, когда она ушла... Герценъ произвелъ на меня самое симпатичное впечатлѣніе. Это былъ человекъ широкаго образованія и развитія, съ крѣпкою послѣдовательною мыслью, съ изящною русскою рѣчью, изукрашенной цитатами изъ всевозможныхъ европейскихъ литературъ, замѣчательнымъ знатокомъ которыхъ онъ былъ... Типъ русскаго человека, Герценъ производилъ впечатлѣніе истаго русскаго дворянина, вскормленнаго роскошью крѣпостной среды; демократъ по убѣжденіямъ, онъ былъ истиннымъ аристократомъ по манерамъ, вкусамъ и воспитанію. Скоро онъ отдалъ мнѣ визитъ... Говорили мы съ нимъ и о прелестяхъ русской жизни, по которой онъ сильно соскучился: о русской тройкѣ съ лихачемъ-ямщикомъ, которая мчитъ по чудесному санному пути; о русскихъ ватрушкахъ, загнутые края которыхъ, какъ вспомнилъ самъ Герценъ, поджарены... Мы говорили, конечно, по-русски, и чудный тэмбръ Герцена раздавался на всю общую залу (пансіона). Когда онъ вышелъ, одинъ изъ присутствовавшихъ спросилъ: «На какомъ языкѣ говорилъ этотъ джентльменъ?»—«Мы говорили съ нимъ на нашемъ родномъ русскомъ языкѣ»,—отвѣчалъ я.—«Какой же это благозвучный, музыкальный языкъ!»—замѣтилъ мой собесѣдникъ» («Вѣст. Европы» 1903, III, 204—206).

1441. [Отъ редакціи] ²⁾.

«Daily Telegraph» на дняхъ, помѣщая рассказъ о знаменитомъ тостѣ Пугачеву, прибавляетъ, что государь узналъ объ этомъ изъ «Колокола».

¹⁾ Кн. Н. А. Орловъ, посланникъ въ Брюсселѣ.

²⁾ Помѣщено въ видѣ примѣчанія къ статьѣ «Тостъ Пугачеву и послѣдняя кампанія (будущаго графа) Тимашева», въ которой описывался обѣдъ,

«Колоколъ» переходить въ миѳъ: у насъ строки не было ни о казиноскомъ праздникѣ, ни о самомъ Кашиновѣ (котораго переписка со Строгановымъ у насъ естъ). Или въ самомъ дѣлѣ перепечатають «Колоколъ» для высочайшаго употребленія, или *аристократъ* Тимашевъ, графъ in spe, выдумалъ новую уловку и сваливаетъ на насъ, бѣдныхъ, свои доносы,—какое лестное братство!

1442. Русская музыка въ Лондонѣ.

Концерты кн. Ю. Н. Голицына имѣли рѣшительный, огромный успѣхъ,—со второго концерта обширная зала St. James's Hall была полна. Англичане были удивлены, увлечены и провожали трескомъ и громомъ всѣ пьесы. Эстетическое нашествіе русскихъ звуковъ идетъ отъ побѣды къ побѣдѣ. Концерты кн. Голицына чисто-русскіе, и въ этомъ-то ихъ серьезное значеніе. Богатая натура наша высказывается тутъ съ своей мощной стороны. Наша музыка не является скромно просить вниманія своей оригинальности и сколько-нибудь гражданства,—она врывается, разомъ вооруженная Боршнянскимъ и Глинкой, заявляетъ себя энергически и самоувѣренно подъ партизанскимъ начальствомъ искуснаго вождя!

По всему этому мы отъ всей души желаемъ успѣха и успѣха русскимъ концертамъ кн. Голицына. И тѣмъ больше, что кн. Голицынъ ими начинаетъ новую жизнь,—изъ камергеровъ онъ дѣлается художникомъ. До сихъ поръ онъ жилъ, какъ всё русское барство: чужимъ трудомъ, значеніемъ по службѣ и царской милостью; теперь онъ начинаетъ, какъ всякій независимый артистъ, жить своимъ трудомъ, значеніемъ своего таланта; высочайшее благоволеніе замѣнится рукоплесканіями свободной аудиторіи, а крестьянскій оброкъ—платой за билеты.

Мы привѣтствуемъ князя на этомъ *человѣческомъ* поприщѣ; путь этотъ, можетъ, и не такъ легокъ, но воздухъ, который вѣетъ на немъ, необыкновенно чистъ.

Примѣръ кн. Голицына очень ко времени. Это—своего рода *mentemoto* моги для невскихъ «князей, бояръ и воеводъ». По несчастію, примѣръ его труденъ. Тутъ недостаточно имѣть *хорошее*

данный 10 мая херсонскимъ губ. предводителемъ дворянства Е. А. Касиновымъ членамъ редакціонныхъ комиссій. Послѣ тостовъ кн. А. В. Оболенскаго за К. Д. Кавелина, А. М. Унковскаго, Б. Н. Чичерина, И. С. Тургенева и Д. В. Григоровича и... русской заграничной печати, председатель комиссій П. А. Булгаковъ сказалъ громко: «почему же послѣ этого не предложить тостъ за здоровье Пугачева?!»... Объ этомъ много говорили.

ухо,—но выработанный талантъ. А то у *будущаго* графа Тимашева ухо есть и превосходное, но концерта съ князь Васильемъ Долго-руковымъ онъ не дастъ. Для концерта надобно въ себѣ *доносить* искусство до совершенства, а не дѣлать несовершенные доносы изъ западни III Отдѣленія. Правда, Тимашевъ прежде хорошо рисовалъ каррикатуры, ну, да это *tempi passati* ¹⁾.

1443. Самодержавный либерализмъ.

Sono nato libero—e voglio morire libero! ²⁾ говорилъ—кто вы думаете? Маццини? Орсини?... Нѣтъ, покойный король неополитанскій, когда его убѣждалъ одинъ изъ конституціонныхъ министровъ подписать какой-то законъ. У *вѣнчаныхъ* главъ бываетъ иногда такой самодержавный якобинизмъ. Говорятъ, Княжевичъ ³⁾, спросивъ предварительно у Шувалова ⁴⁾, сколько тратится на дворъ, поднесъ тахітум государю, прося его утвердить эту смѣту, чтобъ министерство знало, не болѣе какой суммы потребуется. Государь разобидѣлся этимъ и сказалъ Княжевичу: «Какъ? Меня ограничивать! Ну, а если я все потребую сразу?»—*E nato libero, e corpo di Vacco, vuol morire libero* ⁵⁾.

1444. А. С. Хомяковъ и Австрія.

Московское *императорское* Общество любителей словесности ⁶⁾, окончивъ любопытную и длинную междоусобную войну Селиванова и Лонгинова, занялось вѣншею политикой. Оно послало одному ученому чеху ⁷⁾ дипломъ на званіе члена. Въ Австріи еще продолжаютъ николаевскія времена, и чехъ долженъ былъ спросить позволенія у К.-К. Polizei ⁸⁾ о дозволеніи принять это невинное, какъ агнецъ, званіе. К.-К. Polizei спрашивала такую же въ Вѣнѣ и объявила, что диплома *der sogenannten gesellschaft* ⁹⁾ принимать не дозволяется. Всякій знаетъ, что значить слово *der sogenannte*, употребляемое въ этомъ смыслѣ. Прочитавъ это въ нѣмецкихъ газетахъ, мы такъ и ждали примѣрной мести творца «Дмитрія Самозванца» и «Ермака» ¹⁰⁾ за оскорбленіе

¹⁾ Дѣла давно минувшихъ дней. Невѣрно: въ 1859 г. онъ помѣщалъ свои каррикатуры въ «Искрѣ».

²⁾ Я родился свободнымъ и хочу умереть свободнымъ!

³⁾ Александръ Максимовичъ, министръ финансовъ.

⁴⁾ Гр. Андрей Петровичъ, оберъ-гофмаршалъ.

⁵⁾ И родился свободнымъ, и хочу, чортъ возьми, умереть свободнымъ!

⁶⁾ Неточно: «Общество любителей російской словесности при московскомъ университетѣ».

⁷⁾ Вячеславъ Ганка.

⁸⁾ Императорско-королевская полиція.

⁹⁾ Такъ называемаго общества.

¹⁰⁾ А. С. Хомяковъ, предсѣдатель общества.

блага царя, святой Руси, первопрестольной Москвы—и не ошиблись. До-
 сталось за безчестіе и вражьи навѣты цесарцамъ, называющимъ *империа-
 торское* да еще московское общество — die sogenannte... Лонгиновъ напе-
 чаталъ объ этомъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ»! Съ нами Богъ! Богъ-то
 съ нами, да языцы-то не разумѣютъ по-русски! 1

◆ 1. 25 сентября 1860 г. И. С. Аксаковъ писалъ Герцену
 изъ Лейпцига: «Заглянулъ я въ «Колоколъ», давно мною не чи-
 танный, и, признаюсь, разсѣрдился очень... Первое, что попало-
 сь мнѣ на глаза, это—выходка противъ Хомякова, несправедливая,
 неудачная и обнаруживающая только тщетное желаніе какъ-нибудь
 кинуть грязью въ человѣка, въ честности, — благородствѣ, *свободо-
 мысли* котораго вы не смѣете сомнѣваться. Статья Лонгинова по
 поводу недозволенія австрійскимъ правительствомъ Ганкѣ принять
 званіе члена,—статья, которую я, впрочемъ, не читалъ, напечатана
 безъ вѣдома и въ отсутствіе Хомякова, находящагося въ деревнѣ.
 Между Хомяковымъ, между нами и Лонгиновымъ нѣтъ ни малѣйшей
 солидарности, ни малѣйшей связи. Онъ скорѣе «вашъ», т.-е. былъ
 вашъ!.. Странное дѣло, Александръ Ивановичъ! Если вамъ прихо-
 дится отдавать намъ справедливость, то это вамъ стоитъ большихъ
 надъ собой усилій; вы, словно, давитесь и обставляете свои по-
 хвалы всякими оговорками: совершенно въ родѣ того, какъ когда
 приходится нѣмцу, французу или англичанину похвалить русскихъ.
 ...Когда же есть поводъ, т.-е. вы предполагаете, что есть поводъ,
 ругнуть кого-нибудь изъ насъ, то вы съ великою радостью хва-
 таетесь за этотъ поводъ, и подавленная на время непріязнь такъ
 и вспыхиваетъ наверхъ. Все это выражается въ той маленькой ста-
 тейкѣ «Колокола», гдѣ имя Хомякова приплетено ни къ селу, ни
 къ городу. Можно было бы подумать, что какъ вы ни ругаете Па-
 наева и К^о (т.-е. «Современникъ»—*М. Л.*), но вы къ нимъ, все-таки,
 ближе, но я этого не хочу думать. Просто стыдно вамъ, любез-
 нѣйшій А. И., что вы позволили себѣ такую выходку, и я слиш-
 комъ люблю васъ, чтобы молчать или скрыть отъ васъ мою до-
 саду» («Вольное Слово» 1863 г., № 60).

1445. (Увѣдомленіе).

Полученные нами изъ Россіи 18 фунтовъ (450 фр.) и изъ
 Германіи отъ русскихъ 3 фунта переданы нами черезъ здѣшній
 гарибальдѣевскій комитетъ А. Бертани въ Геную. Расписки у насъ.

1446. Письмо къ Н. А. Герценъ.

(15—18 июля 1860).

Милая Тата, жду теперь отъ тебя вѣстей изъ Гейдельберга и Берна. Пиши аккуратно, когда ѣдете,—я приѣду на желѣзную дорогу. Meysenbug ѣдетъ 1-го августа съ Ольгой въ Bourne-mouth.

Письмо твое получилъ, и Огаревъ—тоже; мы оба были ими довольны. Художникъ былъ правъ: всякое искусство требуетъ много усилій, много навыка, и, слѣд., много времени, но оно у тебя есть. Музыка и рисованіе должны быть на главномъ планѣ.

Что Miss Reeve не свѣтская дама, это правда, но что это—женщина необычайнаго ума и развитія, и это правда. Насчетъ зимы ничего не рѣшено. Въ Парижъ, если я тебя отпущу, то по очень важнымъ причинамъ. Тебѣ надобно быть близко отъ меня.

Горничная (на вопросъ Саши) можетъ ѣхать во 2-мъ мѣстѣ.

Скажи Сашѣ, письмо его я получилъ; отвѣчать на него нечего. Если въ Бернѣ къ нему придетъ князь Трубецкой (Павелъ)¹⁾, то чтобъ принять его, какъ нельзя лучше.

Представь себѣ, что сегодня мнѣ Tassinari подергалъ кордѣи,—значитъ, пора тебѣ домой.

1447. Письмо къ Н. А. Герценъ.

23 июля 1860.

Милая Тата, не знаю, найдетъ ли тебя эта записочка въ Гейдельбергѣ или еще въ Дрезденѣ. Пишу на всякій случай, чтобъ сказать, что Ольга и М. Meys. ѣдутъ къ 1 августа въ Bourne-mouth, куда, вѣроятно, мы уже отправимся вмѣстѣ. Если Тат. Петр. скоро поѣдетъ, то ты можешь ѣхать съ ней. Въ Бернѣ тогда, можетъ, ты не попадешь, но можешь погостить въ Гейдельбергѣ. Во всякомъ случаѣ напиши мнѣ тотчасъ и подробно, чтобы я могъ написать тебѣ отвѣтъ и сказать, какъ лучше.

Мнѣ прислали изъ Россіи подарки, только слишкомъ богатые: серебряный крестьянскій лапотъ и золотой буракъ для икры. Буракъ сдѣланъ превосходно.

¹⁾ Петровичъ, московскій общественный дѣятель.

Прощай. Напиши, узнала ли тебя Лиза и узнала ли ты Тат. Петр. Ты можешь у ней справиться, какъ мы ѣли гороховый кисель съ постнымъ масломъ и гречневика. Обнимаю тебя много... Пора тебѣ домой.

1448. Письмо къ И. С. Тургеневу.

25 июля (1860).

10, Alpha road, Regent's park.

Получивъ строжайшее вашего превосход. предписаніе, по слѣдующей за нимъ почтѣ счастье имѣю отвѣтствовать.

Къ 10 августа Анненковъ мететь передъ собою лавину русскихъ,—въ томъ числѣ литераторы, воины, мои дѣти, Т. П. Пасекъ, Марья Александр., послѣдній № «Современника» и другія страны и области,—къ Лондону.

Къ 10 августа и я ѣду изъ Лондона.

Но это не для того, чтобъ не видѣться, а для того, чтобъ видѣться.

Я разбираю свою палатку, т.-е. купальную, въ Bournemouth; это отъ Вентнора, отъ Needles и отъ всего Блага острова черезъ маленькій проливцецъ, такъ ¹⁾).

Но, спрашиваешь ты меня, зачѣмъ не въ Ventnor?

Но, отвѣчаю я тебѣ, тамъ изъ Жмуди цѣлое населеніе руссовъ и покоя не дадутъ ни на минуту. Видѣться мы можемъ всегда, даже есть правильное сообщеніе пароходами.

Если тебѣ все равно,—купайся въ Бунмуссѣ (какъ произносятся здѣсь). Тебѣ я радъ.

Далѣе я буду сновать между Regent's park'омъ и берегомъ.
У ногъ вашихъ.

А. Г.

Огаревъ кланяется.

Ты знаешь, что въ Петерб. на обѣдѣ старшинамъ англійскаго клуба подавали (по печатному меню)

Гласъ Шатобрианъ?

Ну, кабы Мельгунова глазъ?

¹⁾ Дальше нарисованы опять тѣ же контуры съ изображеніемъ палатки у Bournemouth.

1449. Письмо къ дѣтямъ.

*Татъ или Сашъ,*кто налицо.
26 іюля (1860).

Милая Тата, я своего плана не измѣнялъ и тебѣ самой поручаю смотрѣть за его исполненіемъ. Если Тат. Петр. ѣдетъ въ продолженіе *одной недѣли* отъ полученія этого письма въ Лондонъ, ты можешь ѣхать съ ней и съ Сашей вмѣстѣ. Если ты хочешь, и это возможно, ты можешь остаться дня два-три лишнихъ въ Гейдельбергѣ. Выѣхавъ изъ Гейдельберга, если заѣдете въ Бернъ, я тамъ рѣшительно *не позволяю остаться* больше трехъ-четыре-хъ дней.

Ясно теперь? Въ Эмсъ съ Тат. Петр. ѣхать не за чѣмъ.

Если все еще недостаетъ денегъ, возьми у Елены Алекс. ¹⁾, а я сейчасъ пришло.

Ольга ѣдетъ 30 или 31 въ Bournemouth,—куда и я приѣду, да, кажется, и Тургеневъ.

Маріи Александровнѣ скажи, что я оттого и не пишу, что жду ее сюда.

Затѣмъ обнимаю тебя и Сашу.

Прощай.

1450. Письмо къ М. К. Рейхель.

27 іюля 1860.
10, Alpha road, St. John 's Wood.

Почтеннѣйшая тетушка Марья Каспаровна, я всегда полагалъ, что германскій воздухъ нездоровъ для сѣверныхъ мозговъ, нынѣ же убѣдился, что и на васъ таковой дурно дѣйствуетъ.

И это вамъ было не стыдно писать цѣлую диссертацию, съ бухгалтеріей, съ *comptabilité en partie double* ²⁾? давно ли же я сталъ такимъ Гарпагономъ? Въ то время, какъ я вамъ писалъ: больше уроковъ, больше уроковъ... а коли уроки, надобны и баш-

¹⁾ Сатина.

²⁾ Двойной бухгалтеріей.

маки (нельзя босой ихъ брать). Итакъ, объ этомъ вздорѣ не пишите. Я, впрочемъ, счетъ вашъ и не читалъ. А когда совсѣмъ расплатитесь, напишите: «Шикенъ зи зофиль» ¹⁾. Вчера получилъ я письмо изъ Москвы... отъ кого? отгадайте... Ну, фунтъ конфетъ, рюмку абсенту... а я скажу на дру ²⁾ гой сторонѣ. Отъ Зонненберга, съ тѣми же ошибками... Просто удивленье! Праск. Петр. ³⁾ умерла.

Теперь, я полагаю, что Тата въ Гейдельбергѣ. Тетушка племянницѣ, Тат. Пет., тоже мозги разстроила. Я и вамъ и ей писалъ, что хорошо, если Тата съ ней поѣдетъ, т.-е., если она въ то же время поѣдетъ, а зачѣмъ же Татѣ въ Ласточкинъ ручей (Schwalbach) ⁴⁾? Надобно и домой ей, т.-е. къ Марго. Въ Бернѣ какъ можно меньше оставаться.

Прощайте.

1451. Письмо къ М. А. Марковичъ.

27 июля (1860).

10, Alpha road, Regent's park.

Я разъ писалъ къ вамъ въ Швальбахъ, Марія Александровна, и потомъ ждалъ, что вы въ первыхъ августахъ, какъ снѣгъ на голову. Анненк. пишетъ, что его, какъ вихрь, забираетъ la Russie mobile ⁵⁾, и плыветъ въ Англию. Тургеневъ ворочаетъ и медленно выступилъ изъ Constance ⁶⁾. Въ Isle of Wight будетъ, какъ я вамъ писалъ, толпа русскихъ,—я буду возлѣ. Мнѣ очень хочется вамъ прочесть тѣ нѣсколько главъ (которыя мнѣ стоили нѣсколько лѣтъ и которыми я былъ до нынѣшняго лѣта недоволенъ), да только мнѣ бы это хотѣлось или въ комнатѣ у васъ читать съ глазу на глазъ, или на полѣ. Я шагаль бы на берегу морскомъ, только это смѣшно,—но непременно съ глазу на глазъ, тогда я не буду по обычаю дурачиться, могу быть грустенъ, если буду грустенъ, и вы не будете развлечены. Я жду вашего искренняго суда, честнаго; вы, какъ женщина, должны сказать, если что васъ шокируетъ. Я

¹⁾ Пришлите столько-то.

²⁾ Дальнѣйшее умышленно написано на другой страницѣ.

³⁾ Медвѣдева.

⁴⁾ Schwalbach—цѣлебный источникъ въ округѣ Висбаденъ. Ласточкинъ ручей былъ бы по-нѣмецки правильно: Schwalbenbach.

⁵⁾ Движущаяся Россія, т.-е. волна гостей.

⁶⁾ Констанца.

вѣрю въ ваше сердце. А для меня эти главы—не шутка. Кромѣ Ог—хъ и С. ¹⁾ я никому не читаль всего.

Видѣли ли вы Тату? Я ею очень, очень доволенъ... Наши колокольня дѣла идутъ блестяще. Объ этомъ при свиданіи.

Дайте вашу руку,

А. Герцена.

Я для того взялъ большой листъ, чтобъ письмо показалось коротко.

Если Тат. Петр. у васъ близко, скажите ей, что я получилъ письмо отъ Зонненберга, и что Медвѣдева умерла (это—вятская дама Р. въ «Быломъ и думахъ»). Татѣ въ Эмсѣ ѣхать я не позволю,—это слишкомъ долго.

1452. Грязь и Лужинь.

«Я самъ выдалъ свою дочь за *Лужина!*» говорилъ Николай Васильчикову, желая сказать, что выдалъ ее плохо. На этотъ разъ бригадный императоръ не ошибся. Передъ нами лежатъ подробности гнуснаго харьковскаго дѣла. Читаешь и не вѣришь глазамъ. Письмо явнымъ образомъ опоздало, но это не лишаетъ интереса рассказанныхъ злодѣйствъ ²⁾.

1453. Законоучитель Полисадовъ и его мѣры распространенія „Колокола“.

21 іюня (1 іюля) въ 1 кадетскомъ корпусѣ происходила присяга нововыпущенныхъ изъ кадетскихъ корпусовъ офицеровъ. При присягѣ рассказываютъ петербургскіе журналы, законоучитель Спб. университета Полисадовъ произнесъ слово. Богокраснорѣчивый проповѣдникъ совѣтоваль ревностное занятіе *чтеніемъ*. «Что же читать?»— вопрошаетъ онъ. «На это трудно отвѣтить»— благоотвѣтствовалъ онъ.—«но легко сказать, чего читать не слѣдуетъ. Не слѣдуетъ читать тѣхъ запрещенныхъ сочиненій, которыя ходятъ тайкомъ и какъ волки хищные, губятъ религію и государство».

Послѣ этого мы обезпечены: каждый молодой офицеръ при-
мется за хищныхъ волковъ.

¹⁾ Н. М. Сатинъ.

²⁾ Далѣе корреспондентъ рассказываетъ исторію 1859 г. объ истязаніи Лужинимъ студента Завадскаго, о высылкѣ пяти студентовъ и нападкахъ Лужина на харьковскій университетъ.

1454. Письмо къ генераль-адъютанту Зиновьеву.

Милостивый Государь
Николай Васильевичъ!

У васъ въ тверскомъ имѣннiи военная экзекуція, жандармскiй штабъ-офицеръ Симановскiй уродуетъ стариковъ, вырываетъ бороды, а вы не допускаете къ себѣ мужиковъ, жалующихся на мерзавца бурмистра Михайлова. Въ слѣдующемъ листѣ «Колокола» мы помѣстимъ всѣ подробности дѣла. Теперь обращаемся прямо къ вамъ, чтобы вы имѣли время спасти отъ окончательчаго разоренiя вашихъ крестьянъ.

Вспомните, что, не слушая просьбу и не допуская до себя просящихъ, вы даете дурной урокъ наслѣднику. Призывая солдатъ и жандармовъ въ деревню совершенно ненужно, вы даете дурной примѣръ помѣщикамъ.

Авось, вашъ дворецкiй не перехватитъ «Колокола».

Примите увѣренiе въ нашемъ искреннемъ желанiи помочь вашимъ крестьянамъ.

Издатели «Колокола».

Лондонъ, 24 iюля 1860.

◆◆ 1. Приведу, кстати, характерную секретную бумагу подполковника Симановскаго отъ 2 января 1861 г. на имя начальника 2 округа корпуса жандармовъ генерала Перфильева: «Имѣю честь почтительнѣйше представить вашему высокопревосходительству въ двухъ экземплярахъ свѣдѣнiя о нѣкоторыхъ лицахъ, служащихъ въ Тверской губ., не вошедшiя въ донесенiе мое отъ 23 iюля прошлаго года за № 196.

Вице-губернаторъ Солтыковъ ¹⁾.

Свѣдущъ, дѣятеленъ, безкорыстенъ, требователенъ относительно сотрудниковъ, взыскателенъ относительно подчиненныхъ; этими качествами приобрѣлъ особенное довѣрiе и вниманiе начальника губернiи; такимъ же вниманiемъ встрѣченъ былъ и отъ лицъ здѣшняго избраннаго общества, сколько по значительности занимаемаго имъ мѣста, столько и по литературной его извѣстности;

¹⁾ Михаилъ Евграфовичъ Солтыковъ (Щедринъ).

вниманіе это продолжается, но нельзя сказать, чтобъ онъ успѣлъ достигнуть искренняго съ кѣмъ-либо сближенія или общаго расположенія.

Взыскательность его и особо бдительный надзоръ за правильною дѣятельностью и служебною нравственностью чиновниковъ выразились значительно большимъ противъ прежнихъ лѣтъ числомъ лицъ, отданныхъ въ 860 подъ уголовный судъ.

Рѣшеніе этихъ дѣлъ должно показать, всѣ ли виновные заслуживали такую строгую противъ нихъ мѣру; впечатлѣніе же, произведенное этими распоряженіями на служащихъ въ уѣздахъ, весьма натурально, не въ пользу г. Солтыкова. Онъ искренно желаетъ уничтоженія крѣпостного права и дѣятельно преслѣдуетъ злоупотребленія онаго, о чемъ свидѣтельствуетъ значительное число слѣдствій, бывшихъ въ минувшемъ году, о жестокомъ обращеніи помѣщиковъ съ крѣпостными людьми по важнымъ и мало важнымъ поводамъ, устраненіе нѣкоторыхъ изъ нихъ отъ управленія имѣніемъ и вызовъ ихъ на жительство въ губернской городъ» (Архивъ III Отдѣленія 1844 г., I эксп., дѣло № 247).

1455. Офицерское ерничество на Тверскомъ бульварѣ.

«Русскій Инвалидъ» рассказываетъ (разумѣется, скрывая фамиліи) рядъ грязныхъ, кабацкихъ, ухарски-ерническихъ продѣлокъ какихъ-то офицеровъ и другихъ молодцовъ, останавливающихъ женщинъ и дѣвушекъ на Тверскомъ бульварѣ, цѣловавшихъ незнакомыхъ изъ-за пари и пр. Все это очень мило. Но развѣ въ Москвѣ нѣтъ военнаго генераль-губернатора, ни коменданта, ни оберъ-полицейстера, наконецъ? Неужели по бульвару, идущему мимо оберъ-полицейстерскаго дома, нельзя безопасно ходить? Прежде, чѣмъ христіанъ отъ друзей защищать, надо своихъ христіанокъ взять подъ защиту отъ причины.

Такъ мы еще не дальше ушли, такъ еще теперь ваша жена, сестра, дочь можетъ быть оскорблена безнаказанно, если вы не принадлежите къ аристократіи, а ерникъ защищенъ эполетами, аксельбантами, дядями и тетками.

Почему нѣтъ именъ милыхъ любезниковъ? почему правительство считаетъ себя обязаннымъ прикрывать собою всѣ нечистоты, прятать у себя за пазухой всѣ гадости? Скрывать значитъ принимать на себя долю вины, сочувствовать,—ни тѣни здраваго смысла!

Эти строки были у насъ написаны, когда мы получили письмо отъ неизвѣстнаго господина, сомнѣвающегося въ истинѣ происшествій, рассказанныхъ въ «Инвалидѣ». Но сомнѣвается онъ на странномъ основаніи: «Неужели, говоритъ онъ, *возможно* предполагать, чтобъ кто-либо изъ гг. офицеровъ когда-либо могъ забыть до подобнаго безчинства?»

Отчего же это невозможно? Гдѣ, въ какомъ уголкѣ царства небеснаго или Россіи живетъ авторъ письма, что считаетъ это невозможнымъ?

Ну, а какже, возможно или нѣтъ, представить себѣ офицера, который въ публичномъ домѣ въ Москвѣ во время коронаціи зарѣзалъ купца и *не былъ наказанъ за это?* Если мы не ошибаемся, его фамилія—князь Долгоруковъ. Или онъ никогда не слыжалъ о продѣлкахъ de la bande joyeuse конногвардейцевъ и другихъ офицеровъ у Бореля? А какъ полицмейстеръ Огаревъ сѣкъ купца за то, что онъ написалъ любовную цидулку танцовщицѣ, за которой ухаживалъ? Вы мало знаете Россію и мало знаете офицеровъ. Въ числѣ офицеровъ есть благороднѣйшая, прекраснѣйшая молодежь, на которую мы смотримъ, какъ на одну изъ самыхъ лучшихъ надеждъ Россіи, это — люди, испытавшіе себя въ Крыму и на Кавказѣ, развившіе въ себѣ человѣческія понятія, вопреки николаевскимъ учебнымъ заведеніямъ, люди энергіи и дѣятельности, люди нравственно здоровые, спасшіеся отъ статской сломанности и безумныхъ нервъ, — эти не пойдутъ на бульваръ ерничать.

Но есть и другого рода офицеры, продолжающіе традицію безумнаго цесаревича, стрѣлявшаго для потѣхи дробью изъ окна въ прачекъ, отдавшаго на поруганіе французенку-модистку, не склонившуюся на его предложенія, какимъ-то одичалымъ разбойникамъ своей свиты, *убившимъ* ее.

Отправляясь отъ такой ложной мысли, что нѣтъ возможности, чтобы были такіе офицеры, корреспондентъ говоритъ: «неужели правительство не заступится»... за кого—вы думаете? за несчастныхъ женщинъ? Нѣтъ... «*за обиженное званіе?*». Помилуйте, да вы молитесь Богу, что правительство хоть во что-нибудь не мѣшается. Требуйте отъ автора фамилій, нападайте на цензуру, что она не пропускаетъ именъ, но не зовите на помощь правительство. Своей помощью оно самое чистое дѣло сдѣлаетъ подозрительнымъ. На статьи надобно отвѣчать не на гербовой, а на простой бумагѣ.

Въ заключеніе мы сами обращаемся, только не къ правительству, а именно къ тѣмъ благороднымъ представителямъ военнаго званія, о которыхъ говорили. Это—ихъ дѣло начать изгнаніе грубаго наглаго ухарства, всѣхъ этихъ казарменныхъ Алквіадовъ и Донъ-Жуановъ изъ экзерциргауза. И то ли время теперь, чтобы вообще дурачиться?—туча надъ головою, духота!

1456. Отъ издателей.

Господь, приславшихъ намъ письмо о злоупотребленіяхъ, дѣлавшихся во время ополченія, и другое письмо объ управляющемъ Вержболовской таможенной, мы просимъ насъ извинить за то, что мы не напечатаемъ ихъ корреспонденцій. Время дружинъ и ополченій давно прошло, и теперь нѣтъ никакого интереса рассказывать мелочи,—вкусъ притупился, особенно послѣ того, какъ публика знаетъ, что дѣлалъ оптомъ Лидерсъ, и что дѣлалъ гуртомъ Затлеръ, и какъ съ ними поступилъ Александръ Николаевичъ. Еще менѣе интересны для публики подробности таможенныхъ шашенъ,—все это вѣдомство основано на нелѣпости и правительственномъ лихоимствѣ; ни въ таможную, ни въ откупъ не пойдетъ чело-

вѣкъ служить изъ полного самоотверженія и такой же преданности ¹⁾).

Кстати, у насъ еще есть пять-шесть записокъ по дѣламъ *чисто гражданскимъ*. Общаго интереса въ нихъ нѣтъ. Мы вообще отказываемся печатать спорныя гражданскія дѣла, когда въ нихъ нѣтъ какихъ-нибудь чудовищныхъ нелѣпостей или беззаконій.

1457. «Записки» И. В. Лопухина.

Всякое правдивое сказаніе, всякое живое слово, всякое современное свидѣтельство, относящееся къ нашей исторіи за послѣднія сто лѣтъ, чрезвычайно важно. Время это едва теперь начинаетъ быть извѣстнымъ. Времена татарскаго ига и московскихъ царей намъ несравненно знакомѣ царствованія Екатерины, Павла. Исторія императоровъ—канцелярская тайна, она была сведена на дифирамбъ побѣдъ и на риторику подобострастія.

Не думаемъ, чтобъ въ самой Австріи употреблялись когда-либо такія многостороннія мѣры, какъ у насъ, чтобъ скрывать и искажать историческія событія. Съ одной стороны, правительство запрещаетъ печатать о такихъ происшествіяхъ, о которыхъ всѣ знаютъ, о которыхъ всѣ говорятъ въ гостиныхъ и переднихъ, во дворцѣ и на рынкѣ ²⁾. Съ другой,—оно открыто лжетъ въ официальныхъ разсказахъ и потомъ заставляетъ повторять свою ложь въ учебникахъ. Сначала ей никто не вѣритъ, но, боясь преслѣдованій, никто въ этомъ не признается; потомъ событія забываются, современники умираютъ, и остается какое-то смутное преданіе о томъ, что правительство исказило фактъ.

Отсюда общая увѣренность, что правительство всегда говоритъ неправду, и сомнѣніе въ возможности знать истину. Развѣ цѣлая Россія не была свидѣтельницей, что въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ 1812 года правительство проклینало французовъ за сожженіе Москвы, а потомъ то же сожженіе стало ставить героизмомъ русскихъ? Народъ, само собою разумѣется, не вѣритъ не только ни одной побѣдѣ, ни одной реляціи, но онъ не вѣритъ въ естественную смерть императора Александра, его жены, цеса-

¹⁾ Съ послѣднимъ письмомъ присланъ *талеръ* для пересылки листа «Колокола». Что намъ съ нимъ дѣлать? Мы всегда готовы послать на свой счетъ,—это насъ меньше затрудняетъ, чѣмъ подобная присылка. А. И. Г.

²⁾ Бенкендорфъ разсказывалъ Кюстину въ Петергофѣ подробности о революціи 1762 и о смерти Петра III. А. И. Г.

ревича Константина, Дибича; о томъ, какъ отравили Николая, составилась цѣлая легенда.

Казалось, что въ нашу эпоху *ожиданій и упованій* можно было *уповать* и на то, что мы, наконецъ, узнаемъ исторію послѣдняго времени не по канцелярскимъ Титамъ Ливіямъ, а по документамъ, и, дѣйствительно, показались превосходныя монографіи, чрезвычайно интересныя письма, записки. Половина матеріаловъ, присланныхъ намъ для нашего «Историческаго сборника», явилась на свѣтъ въ Россіи. Словомъ сказать, дѣла и люди настолько усовершенлись, что Устряловъ, писавшій свою исторію Россіи по трафаретамъ министра Уварова и по мотивамъ Николая Павловича, сталъ издавать исторію Петра по источникамъ. VI томъ его исторіи испугалъ и былъ поводомъ къ одному изъ замѣчательно нелѣпыхъ циркуляровъ: цензорамъ не велѣли ничего пропускать *непохвальною* о лицахъ, родственныхъ къ императорской фамиліи и умершихъ послѣ кончины Петра I.

Мы имѣемъ передъ собой выпущенныя мѣста изъ «Записокъ» Энгельгардта, свидѣтельствующія, что оберъ-форъ-шнейдеръ Мухановъ ловко внушилъ своимъ нидеръ-нахъ-шнейдерамъ, какъ исполнять кастрированіе книгъ¹⁾.

Чтобы не отстать отъ внутренней, иностранная цензура *запретила* «Записки» Сиверса,—книгу чрезвычайно полезную и писанную въ совершенно умѣренномъ смыслѣ²⁾; та же участь постигла «Записки» Толя³⁾. Мы знаемъ, что отъ этого не меньше экземпляровъ разоидется въ Россіи, но тѣмъ хуже,—зачѣмъ же они срамятъ себя, не думая, что ихъ срамъ невольно отсвѣчивается на всю Россію.

Нечего дѣлать,—мы снова должны принятъся за печатаніе въ Лондонѣ историческаго сборника. Документовъ, записокъ, писемъ у насъ набралось довольноно.

На первый случай мы издаемъ «Записки» Лопухина⁴⁾.

Лопухинъ представляетъ явленіе рѣдкое. Тихій, честный, чистый, твердый и спокойный, онъ съ своимъ мистицизмомъ

¹⁾ «Записки» Л. Н. Энгельгардта (1766—1824 гг.) напечатаны въ 1 и 2 кн. «Рус. Вѣстника» 1859 г.; въ 1868 г. вышло значительно дополненное изданіе.

²⁾ Рѣчь идетъ о книгѣ К. Blum, «Ein russischer Staatsmann. Des Grafen Jak. Joh. Sievers Denkwürdigkeiten zur Geschichte Russlands», 4 тома, Лейпцигъ и Гейдельбергъ, 1857—58 гг.

³⁾ Гр. Карлъ Оедоровичъ, боевой генералъ, главноуправляющій путями сообщенія.

⁴⁾ Иванъ Владиміровичъ.

и мартинизмомъ идетъ такъ не похоже, такъ противоположно окружающему морю интригъ, исканій, раболѣпія, что это бросается въ глаза не только генераль-губернатору Брюсу ¹⁾, но даже самой Екатеринѣ, которая велитъ сослать его покаявшагося товарища, а его не велитъ; Павлу, который вынесъ отъ него два раза возраженія; Александру, благодарившему его за превосходную записку о духоборцахъ. Совѣтникомъ московской уголовной палаты Лопухинъ начинаетъ свою карьеру тѣмъ, что склоняетъ суроваго генераль-губернатора по мѣрѣ возможности уменьшать число ударовъ кнутомъ, а черезъ двадцать лѣтъ съ энергіей отстаиваетъ сперва духоборцевъ, сенаторомъ, ревизующимъ Слободско-Украинскую губернію, и убѣждаетъ государя остановить разбойничьи набѣги на нихъ хищной полиціи и хищныхъ поповъ; потомъ, возвратившись изъ Крыма, съ такой же ревностью защищаетъ Джантемира-Мурзу и его товарищей-татаръ, которыхъ невинно хотѣли отодрать кнутомъ и послать въ каторжную работу. Своей горячностью въ этомъ дѣлѣ Лопухинъ заслужилъ *насмѣшки* сенаторовъ. «Еще вотъ что странно, говорить онъ: оправданіе мертваго Каласа ²⁾ читаютъ съ восторгами, а что свои безпокровные бѣдняки живые сидѣли въ тюрьмахъ безвинно и пытаны, — это дѣло кажется очень неважнымъ, и сдѣлается по немъ что-нибудь развѣ потому, что уже нельзя иначе, или когда нѣтъ никакой опоры тѣмъ, которые тѣснили и пытали! Неужели отъ того, что тамъ Вольтеръ, Каласъ и Франція, а здѣсь Джантемиръ-Мурза, поселяне Мухинъ съ Глазовымъ и Русская Таврида?» (стр. 163).

Во всей жизни И. В. Лопухина удивительное единство, онъ нигдѣ не измѣняетъ своего нравственнаго склада. Молодымъ совѣтникомъ онъ возстаетъ противъ дикаго гоненія нищихъ Прозоровскимъ ³⁾ и говоритъ по этому поводу:

«Кстати о милостынѣ. Странно, какъ очень многіе противъ ея умствуютъ. Главная тому причина, кажется, — желаніе оправдать свое нехотѣніе подавать ее.

«Правительству, конечно, нужно и должно стараться, чтобъ нищія не шатались по улицамъ и по дорогамъ, однако, такими средствами устройства, чтобъ, во-первыхъ, не было ихъ, если то можно, и, наконецъ, чтобъ ихъ, переводя, не сдѣлать вдвое несчаст-

¹⁾ Гр. Яковъ Александровичъ, главнокомандующій въ Москвѣ съ 1782 года.

²⁾ Жанъ, франц. протестантъ, безвинно казненный по подозрѣнію въ убійствѣ сына и потомъ, благодаря Вольтеру, признанный невиновнымъ.

³⁾ Кн. Иванъ Андреевичъ, генераль-аншефъ.

ныхъ, т.-е., чтобъ лишать людей сихъ единственнаго способа къ пропитанію, и притомъ еще съ притѣсненіемъ.

«Но частному человѣку, имѣющему въ сердцѣ хотя искру любви къ ближнему, какъ отказать ему въ помощи? какая можетъ быть въ томъ ошибка? Что поданныхъ нѣсколько копѣекъ иной пропѣеть? А ежели отъ сдѣланнаго по сему отказа иногда чловѣкъ долженъ будетъ сутки или больше терпѣть голодь или покутиться на преступленіе, или замараеть душу свою ропотомъ на судьбу, то каково должно это быть душѣ того, кто откажетъ, ежели въ ней есть чувствительность истиннаго чловѣколюбія?

«И мнѣ случалось иногда отказывать и съ нѣкоторою досадою, потому что просящій милостыню покажется мнѣ пьянымъ; однако, признаюсь, я всегда очень радъ бывалъ, когда въ такомъ случаѣ, воротивъ того, кому отказалъ, заслуживалъ ему и себя какъ бы наказывалъ дачею ему вдвое, говоря себѣ въ мысляхъ: «Что, развѣ ты самъ не преступалъ никогда предѣловъ трезвости, и развѣ бѣдному и подлинно крайнюю нужду имѣющему не можетъ случиться лишнее выпить?»

«Впрочемъ, я въ себѣ расположеніе къ милостынѣ никакъ не считаю добродѣтелью. Это во мнѣ природная склонность, какъ въ иныхъ бываетъ къ разнымъ охотамъ. Дѣлать удовольствіе людямъ всегда была страсть моя. Будучи еще ребенкомъ, я нарочно проигрывалъ мальчику, служившему при мнѣ, деньги, какія у меня случались, и любовался его о томъ радостью».

Старикомъ сенаторомъ онъ отвѣчаетъ своимъ товарищамъ, говорившимъ ему *часто* по поводу голосовъ, которые онъ подавалъ: «вѣдь, не будетъ же по твоему»,—«какъ будто надобно рѣзать и грабить людей для того, что многіе грабятъ и рѣжутъ?».

Странно встрѣтить при столько хорошемъ развитіи и гуманномъ закоснѣлое упорство Лопухина въ поддерживаніи помѣщичьей власти. Онъ не имѣлъ права на этотъ предразсудокъ въ началѣ царствованія Александра, и тутъ онъ невольно противорѣчитъ самъ себѣ и отъ этого впадаетъ въ фразы. Онъ пишетъ, напр., къ императору, что стыдится слова «холопъ», что желалъ бы, чтобъ всѣ русскіе были свободны, и съ тѣмъ вмѣстѣ говоритъ, что вторженіе непріятели было бы менѣе губительно, чѣмъ ограниченіе помѣщичьей власти ¹⁾).

¹⁾ Какъ въ немъ боролся помѣщикъ съ чловѣкомъ и мистикомъ, ясно видно въ случаѣ, который онъ рассказываетъ въ первой части «Записокъ». Во время говѣнія онъ разобралъ и разобидѣлъ своего камердинера и вдругъ, опомнившись, бросился къ нему въ ноги и сталъ просить прощенія: А. И. Г.

Распространяться о «Запискахъ» Лопухина нечего,—книга у читателя въ рукахъ; но въ заключеніе нельзя не обратить вниманія на одинъ вопросъ: откуда у Лопухина это единство, этотъ сознательный, вѣрный себѣ шагъ по дорогѣ, однажды имъ избранной? Его странно видѣть среди хаоса случайныхъ, безцѣльныхъ существованій, его окружающихъ: *онъ идетъ куда-то*, а возлѣ, рядомъ цѣлыя поколѣнія живутъ ошущью, въ прѣсонкахъ, составленныя изъ согласныхъ буквъ, ждущихъ звука, который опредѣлитъ ихъ смыслъ; изъ людей слабыхъ, безъ отпора, людей азартныхъ, въ томъ смыслѣ, въ которомъ такъ называюгъ безкозырныя игры; въ ихъ жизни есть внѣшняя необходимость, связь оглавленія, табель о рангахъ и послужной списокъ, но единства высшаго порядка, связующей мысли, общаго стремленія —никакого.

Изъ пѣнящагося броженія *столбовыхъ* атомовъ, тянующихся разными кривыми линіями и завитками къ трону и власти, Лопухинъ былъ выхваченъ своею встрѣчею съ Новиковымъ своимъ вступленіемъ въ мартиисты. Ими пустое броженіе, покорное стихійнымъ силамъ, старалось вынырнуть, схватить въ свои руки свою судьбу. Удачно ли, или нѣтъ,—все равно. Присутствіе стремленія и силы было неотразимо. Между мартинистами была человѣческая связь, опора, круговая порука, обмѣнъ силъ, и какъ бы они мистически ни понимали и какими бы іероглифами ни замѣняли ее, они стояли гораздо выше шаткой и безцѣльной толпы *образованныхъ* русскихъ. Они жили задней мыслью, у нихъ было сознаніе совокупнаго труда. Членъ союза, членъ тайнаго общества чувствуетъ себя не одинокимъ сиротой, а живую частью живого организма.

И вотъ откуда нравственная сила Лопухина.

1458. Письмо къ М. К. Рейхель.

2 августа (1860).

10, Alpha road, St. John's Wood.

Письмо ваше на этотъ разъ удивило меня, и моя шутка о нѣмецкомъ влияніи на мозги подтверждается. Отъ васъ я никакъ не ждалъ этого. О чемъ рѣчь? Я посмѣялся надъ вами, что вы съ такой серьезностью пишете о деньгахъ. Но тѣмъ не меньше, я считаю, что нѣмецкая жизнь вообще пошла, и что достаточно, что Саша сдѣлался гельвето-нѣмецъ. Гдѣ же это васъ оскорбляетъ, въ

какой симпатіи или антипатіи? Или этотъ взглядъ мой вамъ новость? Впрочемъ, я думаю, если вы подумаєте, то будете согласны.

Писаль я разныя распоряженія вотъ почему. Тат. Петр. вообразила, что я Тату съ ней отпускаю въ Эмсъ; Саша—что я съ нимъ ее отпускаю въ Швальбахъ. Все это—вздоръ. Татѣ слѣдуетъ ѣхать въ Гейдельбергъ, пожалуй, заѣхать въ Бернъ и прямо сюда. Только найдите ей провожатую,—мудрено ли, argent рауант ¹⁾, найти.

Не нужно ли еще денегъ? На всякій случай посылаю еще 10 ф.

Напишите поскорѣй и не ссорьтесь со старикомъ, а дайте-ка по-просту васъ обнять на мировую.

Рейхелю сто поклоновъ.

Получили ли послѣдн. «Колок.»? Какова 1-ая статья ²⁾.

1459. Письмо къ сыну и старшей дочери.

6 августа (1860).

Любезный Саша,

Такъ какъ ты мнѣ послѣ твоего отъѣзда не отдавалъ ни разу отчета въ деньгахъ, то я не могъ знать, есть у тебя или нѣтъ. Я послалъ еще 10 ф. (послѣ 15 ти къ Татѣ) и посылаю 10 ф. тебѣ. Если не достанетъ, то, я полагаю, ты можешь занять, а я тотчасъ отдамъ. Твое жалованье—3,000 фр. да, сверхъ того, я плачу дорогу отъ Берна въ Дрезденъ и обратно, потомъ изъ Берна въ Лондонъ (путевыя издержки). Нѣтъ ли еще полученія изъ Фрибурга?

Странно мнѣ, что ты такъ мало опытенъ, что не догадываешься о секретѣ, почему Тат. Пет., Сат. и всѣ говорятъ мнѣ одно а тебѣ другое,—при свиданьи я тебѣ растолкую и даже буду съ тобой держать пари, что Таландые, который совершенно согласенъ со мною, будетъ согласенъ съ тобой.

Что ты плохо знаешь сердце человеческое, это естественно, но что ты изъ всего дѣлаешь орудія противорѣчія, это жалко и скучно. Ты меня не убѣдишь, а я тебя больше не убѣждаю (неужели ты и этого не замѣтилъ?). Я тебѣ предоставляю волю. Образъ твоей оппозиціи, манера ея была такова, что я тотчасъ отказался. Теперь ты хочешь, чтобъ я при этомъ еще улыбался—я не каменный и боль очень глубоко умѣю чувствовать. Что при этомъ я отъ всей души желаю счастья тебѣ, вамъ всѣмъ, въ этомъ ты, вѣрно, не сомнѣваешься.

¹⁾ Платя деньги.

²⁾ «Письма къ соотечественнику» Н. П. Огарева.

Затѣмъ прощай.

Милая моя Тата, жду тебя съ большимъ нетерпѣніемъ для того, чтобъ вмѣстѣ ѣхать въ Bournemouth. Напиши мнѣ тотчасъ, когда вы ѣдете,—аккуратно день въ день. Вы должны такъ распорядиться, чтобъ пріѣхать не ночью, если можно. Тогда я могъ бы васъ встрѣтить.

Прощай, другъ мой, будь здорова. Огаревъ вамъ кланяется. Узнала ли тебя Лиза?

1460. Письмо къ М. Н. Рейхель.

7 августа (1860).
10, Alpha road.

Либе Марья Каспаровна,

Бюстъ Грановскаго прибылъ; онъ очень хорошъ, хотя и не безъ изъянцевъ, да и то чудо. А вотъ въ чемъ изъянцы: у Гранов. брови были проеминантнѣе и глаза глубже; потомъ, мнѣ кажется, что его лицо было подлиннѣе. Но похожъ, и я очень, очень благодаренъ.

Что Тата уѣхала или нѣтъ? Саша пишетъ отъ 1 авгус.: «мы черезъ 4 дня ѣдемъ въ Бернъ». Отчего же не въ Гейдельбергъ? Я послалъ еще 10 liv. вамъ въ письмѣ да 10—въ Бернъ. Если надобно, я готовъ сейчасъ прислать еще.

Если Тата въ Гейдельбергѣ, отошлите ей записочку.

Писалъ ли я вамъ, что Зонненбергъ писалъ ко мнѣ бизмо съ какимъ-то квартальнымъ? Ему 80 лѣтъ, и онъ хотѣлъ жениться два года тому назалъ. На досугѣ я вамъ напишу, какъ у него маска украла полчелюсти. Дѣтей цѣлую и Рейхеля.

1461. Письмо къ Н. А. Герценъ.

7 августа (1890).
10, Alpha road.

Милая Тата, ты и Саша очень непредѣленно пишете, когда вы ѣдете къ намъ. Я полагалъ, что вы будете въ Гейдельбергѣ,—отчего же Саша просилъ деньги прислать въ Бернъ? Я послалъ туда на его имя 10 ф.; если неостанетъ, то можетъ занять.

Обнимаю тебя и Сашу.

Аксаковъ ¹⁾ здѣсь, Тургеневъ завтра пріѣдетъ.

¹⁾ Иванъ Сергѣевичъ.

1462. Письмо къ С. Тхоржевскому.

7 августа(1860).
10, Alpha road, St. John's Wood.

Любезный Тхоржевскій, не знаете ли вы хорошаго переписчика-англичанина, который бы зналъ языкъ и даже могъ бы исправить рукопись? Я приду часовъ въ 6 узнать.

1463. Письмо къ сыну и старшей дочери.

9 августа (1860).
10, Alpha road, S. John's Wood.

Послѣднюю записку я отъ васъ, т.-е. отъ Таты и отъ Саши, получилъ; къ 20 августа домъ будетъ нанятъ въ Bournemouth. Пора, и очень, вамъ пріѣхать. Я усталъ,—усталъ отъ шума, отъ пустоты, отъ многого; спокойно прожить мѣсяца два—дѣло великое. Я не могу сказать, какъ страшно было здѣшнее лѣто, но мнѣ не къ лицу жаловаться. ¹

Какъ мнѣ учредить зиму, этого я самъ не знаю; можетъ, переѣду въ Брайтонъ. Я хочу очень много тамъ заниматься воспитаніемъ Таты.

Твой бывшій учитель, Домогальскій, ѣдетъ къ Гарибальди, и мы (т.-е. я съ здѣшними русскими) хотѣли его экипировать на нашъ счетъ и послать въ подарокъ. ²

О деньгахъ я писалъ, что 10 ф. въ Бернѣ. Можешь занять, если надобно, а, если есть время, напиши.

Тата, Ольга спрашиваетъ всякій день о твоемъ пріѣздѣ, письмомъ.

Напиши, какъ Лиза, узнала ли тебя? Кланяйся Natalie и Еленѣ Алексѣевнѣ ¹⁾ и всѣмъ дѣтямъ

и будь здорова.

◆◆ 1. Въ Bournemouth Герценъ нанялъ домъ, куда приглашалъ и Тургенева, поселившагося съ 12 августа въ Вентнорѣ. Въ это время въ Лондонѣ были: П. В. Анненковъ, флигель-адъютантъ Ро-

¹⁾ Сатина.

стовцовъ, сынъ I. И., и отставленный цензоръ Н. Ѳ. Крузе. Тургеневъ 30 августа вернулся въ Вентноръ, а покинулъ Лондонъ 4—5 сентября («Мин. Годы» 1918, VIII, 85—87).

2. Въ польскомъ національномъ музеѣ въ Рапперсвилѣ хранится слѣдующая французская расписка М. Домогальскаго отъ 19 августа: «Я получилъ отъ редакторовъ «Колокола», чтобы достигнуть арміи Гарибальди, двадцать фунтовъ».

1464. Письмо къ А. П. Туманской.

11 Août 1860.

10, Alpha road, St. John's Wood.

Madame,

Tout coupable que je parais—j'ai des causes atténuantes à plaider. J'ai deux domiciles, l'un au bord de la mer, et l'autre au bord de Regent's park. Voilà la seule cause d'un retard fâcheux pour moi.

Je tâcherai de venir présenter mes respects—Lundi ou Mardi—en attendant je Vous prie, Madame, de recevoir mes salutations les plus empressées.

Al. Herzen.

Переводъ.

11 августа.

Какъ ни виновенъ я, повидимому, передъ вами, но у меня есть смягчающія вину обстоятельства. У меня двѣ квартиры; одна на берегу моря, а другая на берегу Regent's park. Вотъ единственная причина моего запозданія, очень для меня досаднаго.

Постараюсь засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе въ понедѣльникъ или во вторникъ, въ ожиданіи чего прошу васъ принять мои сердечныя привѣтствія.

Ал. Герценъ.

1465. Письмо къ М. А. Марковичъ.

13 августа (1860).

10, Alpha road, St. John's Wood.

Тургеневъ вчера уѣхалъ на Isle of Wight; адресъ къ нему—просто Ventnor, post. rest., Isle of Wight.

Послѣднее время такъ страшно много было народу у насъ, и все мѣняются лица, точно на смотру, идутъ, идутъ правильно, кри-

чатъ: «здравія желаемъ!» и опять идутъ... такъ что я усталъ; на меня тоже находитъ иногда хандра... Я знаю, что она мнѣ не къ лицу, а туда же, сверлилъ до тѣхъ поръ, пока снова начинаю шумѣть. Вы знаете солдатскую пѣсню:

Намъ ученье ничего,
Впрочемъ, очень тяжело!

Меня многое сердитъ, даже раннее намѣреніе Саши жениться, его нѣмецкое состояніе *flagrant* ¹⁾ жениха, невозможность порядкомъ устроить дѣло воспитанія, покинуть Англию. До 23 я пробуду здѣсь, потомъ къ морю.

Говорятъ, что изъ Bournemouth на Wight два шага (морскихъ). Если вы туда, я буду къ вамъ ѣздить.

Тургеневъ очарованъ вами.

Прощайте. Будьте здоровы.

А. Герцень.

1466. [Отъ редакціи] ²⁾.

Мы прочли это письмо съ чувствомъ глубокой горести и стыда за прошлыя поколѣнія. Взглядъ автора слишкомъ черенъ, мы не раздѣляемъ его. Не одни «мертвые быстро ходятъ», а и народы проснувшіеся. Мы, можетъ, совѣмъ не помѣстили бы этой статьи, но ярость, съ которой защитники розогъ смѣло проповѣдуютъ теперь тѣлесныя наказанія безъ суда, заставляетъ насъ напечатать страшныя подробности, рассказанныя авторомъ. Мы посвящаемъ ихъ ревнителямъ и споспѣшествователямъ розогъ, палокъ, колодокъ и пр.

1467. [Отъ редакціи] ³⁾.

Честь и слава благороднымъ офицерамъ. Съ глубокимъ умиленіемъ прочли мы этотъ подвигъ: тутъ больше геройства, чѣмъ во взятіи батареи. А, вѣдь, правительство такъ и оставитъ несчастнаго Добропаса,—мы держимъ пари.

¹⁾ Демонстративное, бросающееся въ глаза.

²⁾ Къ письму «По поводу „Розги долой!“»

³⁾ Это—заключеніе, которымъ сопровождается статья: «Становой приставъ Орловскій и ефрейторъ Добропасъ». Военное начальство отстояло ефрейтора отъ тѣлеснаго наказанія по навѣтамъ виноватой во всемъ полиціи.

1468. Paniniana.

Издавъ въ свѣтъ жизнеописаніе графа Виктора Никитича Панина («Голоса изъ Россіи», кн. VII) и видя, что онъ такъ же длиненъ во времени, какъ и въ пространствѣ, мы рѣшились въ видѣ дополненія печатать время отъ времени наиболѣе любопытныя черты его жизни (со включеніемъ въ нихъ и таковыхъ же изъ жизни М. И. Топильскаго). Заглавіе, нами избранное, въ родѣ Scaroniana, Jocrisiana, очень идетъ къ нашему серьезному комику и предсѣдателю редакціонныхъ комиссій.

1469. Письмо къ М. К. Рейхель.

15 августа (1860).

10, Alpha road, St. John 's Wood.

Подумалъ я о вашемъ письмѣ, подумалъ, а все же вы не во всемъ правы. Оставьте пустословіе о нѣмцахъ,—я никогда не думалъ, чтобъ не было хорошихъ и отличныхъ нѣмцевъ, стало быть, мнѣ и въ голову не могло прійти, что вы станете защищать ихъ изъ семейнаго начала. Да и вы это, вѣроятно, послѣ придумали.

Перехожу къ воспитанію. Если бы вы знали, какъ мучителенъ мнѣ былъ въ послѣднее время этотъ вопросъ, то не усомнились бы въ томъ, что я много думалъ объ немъ.

Ничего, рѣшительно ничего не представлялось путнаго, добраго, умнаго. Да, въ Мейзенбургъ есть недостатки (отрицательные), но благородства и чистоты она всеполнѣйшей. Я хочу заниматься воспитаніемъ Таты самъ, а Ольгѣ Мейзенбургъ очень полезна. Это—странная натура и сильная.

Вѣроятно, вы знаете, гдѣ Тат. Петр.; перешлите ей записочку. Но всего страннѣе то, что намъ приходится спросить васъ, слышали ли вы, гдѣ теперь Нат. Ал. и Сат.? Они писали, чтобъ послѣ 15 не писать на Гейдельбергъ, и никакого адреса, такъ что Ог. не знаетъ, пришло ли его письмо и куда писать.

Was bin ich Ihnen schuld'g, Frau Professorin ¹⁾?

Здѣсь Ан. ²⁾ и Тур. ³⁾, Бот. ⁴⁾ уѣхалъ въ Wight. У меня насморкъ,—погода ужасная.

Прощайте.

Ал.

¹⁾ Сколько я вамъ долженъ, госпожа профессорша?

²⁾ П. В. Анненковъ.

³⁾ И. С. Тургеневъ.

⁴⁾ В. И. Боткинъ.

P. S. Если вы можете вернуть Тат. Петр. словечко, что по первой ютѣ о какомъ-нибудь сватовствѣ я съ ней поссорюсь, вы меня обяжете и очень ¹⁾. Мнѣ такъ все это надоѣло, что я просто дѣлаюсь желчевымъ старикомъ.

1470. Письмо къ М. К. Рейхель.

23 августа (1860).
10, Alpha road, St. John's Wood.

Посылаю вамъ, карѣйшая madame, 15 фунтовъ; Саша и Тата налицо, ѣдемъ завтра. Вы можете смѣло адресовать письмо такъ: England, Eagle's Nest, Bournemouth (near Poole).}

Я рѣшился самъ написать Тат. Пет.; жаль если разсердится, но дѣлать нечего,—право, я усталъ отъ всѣхъ этихъ дрызгъ.

1671. Письмо къ М. К. Рейхель.

28 августа (1860).
Eagle's Nest, Bournemouth.

Письмо ваше на брегѣ, если не Иртыша, то Бунмоса (такъ произносятся здѣсь), и при томъ въ присутствіи страшнѣйшей бури и Тургенева, получилъ. Да что вы торопитесь съ ненужнымъ мнѣ оригиналомъ «Лунина»? Это—*копія*, лежавшая года полтора у Мельгунова; онъ съ нея переводилъ, и что же вы ее не отдали Татѣ? а теперь пусть полежитъ ruhig у васъ.

Ну-съ, говорилъ я съ Сашей, говорилъ много.—Er geht seinen Weg ²⁾—можетъ, придетъ время, онъ снова своротитъ на мой путь, но не теперь. И вотъ тутъ-то вы совершенно не правы, побранивши меня тогда за шутку. Да, то что дѣлаетъ нашу нравственную непохожесть, это—нѣмецкое влияніе на него.

Татой я доволенъ, но ломаю себѣ голову до дыръ, что мнѣ дѣлать, и ничего не могу, т.-е. какъ устроить будущее воспитаніе ея. Цѣпи, матушки, цѣпи направо и налево.

Прощайте.

Портретъ полученъ.

¹⁾ Пассекъ хотѣла приложить свои старанія, чтобы ея сынъ А. В., любившій М. А. Марковичъ, женился на Н. А. Герценъ.

²⁾ Онъ идетъ своимъ путемъ.

1472. Генераль-кулачный боець и дѣтскій кисель.

Разсказываютъ удивительное дѣло, будто бы, бывшее въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ. Кадеты не хотѣли ходить къ какому-то плохому преподавателю. Явился генераль уговаривать, и такъ какъ кадеты не шли, онъ схватилъ перваго попавшагося и хотѣлъ его протолкать въ залу; кадетъ его оттолкнулъ отъ себя. Тогда рукопашный генераль началъ *кулаками бить* кадетъ въ первой шеренгѣ. Кадеты, было, бросились на него, но большинство старшихъ остановило ихъ и твердо высказало генералу, что они ему не дозволяютъ драться, что онъ можетъ ихъ судить, на нихъ доносить, но расправляться кулаками права не имѣеть. Генераль, которому дали дорогу, какъ-то сконфузился и, выходя, уронилъ фуражку. Тогда маленькіе кадеты не могли удержаться, бросились на него въ то время, когда онъ поднималъ фуражку, и надавали ему пинковъ, называемыхъ у нихъ *киселемъ*.

Но большіе кадеты не хотѣли кончить дѣло этимъ дѣтскимъ десертомъ; они выбрали депутатовъ, чтобъ довести дѣло до губернатора и до жандарма. Директоръ, чтобъ затушить дѣло и запугать кадетъ, хотѣлъ и не сумѣлъ арестовать тѣхъ, которыхъ считалъ самыми рѣшительными. На это онъ употребилъ педагога по фамиліи Котельникова (фамиліи кулачнаго бойца и генерала въ письмѣ нѣтъ, равно нѣтъ и числа). Юноши, привыкшувшіе уважать педагоговъ, не носящихъ военнаго мундира, сдались на краснорѣчивыя фразы учителя и пошли подъ арестъ. Говорятъ, что изъ Петербурга пріѣзжалъ какой-то слѣдователь нѣмецъ и, будто, 13 человекъ кадетъ приговорены къ отдачѣ въ солдаты.

Если это преувеличено, то мы очень желали бы знать, что же было и что сдѣлали съ генераломъ? Въ Англіи и не такіе бойцы водятся: давно ли Бенишия-Бой отличался съ Томомъ Сейерсомъ? Только королева ихъ не дѣлаеть директорами ни въ Сандгорскомъ военномъ училищѣ, ни въ Гринвичѣ.

До тѣхъ поръ, пока у насъ всё будутъ драться съ подчиненными, грубить съ низшими, до тѣхъ поръ, пока розгу будутъ отстаивать съ фанатизмомъ, пока ерники будутъ останавливать женщинъ на Тверскомъ бульварѣ, а другіе—говорить непристойности въ вагонахъ желѣзной дороги, до тѣхъ поръ у насъ *многого не будетъ*...

1473. Пальто Меншикова и рубаха Муравьева-Вѣшателя.

Мѣсяцъ тому назадъ мы говорили объ офицерскомъ ерничествѣ на Тверскомъ бульварѣ; недавно полученное нами письмо навело насъ, во-первыхъ, на *генеральское* ерничество, а вообще—на всероссійское, чиновничье-помѣщицье.

Намъ пишетъ знакомый изъ Висбадена: «Здѣсь Муравьевъ, министръ; представьте себѣ, что онъ сидитъ у себя на квартирѣ въ одной рубашкѣ передъ окномъ на главную улицу». Кажется, бѣды въ этомъ нѣтъ, и мы не

имѣемъ вовсе pruderie ¹⁾, но бѣда въ томъ, что это дѣлается не просто отъ жара, а изъ ерничества, а поэтому и не слѣдуетъ имъ спускать. Меншиковъ подь солнцемъ Византіи прѣветъ въ пальто, чтобъ показать форсъ. Муравьевъ-Вѣшатель дрогнетъ въ рубахѣ нынѣшнимъ *зимнимъ* лѣтомъ, чтобы пофордыбачиться передъ нѣмками.

Выучитесь прежде у себя дома ходить безъ ливреи, курить на улицахъ сигары, а ужъ потомъ показывайте вашу развязность другимъ странамъ. А то, вѣдь, мы знаемъ, что «у васъ въ Швабии свой король есть!»

Русскій чиновникъ въ берлинской камерѣ (писали въ журналахъ) не хотѣлъ встать во время присяги что-ли... «Хвала тебѣ, свободы чадо!» Ха, ха, ха!.. а въ Петербургѣ.. а въ департаментѣ передъ начальникомъ отдѣленія... да что передъ начальникомъ отдѣленія — передъ крикомъ пьянаго квартальнаго—что сдѣлаетъ «свободы чадо»?!

1474. Пугачевъ и Сухозанетъ.

Мы узнали новыя подробности объ обѣдѣ, на которомъ Булгаковъ предложилъ тостъ Пугачева. Одну,—дѣлающую величайшую честь Александру Николаевичу, и другую,—не дѣлающую никакой чести Сухозанету. Булгаковъ объяснилъ въ *Тимашевкѣ* (мы думаемъ, что III Отдѣленіе можно такъ назвать), что онъ тостъ свой предложилъ, найдя неприличнымъ тостъ за Унковскаго и пр. Когда это было доведено до государя, онъ сказалъ: «Я думалъ, что это—только лупая исторія, а теперь вижу, что она и очень подлая исторія». Эта сентенція вырвалась у государя, мы увѣрены, безъ совѣта Панина, безъ контроля Адлерберга *filioque* ²⁾, безъ вѣдома Орлова. Далѣе хроника говоритъ, что Булгаковъ (котораго *юлосъ* арифметически упрочилъ розгу въ рукахъ помѣщиковъ, ихъ женъ и дочерей) чуть-чуть, было, не слетѣлъ за это изъ стѣтсъ-секретарей, но рука старца, ветхаго деньми и слабаго достоинствами, Сухозанета поддержала его,—а жаль, что не Булгаковъ стащилъ съ собой старичка. Это была бы новая заслуга Пугачева.

1475. Неприкосновенность великокняжескихъ камердинеровъ.

Мы совѣтуемъ всей Россіи проситься въ камердинеры къ кому-нибудь изъ огромнаго и невѣроятно увеличивающагося числа великихъ и малыхъ князей и княженъ, отъ цесаревича и наслѣдника престола... до королевы нидерландской и супруга ея. Что можетъ быть, напримѣръ, лучше, какъ быть камердинеромъ Николая Николаевича и супруги его?

Вотъ что случилось 30 іюня (12 іюля) на пароходѣ *Нева*, шедшемъ изъ Петергофа въ Петербургъ. Какой-то мерзавецъ буйнилъ до того, что пассажиры просили шкипера унять его; но мерзавецъ объявилъ, что онъ—камердинеръ въ свитѣ Николая Николаевича, и въ силу того *приколотилъ шки-*

¹⁾ Чопорность.

²⁾ Съ сыномъ.

пера. На пристани свиты его высочества камердинеръ былъ отданъ полиціи и *приколотилъ* городского. Патронъ его, узнавъ объ его арестѣ, попросилъ запиской выпустить камердинера. Ну, его и выпустили... Каково уваженіе къ закону у членовъ августѣйшей фамиліи? Или добродушный Nicolas J'Oiseleur ¹⁾ не знаетъ, что ударить шкипера во время плаванья—преступленіе первой важности да и что городскихъ бить только позволяется частнымъ приставамъ и, развѣ, камергерамъ, а не камердинерамъ.

1476. Шалунъ Мухановъ.

Едва Ковалевскій ²⁾ изъ Петербурга, какъ Мухановъ *что не на Вислѣ*, запрещаетъ писать противъ Главнаго общества желѣзныхъ дорогъ ³⁾. Въ циркулярѣ своемъ *нарѣзчикъ дичи* особенно велить строго смотрѣть за статьями «СПБ. Вѣдомостей» и въ особенности Воскобойникова ⁴⁾. Ахъ, князь Горчаковъ! какъ васъ совѣсть должна мучить, что вы подняли Муханова не на Вислѣ,—вотъ его и пустили въ огородъ народнаго просвѣщенія: онъ и пошелъ топтать литературу, журналы, гласность.

1477. Просьба отъ издателей.

Издатели «Колокола» просятъ покорнѣйше орловскихъ жителей прислать имъ подробности дѣла милого шалуна князя *Кейкуатова*, не дававшего спуска своимъ дочерямъ и принимавшаго всѣхъ крестьянокъ за своихъ дочерей. Мы слышали, что его разстригли изъ князей и послали въ крѣпость, но товарищи по ремеслу хотятъ его какъ-то взять на поруки. Не можетъ ли *Гутцейтъ* (тоже орловскій помѣщикъ, насилловавшій дѣтей и, слѣдственно, оправданный русскимъ судомъ) сообщить намъ о своемъ эротическомъ состязателѣ князѣ Кейкуатовѣ? Мы будемъ ему очень благодарны.

1478. Отчетъ.

Издатели «Колокола» извѣщаютъ, что собранные ими отъ соотечественниковъ *двадцать фунтовъ*, для отправленія польскаго офицера въ войско Гарибальди, имъ получены (расписка хранится въ редакціи). Желаящіе жертвовать для подобной цѣли, могутъ присылать деньги въ Русскую типографію.

¹⁾ Птицеловъ.

²⁾ Евграфъ Петровичъ, министръ народ. просвѣщенія; товарищъ его—Н. А. Мухановъ.

³⁾ Въ числѣ акціонеровъ были очень видные сановники и члены императорской фамиліи.

⁴⁾ Николай Николаевичъ, позже публицистъ изъ реакціоннаго лагеря; тогда еще студентъ института путей сообщенія.

1479. Отвѣтъ.

У насъ есть «Записки» Толя, изданныя на нѣмецкомъ языкѣ, но журнала нѣтъ, и мы готовы напечатать его въ «Историческомъ сборникѣ». Рукопись всего лучше послать auf Buchländlerischem Wege ¹⁾ на имя N. Trübner: 60, Paternoster row, London.

1480. Графъ Закревскій и герцогъ саксенъ-веймарскій.

Въ Лондонѣ мѣсяць тому назадъ герцогъ саксенъ-веймарскій ²⁾ изволилъ проскакать мимо сборщика дорожныхъ денегъ, не соблаговолити заплатити *двухъ пенсовъ*. Остановленный сборщикомъ, онъ ему сказалъ, что ѣдетъ *по службѣ*, въ силу чего и былъ герцогъ саксенъ-веймарскій потребованъ въ полицію, да и не только потребованъ, но и явился. Оправдывался, оправдывался, ссылаясь на Mutiny Bill ³⁾, но дѣло, все-таки, кончилось тѣмъ, что судья (прибавляя, впрочемъ, къ каждой фразѣ «ваше высочество») приговорилъ его заплатити *два пенса* за дорогу и *два шиллинга* за протори.

Любопытно видѣть, какъ разны въ разныхъ странахъ понятія о нелицепріятіи суда.

Вотъ какъ поступлено въ Россіи не съ его саксенъ-веймарскимъ высочествомъ, а съ его сіятельствомъ графомъ Закревскимъ ⁴⁾.

1481. Письмо М. А. Марковичъ.

27 сентября (1860).

10, Alpa road, St. John's Wood.

Итакъ, вы не пріѣдете. Я нѣсколько сомнѣвался и прежде. Теперь я въ Лондонѣ; пріѣхалъ вчера вечеромъ и тотчасъ посылаю вамъ письмо изъ Россіи. Надобно искать квартиры, учителей и пр.

Вы пишете, что разспрашивали обо мнѣ и все знаете о нашемъ житьѣ-бытьѣ. Вамъ Тургеневъ и Анненк. могли сказать, что и я не отсталъ въ этомъ, хотя знать, гдѣ вы, было потруднѣе.

¹⁾ Черезъ книжный магазинъ.

²⁾ Карлъ-Августъ.

³⁾ Виль о возмущеніяхъ.

⁴⁾ Слѣдуютъ документы, указывающіе на безнаказанность для Закревскаго выданнаго имъ письменнаго разрѣшенія своей дочери, гр. Л. А. Нессельроде, повѣнчаться при живомъ мужѣ съ кн. Друцкимъ-Соколинскимъ.

Мѣсяць тому назадъ я получилъ изъ здѣшняго почтамта огромный пакетъ. По русской привычкѣ, я большіе пакеты распечатаваю съ сердечнымъ біеніемъ—все кажется: въ III Отдѣленіе зовуть. Почта возвращаетъ мнѣ письмо to M-rs Markovitch, ѣздившее по разнымъ poste rest...

Прощайте, Ог, вамъ кланяется. Одна дама перевела на англ. вашего «Черв. короля».

А. Гер.

Скажите Тур., что я его сильно благодарю, но что уже нашель даму для Таты. А Ольга ѣдетъ въ Парижъ.

1482. Послѣдній ударъ!

Неужели это правда, что кейзеръ петербургскій сближается съ кейзеромъ австрійскимъ?.. Неужели мы доживемъ съ нашими пятилѣтними надеждами до этого предѣла и до этой безконечности позора?

Это — уже не ошибка, не слабость, не Панинь, это была бы измѣна, преступленіе... Чѣмъ мы заслужили это? Несчастливая Россія! И такъ ей не отпустится ни одно униженіе, ни одно поруганіе, ни даже *дружба съ Австріей*?

Князь Горчаковъ, выйдите въ отставку, если это такъ. Стачку нѣмцевъ противъ Россіи не долженъ скрѣпить своимъ именемъ русский; у насъ есть довольно Адлерберговъ, Бенкендорфовъ, Гедерштремовъ и другихъ Герштенцвейговъ.

Министръ для преданія Россіи на позоръ у нихъ готовъ въ семьѣ — макро ¹⁾ министръ — великій герцогъ гессенскій ²⁾, ему надобно же что-нибудь за куртажъ.

Ха, ха, ха! два банкрота соединяются для составленія такого капитала, чтобъ подорвать кредитъ Европы... Ха, ха, ха!.. не принять ли въ пай неаполитанскаго короля: онъ стащилъ что-то изъ дворца, когда ѣхалъ въ Гаету. Купончикъ ему!

Въ мірѣ нѣтъ, не было положенія проще, яснѣе, какъ современное положеніе Россіи относительно Европы. Ей дѣла нѣтъ до ихъ внутренняго устройства. Ну что, съ тѣхъ поръ, какъ въ Неаполѣ перестали пытать арестантовъ, меньше продаютъ отравленной сивухи откупщика? Или меньше будутъ ее продавать съ помощью

¹⁾ Отъ греческаго — *большой*, а не отъ рыбы этого имени. А. И. Г.

²⁾ Людвигъ III.

губернаторовъ, генераль-адъютантовъ и прочаго откупного начальства, оттого что папу отошлютъ на сарацинское пшено къ Абдель-Кадеру или на португальскіе апельсины къ испанской королевѣ.

— Да, это все такъ, но... но Венгрія!

— Что же Венгрія?

— Да, это уже близко къ Польшѣ.

Вотъ оно что. Кровь четвертованной ими Польши подымается въ ихъ глазахъ всякій разъ, когда въ Европѣ освобождается народъ!

Да неужели Польша жива? Какіе оберъ-форъ-шнейдеры рѣзали ее,—не Муханову чета: Екатерина, Фридрихъ, Іосифъ,—все вторые и все великіе. А, *вѣдь, жива!* Что, леди Макбетъ, вы не думали, что у этого стараго народа такъ много крови?

И назначить мѣстомъ союза нѣмцевъ противъ славянъ—Варшаву! Нѣтъ, у нихъ нѣтъ ни смысла, ни сердца, ни совѣсти!

◆◆ 1. До полученія этого номера «Колокола» Тургеневъ писалъ Герцену: «Неужели ты не отхлесталъ нашего барина за эти гнусные австрійскіе обѣды, напоминающіе самую скверную эпоху николаевщины? Что за изліянія такіа!» («Письма», 124).

Дѣлая обзоръ сочиненій Герцена, Долгорукова и Головина по польскому вопросу, анонимный авторъ въ «Przegląd Rzeczy Polskich» отъ 30 октября 1860 г. называетъ перваго изъ нихъ «самымъ извѣстнымъ своимъ умомъ и талантомъ» и прежде всего останавливается на его сочиненіяхъ. «Такъ красиво говорящій о насъ и намъ, Герценъ не радъ былъ бы, однако, выпустить насъ изъ-подъ московскихъ крыльевъ. По своимъ общественнымъ убѣжденіямъ социалистъ, по политическимъ—федералистъ, принимающій федерацію всѣхъ славянскихъ странъ, надъ которыми видѣлъ бы естественную гегемонію Россіи, а Польшѣ предназначилъ бы второстепенное мѣсто,—Герценъ доказываетъ, что все это необходимо для блага человѣчества, и увѣряетъ насъ, что намъ отъ этого будетъ гораздо лучше: мы будемъ имѣть на землѣ рай свободы и благосостоянія. За это мы должны итти плечо въ плечо съ Россіей и жить сердцемъ при ея сердцѣ». «Разговоры о молодой Россіи—выдумка панславистовъ, а Герценъ называетъ панславизмъ петербургской шуткой, выдуманной деспотизмомъ для того, чтобы проглотить славянизмъ. Однако, видно, онъ счелъ эту шутку очень остроумной, потому что послѣ передѣлки ее на свой ладъ, признаетъ панславизмъ, какъ абсолютную истину своей системы».

1483. Бого-монрицы и бого-саранча.

Разборъ основоначертательницы сребромудрiя преподобныхъ отецъ нашихъ Башуцкаю, Бурачка и Аскоченскаю.

Какой-то бельгійскій докторъ хвастался недавно, что изобрѣлъ средство готовить въ прокъ живыхъ людей, т.-е. останавливать на пять, на пятнадцать, на пятьдесятъ лѣтъ жизнь, а потомъ, когда случится надобность, спустить машину, и все пойдетъ по старому... сердце биться, глаза моргать, пятки чесаться. Прочитавши это, первая мысль, пришедшая мнѣ въ голову, была благодарность небеснымъ силамъ за то, что бельгійскій докторъ открылъ этотъ секретъ послѣ смерти Николая Павловича, а то, пожалуй, онъ бы его изъ въ Бозѣ почивающихъ сдѣлалъ бы въ Бозѣ *проснувшись*. Въ такомъ случаѣ я тотчасъ поѣхалъ бы къ доктору, чтобы онъ меня завинтилъ лѣтъ на тридцать и повѣсилъ на крючекъ у себя въ подвалѣ (разумѣется, если нѣтъ въ немъ крысы).

Впрочемъ, новаго тутъ ничего нѣтъ. Въ Лондонѣ, гдѣ все дѣлается на обширную шкалу, есть цѣлыя общества филантропическія и религіозныя въ родѣ *Общества духовныхъ особъ распространенія христіанско-нравственнаго по воскресенiямъ чтенiя между недостаточными и недостигнувшими совершеннolтiя прачками и швеями, преимущественно шотландскаго происхожденiя*. Эти общества мало-по-малу вянутъ, сохнутъ, исчезаютъ съ лица земли... И вдругъ, когда меньше всего думаютъ о нихъ, лѣтъ черезъ десять, двадцать встаетъ цѣлое кладбище; пожелтѣвшій президентъ садится на свое мѣсто; плѣшивые, сѣдые члены, и все тѣ же члены, собираются около него и то же говорятъ и пьютъ тотъ же тостъ за распространіе христіанскаго чтенiя между несовершеннolтними прачками, особенно шотландскаго происхожденiя; и дряхлый секретарь дрожащимъ голосомъ читаетъ имена несовершеннolтннихъ прачекъ, которымъ ежегодно посылаютъ съ 1819 года «Путь пилигрима» Буньяна ¹⁾ и «Капли росы изъ священнаго писанiя» — dew-drops! ²⁾.

«Таймсъ» очень удачно сравнилъ эти общества съ мокрицами, которыя остаются живыми подъ известью и штукатуркой и которыя опять начинаютъ шевелиться, когда штукатурка отпадаетъ.

¹⁾ Джонъ, англійскій мистикъ XVII ст., авторъ «Voyage du pèlerin».

²⁾ Капля росы.

Чего въ Лондонѣ ни дѣлается... Намъ приятно, что въ Петербургѣ всякія мокрицы начали смертію смерть попірять и являться даже въ трещинахъ Зимняго дворца и именно на половинѣ ея величества. А еще и того пріятнѣе поражаетъ насъ то, что ни могильная сырость, ни гниль монастырскихъ склеповъ не лишаютъ нашихъ мокрицъ ни народности, ни родныхъ привычекъ.

Въ Англии всѣ эти піэтическія, филантропическія и просто тропическія крустацей ожидаютъ не только безкорыстно, но еще приплачиваютъ свои деньги для перевода пророчествъ Исаи на сандвичскій языкъ для тамошнихъ швей (несмотря на то, что тамъ дамы ничего не носятъ, а мужчины—одинъ шнурочекъ), для посылки Reverend so-and-so¹⁾, съ женой и дѣтьми, для внѣдренія истиннаго библейскаго образованія гонолулускимъ прачкамъ. А наши-то родныя: только что изъ могилы,—пошли бить по карманамъ. Это—вмѣстѣ: *мокрицы и саранча*.

А надобно признаться, славное изобрѣтеніе воскресать, а если удастся воскресать *по-русски*, то и очень прибыльное.

Я, напримѣръ, былъ увѣренъ, что умру спокойно, никогда не услышавши объ А. Башуцкомъ (*смиль*,—объ отцѣ я всегда готовъ былъ слушать анекдоты²⁾), а еще меньше о Бурачкѣ, о морскомъ православномъ, маячномъ Бурачкѣ³⁾. И вдругъ А. Башуцкій, краснойбай и чуть не статсъ-секретарь, издатель «Нашихъ», пекшійся о дѣтскихъ пріютахъ, какъ о *своихъ*, желавшій поступить въ ангельскій чинъ, но принятый тамъ за *чужаго*, и Бурачекъ, подводный камень вѣры и ея маякъ, другъ Зеленаго, «по прозванію Бурачекъ»,—живы; да и Аскоченскій⁴⁾, о которомъ я прежде ничего не слыхаль, тоже опять живъ⁵⁾,—и не только живы, но засѣли на большой дорогѣ въ рай Господень да кто не идетъ, будь онъ жидъ или нѣмецъ—: «*Шесть копѣекъ или крестъ въ зубы!*».

¹⁾ Его преподобію такому-то.

²⁾ Александръ Павловичъ, сынъ Павла Яковлевича, петербургскаго коменданта, «отличившагося» 14 декабря 1825 г.; литераторъ и аферистъ; поступилъ въ послушники Троицко-Сергіевской пустыни, потомъ учредилъ «первое миссіонерское общество», сотрудничалъ въ «Домашней Бесѣдѣ» Аскоченскаго.

³⁾ Степанъ Анисимовичъ, корабельный инженеръ, издатель ретрограднаго журнала «Маякъ», бывшаго голосомъ всего айти-общественнаго въ 40-хъ годахъ.

-⁴⁾ Викторъ Ипатьевичъ, литераторъ и ханжа, издатель изувѣрской «Домашней Бесѣды», преемницы по духу «Маяка».

⁵⁾ Скромный, но благоуханный цвѣтокъ, выращенный при кіевской духовной академіи и расцвѣтшій стараніями благочестиваго Дмитрія Гавриловича Бибикова. А. И. Г.

Мы увѣрены, что у читателей сейчасъ въ головѣ Башуцкій—Ринальдо-Ринальдини, Карлъ Мооръ—«по прозванію Бурачекъ» и Стенька Разинъ—Аскоченскій съ толпой кievскихъ иноковъ, убившихъ въ вертоградѣ плотскихъ сестеръ нѣкоего любострастнаго мытаря (см. *Кол.* 47) и отказавшаго въ неводѣ для спасенія тонувшаго офицера (см. *Кол.* 57 и 58). Успокойтесь, нашъ вѣкъ совѣмъ не такой вѣкъ,—вѣкъ гласности и акцій. Они просто, видя, что дѣла идутъ плохо, предлагаютъ императрицѣ завести *торювій домъ блаочестія*, учредить нѣчто въ родѣ *ставропигіальнаго* откупа для распространенія, укрѣпленія и поддержанія православія; при центральномъ оптовомъ подвалѣ въ Петербургѣ, гдѣ будетъ духовный Бенардаки ¹⁾, заведутся и въ другихъ городахъ питейные дома слова божія и выставки неподслащенныхъ и очищенныхъ даровъ Св. Духа, и вся эта благодать устроится за бездѣльное право *обложить всю Россію шести-копѣчнымъ поборомъ съ души*, сверхъ добровольныхъ дателей, которые по службѣ должны быть увлечены примѣромъ императрицы и наслѣдника!

Св. Игнатій Лойола, моли бога о насъ!

Чужестранче, шпанскія земли угодники, моли бога о насъ бѣдныхъ!

А. Башуцкій, въ толстой промеморіи, представленной имъ императрицѣ и малолѣтнему сыну ея, говоритъ, что, видя приближеніе «празднества тысячелѣтія государства російскаго», и онъ вздумалъ, съ своей стороны, поставить *памятникъ* «самый приличный и Богу пріятный, Россіи полезный».

Дѣйствительно, памятникъ недуренъ. Представьте вы себѣ съѣтъ духовной полиціи свѣтскаго званія, которой генералъ будетъ въ Петербургѣ подъ особымъ покровительствомъ императрицы, а агенты будутъ вездѣ. И какіе агенты!? Не жандармы, которыхъ всѣ боятся, не полицейскіе, отъ которыхъ всѣ прячутся, а таскающіеся по міру богомольцы, праздношатающіеся изувѣры, шныряющіе по деревнямъ, толкующіе со старухами и бабами!

Это уже не тимашевская полиція съ сыщиками въ родѣ Лужина и всѣми этими баронами и отставными штабсъ-ротмистрами, съ усами и съ брильянтовыми булавками, отъ которыхъ пахнетъ на пистолетный выстрѣлъ III Отдѣленіемъ, нѣтъ, это—истинное оскверненіе избы и церкви, надзоръ за совѣстью каждаго крестьянина, разрушеніе послѣдняго убогаго уголка жизни независимой, куда не заглядывалъ ни становой, ни окружной, которыхъ оста-

¹⁾ Дмитрій Егоровичъ, крупный винный откупщикъ.

вляла неприкосновенными самая церковь наша, не имѣющая раздражительной римской нетерпимости.

Замѣтите, что уже промеморія толкуетъ «объ униженіи религіи *литературой*, о презрѣннн *науки* къ ея авторитетамъ, о *наученіи* всѣхъ, классовъ и даже народа (уже читающаго во множествѣ періодическія изданія), что все, что касается вѣры и благочестія, чуждо интересамъ современнаго движенія», и что это есть «опасность великая, неотстраняемая никакими въ мірѣ научными и матеріальными успѣхами».

На дикое и глупое вмѣшательство выжившаго изъ ума митрополита Григорія указано въ запискѣ, какъ на необходимое послѣдствіе научнаго растлѣнія.

Что, господа, запахло Соловецкимъ монастыремъ, покаяніемъ, эпитимьей?..

Но не унывайте и тутъ.

Тинистая топь церковно-іезуитской риторики не скрываетъ главной цѣли, да и авторъ не настолько усвоилъ себѣ надмогильный покой, чтобъ съ равнодушіемъ говорить о молью точимой части проекта. Совсѣмъ напротивъ, авторъ становится какъ-то взволнованъ и одушевленъ, приступая къ лептѣ вдовицы и динаріямъ вдовцовъ.

Цѣль проекта состоитъ въ ежегодномъ сборѣ 4.183.813 руб., кромѣ частныхъ пожертвованій. Какъ только авторъ доходитъ до этого щекотливаго предмета, онъ боговзываетъ:

«Но какъ, откуда имѣть средства? А онѣ должны быть *весьма обширны и постоянны*. *Создавать стоитъ*, не имѣя матеріала, итти въ отпоръ *десяти тысячамъ* съ десятию—не въ разумѣ мудрости *евангельской*.

«Итакъ, средства денежныя,—вотъ *первый* вопросъ. *Средства денежныя*—продолжаетъ онъ—по обширности и требованію постоянно неоскудѣвающаго притока ихъ, очевидно, не могутъ быть доставлены никакимъ вѣдомствомъ, ни всѣми вѣдомствами правительства совокупно, ни частными пожертвованіями тѣхъ богатыхъ лицъ, которыя сохранили бы въ себѣ весьма рѣдкое нынѣ желаніе постоянно и много жертвовать на дѣло вѣры и благочестія. Такія средства могутъ быть доставлены только *цѣлымъ государствомъ*, т.-е. *всѣмъ народомъ русскимъ*, такъ какъ и дѣло это есть дѣло для *всею народа, для цѣлаго государства* въ высшей степени необходимое.

«Въ виду пользы всеобъемлющей, вседержавшей и всѣхъ польза превышеющей, стѣсняться, *устыжаться нѣкоторыхъ сужденій*, мнѣнія нѣкоторыхъ ученій, партій или лицъ, понятій утилитарнаго

и *прогрессистскаго стана* было бы прямо сказанное самимъ Спасителемъ: «постыдиться Его предъ родомъ прелюбодѣйнымъ и лукавымъ».

«Народъ, справедливо призываемый къ денежному содѣйствованію на содержаніе предметовъ жизни внѣшней, конечно, необходимыхъ, какъ, напримѣръ, дорогъ, каналовъ, постоевъ, почтъ и пр.,—закономъ неотложно къ сему *обязанный*, строгому, неуклонному взысканію подвергаемый, по какимъ убѣжденіямъ, на основаніи какихъ умозрѣній или научныхъ началъ, не можетъ быть не обязанъ, а *спрошенъ* и *вызванъ* къ невынужденному, но къ прямо-свободному, добровольному, и только при большинствѣ доброволій (т.-е. только по согласительному рѣшенію *всѣмъ міромъ русскимъ*), *къ обязательному* уже для меньшинства пожертвованію, на дѣло важнѣйшее жизни внутренней, которымъ и все другое въ государствѣ должно необходимо двинуться къ здравію и процвѣтанію. (Что за словъ!).

«Дѣло это должно быть *добровольнымъ дѣломъ всею народа*. Слѣдовательно, народъ долженъ быть спрошенъ, приглашенъ къ нему; оно должно быть объяснено ему такъ просто, кратко, чисто, какъ есть въ существѣ своемъ, когда не затемняется мудрованіями лживой философіи. *Приглашеніе, воззваніе* должно истекать отъ высокаго, ничѣмъ въ мірѣ *неподкупнаго*, несовратимаго, искренняго хотѣнія народу блага, отъ лица, которое всевѣдомо народу, ничего инаго желать ему не можетъ; отъ сердца истинно-материнскаго; отъ мысли истинно-православной; отъ воли сильной въ добръ и отъ сильной въ дѣлѣ руки,—отъ разума христіанскаго, а потому не лживаго.

«Мы желаемъ выразить симъ, какъ дерзаемъ думать то, что ея императорскому величеству, истинно благочестивѣйшей и народомъ благовѣрнымъ *воистину любимой* супругѣ императора православнаго, подобаешь быть началомъ, главою, душою и двигателемъ дѣла сего, присоединивъ себѣ въ содѣйствователи непосредственнаго, ближайшаго и главнаго распорядителя—его императорское высочество государя наслѣдника цесаревича.

«О формѣ воззванія, объ изложеніи его, объявленіи, распространеніи, заявленіи народу, о благословеніи его, не только синодомъ, но хотя бы и соборомъ всѣхъ патріарховъ восточныхъ (*къ намъ ни попало, лишь бы до 6-копѣчнаго сбора дойти!*), о мірскомъ собраніи согласій и пр., и пр. здѣсь излагать и неумѣстно, и преждевременно; дѣло истины внушится, управится, обработается удобнымъ пособіемъ самой истины сей.

«*Воззваніе*, изложивъ кратко и внятно великія убѣжденія эти, съ благословенія церкви, только *предложитъ* народу русскому зая-

вить *всемірнымъ судомъ своимъ*: желаетъ ли или не желаетъ онъ, въ вѣчное, истинное благодареніе тому *Богу*, котораго мы преискренно и необманчиво всегда считаемъ *«съ нами»*, — въ всемірное благодареніе [за все благое, уже пріятное нами, за все благое, къ пріятію уготовляемое, и въ всенародное, вѣчное же, молитвенное прошеніе о благословеніи Богомъ на успѣхъ, для пользы истинной; всего начинаемаго, — пожелаетъ ли народъ, во свидѣтельство сихъ чувствъ, создать не роскошной и дивный памятникъ искусства, не на тщеславіе наше и на удивленіе свѣта, но сознательно, *добровольно и на всю времена существованія Россіи* принести и *постоянно приносить отъ каждою изъ сыновъ и гражданъ ея*, какъ лепту вдовицы, ничтожное пожертвованіе, Господу угодное, а потому для Россіи всенесомнѣнно истинно-славное, воистину честное, великое и необманчивою пользою навсегда и во всемъ полезное. Вотъ что спросится у народа.

«Сомнѣнія настоять не можетъ, за исключеніемъ мудрователей лживыхъ не изъ народа, малѣйшей развѣ частицы его, недостойной ни имени русскаго, ни великаго званія.

«Весь міръ русскій (мы, *не обинуясь*, не исключаемъ и раскольниковъ) громко и радостно откликнется, какъ одинъ человекъ, согласіемъ и крестнымъ знаменіемъ на призывъ этотъ, благословляя имя благочестивой начинательницы дѣла великаго, по сердцу Божію! — Свободно-равные въ свободно-обязательной жертвѣ сей отъ царя до послѣдняго подданнаго, кто откажется свергать *ежеодно* только *шесть копѣекъ* въ сокровищницу, изъ которой имѣетъ истекать для страны истинное благо?

«Пожертвованія особенныя, усиленныя добровольнымъ желаніемъ, по состоянію, положенію, участию, живѣйшему сочувствію и призванію, отвергаемы, конечно, быть не могутъ. Но здѣсь говорится лишь объ этомъ общемъ, *всемірномъ русскомъ приношеніи*.

«По официальнымъ свѣдѣніямъ на 1856 г., общее число народонаселенія имперіи составляло: 69.730.231 чел., а за исключеніемъ царства Польскаго (4.790.379) и княжества Финляндскаго (1.639.977), — 63.306.975 человекъ. Означенное ежегодное *приношеніе*, одному лишь народу православному сродное, возможное и вполне достойное его, составитъ въ послѣднемъ случаѣ: 3.798.418 р., а въ первомъ, т.-е. считая всѣхъ, какъ и слѣдуетъ, ибо всѣ суть граждане одной имперіи и братія одной семьи, — 4.183.813 руб. ежегодно.

«Научное мудрованіе, конечно, назоветъ это *налогомъ прямымъ* и въ настоящее время неудобнымъ. Но при изложенной выше формѣ *воззванія*, при согласіи и желаніи народа, знающаго, на что

именно онъ свободно *жертвуетъ*, а не *вноситъ* по непремѣнному требованію, никакая научность не можетъ измѣнить сущности христіанскаго *приношенія* въ податной *налогъ*.

«Итакъ, *отъ трехъ св двумя третями до четырехъ слишкомъ* милліоновъ рублей ежегоднаго, неизсякаемаго никогда дохода,—вотъ возможное *денежное средство* для осуществленія предпріятія великаго».

Достаточно! Отвернемтесь отъ этой печальной попытки сдѣлать новый поборъ для новыхъ цѣпей бѣдному русскому народу. Мы убѣждены, что при всѣхъ піэтическихъ наклонностяхъ императрицы она не станетъ во главѣ шести-копѣчнаго сбора на постройку духовнаго Цвингъ-Ури!

1484. Crab and Lobster ¹⁾.

Что такое Краббе ²⁾, поступившій на мѣсто Мѣтлина? Правда, крабовъ изъ моря достаютъ, но зачѣмъ же ихъ дѣлать министрами? Говорятъ, что даже грѣшный старичокъ Меншиковъ разсердился на Константина Николаевича, что онъ посадилъ Краббе на его мѣсто. Меншиковъ самъ употреблялъ его, но по большей части, какъ... фельдъегеря и адъютанта.—роли перемѣнились!

1485. Эй ты, фельетонистъ!

Мы читали въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», что ты въ какой-то русской газетѣ упрекалъ учителей воскресныхъ школъ, что они говорятъ ученикамъ «вы». Сообщи, братецъ, намъ твою статью, названіе газеты и твое прозвище,—ты насъ этимъ удовлетворишь. ¹

◆◆ 1. Сотрудникъ «Сѣверной Пчелы» «—цкій» напечаталъ статью «Изъ Москвы» въ № 171 отъ 2 августа. Между прочимъ, тамъ было такое мѣсто: «Вы хотите сблизиться съ русскимъ народомъ, вы хотите приручить его? Совѣтуемъ вамъ начать приучать его къ кофену, къ супу à l'oignon да говорить ему *вы* вмѣсто *ты*. Нѣтъ, господа! во-первыхъ, простого русскаго человѣка на кривой не объѣдешь; во-вторыхъ, какая надобность посягать на тѣ его привычки, которыя не дѣлаютъ ему вреда?.. Если вамъ не нравится

¹⁾ Особые виды раковъ; такъ назывался въ Вентнорѣ одинъ изъ рестораноу съ рыбной торговлей.

²⁾ Николай Карловичъ, управляющій морскимъ министерствомъ.

ты, почему не попытать германской методы заца: онъ, она, оно? «Ist er gewesen?» «Will sie schweigen!»¹⁾. «Какъ вы думаете? если-бъ мы черезъ нѣсколько лѣтъ дожили до того, чтобы всѣ говорили мужику *вы* или *она*, мужикъ ѣздилъ на англійской лошади и читалъ *Русск. Вѣстн.* и *Моск. Вѣд.*, ужели и это не былъ бы вѣкъ русской исторіи?..»

Въ № 172 «Московскихъ Вѣдомостей» упомянуто было объ этой выходкѣ скрытаго крѣпостника; по тому же поводу статьи въ № 172 «Спб. Вѣдомостей» и № 12 «Русскаго Вѣстника».

1486. (Тихоцкій).

Имя кулачнаго бойца и генерала, тузящаго полтавскій кадетскій корпусъ (см. «Кол.» № 80): Сергѣй Егоровичъ Тихоцкій. Поди! и не ждешь отъ такой скромной фамиліи столько прыти!

1487. (Замятнинъ).

¿Очень нужно, и въ скоромъ времени, узнать, за что государыня хотѣла выслать Замятнина изъ какого-то женскаго института и *за что* государь его оставилъ въ немъ? Правда ли, что этотъ господинъ *entre Panin* et *Topilski* думаетъ, что нельзя быть намѣстникомъ мин. юстиціи, не подражая въ нравственности министру юстиціи при Людовикѣ-Филиппѣ Мартенъ дю Норъ¹⁾?

1488. Тиранство сибирскаго Муравьева.

Дѣло Беклемишева и Неклюдова открыло намъ такое обиліе поклонниковъ сибирскаго Муравьева, что мы даемъ имъ новый случай показать свою преданность и, если можно, объяснить *человѣчески*, почему *по отвѣду* Муравьева Петрашевскій былъ схваченъ и сосланъ на поселеніе за Красноярскъ, верстъ 40 отъ Минусинска?

Неужели у графа *Амурскаю* столько *ненависти*? Неужели прогрессивный генераль-губернаторъ не понимаетъ, что вообще тѣснить сосланныхъ гнусно, но тѣснить политическихъ сосланныхъ временъ Николая, т.-е. невинныхъ, преступно? Если же онъ не можетъ съ нимъ ужиться, то благороднѣе было бы, кажется намъ, просить о переводѣ Петрашевскаго въ Западную Сибирь, на Кавказъ или куда-нибудь.¹

◆ 1. Въ оцѣнкѣ Муравьева-Амурскаго Герценъ не могъ имѣть устойчивости, возможной только при основательномъ знаніи всѣхъ условій жизни и дѣятельности этого, во всякомъ случаѣ, выдающа-

¹⁾ Martin du Nord, Nicolas

гося тогда государственнаго человѣка. Сибирскія интриги, въ которыхъ разбираться, сидя въ Лондонѣ, было прямо невозможно, не могли способствовать установленію точнаго взгляда. И самъ Герцень и «Колоколь» колебались и то хвалили Муравьева, то порицали, то поддерживали, то оппонировали его мѣропріятіямъ. Я не считаю нужнымъ и умѣстнымъ заниматься здѣсь изслѣдованіемъ истины; оставлюсь лишь на вопросѣ постольку, поскольку онъ можетъ представить интересъ для уясненія нѣкоторыхъ обстоятельствъ.

Горячимъ апологетомъ Муравьева былъ находившійся около него въ ссылкѣ М. А. Бакунинъ. Когда въ «Колоколѣ» были помѣщены первыя замѣтки о Муравьевѣ и о дуэли между Беклемишевымъ и Неклюдовымъ, Бакунинъ, въ началѣ 1860 г., написалъ Герцену громадное посланіе, которое, по его же словамъ, «по разнымъ обстоятельствамъ не дошло». Затѣмъ, 15 ноября 1860 г. Бакунинъ послалъ второе очень большое письмо, которое было получено въ Лондонѣ, во всякомъ случаѣ, не раньше конца декабря 1860 г. или начала января н. ст. 1861 г. А когда Бакунинъ прочелъ № «Колокола» отъ 1 октября н. ст., онъ написалъ возраженіе, датированное имъ 1 декабря ст. ст. 1860 г. Содержаніе этого «Отвѣта „Колоколу“» — краткое изложеніе письма отъ 15 ноября. Я не привожу это возраженіе, представляющее несомнѣнный интересъ для характеристики взглядовъ и отношеній человѣка, вскорѣ послѣ этого игравшаго замѣтную роль въ дѣятельности Герцена, потому что интересующіеся найдутъ его въ доступномъ (хотя и небрежномъ) изданіи «Писемъ Бакунина къ Г. и Ог.» В. Врублевскаго, Спб., 1906 г.

Посылая „Отвѣтъ“, Бакунинъ писалъ особо 8 декабря изъ Иркутска:

«Другъ Герцень, записка твоя застала меня, когда я кончалъ прилагаемый отвѣтъ въ „Колоколъ“. Говорить о моей глубокой, тревожной радости при видѣ твоего драгоцѣннаго почерка было бы лишнимъ. Но она ободрила меня еще и въ другомъ отношеніи, возбуждая во мнѣ надежду, что слова мои найдутъ въ тебѣ вѣру. Это — мое третье письмо къ тебѣ; первое, по крайней мѣрѣ въ 20 листовъ, до тебя не дошло, второе, листовъ 12, взялъ съ собой знакомый**** тому назадъ три недѣли. Надѣюсь, что оно дойдетъ до тебя, если не прежде, то, по крайней мѣрѣ, вмѣстѣ съ этимъ; оно не кончено, но конецъ пришлю скоро, — благо нашелъ дорогу къ тебѣ. Всѣ три письма имѣютъ главнымъ предметомъ Муравьева-Амурскаго, на котораго ты съ нѣкотораго времени, по какому-то странному ослѣпленію, сталъ нападать жестоко и несправедливо. А между тѣмъ, не говоря уже о томъ, что твои нападенія лишены всякаго основанія и совершенно противны истинѣ, Муравьевъ, повторяю тебѣ въ

третій разъ, единственный человѣкъ, между всѣми пользующимися силою и властью въ Россіи, котораго *безъ малѣйшей натяжки* и въ полномъ смыслѣ этого слова мы можемъ и должны безусловно назвать *нашимъ*. Онъ нашъ по чувствамъ, по мыслямъ, по всѣмъ прошедшимъ дѣламъ, по стремленіямъ, желаніямъ и твердымъ намѣреніямъ. Какимъ же образомъ ты не узналъ его? вѣдь, право, стыдно, Герценъ. Если-бъ ты зналъ, какъ любитъ онъ „Колоколъ“ и какъ прискорбенъ ему всякій промахъ, компрометирующій его, какъ симпатично уважаетъ тебя и какъ ему горько было услышать твои незаслуженныя обвиненія, *клеветы*, раздавшіяся именно въ то время, когда возсталъ противъ него со всѣхъ сторонъ зависть и подлая интрига подъ предводительствомъ нашего Philippe Egalité, самого вел. кн. Константина Николаевича. „Своя своихъ не познаша“—вотъ его слова о тебѣ. Теперь онъ оставляетъ Сибирь и службу, ѣдетъ за границу и непремѣнно захочетъ увидѣться съ тобою; ты познакомишься съ нимъ и скажешь, что это человѣкъ полный во всѣхъ отношеніяхъ—и сердцемъ, и умомъ, и характеромъ, и энергіею.—Онъ крѣпко нашъ и лучшій и сильнѣйшій изъ насъ,—въ немъ будущность Россіи. Онъ рѣшился оставить на время службу, несмотря на то, что ему хотятъ предложить министерство внутреннихъ дѣлъ. Онъ твердо рѣшился не принимать ничего, пока не измѣнится радикально правительственная система, пока не примется его программа. Программа же въ немногихъ словахъ слѣдующая: 1) Полное и безусловное освобожденіе крестьянъ съ землею. 2) Публичное судопроизводство съ судомъ присяжныхъ и подчиненіе послѣднему всѣхъ служебныхъ чиновъ по административнымъ грѣхамъ, отъ малаго до великаго. 3) Образование народа на самыхъ широкихъ основаніяхъ. 4) Народное самоуправленіе съ уничтоженіемъ бюрократіи и съ возможною децентрализаціею Россіи, а въ Петербургѣ—не конституція и не парламентъ, а желѣзная диктатура, въ видахъ освобожденія славянъ, начиная съ возсоединенной Польши, и борьбы на смерть съ Австріею и съ Турціею.—Вотъ вся программа серьезнаго государственнаго человѣка, доказывавшаго, что онъ умѣетъ исполнять свои замыслы.—Я отвѣчаю вамъ за искренность Муравьева, потому что знаю его, какъ своего лучшаго друга. Каково же мнѣ, вашему другу, другу вашего „Колокола“, честь и вліяніе котораго въ Россіи, повѣрьте, мнѣ не менѣе дороги, чѣмъ вамъ самимъ,—видѣть, какъ, обманутые, ослѣпленные, вы проповѣдуете ложь и клевету, нападая на единственнаго человѣка между всѣми въ Россіи, стоящаго, чтобъ мы стояли за него горюю!—Теперь послушай, Герценъ: если ты мнѣ повѣришь, въ такомъ случаѣ не печатай моего отвѣта

въ „Колоколъ“; ты сумѣешь и безъ него дать Муравьеву полное удовлетвореніе, такъ какъ именно ты долженъ дать такому чело-вѣку, какъ Муравьевъ, *sans réticences et sans équivoques* ¹⁾, соблюдая при томъ осторожность, чтобъ не слишкомъ компрометировать его передъ правительствомъ; но, если ты не повѣришь мнѣ или повѣришь только въ половину, такъ что въ душѣ твоей будутъ оставаться сомнѣнія, тогда, именемъ всего, что насъ связывало и связываетъ, я требую отъ тебя, чтобъ ты напечаталъ *безъ выпусковъ* весь мой отвѣтъ, и, если это покажется необходимымъ, пожалуй, хоть и за моей подписью. Есть случаи, когда осторожность и всѣ другія соображенія должны итти къ чорту. Напечатаніе отвѣта моего будетъ сопряжено, я знаю, съ большими неудобствами. Во-первыхъ, оно можетъ еще на нѣсколько лѣтъ приковать меня къ Сибири; во-вторыхъ, преждевременно компрометируетъ Муравьева передъ правительствомъ,—и насъ всѣхъ, въ лицѣ Петрашевскаго, передъ русскою публикою; наконецъ, сильно компрометируетъ „Колоколъ“, такъ грубо, такъ нелѣпо, такъ самоубійственно ошибающійся.—А, все-таки, я требую напечатанія, если въ своемъ сердцѣ и въ своемъ умѣ ты не найдешь другого средства дать Муравьеву полное удовлетвореніе. Во всякомъ дѣлѣ, какъ дѣлѣ чести, одинъ поступокъ той или другой стороны ведетъ за собою необходимо непріятныя, часто тяжелыя послѣдствія для обѣихъ сторонъ, но отъ этихъ послѣдствій ни та, ни другая сторона не имѣютъ права отказаться. Ты напечаталъ нападеніе, печатай же и отвѣтъ или сознайся громко, что ты былъ подло обманутъ и непростительнымъ образомъ ошибся. Вотъ чего я жду отъ твоей справедливости, отъ твоего благородства, наконецъ, отъ твоей преданности общему дѣлу. Ты—нашъ судья, Герценъ, это правда, но вмѣстѣ съ тѣмъ вспомни, что и мы—твои судьи; между нами солидарность взаимной отвѣтственности, которой ни ты, ни мы разорвать не можемъ.

«Но довольно объ этомъ частномъ случаѣ, поговоримъ вообще о положеніи «Колокола». Со всѣхъ сторонъ слышно, что въ послѣднее время «Колоколъ» много утратилъ вліянія. Одна изъ причинъ такого паденія заключается, безъ сомнѣнія, въ ложныхъ корреспонденціяхъ; двухъ-трехъ такихъ промаховъ въ отношеніи Муравьева и Вост. Сибири достаточно, чтобъ убить ваше изданіе. Вы должны соблюдать большую осторожность въ выборѣ вашихъ корреспондентовъ. Говорятъ, что Россія оттаиваетъ, но подо льдомъ всегда много навоза, а навозъ воняетъ. Вполнѣ русская жизнь,

¹⁾ Безъ умолчанія и безъ двусмысленностей.

вполнѣ русскія мелкія интриги и страсти, вполнѣ родная вонючая грязь,—отстой подлыхъ интересовъ и мелкаго, но неумолимаго тщеславія—пошлость, зависть, ненависть, пустота и сухость мертваго сердца и великодушныя фразы, мелкія дѣла и громкія слова,— все это теперь просится наружу, и такъ какъ другого свободнаго органа, кромѣ вашего, до сихъ поръ еще нѣтъ, все это стремится въ «Колоколь»,—а скрыться подъ маскою либерализма и демократизма нынѣ немудрено,—кто не знакомъ съ благородными словами и фразами! Они стали такъ дешевы, такъ безопасны и безвредны, такъ часто кстати и некстати слышатся во всѣхъ углахъ, даже въ Сибири, что, право, произносить ихъ самому какъ-то становится стыдно. Казенный либерализмъ, казенный демократизмъ, все слова, слова да слова, а за ними такая гнусная, мелочная дѣйствительность, что становится тошно: слова въ Россіи дѣйствуютъ на меня, какъ рвотное,—чѣмъ эффектнѣе и сильнѣе, тѣмъ тошнѣе. Вѣрять должно только тому, въ комъ есть залогъ, что слово у него перейдетъ въ дѣло; въ отношеніи же другихъ я поступилъ бы такъ: чѣмъ краснѣе кто сказалъ слово, тѣмъ выше построилъ бы я для него висѣлицу. Многіе ли изъ вашихъ корреспондентовъ способны, готовы къ благородному дѣлу, къ которому, кажется, обязываютъ ихъ великодушныя фразы,—а вы ихъ слушаете. Вы взяли на себя трудную, почти неисполнимую обязанность: въ Лондонѣ судить лица, дѣйствующія въ Россіи. Пока дѣйствовали все люди вамъ знакомые, временъ николаевскихъ: Клейнмихели, Орловы, Закревскіе, Панины etc., etc.,—вамъ было легко, но теперь выступаютъ на арену люди, вамъ очень мало или совсѣмъ неизвѣстные. Вы должны ихъ судить по даннымъ, присланнымъ вамъ изъ Россіи. Кто вамъ поручится за вѣрность данныхъ? Не должны ли же вы имѣть нѣсколько единомыслящихъ людей въ Россіи, знающихъ край и одаренныхъ практическимъ талантомъ и смысломъ, въ добросовѣстности и въ справедливости которыхъ вы были бы увѣрены, какъ въ своихъ собственныхъ, и которые бы провѣряли и укрѣпляли своимъ свидѣтельствомъ всѣ извѣстія, вамъ посылаемая? Иначе вы будете всегда обмануты и потеряете всякую силу въ Россіи. А такихъ людей, вѣдь, не легко найти между пишущей братією, даже между остатками нашихъ бывшихъ кружковъ—большая часть изъ нихъ околѣнѣла, помертвѣла и живутъ, и дѣйствуютъ, и болтаютъ, какъ мертвые между мертвыми ¹⁾).

¹⁾ Матеріалъ противъ Муравьева и его фаворитовъ доставленъ былъ Герцену докторомъ Н. А. Бѣлоголовымъ, очень хорошо знавшимъ всѣ условія мѣстной жизни, для Бакунина новыя и непонятныя.

«Странное явленіе представляет нынѣ русская публичная жизнь, официальная и неофициальная! Это—царство тѣней, въ которомъ подобія живыхъ людей двигаются, говорятъ, кажется, мыслятъ и дѣйствуютъ, а между тѣмъ не живутъ; есть въ нихъ риторика всѣхъ страстей, нѣтъ страсти, нѣтъ дѣйствительности, ни общаго преобладающаго характера, ни характеровъ. Все литература, писаніе да болтаніе, а ни капли жизни и дѣла—нѣтъ ни къ чему дѣйствительнаго интереса. И говорить даже ни съ кѣмъ не хочется, потому что напередъ знаешь, что изъ словъ не выйдетъ дѣла. Литературѣ теперь лафа, это—ея царство. Панаевы торжествуютъ, и пишущая братія бьетъ себя страстно въ пустую грудь, а грудь издаетъ громкій звонъ, потому что въ ней нѣтъ сердца; въ головахъ полированные засушники съ готовыми категоріями и словами, а не живой производительный мозгъ; въ мышцахъ нѣтъ силы, а въ жилахъ нѣтъ крови,—все тѣни, краснорѣчивыя, пустозвонныя тѣни, и самъ между ними становишься тѣнью. Они ведутъ теперь мелочную торговлю съ помощью небольшого капитала, собраннаго Станкевичемъ, Бѣлинскимъ, тобою, Грановскимъ; они спятъ, бредятъ вслухъ, размахивая руками, и только тогда пробуждаются къ чувству дѣйствительности, когда затронута ихъ лицо, ихъ тщеславіе,—единственная дѣйствительная страсть между такъ называемыми людьми порядочными, точно такъ же, какъ карманная страсть исключительно преобладаетъ во всѣхъ прочихъ слояхъ русской *публики*. Отъ тѣней ли ждать чудесъ? А между тѣмъ Россія можетъ быть спасена только чудесами ума, страсти да воли.—Я ничего не жду отъ извѣстныхъ въ литературѣ именъ, вѣрю же въ спящую силу народа, вѣрю въ среднее сословіе,—не въ купечество, оно гнилѣе дворянства,—но въ фактическое, официально не признанное среднее сословіе, образующееся постоянно изъ отпускныхъ людей, приказчиковъ, мѣщанъ, поповскихъ дѣтей—въ нихъ сохранились еще и русскій смѣтливый умъ, и русская удалая предприимчивость; вѣрю также, что въ самомъ дворянскомъ сословіи кроется много¹⁾

«Я спрашиваю даже: много ли уцѣлѣло изъ нашихъ? Дѣятельность утомляетъ, сжигаетъ людей, но русская обыденная пошлость ихъ стираетъ и стаптываетъ. Тургеневъ, Кавелинъ, Коршъ—живые ли люди? Вашихъ прочихъ друзей и знакомыхъ я не знаю,—жизнь сохранилась ли въ нихъ? Мнѣ общаются, что въ нынѣшнюю весну

¹⁾ На этихъ словахъ оканчивается первый листъ письма. Затѣмъ второй, другого формата, но нумерованный—2, начинается, какъ напечатано далѣе, представляя въ началѣ вариантъ окончанія перваго листа. *Примѣч.* М. П. Драюманова.

я получу позволеніе ѣхать въ Россію; буду искать людей,—для меня это интересъ первостепенный. Здѣсь, кромѣ Муравьева, я узналъ еще одного человѣка, это—молодого генерала Николая Павловича Игнатьева, сына санктъ-петербургскаго генераль-губернатора, и, если я не ошибаюсь, твоего знакомаго, Герценъ. Онъ возвращается теперь изъ Китая, гдѣ онъ надѣлалъ чудесъ. Съ 19 казаками, въ виду англійскаго и французскаго посланниковъ лорда Эльгина и барона Gros съ ихъ арміями, онъ сумѣлъ сыграть самую блистательную, первую роль и извлечь для Россіи наибольшія выгоды, несравненно большія, чѣмъ сами французы и англичане. О трактатѣ, имъ заключенномъ, вы узнаете изъ газетъ, но о чемъ не услышите, это—о безпримѣрномъ варварствѣ англійскихъ, особливо же французскихъ, войскъ въ Китаѣ. Первые довольствовались большею частію грабежомъ и состоятъ при томъ по преимуществу изъ сипаевъ, но вторыя,—чистые французы, по всей дорогѣ до Пекина насилывали женщинъ и потомъ топили, убивали ихъ, отрѣзывали у нихъ ноги.—Этимъ воспользовались русская смѣтливость и русская дисциплина; во главѣ 19 казаковъ, Игнатьевъ явился, какъ спаситель Китая,—и теперь мы стали ужъ совершенно крѣпкою ногою на Тихомъ океанѣ.—Но возвратимся къ Игнатьеву; это человѣкъ молодой, лѣтъ тридцати, вполне симпатичный и по высказываемымъ мыслямъ и чувствамъ, по всему существу своему, смѣлый, рѣшительный, энергичный и въ высшей степеніи способный. Онъ честолюбивъ, но благородно-горячій патриотъ, требующій въ Россіи реформъ демократическихъ и со-внѣ политики славянской, однимъ словомъ—съ легкими различіями того же, чего требуетъ Муравьевъ. Они сошлись и будутъ дѣйствовать заодно.—Вотъ съ такими-то людьми не худо бы вамъ было войти въ постоянныя сношенія,—они не резонерствуютъ, мало пишутъ, но зато много знаютъ и, рѣдкая вещь въ Россіи, много дѣлаютъ. Теперь, что скажу вамъ о себѣ, друзья? ¹⁾

«Я намѣренъ вскорѣ послать вамъ подробный журналъ моихъ faits et gestes со времени нашей послѣдней разлуки въ Avenue Marigny, а теперь скажу только нѣсколько словъ о своемъ настоящемъ положеніи. Просидѣвъ годъ въ Саксоніи, сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Königstein, около года въ Прагѣ, около пяти мѣсяцевъ въ Ольмюцѣ, все въ цѣпяхъ, а въ Ольмюцѣ—и прикован-

¹⁾ Чтобы понять, кого такъ хвалилъ Бакунинъ (факты переданы тоже неточно), напомню, что гр. Н. П. Игнатьевъ—извѣстный виновникъ русско-турецкой войны 1877—78 гг., реакціонный преемникъ министра внутр. дѣлъ Лористъ-Меликоза, гонитель печати, организаторъ «Священной дружины» и т. д.

ный къ стѣнѣ,—я былъ перевезенъ въ Россію; въ Германіи и Австріи мои отвѣты на допросы были весьма коротки: «Принципы вы мои знаете, я ихъ не тайлъ и высказывалъ громко; я желалъ единства демократизованной Германіи, освобожденія славянъ, разрушенія всѣхъ насильственно сплоченныхъ царствъ, прежде всего разрушенія Австрійской имперіи; я взялъ съ оружіемъ въ рукахъ—довольно вамъ данныхъ, чтобъ судить меня. Больше же ни на какіе вопросы я вамъ отвѣчать не стану». Въ 1851 году, въ маѣ я былъ перевезенъ въ Россію, прямо въ Петропавловскую крѣпость, въ Алексѣевскій рavelинъ, гдѣ я просидѣлъ 3 года. Мѣсяца два по моемъ прибытіи, явился ко мнѣ графъ Орловъ отъ имени государя: «Государь прислалъ меня къ вамъ и приказалъ вамъ сказать: „скажи ему, чтобъ онъ написалъ мнѣ, какъ духовный сынъ пишетъ къ духовному отцу“,—хотите вы писать?» Я подумалъ немного и размыслилъ, что передъ ягю, при открытомъ судопроизводствѣ, я долженъ бы былъ выдержать роль до конца, но что въ четырехъ стѣнахъ, во власти медвѣдя, я могъ безъ стыда смягчить формы, и потому потребовалъ мѣсяць времени, согласился—и написалъ въ самомъ дѣлѣ родъ исповѣди, нѣчто въ родѣ *Dichtung und Wahrheit* ¹⁾);—дѣйствія мои были, впрочемъ, такъ открыты, что мнѣ скрывать было нечего. Поблагодаривъ государя въ приличныхъ выраженіяхъ за снисходительное вниманіе, я прибавилъ: «Государь, вы хотите, чтобъ я вамъ написалъ свою исповѣдь,—хорошо, я напишу ее; но вамъ извѣстно, что на духу никто не долженъ каяться въ чужихъ грѣхахъ. Послѣ моего кораблекрушенія у меня осталось только одно сокровище,—честь и сознаніе, что я не измѣнилъ никому изъ довѣрившихся мнѣ, и потому я никого называть не стану». Послѣ этого, à quelques exceptions près ²⁾), я рассказалъ Николаю всю свою жизнь за границую, со всѣми замыслами, впечатлѣніями и чувствами, при чемъ не обошлось для него безъ многихъ поучительныхъ замѣчаній насчетъ его внутренней и внѣшней политики. Письмо мое, разсчитанное, во-первыхъ, на ясность моего, повидимому, безвыходнаго положенія, съ другой же—на энергическій нравъ Николая, было написано очень твердо и смѣло, и именно потому ему очень понравилось. За что я ему, дѣйствительно, благодаренъ, это, что онъ по полученіи его ни о чемъ болѣе меня не допрашивалъ.—Просидѣвъ три года въ Петропавловской, я при началъ войны, въ 1854 году, былъ перевезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ просидѣлъ еще три года.—У меня открылась цынготная, и

¹⁾ «Вымыселъ и правда», поэтическая автобіографія Гете.

²⁾ За исключеніемъ немногаго.

повыпали всѣ зубы. Страшная вещь—пожизненное заключеніе: влачить жизнь безъ цѣли, безъ надежды, безъ интереса, каждый день говорить себѣ: «сегодня я поглупѣлъ, а завтра буду еще глупѣе».—Съ страшною зубною болью, продолжавшеюся по недѣлямъ и возвращавшеюся, по крайней мѣрѣ, по два раза въ мѣсяцъ, не спать ни дней, ни ночей,— что бы ни дѣлалъ, что бы ни читалъ, даже во время сна чувствовать какое-то неспокойное ворочаніе въ сердцѣ и въ печени съ *sentiment fixe* ¹⁾: я рабъ, я мертвецъ, я трупъ. Однако, я не упдалъ духомъ; если-бъ во мнѣ оставалась религія, то она окончательно рушилась бы въ крѣпости. Я одного только желалъ: не примиряться, не резинироваться, не измѣниться, не унизиться до того, чтобы искать утѣшенія въ какомъ бы то ни было обманѣ, сохранить до конца въ цѣлости святое чувство бунта. Николай умеръ, я сталъ живѣе надѣяться. Наступила коронація, амнистія. Александръ Николаевичъ собственноручно вычеркнулъ меня изъ поданнаго ему списка, и когда, спустя мѣсяцъ, мать моя молила его о моемъ прощеніи, онъ ей сказалъ: «*Sachez, Madame, que tant que votre fils vivra il ne pourra jamais être libre*» ²⁾. Послѣ чего я заключилъ съ пріѣхавшимъ ко мнѣ братомъ Алексѣемъ условіе, по которому я обязывался ждать терпѣливо еще мѣсяцъ, по прошествіи котораго, если-бъ я не получилъ свободы, онъ обѣщалъ привезти мнѣ яду. Но прошелъ мѣсяцъ,—я получилъ объявленіе, что могу выбрать между крѣпостью или ссылкой на поселеніе въ Сибирь. Разумѣется, я выбралъ послѣднее. Не легко досталось моимъ освобожденіе меня изъ крѣпости; государь съ упорствомъ барана отбилъ нѣсколько приступовъ; разъ вышелъ онъ къ кн. Горчакову (министру иностр. дѣлъ) съ письмомъ въ рукахъ (именно тѣмъ письмомъ, которое въ 1851 г. я написалъ Николаю) и сказалъ: «*mais je ne vois pas le moindré répentir dans cette lettre*» ³⁾,—дуракъ хотѣлъ *répentir*! Наконецъ, въ мартѣ 1857 года я вышелъ изъ Шлиссельбурга, пробылъ недѣлю въ III Отдѣленіи, и, по высочайшему соизволенію, сутки у своихъ въ деревнѣ, а въ апрѣлѣ былъ привезенъ въ Томскъ.—Тамъ прожилъ я около двухъ лѣтъ, познакомился съ милымъ польскимъ семействомъ, отецъ котораго, Ксаверій Васильевичъ Квятковскій, служить по золотопромышленности. Въ верстѣ отъ города, на дачѣ или, какъ говорится въ Сибири, на заимкѣ Астангово жили они въ маленькомъ домикѣ тихо и по-старосвѣтски. Туда сталъ

¹⁾ Постояннымъ сознаніемъ.

²⁾ Знайте, сударыня, что пока вашъ сынъ живъ, онъ свободнымъ не будетъ.

³⁾ Но я не вижу ни малѣйшаго раскаянія въ этомъ письмѣ.

я ходить всякій день и предложилъ учить французскому языку и другому двухъ дочерей, сдружился съ моею женою, приобрѣлъ ея полную довѣренность,—я полюбилъ ее страстно, она меня также полюбила,—такимъ образомъ я женился и вотъ уже два года женатъ и вполне счастливъ. Хорошо жить не для себя, а для другого, особенно, если этотъ другой—милая женщина,—я отдался ей весь, она же раздѣляетъ и сердцемъ и мыслью всѣ мои стремленія.—Она полька, но не католичка по убѣжденіямъ, поэтому свободна также и отъ политическаго фанатизма; она—славянская патріотка. Ген.-губ. Западной Сибири Гасфордъ, безъ моего вѣдома, выхлопоталъ мнѣ высоч. соизволеніе на вступленіе въ гражданскую службу,—первый шагъ къ освобожденію изъ Сибири, но я не могъ рѣшиться воспользоваться имъ; мнѣ казалось, что, надѣвъ кокарду, я потеряю свою чистоту и невинность; хлопоталъ же я о переселеніи въ Восточную Сибирь и насилиу выхлопоталъ; боялись для меня симпатіи Муравьева, который пріѣзжалъ въ Томскъ отыскать меня и явно, публично высказалъ мнѣ свое уваженіе. Долго не соглашались, но, наконецъ, согласились. Въ мартѣ 1859 г. я переселился въ Иркутскъ, вступилъ въ службу только-что образовавшейся Амурской компаніи; ѣздилъ въ слѣдующее лѣто по цѣлому Забайкалью, а въ началѣ 1860 года оставилъ компанію, убѣдившись, что въ ней прока не будетъ. Теперь ишу службы по золотопромышленнымъ дѣламъ у Бенардаки; до сихъ поръ еще дѣла мои не увѣнчались полнымъ успѣхомъ, а хотѣлось бы обойтись безъ помощи братьевъ. Они не богаты, и къ тому, не ожидая петербургскаго рѣшенія, они фактически освободили своихъ крестьянъ съ землею и производятъ всѣ работы наемнымъ трудомъ, что сопряжено съ большою тратою капитала.—Какъ бы то ни было, живу я здѣсь въ обстоятельствахъ довольно стѣсненныхъ, но надѣюсь, что дѣла мои скоро поправятся.—Пора въ Россію. До сихъ поръ всѣ старанія Муравьева выхлопотать мнѣ право возвращенія были безуспѣшны. Тимашевъ и Долгоруковъ, основываясь на какихъ-то сибирскихъ доносахъ, считаютъ меня человѣкомъ опаснымъ и неисправимымъ. Впрочемъ, Муравьевъ увѣренъ, что ему удастся освободить меня нынѣ весною.—Теперь я сильно надѣюсь на успѣхъ, и ѣхать въ Россію стало для меня дѣйствительною необходимостью. Я не рожденъ для спокойствія, отдыхалъ поневолѣ сколько лѣтъ, пора опять за дѣло. Дѣятельность моя въ Сибири ограничилась пропагандою между поляками, —пропагандою, впрочемъ, довольно успѣшною: мнѣ удалось убѣдить лучшихъ и сильнѣйшихъ изъ нихъ въ возможности для поляковъ оторвать свою жизнь отъ русской жизни, а потому и въ необхо-

димости примиренія съ Россією; удалось убѣдить также и Муравьева въ необходимости децентрализаціи имперіи и въ разумности, въ спасительности славянской федеративной политики.—Теперь надо въ Россію, чтобы искать людей, вновь познакомиться со старыми и открыть новыхъ, чтобы ознакомиться живѣе съ самою Россією и постараться угадать, чего отъ нея ожидать можно, нельзя.—Странно будетъ, если внутреннее движеніе, возбужденное крестьянскимъ вопросомъ, вмѣстѣ съ внѣшнимъ, порбжденнымъ, повидимому, Наполеономъ, въ сущности же далеко не умершею революціею, которой Наполеонъ только одинъ изъ органовъ,—странно, говорю я, если все это вмѣстѣ не расшатаетъ Россію. Будемъ надѣяться, пока есть возможность надѣяться, — а до тѣхъ поръ, друзья, прощайте.

Преданный вамъ *М. Бакунинъ*.

«Съ будущимъ письмомъ пришло письмо къ другу Рейхелю и приложу мой портретъ.

«Вы, безъ сомнѣнія, захотите отвѣтить мнѣ. Въ такомъ случаѣ прошу васъ: присылайте ваши письма черезъ вѣрныхъ путешественниковъ въ Петербургъ, или на имя Николая Павловича Игнатьева» («Письма», стр. 62—74).

1489. Письмо къ М. К. Рейхель.

6 октяб. (1860).

10, Alpha road.

Приѣзжалъ въ Лондонъ, отправилъ Сашу въ Швейцарію и сегодня ѣду въ Борнмаусъ. Письмо ваше получилъ еще тамъ. А съ «Лунинымъ» не могу васъ остановить,—да оставьте вы его въ покоѣ, онъ мнѣ вовсе не нуженъ теперь.

Теперь просьба. Я слышалъ, что М-me Gasparini въ очень плохомъ положеніи, а Марихенъ прислала мнѣ 5 ф., которые брала на дорогу, а потому я хочу оныя деньги раздѣлить такъ: 2 фун. М-me Gasparini, а 3 пойдутъ на слѣдующаго гарибальдійца ¹⁾). Можете вы ей послать? обяжете сильно.

Всѣ здоровы. Мейзенбургъ въ началѣ ноября ѣдетъ съ Ольгой въ Парижъ. При Татѣ, надъ Татой т.-е., будетъ Miss Reeve, женщина гениальнаго ума.

Прощайте. Будьте здоровы.

Весь вашъ.

А. Герценъ.

¹⁾ Т.-е. на снаряженіе одного добровольца изъ поляковъ, отправлявшихся изъ Лондона.

1490. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

8 октября 1860.

Eagle's Nest, Bournemouth.

Почтенѣйшій князь Петръ Владиміровичъ, журналъ и письмо я получилъ; благодарю васъ за вниманіе, но, право, не стоило дѣлать замѣчаніе этому Фивегу—онъ мелкій интриганъ и плуть и постоянно дѣлалъ мелкія пакости. О журналѣ еще не могу ничего сказать: его «будущность» еще впереди; ждемъ № два-три. Для насъ былъ бы кладъ свободный органъ, выражающій болѣе умѣренную мысль. ¹

Я живу самъ у моря, только не у теплаго; къ 20 окт. переберусь въ Лондонъ. Огар. въ Лондонѣ.

Искренно желаю успѣха и остаюсь преданный Вамъ

Ал. Герценъ.

P. S. Зачѣмъ вы посылаете журналъ въ пакетъ? sous bande онъ идетъ въ пять разъ дешевле.

◆◆ 1. Долгоруковъ основалъ журналъ «Будущность», но не совершенно самостоятельно и не на свой счетъ, а въ компаніи съ владѣльцемъ издательской фирмы А. Франкъ, Фивегомъ, принявъ на себя редактированіе. Первый номеръ, о которомъ говоритъ Герценъ, отпечатанъ въ Лейпцигѣ и 15 сентября 1860 г. вышелъ въ Парижѣ.

Въ передовой статьѣ Долгоруковъ высказалъ свой взглядъ на положеніе дѣлъ въ Россіи, совершенно совпадавшій со сказаннымъ въ «La vérité sur la Russie». При этомъ онъ заявилъ: «Мы не любимъ ни революцій, ни революціонеровъ, въ особенности тѣхъ, которые являются защитниками старыхъ злоупотребленій, защитниками отжившаго порядка вещей и врагами потребностей современныхъ». «Единственная цѣль наша—истина, и въ этомъ отношеніи мы будемъ слѣдовать примѣру лондонскаго «Колокола». Политическія мнѣнія издателей «Колокола» совершенно расходятся съ нашими: они—соціалисты, но мы глубоко уважаемъ А. И. Герцена и Н. П. Огарева за ихъ душевное благородство, за ихъ высокую благонамѣренность и за ту истинную пользу, которую приносятъ «Колоколъ», усердный обличитель всякой неправды».

Въ программной статьѣ «Будущность» заявила:

«Корень зла въ Россіи гнѣздится не въ людяхъ, а въ образѣ правленія. Какихъ людей ни назначай, при нынѣшнемъ образѣ правленія они не въ состояніи будутъ совершить ничего дѣльнаго и прочнаго. Улучшить этотъ образъ правленія, отжившій и гнилой, людямъ невозможно, а онъ, между тѣмъ, портитъ хорошихъ людей. Необходима перемѣна въ образѣ правленія въ Россіи. Два пути предстоятъ въ Россіи: одинъ мирный и блистательный; это—перемѣна, совершенная самимъ государемъ, если онъ, принявъ себѣ въ образецъ просвѣщеннѣйшихъ монарховъ Европы въ девятнадцатомъ вѣкѣ, даруетъ Россіи государственную грамоту свободы (конституцію). Другой путь—бурный, исполненный тревоженій и опасностей, если государь не захочетъ или не сумѣетъ спасти своей династіи, не дастъ грамоты государственной свободы; тогда реформа совершится въ Россіи путемъ революціоннымъ, чего, Боже, упаси! но къ чему Россія, въ случаѣ упорства или ошибокъ государя, будетъ неминуемо и неизбѣжно приведена логическимъ, неотразимымъ ходомъ событій. Этого именно мы желали бы избѣгнуть».

1491. Лишніе люди и желчевики.

... Онѣгины и Печорины были совершенно истинны, выражали дѣйствительную скорбь и разорванность тогдашней русской жизни. Печальный типъ *лишняго*, потеряннаго человѣка только потому, что онъ развился въ *человѣка*, являлся тогда не только въ поэмахъ и романахъ, но на улицахъ и въ гостиныхъ, въ деревняхъ и городахъ...

... Но время Онѣгиныхъ и Печориныхъ прошло. Теперь въ Россіи нѣтъ *лишнихъ* людей, теперь, напротивъ, къ нашимъ огромнымъ запашкамъ не достаетъ рукъ. Кто теперь не найдетъ дѣла, тому пенять не на кого, тотъ въ самомъ дѣлѣ *пустой* человѣкъ, свищъ или лѣнтяй...

(«Колоколь» 1859, л. 44.)¹⁾

Эти два разряда лишнихъ людей, между которыми сама природа воздвигла обломовскій хребетъ, а генеральное межеваніе исто-

¹⁾ Цитата изъ № 1223.

ри вырыло пограничную яму, именно ту, въ которой схороненъ Николай,—постоянно смѣшиваются. А потому мы хотимъ, съ катоновскимъ пристрастіемъ къ дѣлу побѣжденныхъ, вступить за стариковъ. Лишніе люди были тогда столько же *необходимы*, какъ *необходимо* теперь, чтобъ ихъ не было.

Ничего нѣтъ плачевнѣе, какъ середь возникающей дѣятельности, неустроенной еще и угловатой, но полной стремлений и начинаній, встрѣчать этихъ оторопѣлыхъ, нервно-разслабленныхъ юношей, теряющихся передъ упругостью практической работы и чающихъ дарового разрѣшенія трудностей и отвѣтовъ на вопросы, которые они никогда ясно не могли поставить.

Мы этихъ вольноопредѣляющихся въ лишніе люди отводимъ, и такъ, какъ французы признаютъ истинными гренадерами только *les vieux de la vieille* ¹⁾, такъ мы признаемъ почетными и *дѣйствительно* лишними людьми только *николаевскихъ*. Мы сами принадлежали къ этому несчастному поколѣнію и, догадавшись очень давно, что мы лишніе на берегахъ Невы, препрактически пошли вонъ, какъ только отвязали веревку.

Себя намъ, стало, нечего защищать, но бывшихъ товарищей жаль, и мы хотимъ оборонить ихъ отъ слѣдующаго за ними выпуска больныхъ изъ николаевского лазарета.

Нельзя не раздѣлять здоровый, реалистическій-взглядъ, который въ послѣднее время, въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ обзорѣнній ²⁾ сталъ выбивать тощую моральную точку зрѣнія на французскій манеръ, ищущую личной отвѣтственности въ общихъ явленіяхъ. Историческіе слои такъ же худо, какъ геологическіе, обсуживаются уголовной палатой. И люди, говорящіе, что не на взяточниковъ и казнокрадовъ слѣдуетъ обрушивать громы и стрѣлы, а на среду, дѣлающую взятки зоологическимъ признакомъ цѣлаго племени, на примѣръ, *безбородыхъ русскихъ* ³⁾, совершенно правы.

Мы только и желаемъ, чтобъ николаевскіе лишніе люди состояли на правахъ взяточниковъ и пользовались бы привилегіями, дарованными казнокрадамъ. Они это тѣмъ больше заслужили, что они не только лишніе люди, но почти всѣ—люди умершіе, а взяточники и казнокрады живутъ, и не только въ довольствѣ, но и въ историческомъ оправданіи.

Съ кѣмъ тутъ сражаться, надъ кѣмъ смѣяться? Съ одной стороны упавшіе отъ утомленія, съ другой—помятые машиной; винить

¹⁾ Стариковъ старой гвардіи.

²⁾ Намекъ на «Современникъ».

³⁾ Чиновники.

ихъ за это такъ же невеликодушно, какъ винить золотушныхъ и лимфатическихъ дѣтей за худосочіе ихъ родителей.

Серьезный вопросъ можетъ быть одинъ: точно ли эти болѣзненные явленія были обусловлены средой, обстоятельствами?..

Кажется, въ этомъ сомнѣваться трудно.

Нечего повторять о томъ, какъ туго, тяжело развивалась Русь. Кнутомъ и татарами насъ держали въ невѣжествѣ, топоромъ и нѣмцами насъ просвѣщали и въ обоихъ случаяхъ рвали намъ ноздри и клеймили желѣзомъ. Петръ I такимъ клиномъ вбилъ намъ просвѣщеніе, что Русь не выдержала и треснула на два слоя. Едва теперь, черезъ полтора ста лѣтъ, мы начинаемъ понимать, какъ раздвинулась эта трещина: Ничего общаго между ними: съ одной стороны грабежъ и презрѣніе, съ другой—страданіе и недобріе. Съ одной стороны ливрейный лакей, гордый своимъ общественнымъ положеніемъ и надменно показывающій это; съ другой—обобраный мужикъ, ненавидящій его и скрывающій это. Никогда турокъ, рѣзавшій, уводившій женщинъ въ гаремы, не тѣснилъ такъ систематически и не презиралъ такъ нагло франка и грека, какъ шляхетская Русь—Русь крестьянскую. Нѣтъ примѣра въ исторіи, чтобы единоплеменная каста, взявшая верхъ, сдѣлалась бы до такой степени чужестранной, какъ наше служилое дворянство. Ренегатъ всегда доходитъ до крайности, до нелѣпаго и отвратительнаго, до того, наконецъ, чтобъ сажать человѣка въ тюрьму, потому что онъ, будучи литераторомъ, *одъваетъ по-русски*, не пускать его въ трактиръ, потому что онъ въ кафтанѣ и подпоясанъ кушакомъ¹⁾. Это колоссально и напоминаетъ индійскую Азію!

На окраинахъ этихъ дико противопоставленныхъ другъ другу міровъ развились странныя явленія, указывавшія въ самой сломанности своей на потаенныя силы, которымъ неловко, которыя ищутъ другого. Сюда принадлежатъ на первомъ планѣ раскольники и декабристы, а потомъ всѣ западники и восточники, Онѣгины и Ленскіе, лишніе и желчевые люди, — всѣ они, какъ ветхозавѣтные пророки, были вмѣстѣ протестомъ и надеждой; ими Россія усиливалась отдѣлаться отъ петровскаго періода или переработать его въ свое настоящее тѣло и въ свою здоровую плоть. Эти патологическія образованія (формаціи), вызванныя условіями имъ современной жизни, непременно пройдутъ съ перемѣной условій такъ, какъ теперь уже прошли *лишніе люди*; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ они заслуживали судъ и осужденіе,—развѣ только отъ своихъ младшихъ товарищей по службѣ. И это на томъ основаніи, на кото-

¹⁾ Намекъ на арестъ въ Псковѣ И. И. Якушкина.

ромъ одинъ изъ жителей Бедлама съ негодованіемъ показывалъ на больного, называвшаго себя апостоломъ Павломъ, въ то время, какъ онъ, самъ Христосъ, навѣрное зналъ, что это не Павелъ апостоль, а просто лавочникъ изъ Флитъ-стрита.

Вспомнимъ, какъ развились лишніе люди.

Казнь на Кронверкской куртінѣ 13 іюля 1826 года не могла разомъ остановить или измѣнить потокъ тогдашнихъ идей, и, дѣйствительно, въ первую половину николаевского тридцатилѣтія продолжалась, исчезая и входя внутрь, традиція александровскаго времени и декабристовъ. Дѣти, захваченныя въ школахъ, осмѣливались держать прямо свою голову: они не знали еще, что они—арестанты воспитанія.

Такъ они и вышли изъ школъ.

Это уже далеко не тѣ свѣтлые, самонадѣянные, восторженные, раскрытые всему юноши, какими намъ являются при выходѣ изъ лица Пушкинъ и Пущинъ ¹⁾. Въ нихъ уже нѣтъ ни гордой, непреклонной, подавляющей отваги Лунина ²⁾, ни распущеннаго разгула Полежаева, ни даже свѣтлой грусти Веневитинова ³⁾. Но еще въ нихъ хранилась вѣра, унаслѣдованная отъ отцовъ и старшихъ братьевъ,—вѣра въ то, что *«она взойдетъ — заря плѣнительнаго счастья»*, вѣра въ западный либерализмъ, которому вѣрили тогда всѣ: Лафайетъ и Годафруа Кавеньякъ, Бёрне и Гейне. Испуганные и унылые, они чаяли выйти изъ ложнаго и несчастнаго положенія. Это—та послѣдняя надежда, которую каждый изъ насъ ощущалъ передъ кончиной близкаго человѣка. Одни доктринеры, красные и пестрые—все равно, легко принимаютъ самые страшные выводы, потому что они ихъ, собственно, принимаютъ en effigie ⁴⁾, на бумагѣ.

Между тѣмъ каждое событіе, каждый годъ подтверждалъ имъ страшную истину, что не только правительство противъ нихъ съ висѣлицей и шпионами, съ обручемъ, которымъ палачъ сжималъ голову Пестелю, и съ Николаемъ, надѣвавшимъ этотъ обручъ на всю Россію,—но что и *народъ не съ ними* или, по крайней мѣрѣ, что онъ совершенно чужой: если онъ и недоволенъ, то совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ они недовольны. Рядомъ съ этимъ подавляющимъ сознаниемъ, съ другой стороны, развивалось больше и больше сомнѣніе въ самыхъ основныхъ, незыблемыхъ основаніяхъ западнаго воззрѣнія. Почва пропадала подъ ногами; поневолѣ въ такомъ недоумѣніи приходилось въ самомъ дѣлѣ итти на службу или сложить

¹⁾ Иванъ Ивановичъ, декабристъ.

²⁾ Михаилъ Сергѣевичъ, декабристъ.

³⁾ Дмитрій Владиміровичъ, поэтъ.

⁴⁾ Въ изображеніи.

руки и сдѣлаться *лишнимъ, празднымъ*. Мы смѣло говоримъ, что это—одно изъ самыхъ трагическихъ положеній въ мірѣ. Теперь лишніе люди: анахронизмъ, но, вѣдь, Ройе-Колларъ ¹⁾ или Бенжамеъ Констанъ были бы теперь тоже анахронизмомъ, однако, нельзя же за это пустить въ нихъ камень.

Пока умы оставались въ тоскѣ и тяжеломъ раздумьи, не зная, какъ выйти, куда итти, Николай шелъ себѣ съ тупымъ стихійнымъ упорствомъ, затапливая всѣ нивы и всѣ всходы. Знатокъ своего дѣла, онъ съ 1831 г. началъ воевать съ дѣтьми: онъ понялъ, что въ ребяческомъ возрастѣ надобно вытравлять все человѣческое, чтобъ сдѣлать вѣрнопопданныхъ по образу и по подобію своему.

Воспитаніе, о которомъ онъ мечталъ, сложилось. Простая рѣчь, простое движеніе считалось такою же дерзостью, преступленіемъ, какъ раскрытая шея, какъ растегнутый воротникъ. И это продолжалось тридцать лѣтъ!

Испуганные родители помогали. Молодежь росла безъ традицій, безъ будущаго, кромѣ карьеры. Канцелярія и казарма мало-по-малу побѣдили гостиную.

Разумѣется, середь этого несчастія не все погибло. Человѣкъ живучъ. Потребность человѣческаго развитія, стремленіе къ независимой самобытности уцѣлѣло, и притомъ всего больше въ двухъ македонскихъ фалангахъ нашего образованія: въ московскомъ университетѣ и царскосельскомъ лицѣѣ; они пронесли черезъ все царство мертвыхъ душъ, на молодыхъ плечахъ своихъ, кивотъ, въ которомъ лежала будущая Россія, ея живую мысль, ея живую вѣру въ грядущее.

Исторія не забудетъ ихъ.

Но въ этой борьбѣ и они по большей части утратили *молодость* своей юности, они затаились и преждевременно перезрѣли. Старость ихъ коснулась прежде гражданскаго совершеннолѣтія. Это—не *лишніе*, не праздные люди, это—люди *озлобленные*, больные душой и тѣломъ, люди, зачахнувшіе отъ вынесенныхъ оскорбленій, глядящіе изъ подлобья и которые не могутъ отдѣлаться отъ желчи и отравы, набранной ими больше, чѣмъ за пять лѣтъ тому назадъ. Они представляютъ явный шагъ впередъ, но все же болѣзненный шагъ; это—уже не тяжелая хроническая летаргія, а острое страданіе, за которымъ слѣдуетъ выздоровленіе или похороны.

Лишніе люди сошли со сцены, за ними *сойдутъ и желчевики*, наиболѣе сердящіеся на лишнихъ людей. Они даже сойдутъ очень скоро: они слишкомъ угрюмы, слишкомъ дѣйствуютъ на нервы, чтобы долго держаться. Жизнь, несмотря на восемнадцать вѣковъ

¹⁾ Пьеръ-Поль, франц. политическій дѣятель и философъ.

христіанскихъ сокрушеній, оченьъ языческимъ образомъ предана эпикуреизму и à la longue ¹⁾ не можетъ выносить наводящія уныніе лица невскихъ ²⁾ Даніиловъ ³⁾, мрачно упрекающихъ людей, зачѣмъ они обѣдаютъ безъ скрежета зубовъ и, восхищаясь картиной или музыкой, забываютъ о всѣхъ несчастіяхъ міра сего.

Смѣна имъ идетъ; мы уже видимъ, какъ изъ дальнихъ университетовъ, изъ здоровой Украйны, съ здороваго сѣверо-востока являются совсѣмъ иные люди съ непочатыми силами и крѣпкими мышцами. и, можетъ, намъ, старикамъ, еще придется черезъ болѣзненное поколѣніе протянуть руку кряжу свѣжему, который кротко простится съ нами и пойдеть своей широкой дорогой.

Типъ желчныхъ людей мы изучили не на мѣстѣ и не по книгамъ, мы его изучили по экземплярамъ, выѣзжавшимъ за Нѣманъ, а иногда и за Рейнъ съ 1850 года.

Первое, что насъ поразило въ нихъ, это—легкость, съ которой они отчаивались во всемъ, злая радость ихъ отричанія и страшная беспощадность. Послѣ событій 1848 г., они были разомъ поставлены на высоту, съ которой видѣли поражение республики и революціи, вспять идущую цивилизацію, поруганная знамена, — и не могли жалѣть незнакомыхъ бойцовъ. Тамъ, гдѣ нашъ братъ останавливался, оттиралъ, смотрѣлъ, нѣтъ ли искры жизни, они шли дальше пустыремъ логической дедукціи и легко доходили до тѣхъ рѣзкихъ, послѣднихъ выводовъ, которые пугаютъ своей радикальной бойкостью, но которые, какъ духи умершихъ, представляютъ сущность, уже вышедшую изъ жизни, а не жизнь. Въ этихъ выводахъ русскій, вообще, пользуется передъ европейцемъ страшнымъ преимуществомъ: у него тутъ нѣтъ ни традиціи, ни родного, ни привычки. Всего безопаснѣе по опаснымъ дорогамъ проходитъ челоувѣкъ, не имѣющій ни чужого добра, ни своего.

Это освобожденіе отъ всего традиціоннаго доставалось не здоровымъ, юнымъ натурамъ, а людямъ, которыхъ душа и сердце были поломаны по всѣмъ суставамъ. Послѣ 1848 г. въ Петербургѣ нельзя было жить. Самодержавіе дошло до Геркулесовыхъ столбовъ нелѣпости, до инструкціи преподавателямъ военно-учебныхъ заведеній, до бутурлинскаго проекта закрыть университеты, до подписи цензора Елагина на транспарантахъ... Чему же удивиться, что юноши, вырвавшіеся изъ этой пещеры, были юродивые и больные?

¹⁾ Въ теченіе долгаго времени.

²⁾ Петербургскихъ.

³⁾ Намекъ на Даніила Заточника (XIII в.), автора мрачнаго посланія, или «Моленія».

Потомъ они завяли безъ лѣта, не зная ни свободнаго размаха, ни вольно сказаннаго слова. Они носили на лицѣ глубокой слѣдъ души помятой и раненой. У каждаго былъ какой-нибудь тикъ и, сверхъ этого личнаго тика, у всѣхъ одинъ общій — какое-то снѣдающее ихъ раздражительное и *свернувшееся* самолюбие. Отъ обидъ, отъ униженій, отъ отрицанія всѣхъ правъ личности у нихъ развилось затаенное притязаніе на удивленіе; эти неразвившіеся таланты, неудавшіеся гении скрывались подъ личиною униженія и скромности. Всѣ они были ипохондрики и физически больные, не пили вина и боялись открытыхъ оконъ, всѣ съ изученнымъ отчаяніемъ смотрѣли на настоящее и напоминали монаховъ, которые изъ любви къ ближнимъ доходили до ненависти ко всему человѣческому и проклинали все на свѣтѣ изъ желанія что-нибудь благословить.

Половина ихъ постоянно каялась, другая—постоянно карала.

Да, у нихъ остались глубокие рубцы на душахъ. Петербургскій міръ, въ которомъ они жили, отразился въ нихъ самихъ; вотъ откуда ихъ безпокойный тонъ, языкъ *saccadé* ¹⁾ и вдругъ расплывающийся въ бюрократическое празднословіе, уклончивое смиреніе и надменные выговоры, намѣренная сухость и готовность по первому поводу осыпать ругательствами, оскорбительное принятіе впередъ всѣхъ обвиненій и безпокойная нетерпимость директора департамента.

Этотъ *fiop* ²⁾ директорскаго распекательнаго слога, презрительный и съ прищуренными глазами, для насъ противнѣе генеральскаго сиплага крика, напоминающаго густой лай оцетинившейся собаки, ворчащей больше по общественному положенію.

Тонъ—не бездѣлица:

Das, was innen—das ist draussen! ³⁾

Добрѣйшіе по сердцу и благороднѣйшіе по направленію, они, т.-е. желчные люди наши, тономъ своимъ могутъ довести ангела до драки и святого до проклятія. Къ тому же они съ такимъ *arrest* преувеличиваютъ все на свѣтѣ—и не для шутки, а для огорченія,—что просто терпѣнія нѣтъ. На всякое «бутылками и пребольшими» у нихъ готово мрачное «нѣтъ-съ, бочками сороковыми!»

— Что вы застываетесь за этихъ лѣнтяевъ (говорилъ намъ недавно одинъ желчевикъ *sehr ausgezeichnet in seinem Fache* ⁴⁾), дармоѣдовъ, трутней, бѣлоручекъ, тунеядцевъ à la Oneguine?.. И,

¹⁾ Отрывистый.

²⁾ Изящество, шикъ.

³⁾ Что внутри, то и снаружи.

⁴⁾ Очень выдающийся въ своей области.

извольте видѣть, они образовались иначе, имъ мѣръ, ихъ окружающій, слишкомъ грязень, недовольно натертъ воскомъ, замазываютъ руки, замазываютъ ноги... То ли дѣло стонать о несчастномъ положеніи и притомъ спокойно ѣсть да пить.

Мы, было, ввернули слово въ пользу нашего раздѣленія лишнихъ людей на ветхозавѣтныхъ и новозавѣтныхъ, но Даниилъ и слушать не хотѣлъ о раздѣлѣ, ему не было дѣла до обломовскаго хребта, ни до того, что въ мѣди отлитый Николай покоится въ бозѣ, и именно потому и отлить въ мѣди. Напротивъ, онъ напалъ на насъ за нашу защиту и, пожимая плечами, говорилъ, что онъ смотритъ на насъ, какъ на хорошій остовъ мамонта, какъ на интересную ископаемую кость, принадлежащую міру иного солнца и другихъ деревьевъ.

— Позвольте же мнѣ, хоть на этомъ основаніи и въ качествѣ homo Benkendorffi testis ¹⁾, защитить нашихъ сопластниковъ. Неужели вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что эти люди по доброй волѣ ничего не дѣлали или дѣлали вздоръ?

— Безъ всякаго сомнѣнія, они были романтики и аристократы, они ненавидѣли работу, они себя считали бы униженными, взявшись за топоръ или за шило, да и того, правда, они не умѣли.

— Въ такомъ случаѣ я буду называть имена: на примѣръ, Чаадаевъ: онъ не умѣлъ взяться за топоръ, но умѣлъ написать статью, которая потрясла всю Россію и провела черту въ нашемъ разумѣніи о себѣ. Статья эта была началомъ его литературнаго поприща. Что вышло, вы знаете. Нѣмецъ Вигель обидѣлся за Россію, протестантъ и будущій католикъ Бенкендорфъ обидѣлся за православіе и Чаадаева *высочайшей ложью* объявили сумасшедшимъ и взяли съ него подписку не писать. Надеждина, напечатывшаго статью въ «Телескопѣ», сослали въ Усть-Сысольскъ, ректора, старика Болдырева отставили, — Чаадаевъ сдѣлался празднымъ человекомъ. Иванъ Кирѣевскій, положимъ, не умѣлъ сапогъ шить, но умѣлъ издавать журналъ; издалъ двѣ книжки — запретили журналъ; онъ помѣстилъ статью въ «Денницѣ», — цензора Глинку посадили на гауптвахту, — Кирѣевскій сдѣлался лишнимъ человекомъ. Н. Полевого, конечно, нельзя обвинить въ лѣни; человекъ онъ былъ изворотливый, а, все-таки, крылья «Телеграфа» подвизали, и, признаюсь въ моей слабости, когда я читалъ, какъ Полевой говорилъ Панаеву о томъ, что онъ, женатый человекъ, обремененный семьей, боится кварцальнаго, я не смѣялся, а чуть не плакалъ.

¹⁾ Современникъ Бенкендорфа.

— А Бѣлинскій умѣлъ писать, и Грановскій умѣлъ читать лекціи, они не сложили рукъ.

— Если являлись люди съ такой энергіей, что могли писать или читать лекціи въ виду тройки и казематовъ, то не ясно ли, что множество людей съ меньшими силами было парализовано и глубоко страдало этимъ.

— Зачѣмъ же они въ самомъ дѣлѣ не пошли въ сапожники, въ дровосѣки? все лучше бы.

— Затѣмъ, вѣроятно, что у нихъ было настолько денегъ, чтобъ не нуждаться въ такой скучной работѣ; я не слышалъ, чтобъ кто-нибудь изъ удовольствія принялся шить сапоги. Одинъ Людовикъ XVI былъ королемъ по ремеслу и слесаремъ по страсти. Впрочемъ, не вы первые замѣтили этотъ недостатокъ въ практическомъ трудѣ у лишнихъ людей: бдительное правительство наше для пополненія этого недостатка посылало ихъ въ каторжную работу.

— Ископаемый другъ мой, я вижу, что и вы еще на работу смотрите какъ-то сверху внизъ.

— Какъ на вовсе не веселую необходимость.

— Почему же имъ не дѣлать общей необходимости?

— Безъ сомнѣнія. Да, во-первыхъ, родились они не въ Сѣверной Америкѣ, а въ Россіи и, по несчастію, не такъ были воспитаны.

— Зачѣмъ не такъ воспитаны?

— Затѣмъ, что родились не въ податной Россіи, а въ шляхетской; можетъ, это и въ самомъ дѣлѣ предосудительно, но, находясь тогда въ неопытномъ положеніи церкаріевъ¹⁾, они по малолѣтству за свои поступки отвѣчать не могутъ. А уже разъ сдѣлавъ эту ошибку въ выборѣ родителей, они должны были подвергнуться и тогдашнему воспитанію. Да, кстати, на какомъ это правѣ вы требуете отъ людей, чтобъ они дѣлали то или другое? Это—какая-то новая принудительная организація работъ, что-то въ родѣ социализма, переложеннаго на нравы министерства государственныхъ имуществъ. ■

— Я не заставляю никого работать, я констатирую фактъ: это были праздные, пустые аристократы, жившіе покойно и хорошо, и не вижу причины, почему мнѣ сочувствовать имъ.

— Заслуживаютъ ли они симпатіи или нѣтъ, это пусть себѣ рѣшаетъ каждый, какъ хочетъ. Всякое человѣческое страданіе, особенно фаталистическое, возбуждаетъ наше сочувствіе, и нѣтъ ни одного страданія, которому бы нельзя было не отказать въ

¹⁾ Стадія развитія глистовъ.

немъ. Мученики первыхъ вѣковъ вѣрили въ искупленіе, вѣрили въ будущую жизнь. Римскіе Мухановы, Тимашевы, Лужины заставляли христіанъ склоняться въ прахъ предъ августѣйшимъ изображеніемъ цезаря; христіане не хотѣли сдѣлать этой пустой уступки, — ихъ травили звѣрями. Они были сумасшедшіе, римляне полоумные, — тутъ нѣтъ мѣста ни сочувствію, ни удивленію... Но тогда прощай не только Оермопилы съ Голговою, но и Софокль съ Шекспиромъ да, кстати, и вся длинная, безконечная эпопея, которая безпрестанно оканчивается сумасбродными трагедіями и безпрестанно идетъ далѣе подъ названіемъ исторіи.

Данииль нашъ, какъ и слѣдуетъ въ спорѣ, не сдавался. Мнѣ стало все это надоѣдать, и я, пользуясь моимъ палеонтологическимъ значеніемъ, сказалъ ему:

— Воля ваша, а, вѣдь, это пустое дѣло гнать людей или умершихъ или приготовляющихся къ смерти, и гнать въ такомъ обществѣ, гдѣ почти всѣ живые хуже ихъ—военные и штатскіе, помѣщики и попы; знаете ли что? если вась особенно прельщаетъ *sensu*а тогит, и суровая должность моралиста вамъ такъ нравится, возьмите что-нибудь оригинальное. Я вамъ, пожалуй, укажу типы вреднѣе не только мертвыхъ, но и живыхъ лишнихъ людей.

— Какіе же типы?

— Ну, да хоть бы литературнаго *ruffiano* 1).

— Не понимаю.

— Въ блѣдной и обиженной цензурой литературѣ нашей до послѣдняго времени было множество всякихъ чудаковъ, но большей частію это были люди чистые, люди честные. Аферисты, плуты, дѣлатели фальшивыхъ векселей и истинныхъ доносовъ, если и попадались, то они были со стороны правительства или шныряли гдѣ-то по подваламъ и никогда не лѣзли на видныя мѣста, точно лондонскіе тараканы, держащіеся въ кухнѣ и не являющіеся въ салонѣ. Такимъ образомъ сохранилась у насъ наивная вѣра въ поэта и писателя. Мы не привыкли къ тому, что можно лгать духомъ и торговать талантомъ такъ, какъ продажныя женщины лгутъ тѣломъ и продаютъ красоту; мы не привыкли къ барышникамъ, отдающимъ въ ростъ свои слезы о народномъ страданіи, ни къ промышленникамъ, дѣлающимъ изъ сочувствія къ пролетарію оброчную статью. И въ этомъ довѣріи, давно не существующемъ на Западѣ, бездна хорошаго, и намъ всѣмъ слѣдуетъ поддерживать его. Повѣрьте, что гонитель неправды, сзывающій позоръ и проклятіе на современный срамъ и запустѣніе и въ то же время.

1) Сводника.

запирающей въ свою шкатулку деньги, явно наворованныя у друзей своихъ, при теперешнемъ броженіи всѣхъ понятій, при нашей распущенности и удобовпечатлительности, вреднѣе и заразительнѣе всѣхъ праздныхъ и лишнихъ людей, желчевыхъ и слезливыхъ!

Не знаю, согласился ли мой Даниилъ...¹

◆◆ 1. Статья эта имѣетъ большое историко-литературное значеніе какъ по защитѣ «лишнихъ людей», такъ по нападенію на «желчевиковъ» и, наконецъ, по выпаду въ сторону Некрасова, который обрисованъ, какъ казалось Герцену, въ концѣ статьи, хотя и не названъ нигдѣ прямо.

Издавая письма Тургенева и Кавелина въ 1892 г., Драгомановъ высказалъ предположеніе, что «образчика Даниила надо искать въ редакціяхъ тогдашней радикальной журналистики» (стр. 129). Черезъ четыре года, какъ бы опровергая выводъ, дѣлаемый изъ этихъ словъ въ средѣ литераторовъ, Драгомановъ заявилъ: «мы сомнѣваемся, чтобы Герценъ имѣлъ моделью Чернышевскаго; скорѣе онъ думалъ о Благосвѣтловѣ» («Письма М. А. Бакунина къ Герцену и Огареву», 531). Немного позже Богучарскій уже категорически утверждалъ, что статья воспроизводитъ бесѣду съ Чернышевскимъ («Міръ Божій» 1901, XI), и въ 1904 г. повторилъ свое утвержденіе («Изъ прошлаго русскаго общества»). Въ примѣчаніяхъ къ V т. Спб. изд. «Сочиненій» Герцена повторено это же мнѣніе.

Однако, никто не привелъ какихъ бы то ни было доказательства въ пользу высказаннаго.

Я думаю, что полная истина внѣ этихъ указаній.

Чернышевскій былъ у Герцена въ іюнѣ 1859 г., а статья появилась въ октябрѣ 1860 года. Впечатлительный и быстро на все отзывавшійся Герценъ врядъ ли молчалъ бы такъ долго, даже если умышленно молчалъ бы нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы отвести полицейскіе и жандармскіе глаза отъ какого-нибудь намека на пріѣздъ Чернышевскаго. Такъ долго искать поводовъ для такой передачи ихъ бесѣды Герцену не пришлось бы. Между тѣмъ вся конструкція статьи показываетъ, что она родилась послѣ, съ одной стороны, какихъ-то печатныхъ нападокъ на лишнихъ людей, съ другой — совсѣмъ *недавно* разговора съ «Данииломъ».

Ближайшія къ появленію статьи печатныя нападки, это—добролюбовскій разборъ тургеневскаго «Наканунъ», помѣщенный въ мартовской книжкѣ «Современника», вышедшей 28 марта ст. ст. и пришедшей въ Лондонъ не раньше конца мая н. ст. Тамъ Добро-

любовь вернулся къ вопросу о лишнихъ людяхъ и достаточно перечитать его статью «Когда же придетъ настоящій день?» и первую часть статьи Герцена, чтобы имѣть возможность категорически утверждать ихъ несомнѣнную связь.

Бывшіе въ концѣ сентября въ Лондонѣ Тургеневъ и Анненковъ, вѣроятно, обратили вниманіе Герцена на статью Добролюбова, а, порвавъ съ «Современникомъ», Тургеневъ, конечно, не упустилъ случая познакомить Герцена съ исторіей, происшедшей у него съ Добролюбовымъ и Некрасовымъ именно по поводу статьи о «Наканунѣ» (см. «Первое полное собр. соч. Добролюбова» подъ моею ред., т. IV, 27—38), передавъ ее по-своему. Говорю «конечно», потому что это совершенно соотвѣтствовало какъ вообще его характеру, такъ и роли во всемъ инцидентѣ.

Вліяніе рассказчика объясняетъ и конецъ статьи: Герценъ не могъ отказать себѣ въ удовольствіи бросить въ Некрасова еще однимъ камнемъ, разъ онъ былъ убѣжденъ въ его непорядочности. Это удовольствіе чувствуется въ его словахъ въ № 1517. Тургеневъ вполне сочувствовалъ статьѣ Герцена: «Я понялъ конецъ «Желчевиковъ» и сугубо тебѣ благодаренъ. Пора этого безстыднаго мазурика на лобное мѣсто. И за насъ, лишнихъ, заступился. Спасибо» («Письма», 128).

Любопытно отмѣтить, что Некрасова, какъ поэта-гражданинственника, Герценъ не переставалъ считать выдающимся, что доказывается напечатаніемъ въ № 61 «Колокола» «У параднаго крыльца» съ замѣчаніемъ редакціи: «Мы очень рѣдко помѣщаемъ стихи, но такого рода стихотвореніе нѣтъ возможности не помѣстить». Подъ названіемъ «Размышленія у параднаго подъѣзда» это произведеніе могло появиться въ Россіи только въ 3-мъ изданіи стихотвореній Некрасова, 1863 г. Герценъ не могъ не знать имя настоящаго автора.

Теперь остается установить личность «Даніила».

Имъ долженъ быть однимъ изъ видныхъ представителей радикальной мысли. Журналистика ея заключалась тогда въ предѣлахъ «Современника» и «Русскаго Слова». Радикальный составъ перваго: Чернышевскій и Добролюбовъ, втораго—Благосвѣтловъ. Но никто изъ нихъ въ 1860 году въ Лондонѣ не былъ. Правда, какъ разъ во время появленія этой статьи Герцена, Добролюбовъ былъ въ Парижѣ, но полное отсутствіе гдѣ бы то ни было какихъ бы то ни было (печатныхъ, рукописныхъ и личныхъ) указаній на поѣздку его въ Лондонъ (даже и на письмо къ Герцену, о «возможности» котораго очень, однако, осторожно обмолвился г. Аничковъ,—стр. 89 т. I «Полн. собр. соч. Д.—ва» его ред.) исключаетъ

мысль о ихъ свиданіи и бесѣдѣ. Но, можетъ быть, пріѣзжалъ кто-нибудь изъ лицъ къ нимъ близкихъ? Единственно кого можно назвать за это время, на основаніи печатныхъ и рукописныхъ источниковъ, это — капитанъ генеральнаго штаба Н. В. Соколовъ, пріѣзжавшій съ капитаномъ Муравьевымъ, но тогда онъ еще не былъ «Даниломъ» (Автобіографія Соколова, «Свобода» 1889, № 1).

Изъ тетради, оставленной мнѣ покойнымъ А. А. Слѣпцовымъ, (подробнѣе о немъ въ другомъ мѣстѣ), видно, что 2 іюля 1860 г. онъ былъ командированъ за границу по дѣламъ своей службы во II (кодификаціонномъ) Отдѣленіи С. Е. И. В. канцеляріи, вернулся въ концѣ ноября 1860 года, а въ іюлѣ 1861 г. былъ впервые у Чернышевскаго; запись ихъ разговора сдѣлана Слѣпцовымъ, по моей настойчивой просьбѣ, въ 1906 году.

„Наконецъ, я захватилъ съ собой письмо Н. Н. Обручева и отправился къ Чернышевскому. Почему-то (кажется, по указанію, данному Обручевымъ) пошелъ я къ нему вечеромъ, да попалъ въ день какого-то собранія на его квартирѣ. По крайней мѣрѣ, когда я передалъ въ прихожей письмо и свою визитную карточку прислугѣ, а затѣмъ, по приглашенію хозяина, вошелъ въ слабо освѣщенную залу, тамъ оказалось нѣсколько человѣкъ... Чер., какъ теперь вижу, вышелъ изъ-за какого-то стола мнѣ навстрѣчу, протянулъ руку и со словами: «милости прошу, пройдемте ко мнѣ», не представивъ меня никому, не выпуская моей руки изъ своей, провелъ въ другую комнату. — «Здѣсь намъ разговаривать будетъ удобнѣе,—прибавилъ онъ, зажигая свѣчу.—Садитесь хоть вотъ сюда».

«Посадилъ онъ меня къ какому-то небольшому столу, затворилъ дверь, самъ сѣлъ рядомъ.

«Я всегда, даже въ молодости, страдалъ какимъ-то страннымъ недостаткомъ зрѣнія: мнѣ всѣ очертанія представляются туманными, всѣ предметы—окаймленными какъ бы расплывающимися линіями; потому мнѣ очень трудно разглядывать и запоминать черты лица. Плохо видѣлъ я и лицо своего собесѣдника, но тѣмъ ярче выступала передо мной его фигура, приковывали къ себѣ его пристальный взглядъ, его странная, совсѣмъ необычайная улыбка—и насмѣшливая, и ласковая въ одно время.

«Онъ облокотился на столъ обоими локтями, держа одну руку въ другой, и глядѣлъ на меня сквозь очки, нѣсколько приподнимая голову...

— Ну-съ, вы изъ-за границы... Видались тамъ, конечно, съ Гершеномъ?...

— Видался...

«Произнесъ я это слово, вѣроятно, такъ выразительно, что собесѣдникъ мой услыхалъ за нимъ непремѣнное «но»... Хотѣлось мнѣ высказать свои впечатлѣнія, вынесенныя изъ поѣздки въ Лондонъ, но я замялся. Показать себя сразу недостаточно почтительнымъ къ «великому изгнаннику» я не рѣшался: я опасался оттолкнуть отъ себя Чер. съ перваго раза, а мнѣ такъ хотѣлось подойти къ нему поближе.

«Во взглядѣ Чер. отразилось будто удивленіе, лицо его стало серьезно. Онъ, видимо, ожидалъ выслушать молодого человѣка, осчастливленнаго встрѣчей съ тогдашнимъ владыкой либеральныхъ русскихъ сердець.

— Что же?... Вы, будто, не одобряете?

«Я и тутъ не рѣшился высказать свои сомнѣнія именно потому, что въ душѣ моей были только *солнцѣнія*, а не сложившійся взглядъ. Я еще такъ недавно, дѣйствительно, представлялъ себѣ Герцена средоточіемъ и путеводителемъ новаго движенія. Между нимъ и мной не происходило рѣшительныхъ пререканій, онъ вселялъ во мнѣ довѣріе къ себѣ чрезвычайнымъ самоувереніемъ; самое искрометное остроуміе его мнѣ просто не нравилось, когда оно было отравлено самоувереніемъ, но его взгляды, мнѣнія, его отношеніе къ всколыхнувшейся Россіи я еще продумать не успѣлъ, возражать ему основательно я при свиданіи 1860 года еще не могъ. Я еще слушалъ его въ чайнѣ найти и получить опору своимъ стремленіямъ. Онъ не удовлетворялъ меня, но я еще не понималъ, что для даннаго момента Герцену подобала только глубокая признательность, какъ несокрушимоу дѣятелю прошлаго, но въ руководители будущему онъ уже былъ непригоденъ.

«Я ушелъ отъ исповѣди не сложившихся еще въ душѣ отрицаній. Переходимъ къ повѣствованію.

— Герценъ, — спѣшилъ я отвѣтомъ, — былъ ко мнѣ очень внимателенъ, далъ мнѣ позволеніе приходиться къ нему въ дни, не назначенныя для общаго приѣма, знакомилъ меня съ Лондономъ, познакомилъ съ Маццини... — говорилъ я и все глядѣлъ на своего собесѣдника. Разсказъ мой о любезности Герцена его смущалъ. Когда же я упомянулъ о Маццини, Чер. сталъ снова внимательнѣе.

— Маццини — говорилъ я — рассказывалъ изумительныя вещи. Онъ увѣренъ не только въ окончательномъ успѣхѣ итальянскаго движенія, но и въ томъ, что совсѣмъ близка революція славянскаго міра. Онъ уже предвидитъ разрушеніе Австріи..

— Да, — замѣтилъ, смѣясь Чер., — онъ всегда ждетъ гдѣ-нибудь революцію на завтрашній день...

Онъ и у насъ ожидаетъ революцію, говоритъ, что близость русской революціи указана ему многими русскими... Совѣтоваль организовать... И вотъ, Николай Гавриловичъ, объ этомъ-то я хотѣлъ, собственно, поговорить съ вами, послушать, что вы скажете.

— Что же, думаете теперь организовать тайное общество?

— Тайное общество? Я этого, собственно, не предполагалъ, а полагалъ только, что такъ или иначе надо присмотрѣться къ силамъ и потомъ организовать ихъ.

«Черн. встрепнулся. Видимо, теперь только свиданіе наше, наконецъ, получило для него нѣкоторый смыслъ.

— Что же, это—дѣло,—твердо сказалъ Чер.

— Вотъ здѣсь уже явились воззванія (только что «Велико-руссь»).

— А они удовлетворяютъ васъ?

— Не знаю, какъ вамъ отвѣтить,—сказалъ я. И удовлетворяютъ и не удовлетворяютъ... Удовлетворяютъ, какъ начало... Только не зная среду, къ которой обращаться, говорить трудно...

— Надо бы сперва приглядѣться и разяснить, какая почва для слѣянія разныхъ кружковъ... Вѣдь, вотъ, говорятъ, будетъ крестьянское движеніе въ 63 году. Будетъ ли?

— А вы пробовали составить прокламацію?

— Нѣтъ... И не думаю, чтобы было возможно...

— А если бы пришлось, все-таки? Интересно бы посмотреть, какъ у васъ вышло бы.

— вмѣсто меня вы попытайтесь, а я какъ-нибудь на дняхъ зайду къ вамъ поговорить обстоятельнѣе.

«Результатъ свиданія превзошелъ мои ожиданія. Какъ я потомъ убѣдился, Чер—му именно по душѣ пришлось мое сомнѣніе въ Герценѣ и сознаніе неизбежности нащупать почву прежде, чѣмъ приняться за дѣло».

Итакъ, Слѣпцовъ не вступалъ съ Герценомъ въ «рѣшительныя пререканія», не могъ ему «основательно возражать», но это не значить, что у нихъ вообще не было спора, тѣмъ болѣе по такому вопросу, какъ о лишнихъ людяхъ.

Все это даетъ основаніе утверждать, что разговоры со Слѣпцовымъ были ближайшимъ *поводомъ* для статьи Герцена, лицо же «Даніила»—лицо коллективное, воплотившее въ себя мысли Чернышевскаго, Добролюбова, Слѣпцова и другихъ имъ подобныхъ, воспринятая Герценомъ въ личныхъ бесѣдахъ и по литературѣ.

1492. Вольное русское книгопечатаніе за границей.

Русская литература за границей растетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ ясное доказательство, что намъ *есть, что сказать*, и и что намъ *нельзя говорить дома*. Въ 1853 г. мы основали первую русскую типографію за границей съ цѣлью пропаганды. Теперь ихъ существуетъ три-четыре, даже одна въ Наумбургѣ. Три года тому назадъ былъ напечатанъ первый листъ «Колокола», теперь выходитъ въ Лейпцигѣ подъ редакторствомъ Густава Бера ¹⁾ новый русскій журналъ «Будущность», который мы отъ души привѣтствуемъ, но о которомъ будемъ говорить, когда выйдетъ нѣсколько листовъ.

Мы намѣрены отнынѣ давать отчетъ нашимъ читателямъ о всѣхъ сколько-нибудь замѣчательныхъ русскихъ книгахъ, печатанныхъ за границей, не исключая даже *любопытныхъ свидѣтельствъ о непорочно́мъ зачатіи Богородицы*, издан. священникомъ общества Иусова И. Гагаринъмъ.

Вновь вышедшія въ Германіи книги имѣютъ особенный интересъ, и тутъ на первомъ планѣ:

1) *О судѣ присяжныхъ и о судахъ полицейскихъ въ Россіи*, Н. Тургенева,

2) *Статскій—армейцу*, Н. Павлова (печ. въ типографіи Петца въ Наумбургѣ),

3) *Шервудъ*, изъ записокъ генерала Б. П.

Мы всякій разъ съ чувствомъ глубокаго уваженія встрѣчаемъ имя Николая Ивановича Тургенева въ числѣ передовыхъ бойцовъ за свободу крестьянъ, за свободу суда, за свободу русскаго народа вообще. Черезъ тридцать лѣтъ государственный человѣкъ, оттертый Николаемъ отъ родины и отъ дѣятельности, онъ является съ тою же вѣрой, энергія его не утратилась, любовь его къ Россіи не остыла. Это—тотъ же исполненный силъ молодой статсъ-секретарь; совѣщавшійся нѣкогда съ великимъ министромъ Штейномъ. Что это было за удивительное поколѣніе, изъ котораго вышли Пестели, Якушкины, Фонъ Визины, Муравьевы, Пуцины и пр.,—поколѣніе, къ которому принадлежитъ по праву Н. И. Тургеневъ! Якушкинъ пріѣхалъ изъ Сибири съ молодымъ сердцемъ, Тургеневъ

¹⁾ Герценъ зналъ отъ кн. Долгорукова, что съ № 3 (6 декабря 1860 г.) отвѣтственнымъ редакторомъ будетъ Густавъ Беръ, вошедшій въ компанію съ А. Франкомъ по изданію.

съ молодой вѣрой двадцатыхъ годовъ пишетъ въ 1860 въ Парижѣ. Намъ не трудно уважать нашихъ предшественниковъ. Намъ легко это высказывать!

О книгѣ Н. И. Тургенева, о брошюрѣ Н. Павлова и о прелестнѣйшемъ силуэтѣ шпіона Шервуда мы поговоримъ впоследствии. Теперь ограничимся извѣщеніемъ, что «Шервудъ» переведенъ на англійскій языкъ. Гг. Трюбнеръ и К^о намѣрены его издать.

1493. Александръ Второй Наполеону Третьему—четыре лошади!

Четыре лошади эти, посланныя Александромъ Вторымъ Наполеону Третьему, были приведены въ Парижъ *двумя* Шуваловыми. «*The animals*, говоритъ «Таймсъ», were attended during their journey from Russia by general count Schouvaloff, who it appears is grand master of police at St. Petersburg and his brother count Paul &» ¹⁾. Который же изъ нихъ тотъ грозный, тотъ мощный аристократъ, къ которому Викторъ Панинъ не пускалъ депутатовъ, боясь, что они избадутся? ²⁾

А Англія думаетъ, что у насъ есть аристократы!

1494. Письмо къ сыну.

26 октября (1860).

10, Alpha road, St. John's Wood.

Вчера пріѣхали дѣти и остановились въ 38 № Alpha road. Твою реляцію изъ Невшателя я получилъ. Итакъ, à la fin des fins ³⁾ ты въ Бернѣ. Я совѣмъ, было, нашель квартиру и въ цѣнѣ совѣмъ сошелся, и Тассинари посылаель, и самъ успокоился, а хозяинъ вдругъ прислаель сказать, что онъ ошибся, и попросиль прибавки за шесть мѣсяцевъ 40 ф.,—и вотъ я опять, высуня языкъ, бѣгаю съ Тхоржевскимъ въ Свято-Ивановскомъ лѣсу ⁴⁾ и ищу.

¹⁾ «Животныхъ», въ продолженіе ихъ путешествія изъ Россіи, *сопровождали*—графъ Шуваловъ, который, *кажется*, служитъ главнымъ начальникомъ петербургской полиціи, и его братъ Павелъ и т. д.

²⁾ Командированы были братья Петръ и Павелъ Андреевичи, а Панинъ имѣль въ виду Петра Павловича.

³⁾ Въ концѣ концовъ.

⁴⁾ Т.-е. въ St. John's Wood.

Почти все, что ты пишешь о Natalie, совершенно дѣльно. Мы много тѣшились твоимъ рассказомъ о Лизѣ; Ольга его тоже вытвердила. Она очень любитъ и помнитъ Лизу. Я, съ своей стороны, очень радъ, что онѣ поживутъ въ Бернѣ,—познакомь хорошенько съ бабушкой Фогтъ. Тебѣ тоже будетъ польза: сверхъ многого,—русскій языкъ, а то ты его забылъ, caro mio, до того, что пишешь: «Она обрадовалась подарками», а я думалъ, что радуются нервами. Ошибка эта четыре раза въ послѣднемъ письмѣ.

Тата не пишетъ изъ лѣни сегодня, а Ольга—изъ подражанія.

1495. Письмо къ сыну.

Это письмо возвращено почтой.

Сперва прочти приписку.

17 октября (1860).

Eagle's Nest, Bournemouth.

Завтра я ѣду отсюда, любезный Саша; дѣти собираются проводить до Chislehurst. Теперь на досугѣ поговорю съ тобой ¹⁾.

Большое счастье, что ты встрѣтился и сблизился съ Борщовымъ, да я, сверхъ того, считаю большимъ счастьемъ, что ты пожилъ здѣсь. Если ты отдаешь себѣ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и чувствахъ, то я тебя прошу, вспомни ты серьезно, какимъ ты пріѣхалъ въ *августъ* и какимъ уѣхалъ въ *октябрь*. Видно, атмосфера, въ которой ты здѣсь жилъ, лѣвче, чтобъ in's Breite sich entfalten ²⁾.

Ты снова ѣдешь на семестръ въ прежнюю среду, очень хорошую, очень чистую, но которая утягиваетъ человѣка въ тѣсно-семейную раму и суживаетъ его понятія. На этотъ разъ ты перевернулся, какъ Корвинъ на перекладинѣ въ Фуламѣ, но понятія становятся, какъ и тѣло, меньше и меньше гибки. Это я тебѣ пишу, какъ *Warnung* ³⁾, и до поры, до времени не будемъ больше объ этомъ говорить.

Я думаю, ты меня понимаешь довольно ясно. Я нисколѣко не врагъ тихихъ и мирныхъ добродѣтелей семейнаго круга. Но... видишь ли, и Борщ. можетъ полюбить дѣвушку,—это будетъ одна

¹⁾ Опущено нѣсколько строкъ по семейнымъ соображеніямъ.

²⁾ Развернуться въ ширь.

³⁾ Предостереженіе.

изъ звѣздочекъ, и самыхъ милыхъ, на его пути къ киргизамъ. Но ты его съ пути (этого или другого, научнаго) не своротишь. Быть чувствительнымъ Вертеромъ скоро надоѣстъ und wird fatal ¹⁾.

19. Лондонъ.

По страшнѣйшему проливному дождю и бурѣ пріѣхалъ я вчера сюда и сегодня брошусь искать квартиры. Передъ отъѣздомъ получилъ твое письмо изъ Женевы. Безъ сомнѣнія, и съ Фоггомъ ѣхать не дурно, только ученая экскурсія, я думаю, мало выиграетъ отъ тѣхъ исключительныхъ обстоятельствъ, при которыхъ ты ѣдешь,—это будетъ скорѣе сентиментальное путешествіе. Два дѣла вообще трудно дѣлать. Видѣлъ ли Фогтъ, что его пріятель Жеромъ Бонапартъ опять ѣдетъ въ путь и притомъ кругомъ свѣта? Это было бы очень не дурно.

Петруша прислалъ твой портретъ; одинъ kind превосходный,—брось всѣ прежніе, очень хорошъ. Я далъ одинъ Татѣ, одинъ Огар. и Ольгѣ («въ шляпѣ»).

Вотъ тебѣ коммиссія: пошли сейчасъ. и самымъ *втрѣнимъ путѣмъ*, отъ 350 до 500 франк. къ Natalie,—объ этомъ тебя проситъ Огаревъ, и я сейчасъ ихъ вышлю; мы ждемъ съ нетерпѣніемъ твоего рапорта.

Въ заключеніе вотъ тебѣ анекд. о Тхорж. Сюда пріѣхалъ какой-то польскій помѣщикъ, хлопотунъ и пр.; совѣщается, даетъ совѣты—и говоритъ Тхор.: «вы приходите ко мнѣ какъ можно раньше, приходите въ 9 часовъ,—я всегда пью чай въ 9». На это Тхор. ему сказалъ: «А въ которомъ часу вы пьете грогъ? я ужъ лучше тогда приду».

28 октября.

10, Alpha road.

Вотъ и Эмиль Фогтъ былъ у насъ, и мы съ нимъ очень хорошо провели день, за исключеніемъ головной боли.

Письмо это послалъ тебѣ и забылъ написать «à Bern», оно и возвратилось,—такая досада. А главное, въ немъ я писалъ, чтобы ты снабдилъ Natalie деньгами, а я тебѣ вышлю. Сдѣлай это сейчасъ и мнѣ отрапортуй.

Домъ мы нашли; хорошъ, но зато въ обрѣзъ, а удобенъ: Orsett House, Westbourne terrace. Paddington; если ничего не помѣшаетъ, переедемъ 15, и Ольга отправится въ Парижъ. Погода туманная и отвратительная.

Что портретъ, ты оставилъ Тургеневу или нѣтъ?

¹⁾ И становится непріятнымъ.

29 октября.

Сейчас принесли твое письмо. Ты теперь знаешь, почему не было письма.

Прощай и будь здоровъ.

Бакунинъ прислалъ портретъ; я пришлю копию вашимъ

¿ Какъ писать адресъ твой: по старому или улице и № ?

1496. Письмо къ И. С. Тургеневу.

29 октября (1860).

10, Alpha road, St. John's Wood.

Любезный Тургеневъ, вотъ я и оставилъ бурный Емаусъ и переселился снова въ гнусный Лондонъ, гдѣ туманъ съ вонью тотчасъ вызвали страшнѣйшую головную боль. Оттого и тебѣ три дня не отвѣчалъ. И такъ, Шеншинъ ³⁾ встрѣтится съ Хомяковымъ ⁴⁾. Что у него была связь, онъ этого и не скрывалъ, называя одну жену «гражданской» (другая, можетъ быть, была военная?). Онъ водилъ къ ней нашихъ морскихъ друзей, но что же изъ этого? Если жена не хочетъ помочь, какъ ее заставить? ¹⁾

¹⁾ Очень радъ, что услужилъ «Бого-мокрицами» и «Лишними людьми». Въ 84 № хорошая штучка «Къ сербамъ» о русской политикѣ, а въ 85 помѣщая картину свиданія, начинающуюся родами жены и оканчивающуюся болѣзнью матери, съ заглавiемъ:

Es reiten drei Reiter
Aus Warschau hinaus!
Tra-ра!
Drei Reiter aus Warschau
Sie reiten hinaus!
Tra-ра! ²⁾.

Когда ты будешь писать къ Ан. ⁶⁾, допроси его, какъ онъ былъ у моего «Химика» въ Петербургѣ; это меня ужасно занимаетъ.

¹⁾ Очевидно, была какая-то оказiя, на которую Бакунинъ мало надѣялся, потому что и 15 ноября и 8 декабря ст. ст. все еще обѣщали послать портретъ.

²⁾ Каламбуръ Тургенева — вмѣсто Bournemouth.

³⁾ Александръ Александровичъ; † 21 октября.

⁴⁾ А. С. Хомяковъ † 23 сентября ст. ст. 1860 г.

⁵⁾ См. № 1503.

⁶⁾ П. В. Анненковъ.

А прогос, мой сынъ былъ у тебя въ Парижѣ; я съ нимъ тебѣ послалъ новый портретъ мой и Огар., превосходнѣйшій, и рекомендовалъ тебѣ отличнаго русскаго геолога и ботаника Борщова. Но они тебя не застали, это я зналъ, т.-е. ты былъ еще въ Куртавенелѣ. Да портретъ-то отдали или нѣтъ? напиши.

Кстати къ геологу. Видѣлъ ли ты въ «Отеч. Зап.» статью Вагнера объ Мильнъ-Эдвардсѣ? Кто этотъ Вагнеръ ¹⁾? Молодецъ, вотъ настоящій русскій умъ: свѣтлая консеквенція и, чего бы ни стоило, все нипочемъ; консеквентны и нѣмцы, но съ натугой, какъ въ запорѣ. Если ты объ немъ знаешь, напиши.

Послѣ долгихъ исканій, я домъ нанялъ, очень милый—Orsett House, Westbourne terrace, Paddington. Переѣзжаю 15 ноября, до того времени пиши сюда.

Будь здоровъ. Огаревъ тоже кланяется.

Я тебѣ пришлю экзем. пять статьи «Къ сербамъ» по-французски, дай ихъ кому-нибудь.

P. S. Ольга и Miss Meysenbug ѣдутъ на 4 мѣсяца въ Парижъ. Если ты знаешь порядочнаго русскаго, который бы давалъ уроки и, разумѣется, по умѣренной цѣнѣ—5 фр. въ часъ, что ли,—то меня симъ обяжешь.

Видѣлъ ли Тург. senior ²⁾, какую я ему ввернулъ похвалу, и даже о еѣ каменной болѣзни ³⁾ упомянулъ? А какъ тебѣ нравится «Будущность»? Долг. мнѣ писать, что я играю

Ut-majeur, а онъ—

Ut-mineur ⁴⁾,

вслѣдствіе чего я считаю, что его журнала

frère uterain ⁵⁾—«Колоколь».

◆◆ 1. 24 октября Тургеневъ сообщилъ изъ Парижа, что Шеншинъ умеръ, оставилъ, кромѣ жены, женщину съ ребенкомъ, безъ всякихъ средствъ,—послѣднія всѣ въ рукахъ жены, которая сама уѣзжаетъ съ любовникомъ въ Одессу. Дальше «гражданская» жена и ребенокъ будутъ встрѣчаться нѣсколько разъ. Въ томъ же письмѣ Тургеневъ восхищался № 1483: «in your happiest» (вашимъ наиболѣе удачнымъ).

¹⁾ Николай Петровичъ, извѣстный профессоръ, псевд. «Коть-Мурлыка»: статья «Природа и Мильнъ-Эдвардсъ» въ IX и X кн.

²⁾ Николай Ивановичъ Тургеневъ.

³⁾ Т.-е. о твердости убѣжденій.

⁴⁾ Гамму бодрую, а онъ—гамму грустную.

⁵⁾ Единоутробный братъ.

«Варшавскихъ тоже хорошо отдѣлалъ, но еще, еще! Какъ сказано въ одной поэмѣ:

Ещѣ разить, ещѣ, ещѣ...
Погибъ, погибъ сей мужъ въ плащѣ.

«Хотя мужья въ плащѣ у насъ живучи, но разить ещѣ и ещѣ необходимо» («Письма», 127—128).

1497. Сербы и черногорцы.

Мало знакомые съ внутренними дѣлами западныхъ славянъ и исключительно занятые нашими русскими вопросами, мы ни разу не обращали къ нимъ рѣчи и ни разу не передавали ничего объ нихъ нашимъ читателямъ.

Революціонная декламация намъ ненавистна; дутыя фразы сочувствія, казенно-либеральные возгласы намъ противны со временъ всемірно-риторическихъ упражненій, которыми занималась вся Европа послѣ похоронъ февральской республики. Театральныя постановки въ серьезномъ дѣлѣ не въ нашемъ характерѣ. Русская воля, если она разовьется когда-нибудь, то разовьется здоровой, простой, крестьянской, которой равно не нужно будетъ ни румянъ, ни бѣлилъ. чтобъ нравиться, ни римскихъ тогъ и цивическихъ причитываній, чтобъ полюбить.

Мы не говорили о западныхъ славянахъ, потому что намъ нечего было высказывать, кромѣ нашей искренней братской любви; говорить объ одной любви мы не хотѣли.

Но, въ виду сближенія *невскихъ нѣмцевъ съ вѣнскими*, но наканунѣ воскрешенія смердящаго въ гробѣ *священнаго союза*, этого источника смерти для всего стремящагося къ независимости, этого источника жизни для гнилой, расплзающейся Австріи,—въ виду такой измѣны славянскому міру со стороны Петербурга, мы не должны молчать; тѣмъ больше, что именно теперь сербы и черногорцы вступаютъ въ новую фазу.

Старый Милошъ со своими старыми понятіями сошелъ въ могилу. Его преемникъ ¹⁾ возвѣстилъ о своемъ воцареніи народу сербскому языкомъ благороднымъ, твердымъ, современнымъ. Онъ не обѣщалъ продолжать царствованія *незабвеннаго* отца и благодѣ-

¹⁾ Михаилъ III Обреновичъ. Возвращеніе его къ власти было успѣхомъ мѣстнаго руссофильскаго теченія.

теля, онъ обѣщалъ царствовать лучше, царствовать, «покоряясь законамъ» свободнаго представительства народа.

Въ Черногоріи преемникомъ несчастнаго князя Данилы является юноша ¹⁾). Мы мало объ немъ знаемъ, но нѣтъ причины думать, чтобъ онъ бросился въ объятія истасканной, исхудалой старухи, Австріи, давно грозящей своей клюкой его родинѣ и тѣмъ больше теперь, когда сѣдая колдунья снова ластится къ медвѣдю, съ которымъ прежде жила и который готовъ опять защищать беззубую дульцинею. Если молодой князь Черногоріи будетъ *поменьше благодаренъ за свое воспитаніе* (за которое онъ, вѣроятно, заплатилъ изъ своихъ денегъ), онъ можетъ сдѣлать многое для славныхъ горцевъ своихъ.

Сказавъ это, мы прямо обращаемся къ нашему дѣлу и обращаемъ вниманіе сербовъ и черногорцевъ на одинъ фактъ первой важности. Въ наше время нельзя безнаказанно смѣшивать Россію съ ея правительствомъ. Пусть они будутъ увѣрены, что недостаточно продолжать ненавидѣть турокъ и не терпѣть Австріи, а что надобно *окончательно не надѣяться на русское правительство*. Петербургская дружба стоитъ турецкой вражды и австрійскаго коварства, только гораздо опаснѣе, потому что въ нее вѣрятъ.

Пора западнымъ братьямъ нашимъ убѣдиться въ томъ, что въ Россіи нѣтъ ничего меньше русскаго, меньше славянскаго, какъ правительство. Зимній дворецъ, это—какая-то *нѣмецкая слобода на Невѣ*.

И это вовсе не зависитъ отъ царствующаго лица, а отъ царствующей мысли, отъ всей системы; тутъ больше, чѣмъ завѣщаніе Петра I, котораго никогда не было: тутъ преемственно наслонившаяся почва, изъ которой Зимній дворецъ получаетъ исключительно свой государственный умъ и свою государственную глупость. Въ ней гніютъ, заражая ее, страшные трупы, и сохраняются страшныя традиціи: отъ бироновскихъ и остермановскихъ до аракчеевскихъ и отъ нихъ до николаевскихъ безыменниковъ.

Мы считаемъ Александра II, даже послѣ всѣхъ его ошибокъ, послѣ того, какъ онъ упалъ до пояса въ Австрію, лучшимъ изъ всѣхъ романовскихъ Мервинговъ.

Но гдѣ же у него сила Самсона, чтобъ своими мышцами порвать эти тысячи веревокъ и путъ, вязаныхъ по пятидесяти лѣтъ сряду какими-нибудь Нессельродами на дипломатическихъ спицахъ и какими-нибудь Паниными съ компаніей прошнурованныхъ, спутанныхъ и закрѣпленныхъ канцелярскими нитками. Къ тому же онъ

¹⁾ Николай I Петровичъ.

привыкъ къ сѣтямъ съ самаго рожденія, онъ въ нихъ выросъ, въ нихъ воспитанъ; они ему мѣшаютъ видѣть и понимать. Какъ барабанъ 21 января 1793 г. мѣшалъ слышать слова короля ¹⁾, такъ Александру II барабанъ мѣшаетъ слышать слова народа. Онъ думаетъ, что онъ воленъ дѣлать *добро*, а, въ сущности, ему только не мѣшаютъ дѣлать *зло*.

Одинъ разъ поступилъ онъ свободно—въ крестьянскомъ вѣпросѣ—и сдѣлалъ великій шагъ, который ему исторія зачтетъ. Но на этотъ шагъ чуть ли не потрачена вся его сила!

Теперь онъ соединяется съ Австріей, испуганный итальянскимъ освобожденіемъ. Что ему за дѣло до него? Пусть славяне подумаютъ, что можно ждть отъ правительства, готоваго соединиться съ худшимъ, съ презрѣннѣйшимъ врагомъ—съ врагомъ, ненавистнымъ всей Россіи, только для того, чтобъ поддерживать рабство народовъ и священный принципъ самовластія. Развѣ это не та же политика, по которой православный Александръ I не хотѣлъ помочь грекамъ, по которой Николай I сдѣлалъ первую венгерскую кампанію, а Александръ II можетъ сдѣлать вторую? Зимній дворецъ съ вами поступитъ не лучше; не считайте на его родство: его славянская кровь подозрительной чистоты. Какъ онъ чувствуетъ свою соплеменность и помогаетъ славянамъ, на это пусть вамъ отвѣтитъ Польша...

Когда Соломонъ велѣлъ разрубить ребенка, материнское сердце сказалося; ну, а *какъ сказалося* сердце матушки-императрицы, когда она четверговала Польшу съ союзными нѣмцами? Или, можетъ, оно иначе сказалося, когда Николай бросилъ на водку Австріи одну изъ древнѣйшихъ столицъ Польши—Краковъ, а мѣщанская Европа, съ своей широкой совѣстью, позволила ей принять краденое добро?

Да будутъ вамъ судьбы Польши вѣчнымъ урокомъ. Прометей, прикованнаго къ Кавказу, ежедневно прилеталъ терзать одинъ коршунъ, однимъ клювомъ,—дальше воображеніе грековъ не шло,—а Польшу, прикованную къ Россіи, клюютъ день и ночь три орла, три урода съ пятью клювами!

Что же сдѣлалъ для Польши Александръ II? Сыну шло, было прилично покрыть чѣмъ-нибудь черную память страшнаго отца, испросить ему кротостью и льготами прощеніе, заставить забыть его. Историческій декорумъ, человѣческое сердце требовали этого. Даль онъ какую-то амнистію, нехотя, съ ограниченіями, да и та отравлена дерзкими посольскими писаришками. Намѣстникомъ остается раболѣпный старикъ ²⁾, уложившій тысячи русскихъ подѣ

¹⁾ Во время казни Людовика XVI.

²⁾ Кн. М. Д. Горчаковъ.

Черной, изъ подобострастнаго повиновенія нелѣпому царскому приказу, и до того выжившій изъ ума, что не узнаетъ дѣтей своихъ. Новый царь даже не умѣлъ (а, впрочемъ, можетъ, и не хотѣлъ) прогнать въ зашеи субалтерновъ въ родѣ отвратительнаго Муханова, гнуснаго Абрамовича.

Обратитесь отъ Польши къ собственнымъ воспоминаніямъ.

Всякій разъ, когда петербургскому правительству нужно, для того, чтобъ оторвать какой-нибудь кусочекъ Турціи или пугнуть Австрію, оно наводняетъ ваши страны агентами; это дѣлалось со временъ Миниха и Анны Іоанновны, при Потемкинѣ и Екатеринѣ, при Александрѣ I и Николаѣ. Агенты толковали о православіи и привозили *кресты*, о свободѣ (къ которой, вѣроятно, особенно пріучились въ Петербургѣ); надежды были возбуждены, наболѣвшія сердца бились сильнѣе, обѣщана помощь, въ приготовляеться, вы вѣрите,—между тѣмъ, тамъ, гдѣ-нибудь подъ Кучукъ-Кайнарджи или въ Адрианополѣ заключается миръ, агенты исчезаютъ, повѣрившіе народы проданы, и петербургское правительство, въ очкахъ и крошечнаго роста, объявляетъ по-нѣмецки: *dass es niemals solche skandalöse Hoffnungen gegeben habe* ¹⁾, — и нѣмцы вѣрятъ Нессельроду или Мейендорфу, Алопеусу или Убри, Шредеру или Штакельбергу, а Австрія и Турція являются, съ своими гофратами и башибузуками, наказывать за вѣру въ Петербургъ.

Это повторялось двадцать разъ, а у васъ все покупали портреты Александра I да Николая I. Пора же снять повязку.

По счастью, Зимній дворецъ—не вся Россія, даже не весь Петербургъ; его золотое время, то время, когда онъ, какъ фениксъ, по манію Клейнмихеля, возникалъ изъ огня на трупахъ работниковъ, прошло.

Другая Россія, внѣ дворца, внѣ табели о рангахъ растеть; она слаба, но и Зимній дворецъ не такъ крѣпокъ,—онъ безъ гроша (развѣ Австрія дастъ въ займы?). Другая Россія привѣтствуетъ васъ своими братьями, протягиваетъ вамъ руку; не смѣшивайте же ее съ руками всѣхъ этихъ кварталныхъ пропагандистовъ, агитаторовъ съ Анной на шеѣ, дѣйствительныхъ статскихъ пилигримовъ, забѣжающихъ къ вамъ *по дорогѣ* въ Іерусалимъ или на Аѳонскую гору, мужей консульрныхъ, визирующихъ уродливой птицей ненужные паспорта и пишущихъ всякій вздоръ въ Петербургъ.

— Да гдѣ она, эта другая Россія?

— Это трудно сказать—много постороннихъ насъ слушаютъ—но ищите, и обряцете. На первый случай мы предлагаемъ вамъ

¹⁾ Что оно никогда не подавало такихъ скандальныхъ надеждъ.

нашъ вольный заграничный органъ, чтобъ перекликнуться съ Россіей. Онъ слишкомъ слабъ, чтобъ служить мостомъ для легионовъ; но онъ можетъ служить доской, брошенной черезъ оврагъ, на которой могутъ встрѣтиться два брата, потолковать о своихъ дѣлахъ и пожать другъ другу руки!

20 октября 1860. †

◆◆ 1. Незадолго до этой статьи, въ началѣ 1860 г. въ Лейпцигѣ появилась брошюра «Къ сербамъ. Посланіе изъ Москвы», подписанная Алексѣемъ Хомяковымъ, Михаиломъ Погодинымъ, Александромъ Кошелевымъ, Иваномъ Бѣляевымъ, Николаемъ Елагинымъ, Юріемъ Самаринымъ, Петромъ Безсоновымъ, Константиномъ Аксаковымъ, Петромъ Бартеневымъ, Федоромъ Чижовымъ и Иваномъ Аксаковымъ. Послѣдній писалъ объ этомъ своей семьѣ 20 июля 1860 г. изъ Бѣлграда: «Я въ большомъ затрудненіи относительно извѣстной вамъ рукописи, писанной Хомяковымъ. Съ одной стороны, нѣтъ того человѣка, которому это дѣло должно было быть препоручено; съ другой стороны, настоящая минута такова, что слово наше канетъ въ воду, не будучи замѣченнымъ. Мы воображали себѣ, что послѣ послѣдней скупщины Сербія вступила на путь самостоятельнаго развитія, а потому и нуждается въ совѣтѣ. Увы, вышло не такъ. *Мирный*, свободный скупщинскій элементъ, по невѣжественности русской дипломатіи или ея агентовъ, признанъ за элементъ революціонный и потому подвергся гоненію и стѣсненію, а этимъ самымъ дано мѣсто интригамъ и тайнымъ ковамъ! Люди скупщины, люди народной партіи, люди европейски образованные, но въ то же время горячо сочувствующіе Россіи, Москвѣ, «Русской Бесѣдѣ» и пр., удалены отъ правленія и дано мѣсто «швабамъ». Скупщина изъявила одно рѣшительное желаніе: свободу слова... А теперь установлена цензура. Разумѣется, всякое стѣсненіе народнаго славянскаго элемента, стѣсненіе свободы слова и проч. входитъ въ виды австрійской и французской политики; но наша политика есть единственная, которая не въ противорѣчій съ свободою народности сербской, съ народными требованіями и стремленіями» («И. С. Аксаковъ въ его письмахъ», III, 466—467).

1498. [О Лужинѣ].

«*Правда-ли*, что государь подарилъ Лужина австрійскому императору для Венеціи и что его поведутъ туда два Тимашева и одинъ ветеринарный врачъ?

1499. Полицейскіе маскарады Игнатъева.

Нынѣшній годъ нашу «Сѣверную Пальмиру» ожидаетъ рядъ новыхъ пикантныхъ увеселеній. Игнатъевъ ¹⁾ съ Потаповымъ ²⁾ будутъ давать уличныя маскарады, на которые приглашены уже *бродячія женщины* и водимые мужчины; венеціанскія маски будутъ раздаваться брандъ-маіоромъ; вѣроятно, въ это время костюмеръ Александринскаго театра будетъ тушить пожары.

Вотъ афишка антрепренеровъ:

Приказъ С.-Петербургской полиціи

19 сентября 1860 г., № 169.

«По открытіи проступка полиція задерживаетъ совершившаго оный или подозрѣваемаго въ немъ и при пересылкѣ такихъ людей изъ одного мѣста въ другое полицейскіе служителя водятъ ихъ по городу; такимъ образомъ лица эти прежде обвиненія подвергаются позору и осужденію. Г. Спб. воен. ген.-губ., въ видахъ *уменьшенія преступленій для сбереженія чувства стыда* отъ всякаго преждевременнаго оскорбленія, при пересылкѣ арестантовъ въ здѣшней столицѣ изъ временныхъ мѣстъ заключенія, *изволил* признать полезнымъ надѣвать на арестантовъ особенныя шапки, которыя закрываютъ верхнюю часть лица и голову пересылаемаго. Предписываю гг. приставамъ исполнительныхъ дѣлъ принять отъ г. брандъ-маіора означенныя шапки и постоянно употреблять ихъ при пересылкѣ арестантовъ изъ одного мѣста заключенія въ другое, а также при сборѣ *бродячихъ женщинъ*.

Подписалъ испр. д. Спб. оберъ-полицмейстера Свиты Е. В. генераль-маіоръ *Потаповъ*».

Ей Богу, Бедламы!

Неужели послѣ этого Игнатъевъ не купитъ, т.-е. не возьметъ у брандъ-маіора, себѣ такую шапку «для сбереженія чувства стыда» и не надѣнетъ ее? Потаповъ можетъ узнавать его по нижней части... лица.

¹⁾ Гр. Павелъ Николаевичъ, Спб. генераль-губернаторъ.

²⁾ Александръ Львовичъ, Спб. оберъ-полицмейстеръ.

А государь? Тому давно надѣли шапку, только не для того, чтобъ его не видѣлъ народъ, а чтобъ онъ не видѣлъ, что дѣлается въ государствѣ!

Откуда эта нецеремонная нелѣпость, эта смѣлая тупость, не останавливающаяся ни передъ чѣмъ? Вотъ откуда:

Замѣчаніе «Русскому Инвалиду»

отъ Спб. генералъ-губернатора.

«Въ фельетонѣ № 200 газеты «Русскій Инвалидъ» отъ 18 сентября, въ статьѣ о похоронахъ артиста импер. театровъ Мартынова, между прочимъ, напечатано: «съ величайшимъ удовольствіемъ исполняю я желаніе многихъ лицъ, просившихъ меня выразить печатно благодарность нашей полиціи, которая дѣйствовала въ день похоронъ съ величайшимъ тактомъ и умѣренностью».

«Спб. воен. ген.-губ. долгомъ поставляетъ объявить симъ редакціи означенной газеты для руководства, что разсмотрѣніе служебныхъ дѣйствій здѣшной полиціи не подлежитъ вовсе контролю редакціи «Р. И.», не имѣющей права порицать полицію столицы, а слѣдов., и права объявлять ей благодарность за ея тактъ» («Вѣд. Спб. Гор. Полиціи»).

Эта выходка генерала заставила насъ вспомнить одно мѣсто изъ второй части «Мертвыхъ душъ»:

«— Стало, вашъ дядюшка дуракъ?»

«— Дуракъ, ваше превосходительство!»

А вотъ и другой:

День ангела директора!

«Инспекторъ классовъ генералъ-маіоръ Павловскій имѣетъ честь покорнѣйше просить Ваше Высокоблагородіе пожаловать завтра, т.-е. въ пятницу, 21 марта, въ 10 час. утра, въ квартиру его превосходительства г. директора корпуса, для принесенія поздравленія по случаю дня его ангела» (съ литографированнаго циркулера).

1500. Домъ, примчавшійся къ Минтѣ Ивановѣ на почтовыхъ.

Знаменитая Мина Ивановна ¹⁾ имѣетъ въ Гороховой улицѣ домъ. Чинovníки почтоваго вѣдомства обыкновенно называютъ его своимъ домомъ и вотъ, какъ это объясняютъ. Когда былъ купленъ домъ, чиновники не по-

¹⁾ Буркова, близкая къ В. Э. Адлербергу.

лучили награжденія, выдаваемого имъ изъ экономическихъ суммъ, потому что вся экономическая сумма пошла на поупку дома, поднесеннаго въ даръ Минѣ Ивановнѣ Прянишниковымъ и Антонскимъ. Всѣ жившіе въ домѣ видѣли, что Прянишниковъ прїѣзжалъ осматривать домъ, а Антонскій—и не разъ: онъ велъ всю поупку сначала до конца, и купчая крѣпость совершалась подъ его надзоромъ, поднесена же была Минѣ Ивановнѣ, вѣроятно, самимъ Прянишниковымъ, comme ayant le pas ¹⁾ надъ Антонскимъ.

Говорятъ, что Мина Ивановна хлопочетъ теперь, чтобъ ее тоже произвели въ *графы* вмѣстѣ съ Тимашевымъ, но мы еще не вѣримъ, чтобъ такъ явно можно было награждать за *тайныя* услуги.

1501. Самодержавная демонстрація.

Невско-австрійскій посоль упрекнулъ Кавура, что онъ не слушался петербургскихъ совѣтовъ, отрясъ прахъ съ ногъ своихъ и отправился во-свояси. Съ этимъ успѣхомъ мы поздравляемъ и Кавура и Горчакова. Надѣмся, что Викторъ-Эммануилъ приметъ съ равнодушнѣйшимъ презрѣніемъ самодержавную дерзость татаро-австрійской дипломатіи ²⁾.

1502. А. С. Хомяковъ.

Еще одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дѣятелей въ мірѣ русской мысли и русскаго сознанія кончилъ свою жизнь. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ умеръ отъ холеры 4 октября въ своемъ рязанскомъ имѣніи. Не во всемъ согласные съ нимъ, мы высоко цѣнили и огромныя дарованія А. С. Хомякова, и благородную жизнь его, проведенную вдали отъ всего официальнаго, служебнаго, и его вліяніе на московское общество. Ему было только 55 лѣтъ...—скоро изнашивается нашъ Сѣверъ лучшихъ людей своихъ! ¹⁾

◆◆ 1. Въ это же время вышла IX кн. «Голосовъ изъ Россіи», предисловіе къ которой подписано Герценомъ и Огаревымъ. Я не включаю, однако, его въ собраніе, такъ какъ изъ письма Огарева къ Герцену, хранящагося въ Румянц. музеѣ, ясно, что статья написана однимъ Огаревымъ.

¹⁾ Какъ имѣющихъ первенство.

²⁾ Русская дипломатія протестовала противъ поддержки, оказываемой Викторомъ-Эммануиломъ итальянскимъ народнымъ стремленіямъ къ объединенію, не одобряла выступленій Гарibaldi и отозвала своего посла гр. Э. Г. Стакельберга изъ Турина, какъ только Кавуръ заявилъ о намѣреніи присоединить Неаполь къ Сардиніи.

1503. Письмо къ И. С. Тургеневу.

1 ноября (1860).
10, Alpha road, St.-John's Wood.

Посылаю тебѣ франц. переводъ ¹⁾ и письмо жены Шеншина ²⁾; если ты мнѣ позволишь, я ей напишу, что вотъ вамъ есть средство помянуть «Александра»—давши денегъ и пр. Для этого отвѣчай и дай ея адресъ. Далѣе сказать нечего. А Мар. Ал. ³⁾ сильно блудитъ съ маленькимъ Пассекомъ ⁴⁾; мать ⁵⁾ въ отчаяніи,—какъ будто, всѣ мы не виноваты передъ царемъ и не грѣшны передъ богомъ.

Онъ поѣхалъ за ней въ Парижъ. ¹

◆ 1. М. П. Драгомановъ и Н. А. Огареевъ нашли возможнымъ еще при жизни М. А. Марковичъ опубликовать объ ея интимныхъ отношеніяхъ съ А. В. Пассекомъ, при чемъ первый замѣнилъ ея имя очень прозрачными инициалами (см. «Письма Кавелина и Тургенева къ Герцену», 123—126), а вторая «замаскировала» все такъ, что привлекла къ разсказу невольное вниманіе (стр. 169—171).

1504. Письмо къ сыну.

1 ноября (1860).

Отдалъ ли тебѣ Эмиль Фогтъ письмо, путешествующее второй разъ въ Германію, т.-е. въ Швейцарію? ⁶⁾ Непремѣнно устрой все для Natalie, я также тебя объ этомъ прошу.

Посылаю тебѣ 5 экз. моего воззванія ⁷⁾, пошли Карлу ⁸⁾, дай Эмилю. На этотъ разъ пишу мало. Вѣроятно, на дняхъ буду писать.

Домъ окончательно нанялъ: Orsett House, Westbourne terrace, Paddington.

— Переѣзжаемъ 15-го.

¹⁾ № 1497-го.

²⁾ Викторина Ильинична, урожд. Головина.

³⁾ Марковичъ.

⁴⁾ Александръ Вадимовичъ.

⁵⁾ Татьяна Петровна.

⁶⁾ № 1495.

⁷⁾ № 1497.

⁸⁾ Фогтъ.

Чортъ знаетъ, что такое: опять болить у меня голова. Ужъ не начать ли и мнѣ принимать arsenic¹⁾.

Тат. Петр. въ Парижѣ.

1505. Письмо къ сыну.

8 ноября (1860).

Посылаю тебѣ, любезный Саша, письмо къ Natalie; Meis. ей нашла какую-то гувер. для Сатиныхъ въ Бернѣ; я вложилъ и свою приписку. Ог. все послѣднее время здоровъ, только Девиль и руками и ногами противъ arsenic'альнаго лѣкарства. Огаревъ очень благодарить тебя за твои хлопоты о Nat., и я тоже. Ты одного опять-таки не понимаешь: стало быть, есть много причинъ, почему мы такъ поступаемъ, а не иначе. Зачѣмъ у тебя нѣтъ вѣры? она требуетъ остановиться и не судить поверхностно.

Я убѣжденъ, что для истиннаго и хорошаго развитія Natalie, для того, чтобъ она могла окончательно быть другомъ дѣтей, надобно ей пройти черезъ одиночество жизни серьезной и, можетъ, суровой. Огар. въ этомъ убѣжденъ еще больше. Какое же значеніе будетъ имѣть переѣздъ сейчасъ? Это я пишу тебѣ секретно и только потому, что всякій разъ дивлюсь, какъ ты поверхностно онась судишь. Какъ будто вопросъ въ томъ: въ Бернѣ жить или Парижѣ, въ Вюрцбургѣ или Мюнхенѣ.

Прощай пока.

Татой и Ольгой я очень доволенъ.

Обрати вниманіе на мою статью о варшавскомъ свиданіи въ «Колоколѣ»²⁾.

1506. Письмо къ И. С. Тургеневу.¹

9 ноября (1860).

10, Alpha road, St.-John's Wood.

Не знаешь ли ты, любезный Тургеневъ, кто издалъ «Историческіе матеріалы по дѣлу объ освобожденіи крестьянъ» въ Берлинѣ? ³⁾ Замѣчательно хорошо и умно составленная книга; если знаешь, напиши.

¹⁾ Мышьякъ.

²⁾ № 1515.

³⁾ «Матеріалы для исторіи упраздненія крѣпостного состоянія помѣщичьихъ крестьянъ въ Россіи въ царствованіе Императора Александра II». Vol. I, Берлинъ, 1860, изданы Дмитріемъ Петровичемъ Хрущовымъ, товарищемъ министра государственныхъ имуществъ; умеръ въ 1864 г.

Что же ты не пишешь, доставиль тебѣ тогда портретъ Саша или, не найдя тебя, онъ его увезъ?

Жду съ нетерпѣніемъ твоего сужденія о моей статьѣ «Свиданіе въ Варшавѣ»¹⁾; я ее считаю удачной. Теперь я пишу для «Поляр. Звѣзды» «Robert Owen»,—за эту я отвѣчаю. Еще, читалъ ли ты «Фрейлина Гамильтонъ» въ «От. Зап.»? Я начинаю нервами ненавидѣть Петра!

Переходя къ твоему предложенію насчетъ Шеншина и стипендіи, я не могу сказать, чтобъ я совершенно былъ согласенъ съ тобой. Частная филантропія—дѣло старыхъ барынь... Почему вы составляете аннунтетъ этому ребенку, и какой? Отдайте его въ простую школу, и я готовъ буду участвовать. Я остановился на твоей фразѣ: «по крайней мѣрѣ, 100 фр. въ годъ». Меня скупымъ никто не считаетъ, но почему же это я буду ему давать? Я у тебя взялъ на гариб. офицера. Я съ тѣхъ поръ еще имѣлъ случай сдѣлать подобную вещь... и всегда готовъ.

Только ты не думай, что я отказываю вовсе участвовать; если вы отдаете его въ школу, я готовъ платить по 50 фр. въ годъ въ продолженіе 10 лѣтъ.

Далѣе (*свято между нами*). Die Liebe muss sein Platonisch²⁾—мы это знаемъ. Но М. Ал.³⁾ жила вмѣстѣ и ѣздила вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ и все Aristotelisch⁴⁾, я знаю вѣрно. Да и это ее ни на іоту не уменьшаетъ, только зачѣмъ же все это такъ гласно? Неужели ты думаешь, что я повѣрилъ бы lamentаціямъ матери⁵⁾? Пишу это я одному тебѣ, потому что мнѣ смѣшно. что ты на практикѣ и сегодня не такой психологъ, какъ «Наканунъ».

А что ты пишешь?

Еще—гдѣ же теперь живетъ М. Ал.? читала ли она статью объ ней Боголюбова⁶⁾?—длинно, но хорошо. Чья статья о смерти Павла, которую она мнѣ прислала? очень хороша.—она напечатана въ «Сборникѣ».

Прощай. Отвѣчай же на все обстоятельно. А еще ты не писалъ, кто Вагнеръ, писав. въ «От. Зап.».

¹⁾ № 1515.

²⁾ Любовь должна быть платоническою (изъ стихотворенія Гейне: «Sie sassen am Theetisch»).

³⁾ Марковичъ.

⁴⁾ По-аристотельски, т.-е. не платонически.

⁵⁾ Т. П. Пассекъ.

⁶⁾ Характерная описка: статья Добрѣлюбова въ IX кн. «Современника»—«Черты для характеристики русскаго простонародья»

У Львицкаго въ фотѣ ¹⁾ живетъ Захарьинъ; я ему черезъ знакомаго послалъ портретъ Бакунина и его жены; хочешь видѣть, такъ ты въ фоту зайди и скажи, что же онъ, Захарьинъ, мнѣ не шлетъ этотъ портретъ.

Мы переѣзжаемъ 15 нояб., а потому вотъ новый адресъ ²⁾: Lond., Orsett House, Westbourne terrace, Paddington. Премилый домъ и превосходная улица. Ольга ѣдетъ въ Парижъ 20, т.-е. моя дочь.

◆◆ 1. 4 ноября Тургеневъ писалъ Герцену изъ Парижа: «Переводъ твоего посланія къ сербамъ написанъ нѣсколько *avanturé* ³⁾, французскимъ языкомъ, а, впрочемъ, для сербовъ ничего. Я могу тебѣ поручиться, что М. (М. А. Марковичъ — М. Л.) вовсе не Цирцея и не думаетъ соблазнять юнаго П. Влюбленъ ли онъ въ нее, это я не знаю, но она никакъ не заслуживаетъ быть предметомъ материнскаго отчаянія и т. д., и т. д.» («Письма», 130).

1507. Письмо къ сыну.

(12 ноября 1860), Понедѣльникъ.
10, Alpha road.

Любезный Саша! Мы переѣзжаемъ 15; новый адресъ: Orsett House, Westbourne terrace, W. Paddington.

Вещи для Nat. всѣ готовы, и завтра Tass. ⁴⁾ ихъ отправить; я велю адресовать на твое имя. Скажи Natalie, чтобы она непременно взяла сколько нужно у тебя денегъ.

Здѣсь былъ вел. кн. Михаилъ Никол. и прислалъ къ Тхоржевскому за книгами; такъ какъ онъ денегъ не прислалъ, то Тхор. отправилъ книги съ Жихонемъ ⁵⁾. Онъ самъ ихъ принялъ, заплатилъ и сказалъ: «Дорого продаете: я въ Петербургѣ почти то же плачу». ¹

Изъ твоего письма что-то мнѣ кажется, что Emil V. ⁶⁾ ничего объ насъ не говорилъ. Послалъ ли ты Карлу Фогту франц. экземпл.?

¹⁾ Фотографія.

²⁾ Нарисованъ планъ.

³⁾ Дерзко, рискованно.

⁴⁾ Tassinari.

⁵⁾ Полякъ, эмигрантъ, другъ Тхоржевскаго, служившій въ его книжной лавкѣ.

⁶⁾ Фогтъ.

Огаревъ тебѣ поручаетъ всѣ хлопоты о Nat. Мы очень рады, что Лиза съ тобой пріятель. Я бы прислалъ въ Бернъ со временемъ и Ольгу погостить, но не на вакаціи.

Теперь у ней насморкъ.

Погода здѣсь ужасная, невыразимая и домъ 10. Ar. г. уложилъ бы всѣхъ въ гробъ—такая сырость и всюду сквозной вѣтеръ.

Прощай. Старайся же понять намѣреніе прошлаго письма, другихъ не будетъ объ этомъ.

Прощай.

◆◆ 1. Въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи находится дѣло (1853 г., I экс. № 65), которое знакомитъ съ тѣмъ, насколько трудно было открыто получать запрещенныя въ Россіи періодическія изданія, даже большимъ сановникамъ, что не исключало продажу ихъ тѣмъ же лицамъ почти открыто... Такихъ противорѣчій всегда было у насъ немало.

Начало «дѣлу» положилъ генералъ А. Н. Лидерсъ, обратившійся къ гр. Орлову 13 февраля 1853 г. изъ Одессы съ просьбой получать безъ цензурныхъ помарокъ и исключеній бруссельскую газету «L'Indépendance Belge». Николай I приказалъ отклонить просьбу «учтивымъ образомъ». Шефъ жандармовъ отвѣтилъ генералу, что государь вообще никому ничего подобнаго не разрѣшаетъ и что онъ, гр. Орловъ, самъ до вступленія въ должность не пользовался такой льготой, почему не смѣетъ доложить государю генеральское письмо. Въ іюнѣ 1854 г. кн. А. И. Барятинскій просилъ права полученія безъ цензуры всѣхъ европейскихъ газетъ. Николай I былъ снисходительнѣе и самъ точно составилъ списокъ такихъ газетъ; Барятинскій могъ получать: «Journal des Débats», «Journal de Francfort», «L'Indépendance Belge» и «Neue Preussische Zeitung» («Kreuz-Zeitung»).

Въ январѣ 1855 г. начальникъ лѣваго фланга Кавказской арміи генералъ Врангель просилъ о полученіи «Revue des Deux Mondes» и «Allgemeine Zeitung», — императоръ отказалъ. Въ маѣ вел. кн. Константинъ Николаевичъ сообщилъ гр. Орлову, что генералъ-губернаторъ Восточной Сибири Н. Н. Муравьевъ проситъ его ходатайства о полученіи безъ цензуры иностранныхъ газетъ. По мнѣнію вел. князя, просьбу слѣдуетъ уважить: Муравьеву надо знать многое, неизвѣстное другимъ. Александръ II положилъ резолюцію: «разрѣшаю, но безъ передачи другимъ».

Въ декабрѣ 1858 г. Александръ Н. Муравьевъ просилъ кн. В. А. Долгорукова, смѣнишаго гр. Орлова, о полученіи безъ цензуры «Le Nord» и «L'Indépendance Belge», но получилъ отказъ по

образцу учтиваго отказа Лидерсу въ 1853 г. Это особенно любопытно, такъ какъ «Le Nord», какъ уже говорилось, издавался самимъ русскимъ правительствомъ.

Въ январѣ 1859 г. кievскій военный генераль-губернаторъ кн. Ил. Ил. Васильчиковъ находилъ, что хорошо слѣдить за развитіемъ общественной мысли литературною контрабандою можно, только получая ее всю самимъ, и потому просилъ разрѣшить ему получать безъ цензуры все и на иностранныхъ и на русскомъ языкахъ. Разрѣшеніе было дано.

Вскорѣ государь приказалъ шефу жандармовъ доставлять командиру оренбургскаго корпуса ген.-адъютанту Катенину «Колоколъ» и «Подъ Судъ!»; поэтому заграничному агенту III Отдѣленія, Якову Н. Толстому, 11 января 1860 г. было предписано высылать кн. Долгорукову еще два экз. этихъ изданій, не считая того, который доставлялся для помощника его, А. Е. Тимашева. Когда же Катенинъ умеръ, то 24 іюля 1860 г. жандармскому полковнику А. Л. Данзасу было предписано разобрать бумаги покойнаго и вернуть въ III Отдѣленіе всѣ экземпляры «Колокола» и «Подъ Судъ!», что и было исполнено въ августѣ.

16 февраля 1860 г. Тимашевъ предписалъ нашему повѣренному въ Дрезденѣ кн. А. Н. Волконскому прислать III Отдѣленію 30 экз. брошюры «Депутаты и редакціонная комиссія», и вообще, на будущее время присылать всѣ лейпцигскія изданія, «заслуживающія вниманія»; уплата по счету будетъ производиться въ концѣ года; отправлять съ курьеромъ министерства иностр. дѣлъ.

23 марта государю была доложена записка III Отдѣленія о мѣрахъ, которыя принимались для борьбы со ввозомъ въ Россію нелегальныхъ изданій. Александръ II написалъ на ней: «для предупрежденія этого впередъ, сообразить съ министромъ финансовъ, какія бы можно было предпринять мѣры».

25 августа товарищъ статсъ-секретаря Рашетъ сообщилъ кн. Долгорукову, что въ числѣ бумагъ, полученныхъ по почтѣ 25 августа въ пакетахъ на имя государя вложена брошюра «Народный сходъ въ память переворота 1848 г.» (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1834 г., 1 экз., дѣло № 239, ч. 10).

3 сентября шефъ жандармовъ увѣдомилъ виленскаго военного генераль-губернатора, что государь разрѣшилъ ему получать всѣ изданія изъ-за границы безъ цензуры. Черезъ два мѣсяца петербургскій генераль-губернаторъ гр. Игнатъевъ нашелъ, что и ему необходимо получать всѣ изданія Герцена и кн. П. В. Долгорукова; было разрѣшено съ 1 января 1861 г. Въ декабрѣ 1860 г. право Катенина было распространено и на его преемника генерала

Безака; московскому генераль-губернатору П. А. Тучкову разрѣшено было получать всѣ русскія заграничныя изданія.

Въ мартѣ 1861 г. кievскій генераль-губернаторъ кн. Ил. Ил. Васильчиковъ полагалъ необходимымъ разрѣшить начальнику Радзивилловскаго таможеннаго округа получать польскія галицкія газеты «Czas» и «Głos». III Отдѣленіе нашло, что лучше, если бы ихъ получалъ самъ Васильчиковъ. 28 мая варшавскій намѣстникъ генераль Сухозанетъ телеграфировалъ кн. Долгорукову о немедленномъ воспрещеніи ввоза въ Россію первой изъ этихъ газетъ, что и было сдѣлано въ тотъ же день. «Czas» получался только III Отдѣленіемъ, гдѣ прочитывался д. ст. сов. Каменскимъ.

18 апрѣля 1861 г. Якову Толстому было приказано посылать кн. Долгорукову не по 3 экз. «Колокола», «Подъ Судъ!» и «Будущности», а по 4, тимашевскіе же экземпляры перевести на новаго помощника—гр. Шувалова. 20 мая Толстой сообщилъ, что и до сихъ поръ аккуратно посылалъ требуемое число экз., но иногда, когда не успѣвалъ доставать сразу по 5 экз., такъ какъ въ Парижѣ они быстро продаются, выписывалъ дополнительно уже прямо изъ Лондона. Шуваловъ приказалъ ему немедленно высылать по 2 экз., а по 3—потомъ, если трудно высылать по 5. При этомъ приказано было прислать анонимную книжку «La folie lucide»—«нигдѣ не могу достать».

Въ концѣ 1861 г. военному начальнику г. Вильны генералу Минквицу разрѣшено было получение безъ цензуры газеты «Neue Preussische Zeitung», а генералу Сухозанету: ея же, «L'Indépendance Belge» и «Revue-des Deux Mondes». 18 февраля 1862 г. петерб. ген.-губернатору кн. Суворову разрѣшено получение безъ цензуры всѣхъ книгъ и періодическихъ изданій.

5 марта 1862 г. министръ нар. просвѣщенія А. В. Головнинъ запросилъ шефа жандармовъ, не признаетъ ли онъ желательнымъ предоставить право полученія иностранныхъ изданій безъ цензуры членамъ госуд. совѣта, министрамъ и ихъ товарищамъ, напомнивъ, что члены посольствъ пользуются этимъ правомъ давно, что врядъ ли удобно въ отношеніи ихъ положенія къ означеннымъ должностямъ. Кромѣ того, министръ заявилъ, что нельзя забывать, *съ какой легкостью* получается все запрещенное секретными путями. Кн. Долгоруковъ не счелъ удобнымъ отвѣтить письменно, сообщивъ Головнину, что выскажетъ свое мнѣніе при личномъ свиданіи.

Какъ бы то ни было, но въ мартѣ мысль Головнина была осуществлена и шире, чѣмъ предполагалось: присоединены были генераль-губернаторы, губернаторы и начальники областей. Надо.

однако, помнить, что все это не распространялось на *русскія* заграничныя изданія.

6 апрѣля управляющему морскимъ министерствомъ было предоставлено право, данное ранѣе только кн. Суворову. Въ маѣ ген.-губер.: кievскому Н. Н. Анненкову и оренбургскому Безаку разрѣшено получение «Колокола», «Правдиваго» кн. П. В. Долгорукова и «Свободнаго Слова» Л. П. Блюммера. Въ июлѣ Потаповъ, смѣнившій гр. Шувалова, предписалъ Якову Толстому высылать III Отдѣленію по 2 экз. «La Vérédique» и «Общаго Вѣща».

Въ концѣ іюля 1862 г. очередной номеръ «Колокола» получился въ III Отдѣленіи позже, чѣмъ другими,—Толстому дали нагоняй. 14 августа онъ сообщилъ, что «Колоколь» опоздалъ потому, что французское министерство внутр. дѣлъ задержало его на границѣ, и Толстому съ трудомъ удалось достать номера у своихъ знакомыхъ; даже вел. кн. Константинъ Николаевичъ и Головинъ остались безъ журнала, котораго не хватаетъ еще 10 лицамъ. Тогда же Толстой сообщилъ, что Герценъ намѣренъ издавать «Колоколь» по-французски въ Брюсселѣ.

25 сентября Головинъ довелъ до свѣдѣнія шефа жандармовъ, что высочайше разрѣшено получать *всѣ* заграничныя изданія: товарищу министра нар. просвѣщенія, директорамъ департаментовъ, попечителямъ и предсѣдателямъ цензурныхъ комитетовъ.

19 ноября Потаповъ предписалъ Толстому доставлять еще 1 экз. «Колокола»— вел. кн. Константину Николаевичу въ Варшаву.

16 февраля 1863 г. право получения «Колокола» со всѣми приложениями предоставлено было новгородскому губернатору Скарятину.

13 апрѣля Потаповъ разрѣшилъ Я. Толстому не доставлять въ III Отдѣленіе «Правдолюбиваго»: «получается отъ издателя».

16 іюля разрѣшено получать *всѣ* заграничныя изданія начальнику главнаго управленія Кавказомъ бар. Николаи, а 31 іюля—центральному статистическому комитету. 7 августа 1863 г. получение «Колокола» предоставлено спб. и московскому оберъ-полицейстерамъ.

30 августа 1864 г. редакторъ «Спб. Вѣдомостей» В. Θ. Коршъ, получилъ разрѣшеніе на доставленіе ему заграничныхъ изданій, распространенное 29 декабря и на главнаго редактора «Рус. Инвалида».

Въ іюлѣ 1865 г. редактору «Москов. Нѣмецкихъ Вѣдомостей» Бурову разрѣшено получать 4 иностранныя газеты безъ цензуры, а директору Рус. общества пароходства и торговли генер.

Чихачеву—двѣ газеты; 16 сентября редактору «Рус. Инвалида» разрѣшенъ еще «Czas».

22 февраля 1866 г. министръ внутр. дѣлъ П. А. Валуевъ писалъ кн. Долгорукову: «Редакторъ газеты «Journal de St.-Petersbourg» Копельманъ и издатель-редакторъ газеты «Голось» А. Краевскій обратились въ Главное управленіе по дѣламъ печати отъ имени всѣхъ редакторовъ ежедневныхъ газетъ, издаваемыхъ въ Спб., и отъ «Московскихъ Вѣдомостей» съ просьбою о дозволеніи имъ печатать въ издаваемыхъ ими газетахъ политическія телеграммы, не подвергая ихъ предварительной цензурѣ, подобно тому, какъ не подвергаются цензурному разсмотрѣнію и другія политическія статьи и извѣстія. Препроводивъ вмѣстѣ съ симъ подлинное прошеніе гг. Копельмана и Краевскаго на заключеніе министра почтъ и телеграфовъ, долгомъ считаю сообщить о вышеизложенномъ Вашему Сіятельству, покорнѣйше прося почтить меня Вашимъ отзывомъ по предстоящему предмету.

«При этомъ имѣю честь присовокупить, что министръ иностр. дѣлъ, съ которымъ было сдѣлано сношеніе по сему предмету, не находить, съ своей стороны, препятствій къ разрѣшенію печатанія политическихъ телеграммъ безъ предварительной цензуры, предоставляя, впрочемъ, главному упр. по дѣламъ печати заявить редакторамъ газетъ нѣкоторыя предостерегательныя правила насчетъ событій особенной важности, какихъ-либо чрезвычайныхъ обстоятельствъ, могущихъ касаться членовъ нашей императорской фамиліи во время пребыванія ихъ въ чужихъ краяхъ, или же, наконецъ, таковыхъ же обстоятельствъ, относящихся лично до иностранныхъ владѣтельныхъ особъ».

Кн. Долгоруковъ отвѣтилъ, что «полагалъ бы болѣе осторожнымъ не освобождать политическія телеграммы отъ предварительной цензуры». Въ концѣ концовъ, министры пришли къ соглашенію и признали возможнымъ удовлетворить ходатайство редакторовъ съ тѣмъ, чтобы адресованныя къ нимъ политическія депеши передавались исключительно черезъ главную станцію для предварительнаго ихъ разсмотрѣнія въ телеграфномъ управленіи... Цензора были только пересажены въ другія комнаты...

1508. Письмо къ И. С. Тургеневу.

13 ноября (1860).

10, Alpha road, St. John's Wood.

Начну съ выговора, который ты долженъ принять, потому что ты поступилъ нелѣпо. Съ какой же стати ты что-то наговорилъ М. Ал.? Если это не изъ старческой пассіи сплетничать, а изъ иныхъ соображеній, ты бы могъ написать ко мнѣ и спросить меня. Писавши къ тебѣ, я не циркуляръ писалъ.

Она спрашиваетъ меня объ Ольгѣ, но въ двухъ запискахъ не пишетъ адреса (какъ это не привыкнутьъ всѣ по-англ. повторять адресъ въ каждомъ письмѣ?). Записки М. А., полученной мѣсяца за два, я не нашелъ и долженъ прибѣгнуть къ тебѣ, чтобы ты переслалъ ей приложенное письмецо, а затѣмъ прощай.

Здѣсь Чижовъ ¹⁾ и Дельвигъ ²⁾.

Весь твой

А. Г.

Отъ Анненк. длинное письмо. ¹

◆◆ 1. 14 ноября ³⁾ Тургеневъ писалъ Герцену: «На этомъ пунктѣ письма засталъ меня твой выговоръ. Согласенъ, что заслужилъ его, хотя не въ томъ смыслѣ, какъ ты полагаешь. Грѣшенъ я всякими грѣхами, но страсти къ сплетнямъ особенно сильной въ себѣ не чувствую. Вотъ какъ это случилось. Ты знаешь, что я нахожусь въ отношеніи къ М. въ положеніи дяди или дядьки и говорю съ ней очень откровенно. Я совершенно убѣжденъ, что между ею и П. нѣтъ рѣшительно ничего, и это убѣжденіе основывается именно на тѣхъ психологическихъ данныхъ, о которыхъ ты упоминаешь; но les apparences, дѣйствительно, противъ нея. А потому я и сталъ ей доказывать, что братъ на себя невыгоды извѣстнаго положенія, не получая его выгоды, значитъ дѣлать глупость, и въ подтвержденіе того, что это говорится не одними вздорными людьми, привелъ твой авторитетъ, такъ какъ я знаю, что она тебя уважаетъ и любитъ. Я не считалъ нужнымъ оговориться

¹⁾ Федоръ Васильевичъ, славянофиль и финансистъ.

²⁾ Бар. Андрей Ивановичъ.

³⁾ Драгомановъ датировалъ ошибочно октябремъ, и потому на стр. 125—130 у него не малая путаница фактовъ.

и потребовать отъ нея тайны: я позабылъ взять въ соображеніе ея наивность и добродушіе. Бѣды, впрочемъ, во всемъ этомъ никакой нѣтъ; она точно также благодарна тебѣ, какъ и мнѣ, за дружеское предостереженіе, а потому укроти свой гнѣвъ» («Письма», 126).

1509. (Es reiten drei Reiter).

Es reiten drei Reiter,
Nach Warschau hinein.
Juhhel
Aus Warschau drei Reiter,
Sie reiten *hinaus!*
Juhhel ¹⁾)

И это самое лучшее, что они могли сдѣлать, *три всадника* т.-е. уѣхать изъ Варшавы. Пріѣзжать-то не зачѣмъ было.

«Варшава опустѣла!» говоритъ «Nord», все видящій при сѣверномъ сіяніи,—и на душѣ стало какъ-то легче. Слава богу, разъѣхались! Чѣмъ же это кончилось? Что вышло изъ этого?

Развѣ тѣмъ, что Unter den Linden ²⁾), какой-нибудь прусскій офицеръ, бывшій въ Варшавѣ, встрѣчая другого прусскаго офицера, не бывшаго въ Варшавѣ, раздавленнымъ голосомъ скажетъ: Die Manefren auf dem Povonskischen Felde — allerehrenwerth, Prince Prusse sehr zufrieden, russisch Majestät auch—Magniperbe, Bruder, Magniperbe ³⁾!

А сверхъ того? Ну, ужъ больше ничего.

Варшавскій съѣздъ—дѣйствительно, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ, онъ сдѣлаетъ эпоху въ международномъ правѣ. Люди явились безъ ясной мысли, безъ плана, заявили передъ всѣмъ свѣтомъ свое поползновеніе преступнаго вмѣшательства въ чужія дѣла и разъѣхались, ничего не сдѣлавши, но каждый *головой ниже*.

¹⁾ Три всадника скачутъ въ Варшаву!
Юх-хе!
Три всадника скачутъ изъ Варшавы!
Юх-хе!

²⁾ Улица въ Берлинѣ.

³⁾ Маневры на Повонзскомъ полѣ достойны всяческой похвалы: принцъ прусскій очень доволенъ, русскій императоръ—также; великолѣпно, братецъ, великолѣпно!

Прусскій регентъ, *der liberale* ¹⁾, показалъ своимъ участіемъ, что онъ—другъ конституціи, другъ гражданскихъ правъ, но еще болѣе другъ правъ самодержавія.

Александръ II обидѣлъ Россію возможностью австрійскаго союза, обидѣлъ Польшу, созвавши въ домъ повѣшеннаго толковать о веревкѣ, обидѣлъ Италію, забывшую, что онъ—сынъ Николая; и это не все,—букетъ въ томъ, что пуще ихъ всѣхъ онъ обидѣлъ австрійскаго императора: призвалъ молодого человѣка, словно, за тѣмъ, чтобъ ему показать, что его и въ Польшѣ такъ же ненавидятъ, какъ въ Италіи; что въ Варшавѣ, какъ нѣкогда въ Миланѣ, всѣ бѣгутъ отъ него, какъ отъ появленія смертоносной заразы: дамы отказываются отъ бала, мужчины отказываются отъ *передней*—и за все за это ни Суворова на выручку, ни Паскевича на выкупку. «Да, вѣдь, это прекрасно!»—Нисколько. Мы не знаемъ, что просилъ государь у Австріи за братскую помощь. Мы знаемъ, что торгъ не сладился; *но она моѣ сладится*, а тогда что? Наши бѣдные солдаты, наши бѣдные офицеры олять пошли бы душить Венгрію или Познань, или Венецію, или вообще кого-нибудь душить, приготавливая мягкое *stofato* ²⁾ человѣческое для Австріи. За неудачу мы не отпустимъ грѣха, такъ, какъ и намъ, во время оно, онъ не былъ отпущенъ,—мы пять лѣтъ прожили въ ссылкѣ *за намѣреніе составить общество съ безнравственной цѣлью*.

Объ австрійскомъ императорѣ и говорить нечего: жалче роли, послѣ Святополка Окаяннаго, въ Червонной Руси не видали и не было; я нисколько не удивляюсь, что Киселевъ, тронутый его судьбой, приласкалъ его у Горчакова на *мужскомъ* балу. Такъ, бѣдный, и проѣхалъ въ Шенбрунъ, не заѣжая въ вѣну.

Ужъ не нарочно ли *пряжка* провидѣнія спасла его отъ ножа Ле Дена ³⁾ чтобъ въ немъ съ библейской злобой казнить габсбургскій домъ?

А, вѣдь, это по-японски: чтобъ отмстить освобождающейся Италіи, наши *самодержцы* взяли да и нанесли сами себѣ раны въ свой тройной животъ. Какой Джузеппе,—называйся онъ Гарибальди или Маццини,—могъ бы имъ сдѣлать такую операцію! *Помазанники божіи* пришли съ сѣвера, съ юга, съ запада, посмотрѣли другъ на друга, сглазили другъ друга и разошлись, ничего не сдѣлавъ!

¹⁾ Либеральный.

²⁾ Тушеное мясо.

³⁾ Брадобрей и камердинеръ Людовика XI.

Не значить ли и это свиданіе *бѣлаю* царя съ *бѣлымъ* императоромъ, какъ сонъ Сквозника-Дмухановскаго, что ревизоръ скоро будетъ? Чего добраго!

Хлестаковъ-то ¹⁾ у насъ въ Европѣ давно готовъ и беретъ себѣ въ лавочкѣ на пробу, вмѣсто балыка, то кусочекъ Италіи, то кусочекъ Швейцаріи, но, вѣдь, за Хлестаковымъ пріѣхалъ же и *настоящій* ревизоръ.

Вотъ потому-то и не надобно шалить въ конгрессы,—того и смотри—накличешь бѣду. Теперь какія времена—все газъ да телеграфъ: видно, слышно. Какихъ ни вымышляй грузинъ, даже допотопныхъ буйволовъ для представителей допотопныхъ идей,—всѣ эти величественные съѣзды, съ ихъ пародіальными *mise en scène*, секретными пунктами и явной ложью не дѣйствуютъ на грубые нервы современнаго человѣка или, хуже, возбуждаютъ его смѣхъ. Время дипломатическихъ перешептываній, международныхъ плясокъ, попоекъ съ государственною цѣлью, переодѣваній изъ мундира въ мундиръ прошло вмѣстѣ съ вѣрой въ дипломатическія тайны, въ гаданье по кофею, въ «жизненный эликсиръ» и слабительное Леруа. Люди догадались, что исторія вовсе не такая аристократка, и что она дѣлается, и не на балу, и не въ канцеляріи, и что пиши какой хочешь важный вздоръ, а Гарibaldi придетъ, и исторія пойдетъ съ нимъ подъ руку.

А все гласность, проклятая гласность все загубила, все разболтала. Бывало народы, ничего не зная, смотрятъ съ ужасомъ на какую-нибудь конференцію, какъ на таинственную лабораторію народныхъ судебъ, гдѣ какіе-то золотомъ шитые старцы, покрытые звѣздами, какъ и слѣдуетъ астрологамъ, кашляя диктуютъ будущее все цифрами да шифрами, и всемірная исторія нарождается подъ скрипъ канцелярскихъ перьевъ, а теперь... теперь никого не надуешь.

Всякая сволочь часа черезъ два по проволокѣ знаетъ всю подноготную. Вотъ отъ этого, когда случится опростоволоситься, какъ въ Варшавѣ, *fiasco*-то скрыть и нельзя; а народы сдуру, не понимая, что это, все-таки,—помазанники божіи, поднимаютъ грубый, гомерическій смѣхъ, смѣхъ проклято-здоровыхъ легкихъ. Выйдите на Англійскую набережную,—я увѣренъ, что изъ-за Балтійскаго моря къ вамъ донесется британскій хохоть: *old merry England* ²⁾ удержаться не можетъ на старости лѣтъ, такъ и катается со смѣху, какъ вспомнить о варшавскомъ свиданіи.

¹⁾ Наполеонъ III.

²⁾ Старая веселая Англія.

О, Немезида, Немезида! ты одна осталась отъ всего Олимпа, потому что ты умѣешь свои жертвы не только колоть кинжаломъ и покрывать саваномъ, но и колоть ироніей и покрывать смѣхомъ. Развѣ это не Немезида-иронія устроила, что всѣ собственники и обладатели *благопріобрѣтенной* Польши, всѣ ея вотчины, въ които вѣка собрались вмѣстѣ въ Варшавѣ для того, чтобъ съ какимъ-то аристофановскимъ комизмомъ показать свои дурныя намѣренія и безконечную неспособность исполнить ихъ.

Они явились и исчезли какими-то наводящими уныніе тѣнями давно прошедшаго, печально покачали головой, видя, что дѣлается въ Италіи, и, не умѣвши сговориться между собой, какъ трупами цѣлыхъ армій запрудить новое русло, которое пробило себѣ народное освобожденіе, отшествовали въ свои мавзолеи.

Читаешь подробности объ этихъ казенныхъ праздникахъ и обязательныхъ иллюминаціяхъ, объ охотахъ и театрахъ, о смотрахъ и балахъ, и еще больше и больше не вѣришь, чтобъ въ ихъ рукахъ въ самомъ дѣлѣ были судьбы міра. Нравы народовъ стали серьезнѣе, понятія, обычаи,—все измѣнилось; а они все еще въ тѣхъ временахъ, когда конгрессы *плясали*, и вахтпарады были нѣчто въ родѣ военной литургіи. Нѣтъ, уже если непременно надобно вредить какому-нибудь народу, то легче это дѣлать втихомолку да бѣ тѣни, чѣмъ при освященіи площадками и шкаликами, со всѣми старинными агрементами и орнаментами, которые теперь только смѣшны и каррикатурны.

Представьте себѣ трехъ ученыхъ, трехъ докторовъ, желающихъ совѣщаться о какомъ-нибудь важномъ дѣлѣ, о трудно больномъ. Люди занятые, они бросаютъ практику и ѣдутъ дня на два въ какой-нибудь городъ. Что бы вы объ нихъ сказали, если-бъ вы услышали, что они только что пріѣхали и загуляли? Сначала, въ доказательство задушевной дружбы, докторъ А явился бы въ пальто доктора В, и оба—въ штанахъ С; на другой день С въ пальто В, и, по извѣстной математической формулѣ переложеній и сочетаній, такъ и рядились бы три раза въ день. Одѣвшись въ чужое платье—на кутежъ, съ кутежа въ театръ, изъ театра на балъ, съ бала въ постель... Хорошо, день потерянь, зато на другой день, если голова не болитъ, можно и дѣломъ заняться. Ничуть не бывало. докторъ А будить ранехонько товарищей,—скорѣй одѣваться въ чужое платье. Что случилось? «Поѣдемте за городъ, я покажу, какія у меня цѣпныя собаки; дружба моя дружкой, а коли когда не поладимъ, посмотрите, молъ, что за зубы!».. и опять кутежъ.

Что за пустота или что за угрызеніе совѣсти должно быть у людей, которые такъ бѣгутъ сосредоточенія и всякой серьезной мысли!

Но довольно о неудачномъ конгрессѣ. Еще одно слово, и это слово въ утѣшеніе.

Варшавское свиданіе будетъ внесено и въ другую лѣтопись и въ ней скажется, что царское самовластье, не знавшее никакихъ предѣловъ, наконецъ, натолкнулось на свою границу и вызвало то страдательное противодѣйствіе молчанія и затаеннаго отвращенія, отъ которыхъ монархи блѣднѣютъ. Передъ позоромъ австрійскаго союза, передъ глупостью союза противъ Италіи—*Россія и Польша* соединились въ одно чувство порицанія и осужденія!

И если вѣнценосцы уѣхали изъ Варшавы головою ниже—*Россія и Польша выросли на юлову!*

1510. Потоцкій, Закревскій, Ильинскій.

Въ 1856 году графъ Михаилъ Потоцкій торговался съ особами, близкими графу Закревскому, о покупкѣ высочайшаго прощенія. Въ цѣнѣ вошли, но дѣло не сладилось: Потоцкаго выслали изъ Москвы, а вслѣдъ за тѣмъ—графа Ильинскаго. Закревскій обвинялъ Ильинскаго въ утаиваніи суммы Потоцкаго; Ильинскій протестовалъ; Закревскій донесъ на него; Петербургъ выслалъ Ильинскаго изъ Москвы. Ильинскій просилъ произвести слѣдствіе; слѣдствіе произвели секретное, и кievскій генераль-губернаторъ объявилъ ему тоже *секретно*, что онъ оправданъ. Но Ильинскій просилъ копіи или официальнаго сообщенія, ему отказали; онъ еще разъ адресовался къ жандармскому Долгорукову; тотъ велѣлъ ему сказать, что «надзоръ съ него снятъ, чего же онъ еще хочетъ!» *Если это правда*, какое тонкое понятіе о чести и добромъ имени у голубого князя!

1511. Полтава и Стокгольмъ.

Въ Швеціи уничтожены паспорта. Зато при въѣздѣ въ Полтаву устроена отъ полиціи разбойничья станица, останавливающая путешественниковъ подъ предлогомъ осмотра паспортовъ. Какъ же не пожалѣть, что не Карлъ XII побилъ Петра, и что верхъ взялъ не Мазепа?!

1512. (Радъ стараться!)

Въ министерствѣ финансовъ найдена бумага, изъ которой можно догадаться, что Вронченко завезъ Николаю финансовый отчетъ за прошедшій годъ и бюджетъ на будущій, но невпопадъ. Николаю нужно было ѣхать

играть солдатами. «Оставь у меня, я пришлю тебѣ», сказалъ Николай и прислалъ черезъ полчаса; на отчетѣ написано было: «читалъ съ удовольствіемъ», на бюджетѣ: «быть по сему». Вронченко, боясь, чтобы потомъ чего либудь не вышло,—можетъ быть, упрековъ, зачѣмъ не сказалъ, въ чемъ дѣло, написалъ Николаю докладную записку, въ которой, между прочимъ, удивлялся высочайшей мудрости, обнявшей такое громадное дѣло мигомъ. Николай противъ этой похвалы изобразилъ: «радъ стараться!». Впрочемъ, это было извѣстно и прежде!

1513. Русскіе генералы Герштенцвейгъ ¹⁾ и Сиверсъ ²⁾ и русскій помѣщикъ Гутцейтъ.

Добрые нѣмцы эти попадаютъ очень часто въ «Колоколъ». Они доставляютъ намъ почти столько же матеріала, какъ Панинъ и нѣкогда мужественный Закревскій ³⁾.

О томъ, какъ орловскій Гутцейтъ отъ малолѣтнихъ дѣвочекъ перешелъ къ старушкамъ и сѣчетъ ихъ, въ слѣдующемъ листѣ.

1514. (Паспорта).

Говорятъ, что Княжевичъ хочетъ снова обложить заграничные паспорта. А мы его считали умнымъ министромъ. Знаетъ ли онъ, что нельзя остаться честнымъ человѣкомъ, сдѣлавши такое предложеніе? Финансы этимъ не поправишь. Нельзя же, сверхъ того, оттого, что у правительства нѣтъ денегъ, наложить подать на рыжіе волосы, на людей, у которыхъ не была скарлатина,—гораздо проще отобрать у всѣхъ часы, серебряныя ложки и пр. Это уже пробовали въ прошломъ столѣтіи во Франціи, незадолго до революціи.

1515. Письмо къ сыну и Н. А. Огаревой.

16 ноября (1860).

Orsett House, Westbourne terrace, W. Paddington.

Саша, дай твою руку,—я тебя благодарю за благородное, юное, прекрасное письмо. Ты мнѣ доставилъ минуту полнаго счастья,—

¹⁾ Александръ Даниловичъ, дежурн. ген. главнаго штаба.

²⁾ Евгенийъ Егоровичъ, вице-директоръ инспекторскаго деп. военнаго министерства.

³⁾ Дальше слѣдовало письмо изъ Спб. о томъ, какъ эти генералы искали сообщившаго одинъ циркуляръ въ № 48 «Колокола».

я уважаю въ тебѣ ужъ не только сына, но друга въ глубокомъ смыслѣ. Я благодарю тебя за эту минуту гордости тобой. Все кончено, всѣ прѣшедшія вины и недоразумѣнія стерты.

Я, чтобъ тебя наградить, тебѣ пишу эти строки. Святое, полное примиреніе съ Natalie — и начнемъ свѣжими силами новую жизнь.

Natalie, я тебя зову отъ чистаго сердца, тронутый и потрясенный, но съ полнымъ сознаниемъ. Я тебя зову къ намъ. Все забыто. Не поминай и ты. Я и Ог., мы рыдали надъ Сашинимъ письмомъ, да, рыдали. Огар. вышелъ на воздухъ, я схватилъ перо тебѣ написать, что я умоляю тебя, прошу тебя именемъ Лизы: ни словомъ, ничѣмъ не помяная прошедшаго, возвратись въ твою семью, — и больше не могу сегодня написать. А вотъ и Огаревъ.

P. S. Если нянюшка хороша, Бога ради не отпускайте. ¹

◆◆ 1. Съ мая Огарева, какъ извѣстно, отсутствовала и жила съ Лизой сначала въ Дрезденѣ, потомъ въ Гейдельбергѣ, Бланкенбергѣ, Франкфуртѣ, Мецѣ, Лозаннѣ, Бернѣ и Женевѣ. Писемъ Герцена къ ней за это время, кромѣ этого и № 1429, къ величайшему сожалѣнію, нигдѣ найти не удалось, но сохранился матеріалъ, рисующій положеніе въ освѣщеніи Огарева и его жены; онъ довольно великъ и очень интересенъ, но, разумѣется, далеко не объективенъ, чтобы служить для выводовъ безъ основательной критики.

Изъ перваго письма Огаревой къ Герцену видно, что она довольно долго ничего ему не писала, чѣмъ, конечно, мучила, такъ какъ не было, слѣд., свѣдѣній о Лизѣ, жизнью и развитіемъ которой А. И. очень интересовался.

«Ты удивишься, увидавъ мой почеркъ, — пишетъ Огарева, — я и сама дивлюсь, но я хочу поговорить съ тобой только объ Ог. Пожалуйста, не оскорбляйся моими словами, тутъ нѣтъ *aggrège pensèe* (задней мысли — *М. Л.*). Огарева видъ на послѣднемъ портретѣ меня ужаснулъ, — надолго ли онъ съ нами? Послушай, не оставляй его такъ долго одного; я увѣрена, что онъ вовсе не думаетъ объ себѣ и въ твоёмъ отсутствіи слишкомъ много работаетъ за себя и за тебя. Воротись въ Лон., помогай ему или смѣни его, уговори его ѣхать, хоть въ Bourne-mouth, хоть въ Dover — видъ его очень нехорошъ; заставь его отдохнуть, увези его куда-нибудь изъ Лонд., а потомъ уговори тамъ пожить немного. Я знаю, ты скажешь, что не работа, а я виновата. Ахъ, Боже мой, до того ли? Все же надо какъ-нибудь на берегъ, — а потомъ что же мнѣ дѣлать, что я такъ несчастна, что даже издали должна его мучить; скажи, что мнѣ дѣлать; мы не очень держимся за жизнь съ Лизой,

намъ смѣшно ей дорожить; если Ог. будетъ покойнѣе, когда насъ не будетъ, такъ въ чемъ же дѣло?.. Мы съ Лизой не нуждаемся ни въ чемъ. С(атинъ) отошлетъ твои 40 ф. вмѣстѣ съ Ог. деньгами, и изъ Ог. денегъ я тоже брать не буду: мнѣ доставили работу, можетъ, она насъ прокормитъ, а нѣтъ, такъ нѣтъ. Мы и такъ знаемъ, что мы лишнія, но будетъ. Пишу изъ Франкфурта, но не отвѣчай сюда: я скоро уѣду въ противоположную сторону; пусть Ог. не мучится, мнѣ будетъ хорошо; можетъ, я уѣду въ Россію» («Рус. Пропилеи», IV, 249—250).

Въ Гейдельбергѣ Огарева отвѣчала на неизвѣстное намъ письмо Герцена, но не послала своего отвѣта тогда же и отправила его позже Огареву съ припиской: «Вотъ мое письмо къ Г., писанное еще въ Гейдельбергѣ, но силъ не было послать; сдѣлай съ нимъ, что хочешь; я вымарила что обѣ дѣтяхъ—онъ запретилъ мнѣ обѣ нихъ думать... Ахъ, Огаревъ, Огаревъ, неужели я въ самомъ дѣлѣ такая дурная женщина, что онъ меня разлюбилъ? неужели въ самомъ дѣлѣ мы съ Лизой останемся навсегда однѣ?» Надо думать, что это письмо было получено Герценомъ отъ Огарева позже только что приведеннаго. Вотъ оно:

«Твое письмо меня сильно огорчило. Я не писала потому, что мы такъ разстались, что сердце надрывалось, а между тѣмъ я не знала, какъ начать. Я говорила съ Ог. о прощеньи, потому что прощеніе—оставленіе прошедшаго, а какъ же было начать другую жизнь иначе? Ты напираешь на другую, совсѣмъ другую жизнь; пиши, какъ ты это понимаешь, хотя я думаю, что мы одинаково понимаемъ. А съ другой стороны, мнѣ кажется, что ты уже все рѣшилъ: ты оставляешь Ольгу у Мейзенбургъ, ты берешь гувернантку къ Татѣ; наконецъ, на желаніе Таты пробыть сколько-нибудь времени съ нами ты отвѣчалъ отказомъ, а я думала, что это могло насъ сблизить,—стало, ты сближенія не хотѣлъ. Спроси свое сердце; я думаю, ты навсегда разлюбилъ меня, а если такъ, зачѣмъ мнѣ возвращаться?.. Вообще, не думай, чтобъ я спѣшила возвращеніемъ; это слишкомъ важный шагъ будетъ не въ моей только жизни, но и въ Лизиной; для нея не можетъ быть семьи, если я и ты не будемъ ближе еще, чѣмъ мы когда-нибудь были; а если это будетъ братски-дружеское, но натянутое чувство, тогда лучше ей быть сиротой... А какъ бы я желала, чтобъ она росла подъ вашими глазами; съ каждымъ днемъ она становится милѣе; всѣ ее замѣчаютъ, въ особенности простые люди безъ ума отъ нея. Она очень много говоритъ по-русски. Нынче она стала забывать Ольгу, рѣдко узнаетъ ея портретъ, а твой цѣлуетъ. Минутами она такъ мнѣ тебя напоминаетъ, что и хорошо и больно; наиримѣръ, когда

она очень ласкаетъ кого-нибудь, она не поцѣлуетъ просто руку, а повернетъ и поцѣлуетъ ладонь—такъ и ты дѣлывалъ. Она такая любящая и забавная, такъ много понимаетъ нынче, что вы бы не могли разстаться съ ней теперь...

«Другъ мой, подумай обо всемъ,—я тебѣ исповѣдаю: да, я летѣла внизъ съ быстротой молніи, мнѣ самой страшно обернуться назадъ; я теперь гораздо увѣреннѣе смотрю на себя, но все же чувствую, что если ты меня больше не любишь и думаешь о неполомѣ примиреньи, то лучше мнѣ не пріѣзжать,—это легче выносить издали... Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ у тебя слишкомъ много дѣлъ и обязанностей, чтобъ и намъ съ Лизой было мѣсто? Можетъ, ты самъ видишь эту ошибку, тогда мы ее поправимъ вдали другъ отъ друга... Ты не сердись, я говорю безъ ироніи; можетъ, мы слишкомъ легко на все смотрѣли. Подумай и пиши; поговоримъ еще, прежде чѣмъ разойдемся, быть можетъ, навсегда. Я себя не обманываю; проживши нѣсколько лѣтъ врозь, мы уже не сойдемся: отрѣзанный ломоть не пристаеетъ; поэтому и думайте, друзья мои; моя душа вамъ совсѣмъ открыта. Я вижу, что было дурно, и чувствую, что оно не повторится; но вы скажите, что же вы хотите?» (тамъ же, 223—225).

Въ другомъ письмѣ къ Огареву: «Я уѣхала отъ васъ въ какомъ-то отчаяніи и раздраженіи... Прощаніе съ Татой, разныя столкновенія, дума здѣсь, сидя въ одиночку, сны, въ которыхъ Г. мнѣ являлся такимъ любящимъ,—все это заставило меня много думать о себѣ и объ насъ... Я увидала съ ужасомъ, что поступала очень эгоистично, отдаваясь одной Лизѣ, и что многими ненужными жертвами ей я отдалилась отъ Г., отдалила семью отъ Лизы. Мнѣ сдѣлалось ясно, что я причиной ея сиротства... За многое Г. могъ бы меня ненавидѣть, но говорить о симпатіи и дружбѣ и говорить, что то чувство, которое было, прошло,—я этого не понимаю, я не могу такъ легко сбросить съ себя... Я страшусь нашей прошлой жизни, но если-бъ я видѣла совсѣмъ другое, я бы протянула руку отъ души» (тамъ же, 234—235).

7 сентября Огарева пишетъ А. И.: «Помоги мнѣ, Герценъ, объясни Огареву, почему я бѣгу, почему я не могу переписываться даже съ нимъ. Выслушай меня еще разъ. Уѣзжая изъ Россіи, у меня была одна мысль, одна мечта: дѣти Натали,—сберечь ихъ, жить для нихъ,—вотъ моя надежда. Ты знаешь, какое было исполненіе... Я ѣхала къ вамъ съ чистой, покойной душой; печаль моей жизни была только болѣзнь Огарева и его упорное пренебреженіе своего здоровья. Выше, достойнѣе не было для меня образа человѣческаго, и вдругъ ты явился, ты, это—тотъ же онъ, но блестящій,

еще болѣе энергичный, съ какой-то притягательной силой. Помню, еще въ St. John's Wood, Огаревъ на меня пристально, очень пристально смотрѣлъ; моя рука лежала въ твоей, я три раза пробовала ее отнимать, и, все-таки, она опять въ твоей рукѣ,—я встала и ушла... Я чувствовала, какъ любовь моя растеть и унести меня; никто изъ васъ не знаетъ, что это была у меня за борьба; я и его любила, и тебя и чувствовала, что я твоя, и ужасомъ обдавало при мысли объ немъ... Потомъ я умоляла его отпустить меня въ Р., тамъ бы я испробовала свои силы, можетъ, и сладила бы и воротилась бы къ вамъ исцѣленной. Теперь только я начинаю понимать наказаніе: мнѣ мало было его тихой, сосредоточенной любви, мнѣ мало было моихъ святыхъ обязанностей,—такъ вотъ я одна, хуже, чѣмъ одна,—съ ребенкомъ, которому я на вѣки испортила жизнь... Но, другъ мой, войди въ себя и будь же справедливъ: могу ли я думать о семьѣ для Лизы, когда я уже тебѣ чужая... Ты могъ негодовать, ты могъ ненавидѣть, но равнодушіе твое мнѣ больнѣе. Нѣтъ, другъ мой, пойми кротко мои слова: между нами можетъ быть только полное примиреніе или никакого. Пока ты не напишешь мнѣ: «мнѣ больно, что васъ нѣтъ у насъ съ Лизой; возвращайся въ свой домъ, моя Наташа»,—то я не возвращусь. Писать тоже я не могу—убѣди Огарева... Каждый годъ въ Лизино рожденіе я буду спрашивать, что вы и какъ вы.

«Отъ тебя зависитъ все теперь; если бы ты могъ понять мой ужасъ, когда я думаю объ дѣтяхъ, но нѣтъ, не будемъ говорить объ нихъ... Я хотѣла доказать вамъ мою любовь на дѣлѣ, вы не хотѣли... Дайте вашу руку; мое сердце не только беззлобно, но оно исполнено любви и желанія залѣчить, заживитъ все, что было такъ больно. Но, если ты не вѣришь, если, дѣйствительно, любовь твоя прошла, я не ропщу, склоняю голову,—что же дѣлать, будемъ жить съ Лизой, если жизнь не оттолкнетъ насъ. Прощай».

Каждому внимательно и вдумчиво вчитывающемуся въ эти письма ясно, что къ послѣднему изъ нихъ не случайно сдѣлана еще приписка, которая, хотя и зачеркнута, но такъ, что, кромѣ одной строки, можетъ быть вполне прочитана: «Еще письмо отъ тебя, Герценъ. Что бъ мнѣ отвѣчать? Вы упорно не хотите понять меня, не хотите видѣть, какую боль дѣлаетъ ваше невѣріе, невозможность убѣдить васъ дѣломъ, а не словами... Не требуйте же ничего отъ меня, дайте мнѣ по-своему прійти въ себя и успокоиться; мнѣ для этого нуженъ новый міръ, молчаніе, тишина и работа,—дайте мнѣ волю хоть издали. Мнѣ гораздо больнѣе за Ог., но, Боже мой, чѣмъ же я могу облегчить его мученье? Право, Герценъ, я бы желала, чтобъ онъ смотрѣлъ на меня съ твоимъ спокойствіемъ; я бы не хотѣла

причинять ему ни малѣйшей тревоги... Каждый изъ васъ имѣетъ свои обязанности, стало, вамъ легко понять, что, бывши всѣмъ для Лизы, мнѣ долгъ велить дорожить своими силами. Что было, того топоромъ не вырубешь; стало, чѣмъ же я могла бы поправить Лизину будущность? Моего раскаянія вы не видите и никогда не захотите видѣть,—что же я могу сдѣлать для нея? Само собой разумѣется, что, отчуждая меня, ты отчуждаешь ее» (тамъ же, 236—237).

Послѣдняя фраза—главное, что ставилось на видъ Герцену, такъ любившему Лизу, такъ желавшему быть подлѣ нея.

12 сентября Огарева пишетъ изъ Меца: «Знаешь, Герценъ, мнѣ кажется, теперь я ничего не желаю, ни на что не надѣюсь,—одно только меня гнететъ: Боже мой, когда же я перестану мучить Ог.? что же сдѣлать для этого? Если только умереть,—я готова, лишь бы знать, что онъ не мучится. Онъ хочетъ переписки,—право, это сверхъ моихъ силъ теперь; дайте мнѣ прийти въ себя и успокоиться, и я готова извѣщать его объ Лизѣ.

«Твоими письмами, признаюсь, я недовольна; они какъ будто отъ чужого къ чужому;—не страсти я въ нихъ ищу, а истиннаго чувства, и чѣмъ болѣе я перечитываю твои письма, тѣмъ болѣе я убѣждаюсь, что ты никогда серьезно не смотрѣлъ на нашъ союзъ, иначе ты бы не ставилъ и будущее-то въ какую-то рамку.. Не знаю, чего ты хочешь; братское чувство не менѣе себѣздно и важно, конечно; какъ бы люди ни сблизились, близость ихъ дорога, а не та или другая форма, но я отрицаю твою искренность, потому что ты можешь впередъ предопредѣлять.. Если нашъ союзъ былъ серьезный, и ты бы принялъ мое раскаяніе, тутъ нечего бы говорить объ формахъ чувства,—оно само знаетъ, по какой дорогѣ идти. Ты можешь тоже никогда мнѣ не говорить, не принять моихъ словъ, и тогда, изъ уваженія къ себѣ и къ прошедшему, надо умереть другъ для друга. Конечно, разрывъ со мной ведетъ къ совершенному отчужденію отъ Лизы,—это ты предвидѣлъ, нельзя все согласить,—но зачѣмъ же меня имъ упрекать? Что я много винъ накопила на свою голову? Боже мой, неужели я этого не вижу? Но что же я могу сдѣлать теперь? Больше, чѣмъ съ ужасомъ, вскрикнуть: что я сдѣлала! я васъ измучила, я все и всѣхъ погубила! дайте,—я стираю руки къ вамъ,—дайте я залѣчу прошлыя раны! Взгляните на меня,—я уже не та; въ лицѣ нѣтъ того выраженія, которое оскорбляло васъ!.. А мнѣ говорятъ: «нѣтъ, ничего не надо». Ну, я и это принимаю; хорошо, я буду жить для одной Лизы, оставьте же меня, дайте мнѣ оправиться, дайте и морально и физически окрѣпнуть,—и это вы считаете за эгоизмъ... О, Герценъ, Герценъ, это—понятный эгоизмъ. Потомъ упреки за

Лизу—да чтожь мнѣ съ этимъ дѣлать, что она будетъ отчуждена отъ васъ?

«Читай мое письмо беззлобно, такъ, какъ я пишу; не смѣшивай страшную участь со злобой. Прощай. Еще одна просьба: отошли къ m-elle Michel (ея прежняя гувернантка, жившая въ Мецѣ—*М. Л.*) на мое имя мои письма къ тебѣ и мой портретъ; серьезно ты не уважаешь нашего союза, и поэтому я не желаю, чтобъ это было у тебя» (тамъ же, 237—238).

Исполнилъ ли Герценъ ея просьбу о возвращеніи писемъ, сказать нельзя,—они могли остаться у него и попасть къ Огаревой только послѣ его смерти, но что исчезли очень важныя письма Герцена, которыя пролили бы свѣтъ на *его* тяжелыя переживанія, это, кажется,—фактъ. (Кстати, не могу не замѣтить, что пунктуация въ письмахъ Огаревой до того не соответствуетъ ихъ содержанію, что поневолѣ, приходится, конечно, съ большой осторожностью, въ видахъ лучшаго пониманія, измѣнять ее. Опубликовавшій эти письма г. Гершензонъ даетъ ихъ почти съ буквальной точностью подлинниковъ, упустивъ изъ вида; между прочимъ, одну деталь, очень характерную для Герцена, Огарева и Огаревой, какъ и для многихъ лицъ тогдашняго времени: вмѣсто многоточія они ставили тонкую волнистую линію, на что самъ Герценъ и указывалъ еще своей женѣ).

Вскорѣ Огарева писала Герцену: «Я не могу не отвѣчать тебѣ на твои слова... Какъ ты могъ меня такъ обвинять? Если я тебѣ говорила, вина себя, то ты не могъ не понять, что я говорила. Я говорила, что человѣкъ никогда свободенъ не бываетъ; что, располагая своей волей, я не могла видѣть цѣпи, которая запутывала всѣхъ близкихъ мнѣ. Я не думала, не могла знать, что они много вынесутъ непріятнаго за меня,—что же ты мнѣ упрекаешь? Что же ты можешь упрекать въ отношеніи Огарева? Я любила его страстно, но я пріѣхала измученная его себялюбивымъ одиночествомъ, его эгоистическимъ пьянствомъ, которое губило его и унижало меня... И я бы этого не напонила, но что же это за недостойные, пристрастные упреки? Развѣ я его обманывала? Развѣ я не мучилась долго втихомолку? Развѣ я не умоляла меня отпустить въ Россію? Зачѣмъ вы не согласились? Наконецъ, развѣ за любовь мою я не довольно выстрадала...

«Опомнись, Герценъ, мы всѣ не далеки отъ могилы... Я ѣду,—вѣроятно, мы не увидимся; ты принялъ это шутя; я слишкомъ тебя любила, чтобъ увидѣть тебя послѣ этой разлуки... Я не буду искать никакихъ сближеній; все, что бы я хотѣла, это разстаться мирно... Да, еще хотѣлось бы, чтобъ ты вычеркнулъ мое воспоминаніе изъ твоей жизни. Я ожесточена твоими обвиненіями, въ

твоей запискѣ одна горечь; что же я могу на нее сказать?» (тамъ же, 239).

Очевидно, спустя нѣсколько дней, написано другое письмо: «Прости меня, крикъ ужаса и отчаянія вырвался изъ груди... Да, да, я ужасно несчастна. Я не могла спокойно слышать такое страшное предложеніе, которое исполнено медленнаго яда; я думала, что за неимѣніемъ любви, въ тебѣ есть хоть жалость къ страданіямъ,—а ты бы хотѣлъ ихъ удвоить... Какъ мнѣ понять тебя: ты хотѣлъ, чтобъ я не возвращалась въ Р., потому что ты Лизу хочешь видѣть. Я это понимаю и благословляю тебя за это чувство... Наша жизнь не можетъ дальше итти,—она мѣшаетъ тебѣ и можетъ отравить любовь къ Лизѣ; я предлагаю замѣнить себя женщиной, которая будетъ воспитывать Лизу при тебѣ, подъ твоимъ руководствомъ. Да, это—жертва, я дѣлаю ее безъ сожалѣнія для Лизы, если тебя не оскорбляетъ—для тебя... Я буду жить, чтобъ быть тутъ, когда Лизѣ нужно будетъ меня,—что же въ этомъ оскорбительнаго для тебя? Помоги мнѣ это устроить; ни жалобъ, ни упрековъ ты не услышишь, я *добровольно* поступаю, ты можешь мнѣ показать это письмо... Я изстрадалась, Герценъ, я ничего не хочу, ни на кого не сержусь, но мнѣ надо жить совсѣмъ одной и на свободѣ; оставаться такъ я боюсь; сознаніе, что я Лизѣ вредна, можетъ довести меня до слабаго поступка.. Прости меня, вѣдь, я, все-таки, тебя люблю, только не хочу больше быть чернымъ пятномъ въ твоей жизни» (тамъ же, 240).

Изъ Берна въ ноябрѣ Огарева описывала Огареву свое времяпрепровожденіе и закончила такъ: «Если-бъ не зима, Огаревъ, я бы попросила тебя отпустить меня въ Р. Мнѣ нужно не быть одной; вотъ ужъ двѣ недѣли, какъ я лечу подъ гору съ такой быстротой, что мнѣ самой страшно... Совѣтоваться съ докторами не поможетъ; мнѣ нуженъ отдыхъ и покой, можетъ, даже немного и уходъ близкихъ; въ Россіи бы я все это нашла.. Если ты думаешь, что неопасно ѣхать теперь съ Лизой, я рѣшусь. Мнѣ очень *нехорошо* и при этой одинокой жизни будетъ все хуже и хуже»... (тамъ же, 252).

Очевидно, А. И. разсчитывалъ, что съ переѣздомъ Огаревой въ Бернъ, гдѣ жили сынъ Герцена и семья Фогтовъ, молодой человекъ сумѣетъ создать опредѣленнымъ вліяніемъ всей обстановки и своей личной заботой объ Огаревой и Лизѣ такой мостъ между ними и Лондономъ, по которому совершится возвращеніе перерожденной, въ крайнемъ случаѣ—много передумавшей, перечувствовавшей и потому измѣнившейся Огаревой. Эго ясно не только изъ предыдущихъ и послѣдняго письма его къ сыну, но и изъ писемъ Огаревой. Такъ, еще изъ Лозанны (Montrion) она пишетъ: «Ты знаешь,

я хотѣла, чтобъ меня совсѣмъ забыли, но теперь это кончено, такъ тебѣ не нужно уговаривать меня принять дружески Сашу; я его искренно люблю и, думаю, онъ не сомнѣвается во мнѣ... Если можно, не длите слишкомъ долго моего изгнанія; я такъ жажду видѣть его (Огарева—*М. Л.*) и говорить съ нимъ, и тебѣ самому будетъ больно, если онъ съ нами не надолго... А потомъ мнѣ хочется, чтобъ онъ видѣлъ Лизу, чтобъ я видѣла ихъ вмѣстѣ... Откровенно скажу тебѣ, что Англія для меня такая печальная страна, что вездѣ лучше, чѣмъ въ ней; одно непобѣдимое желаніе быть съ Ог. беретъ верхъ надъ моимъ отвращеніемъ... Ну, прощай; безконечно рада я, что перестая быть черной полосой въ твоей жизни. Писемъ моихъ не присылай,—сожги ихъ, когда переѣдешь въ Лондонъ» (тамъ же, 253).

Изъ Берна: «Съ старушкой Vogt я немного болѣе познакомилась. Да, жизнь здѣсь серьезна, но, Герценъ, база въ ней—крѣпкій союзъ между мужемъ и женой... Видъ этой жизни еще разъ вызываетъ меня на сближеніе съ тобою; если ты отвергнешь и теперь мою открытую душу, да будетъ твоя воля; я дѣлаю это и для Лизы, и для общаго нашего счастья, и для себя,—тогда только я могла бы примириться съ своей жизнью и покрыть ее собственнымъ уваженіемъ... Подумай объ этомъ; если ты чувствуешь, что мы пойдёмъ рука въ руку, что ты будешь тѣмъ близкимъ существомъ, какимъ ты можешь быть, скажи это... Не пугайся моихъ словъ, вѣдь, все отдается на твой судъ, на твою волю. Я бы хотѣла, чтобъ ты поговорилъ откровенно съ Татой,—она ужъ не маленькая; я думаю, что это возбудило бы въ ней чувство любви и долга къ Лизѣ и воротило бы ее мнѣ... На этой базѣ мы могли бы учредить такую семью, какой еще не было. Если это возбудитъ только твое негодованіе, не говори Огареву, помни нашъ союзъ... Посылаю это письмо со страхомъ, не знаю, какъ дожидаться твоего отвѣта» (тамъ же, 254).

Вскорѣ Огарева писала Огареву: «Когда Лиза спитъ, я или читаю, или работаю, или лежу да думаю, богъ знаетъ объ чемъ... часто объ новой лондонской жизни. Какъ бы мнѣ хотѣлось учредить ее; я бы жила совсѣмъ одна, а ты бы приходилъ ко мнѣ... мы бы разговаривали, играли бы съ Лизой... Никогда дурного слова бы не пало между нами, и, наконецъ, ты бы мнѣ сказалъ, что ты начинаешь забывать прежнюю горечь,—вотъ все, чего я добиваюсь съ страшнымъ нетерпѣніемъ» (тамъ же, 256).

Наконецъ, незадолго до полученія сыномъ Герцена настоящаго письма своего отца, Огарева писала (все изъ Берна же): «Я думала всю ночь, думала все утро—я не могу рѣшиться ѣхать къ

вамъ; твое письмо къ Сашѣ испугало меня; ты сознаешься самъ, что боишься моего возвращенія, ты говоришь о твоёмъ недовѣрїи... Признаюсь, я не понимаю этого; если ты стеръ прошедшее, откуда недовѣріе? Недовѣріе, которое возбудило въ тебѣ твое прошедшее, не можетъ относиться ко мнѣ; ты слишкомъ хорошо чувствуешь, какъ искренно я тебя люблю... Отказываясь возвратиться къ вамъ, я поступаю не эгоистически, я не боюсь за себя, я буду безъ васъ вполне несчастна, но, по крайней мѣрѣ, несчастіе мое не будетъ отражаться на васъ... Ты говоришь, что тебя надо приучить вѣрить; я не надѣюсь на себя въ этомъ; еще въ Гейд. ты писалъ мнѣ, что твое чувство совсѣмъ измѣнилось,—какъ же мнѣ надѣяться? Буду ждать твоего письма, а тамъ стану собираться; въ Бернѣ я не могу оставаться: и Сашу не хочется больше вмѣшивать да и участіе и укоръ постороннихъ измучилъ меня... Не спрашивай, куда я поѣду, я этого, право, не знаю сама, да зачѣмъ объ этомъ думать, не все ли равно. Прощай.

«Я ждала совсѣмъ иного; заботы и вопросы мѣшаютъ тебѣ радоваться, а я думаю, что наше послѣднее сближенье такъ важно, что оно не можетъ быть, если не свѣтло у обоихъ на душѣ; и, наконецъ, ѣхать и думать, что ты со страхомъ ждешь меня, это выше моихъ силъ, лучше умереть... Можетъ, Герценъ, если-бъ я была моложе, я бы легче приняла твои слова, я бы самонадѣяннѣе смотрѣла на себя; но мнѣ тридцать одинъ годъ, я не могу перешагнуть черезъ твой страхъ, я сама заразилась отъ тебя... Я пришла тебѣ въ другой разъ письмо Сер.-Сол. къ Ог., но ты одинъ прочти его; Сер.-Сол. не хочетъ видѣться съ вами прежде, чѣмъ вы узнаете его взглядъ на все это»... (тамъ же, 260—261).

Наконецъ, прочтя настоящее письмо Герцена къ сыну, его отвѣтъ отцу и подобное же письмо Огарева, Огарева писала обнимъ друзьямъ: «Саша надо мной смѣется,—говорить, что я жду Лизины рубашки, а я совсѣмъ отъ другого не поѣхала тотчасъ: мнѣ такъ это странно кажется, что я ни ѣсть, ни спать не могу; я бы хотѣла перечитывать каждую минуту ваше письмо, чтобъ повѣрить, что это не сонъ; я хотѣла бы, чтобъ на улицѣ всѣ мнѣ кричали: «да, да, это правда»... Когда я засыпаю, я думаю: ну, можетъ, во снѣ увижу ихъ, и они мнѣ то же скажутъ... Я жду еще вашихъ писемъ и, главное, жду хоть строку отъ Таты; неужели она не напишетъ? Саша хотѣлъ бы тотчасъ меня отправить, а я все думаю: можетъ, они не ждутъ меня такъ скоро; можетъ, имъ нужно сказать прежде, что я приѣду, а дни стали такіе долги... Ахъ, Огаревъ, я не знаю, что со мной дѣлается, когда я думаю, что вы оба сидите, а Лиза между вами... и все кажется, что этого не будетъ, что это слиш-

комъ хорошо... Прощайте, пишите мнѣ еще, хотя я не знаю, гдѣ я буду... Я могу сказать, какъ Лиза часто говоритъ: «право, я съ ума схожу...» (тамъ же, 262—263).

3 декабря, незадолго до своего возвращенія въ Лондонъ, Огарева писала: «Сер.-Сол. будетъ у васъ на дняхъ или онъ уже съ вами, — вѣчно было бы съ моей стороны не переслать его письма; вотъ оно, но, пожалуйста, прочти одинъ; если-бъ ты зналъ, какъ мнѣ больно печалитъ Огарева. Боже мой, когда же я перестану даже невольно быть казнью для него? Вмѣшательство Сер.-Сол. мнѣ больно, но, всетаки, съ нимъ нельзя поступать, какъ съ постороннимъ; недавно я ему писала, что скоро буду въ Л., а потомъ,—что не знаю, скоро ли; мнѣ необходимо было ему отвѣчать, потому что онъ непремѣнно хотѣлъ проводить меня... Итакъ, поступите съ нимъ, какъ хотите; если можешь, отстрани Огарева отъ всего непріятнаго.

«Боже мой, какъ я рвалась къ вамъ, какъ мы были бы счастливы, но твой страхъ парализуетъ меня, твое недовѣріе пугаетъ... Я хочу между нами совершенное пониманіе, совершенную гармонию, я считаю мое возвращеніе въ Л. такимъ важнымъ шагомъ, что не могу взять это рѣшеніе, когда данныя не всѣ,—пусть ты прежде успокоишься, отстранишь немного заботы, рѣшишь вопросы которые тебѣ мѣшаютъ; я лучше стану ждать наисвѣтлѣйшую минуту, чтобъ явиться къ вамъ; не Лизу одну,—надо, чтобъ и меня вы ждали радостно, а если этого не должно быть, разстанемтесь дружески и печально...» (тамъ же, 261—262).

Такимъ образомъ ясно, что очень уважаемый Герценомъ Николай А. Серно-Соловьевичъ былъ, хотя бы отчасти, посвященъ Огаревой въ ихъ интимную жизнь...

Теперь обратимся назадъ и посмотримъ, какъ воспринималась Огаревымъ вся эта многомѣсячная семейная драма, какъ онъ реагировалъ на нее.

25 августа 1860 г. онъ писалъ Герцену:

«Счастливо, что отношеніе къ Мэри и мальчику мнѣ не портитъ жизни. Она — человѣкъ безхитростный, не сложный, преданный до покорности, демократическій (опять глупое слово!) по природѣ, но, конечно, не развитой, и границы, я думаю, не широки. Ее спасетъ религіозное уваженіе ко мнѣ и привязанность къ ребенку. Я не заявляю требованій, съ которыми она бы не сладила, и потому отношеніе выходитъ доброе. Ей даже доступна поэтическая струнка. Если-бъ она была воспитана, она была бы чрезвычайно хорошимъ человѣкомъ. Страсти во мнѣ всѣ улеглись, Герценъ (т.-е. я не говорю о скотской сторонѣ страстей,—я вну-

тренно развратенъ; мнѣ стоитъ работы сдерживать эту сторону страсти,—къ несчастью, силы не истощились ничуть). Страсти улеглись, но теплое отношеніе сохранилось, такъ что оно мнѣ не только не въ тягость, но вноситъ въ жизнь какое-то сердечное успокоеніе или, по крайней мѣрѣ, занятіе судьбою сирыхъ. А, пожалуй, и это что-нибудь щелкнетъ и истолчетъ въ порошокъ. Мальчикъ опять умнѣе; должно быть, подходитъ къ отрочеству. Натура скорѣе талантливая, чѣмъ что другое. Бездна юмора, достигающаго до сценической способности,—его отличительная черта. Хотѣлось бы мнѣ его поставить на ноги. А, пожалуй, и тутъ недостатокъ средствъ и грубая среда исказятъ эту молодую, рѣзвую, но любящую жизнь.

«Я боюсь, что моя любовь къ Лизѣ приметъ фантастически-романтическіе размѣры. Страніе по ней подстрекается препятствіями. Она становится для меня *idée fixe* и мнѣ надо работать надъ собой, чтобъ оторваться отъ тоски по ней и быть способнымъ на дѣло. И я убѣжденъ, что Натали это знаетъ чутѣемъ. Тѣмъ хуже! Ничего, Герценъ, рука въ руку, съ вѣчной проповѣдью для живыхъ незнакомцевъ, мы пройдемъ по этому кладбищу, гдѣ все близкое или умерло, или заживо похоронено, и, не словившись, дойдемъ до собственной могилы» («Русскіе Пропилеи», IV, 229—230).

29 августа Огаревъ отвѣчаетъ Герцену, написавшему, между прочимъ, объ Огаревой: «не намъ протягивать руки, а когда *мы* протянемъ» (письмо не найдено).

«Не надо, душа моя, увлекаться никакими злобами; когда говорится о протягиваніи рукъ просящихъ помощи, то не слѣдуетъ думать, что это дѣлается свысока. Тутъ я съ глубокой печалью не могу согласиться съ тобой. Почему мы не развили уваженія, религіи къ себѣ? Потому что мы *не организаторы*, а только мыслители и литераторы,—двѣ сферы занятій, которымъ деспотизмъ противенъ; отъ этого я никогда не употреблялъ деспотизма, а ты его употребляешь только вкривь и вкось и не можешь достать до утвержденія его (*assiette*). Отъ этого ты хочешь убѣжать со мной вдвоемъ и избавиться отъ угрызений, порожденныхъ чувствомъ любви и состраданія, столкнувшись съ неспособностью организовать, и видишь *faiblesse* въ этомъ чувствѣ любви и состраданія (что, напротивъ того, составляетъ человѣческую доблесть и силу) и не видишь нашей *faiblesse* въ неспособности организовать (что составляетъ нашъ предѣлъ)» (тамъ же, 230—231).

Наканунѣ, 28 августа, Огаревъ писалъ, между прочимъ, своей женѣ: «Чего я требовалъ отъ тебя? Жертвы для общаго счастья

или спокойствія. Эта жертва состояла въ сосредоточеніи, въ покаяніи, въ выдержкѣ себя въ уединеніи—и это бы спасло насъ всѣхъ. Ты видишь въ этомъ, что я оттолкнулъ тебя. Г. (который въ Б., и всѣ тамъ, я одинъ въ Л.) писалъ тебѣ письма печальныя и серьезныя, строгія (austères); я читалъ ихъ,—ты сказала, что онъ отталкиваетъ тебя. Ты говоришь, что въ его письмахъ общая симпатія, какъ ко всякому, а не личная къ тебѣ... Но симпатія ко всякому, съ кѣмъ имѣешь симпатію, вертится на какомъ-нибудь общемъ дѣлѣ и рѣшительно не составляетъ никакой личной связи. Тутъ, напротивъ того, стремленіе лично тебя, *тебя* привести къ той точкѣ, на которой союзъ былъ бы для насъ всѣхъ спасеніе, успокоеніе, сила въ жизни. А ты говоришь, что Г. оттолкнулъ тебя. Напряженная оппозиція, которая развилась между вами въ 4 года, потому что ты постоянно отхлестывала его по щекамъ во всемъ, что ему было близко и дорого—въ дѣтяхъ и въ общей дѣятельности,—и рьяный отпоръ съ его стороны, которымъ онъ тебя хлесталъ не по тому, что тебѣ близко и дорого, а только по самолюбію,—эта оппозиція должна была улечься. Съ твоей стороны для этого требовалось внутреннее покаяніе, контриція, съ его стороны—отдыхъ отъ волненія, уравниваніе самого себя... Требования наши твоего самопокаянія и возрожденія были истинны. Ты подумала, что, сказавши «я каюсь», ты все сдѣлала, а дѣло доказываетъ, что ты не хочешь даже понять, почему ты имѣешь нужду въ покаяніи. И результатъ выходитъ вотъ какой: ты не протягивала рукъ съ покаяніемъ, и мы не отталкивали тебя. Тебѣ просто не хотѣлось принести никакой жертвы—ни Лизѣ, ни мнѣ, ни Г., а чтобы все далось легко; ты даже не подумала, что это *легко* все свело бы на прежнюю колею, и вышло бы чортъ знаетъ что.

«... Что ты дѣлаешь изъ моего призыва на временную жертву для спасенія насъ всѣхъ и Лизы въ томъ числѣ? Топчешь въ грязь и меня, и мой призывъ, въ которомъ, горе тебѣ, если ты не поняла всей моей любви къ тебѣ, любви ожидавшей, надѣявшейся, любви скорбящей и рыдающей.

«Всю мою любовь къ тебѣ, всю мою нѣжность я перенесъ на Лизу. Ты у меня отнимаешь ее!.. За что? Вѣдь, я ее люблю до безумія; если для меня лично, дѣйствительно, что-нибудь осталось свѣтлымъ, это она. А ты не только отнимаешь ее у меня, но (не говоря о томъ, что до сихъ поръ не написала, привили ли ей оспу) не хочешь, чтобы я зналъ, гдѣ она и что она. Нѣтъ ничего жесточе (plus cruel), какъ женщина, чѣмъ-нибудь раздраженная! Во имя какихъ правъ гражданскихъ и человѣческихъ ты хочешь такъ поступать? Во имя какихъ правъ права и сердца? Не могу же

я вообразить, чтобъ тебѣ хотѣлось воткнуть въ меня ножъ и повертывать его» (тамъ же. 225—227).

19 сентября—къ Герцену: «Послѣ ея письма коротенькаго (о которомъ ты пишешь, что на него надо молчать, а съ моей точки зрѣнія молчаніе было бы преступленіемъ и, слѣдст., я писалъ) получено другое, и видно, что то было писано второпяхъ. Это другое меня не угѣшило; я и на него писалъ. Оно, конечно, лучше того, но главная пружина—желаніе страстнаго, ревниваго обладанія тобою, что составляетъ основу ея эгоистической любви или просто эгоизма,—остается все та же. Она проситъ дать ей собраться съ силами, ergo — нужна экспектація. Что дальше будетъ, увидимъ, но я не отстану. Я не выведу мою печаль въ бунтъ, — а въ милосердіе» (тамъ же, 244).

Черезъ нѣсколько дней: «Мнѣ вотъ теперь страшно начать говорить тебѣ о письмѣ N. къ тебѣ. Все горькое встаетъ опять такъ же огромно, что, кажется, съ нимъ не справишь. Я недѣлю не получалъ писемъ и не знаю, гдѣ она. Писать ли къ M-lle Michel и спросить? Чортъ знаетъ, какъ коробить. Лучше подождать. Я увѣренъ, что на дняхъ напишетъ, гдѣ она, Но ты замѣть, что дѣйствительное испытаніе только начинается, и потому надо выждать какой-нибудь внутренней работы, изрѣдка помогая словомъ. Какъ ни горько, Герценъ, а бѣда теперь намъ оскорбляться въ смыслѣ обиды, а не въ смыслѣ скорби *o ней*; тутъ ужъ совершенно terrain растеряешь и будешь сердиться—и только. А это никого не спасетъ, ни даже Лизы, которая тутъ всего больше страдаетъ. Если ты совершившееся рѣшилъ принять за фактъ, то нельзя уже не дѣйствовать въ смыслѣ моей теоріи.

«...А какъ ни разсуждай, все на это же сводится: устроить обстоятельства такъ, чтобы можно было постоянно слѣдить за N. и Лизой. Я уже думаю объ агентѣ; подумай и ты,—надо сознательно выждать, пока безуміе устанетъ. Девиль все мнѣ говорить: *il faut fatiguer le valvule* (надо утомить сердечный клапанъ). При свиданіи переговоримъ» (тамъ же 248—249).

1516. Письмо къ И. С. Тургеневу.

19 ноября (1860).

Orsett House, Westbourne terrace, Paddington.

Вотъ то-то, «строгий, но справедливый» челоѡвѣкъ.. Хорошо, что ты употребилъ толикую каптацію беневоленціи ¹⁾, а то вслѣдъ

¹⁾ *Captatio benevolentiae*—заискиваніе; все вмѣстѣ: хорошо, что ты заучился расположеніемъ.

за твоимъ письмомъ является пакетъ, въ величину тѣхъ, которые я въ послѣдній разъ видѣлъ въ вятской канцеляріи,—въ немъ челобитье на тебя съ приложеніемъ документовъ... отъ Викторины Шеншиной. Она отдаетъ тебя, себя и пр. на мой судъ и присылаетъ всю переписку. Между прочимъ, она говоритъ, что у ея мужа была hydrocèle, т.-е. водяная грыжа,—ты видишь, что ее въ застѣнчивости упрекать нельзя, въ скрытности тоже, но дѣло-то, все-таки, глупое. Я ей напишу, что она дѣло можетъ рѣшить очень просто: сомнѣваться въ причинѣ дней ребенка и дать денегъ, что и ты ей предлагалъ. А, вѣдь, это у тебя «благотворительная» открылась все съ бѣдныхъ литераторовъ ¹⁾).

Зачѣмъ Шеншинъ такъ упорно ей лгалъ? Правда ли, что она не имѣетъ почти ни гроша или только Auskommen ²⁾)?

За Ольгу благодарю. Она ѣдетъ съ Meysenbug, которую я серьезно очень рекомендую Мар. Ал. Сначала останутся у одной знакомой Meys., M-me Gallait, а потомъ будутъ искать квартиру; я имъ дамъ твой адресъ, а ты попроси твою дочь ее принять и приласкать.

У меня до того болитъ зубъ, что я чуть не реву.

Новый домъ очень хорошъ.

A propos, ну-съ, какова затрещинка «Es reiten 3 Reiter»? Я ею доволенъ.

Читалъ ли ты «Гайку» Кохановской? Мѣста есть порядочныя; знаешь, такъ, какъ въ говядинѣ: фунтъ филе да пудъ дряни. Я, впрочемъ, не всю прочелъ.

Кланяйся Мар. Ал. Зачѣмъ же это Богданъ ³⁾ былъ въ крупѣ? Ну, прошло, такъ и толковать нечего.

Прощай.

Огаревъ кланяется. ¹

◆◆ 1. 20 ноября Тургеневъ отвѣчалъ изъ Парижа очень подробно о семейной исторіи Шеншиныхъ, указавъ, что вдова имѣетъ 150,000 фр., не видалась съ мужемъ полтора года, ребенка не считаетъ отъ мужа, но это невѣрно,—есть полное основаніе настаивать, что онъ его; въ заключеніе Тургеневъ говоритъ: «За симъ рѣшай, верховный судья! И сдѣлай одолженіе, распорядись такъ, чтобъ я могъ забыть эту чепуху... «Drei Reiter» —очень хороши; есть нѣ-

¹⁾ Т.-е. со времени участія въ дѣлѣ основанія «Литературнаго фонда».

²⁾ На пропитаніе.

³⁾ Б. А. Марковичъ.

сколько удачнѣйшихъ загвоздокъ, но, вообще, статья мнѣ показалась напряженной. Можетъ быть, я былъ подъ вліяніемъ Ш.» («Письма», 131—132).

1517. Письмо къ М. К. Рейхель.

25 ноября (1860).

Orsett House, Westbourne terrace.

Вотъ не писалъ-то я, такъ не писалъ, а отчего? Суета, хлопоты: опять переѣзжалъ. Домъ наняли славный.

А вотъ что значить хорошія намѣренія и плохое исполненіе. Если-бъ вы послали итальянкѣ Гаспарини 2 ф., они бы и были у нея, а то я сказалъ Татѣ,

Тата—мнѣ,
Мы оба—Трюбнеру,
Трюбнеръ—Чернецкому,
Чернецкій—Татѣ,
Тата—мнѣ..

что онъ денегъ не посылалъ, потому что у него тамъ корреспондента нѣтъ,—итальянка и осталась двумя фунтами легче.

Позвольте васъ спросить насчетъ цѣлаго ряда «Колоколовъ»: какъ вамъ понравилось деликатное заушеніе Некрасова (въ «Лишнихъ людяхъ»), статья о Бого-мокрицахъ, а главное—«Drei Reiter, sie geiten»? Это слѣдовало бы перевести супругу вашему.

Анненковъ былъ въ Петерб. у Ал. Ал. ¹⁾; по описанію вижу, что онъ не измѣнился.

Ольга ѣдетъ завтра съ Мейзенбургъ въ Парижъ на 4 мѣсяца. Натал. Алекс. возвращается сюда, Тата будетъ подъ генераль-губернаторствомъ Miss Reeve, необычайно умной женщины, которая будетъ здѣсь жить. Тат. Петр. въ Парижѣ (говорять, что у нея все бродягъ мысли о сватовствѣ, но я ихъ совершенно уничтожу: я слышалъ много дурного о пациентѣ).

Сегодня ѣдемъ во французскій театръ.

Прощайте.

27 ноября.

¹⁾ Яковлевъ, «Химикъ».

1518. Письмо къ кн. П. В. Долгорукову.

27 ноября (1860).

Orsett House, Westbourne terrace.

Я такъ виноватъ передъ вами, почтеннѣйшій князь Петръ Владиміровичъ, что не знаю, какъ и получить отпущеніе. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что мы не знаемъ, какіе стихи получены отъ васъ и какіе изъ другихъ источниковъ. Если бы вы намъ написали нѣсколько заглавій, мы тотчасъ отыщемъ ихъ.

Мы плетемся нашей маленькой дорожкой по-старому.

Князь Гол. ¹⁾ дѣлалъ всевозможныя чудеса (безъ всякой нужды): оставлялъ квартиру, пошелъ въ кабалу музыкальнымъ антрепренерамъ, сидѣлъ безъ гроша—и снова при деньгахъ. Нашъ докторъ говоритъ о немъ: «C'est un collégien échappé de l'école» ²⁾.

Огар. вамъ усердно кланяется. «Будущность» читаемъ и благодаримъ за нее; она, какъ всякая будущность, туго развертываетъ крылья,—здѣсь третій №.

Знаете ли вы, кто писалъ преинтереснѣйшую книгу объ исторіи освобожденія крестьянъ? Мы не имѣемъ понятія.

Будьте здоровы и мучьте, какъ можно больше, петербургскихъ бурграфовъ.

Преданный вамъ

А. Герценъ.

Мы собираемся вскорѣ начать печатать «Поляр. Звѣзду», VI книгу.

1519. Письмо къ М. А. Марковичъ.

28 ноября (1860).

Orsett House, Westbourne terrace.

Посылаю вамъ... вы думаете — «Колоколъ»?..—нѣтъ-съ, одна рѣчь—не пословица,—посылаю вамъ Ольгу съ визитомъ и съ этимъ письмомъ. Что вы дѣлаете, Марья Александровна?—какое упорное

¹⁾ Юрій Николаевичъ Голицынъ.

²⁾ Это—школьникъ, убѣжавшій изъ школы.

молчаніе. Я серьезно рекомендую вамъ M-elle Meysenbug и, пользуясь сей вѣрной оказіей, жму вамъ руку.

Огаревъ кланяется.

Будьте здоровы.

1520. Почтовые, почтенные и иные шпіоны.

Статька объ Ульрихсѣ въ 74 листѣ «Колокола» подѣйствовала на его прислушниковъ и адъютантовъ: лицействъ Домбровскій и кандидатъ Шоръ собираются покинуть свои занятія. Шоръ управляетъ канцелярію комитета дѣтскихъ пріютовъ и любимъ предсѣдателемъ гр. Блудовымъ, который пришелъ въ ужасъ (о, святая невинность!), узнавъ изъ «Колокола» о пріятномъ занятіи кандидата (т.-е. въ Гедерштерны) въ часы досуга. Статька эта была перепечатана въ «Börsen Halle», но Ульрихсъ покрылъ ее чернилами. Да, одинъ Ульрихсъ, незнакомый со слабостями смертныхъ, твердый въ гражданскомъ мужествѣ, не только не смутился, но поѣхалъ въ Берлинъ по секретному дѣлу. Ужъ не опять ли мѣры противъ «Колокола»? Или, можетъ, тайная полиція такъ же раздѣляется, какъ національная гвардія въ 1848: на *постоянную* и *блуждающую*; одна твердо вросла въ землю около Зимняго дворца, задуманная Николаемъ, исполненная Бенкендорфомъ, упрощенная Орловымъ, поддержанная въ цвѣтущей акустикѣ Долгоруковымъ и будущимъ графомъ Тимашевымъ со своими старшими чиновниками Кранцомъ и Туруновымъ, съ своимъ Несторомъ—Сагтынскимъ и пр. и пр. Другая—police volante, почтовая, курьерская, несущаяся съ Ульрихсомъ въ корно, съ Шоромъ и Домбровскимъ на пристяжкѣ—

Вотъ мчится *тройка* удалая
Вдоль по дорогѣ столбовой,
...А *колокольчикъ*, даръ Валдая,
Гудить уныло подъ дугой.

1521. Игнатьевскія маски.

Издатели «Колокола» покорнѣйше просятъ извѣстить ихъ, введены ли игнатьевскія маски, и, если возможно, прислать рисунокъ для напечатанія его въ «Пуншѣ».

1522. Константинъ Николаевичъ за льныи.

Наша рекомендація не пропала. Приказомъ отъ 17 октября Крузенштернъ ¹⁾, о пристрастіи котораго къ истязаніямъ матро-

¹⁾ Павелъ Ивановичъ.

совъ мы говорили три раза, получилъ Станислава. Поздравляемъ. Константина Николаевича и совѣтуемъ ему отслужить панихиду о капитанѣ «Пластуна»! Исторію этого взрыва и нѣкоторыя подробности о капитанѣ I ранга Шестаковѣ, о наказаніяхъ на «Генераль-Адмиралѣ» мы надѣемся въ скоромъ времени передать нашимъ читателямъ. Они узнаютъ чудеса—о томъ, какъ матросамъ *затыкаютъ рты шваброй съ навозомъ*, какъ сѣкутъ гардемариновъ и какъ при этомъ остаются любимцами великаго князя.

1523. Терроръ въ Польшѣ.

«Таймсъ» два раза съ 1 декабря говорилъ о николаевщинѣ, снова появившейся въ Польшѣ вслѣдъ за нелѣпымъ свиданіемъ въ Варшавѣ. Онъ называетъ полковника *Галлера*, предсѣдателя какой-то политической инквизиціи, судящей всякій вздоръ и основанной на подлыхъ доносахъ и сплетняхъ, и полицмейстера *Васильева*, рыщущаго по ночамъ, осматривающаго дома, берушаго подъ арестъ людей за запрещенныя книги. *Г. Ладиславъ Янковскій* былъ схваченъ, потому что въ *прошломъ году* у него въ домѣ жилъ г. *Вишневскій*, у котораго нашли тетрадку запрещенныхъ стиховъ. Фу, какіе мелкіе, плюгавые мерзавцы и невѣжды! Да, эта сволочь вмѣстѣ съ бариномъ достойна была вступить въ союзъ съ Австріей!

Пора, пора Польшѣ разорвать гнусную веревку, на которой ее держитъ Петербургъ.

Если оно не правда, зачѣмъ молчить русское правительство? Развѣ оно не понимаетъ, что съ него грязь каплетъ на насъ, на народъ? Что оно молчитъ изъ *Vornehmthuerei* ¹⁾ или отъ безграмотности? Пусть учится, въ такомъ случаѣ, читать и писать. ¹

◆◆ 1. Въ октябрѣ 1860 г. къ генераль-губернатору Сѣверо-Западнаго края Назимову явился студентъ петербургскаго университета Константинъ Нивинскій и открылъ ему замыслы студентовъ къ подготовленію безпорядковъ въ Царствѣ Польскомъ. Всѣ его показанія и онъ самъ были переданы въ III Отдѣленіе (всепод. отчетъ мин. вн. дѣлъ за 1861—63 гг., архивъ П. Я. Дашкова).

1524. (Ковалевскій).

Ковалевскій призывалъ петербургскихъ журналистовъ и высочайше повелѣлъ имъ плакать о покойной императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. А прогос, говорятъ, будто Аничковскій дворецъ, за-

¹⁾ Важничанія.

вѣщенный императрицей государю (видите, дворцы-то—все частная собственность; на прусскія деньги приобрѣтены, вѣрно?), *заложена идѣ-то въ Англии*. Если дорого, Александръ Николаевичъ можетъ отказаться,—дворецъ здѣсь продадутъ съ молотка.

1525. Г. Глушковъ.

Еще разъ намъ пишутъ о томъ, что генераль Глушковъ («Колоколь», 65—69)—«одинъ изъ благонамѣреннѣйшихъ русскихъ начальниковъ, извѣстенъ своимъ безкорыстіемъ и высокой честностью...» Намъ очень больно, что нѣсколько словъ, помѣщенныхъ о г. Глушковѣ, могли нанести неприятность ему и его друзьямъ. Мы еще разъ печатаемъ, что намъ нѣтъ никакой возможности *впередъ* знать вѣрность каждаго факта (недавно «Московскія Вѣдомости» превосходно сказали нѣсколько словъ о томъ же предметѣ). Мы готовы помѣщать поправки, но за что же почтенный защитникъ г. Глушкова говоритъ: «Стыдно вамъ... Вы говорите...» и пр? Да развѣ онъ не понимаетъ, что *мы ничего не говоримъ* ни о комиссаріатѣ, ни объ интендантствѣ: *мы помѣщаемъ свѣдѣнія, доставленныя друими корреспондентами*. Кажется, ясно?

1526. Письмо къ нн. П. В. Долгорукову.

18 декабря (1860).

Orsett House, Westbourne terrace.

Почтеннѣйшій князь Петръ Владиміровичъ, во-первыхъ, рекомендую вамъ юнаго и чрезвычайно образованнаго поляка, желающаго представиться вамъ. Онъ отлично знаетъ языки, особенно англ. и нѣмец., и серьезно занимается наукой. Фамилія его—Бени.

Третья «Будущность» очень интересна, и мы изъ нея украдемъ статейку (разум., обозначая). Тимашевъ прибылъ въ Лондонъ и ищетъ купить шпіона, чтобъ узнать, кто намъ пишетъ изъ Россіи. Не напечатать ли это? Я, какъ узнаю подробнѣе, извѣщу черезъ «Таймсъ».

Р. S. Сейчасъ узналъ, что его еще нѣтъ, но что ждутъ. Не знаете ли вы, въ Парижѣ ли онъ?

Стиховъ до сихъ поръ не могли сыскать, простите.

Усердно кланяюсь Вамъ, я и Огаревъ.

1527. Письмо къ И. С. Тургеневу.

19 декабря (1860).

Orsett House, Westb. terrace.

Генераль, покровитель и фавторъ ¹⁾,

Пронзенный благодарностью за то, что изволили подъ вашъ шуцъ ²⁾ взять Ольгу, имѣю честь донести:

1-хъ, Я къ правой вдовѣ ³⁾, которая вовсе не права, написалъ тогда же письмо холодное, учтивое и ассомантное ⁴⁾. Что же съ ней дѣлать?

2-хъ, Деньги прошу тебя отдать, а я, какъ буду посылать какія-нибудь другія, пришлю тебѣ 50 фр.,—слишкомъ сумма мала, чтобъ посылать черезъ Ротшильда. Въ продолженіе мѣсяца ты непременно получишь.

3. Насчетъ вашего увѣдомленія объ открывшейся нимфоманіи: привели меня въ радость.

Я съ своей стороны вчера кончилъ большую етюду «Р. Оуэнъ». Очень, очень желалъ бы тебѣ ее прочесть,—вещь смѣлая и, сколько кажется, удачная; я ее помѣщу въ «Пол. Зв.», которая выйдетъ къ 1 марта; будетъ стр. 70.

«Гайку» мнѣ давалъ Чижовъ и книгу потомъ отдалъ Смирновой, но только я ошибся—плоховато и сентиментально.

Третій листъ «Будущности» гораздо лучше двухъ первыхъ; за что ты его побранилъ? А ты вотъ что сдѣлай—прочи нынѣшній «Код.» непременно. Ты, пожалуй, увидишь, что это *дѣло въ три* печатныхъ листа, да и положишь ⁵⁾. Это такой цинизмъ, такое безобразіе, какого ты даже и въ нужномъ кабинетѣ не видалъ, а это еще не нужный къ тому же.

Вотъ все, что изъ тумановъ Альбіона могу тебѣ сообщить. Затѣмъ пиши и пиши, будь здоровъ.

Г.

¹⁾ Fautor—покровитель.

²⁾ Schutz—покровительство.

³⁾ В. И. Щеншина.

⁴⁾ Убийственное.

⁵⁾ Статя «Императорскій кабинетъ и Муравьевъ-Амурскій», въ № 87-88.

Читаль ли ты «Раскол. сборникъ»¹⁾? Это чудо, какъ интересно. У меня нѣтъ экзempl., ты пока возьми у Мар. Ал.²⁾.

Огар. кланяется.¹

◆◆ 1. 7 декабря 1860 г. Н. Н. Обручевъ писалъ Добролюбову изъ Парижа о встрѣчѣ съ Тургеневымъ въ café. «Онъ сообщилъ, что Некрасовъ и Ав. Яков. (Панаева—*М. Л.*) должны были заплатить Огареву 50,000 р. сер. Вы, вѣроятно, лучше меня знаете это дѣло, о которомъ я кое-что слышалъ, но никогда не могъ понять толкомъ, кто правъ, кто виноватъ—Тургенева не разспрашивалъ. Но, должно быть, онъ придаетъ ему большую важность, ибо раза два повторилъ: слава Богу, что на томъ кончилось, что сняли, наконецъ, съ себя пятно» (архивъ Добролюбова въ Пушкинскомъ домѣ). Свое сообщеніе Тургеневъ основывалъ на данныхъ, полученныхъ отъ Е. Колбасина въ письмѣ отъ 26 ноября: «Сообщили мнѣ, что «Современники» по огаревскому дѣлу рѣшились платить, по мировой съ Сатинымъ, 50 тысячъ». Московскій надворный судъ рѣшилъ: взыскать съ Авд. Яковлевны и повѣреннаго ея Шамшіева 118 т. р. сер., иначе, говоритъ Колбасинъ, имъ предстояла долговая тюрьма (архивъ П. В. Анненкова въ Пушкин. домѣ).

1528. Письмо къ сыну.

24 дек. (1860).

Orsett House, Westbourne ter.

Любезный Саша, посылаю бабушкѣ Фокѣ³⁾ дѣдушку Бакунина. Этотъ портретъ снятъ съ того, который у меня; его дѣлали въ Иркутскѣ; о сходствѣ она и Эмиль могутъ сами судить. Я такой же послалъ Прудону.

Natalie приѣхала. Есть надежда, что пойдетъ хорошо, но я желаю больше времени. Лиза очень мила, но и достаточно капризничаетъ. Я думаю, что она будетъ сильно умна и пойдетъ по стопамъ Ольги, но Ольги толстой и съ жирцомъ.

Онѣ приѣхали въ сибирскій морозъ; мы ждали на станціи часа четыре,—я отогрѣвался и виски и хересомъ, а Огар.—бара-

¹⁾ Изданный въ Лондонѣ въ 1860 вып. I «Сборника правительственныхъ свѣдѣній о раскольникахъ», составленный В. И. Кельсіевымъ.

²⁾ Марковичъ.

³⁾ Фогтъ.

ниной съ содовой водой. Лиза насъ тотчасъ узнала; нянюшка старше ея, но не узнала, несмотря на то, что никогда не видала прежде.

А prors, Natalie мнѣ облегчила отыскиваніе бездѣлушки для Эммы ¹⁾; она говоритъ, что она любитъ маленькія вещицы. Ну, за это я берусь только послѣ новаго года.

Прощай, жду отъ тебя письма. Сер.-Сол. ²⁾ въ Ахенѣ, боленъ. Девиль говоритъ, что у него прескверный организмъ.

У насъ все хорошо. Татой я очень доволенъ.

Я написалъ письмо къ Э.; если ты имъ доволенъ, пошли ей; я хочу, чтобъ она переписывалась со мной.

Прощай, цѣлую тебя.

Ты ей объясни, что сентиментальныхъ писемъ à l'allemand ³⁾ я не пишу,—Ruthenus sum ⁴⁾.

1529. Письмо къ С. Тхоржевскому.

26 декабря 1860.

Orsett House.

Любезнѣйшій Тхоржевскій, приходите сегодня часовъ въ 8 къ намъ,—вы насъ очень этимъ одолжите.

Посылаю г. Жихонь 4 бутылки марсалы и прошу дружески принять и со вкусомъ выпить.

Усердный вашъ богомолецъ,

А. Герценъ. ¹⁾

◆◆ 1. Приведу извлеченіе изъ «Исповѣди» В. И. Кельсіева, относящееся къ концу 1860 года. Разумѣется, характеристики субъективны, но цѣнность данныхъ, все-таки, несомнѣнна, потому что они исходятъ отъ участника въ общей работѣ.

«Насъ было трое въ Лондонѣ: принципаль Герцент, его alter ego—Огаревъ и ихъ послушникъ—я. Къ намъ примыкали два поляка, которые, впрочемъ, вращаясь около насъ, сильно обрусѣли. Это былъ типографщикъ Герцена Чернецкій, уроженецъ Люблинской губерніи, эмигрантъ 1848 года, участвовавшій въ Венгерской

¹⁾ Урихъ.

²⁾ Николай Александровичъ.

³⁾ На нѣмецкій ладъ.

⁴⁾ Я—славянинъ.

кампаніи, человекъ очень тихій, работающій, исправный, пользовавшійся общимъ уваженіемъ и сочувствіемъ. Выбравъ себѣ скромную роль управителя типографіи, онъ исполнялъ ее усердно, съ образцовой точностью, ни во что не мѣшался, никакихъ претензій не имѣлъ и довольствовался своей скромною долею. Другой былъ уроженецъ тоже Царства Польскаго, не помню какой губерніи, дѣйствительный студентъ московскаго университета, участвовалъ въ Познанскомъ дѣлѣ 1846 года, дрался на баррикадахъ въ Парижѣ и въ Берлинѣ, пока судьба не занесла его въ Англию, гдѣ онъ какими-то судьбами и сдѣлался повѣреннымъ Герцена по его частнымъ дѣламъ. Впослѣдствіи Тхоржевскій открылъ небольшую книжную лавочку и летучую библіотеку, занимался разными комиссіями, вѣчно хандрилъ, вѣчно жаловался на нездоровье и на попусту прожитую жизнь: плакался, что холостъ и что жены себѣ по вкусу подобрать не можетъ, но, впрочемъ, былъ очень добрый и услужливый человекъ, также искренно и глубоко привязанный къ Герцену, какъ и Чернецкій. Всѣ мы жили тихо, смирно, дружески, никогда не ссорились, и всѣ признавали авторитетъ Герцена, даже и самъ Огаревъ.

«Въ 1860 г. къ компаніи нашей прибавился іеродіаконъ Агапій, но войти въ нашъ тѣсный кружокъ ему не удалось, по его тяжелому, мнительному и скрытному характеру.

«Въ концѣ 1860 года явился Дубровинъ, простодушный и очень симпатичный мальчикъ, прямо со школьной скамейки (бывшаго Дворянскаго полка), который прошелъ пѣшкомъ всю Финляндію, Швецію и часть Норвегіи, съ переполоху, что его арестуютъ за какое-то письмо политическаго содержанія; я не понимаю, что онъ могъ написать политическаго — должно быть, какія-нибудь бредни тогдашней молодежи. Съ Герценомъ онъ какъ-то не сошелся, мучился тоской по родинѣ и кончилъ тѣмъ, что не пропущенный во Францію, поѣхалъ въ Норвегію, чтобы пробраться черезъ нее въ Россію,—и пропалъ безъ вѣсти.

«При немъ же явился въ Лондонъ князь Николай Платоновичъ Трубецкой, который скрылъ отъ насъ причину, почему онъ оставилъ Россію. Онъ много настрадался, пока рѣшился обратиться къ намъ за помощью...

«Былъ еще англійскій подданный, не знавшій ни слова по-англійски, уроженецъ Нижняго, Владиміръ Эберманъ, гимназистъ, бѣжавшій изъ Россіи, потому что испугался словъ своихъ, сказанныхъ имъ, изъ мальчишескаго желанія себя показать, квартальному, звавшему его въ свидѣтели по какому-то дѣлу («Что мнѣ ваша повѣстка! что мнѣ ваши законы! что мнѣ ваши цари! Я — англій-

скій подданный, такъ мнѣ вашъ царь все равно, что китайскій Богдыханъ!). И онъ много натерпѣлся. Спустилъ небольшія деньги, какія у него были (помнится, 1000 р. с.), связавшись тоже съ выходцемъ изъ Россіи какимъ-то Левестамомъ, бывшимъ комиссаріатскимъ чиновникомъ въ время Крымской войны и приговореннымъ по суду къ разстрѣлянію, какъ онъ самъ хвастался, не объясняя, впрочемъ, за какія добродѣтели. Левестамъ обчистилъ бѣднаго мальчика, какъ липку; тотъ съ голоду предложилъ русскому посланнику себя въ шпіоны,—намъ объ этомъ сообщили изъ Петербурга. Чернецкій вышвырнулъ его изъ типографіи, и съ тѣхъ поръ онъ, какъ въ воду канулъ, пока я вдругъ не встрѣтилъ его въ Тульчѣ, учителемъ въ молоканской школѣ. И тамъ ему не повезло, отчасти по моей винѣ и по требованію Герцена—сбыть его съ рукъ куда-нибудь. Уже въ Кишиневскомъ тюремномъ замкѣ я узналъ, что онъ добровольно воротился въ Россію, просидѣлъ 10 мѣсяцевъ въ томъ самомъ карцерѣ, гдѣ мнѣ, по счастью, привелось пробыть только двое сутокъ, и что тотъ же унтеръ-офицеръ Марковъ, который доставилъ меня въ III-е Отдѣленіе, отвозилъ Эбермана изъ кишиневского острога въ нижегородскій, въ мартѣ нынѣшняго, 1867 года.

«Всѣ эти выходцы были наборщиками у Чернецаго, и если что можно объ нихъ прибавить, то развѣ то, что іеродіаконъ Агапій и князь Трубецкой были отличные наборщики и бывали приняты у Герцена, а что Дубровинъ и Эберманъ были лѣнны и у Герцена, который ихъ не взлюбилъ съ перваго раза, приняты почти не бывали. О князѣ Юри Николаевичѣ Голицынѣ и о его спутникахъ я не считаю нужнымъ здѣсь разсказывать: его невѣроятныя приключенія и такъ довольно извѣстны.

«Князь Петръ Владиміровичъ Долгоруковъ бывалъ въ Лондонѣ наѣздомъ. Отношенія наши съ нимъ были довольно натянутыя; мы расходились съ нимъ въ принципахъ, да и, наконецъ,—надо правду сказать,—неловко себя чувствовали въ присутствіи претендента на императорскій престолъ, и претендента очень обидчиваго. Князь нигдѣ не составилъ себѣ партіи, онъ былъ всѣмъ чужой, и при немъ всякій какъ-то стѣснялся, изъ вѣжливости, тогда какъ безъ него всѣ были свободны, и каждый чувствовалъ себя въ нашемъ кружкѣ, будто дома.

«Наконецъ, и бывшій апостольскій викарій полярныхъ странъ сѣвернаго полюса Джунковскій былъ у насъ; первый разъ, кажется, лѣтомъ 1860 г., второй разъ—осенью 1861-го года. Во второе его посѣщеніе я, никогда не покидавшій мысли завести церковный шрифтъ, сговорился съ нимъ объ устройствѣ въ его типо-

графіи, въ сѣверной части Норвегіи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Нордкапа, въ городѣ,—отдѣленія для печатанія старообрядческихъ книгъ. Я не скрывалъ отъ него своего атеизма и моего отвращенія къ католицизму».

1530. [Предисловіе].

Надобно было бы имѣть больше наивности и дѣтскаго простодушія, чѣмъ у самого Трибуля, для того, чтобы *рекомендовать* нашимъ читателямъ произведеніе одного изъ величайшихъ писателей нашего времени,—писателя, съ которымъ наша публика такъ коротко и такъ давно знакома, котораго она такъ сильно любитъ, и который такъ достоинъ быть любимымъ.

Намъ только хотѣлось обратить вниманіе читателей на необычайно ловкое, удачное и художественное разрѣшеніе безконечно трудной задачи.

Писать дѣтскія книги, дѣйствительно,—задача колоссальная, оттого-то ихъ и нѣтъ. Есть книги *отроческія*,—современная англійская литература ими очень богата,—но дѣтскихъ нѣтъ.

Дѣти любятъ сказки. Но сказки бываютъ или бессмысленны или скучны. Въ первыхъ все пожертвовано фантастическому, во вторыхъ все убито натянутой, пошлой и не вовсе нравственной моралью.

Одна книга дѣлаетъ исключеніе—«Робинзонъ», да какъ же его зато и читаютъ дѣти!

Ж. Сандъ, удовлетворяя совершенно художественной потребности дѣтскаго воображенія, создала разсказъ высоко нравственный, и который [поэтому не имѣетъ ничего общаго съ нравоучительными повѣстями, особенно съ французскими.

Мораль ихъ состоитъ въ развитіи эгоистической, своекорыстной любви къ добру, во *внѣшнихъ* наградахъ за исполненіе долга, такъ что человѣкъ, поступающій нравственно, ничѣмъ не отличается отъ ростовщика, лишающаго себя на время денегъ для того, чтобы получить ихъ назадъ съ огромной лихвой.

Вотъ почему дѣтскіе повѣсти и разсказы, драмы и поэмы у французовъ сбиваются на полицейское слѣдствіе, и психическій разборъ ихъ очень близокъ къ разбору въ управѣ благочинія: имъ надобно открыть виновныхъ и достойныхъ, виновныхъ наказать, достойныхъ наградить ¹⁾).

¹⁾ «Я слышалъ, что вы что-то писали о моемъ «Тряпичникѣ», и очень бы желалъ знать, что»,—сказалъ мнѣ разъ Ф. Пья.—«Вы не думайте, что

Вовсе не такъ поняла и создала Ж. Сандъ своего «Грибуля». Съ перваго появленія его отъ него вѣтъ какой-то свѣжестью и чистотой; это—натура наивная, безкорыстная, преданная, любящая и оттого постоянно гонимая. Родители его считаютъ дуракомъ, потому что онъ не плутъ и не воръ. Они его бьютъ за то, что онъ не хотѣлъ, изъ любви къ нимъ, покинуть родительскаго дома. Этотъ характеръ она выдержала до конца.

Когда Грибуль самъ зажегъ свой костеръ, и царица хотѣла отступить, чтобы его спасти, мы такъ и ждали, что Шмель, тронутый героизмомъ Грибуля, бросится къ костру спасти его, отдастъ Грибуля царицѣ, а царица отдастъ себя Шмелю и сдѣлаетъ Грибуля маршаломъ или констаблемъ. Но Грибуль *сюртъль*, «отъ него осталась груда пепла, на верхушкѣ которой выросъ и распустился маленькій голубой цвѣточекъ». Награда за подвиги Грибуля *была не ему*.

Здоровѣе нравственности нельзя проповѣдывать дѣтямъ. Ж. Сандъ облекла ее во всю прелесть дѣтской поэзіи,—безъ этого дѣти все бы не стали ее читать. Художественная потребность идетъ у дѣтей впередъ,—они въ книгѣ ищутъ наслажденія, а не пользы. Оттого они очень рано различаютъ два рода книгъ: одинъ, который *они читаютъ*, и другой, который имъ *велѣтъ читать*.

Съ первой страницы дѣти увлекаются Грибулемъ, любятъ маленькаго чудака, который «бросился въ воду, чтобы скрыться отъ дождя», и слѣдятъ за нимъ съ страстнымъ участіемъ. Дочитавши, они снова принимаются за книгу. Это я видѣлъ на опытѣ и знаю по количеству экземпляровъ, *потребленныхъ* дѣтьми. Они изнашиваютъ «Грибуля»,—это верхъ успѣха для дѣтской книги.

я только хвалилъ вашу пьесу, я и бранилъ ее».—«За что?»—«За послѣднее дѣйствіе, которое къ дѣлу не идетъ и все портитъ нелѣпой развязкой, въ которой порокъ наказанъ и добродѣтель торжествуетъ».—«Неужели вы думаете, что я не также на него смотрю?»—«Такъ зачѣмъ же вы его написали?»—«Вы мало знаете французскую публику: безъ этого дѣйствія пьеса была бы лучше, а театръ былъ бы пусть послѣ двухъ-трехъ представленій. Дѣло въ томъ, что французъ терпѣть не можетъ выходить изъ театра въ раздумьи, томимый вопросомъ или сомнѣніемъ. Для него надобно, чтобы дѣло было *кончено*, и чтобы онъ чѣмъ-нибудь былъ утѣшенъ и примиренъ». Я считаю, что характеристика Ф. Пя очень вѣрна. А. И. Г.

Бібліографическій коментарій.

(Сокращенія: Наталія Александровна Герцень, жена = Н. А.—на; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—79 гг. = Жен. изд; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПб., 1906 г. = СПб. изд; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ; «Колоколь» = «Кол.»; «Полярная Звѣзда» = «П. З.»; сборникъ «Колоколь», избранныя статьи А. И. Герцена, составл. Л. Тихомировымъ = Тих.; Пушкинскій домъ при Академіи Наукъ = Пушк. д.)

1882. Напечатано въ 44 л. «Кол.» (1 іюня 1859), въ сборникѣ «За пять лѣтъ», ч. I, у Тих. и съ купюрами въ VI т. СПб. изд.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1883. Напечатано въ 44 л. «Кол.», у Тих. и съ купюрами и неисправно въ VI т. СПб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1884. Напечатано въ 44 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1885. Напечатано въ 44 л. «Кол.».

1886. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1887. См. № 431.

1888. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся у В. И. Яковлева.

1889. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1890. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся у В. И. Яковлева.

1891. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1892. Напечатано въ V кн. «П. З.», на 1859 г.; подлинникъ не найденъ. Приведены письма Н. А. Полевого, В. Г. Бѣлинскаго, Т. Н. Грановскаго, П. Я. Чаадаева, Прудона и Т. Карлейля.

1893. Напечатано въ V кн. «П. З.» и въ IV т. СПб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1334. Напечатано въ 45 л. «Кол.» (15 юня 1859).

1335. Напечатано въ 45 л. «Кол.» и въ VI т. СПб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1336 л. Напечатано неполно и неясравно въ VIII кн. «Минув. Годовъ» 1908; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Кружкѣ имени Герцена.

1336. Напечатано въ 46 л. «Кол.» (22 юня 1859), въ черной рамкѣ.

1337. Напечатано въ 46 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1338. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1339. Тоже.

1340. Напечатано въ 47 л. «Кол.» (1 юля 1859).

1341. Напечатано въ 47 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается въ № 1239.

1342. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1343. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.; приписка сдѣлана къ письму дочери Наталіи.

1344. Напечатано въ V кн. «Рус. Обзорнія» 1898 г., стр. 272, а нѣсколько строкъ — въ IV кн. «Рус. Вѣстника» 1889, стр. 131; подлинникъ не найденъ.

1345. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1346. Напечатано въ 48 л. «Кол.» (15 юля 1859); принадлежность несомнѣнна по связи съ № 1241.

1347. Напечатано въ 48 л. «Кол.», у Тих. и неясравно и съ купюрою въ VI т. СПб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1348. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1349. Напечатано въ I т. «Стихотвореній» Огарева, стр. 397; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; надпись сдѣлана на подаренномъ Герценомъ альбомѣ. ■

1350. Напечатано въ 49 л. «Кол.» (1 августа 1859); подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1351. Напечатано въ 49 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «Искандеръ, Н. Огаревъ»; подлинникъ не найденъ.

1352. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1353. Тоже.

1354. Напечатано въ 50 л. «Кол.» (15 августа 1859), въ сборникѣ «За пять лѣтъ», ч. I, у Тих. и въ VI т. СПб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1355. Напечатано въ 50 л. «Кол.», у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1356. Тоже.

1357. Напечатано въ 50 л. «Кол.».

1358. Тоже.

1259. Напечатано не исправно и неполно въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1260. Напечатано не исправно въ X кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.

1261. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1262. Напечатано въ 51 л. «Кол.» (1 сент. 1859).

1263. Тоже.

1264. Напечатано не исправно въ X кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.

1265. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1266. Напечатано въ 52 л. «Кол.» (15 сентября 1859) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1267. Напечатано въ 53, 54, 56, 57—58 и 59 лл. «Кол.» (1 и 15 октября, 15 ноября и 1 и 15 декабря 1859), въ сборникъ «За пять лѣтъ», ч. I, у Тих. и съ купюрами въ VI т. СПб. изд.; переводъ въ №№ 3—5, 7 «La Cloche». Подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1268. Напечатано въ 53 л. «Кол.» (1 октября 1859); принадлежность устанавливается подлиннымъ отвѣтомъ подесты; подлинникъ не найденъ.

1269. Напечатано неполно и не исправно въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907, стр. 643—644; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1270. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1271. Напечатано не исправно въ X кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.

1272. Напечатано не исправно въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907 г., стр. 644; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1273. Напечатано неполно и небрежно въ VI кн. «Вѣстн. Европы» 1907 г., стр. 645; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1274. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1275. Напечатано на стр. 352 т. II «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ. Пассекъ, пріѣхавъ въ Дрезденъ и бывъ у Рейхель, вписала между строкъ ея письма къ Герцену нѣсколько словъ. По ея словамъ, эта приписка Герцена была сдѣлана въ письмѣ его къ М. К. Рейхель.

1276. Напечатано въ 54 л. «Кол.» (15 октября 1859); принадлежность устанавливается по № 1273; подлинникъ не найденъ.

1277. Напечатано въ 54 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по связи съ № 1280.

1278. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1279. Тоже.

1280. Напечатано въ 55 л. «Кол.» (1 ноября 1859) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1281. Напечатано въ 55 л. «Кол.»

1282. Тоже.

1283. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1284. Тоже.

1285. Тоже.

1286. Напечатано неисправно въ X кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.

1287. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1288. Напечатано въ 56 л. «Кол.» (15 ноября 1859).

1289. Тоже.

1290. Тоже.

1291. Тоже.

1292. Напечатано въ 56 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается потому, что всѣми денежными сборами завѣдывалъ исключительно Герценъ; подлинникъ не найденъ.

1293. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1294. Напечатано въ VI кн. «Ежемесячныхъ Сочиненій» 1901 г., стр. 85 и въ IX кн. «Истор. Вѣстника» 1907 г.; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по «Истор. Вѣстн.».

1295. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1296. Тоже.

1297. Тоже.

1298. Напечатано въ III кн. «Минувшихъ Годовъ» 1908 г.; подлинникъ не найденъ; зная плохую корректуру журнала, можно быть увѣреннымъ въ пропускахъ и ошибкахъ.

1299. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1300. Тоже.

1301. Тоже.

1302. Напечатано въ 57—58 л. «Кол.» (1 декабря 1859) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1303. Напечатано въ 57—58 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по связи съ № 1298 и по стилю; подлинникъ не найденъ.

1304. Напечатано въ 57—58 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.

1305. Напечатано въ 57—58 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается въ № 1298.

1306. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1307. Напечатано въ 59 л. «Кол.» (15 декабря 1859) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1308. Напечатано въ 3 л. «Подъ Судъ!» (15 декабря 1859); подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1309. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1310. Напечатано неисправно въ X кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.

1311. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1312. Напечатано на стр. 352—353 т. II «Воспоминаній» Пассекъ, въ отвѣтъ на присылку карточекъ ея сыновей; подлинникъ не найденъ.

1313. Напечатано въ 60 л. «Кол.» (1 января 1860), въ сборникъ «За пять лѣтъ» ч. I и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1314. Напечатано въ 60 л. «Кол.».

1315. Тоже.

1316. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1317. Напечатано въ 61 л. «Кол.» (15 января 1860); подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1318. Напечатано въ 61 л. «Кол.».

1319. Напечатано въ 61 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1320. Напечатано неисправно въ X кн. «Былого» 1907 г., стр. 70; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.

1321. Напечатано на стр. 353 т. II «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ.

1322. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1323. Напечатано небрежно въ X кн. «Былого» 1907, стр. 71; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.

1324. Напечатано неполно и неисправно въ VIII кн. «Минув. Годовъ» 1908 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Кружкѣ имени Герцена.

1325. Напечатано въ 62 л. «Кол.» (1 февраля 1860); принадлежность ясна изъ указанія на Пермь и Вятку; подлинникъ не найденъ.

1326. Напечатано въ 62 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1327. Напечатано въ 62 л. «Кол.» (1 февраля 1860) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1328. Напечатано въ 62 л. «Кол.».

1329. Напечатано въ 62 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ № 1331; подлинникъ не найденъ.

1330. Напечатано въ № 5 «Ежемѣсячныхъ Сочиненій» 1901 г., стр. 85 и въ IX кн. «Истор. Вѣстника» 1907 г.; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по «Истор. Вѣстнику».

1331. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1332. Тоже.

1333. Тоже.

1334. Напечатано въ 63 л. «Кол.» (15 февр. 1860).

1335. Тоже.

1336. Тоже.

1337. Тоже.

1338. Напечатано въ 63 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1339. Тоже.

1340. Напечатано въ 63 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1341. Напечатано неисправно въ X кн. «Былого» 1907; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.

1342. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся въ Британскомъ музеѣ (N. Fr. 28. 510. f. 231). Въ началѣ рукописи биографіи, присланной Герцену для провѣрки, онъ написалъ: «Herzen est plus соггесте», такъ какъ въ рукописи фамилія его была написана Hertzzen, какъ еще и понынѣ пишутъ ее иногда за границей.

1343. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся въ АСГ.

1344. Напечатано въ 64 л. «Кол.» (1 марта 1860) и у Тих.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1345. Напечатано въ 64 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1346. Напечатано въ 64 л. «Кол.».

1347. Тоже.

1348. Тоже.

1349. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся въ АСГ.

1350. Тоже.

1351. Тоже.

1352. Напечатано въ 65—66 л. «Кол.» (15 марта 1860) и у Тих подлинникъ не найденъ. Вся статья заключена въ толстую траурную рамку.

1353. Напечатано въ 65—66 и 67 лл. «Кол.» (15 марта и 1 апрѣля 1860), въ сборникѣ «За пять лѣтъ», ч. Iи у Тих.; вторая статья съ купюрами—въ VI т. Спб. изд., обѣ полностью—въ «Статьяхъ о Польшѣ», Спб., 1912; переводъ по-французскіи въ №№ 6 и 8 «La Cloche»; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.

1354. Напечатано въ 64 л. «Кол.».

1355. Напечатано въ 65—66 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1356. Напечатано въ 65—66 л. «Кол.».

1357. Тоже.

1358. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся въ АСГ.

1359. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, полученнымъ отъ М. И. Колесникова. Надпись сдѣлана на V кн. «П. З.» на 1859 г.

1360. Напечатано нигдѣ не было; по-русски приведено г. Гершензономъ въ IV кн. «Былого» 1907 г.; заимствую его переводъ съ нѣсколькими поправками и дополненіями; подлинникъ хранится въ АСГ.

1361. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1362. Напечатано въ 67 л. «Кол.» (1 апрѣля 1860) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1363. Тоже.

1364. Тоже.

1365. Напечатано въ 67 л. «Кол.».

1366. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1367. Тоже.

1368. Тоже.

1369. Напечатано въ 68—69 л. «Кол.» (15 апрѣля 1860) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1370. Тоже.

1371. Напечатано въ 68—69 л. «Кол.».

1372. Тоже.

1373. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1374. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ парижской польской библіотекѣ, въ собраніи автографовъ Владислава Мицкевича.

1375. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1376. Напечатано въ 70 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания: статью могъ писать только фактической редакторъ; подлинникъ не найденъ.

1377. Напечатано въ 70 л. «Кол.» (1 мая 1860) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1378. Напечатано въ 70 л. «Кол.».

1379. Тоже.

1380. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Россійской Публичной библіотекѣ.

1381. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1382. Тоже.

1383. Тоже.

1384. Напечатано неисправно въ VI кн. «Рус. Библиофила» 1914 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Н. В. Соловьева.

1384 bis. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1385. Напечатано въ 71 л. «Кол.» (15 мая 1860) и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1386. Напечатано въ 71 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ. Часть свѣдѣній получена Герценомъ отъ И. С. Аксакова («Вольное Слово» 1883 г., № 60).

1387. Напечатано въ 71 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1398. Напечатано въ 71 л. «Кол.».

1399. Тоже.

1390. Напечатано въ 71 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ № 1360; подлинникъ не найденъ.

1391. Напечатано въ сборникѣ «За пять лѣтъ, ч. I, въ 72 л. «Кол.» (1 июня) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ. Первая часть сборника была составлена изъ политическихъ и социальныхъ статей Герцена (Искандера), вторая—Огарева.

1392. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1393. Напечатано въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1394. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1395. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1396. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1397. Тоже.

1398. Напечатано неисправно въ XI кн. «Рус. Мысли» 1902 г., стр. 163; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1399. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1401. Тоже.

1402. Тоже.

1403. Тоже.

1404. Напечатано въ 72 л. «Кол.».

1405. Тоже.

1406. Напечатано въ 72 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается, благодаря словамъ Тургенева, хорошо тогда знаваго, что писалъ самъ Герценъ: «Приобрѣлъ покупкой 72-й № «Колокола»—очень хорошо предисловіе. Сердцу моему пріятны твои заботы о Тимашевѣ» («Письма», 122—123); подлинникъ не найденъ.

1407. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1408. Тоже.

1409. Тоже.

1410. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

1411. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1412. Тоже.

1413. Тоже.

1414. Напечатано въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

- 1415.** Напечатано въ 73—74 л. «Кол.» (15 іюля 1860) и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1416.** Напечатано въ 73—74 л. «Кол.»
- 1417.** Тоже.
- 1418.** Напечатано въ 73—74 л. «Кол.» и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.
- 1419.** Напечатано въ 73—74 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ заглавія; подлинникъ не найденъ.
- 1420.** Напечатано въ 73—74 л. «Кол.»
- 1421.** Тоже.
- 1422.** Тоже.
- 1423.** Тоже.
- 1424.** Напечатано въ 73—74 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержанія; подлинникъ не найденъ.
- 1425.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1426.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ. Эта вырванная страничка, какъ и другія (дальше), указываетъ на возвращеніе Герцена время отъ времени къ записыванію своихъ мыслей и переживаній; куда дѣлись самые дневники — неизвѣстно; хранились они послѣ его смерти у Н. А. Огаревой.
- 1427.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1428.** Тоже.
- 1429.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.
- 1430.** Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1431.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1432.** Тоже.
- 1433.** Напечатано въ 75 л. «Кол.» (1 іюля 1860), у Тих. и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.
- 1434.** Напечатано въ 75 л. «Кол.»
- 1435.** Напечатано въ 6 и 7 лл. «Подъ Судъ!» (1 и 15 іюля 1860); принадлежность устанавливается по подписи «И—ръ» подъ 5-мъ примѣчаніемъ; подлинникъ не найденъ.
- 1436.** Напечатано въ 6 л. «Подъ Судъ!».
- 1437.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1438.** Напечатано неисправно въ X кн. «Былого» 1907; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.
- 1439.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1440.** Тоже.
- 1441.** Напечатано въ 76 л. «Кол.» (15 іюля 1860).

- 1142.** Напечатано въ 76 л. «Кол.»; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.
- 1143.** Напечатано въ 76 л. «Кол.».
- 1144.** Тоже.
- 1145.** Напечатано въ 76 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.
- 1146.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1147.** Тоже.
- 1148.** Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.
- 1149.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1150.** Тоже.
- 1151.** Напечатано неисправно въ X кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.
- 1152.** Напечатано въ 77—78 л. «Кол.» (1 авг. 1860).
- 1153.** Напечатано въ 77—78 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.
- 1154.** Напечатано въ 77—78 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.
- 1155.** Напечатано въ 77—78 л. «Кол.».
- 1156.** Напечатано въ 77—78 л. «Кол.»; подлинникъ не найденъ.
- 1157.** Напечатано въ книгѣ «Записки изъ нѣкоторыхъ обстоятельствъ жизни и службы дѣйств. тайнаго сов. и сенатора И. В. Лопухина, составленныя имъ самимъ», Лондонъ, 1860, въ 79 л. «Кол.» (15 августа 1860) и неисправно и съ купюрами въ VI т. Спб. изд.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ.
- 1158.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1159.** Тоже.
- 1160.** Тоже.
- 1161.** Тоже.
- 1162.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Россійской Публичной библиотекѣ.
- 1163.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1164.** Напечатано въ XIV кн. «Старины и Новизны»; подлинникъ не найденъ.
- 1165.** Напечатано небрежно въ X кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.
- 1166.** Напечатано въ 79 л. «Кол.» (15 авг. 1860).
- 1167.** Тоже.
- 1168.** Тоже.
- 1169.** Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.
- 1170.** Тоже.

1471. Тоже.

1472. Напечатано въ 80 л. «Кол.» (1 сент. 1860).

1473. Тоже.

1474. Тоже.

1475. Тоже.

1476. Тоже.

1477. Тоже.

1478. Напечатано въ 80 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания; подлинникъ не найденъ.

1479. Напечатано въ 81 л. «Кол.» (15 сент. 1860).

1480. Напечатано въ 8 л. «Подъ Судъ!» (1 сент. 1860).

1481. Напечатано неисправно въ X кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранившимся у Б. А. Марковича.

1482. Напечатано въ 82 л. «Кол.» (1 октября 1860) и у Тих.; подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ.

1483. Тоже.

1484. Напечатано въ 82 л. «Кол.».

1485. Тоже.

1486. Тоже.

1487. Тоже.

1488. Тоже.

1489. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1490. Тоже.

1491. Напечатано въ 83 л. «Кол.» (15 окт. 1860) и у Тих.; подпись «И—ръ», въ сборникахъ «Изъ «Кол.» и «Полярн. Звѣзды», 1864 г., «Еще разъ» 1866 г., въ X т. Жен. изд. и неисправно и съ купюрами въ V т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ.

1492. Напечатано въ 83 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается по № 1496; подлинникъ не найденъ.

1493. Напечатано въ 83 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается изъ письма Огарева къ Герцену, хранящагося въ Рум. муз.; подлинникъ не найденъ.

1494. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1495. Тоже.

1496. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушки. д.

1497. Напечатано въ 84 л. «Кол.» (1 ноября 1860) и у Тих.; подпись «Искандеръ»; подлинникъ не найденъ; одновременно вышло отдѣльнымъ листкомъ по-французски «La presse russe à Londres aux serbes et monténégrins» Iscander, Editeur du «Kolokol».

1498. Напечатано въ 84 л. «Кол.».

1499. Напечатано въ 84 л. «Кол.» и у Тих.; подлинникъ не найденъ.

1500. Напечатано въ 84 л. «Кол.».

1501. Тоже.

1502. Напечатано въ 84 л. «Кол.»; принадлежность устанавливается содержаниемъ; подлинникъ не найденъ.

1503. Напечатано въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1504. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1505. Тоже.

1506. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1507. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1508. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1509. Напечатано въ 85 л. «Кол.» (15 ноября 1860) и у Тих.: подпись «И—ръ»; подлинникъ не найденъ; переводъ по-польски въ «Przegląd Rzeczy Polskich» 15 декабря 1860 г.

1510. Напечатано въ 85 л. «Кол.».

1511. Тоже.

1512. Тоже.

1513. Тоже.

1514. Тоже.

1515. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1516. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1517. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1518. Тоже.

1519. Напечатано неисправно въ X кн. «Былого» 1907 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся у Б. А. Марковича.

1520. Напечатано въ 86 л. «Кол.» (1 дек. 1860).

1521. Тоже.

1522. Напечатано въ 87—88 л. «Кол.» (15 дек. 1860); принадлежность устанавливается указаниемъ Тургенева («Письма», 132); подлинникъ не найденъ.

1523. Напечатано въ 87—88 л. «Кол.».

1524. Тоже.

1525. Напечатано въ 87—88 л. «Кол.»; принадлежность ясна изъ содержания и подтверждается стилемъ и тономъ; подлинникъ не найденъ.

1526. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1527. Напечатано неисправно въ VII кн. «Современника» 1913 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Пушк. д.

1598. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ АСГ.

1599. Тоже.

1590. Напечатано въ «Похожденіяхъ Грибуля», соч. Ж. Сандъ, переводъ съ французскаго (В. Т. Кельсіевой), съ предисловіемъ Искандера, Лондонъ, 1860, изд. Trübner; подлинникъ не найденъ.

Опечатки.

<i>Стран.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
106	—	Очеркъ	Отрывокъ
148	—	Письмо къ Ж. Мишле	1287. Письмо къ Ж. Мишле
162	—	révèries	rèveries
184—240	1 св.	1859 Лондонъ	1860 Лондонъ

Цена 12 рублей

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

ПЕТЕРБУРГ:

1) Фонтанка, 55, кв. 10; 2) Кабинетская ул., 13.

МОСКВА:

Советская пл. (Тверская 24), Книжный Склад Народного Комиссариата по Просвещению.